THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Іеромонаха Геннадія

1900 г.

З. N 124²

Іеромонахъ Иннокентій.

ПАСТЫРСКОЕ БОГОСЛОВІЕ
ВЪ РОССІИ
ЗА XIX ВѢКЪ.

„Править человѣкомъ, этимъ хитрѣйшимъ и самымъ измѣнчивымъ изъ животныхъ, по моему мнѣнію, есть дѣйствительно искусство изъ искусствъ и наука изъ наукъ“.

Св. Григорій Богословъ.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1899.

PRINTED IN RUSSIA.

Печатать разрѣшается. Сергіевъ Посадъ, Іюля 20 дня, 1898 года.
Цензоръ, Ректоръ Московской Духовной Академіи
Архимандритъ *Арсеній*.

The UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

З. № 1242.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы:

Періодъ первый (1801—1860 г.г.).

ГЛАВА 1.

ГЛАВА 2.

ГЛАВА 3.

ГЛАВА 4.

Періодъ второй (1860—1898 г.г.).

ГЛАВА 1.

ГЛАВА 2.

ГЛАВА 3.

ГЛАВА 4.

ВВЕДЕНІЕ.

„Править человѣкомъ, этимъ хитрѣйшимъ и самымъ измѣнчивымъ изъ животныхъ, по моему мнѣнію, есть дѣйствительно искусство изъ искусствъ и наука изъ наукъ“.

Св. Григорій Богословъ.

Во всякомъ поступательномъ движеніи необходимо бываетъ иногда сдѣлать остановку, чтобы осмотрѣться по сторонамъ и воспроизвести въ сознаніи пройденный путь, потомучто чрезъ это становится ясной та обстановка, гдѣ находится человѣкъ въ настоящій моментъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предрѣшаются вопросы о томъ, куда нужно идти непосредственно вслѣдъ за симъ, какія облегченія можно будетъ встрѣтить впереди, какія препятствія необходимо преодолѣть и съ какой энергіей слѣдуетъ приниматься за дѣло. Точно такъ-же, при полученіи наслѣдства отъ нашихъ отцевъ или пріемѣ какого-либо дѣла отъ нашихъ предшественниковъ весьма важно бываетъ произвести количественный подсчетъ получаемаго или сдѣлать качественную оцѣнку принятой работы, ибо такимъ способомъ опредѣляется наличный объемъ нашихъ владѣній и предупреждается напрасный трудъ повторительно дѣлать то, что уже сработано ранѣе. Такъ, государственный мужъ зорко слѣдитъ за событіями міровой политической жизни и послѣ извѣстнаго періода подводитъ итоги минувшаго для руководства на будущее время; купецъ ежегодно считаетъ свои капиталы, сопоставляя условія произведенной купли и продажи съ количествомъ убытковъ и прибылей; морякъ каждый шагъ корабля наноситъ на карту, чтобы знать,

куда онъ пришелъ, куда долженъ отсюда направляться, какія скалы, теченія и вѣтры ожидаютъ его впереди и какъ, слѣдовательно, приготовиться къ нимъ; ученый изслѣдуетъ исторію своей науки съ цѣлію узнать количество и качество прежнихъ трудовъ, чтобы не повторять ихъ, а, напротивъ, опираясь на нихъ, увѣренно идти впередъ. Поэтому у насъ существуетъ исторія догматовъ, исторія ученій о нравственности, исторія Гомилетики, исторія Философіи. Таковъ общій порядокъ.

Но, констатируя естественность и разумность сего порядка по отношенію ко всѣмъ вообще жизненнымъ процессамъ, мы безусловно ошиблись-бы, желая опредѣлить вышеуказанными предикатами и предметъ нашего настоящаго изслѣдованія. Напротивъ, дѣйствительность заставляетъ насъ въ данномъ случаѣ констатировать тотъ прямо отрицательный фактъ, что *русская духовная литература XIX вѣка по предмету Пастырскаго Богословія до сихъ поръ не имѣетъ еще своего историка.* Правда, въ оффиціальныхъ программахъ духовныхъ школъ и въ нѣкоторыхъ учебникахъ по Пастырскому Богословію указываются иногда сочиненія, трактующія служеніе пастырское съ той или другой стороны. Но десятокъ заголовковъ и столько же отрывочныхъ замѣчаній къ нимъ нельзя, конечно, называть *исторіей литературы* предмета. Правда и то, что въ конспектахъ академическихъ чтеній по Пастырскому Богословію всегда ставится отдѣлъ подъ названіемъ: *„исторія науки“*,—но въ дѣйствительности и академическій профессоръ не можетъ отдать названному отдѣлу болѣе одной, или рѣдко—двухъ лекцій, стѣсненный временемъ и попутно занятый другимъ дѣломъ (Педагогикой). Отсюда вполнѣ понятно, что даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда эти чтенія появляются въ печати въ видѣ весьма солидныхъ литературныхъ трудовъ,—*исторіи науки* въ нихъ все-таки нѣтъ совершенно.

Чѣмъ объяснить такое печальное положеніе дѣла?

Печать и общественное мнѣніе указываютъ нѣсколько причинъ, которыми будто-бы достаточно рѣшается этотъ вопросъ. Именно, чаще всего говорятъ, что научное значеніе

Пастырскаго Богословія, взятаго даже въ самомъ широкомъ смыслѣ, *настолько мало*, что серьезное изученіе его исторіи стоитъ ниже интереса ученаго изслѣдователя. Это-де даже *не наука въ собственномъ смыслѣ*, а лишь сумма понятій, взятыхъ на-прокатъ изъ различныхъ областей богословскаго знанія съ опредѣленною практическою цѣлію,—и дѣло приняло бы болѣе цѣлесообразный и разумный характеръ въ томъ случаѣ, если бы та дисциплина, которая извѣстна нынѣ подъ именемъ науки Пастырскаго Богословія, была выключена изъ среды наукъ въ собственномъ смыслѣ и поставлена внѣ академическихъ пріемовъ раскрытія. Для западной литературы подобный взглядъ на Пастырское Богословіе былъ бы не новымъ[1]); но у насъ ясная и опредѣленная формулировка его въ печати сдѣлана очень недавно. Тѣмъ не менѣе съ этимъ взглядомъ долженъ считаться каждый изслѣдователь нашего предмета, ибо онъ высказанъ лицемъ вполнѣ компетентнымъ вообще въ рѣшеніи научныхъ вопросовъ и опубликованъ на страницахъ журнала съ направленіемъ вполнѣ сочувственнымъ успѣхамъ духовной школы и науки. Мы имѣемъ въ виду статью проф. П. И. Линицкаго, напечатанную

[1]) Тамъ давно уже высказывается мысль, что содержаніе, объемъ и практическая цѣнность Пастырскаго Богословія есть *искомое*, которое только подразумѣвается,—ищутъ, но еще не нашли (см. напр. у *A. Graff*'а: „Kritische Darstellung des gegenwärtigen Zustandes der Praktischen Theologie“. Tübingen 1841. SS. 1—3).—Рядомъ съ этимъ другіе ученые богословы подвергаютъ сомнѣнію самое право нашей дисциплины оставаться въ семьѣ богословскихъ наукъ (напр. *Planck:* „Einleitung in die theologischen Wissenschaften“, B. II, S. 593). Иные прямо говорятъ, что Пастырское Богословіе—не наука, но что оно находится въ срединѣ между наукой Практическаго Богословія и должностной инструкціей, которую получаетъ духовное лице при вступленіи въ свою должность (*Palmer*, in Herzog's Real-Encyclopädie, t. XI, SS. 177—179. Gotha 1859), и что поэтому самое названіе этой области вѣдѣнія *Пастырскимъ Богословіемъ*, можетъ быть, лучше было бы замѣнить какимъ-либо другимъ названіемъ, въ родѣ: *пастырское ученіе*, или *пастырскія свѣдѣнія* (Pastorallehre, oder Pastoralkunde: см. Chr. Palmer's—„Pastoral Theologie“. Stuttgart, 1866. S. 1). Сторонники такого взгляда, дѣйствительно, такъ и понимали подъ этимъ названіемъ именно пастырскую инструкцію или постановленія окружныхъ соборовъ и потому свои пасторологическія системы называли просто *instructio pastoralis* (напр. соч. *J. Fecht*'а, 1728 г., или *Powondra* въ его *Systema theologiae pastoralis* 1818 г., которая была весьма распространеннымъ руководствомъ въ русскихъ духовныхъ школахъ въ началѣ текущаго столѣтія: см. *Palmer*—in Herzog's Real—Encyclopädie, t. XI, S. 179; *Th. Harnack:* „Praktische Theologie“, Erlangen 1877, S. 38; *С. К. Смирновъ:* „Исторія московской духовной академіи до ея преобразованія“, Москва 1879 г., стр. 29).

въ концѣ прошлаго года въ журналѣ *Вѣра и Разумъ* подъ заглавіемъ: *Положеніе и нужды нашего духовнаго, преимущественно высшаго образованія*[1]). Указавъ на слова ап. Павла: *я для всѣхъ былъ все, чтобы какъ-либо спасти нѣкоторыхъ*, почтенный профессоръ говоритъ, что, слѣдуя этому примѣру, и пастырь Церкви долженъ быть готовъ оказать услугу своимъ пасомымъ во всемъ, касающемся ихъ благополучія[2]). „Но ужели поэтому,—продолжаетъ онъ,—нужно обучать будущихъ пастырей всѣмъ предметамъ, по которымъ можетъ оказаться надобность сдѣлать кому-либо услугу? Однакожъ ап. Павелъ былъ *всѣмъ для всѣхъ* единственно ради того, *чтобы спасти*.... Итакъ, вспомоществованіе во всякомъ житейскомъ дѣлѣ должно быть только средствомъ къ достиженію высшей нравственно-религіозной цѣли, средствомъ къ достиженію спасенія. А для этого самъ пастырь, располагая всякими общеполезными практическими свѣдѣніями, долженъ прежде всего обладать соотвѣтствующимъ той цѣли *настроеніемъ*. Вотъ это-то настроеніе и должна школа съумѣть воспитать въ своихъ питомцахъ прежде всего“ [3]).—

Къ сожалѣнію, здѣсь не объясняется того, въ чемъ собственно состоитъ это пастырское *настроеніе* и какими средствами можетъ воспользоваться наша школа для созиданія его въ своихъ питомцахъ. Предполагая, что вопросъ этотъ принимается почтеннымъ профессоромъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ современной литературѣ, мы обращаемся къ другому, безспорно компетентному въ данной области автору, который, будучи въ свое время пастыремъ, а нынѣ уже и архипастыремъ, полагаемъ, изъ опыта даетъ на него весьма опредѣленный отвѣтъ[4]). „Примите во вниманіе,—говоритъ онъ православнымъ пастырямъ,—что проникнуть въ совѣсть ближняго невозможно путемъ обычнаго изученія его характера: *кто бо вѣсть, яже въ*

---

[1]) „*Вѣра и Разумъ*“ 1897 г., № 20, стр. 317—334; № 21, стр. 361 — 376. Сравн. „*Православн. Собесѣдн.*“ 1896 г., I, стр. 203—205 и слѣд.

[2]) „*Вѣра и Разумъ*“ 1897 г., № 20, стр. 323.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Разумѣемъ преосвященнаго Антонія (Храповицкаго), епископа чебоксарскаго, ректора казанской духовной академіи и викарія казанской епархіи.

человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ? (1 Кор. II, 11). Нужно чувство глубокаго состраданія и самоотверженной любви — какъ для самаго пониманія внутренней жизни другаго, такъ особенно для усвоенія способности воздѣйствовать на нее. Это чувство выражается въ духовномъ отожествленіи себя съ другими, (въ) распространеніи своей совѣсти на всю паству, во внутреннемъ переживаніи той борьбы, чрезъ которую всѣ ввѣренныя (пастырю) души восходятъ къ духовному совершенству, и въ направленіи этой борьбы къ желательному именно исходу; это *настроеніе* ревности о просвѣщеніи и спасеніи ближнихъ выразилось въ словахъ Пастыреначальника: *огонь пришелъ Я низвесть на землю: и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся!* (Лук. XII, 49). Въ этомъ *настроеніи* заключается понятіе пастырской совѣсти; оно, такимъ образомъ, есть актъ внутренній..., хотя, конечно, необходимо проявляется и въ дѣятельности во внѣ. Но поскольку эта внѣшняя дѣятельность всецѣло вытекаетъ изъ этого таинственнаго движенія совѣсти, изъ этого внутренняго благодатнаго дара (1 Кор. XII, 28) духовнаго рожденія, — постольку и вся значимость ея обусловливается *внутреннею жизнію священника* и (поэтому) *главная часть Пастырскаго Богословія должна заключаться отнюдь не въ перечисленіи отдѣльныхъ должностныхъ отправленій священника, но въ пастырской аскетикѣ*, т. е. въ обстоятельномъ и ясномъ, богословски обоснованномъ показаніи 1) самаго зарожденія этого пастырскаго духа *(настроенія)*, 2) его дальнѣйшаго развитія и конечныхъ исходовъ и, наконецъ, 3) его проявленія въ дѣятельности“ [1]).

Итакъ, то *настроеніе*, которое должна воспитать школа въ будущихъ пастыряхъ, состоитъ изъ чувства глубокаго состраданія къ пасомымъ и самоотверженной любви къ нимъ, или короче—*изъ самоотреченія и любви къ ближнимъ*, какъ изъ двухъ основныхъ моментовъ, или началъ. Первое начало — отрицательное, очищающее въ душѣ пастыря

[1]) „Письма къ пастырямъ о нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ сторонахъ пастырскаго дѣланія“, С. С. Б. Изд. 2, Казань 1898 г., стр. 17—18.

просторъ для втораго; второе — зиждущее, творческое [1]). Въ нихъ заключается и успѣхъ пастырства, т. е. успѣхъ того самаго служенія, которое,—по словамъ проф. Линицкаго,—обязываетъ пастыря вспомоществовать пасомымъ во всемъ, касающемся ихъ благополучія [2]). Но преосвященный Антоній, мнѣніе котораго мы поставили рядомъ съ мнѣніемъ П. И. Линицкаго, ближайшимъ средствомъ, находящимся въ распоряженіи школы для созиданія въ юношѣ пастырскаго настроенія, считаетъ изученіе той спеціальной науки, которая это служеніе самоотреченія и любви имѣетъ своимъ преимущественнымъ и главнѣйшимъ содержаніемъ, т. е. *Пастырскаго Богословія*. Именно, отвѣчая на вопросъ: изъ какихъ элементовъ составляется пастырское настроеніе, онъ говоритъ, что оно составляется изъ двухъ элементовъ—самоотреченія и любви, и что это есть *основной вопросъ Пастырскаго Богословія* [3]). Въ другомъ мѣстѣ, сказавши, что пастырское настроеніе есть актъ внутренній, хотя и выражающійся во внѣшней дѣятельности, преосвященный авторъ прибавляетъ, что поскольку эта внѣшняя дѣятельность есть отображеніе внутренней энергіи пастыря, постольку ея значимость обусловливается *внутреннею жизнію священника* и что поэтому *главная часть Пастырскаго Богословія должна заключаться именно въ разъясненіи этой внутренней жизни священника* или *его настроенія* — со стороны возникновенія, постепеннаго развитія, конечныхъ цѣлей и внѣшняго проявленія [4]). — Правда, далѣе преосвященный Антоній замѣчаетъ, что „истинные пастыри у насъ выработываются, къ сожалѣнію, вовсе *не школою и не школьными воззрѣніями*, а самою жизнію,“ — но онъ тутъ-же прибавляетъ, что эта практика не можетъ служить для насъ въ данномъ случаѣ показателемъ правильнаго хода дѣла, ибо она является почти сплошнымъ отъ него уклоненіемъ [5]). Такимъ образомъ, это замѣчаніе преосвященнаго автора свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что онъ

---

[1]) „Письма къ пастырямъ“..., стр. 19—22.
[2]) „*Вѣра и Разумъ*“ 1897 г., № 20, стр. 323.
[3]) „Письма къ пастырямъ“, стр. 19.
[4]) Тамъ-же, стр. 17—18.
[5]) Тамъ-же, стр. 24.

не считаетъ изученіе Пастырскаго Богословія, по крайней мѣрѣ въ современной его постановкѣ въ нашихъ школахъ и въ литературѣ, — абсолютнымъ факторомъ въ дѣлѣ образованія „пастырей добрыхъ“; но необходимость изученія этой науки и желательность развитія ея формы и содержанія здѣсь ничуть не отрицается, а напротивъ—основной его взглядъ на дѣло остается тотъ, что Пастырское Богословіе есть единственное и прямое средство школы для созиданія въ кандидатахъ пастырства пастырскаго настроенія, ибо сія наука *преимущественно предъ всѣмъ прочимъ занимается этимъ вопросомъ* и стремится къ этой цѣли.

Возвращаясь теперь къ статьѣ проф. Линицкаго, гдѣ онъ ставитъ въ обязанность школѣ созидать пастырское настроеніе въ ея питомцахъ, мы, кажется, могли бы ожидать, что почтенный авторъ въ своемъ проектѣ улучшенія нашихъ школъ дастъ соотвѣтственно-почетное мѣсто той именно наукѣ, которая спеціально говоритъ о пастырскомъ настроеніи и имѣетъ цѣлію наилучше создать его въ своихъ адептахъ. Но на дѣлѣ мы находимъ совершенно обратное. Авторъ не только не считаетъ Пастырское Богословіе *наукой,* но даже предлагаетъ уничтожить самую возможность разработывать этотъ предметъ научными средствами, т. е. предлагаетъ исключить его изъ состава академическихъ предметовъ и предоставить желающимъ знакомиться съ нимъ въ средней школѣ. „Преподаваніе въ средней школѣ,—говоритъ профессоръ,—должно быть *догматическимъ.* Но въ высшей школѣ оно должно быть непремѣнно *критическимъ.* Приложимъ этотъ критерій къ нашему духовному образованію. Изъ него вытекаетъ требованіе, чтобы въ составъ высшаго образованія входили такія науки, которыя допускаютъ двоякій способъ ихъ изложенія и изученія: догматическій и критическій. Это же возможно только для наукъ вполнѣ самостоятельныхъ. Несамостоятельная наука не есть въ собственномъ смыслѣ наука, а лишь примѣненіе извѣстныхъ научныхъ положеній, принциповъ, къ извѣстной спеціальной задачѣ,—къ достиженію извѣстнаго искусства, къ осуществленію нѣкоторой практической цѣли. Таковы у насъ Гомилетика,

Пастырское Богословіе и Педагогика. Мѣсто этимъ наукамъ, по причинѣ ихъ несамостоятельности, только въ средней школѣ. *Въ академіи по этимъ наукамъ дѣлать нечего.* Если изъ этихъ наукъ исключить основанія ихъ, заключающіяся въ богословіи, въ каноническомъ правѣ, въ словесности, въ психологіи и исторіи, *то ничего не останется*, кромѣ совѣтовъ, правилъ, требованій,—а все это должно быть преподано въ средней школѣ“ [1]).—Такимъ образомъ, достоинство Пастырскаго Богословія въ научномъ отношеніи приравнивается къ достоинству сборника, который, конечно, никѣмъ и никогда не можетъ быть признанъ за науку. Въ этой формѣ оно даже и въ средней школѣ не займетъ почетнаго мѣста, не говоря уже о томъ, что созидать необходимое пастырю *настроеніе*, на которое указываетъ и проф. Линицкій [2]), нужно будетъ какими-либо иными путями. Однако, пока этихъ иныхъ путей не указано и пока Пастырское Богословіе признается единственнымъ и наиболѣе пригоднымъ для извѣстной цѣли,—до тѣхъ поръ и самъ профессоръ оставляетъ его по крайней мѣрѣ для семинарій. Но въ такомъ случаѣ во имя простой послѣдовательности мы должны будемъ оставить эту науку и для академій. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и въ академіяхъ продолжается приготовленіе молодыхъ людей или непосредственно къ служенію пастырскому, или къ должностямъ, воспитывающимъ будущихъ пастырей: начальствующихъ и учащихъ въ семинаріяхъ. Такимъ образомъ, Пастырское Богословіе и здѣсь болѣе другихъ наукъ касается предстоящаго воспитанникамъ академій общественнаго служенія, его имѣетъ въ виду *главнымъ образомъ* и *по-преимуществу*. Въ своей теоретической части оно рисуетъ идеалъ служенія пастырскаго, уясняетъ высоту и важность его, указываетъ его трудности, намѣчаетъ пути и средства для достойнѣйшаго прохожденія его и т. д. Затѣмъ, основываясь и созидаясь на ученіи и примѣрѣ Господа Іисуса Христа, апостоловъ, великихъ святителей Церкви древне-христіанской и отечественной, вся эта пасторологія имѣетъ цѣлію

---

[1]) *„Вѣра и Разумъ“* 1897 г., № 21, стр. 362—363.
[2]) Тамъ-же, № 20, стр. 323.

не только обще-богословское просвѣщеніе изучающихъ ее, но и воспитательное вліяніе на нихъ, направляясь къ созиданію въ ихъ душѣ именно того *настроенія*, которое должно руководить кандидатомъ пастырства при выборѣ службы, а пастыремъ—при отправленіи ея. По крайней мѣрѣ ни одинъ изъ академическихъ предметовъ не стоитъ къ этому вопросу такъ близко, какъ Пастырское Богословіе[1]). Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія и въ академическомъ курсѣ наша наука ничѣмъ не можетъ быть замѣнена и имѣетъ eo ipso полное право на свое существованіе, развитіе и изученіе.

Посмотримъ теперь и на то, дѣйствительно - ли этотъ предметъ не заслуживаетъ вниманія потому, что не допускаетъ возможности примѣнять къ своему содержанію критическій методъ изслѣдованія, и дѣйствительно-ли въ этой области *нечего дѣлать*, кромѣ сложенія (фактовъ, правилъ, совѣтовъ) и вычитанія? Для отвѣта на этотъ вопросъ намъ нѣтъ необходимости изобрѣтать и комбинировать тѣ или другіе аргументы, ибо ранѣе насъ такой отвѣтъ уже составленъ и данъ человѣкомъ, имѣющимъ гораздо высшую сравнительно съ нами ученую компетенцію и опытность. Въ своей статьѣ, посвященной рѣшенію именно поставленнаго нами вопроса, этотъ высокоуважаемый авторъ, между прочимъ, говоритъ, что въ содержаніе Пастырскаго Богословія прежде всего входитъ основная или принципіальная часть, потомучто теорія пастырства, какъ и теорія обыкновеннаго воспитанія, понимаемыя въ смыслѣ системъ извѣстныхъ правилъ и практическихъ указаній для той и другой дѣятельности, необходимо должны на чемъ-нибудь опираться. И вотъ, Пастырское Богословіе основывается прежде всего на ученіи и дѣятельности Господа Іисуса Христа, записанныхъ въ Евангеліи. Здѣсь для Пастырскаго Богословія открывается первая и важнѣйшая изъ задачъ—раскрыть и уяснить вопросъ о пастырствѣ Христа Спасителя, какъ основателя

---

[1]) Сравн. „Пастырское Богословіе и Педагогика въ курсѣ наукъ духовныхъ академій“ Н. К. Маккавейскаго („Труды кіевской дух. академіи“ 1898 г., февраль, стр. 216—217).

христіанскаго пастырства и примѣра для всѣхъ пастырей на всѣ времена. Задача эта можетъ казаться легкою для всякаго, кто самъ не пробовалъ рѣшать ее и потому совершенно незнакомъ ни съ литературою, существующею по этому вопросу, ни съ методами, какими можно и должно пользоваться для достиженія цѣли. Здѣсь по необходимости приходится вступить на путь пастырской экзегетики, а насколько дѣло это сложное и нелегкое, достаточно показываетъ капитальный трудъ уважаемаго профессора (с. петербургской академіи) протоіерея С. А. Соллертинскаго, пока единственный солидный опытъ въ этомъ родѣ въ нашей литературѣ. Можетъ-ли быть мѣсто для критическаго элемента при рѣшеніи этой задачи Пастырскаго Богословія, или — вѣрнѣе сказать— можно-ли обойтись безъ него, это лучше всего видно опять изъ того-же труда, къ которому мы и отсылаемъ всѣхъ, интересующихся этимъ вопросомъ[1]).—У насъ въ своемъ мѣстѣ [2]) будетъ подробная рѣчь о сочиненіи с. Соллертинскаго, потому здѣсь мы и не останавливаемся на немъ. Однако замѣтимъ, что все его сочиненіе, съ начала и до конца, есть критическій разборъ библейскихъ и въ частности евангельскихъ мѣстъ, изображающихъ пастырство Христа Спасителя, Который „образъ далъ" и Своимъ послѣдователямъ — пастырямъ.

Итакъ, если - бы все содержаніе Пастырскаго Богословія сводилось только къ основательнѣйшему анализу и уясненію экзегетическимъ путемъ вопроса о пастырствѣ Христа Спасителя, то даже и въ такомъ случаѣ предметъ этотъ составилъ-бы предметъ науки. Но вѣдь это только одинъ изъ вопросовъ, которые нынѣ беретъ для себя Пастырское Богословіе, — правда, вопросъ глубочайшій и капитальнѣйшій, но все же одинъ. Къ нему примыкаетъ, далѣе, такое-же изслѣдованіе пастырскихъ ученій и дѣяній апостоловъ, а потомъ пастырскихъ воззрѣній отцевъ и

---

[1]) *Н. К. Маккавейскій:* „Пастырское Богословіе и Педагогика въ курсѣ наукъ духовныхъ академій" („Труды кіевской духовной академіи" 1898 г., февраль, стр. 207).

[2]) См. стр. 312—345 настоящ. книги.

учителей Церкви на протяженіи цѣлаго ряда вѣковъ въ періодъ нераздѣльнаго ея существованія. Но и этимъ еще не исчерпывается задача отечественнаго пасторалиста. Православная Церковь, „во время оно“ пріявшая въ лоно свое великій народъ русскій, съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней вела и ведетъ великое дѣло пастырское, по необходимости примѣняясь къ потребностямъ народа въ различныя эпохи его исторической жизни. На это указываетъ цѣлый рядъ письменныхъ памятниковъ въ видѣ пастырскихъ правилъ, поученій и посланій, идущихъ отъ временъ древнѣйшихъ и до нашего. И изслѣдованіе ихъ, этихъ памятниковъ, именно съ пасторологической точки зрѣнія, а также общій историческій обзоръ всей отечественной пасторологіи, безъ всякаго сомнѣнія, должны входить въ задачу науки Пастырскаго Богословія. А если такъ, то историко-критическій методъ изслѣдованія долженъ имѣть въ этихъ работахъ самое естественное примѣненіе [1]).

---

[1]) Здѣсь возможно возраженіе, что всѣ эти и подобные имъ вопросы, которые составляютъ *основную часть* Пастырскаго Богословія,—если и не рѣшаются, то могутъ быть рѣшаемы другими науками. Такъ, экзегетика ученій Іисуса Христа и апостоловъ о пастырскомъ служеніи можетъ входить въ программу преподаванія Св. Писанія Новаго Завѣта; пасторологическія воззрѣнія отцевъ и учителей древней Церкви можетъ изложить Патрологія, а обзоръ пасторалогическихъ памятниковъ русской литературы можетъ быть возложенъ на преподавателя исторіи русской литературы, или исторіи русской церкви, и т. д.— Конечно, вполнѣ можетъ быть, что когда-нибудь это случится; но *при настоящемъ положеніи* дѣла такое разчлененіе не можетъ быть сдѣлано. Правда, ученіе Іисуса Христа и Его апостоловъ о пастырствѣ неминуемо входитъ и нынѣ въ программу преподаванія Св. Писанія, но лишь какъ отдѣльное звено среди проповѣдей Христа Спасителя и въ общей системѣ ученій апостоловъ. Стѣсненный объемомъ и важностію научнаго матеріала, преподаватель Св. Писанія не можетъ выдѣлять съ достаточною ясностію и отчетливостію отдѣльные вопросы своей науки и по необходимости подводитъ всѣ ихъ къ одному уровню, проясняя ихъ одинаковымъ свѣтомъ критики и анализа, одинаковою подробностію, равною любовію и т. д.,—и только *отдѣльныя науки* могутъ брать содержаніе Евангелія и посланій апостольскихъ, какъ предметы *отдѣльные*—съ различными объемами, цѣлями, подробностями и развѣтвленіями. Такъ изъ общаго состава ученій Іисуса Христа и апостоловъ создалось Догматическое Богословіе, куда выдѣлилось вѣроученіе, затѣмъ—Нравственное Богословіе, или нравоученіе; поэтому весьма естественнымъ является и то, что изъ того же источника вышло и *Богословіе Пастырское*, какъ наука, спеціально занятая евангельскимъ ученіемъ о пастырствѣ, его подробнымъ изложеніемъ, изученіемъ, толкованіемъ, систематизацией, обоснованіемъ, спеціальнымъ освѣщеніемъ и примѣненіемъ къ потребностямъ современной жизни Церкви Христовой.—Тоже самое нужно сказать относительно Патрологіи. И эта наука, безъ сомнѣнія, касается пасторологическихъ вопросовъ при разборѣ твореній

Но кромѣ этой основной, теоретической части въ составъ Пастырскаго Богословія входитъ обширная по содержанію прикладная или практическая часть—въ формѣ правилъ, совѣтовъ и требованій, цѣнность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію и необходимость въ практической жизни признана всѣми. И въ этой части, какъ и въ первой, далеко не все ясно, и для работы пасторалиста снова открываются обширные горизонты. Его задача въ этой области состоитъ въ томъ, чтобы указать пути и средства примѣненія началъ, добытыхъ изслѣдованіемъ источниковъ пасторологіи въ связи съ обстоятельствами и условіями современной жизни, выдвигающей по отношенію къ пастырству ежедневно свои запросы. Кромѣ того, онъ долженъ слѣдить за движеніемъ пасторологическихъ идей не только у себя дома, но и на Западѣ,—справляться съ тѣмъ, что новаго и особеннаго вносятъ въ эту сбласть католики, протестанты и др.—Много-ли здѣсь дѣла,—на этотъ вопросъ можетъ правильно отвѣтить опять только тотъ, кто слѣдитъ за современной пасторологической литературой. Во всякомъ случаѣ, для непредубѣжденнаго изслѣдователя этого вопроса не должно быть сомнѣнія въ томъ, что считать Пастырское Богословіе предметомъ маловажнымъ и игнорировать его, какъ науку, значитъ—не видѣть все болѣе и болѣе возникающихъ нуждъ и запросовъ, предъявляемыхъ къ пастырской дѣятельности и пасторологической литературѣ. По нашему мнѣнію, въ виду важности предмета, нужно желать

древнихъ отцевъ и учителей Церкви,—по касается *вскользь*, между прочимъ, ибо, во 1-хъ, далеко пе всѣ писатели говорили объ этомъ предметѣ, а во 2-хъ, и тѣ, которые говорили, дѣлали это опять въ связи со множествомъ другихъ предметовъ,—такъ что спеціальнаго и полнаго освѣщенія вопроса о пастырствѣ по твореніямъ отцевъ и учителей Церкви Патрологія дать не можетъ безъ ущерба для себя.—Преподаватель исторіи русской литературы, сообразуясь съ главною цѣлію своего предмета, можетъ быть будетъ искать въ пасторологическихъ памятникахъ особенностей стиля, конструкціи рѣчи, вліянія на памятникъ мѣстныхъ нарѣчій, иностранныхъ языковъ, времени написанія и т. д.,—но онъ не заинтересуется внутреннимъ богатствомъ памятника такъ, чтобы вывести оттуда догматическія положенія. Наконецъ, въ рукахъ церковнаго историка они явятся лишь историческимъ фактомъ, который онъ сочтетъ своимъ долгомъ констатировать и примѣнить къ характеристикѣ того или другаго лица, момента, мѣстности, народа и т. д., но не укажетъ ни генетической исторіи памятника, ни изслѣдуетъ подробно его построеніе, характеръ, цѣль, и т. д.

не сокращенія, но гораздо болѣе широкаго изученія этой науки и болѣе серьезной постановки ея въ нашихъ духовныхъ школахъ, чѣмъ какую имѣетъ она теперь: нужно желать для нея не только отдѣльнаго преподавателя и, слѣдовательно, всецѣло преданнаго этому дѣлу работника, но и того, чтобы этотъ работникъ прежде всего самъ былъ пастыремъ, — чтобы онъ собственнымъ опытомъ, душею и тѣломъ изучилъ свой предметъ, испыталъ тяготы и утѣшенія ига Христова, въ себѣ самомъ носилъ бы то пастырское настроеніе, которое онъ призванъ созидать въ сердцахъ своихъ учениковъ,—и тогда онъ собственнымъ примѣромъ докажетъ имъ истинность, святость и неземное величіе пастырскаго служенія. Ибо, въ противномъ случаѣ, какъ онъ разъяснитъ другимъ тотъ внутренній переворотъ, который производитъ въ человѣкѣ благодать хиротоніи? [1]). Какъ изобразитъ внутреннюю борьбу пастыря съ искушеніями, которыя тотъ неминуемо долженъ бываетъ терпѣть, подобно Христу въ пустынѣ,— если самъ не испыталъ ихъ? [2]). Какъ измѣритъ тяжесть служенія пастырскаго, самъ не попробовавъ подъять ее на свои рамена? [3]). Какъ научитъ пастыря плакать о погибшихъ овцахъ, какъ плакала Рахиль о чадахъ своихъ погибшихъ, если самъ никогда не плакалъ объ этомъ,— и какъ скажетъ о „радости велiей" при обращеніи грѣшника? [4]). Какъ научитъ врачевать недуги людскіе, если предъ нимъ не открывалась ни одна грудь и не обнажалось ни одно сердце съ гнойными струпами пороковъ и ни одна душа—съ ядовитыми ранами грѣховъ? [5]). Какъ онъ научитъ пастыря быть пѣстуномъ для своихъ пасо-

---

[1]) *А. С. Стурдза:* „Письма о должностяхъ священнаго сана", стр. 46—66.

[2]) *Прот. Е. Поповъ:* „Письма по Православно-Пастырскому Богословію", Пермь 1874 г.; ср. „Взглядъ съ практической стороны на жизнь священника", свящ. Н. Богословскаго. СПБ. 1860 г.

[3]) *Игуменъ Тихонъ:* „Святое, высокое служеніе іерея Божія—добровольное мученичество", Тамбовъ 1894 г.

[4]) *Архіеп. Платонъ (Ѳивейскій)* въ „Памятной Книжкѣ для священника", Москва 1860 г.;—ср. „Основныя положенія православнаго пастырства" *архим. Антонія:* „Православный Собесѣдникъ" 1896 г., I, стр. 221.

[5]) *Архіеп. Платонъ:* „Напоминаніе священнику объ обязанностяхъ его при совершеніи таинства покаянія", 1859 г. (Кострома) и 1861 г. (Москва).

мыхъ, если самъ не брался никогда за это дѣло?[1]). Какъ научитъ отыскивать „ины овцы, яже не суть отъ двора его", но которыхъ ему подобаетъ привести къ Единому Пастырю, если это дѣло ему незнакомо?[2]).—Конечно, можно все это сказать и сдѣлать со словъ другихъ, предковъ и современниковъ. Но кто эти другіе? Это—Господь Іисусъ Христосъ, апостолы, святители: Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій, Григорій Богословъ, Амвросій Медіоланскій, Тихонъ Задонскій, Георгій Конисскій, Парѳеній Сопковскій, Платонъ (Левшинъ), Ѳеофилактъ (Горскій), Антоній (Амфитеатровъ), Кириллъ (Наумовъ), Платонъ (Ѳивейскій), Паисій (Пылаевъ), Сергій (Ляпидевскій), Филаретъ (Дроздовъ), Иннокентій (Веніаминовъ), Поликарпъ (Розановъ), о. Громовъ, о. Хорошуновъ, о. Поповъ, о. Хойнацкій, о. Недѣльскій, о. Тихонъ, о. Антоній (Храповицкій), о. Борисъ (Плотниковъ), о. Соллертинскій, о. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій) и т. д.—Что же это за люди? Это—Пастыреначальникъ, это свѣтильники Церкви, это пастыри и учители ея, это святители ея, митрополиты, архіепископы, епископы, протоіереи, іереи, игумены, и т. д. Если же эти люди чрезъ цѣлыя тысячелѣтія учатъ насъ и мы между ними лишь изрѣдка видимъ въ качествѣ учителей — свѣтскихъ лицъ, то не ясный-ли это знакъ, что сами пастыри суть наилучшіе учители пастырству?[3])

Итакъ, величайшая важность Пастырскаго Богословія въ дѣлѣ приготовленія кандидатовъ священства, обиліе и трудность входящихъ въ составъ его вопросовъ, спеціальная цѣль его построеній, присутствіе научныхъ методовъ и, наконецъ, цѣлый рядъ исторически извѣстныхъ и

---

[1]) Какъ, напр., это выполняютъ авторы „Книги о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ".

[2]) Какъ это дѣлаетъ, напр., приснопамятный митропол. Иннокентій въ своемъ „Наставленіи священнику, назначаемому для обращенія иновѣрныхъ и руководствованія обращенныхъ въ христіанскую вѣру" (Москва 1881 г.).

[3]) Мы спѣшимъ оговориться, что свѣтскими преподавателями этой науки какъ были до сихъ поръ, такъ, безъ сомнѣнія, будутъ и впредь люди самые высокопочтенные, которые вполнѣ достойно своего предмета работаютъ надъ нимъ, стоя на высотѣ науки и въ курсѣ современности; но мы думаемъ, что такіе люди были бы несравненно ближе къ идеальному порядку дѣла, если бы они носили духовный санъ, принявъ его на себя по искреннему убѣжденію.

вообще замѣчательныхъ лицъ, трудившихся надъ изложеніемъ и изъясненіемъ этого содержанія, — все это даетъ намъ полное право заключать, что Пастырское Богословіе есть безспорно *наука* и притомъ настолько важная и серьезная, насколько важенъ и серьезенъ ея предметъ.

Правда, и этотъ предметъ Пастырскаго Богословія въ общественномъ мнѣніи часто представляется чѣмъ-то расплывчатымъ, неяснымъ, неопредѣленнымъ и даже несуществующимъ. Но это далеко не означаетъ, что онъ и на самомъ дѣлѣ таковъ или что его и на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Это свидѣтельствуетъ только о томъ, что люди сторонніе по отношенію къ нашей наукѣ не глубоко смотрятъ на дѣло и изъ-за множества осложненій, наслоеній, сорныхъ травъ и нѣкоторой темноты, а также за отсутствіемъ руководителей,—не видятъ сущности дисциплины; а разнообразіе во взглядахъ самихъ приверженцевъ этой сущности объясняется тѣмъ, что они смотрятъ на дѣло съ разныхъ точекъ зрѣнія, ибо предметъ Пастырскаго Богословія—предметъ живой, а потому и разнообразный какъ жизнь, но въ то же время и трудный какъ крестная смерть за ближнихъ, и великій какъ спасеніе человѣческое. Если простятъ мнѣ мою вольность, то для объясненія настоящаго пункта я указалъ-бы наглядный примѣръ изъ сочиненій одного извѣстнаго писателя русскаго, именно гр. А. К. Толстаго. Въ одной изъ своихъ притчъ онъ разсказываетъ, какъ однажды семеро добрыхъ молодцевъ - братьевъ пожелали увидѣть *правду - истину*,

„Какова она, правда, на свѣтѣ живетъ?“

Они

„подъѣхали къ *правдѣ* со семи концевъ,
И увидѣли правду со семи сторонъ.
Посмотрѣли добры—мо́лодцы,
Покачали головами уда́лыми,
И вернулись на свою родину,
А вернувшись на свою родину,
Всякъ разсказывалъ правду по-сво́ему:
Кто *горой* называлъ ее высокою,

Кто *городомъ* людным торговымъ,
Кто *моремъ*, кто *лѣсомъ*, кто *степію*" [1]).

Подобно тому, какъ люди, смотря на *правду* съ различныхъ сторонъ, опредѣляютъ ее различно,—и пастофалисты наши, изучая свой предметъ подъ различными углами зрѣнія, видятъ въ немъ по-преимуществу что-нибудь одно, а потому и предметъ самой науки указываютъ различно. Одни говорятъ, что „Пастырское Богословіе есть систематическое изложеніе правилъ и наставленій, руководствующихъ къ тому, какъ успѣшнѣйшимъ образомъ проходить пастырское служеніе въ Церкви Христовой и чрезъ него святѣйшую религію христіанскую употреблять во спасеніе людей" [2]). Другіе видятъ въ немъ „систематическое изложеніе нравственныхъ обязанностей пастыря Церкви" [3]). Третьи, желая нѣсколько дополнить послѣднее опредѣленіе, къ изложенію нравственныхъ обязанностей пастыря Церкви желали-бы присоединить рѣчь о нравственныхъ качествахъ его [4]). Иные, не соглашаясь ни съ тѣмъ, ни съ другимъ изъ послѣднихъ опредѣленій и считая ихъ не точными, снова приближаются къ первому изъ указанныхъ у насъ и предлагаютъ признать, что „Пастырское Богословіе есть наука, руководствующая пастыря, какъ ему проходить всѣ вообще свои обязанности (значитъ—не однѣ нравственныя) въ пасеніи словеснаго стада Христова" [5]). Еще иные не менѣе основательно доказываютъ, что „главная часть Пастырскаго Богословія должна заключаться отнюдь не въ перечисленіи отдѣльныхъ должностныхъ отправленій священника, но въ пастырской аскетикѣ, т. е. въ обстоятельномъ и ясномъ, богословски обоснованномъ показаніи самаго зарожденія этого пастырскаго

[1]) „Полное собраніе сочиненій гр. А. К. Толстаго", т. I, стр. 217 — 218 СПБ. 1897 г.

[2]) „Пастырское Богословіе" архим. Антонія (Амфитеатрова), ч. I, стр. 1. Кіевъ, 1851 г.

[3]) Архим. Кириллъ (Наумовъ): „Пастырское Богословіе", изд. СПБ. 1853 г., § 1.

[4]) Архим. Борисъ (Плотниковъ): „Записки по Пастырскому Богословію", вып. I, стр. I. Кіевъ, 1891 г.

[5]) Мнѣніе въ Бозѣ почившаго *высокопреосвящ. Сергія, митрополита московскаго:* дѣла Конференціи москов. дух. академіи за 1855 г., № 8 (въ архивѣ при канцеляріи Совѣта и Правленія); ср. *Архим. Макарія:* „Введеніе въ Православное Богословіе", СПБ. 1847 г., § 160, стр. 619,

духа, его дальнѣйшаго развитія и конечныхъ исходовъ и, наконецъ, его проявленія въ дѣятельности"[1]),—и что „основной вопросъ Пастырскаго Богословія заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, изъ какихъ элементовъ состоитъ эта духовная благодатная жизнь, принесенная на землю Христомъ и усвояемая сопастырями Его для передачи вѣрующимъ"[2]),—и что, наконецъ, задача Пастырскаго Богословія, какъ науки, (состоитъ въ томъ, чтобы) передать теорію этого пастырскаго аскетизма, какъ средства направленія внутренней жизни пастыря къ созиданію въ немъ пастырскихъ чувствъ къ людямъ"[3]). „Пастырское Богословіе, какъ наука о саморазвитіи и самоусовершенствованіи пастыря,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ,—и должно поставить одною изъ важнѣйшихъ своихъ задачъ научить своихъ учениковъ приготовленію къ пастырскому служенію: оно должно представить пастырское дѣланіе во всей его высотѣ и красотѣ, чтобы всякій, усердно изучающій эту науку, не могъ не проникнуться сочувствіемъ и любовію къ пастырству и не могъ не пожелать самъ быть добрымъ пастыремъ"[4]). Еще далѣе онъ же опредѣляетъ предметъ своей науки слѣдующимъ образомъ: „предметомъ Пастырскаго Богословія служитъ изъясненіе жизни и дѣятельности пастыря, какъ служителя совершаемаго благодатію Божіею духовнаго возрожденія людей и руководителя ихъ къ духовному совершенству"[5]). Наконецъ, желая отмѣтить самую сущность содержанія этой науки, онъ говоритъ: „пастырю дается благодатная, сострадательная любовь къ паствѣ, обусловливающая собой его способность переживать въ себѣ скорбь борьбы и радость о нравственномъ совершенствованіи своихъ пасомыхъ, способность

---

[1]) *С. С. Б.*—„Письма къ пастырямъ", изд. 2-е (Казань, 1898 г.), стр. 17—18; сравн. „Православный Собесѣдникъ" 1896 г., I, стр. 204—205, 220—221.

[2]) Причемъ въ отвѣтѣ на вопросъ указываются два начала: самоотреченіе и любовь (цит. соч. преосв. Антонія—„Письма къ пастырямъ"..., стр. 19).

[3]) *Архим. Антоній (Храповицкій):* „Изъ чтеній по Пастырскому Богословію", стр. 17. Изд. 1898 г., Казань.

[4]) *Архим. Антоній (Храповицкій):* „О пастырскомъ призваніи"—въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей" 1896 г., I, стр. 307.

[5]) *Его-же:* „Основныя положенія православнаго пастырства"—въ „Правосл. Собесѣдн." 1896 г, I, стр. 203.

чревоболѣть о нихъ, какъ ап. Павелъ или Іоаннъ. *Такое свойство пастырскаго духа и выражаетъ самую сущность пастырскаго служенія, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ предметомъ изученія въ наукѣ Пастырскаго Богословія"* [1]).— Еще иначе опредѣляется предметъ Пастырскаго Богословія у проф. Соллертинскаго. По мысли этого ученаго, предметомъ Пастырскаго Богословія должно быть *пастырство Христа Спасителя*, какъ безпримѣрный и основополагающій моментъ въ исторіи христіанскаго пастырства вообще,—моментъ, за которымъ слѣдуетъ рядъ дальнѣйшихъ моментовъ, связанныхъ съ первымъ въ единое нераздѣльное цѣлое и составляющихъ вмѣстѣ съ нимъ нѣкоторое *дѣло*, отправленіе, функцію,—не бытіе, не понятіе, не знаніе, не явленіе, не дѣйствіе, наконецъ, извѣстнаго лица, но именно *дѣло*. Это—основная часть науки. Но когда это *дѣло* будетъ разсматриваться съ тѣхъ-же точекъ зрѣнія, какъ и всякое другое какое-угодно дѣло,—какъ наприм. воспитаніе, право и т. д.,—то оно обѣщаетъ дать посылки и для чисто практическихъ выводовъ, и для точнаго выясненія той постановки, которую должно имѣть Пастырское Богословіе [2]).

Еще болѣе разнообразія встрѣтили-бы мы въ томъ случаѣ, когда пожелали-бы сравнить отечественную пасторологію съ западной [3]). Но все это видимое разнорѣчіе во

---

[1]) „Православн. Собесѣдн." 1896 г., I, стр. 221.

[2]) *Прот. С. А. Соллертинскій:* „Пастырство Христа Спасителя", стр. 59—60. СПБ. 1887 г.

[3]) Одни изъ западныхъ богослововъ,—какъ уже мы указывали,—утверждаютъ, что Пастырское Богословіе есть просто инструкція (instructio pastoralis), получаемая духовнымъ лицемъ при вступленіи въ свою должность (Palmer, in Herzog's Real-Encyklopädie für protestantische Theologie und Kirche, t. XI, S. 179, Gotha 1859); другіе видятъ въ этой дисциплинѣ „научное руководство къ правильному выполненію пастырской должности"—и потому чрезвычайно расширяютъ ея границы, включая сюда и Катехетику, и Гомилетику, и Литургику, и Канонику (Sh. Art: *Pastoraltheologie,* in Aschbach's Kirchen-Lexikon, IV, S. 444 fg. Mainz, 1850;—cf. *Richer's:* Leitfaden der Pastoraltheologie, Wien 1878;—cf. *M. Benger's:* Pastoraltheologie, Regensburg 1861, B. I, S. 2); третьи, напротивъ, ограничиваютъ предѣлы науки нравственною личностью пастыря и ея назначеніе съуживаютъ до поучительнаго наставленія въ нравственной духовной жизни, усматривая въ ней лишь часть нравственнаго ученія, назначаемую спеціально для пастыря *(Palmer:* „Evangelische Pastoraltheologie", Stuttgart 1860; cf. *Harnack:* „Praktische Theologie, Geschichte und Theorie d. pastor. Gemeineldeitung", t. II, 292 fg.); иные смотрятъ на эту науку, какъ на часть

взглядахъ и въ опредѣленіяхъ предмета, объема, задачъ и методовъ нашей науки отнюдь не говоритъ о томъ, будто Пастырское Богословіе вовсе не имѣетъ своего опредѣленнаго, самостоятельнаго и отдѣльнаго содержанія и научнаго достоинства. Напротивъ, самое это разнообразіе, по нашему мнѣнію, свидѣтельствуетъ, что объектъ Пастырскаго Богословія есть весьма значительная величина, но только еще не окончательно выясненная въ научномъ горизонтѣ. Впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ опредѣленіяхъ Пастырскаго Богословія *то, что разумѣется подъ этимъ именемъ, успѣло пріобрѣсти для себя достаточно очерченный типъ, принадлежащій именно системамъ Пастырскаго Богословія и отличающій его отъ другихъ сферъ богословскаго вѣдѣнія.* Другими словами: это разнообразіе ясно свидѣтельствуетъ, что, при всевозможныхъ взглядахъ на предметъ нашей науки и при всевозможныхъ построеніяхъ ея, въ ней всегда находило себѣ мѣсто нѣчто такое, что состав-

---

Практическаго Богословія, и потому ставятъ ее, по важности и достоинству, рядомъ съ Литургикой и Гомилетикой (*Harnack:* „Praktische Theologie", Erlangen 1877). Существуетъ даже такой широкій взглядъ на предметъ и объемъ нашей науки, по которому она есть „ученіе о богочеловѣческой дѣятельности Церкви въ созиданіи и устроеніи царства Божія на землѣ" (*Amberger:* „Pastoraltheologie", 3 Ausgabe. Regensburg 1866. B. I, S. 6). Но рядомъ съ этимъ появляются цѣлыя пасторологическія системы, содержаніемъ которыхъ служитъ лишь пастырство Христа Спасителя и отдѣльныхъ библейскихъ пастырей, такъ что о дѣятельности Церкви здѣсь совершенно нѣтъ рѣчи (наприм. *W. G. Blaickie:* „Unser Herr, als Lehrer und Seelsorger". Eine biblische Pastoraltheologie. Süterslоh 1885; cf. J. *Beck:* Pastorallehren der Neuen Testamentes. Gütersloh 1880). Еще большая нетвердость наблюдается здѣсь въ сужденіяхъ о научномъ достоинствѣ Пастырскаго Богословія и отношеніи его къ другимъ богословскимъ наукамъ. „Пастырское Богословіе есть цѣль и конецъ всего Богословія,—говоритъ одинъ изъ пасторалистовъ,—оно есть верхушка дерева, которая превращаетъ достигающіе ея жизненные соки въ цвѣты и плоды" (*Ricker:* Leitfaden der Pastoraltheologie, S. 8). Но одновременно съ нимъ другой богословъ утверждаетъ, что „Пастырское Богословіе—не наука,—что оно стоитъ въ срединѣ между наукой Практическаго Богословія и должностной инструкціей, которую получаетъ духовное лице при вступленіи въ свою должность" (*Palmer*, in Herzog's Real - Encyclopädie, t. XI, S. 179),—и въ свою очередь ставитъ вопросъ, не слѣдуетъ-ли, поэтому, настоящее названіе Пастырскаго Богословія замѣнить какимъ-нибудь другимъ въ родѣ напр. „пастырскаго ученія", или „пастырскихъ свѣдѣній" (*Palmer:* „Pastoraltheologie", Stuttgart 1860, S. 1).—Цѣль этой науки поставляется то въ научномъ принципіальномъ освѣщеніи предмета (*Amberger:* Pastoraltheologie, B. I, S. 7—10), то въ достиженіи наибольшей практической пригодности ея положеній, хотя и съ соблюденіемъ (на второмъ планѣ) научныхъ требованій (*M. Benger:* „Pastoraltheologie", Regensburg 1861, B. I, S. 2—5), и т. д.

ляло принадлежность исключительно Пастырскаго Богословія и не могло стать предметомъ изслѣдованія какой-либо иной науки. Это „нѣчто" есть *служеніе пастырское* въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Но и послѣднее понятіе довольно неясно и вопроса не рѣшаетъ. Подъ именемъ пастырскаго служенія разумѣли то одинъ изъ институтовъ христіанской Церкви, какъ должность, то внутренній подвигъ пастыря, какъ настроеніе, то какъ пѣстунство или пастырство въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, то, наконецъ, какъ соединеніе нѣсколькихъ подобныхъ сторонъ данной дѣятельности. Такъ, наши предки въ концѣ прошлаго (XVIII) вѣка говорили, что это есть „служеніе въ Новомъ Завѣтѣ отъ Христа Апостоломъ и ихъ преемникомъ преданное, состоящее въ проповѣди слова Божія и строеніи таинствъ, дабы сими средствами примиривъ грѣшниковъ къ Богу, совершить ихъ въ вѣрѣ и святомъ житіи къ полученію живота вѣчнаго во славу Божію" [1]). Чрезъ сто лѣтъ послѣ этого ученый профессоръ,—къ голосу котораго съ уваженіемъ прислушиваются наши современники,—опредѣляя данный предметъ, говоритъ, что „священническое, или пастырское служеніе есть особое, существенно необходимое, служеніе въ Церкви Божіей, ведущее свое начало отъ Основателя Церкви—Господа Іисуса Христа, поручаемое избраннымъ и освященнымъ лицамъ, состоящее въ строеніи таинъ Божіихъ, проповѣди слова Божія и попечительномъ руководствѣ людей въ духовной жизни" [2]).—Такимъ образомъ, современный намъ ученый богословъ призналъ достаточнымъ почти буквально повторить опредѣленіе пастырства, сдѣланное въ концѣ прошлаго вѣка. Въ другихъ мѣстахъ приведенное опредѣленіе выражается хотя и иными словами, но основную мысль всегда выдерживаетъ. Такъ, одинъ изъ высокопоставленныхъ современныхъ общественныхъ дѣятелей, обращаясь съ рѣчью къ

---

[1]) „Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ", изд. 1776 г. СПБ., л. 1—2.

[2]) Проф. В. Ѳ. Пѣвницкій: „Священство. Основные пункты въ ученіи о пастырскомъ служеніи", изд. 2. Кіевъ 1897 г., стр. 3—4.

воспитанникамъ семинаріи—будущимъ пастырямъ Церкви, между прочимъ говоритъ: „быть пастыремъ—значитъ вести паству по пути спасительному, руководить чадъ Христовыхъ въ области вѣры и нравственности, раскрывать ихъ умъ къ уразумѣнію Писанія, утверждать въ правилахъ христіанскаго благочестія, охранять отъ ученій, ведущихъ къ вѣчной погибели, и уготовлять ихъ къ жизни блаженной въ небесныхъ жилищахъ“ [1]).

Точнѣе понятіе о пастырскомъ служеніи, какъ спеціальномъ предметѣ Пастырскаго Богословія, можетъ быть выведено изъ анализа самаго названія этой дѣятельности и науки. Слово „*пастырь*“, которое лежитъ въ основаніи того и другаго имени, весьма знакомо библейскому лексикону, и понятіе, съ нимъ соединяемое, довольно ясно дано въ книгахъ какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта. Въ Ветхомъ Завѣтѣ понятіе это передается по-еврейски словомъ *гоé* (רֹעֶה), которое есть причастіе отъ глагола *гаа* (רָעָה), имѣющаго значеніе: клонить, нагибать, въ общемъ зал.—клониться куда, *имѣть склонность къ чему;* отсюда причастіе *гоé* значитъ *приверженецъ*, или тотъ, кто дружится, сближается съ кѣмъ-либо; въ дальнѣйшемъ значеніи оно имѣетъ смыслъ *стремиться* куда, *искать,* затѣмъ — *внимательно слѣдить, ухаживать,* особенно *за стадомъ,*—отсюда *гоé* (רֹעֶה)—*пастухъ* (Псал. XL, 11); въ отношеніи къ людямъ гл. *гаа* значитъ *управлять* (Пс. LXXVII, 71), *поучать, наставлять* (Іер. Ш, 15),—отсюда *гоé—пастырь, наставникъ* (Екклез. XП, 11). Соединяя всѣ эти значенія вмѣстѣ, можно опредѣлить слово *пастырь,* по употребленію его въ Ветхомъ Завѣтѣ, слѣдующимъ образомъ: оно означаетъ человѣка близкаго, сильно занятаго своею паствою, а потому внимательно слѣдящаго, ухаживающаго, руководящаго и управляющаго ею именно такъ, что въ этомъ управленіи постоянно сказывается преданность и расположеніе его къ паствѣ. Приэтомъ самая метафора, взятая изъ пастушескаго быта, намекаетъ на ту черту руководящей пастырской дѣятельности, когда вниманіе пастыря обращено *на*

---

[1]) В. К. Саблеръ: „Новгородск. Епарх. Вѣдомости“ 1897 г., № 22, стр 1403—1404 и слѣд.

каждую овцу стада отдѣльно[1]). *„Азъ упасу овцы Моя*,—говоритъ Іегова чрезъ пророка,—*и Азъ упокою я, и уразумѣютъ, яко Азъ есмь Господь:* сія глаголетъ Адонаи—Господь: *погибшее взыщу и заблудившееся обращу, и сокрушенное обяжу, и немощное укрѣплю, и крѣпкое снабдю и упасу я съ судомъ"* (Іезек. XXXIV, 15—16). Въ понятіе *упасу* ст. 15-го входитъ именно то, что перечисляется далѣе въ ст. 16, т. е. именно особый уходъ за каждой овцой, сообразный съ ея нуждами. — Въ Новомъ Завѣтѣ древнему *гоé* (רֹעֶה) соотвѣтствуетъ слово *ποιμήν*. Филологически опредѣлить первоначальное значеніе этого слова трудно. Но имѣя въ виду то обстоятельство, что для передачи еврейскаго *гоé* LXX употребили именно это слово, а не другое,—можно думать, что они понимали его точно такъ-же, какъ и еврейское *гоé*. Современные спеціалисты слово *ποιμήν* производятъ отъ корня *πο—питать*, родств. *πῶυ, (εος, τό) стадо*, отъ корня *πω—защищать*. Приэтомъ замѣчательно, что слово *πῶυ* означаетъ стадо *мелкаго скота*, въ отличіе отъ *ἀγέλη*, гдѣ разумѣется крупный скотъ,—и потому почти всегда соединяется съ словами *οἴων*, или *μήλων*: собств. стадо *овецъ, козъ*, или вообще *мелкій скотъ*, который *по слабости своей и беззащитности* особенно нуждается въ уходѣ и въ томъ, чтобы его кормить *и защищать*[2]). И дѣйствительно, такой смыслъ имѣетъ это слово въ Новомъ Завѣтѣ. Такъ, по X гл. ев. Іоанна, добрый пастырь *(ποιμήν)* овецъ своихъ называетъ по-имени (ст. 3), овцы за нимъ идутъ, потому что знаютъ голосъ его (ст. 4); пастырь добрый такъ сильно любитъ ихъ и такъ ревностно, самоотверженно трудится для ихъ благополучія и безопасности, что готовъ душу свою положить за нихъ (ст. 11). По другимъ мѣстамъ Новаго Завѣта, добрый пастырь *(ποιμήν)* свою любовь къ стаду обращаетъ не столько къ массѣ его, но гораздо болѣе къ каждой отдѣльной единицѣ стада, особенно если эта единица нуждается въ его заботахъ и

---

[1]) Ср. „Записки по Пастырскому Богословію" архим. Бориса, вып. I, стр. 29. Кіевъ 1891 г.

[1]) См. напр. „Греческо-русскій словарь по Бензелеру", изд. Кіевск. отд. общ. классич. Филологіи и Педагогики Кіевъ 1881 г. (стр. 616, 668, 533, 530).

уходѣ, — напр., если она „заблудилась въ пустынѣ" (Лук. XV, 4 — 7), или ушла „на страну далече" (ст. 11 — 32), или пропала (ст. 8 — 10; ср. Мѳ. XVIII, 12 — 14), и т. д.

Такимъ образомъ, понятіе *пастырь*, взятое со стороны филологическаго происхожденія слова въ еврейскомъ, греческомъ и славяно-русскомъ языкахъ, а также и по экзегетическому анализу тѣхъ мѣстъ Св. Писанія, гдѣ оно употребляется въ своемъ спеціальномъ смыслѣ, заключаетъ въ себѣ мысль о любви пастыря къ пасомымъ и самоотверженной преданности его ихъ интересамъ даже до положенія жизни своей—при непремѣнномъ представленіи о пасомыхъ, какъ о слабомъ, немощномъ, заблуждающемся, беззащитномъ стадѣ, какъ объектѣ пастырской дѣятельности. *Въ этомъ составѣ служеніе пастырское и составляетъ предметъ Пастырскаго Богословія, какъ особой науки* [1]).

Близкое сосѣдство Литургики, Гомилетики и Каноники нисколько не ослабляетъ указаннаго положенія, ибо хотя всѣ эти науки вмѣстѣ съ Пастырскимъ Богословіемъ явились какъ вѣтви одного общаго корня, извѣстнаго подъ именемъ Практическаго Богословія, тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ имѣетъ свою сферу, свои границы, свой предметъ, свои цѣли и свои средства для достиженія этихъ цѣлей,— но ни одна изъ нихъ не можетъ замѣнить другую, или умалить ея значеніе. Въ частности, ни Литургика, ни Гомилетика, ни Каноника не могутъ взять на себя разработку пасторологическихъ вопросовъ, ибо всѣ онѣ имѣютъ *свои* предметы; съ другой стороны, эти предметы таковы, что даже и сложеніе ихъ вмѣстѣ недостаточно будетъ для замѣны Пастырскаго Богословія, ибо ими не исчерпывается предметъ этой послѣдней дисциплины, такъ какъ за священнослуженіемъ, проповѣдничествомъ и внѣшне-административною дѣятельностію священника находится еще очень важный остатокъ,—цѣлая сфера, гдѣ пастырь является въ собственномъ смыслѣ *пастыремъ*. Отъ другихъ функцій священническаго служенія эта сфера отличается не

[1]) Ср. *И. Д. Андреевъ:* „Отношеніе педагогической дѣятельности къ пастырской", стр. 18—21.

только количественно, т. е. гораздо большимъ объемомъ,— но и качественно, ибо имѣетъ свои особыя задачи и достигаетъ ихъ осуществленія своими особыми средствами. Это та сфера, которая обнимаетъ дѣятельность пастыря, направленную къ паствѣ не какъ къ единому цѣлому, а къ тѣмъ индивидуальнымъ единицамъ, изъ которыхъ слагается этотъ цѣльный организмъ, со всѣмъ разнообразіемъ ихъ личныхъ качествъ и общественныхъ положеній. Это есть та существеннѣйшая обязанность истинныхъ пастырей, которая состоитъ въ неусыпномъ попеченіи о душахъ вѣрующихъ и непрестанномъ руководствованіи ко спасенію каждаго изъ нихъ и которая,—по выраженію св. отца и учителя церковнаго,—имѣетъ своею цѣлію спасать каждаго изъ пасомыхъ „въ его собственномъ чинѣ", т. е. сообразно съ его индивидуальными особенностями[1]). Это та сфера, гдѣ добрый пастырь оставляетъ на пастбищѣ девяносто девять овецъ и идетъ въ горы искать одну заблуждшую, или цѣлебными травами обвязываетъ раненую, или питаетъ умирающую отъ голода и жажды, или поткнувшуюся извлекаетъ изъ пропасти, или неосторожную изымаетъ изъ зубовъ волчьихъ, немедленно беретъ ее на рамена свои и съ великою радостію вводитъ снова въ стадо[2]). Это та сфера дѣятельности пастырской, которую другой святой отецъ Церкви (св. Григорій Двоесловъ) называетъ *душепопеченіемъ*[3]).

Но здѣсь можетъ явиться вопросъ: какъ отдѣлить эту послѣднюю область пастырской дѣятельности отъ области гомилетической, литургической и канонической? Въ самомъ дѣлѣ, ужели пастырь не печется о душахъ вѣрующихъ, когда, напр., говоритъ проповѣдь, обучая слушателей закону Божію, благочестивой жизни по вѣрѣ и добрымъ дѣламъ? Или развѣ не съ заботой о пользѣ душевной и о спасеніи чадъ своихъ онъ совершаетъ, напр., литургію, таинство покаянія и прочія священнослуженія? Или,

---

[1]) Св. Василій Великій: „Творенія", ч. 3: 70 нравств. прав., гл. 31 (по изд. моск. дух. академіи 1846 г.). Ср. „Христіанск. Чт." 1847 г., т. III, стр. 120.

[2]) Ср. Іезек. XXXIV, 3—4, 15—16.

[3]) Лат. *pastoralis cura animarum*, нѣм. *die Seelsorge*.

наконецъ, развѣ ко вреду пасомыхъ направлены заботы его въ такъ-называемыхъ правовыхъ сношеніяхъ и отношеніяхъ къ нимъ самимъ, къ епархіальному начальству, къ свѣтскимъ властямъ и т. д.?—Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить въ высшей степени характерное для даннаго случая мѣсто въ посланіи къ Ефесеямъ: *„Той далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители“* (Ефес. IV, 11). Здѣсь апостолъ не хотѣлъ, конечно, сказать, что носителями пастырства и учительства должны быть различныя лица; но несомнѣнно, что пастырство понимается имъ, какъ *особая* функція дѣятельности предстоятелей Церкви, совмѣстимая съ учительствомъ, но отличающаяся отъ него.

Чѣмъ-же отличающаяся?—Многія черты именно пастырской дѣятельности ап. Павелъ указываетъ изъ своей жизни въ прощальной рѣчи къ пресвитерамъ ефесскимъ: *„бодрствуйте,*—говоритъ онъ,—*памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами училъ каждаго изъ васъ“* (Дѣян. XX, 31); *„внимайте себѣ и всему стаду, въ которомъ Духъ Святый поставилъ васъ блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Онъ пріобрѣлъ Своею кровію“* (ст. 28).—*Внимайте, т. е.* берегите (προσέχετε, cavete), защищайте свое стадо, *ибо знаю я,*—поясняетъ апостолъ,—*что по отшествіи моемъ войдутъ къ вамъ лютые волки, нещадящіе стада* (ст. 29). И еще: *я не пропустилъ ничего полезнаго, о чемъ вамъ не проповѣдывалъ бы и чему не училъ бы васъ всенародно и по домамъ* (ст. 20). Ап. Петръ, назвавъ Спасителя *Пастыремъ и Блюстителемъ душъ* (1 Петр. II, 25), умоляетъ пастырей *пасти Божіе стадо, наблюдая за нимъ не нуждою, но охотно,* изъ усердія, *и не господствуя надъ наслѣдіемъ Божіимъ, но подавая примѣръ стаду* (1 Петр. V, 1—3). Правда, всѣ эти мѣста, какъ и многія другія, еще не говорятъ прямо, что обязанности пастыря въ отличіе отъ обязанностей, наприм., церковнаго учителя—именно такія-то и такія-то,—не говорятъ, что одно относится именно къ пастырству, другое къ учительству и т. д. Но всѣ они говорятъ ясно, что въ дѣятельности служителя Церкви есть элементъ, который проникаетъ собою всѣ функціи этой дѣятельности и который, однакоже,

при самомъ тщательномъ выполненіи этихъ функцій можетъ оказаться отсутствующимъ. Этотъ элементъ есть личное обращеніе пастыря съ каждымъ изъ своихъ пасомыхъ,—какъ выражается св. отецъ,—„въ ихъ собственномъ чинѣ“, непосредственное участіе во всѣхъ отношеніяхъ ихъ жизни, когда пастырь имѣетъ возможность дать этимъ отношеніямъ такое направленіе, при которомъ они вели бы пасомыхъ къ общенію со Христомъ, подкрѣпляя и поддерживая ту благодатную жизнь, которой пріобщается каждый христіанинъ въ таинствахъ, при богослуженіи и при изученіи домостроительства спасенія изъ устъ учителя церковнаго.

Это—*положительная* точка зрѣнія на сферу пастырской дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ на предметъ Пастырскаго Богословія, какъ особой науки. Она указываетъ тѣ черты, которыя приблизительно должны характеризовать пастырскую дѣятельность въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Но кромѣ этого есть и другая точка опоры для построенія правильнаго взгляда на содержаніе пастырской дѣятельности, какъ на предметъ особой науки,—которую нужно назвать *отрицательною*, ибо она показываетъ, что̀ *не должно подлежать разсмотрѣнію Пастырскаго Богословія.* Не говоря уже о предметахъ наукъ отдаленныхъ по своему содержанію, въ сферу Пастырскаго Богословія не должно входить разсмотрѣніе предметовъ Гомилетики, Литургики и Каноники, т. е. предметовъ самыхъ ближайшихъ и сродныхъ наукъ, такъ сказать—родныхъ сестеръ науки Пастырскаго Богословія. Правда, трудно опредѣлить ту грань, которая отдѣляла бы, напр., вѣроученіе и нравоученіе отъ душепопеченія,—но не невозможно. Мы формулировали бы это различіе такъ: изъ объема Гомилетики не должно входить въ Пастырское Богословіе проповѣдническое служеніе въ томъ объемѣ, который регулированъ указаніями слова Божія, постановленіями высшей церковной власти, требованіями науки, законами рѣчи и т. д.; *но то настроеніе самоотреченія и любви, которымъ долженъ быть проникнутъ* въ это время *проповѣдникъ, всегда должно оставаться предметомъ Пастырскаго Бого-*

словія. Почти такъ-же слѣдуетъ мыслить и о предметѣ Литургики. „Что есть тайна, или обрядъ таинственный отъ Бога установленный, колико таинъ святыхъ апостольская восточная грекороссійская Церковь содержитъ, — какъ говоритъ *„Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“*,—и всѣ ли тайны равную въ себѣ силу и надобность имѣютъ, — о всемъ томъ въ катихисіческихъ книжицахъ довольно написано. А какимъ порядкомъ и способомъ оныя тайны надлежитъ дѣйствовать,—о томъ такожъ требники церковныя, а для святой евхаристіи— служебники, довольно показуютъ“ [1]). Это, говоря вообще, есть предметъ Литургики, который не долженъ подлежать разсмотрѣнію Пастырскаго Богословія. Но, опять, *то настроеніе самоотреченія и любви къ пасомымъ, съ которымъ долженъ священникъ совершать тайны и вообще священнослуженія*,—всегда остается предметомъ Пастырскаго Богословія.—Наконецъ, по поводу границы между Пастырскимъ Богословіемъ и Каноникой мы укажемъ разсужденіе одного нѣмецкаго ученаго, которое, по нашему мнѣнію, довольно мѣтко рѣшаетъ поставленный вопросъ. По словамъ этого ученаго, то управленіе приходомъ, о которомъ говоритъ Богословіе Пастырское, различается отъ управленія въ смыслѣ Каноническаго Права *не только количественно*, но и *качественно*, ибо и задачи и средства того и другаго управленія различны. Тогда какъ первое, предполагая свободу, имѣетъ въ виду назиданіе и наставленіе и дѣйствуетъ поэтому только чрезъ слово, — второе всегда выступаетъ въ формѣ юридической и съ средствами внѣшняго института [2]). „Вообще Каноника,—говоритъ другой ученый специалистъ, — обнимаетъ кругъ специальныхъ обязанностей пастырскаго служенія въ широкомъ смыслѣ, требуемыхъ отъ священника характеромъ *должности* и потому поддающихся внѣшней формулировкѣ въ видѣ неизмѣнныхъ обязательныхъ законовъ и постоянныхъ правилъ; а Пастырское Богословіе говоритъ о тѣхъ его обязанностяхъ, которыя налагаетъ на него его собственная совѣсть и правиль-

[1]) „Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“, л. 113—114.
[2]) *Th. Harnack:* „Praktische Theologie“. B. II, S. 191—192.

ное пониманіе его сана, даннаго ему Богомъ" [1]), т. е. объ обязанностяхъ, вытекающихъ изъ глубины его пастырскаго настроенія, изъ чувства самоотреченія и любви къ пасомымъ. „Формулой предписаній въ Каноническомъ Правѣ,— говоритъ по этому поводу одинъ изъ русскихъ ученыхъ,— можно признать: „ты обязанъ", а въ Пастырскомъ Богословіи—„ты долженъ" [2]).

Такимъ образомъ, послѣ выдѣленія Литургики, Гомилетики и Каноники изъ общаго понятія Практическаго Богословія,—пастырская дѣятельность, понимаемая какъ служеніе самоотреченія и любви, и остается тѣмъ спеціальнымъ предметомъ, которымъ можетъ заниматься наука Пастырскаго Богословія, не вторгаясь въ сферы другихъ отраслей Богословія и не касаясь чужаго матеріала. Если бы нужно было еще короче опредѣлить предметъ Пастырскаго Богословія, то мы указали бы только на бесѣду Христа Спасителя съ ап. Петромъ, когда сей послѣдній возведенъ былъ снова въ апостольскій ликъ:

— „Симоне Іонинъ, любиши-ли Мя?"

— „Ей, Господи!"

— „Паси агнцы Моя, паси овцы Моя", паси Мое стадо, будь пастыремъ (Іоан. XXI, 15—17). Вотъ спеціальнѣйшая сущность служенія пастырскаго, которая составляетъ и научный предметъ Пастырскаго Богословія. Но если справедливо, что всякая дѣятельность можетъ стать объектомъ научнаго изслѣдованія и что это изслѣдованіе тѣмъ важнѣе и необходимѣе, чѣмъ выше по своимъ задачамъ изучаемая дѣятельность, то столько же справедливо и то, что подъ именемъ Пастырскаго Богословія мы имѣемъ науку настолько важную, насколько важенъ ея предметъ, т. е. служеніе пастырское. А оно настолько важно, что— по выраженію одного отечественнаго богослова—„въ длинномъ ряду служеній на землѣ нѣтъ служенія болѣе высшаго, болѣе жизненнаго, всеобъемлющаго и столь необхо-

[1]) *K. Hagenbach:* „Theologischen Wissenschaften", S. 40.

[2]) *И. Д. Андреевъ:* „Отношеніе педагогической дѣятельности къ пастырской", стр. 24.

димаго для каждаго, чѣмъ *пастырское служеніе*“ [1]). Поэтому здѣсь мы имѣемъ полное право повторить замѣчательнѣйшія слова св. Григорія Богослова, который, имѣя въ виду эту важность предмета Пастырскаго Богословія, сказалъ, что — по его мнѣнію—эта область богословскаго вѣдѣнія есть *наука изъ наукъ* [2]).

Такимъ образомъ, тѣ причины, которыя, можетъ быть, удерживаютъ болѣе опытныхъ и болѣе способныхъ изслѣдователей отъ изученія исторіи Пастырскаго Богословія, для насъ лично теряютъ свою абсолютную цѣнность и уступаютъ свое мѣсто другимъ постулятамъ, имѣющимъ бо́льшую сравнительно съ ними силу убѣдительности. Кромѣ того, мы увѣрены, что какъ бы ни былъ малъ по объему научный предметъ, его исторія ничуть не менѣе, а можетъ быть даже болѣе, чѣмъ другая, — требуетъ изученія, ибо малый по внѣшнему виду, онъ можетъ быть великъ по внутреннему своему содержанію и практическому значенію для людей: только чрезъ это онъ можетъ окончательно выясниться для науки и какъ свѣтильникъ, освобожденный отъ покрова, или засіять собственнымъ свѣтомъ, или, напротивъ, померкнуть подъ напоромъ критики и по винѣ собственной слабости, какъ тотъ-же свѣтильникъ, освобожденный отъ защищающихъ и затѣняющихъ его покрововъ, погасаетъ отъ напора вѣтра и за отсутствіемъ горючаго матеріала въ себѣ самомъ. Особенно это важно въ моментъ подобный тому, который переживаютъ нынѣ наша школа и духовная наука, т. е. когда высшее духовное правительство и руководящіе дѣятели нашего духовнаго просвѣщенія заняты изысканіемъ мѣръ для подъема научной интенсивности духовной школы и для урегулированія состава и преподаванія наукъ [3]). Въ ихъ задачу, между прочимъ,

---

[1]) *Cultor Verbi Dei* (іером. Евдокимъ Мещерскій): „О пастырскомъ служеніи“ въ „Новгородскихъ Епарх. Вѣд.“ 1898 г., № 1, стр. 29 и дал.

[2]) „Творенія св. Григорія Богослова“, ч. I, стр. 20, (Москва. 1889 г.).

[3]) Рѣчь объ этомъ раздается нынѣ довольно часто и громко,—напр. въ журналахъ: „*Вѣра и Разумъ*“ 1897 г., № 20, стр. 334 (цитов. статья проф. кіевской академіи П. И. Линицкаго); „*Богословскій Вѣстникъ*“ 1898 г., мартъ, стр. 416 и слѣд. (статья доц. моск. академіи П. В. Тихомирова: „значеніе философскихъ наукъ въ системѣ семинарскаго образованія“); „*Странникъ*“ (1897 г.,

входитъ установка относительнаго значенія научныхъ единицъ въ процессѣ воспитанія и образованія юношества для пользы Церкви и отечества, а также и составленіе нормальныхъ программъ учебныхъ предметовъ. Но помогутъ ли программы достигнуть намѣченной цѣли всего этого дѣла? Да и можно ли составить самыя программы преподаванія той или другой науки, коль скоро по предмету ея не существуетъ ученой литературы, изъ которой было-бы видно, откуда началась извѣстная наука, изъ какихъ элементовъ составилось ядро ея, какъ далеко подвинулось впередъ ея развитіе, что доселѣ сдѣлано, въ чемъ состоятъ пробѣлы и на что поэтому должно быть обращено теперь найбольшее вниманіе, что благопріятствовало развитію науки и что задерживало ея ростъ и т. д.? А все это такіе вопросы, рѣшенія которыхъ можно ожидать только отъ историко—критическаго изученія внѣшнихъ судебъ предмета и его внутренняго богатства какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ.

Въ частности, прилагая означенные предикаты къ предмету нашей настоящей работы, мы желали бы поселить въ читателѣ убѣжденіе, что, въ 1-хъ, Пастырское Богословіе хотя пока и не можетъ быть признано вполнѣ самостоятельной наукой, но тѣмъ не менѣе на свое почетное существованіе въ духовной школѣ и литературѣ оно имѣетъ ничуть не меньше правъ, чѣмъ напр. Литургика и Гомилетика; въ 2-хъ, что хотя Пастырское Богословіе, дѣйствительно, наука весьма недавняя у насъ въ Россіи, но для правильнаго пониманія ея современнаго богатства весьма важно изученіе того періода, который предшествовалъ появленію научныхъ системъ и такъ или иначе обусловливалъ ихъ характеръ какъ со стороны формы, такъ и со стороны содержанія; въ 3-хъ, мы желали бы показать, что Пастырское Богословіе имѣетъ свой особый предметъ, совершенно отдѣльный отъ предметовъ другихъ наукъ и

№ 8, стр. 530) и отдѣльное изданіе статьи проф. с.петербургской академіи Н. Н. Глубоковскаго (Н. Ваѳинскаго): „Къ вопросу о нуждахъ духовно-академическаго образованія“ (СПБ. 1897 г.); „*Труды кіевск. дух. академіи*“ 1898 г., февраль, статья доц. академіи Н. К. Маккавейскаго: *Пастырское Богословіе и Педагогика въ курсѣ наукъ духовныхъ академій* (стр. 204—224), и др.—

имѣющій всѣ права на научную разработку; наконецъ, намъ хотѣлось бы вообще обратить вниманіе русскаго учебнаго и ученаго міра на этотъ беззащитно игнорируемый уголокъ въ области богословскаго знанія, съ одной стороны, въ цѣляхъ чисто научныхъ, а съ другой — жизненно-практическихъ. Именно, намъ хотѣлось-бы не только сохранить за Пастырскимъ Богословіемъ его настоящее положеніе противъ нѣкоторыхъ нападокъ, но даже усилить его значеніе въ духовныхъ школахъ, — и не-только не ослаблять вниманія къ нему со стороны духовныхъ воспитанниковъ и пастырей, но даже удвоить и утроить его. Нашей работой мы приглашаемъ надлежащимъ образомъ цѣнить тотъ фактъ, что Пастырское Богословіе имѣетъ своимъ предметомъ высочайшее изъ земныхъ служеній. Мы вѣримъ, что кандидатъ священства чрезъ преимущественное изученіе этой науки будетъ потомъ успѣшнѣе проходить то служеніе, по имени котораго онъ называется *пастыремъ*. Мы надѣемся, что съ дальнѣйшей разработкой ея возрастетъ среди насъ и число „пастырей добрыхъ“. Не отрицаемъ, что такіе пастыри, по милости Божіей, будутъ и безъ науки, какъ они были и до сихъ поръ,—но случайно встрѣчающіеся дорогіе самородки золота никогда не останавливаютъ золотопромышленника въ его упорномъ и тяжеломъ трудѣ искусственнаго составленія золотыхъ слитковъ изъ мельчайшихъ крупинокъ, — и чѣмъ шире онъ развиваетъ свое дѣло добыванія и очищенія этихъ крупинокъ, тѣмъ болѣе и чаще онъ можетъ составлять такіе блестящіе куски, которые вполнѣ могутъ замѣнить самородки, когда этихъ послѣднихъ нѣтъ.—

Декабрь 1898 г.
Моск. Дух. Акад.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ

(1801—1860 г.)

ГЛАВА 1.

Начало XIX вѣка долго сохранится въ сознаніи и памяти православнаго народа русскаго, какъ время радостное, свѣтлое. Это было начало царствованія блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича, о которомъ современники отзываются съ единодушнымъ и искреннимъ увлеченіемъ, какъ о личности въ высшей степени обаятельной, какъ объ „ангелѣ во плоти,“ и котораго по праву и достоинству они назвали *Благословеннымъ*. Но духовенство русское преимущественно предъ другими сословіями благословляетъ и призываетъ Божіе благословеніе на душу почившаго монарха, ибо его царствованіе, отъ перваго дня до послѣдняго, было непрерывнымъ выраженіемъ теплаго отношенія Государя къ духовенству. Это было время, когда убогая, забытая и сравнительно темная масса духовнаго сословія озарилась свѣтомъ особеннаго царскаго вниманія, когда судьбою его стали усиленно интересоваться и заниматься какъ правительство, такъ и общество. Это былъ моментъ, когда представителямъ духовенства оставался одинъ шагъ до присутствованія въ Правительствующемъ Сенатѣ. Это былъ моментъ, когда Государь, „желая дать примѣръ уваженія къ священному сану въ народѣ и вмѣстѣ укоренить въ самомъ духовенствѣ то чувство почтенія къ себѣ и ужаса къ пороку,

каковое служителямъ Вышняго, приносящимъ безкровныя жертвы, должно быть паче другихъ свойственно", повелѣлъ привести въ дѣйствіе распоряженіе Императора Павла объ освобожденіи священнослужителей отъ тѣлеснаго наказанія, изданное еще въ 1796 году, но вскорѣ затѣмъ отмѣненное [1]). Дѣйствительно, читая подобныя сообщенія историка, вполнѣ раздѣляешь это чувство высокаго благоговѣнія къ монарху, который издалъ этотъ указъ, ибо по-истинѣ нельзя безъ боли и туги сердечной представить себѣ, что наканунѣ изданія его еще былъ день, когда пастырь Церкви не былъ гарантированъ отъ плетей и кнута,—когда этотъ нарочитый носитель ига Христова, проповѣдникъ Его евангелія, посредникъ и сосудъ Его благодати—еще вчера могъ быть привязанъ къ позорному столбу и наказанъ палками, такъ же какъ и его сотрудники — діаконъ и причетникъ, не говоря уже о ихъ женахъ, дѣтяхъ и домочадцахъ. Впрочемъ, въ 1808 г. сила этого указа была распространена и на членовъ священнослужительскихъ семействъ. Съ 1804 г. домà духовныхъ лицъ стали освобождаться отъ поземельнаго сбора, а съ 1821 г.—отъ постоя и прочихъ городскихъ и полицейскихъ повинностей. И самъ Государь дѣйствительно давалъ собою примѣръ глубокаго почтенія и уваженія къ пастырямъ Церкви. Во время своихъ разъѣздовъ по имперіи онъ благоговѣйно подходилъ къ іерейскому благословенію и цѣловалъ руку каждаго сельскаго священника, который смиренно и съ трепетомъ встрѣчалъ его на паперти своего храма. Но гуманный, религіозный и благочестивый Императоръ, признававшій человѣческія права въ каждомъ человѣкѣ, какъ бы низко тотъ ни былъ поставленъ, тѣмъ болѣе не ограничилъ этимъ свое благоволеніе и состраданіе къ бѣдному, убогому и темному духовенству. Напротивъ, непосредственно наблюдая истинный бытъ

---

[1]) Указъ Е. И. Величества Императора Александра I отъ 22 мая 1801 г. „Полное Собраніе Законовъ Россійск. Имп." изд. 1830 г., т. XXVI, стр. 655. (№ 19, 885). Сравн. „Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Коммиссія Духовныхъ Училищъ" П. А. Чистовича. СПБ. 1894 г. стр. 20.

этого сословія, онъ задумалъ радикально улучшить наличное положеніе духовенства и совершить то, что̀ для этого требовалось, т. е. дать ему лучшія средства для нравственно-интеллектуальнаго развитія и улучшить матеріальную его обстановку. Указывая на этотъ фактъ, ректоръ петербургской академіи архимандритъ Филаретъ (впослѣдствіи митрополитъ московскій) въ одной изъ своихъ рѣчей говорилъ объ Императорѣ Александрѣ Павловичѣ: „давъ новый блескъ и силу просвѣщенію гражданскому, отеческимъ сердцемъ обратился онъ и къ смиреннымъ обителямъ духовнаго просвѣщенія, въ которыхъ люди, пожертвовавшіе небесной мудрости блескомъ земного счастія и выгодами общежитія, посѣяли первыя сѣмена полезныхъ знаній не токмо для Церкви, но и для отечества, и въ которыхъ юношество, по состоянію родителей скудное въ средствахъ къ своему образованію, болѣе терпѣніемъ и неутомимостью, нежели обиліемъ пособій, приготовлялось къ служенію Церкви въ самыхъ обыкновенныхъ степеняхъ важному“ [1]). Дѣйствительно, мысль объ улучшеніи церковныхъ училищъ занимала Императора Александра Павловича съ первыхъ годовъ его царствованія. Поэтому еще въ 1801 г. правительствомъ было поручено извѣстному архіепископу могилевскому Анастасію (Братановскому) составить проэктъ ихъ преобразованія, а вскорѣ затѣмъ Евгеніемъ Болховитиновымъ (епископомъ старорусскимъ, впослѣдствіи митрополитомъ кіевскимъ) составленъ былъ новый проэктъ по тому-же предмету и въ мартѣ 1805 г. представленъ Государю. Наконецъ, 29 ноября 1807 года Высочайшимъ указомъ на имя оберъ-прокурора Св. Сѵнода кн. Голицына былъ учрежденъ *Спеціальный Комитетъ*, которому Государь поручилъ разсмотрѣть вновь составленные проэкты и существующіе порядки въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, а также и съ своей стороны начертать правила всесторонней реформы этихъ заведеній и изыскать способы какъ къ обезпеченію ихъ, такъ и къ улуч-

[1]) „Основныя начала духовно-училищной реформы въ царствованіе Императора Александра I“ проф. П. Знаменскаго, Казань 1878 г. стр. 10 — 11. — Ср. „Исторію СПБ. Д. академіи“ И. Чистовича, СПБ. 1857 г., стр. 164, 230—233.

шенію быта всего вообще бѣлаго духовенства имперіи. *Комитетъ* былъ составленъ изъ лицъ извѣстныхъ по своимъ талантамъ и добросовѣстной энергіи къ дѣлу, такъ что этимъ обстоятельствомъ обезпечивался успѣхъ предпріятія. Это были: высокопреосвященный Амвросій (Подобѣдовъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій), преосвященный Ѳеофилактъ (Русановъ, епископъ калужскій), оберъ-священникъ Іоаннъ Державинъ, духовникъ Государя протопресвитеръ Сергій Краснопѣвковъ (вскорѣ, за смертію, замѣненный протопресвитеромъ П. В. Криницкимъ), оберъ-прокуроръ Св. Сѵнода кн. А. Н. Голицынъ и статсъ-секретарь гр. М. М. Сперанскій. Послѣдній особенно много потрудился въ семъ дѣлѣ и, какъ самъ по рожденію и воспитанію принадлежавшій къ духовному сословію [1]), оказался наиполезнѣйшимъ дѣятелемъ. Проникнутый всею важностью своей задачи, отъ разрѣшенія которой зависѣла судьба цѣлаго сословія, *Комитетъ* тотчасъ же началъ свою работу и послѣ настойчиваго труда, стоившаго весьма сильнаго напряженія мысли, черезъ полгода представилъ на утвержденіе Государя уже вполнѣ законченный докладъ объ исполненіи возложенной на него задачи. 26 іюня 1808 г. этотъ докладъ *Комитета* былъ утвержденъ Государемъ и удостоился въ высшей степени милостиваго отзыва въ указѣ Императора Св. Сѵноду. „Воспитаніе юношества Церкви посвященнаго, на правилахъ благонравія и христіанскаго ученія основанное,—говорилъ Государь въ этомъ указѣ,—по справедливости всегда было признаваемо уважительнѣйшимъ предметомъ вниманія правительства. Издавна предположены были разныя мѣры къ усовершенію духовныхъ училищъ и къ лучшему устройству содержанія духовенства, при церквахъ служащаго. Слѣдуя симъ предположеніямъ и желая вящше утвердить и распространить существующее нынѣ по сей части установленіе, признали Мы за благо указомъ 29 ноября прошлаго 1807 года изданнымъ поручить особенному комитету войти въ подроб-

[1]) Онъ былъ сынъ сельскаго священника владимірской губерніи и образованіе получилъ во владимірской, а потомъ въ главной петербургской семинаріяхъ.

ное соображеніе способовъ къ сему служащихъ и представить Намъ свое о томъ мнѣніе. Разсмотрѣвъ докладъ вслѣдствіе сего отъ комитета Намъ поднесенный и приложенное при ономъ „Начертаніе правилъ объ образованіи сихъ училищъ и содержаніи духовенства, при церквахъ служащаго“, Мы находимъ, что предположенія комитета объ устройствѣ сей части, постепенный распорядокъ ея усовершенія и способы къ составленію нужныхъ для сего суммъ, имъ предназначаемые, пользамъ Церкви, расширенію духовнаго ученія и успѣхамъ истиннаго просвѣщенія, на благочестіи основаннаго, во всемъ сообразны. Утвердивъ посему мѣры, въ докладѣ комитета и въ „Начертаніи правилъ“ изображенныя и препровождая оныя въ Св. Сѵнодъ, для приведенія ихъ въ надлежащее исполненіе, повелѣваемъ:

I. Для общаго и высшаго управленія духовныхъ училищъ учредить при Св. Сѵнодѣ Особенную Коммиссію подъ именемъ *Коммиссіи Духовныхъ Училищъ*. Члены сея Коммиссіи отъ Насъ будутъ назначены [1]).

II. Въ сію Коммиссію Комитетъ доставитъ всѣ положенія и свѣдѣнія въ разсмотрѣніи его бывшія и служившія основаніемъ его соображеніямъ.

III. Коммиссія въ первоначальныхъ своихъ упражненіяхъ должна будетъ:

1) опредѣливъ порядокъ сношеній ея съ Св. Сѵнодомъ, установивъ образъ производства дѣлъ ея и составивъ нужную ей канцелярію, представить Намъ на утвержденіе;

2) она приметъ немедленно изъ Св. Сѵнода всѣ дѣла, до духовныхъ училищъ относящіяся, и съ сего времени дѣла сіи будутъ производиться уже чрезъ ея посредство;

3) она сдѣлаетъ подробный и точный распорядокъ къ отдѣленію церковныхъ доходовъ на содержаніе духовныхъ училищъ какъ единовременно, такъ и ежегодно, особенно же къ лучшему устройству права продажи церковныхъ свѣчъ представить Намъ на утвержденіе.

---

[1]) Въ составъ Коммиссіи первоначально вошли тѣже члены, которые были назначены ранѣе въ Комитетъ 29 Ноября 1807 года, лишь съ замѣной протопресв. Краснопѣвкова о. П. Криницкимъ.—См. „Руководящ. дѣятели“... Чистовича, стр. 25.

4) Когда распоряженія сіи утвердятся, тогда Коммиссія обязана будетъ блюсти за точнымъ ихъ исполненіемъ и содержать въ извѣстности положеніе всѣхъ суммъ, какія на устройство округовъ будутъ предназначены.

5) За симъ Коммиссія приступитъ къ разсмотрѣнію штатовъ духовныхъ училищъ и церковныхъ причтовъ, къ сочиненію уставовъ, къ учрежденію библіотекъ и вообще къ исполненію обязанностей, кои въ „Начертаніи правилъ" подробно ей предназначены" [1]).

Въ тотъ же день, 26 Іюня 1808 г., указомъ на имя Комитета Государь выразилъ ему свою признательность за исполненіе возложеннаго на него порученія. „Изъ доклада Комитета, Мнѣ поднесеннаго,—говорилъ Государь,—Я видѣлъ съ особеннымъ удовольствіемъ, что онъ совершилъ дѣло, указомъ 29 ноября минувшаго года Мною на него возложенное. Отдавая совершенную справедливость усердію и отличной дѣятельности, коими Комитетъ при исполненіи порученія сего руководствовался и содѣйствовалъ Моимъ намѣреніямъ о доставленіи прочныхъ правилъ духовенству какъ въ его просвѣщеніи, основанномъ на истинномъ благочестіи, такъ и въ способахъ его содержанія, и изъявляя всѣмъ членамъ онаго Мое благоволеніе и признательность, повелѣваю: на основаніи II статьи указа Св. Сѵноду въ 26 день Мною даннаго, передать въ Коммиссію Духовныхъ Училищъ журналы Комитета, такъ и всѣ свѣдѣнія, въ разсмотрѣніи его бывшія" [2]).

Такимъ образомъ, Комитетъ преобразовался въ Коммиссію Духовныхъ Училищъ и въ этомъ видѣ продолжалъ свое существованіе до 1839 г., когда учрежденіе это было переименовано въ *„Учебное Управленіе при Св. Сѵнодѣ"*, чтобы впослѣдствіи въ свою очередь уступить мѣсто *„Училищному Совѣту"* и наконецъ вновь *„Учебному Комитету при Св. Сѵнодѣ"*. Исторія этого учрежденія важна для насъ

[1]) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора Св. Сѵнода № 3455:—см. „Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи" И. Чистовича, стр. 23 — 24. Высочайшій указъ Святѣйшему Сѵноду отъ 26 Іюня 1808 г. „Полн. Собр. Зак." изд. 1830 г., т. XXX, стр. 395 — 396 (№ 23, 124).

[2]) „Руководящіе дѣятели"... Чистовича, стр. 24.

въ томъ отношеніи, что основныя положенія комитетскаго доклада 26 Іюня 1808 г., измѣняясь впослѣдствіи лишь въ частностяхъ, сохранились до нашего времени и лежатъ въ основаніи нынѣ дѣйствующаго устава духовно-учебныхъ заведеній[1]), и, какъ таковыя, постоянно регулируютъ составъ, объемъ и методъ развитія и преподованія учебныхъ предметовъ въ нашихъ духовныхъ школахъ. Само собой разумѣется, что уставъ 1808 г., наряду съ другими учебными предметами, самымъ непосредственнымъ образомъ вліялъ и на постановку *Пастырскаго Богословія* въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ оно имѣло свое преимущественное мѣсто. Въ школахъ составлялись учебныя руководства для изученія этого предмета, какъ и для другихъ учебныхъ предметовъ, и здѣсь-же прежде всего эти руководства имѣли свою цѣль и приложеніе.

Впрочемъ, въ началѣ текущаго вѣка положеніе Пастырскаго Богословія, какъ учебнаго предмета въ школахъ, было далеко не почетное[2]), и нужно было почти 50 лѣтъ, чтобы у насъ въ русской духовной литературѣ явилась первая научная система по этому предмету. На первыхъ же порахъ насущной нуждѣ удовлетворяли пасторологическія сочиненія прежняго времени[3]), а учебнымъ руководствомъ, оффиціально назначеннымъ отъ духовно-учебнаго начальства для школъ, явилась классическая въ своемъ родѣ *„Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“*, составленная во второй половинѣ XVIII-го столѣтія и изданная первоначально въ С.-Петербургѣ въ 1776 г.[4]). Въ такомъ значеніи она была введена прежде всего въ наши духовныя училища. Такъ, въ 1803 г. циркулярнымъ указомъ Св. Сѵнода отъ 18 марта, между прочимъ, пред-

[1]) Мы разумѣемъ общую цѣль духовно-учебнаго образованія, усиленный элементъ наукъ философскихъ, древнихъ языковъ, Св. Писанія, преобладающій богословскій характеръ образованія, постепенное устраненіе математическихъ наукъ, новыхъ языковъ и т. д.

[2]) Ср. „Исторія СПБ. академіи“ Чистовича, 1857 г., стр. 290.

[3]) Напр. „Поученіе святительское къ новопоставленному іерею,“ „Учительное Извѣстіе,“ „Ставленая іерейская грамата“ и т. п.—См. П. Нечаева: „Практическое руководство для священнослужителей“... изд. 6, СПБ. 1895 г. стр. 42—44.

[4]) Нечаевъ, стр. 45.

писано было епархіальнымъ преосвященнымъ, чтобы они для тѣхъ священно-служительскихъ дѣтей, которыя къ прохожденію высшихъ наукъ и изученію латинскаго языка оказываются неспособными, а между тѣмъ которыя чрезъ занятіе однѣми русскими науками могутъ достаточно развить свои природныя дарованія и чрезъ то могутъ съ пользою послужить какъ для Церкви, чрезъ поступленіе на священно-церковно-служительскія должности, такъ и для народа занятіемъ учительскихъ мѣстъ въ сельскихъ школахъ,—ввели въ духовныхъ училищахъ преподованіе наукъ по особенному „Начертанію", составленному Высокопреосвященнымъ митрополитомъ с.-петербурскимъ и новгородскимъ Амвросіемъ [1]). Здѣсь, въ курсѣ третьяго класса, послѣ логики, реторики россійской и пространнаго катихизиса, и положено было проходить *„Книгу о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ"* по изданію 1796 года [2]).

Впрочемъ, главное примѣненіе эта книга имѣла въ духовныхъ семинаріяхъ, гдѣ юношество воспитывалось преимущественно „въ надежду священства", т. е. подготовлялось къ служенію пастырскому. Примѣнительно къ уставу духовныхъ семинарій, выработанному Коммиссіей Духовныхъ Училищъ 1808 г., Пастырское Богословіе вошло въ составъ наукъ старшаго курса въ семинаріяхъ. „Духовная семинарія,—говорилось тогда въ конспектахъ богословскихъ наукъ, — приготовляетъ не только студентовъ для академій, но и пастырей для Церкви" [3])..... Однако, не смотря на всю важность Пастырскаго Богословія для образованія будущихъ пастырей Церкви, сознаваемую и высшимъ духовнымъ правительствомъ и непосредтенными составителями учебныхъ программъ, этотъ предметъ не

---

[1]) Разумѣется Амвросій Подобѣдовъ, вызванный въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Сунодѣ въ 1795 г. и скончавшійся въ санѣ митрополита новгородскаго 21 Мая 1818 г. См. о немъ подробнѣе „Исторію московской славяно-греко-латинской академіи С. Смирнова, стр. 211—212 и 352—353, Москва 1855 г.

[2]) „Очеркъ исторіи смоленской духовной семинаріи и подвѣдомыхъ ей училищъ" Ив. Сперанскаго, стр. 132—133. Смоленскъ, 1892 г.—См. также „Духовныя школы въ Россіи" проф. Знаменскаго, стр. 741—742.

[3]) „Исторія казанской духовной семинаріи за XVIII—XIX стол.," А. Благовѣщенскаго, Казань 1881 г., стр. 335.

получилъ здѣсь самостоятельнаго значенія и былъ присоединенъ къ Богословію Нравственному. „Богословіе Нравственное (moralis),—говорилось въ конспектѣ наукъ того времени, — должно быть преподаваемо по руководству Theophilacti *doctrina de agendis,* какъ извлеченному изъ системы Buddei: institutiones theologiae moralis[1]). Послѣ руководства Θеофилакта,—продолжалъ конспектъ,—должна быть преподана *Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ*“[2]).—Въ силу такого распоряженія, одни изъ преподавателей Нравственнаго Богословія въ семинаріяхъ, послѣ изложенія своего главнаго предмета воспитанникамъ, прочитывали имъ *Книгу о должностяхъ пресвитеровъ.* Другіе излагали содержаніе этой *Книги* хотя и не буквально, однако въ строгомъ соотвѣтствіи съ ея планомъ и методомъ. Въ послѣднемъ случаѣ послѣ догматическаго понятія о священствѣ, цѣли и важности его, о качествахъ священника и т. п. вопросовъ, говорили объ обязанностяхъ пастырей: объ устномъ ученіи прихожанъ (соотвѣтственно первой части *Книги о должностяхъ),* о примѣрной жизни священника (вторая часть *Книги о должностяхъ),* о тайнодѣйствіи (третья часть *Книги)* и молитвѣ (четвертая часть). Такого порядка держался напр. ректоръ рязанской семинаріи архимандритъ Арсеній (впослѣдслѣдствіи митрополитъ кіевскій[3]). Впрочемъ, въ теченіе перваго года управленія этого ректора (1829—1830) воспитанники заучивали *Книгу о должностяхъ пресвитеровъ* даже *наизусть*[4]). И это былъ не единственный примѣръ, хотя нельзя утверждать, что такое заучиваніе практиковалось повсемѣстно[5]). Далѣе, напр., изъ исторіи тверской семинаріи извѣстно, что тамъ *Книга о должностяхъ приходскаго священника* съ 1802 года чита-

---

[1]) Разумѣется вторая часть богословской системы бывшаго ректора московской академіи Θеофилакта Горскаго (1770—1774 г.): Orthodoxae orientalis ecclesiae dogmata seu doctrina chistiana de credendis et agendis.

[2]) „Исторія казанской духовной семинаріи“ А. Благовѣщенскаго, стр. 336.

[3]) „Исторія рязанской духовной семинаріи“ Дм. Агнцева, стр. 173 и 211. Рязань, 1889 года.

[4]) Тамъ-же, стр. 200.

[5]) При ректорѣ рязанской семинаріи архим. Аѳанасіи Дроздовѣ (впослѣдствіи архіеп. астраханск.) заучиваніе наизусть этой книги проктиковалось въ теченіи 4 лѣтъ (1837—1840 г.) См. „Ист. рязан. сем.“ стр. 173.

лась *въ субботу, въ утренніе часы*, а рядомъ съ нею — въ остальное время „спрашиваемо было, чему до того времени въ семинаріи обучались, особливо дефиниціи изъ философіи и Богословіи“ [1]). Затѣмъ, излагая порядокъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ той же семинаріи за 1811 г., историкъ ея пишетъ: „въ классѣ богословскомъ въ утренніе часы въ субботу читана была *Книга о должностяхъ приходскаго священника* и Кормчая: изъ первой съ оканчававшими курсъ ученія прочитано начиная съ таинства о священствѣ до конца, а съ переведенными вновь—сначала о двухъ должностяхъ священника“... и т. д. [2]). Такимъ образомъ оказывается, что *Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ* имѣла *повсемѣстное* распространеніе въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ въ началѣ нашего столѣтія до его половины въ качествѣ учебника для учениковъ и руководства для преподавателей [3]). По крайней мѣрѣ это можно съ достовѣрностью сказать относительно періода до 1845 г., когда приснопамятный митрополитъ московскій Филаретъ, говоря о выборѣ учебника по Пастырскому Богословію для семинарій своего и послѣдующаго времени, отдавалъ рѣшительное предпочтеніе *Книгѣ о должностяхъ*. Давая свой отзывъ о новомъ конспектѣ по предмету Пастырскаго Богословія и имѣя въ виду переведенную съ нѣмецкаго языка (въ 1803 г.) составленную въ католическомъ духѣ систему Гивтшица, которую, за неимѣніемъ русскихъ сочиненій, хотѣли сдѣлать въ это время пособіемъ при изученіи Пастырскаго Богословія въ семинаріяхъ,—митрополитъ Филаретъ писалъ графу Протасову слѣдующее: „Конспектъ сей, по моему мнѣнію, не можетъ быть употребленъ съ желаемою пользою и удобствомъ, чему причиною особенно указанія на книгу Гивтшица, не къ православному исповѣданію

[1]) „Исторія тверской духовной семинаріи“ Вл. Колосова, стр. 246 и 252. Тверь, 1889 года.

[2]) Тамъ-же, стр. 306 и 308.

[3]) Ср. проф. Знаменскаго: „Руководство къ русской церковной исторіи,“ изд. 5, 1888 г., Казань, стр. 501—502.

приспособленную и по мѣстамъ проникнутую духомъ неправославія и суемудрія. Да и нѣтъ нужды въ сей книгѣ: потому что православное сочиненіе *о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ* во всѣхъ отношеніяхъ выше книги Гивтшица. Оно приспособлено къ православной Церкви, проникнуто духомъ слова Божія и св. отецъ и образуетъ приходскаго пастыря не только правилами благоразумія и благочинія, но истинно духовными и душеспасительными наставленіями. Нѣсколько устарѣвшее изложеніе не составляетъ недостатка. Почему и при введеніи новыхъ конспектовъ Догматическаго и Нравственнаго Богословія *руководствомъ для преподаванія Пастырскаго Богословія въ семинаріяхъ можетъ быть оставлено сочиненіе „о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“* [1]).

Но мало этого,—упомянутая *Книга* духовно-учебнымъ начальствомъ была указана не только для низшихъ и среднихъ школъ духовныхъ, но и для высшихъ, т. е. академій. Такъ, въ „Исторіи старой казанской духовной академіи“, возведенной на эту степень при Императорѣ Павлѣ I, приводится опредѣленіе Св. Сѵнода (1798 г.) относительно состава наукъ въ новооткрываемыхъ академіяхъ, гдѣ между прочимъ говорится: „въ академіяхъ въ богословскомъ классѣ преподавать..... Кормчую да *Книгу о должностяхъ приходскаго священника“* [2]). Правда, здѣсь имѣются въ виду лишь двѣ новыхъ академіи—с.-петербургская и казанская; но если это опредѣленіе Св. Сѵнода сопоставить съ Высочайшимъ указомъ Императора Павла I отъ 11 января того-же 1798 г., на имя новогородскаго и с.-петербургскаго митрополита Гавріила, то оно можетъ быть отнесено и къ двумъ другимъ академіямъ, т. е. кіевской и московской. „Признали Мы за благо...,—говорилось въ указѣ Государя,—сверхъ бывшихъ донынѣ двухъ духовныхъ академій въ Москвѣ и Кіевѣ учредить таковыя

[1]) Письмо отъ 9 Мая 1845 г. См. Матеріалы для біографіи митроп. Филарета въ Чтен. Москов. Общества Любит. Дух. Просвѣщ., кн. VIII, 1869 г. стр. 97—100.

[2]) А. Благовѣщенскій: „Исторія старой казанской духовной академіи“, изд. Казань, 1875 г., стр. 12.

же духовныя академіи въ С.-Петербургѣ... и въ Казани“...[1]). „Потребный для благоустройства академій..... порядокъ учредить во-первыхъ въ Невской академіи, съ тѣмъ, чтобы примѣняясь уже къ тому, и *въ прочихъ академіяхъ такимъ же образомъ ученіе происходило“.*[2]) Имѣя въ виду этотъ моментъ, историкъ петербургской академіи говоритъ, что „еще въ 1797 г. повелѣно было читать въ академіяхъ о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, а въ руководство для наставниковъ по этой части назначена была *Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“* [3]). Наконецъ, знаменитый ректоръ именно петербугской академіи, архим. Филаретъ (впослѣдствіи митрополитъ московскій), состоя членомъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ и составляя (въ 1814 г.) свое „Обозрѣніе богословскихъ наукъ въ отношеніи къ преподаванію ихъ въ высшихъ духовныхъ училищахъ“, — гдѣ, безъ сомнѣнія, имѣлись въ виду между прочимъ и академіи,—для Пастырскаго Богословія указывалъ именно *Книгу о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ*[4]).

Въ виду всего сказаннаго до сихъ поръ, самъ собою является вопросъ: что же это за *„Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“*, которую такъ высоко цѣнило наше духовное правительство и руководящіе дѣятели образованія пастырей нашей Церкви?—По указаніямъ историковъ, она была составлена во второй половинѣ прошлаго (XVIII) столѣтія по порученію Св. Сѵнода двумя іерархами: Георгіемъ Конисскимъ, архіепископомъ могилевскимъ († 1795), и Пареѳніемъ Сопковскимъ, епископомъ смоленскимъ († 1795), и издана первоначально въ С.-Петербургѣ въ 1776 г.[5]). Въ предисловіи къ своему

---

[1]) Указъ Е. И. В. Павла I отъ 18 Декабря 1797 г. Полное собраніе закон. т. XXIV, № 18, 273, стр. 821 (по изд. 1830 г.).

[2]) Указъ Е. И. В. Павла I отъ 11 Янв. 1798 г. Полное собраніе закон., т. XXV, № 18, 726, стр. 426—430 (по изд. 1830 г.).

[3]) „Исторія с.-петербургской духовной академіи“ Чистовича, стр. 289.

[4]) „Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митропол. московскаго,“ изд. Преосв. Саввы, СПБ. 1885 г., т. I, стр. 122—144.

[5]) См. напр. у П. И. Нечаева: „Практическое руководство для священнослужителей“ изд. 6, СПБ. 1895 г., стр. 45, прим. 2.; также „Слова и рѣчи Георгія Конисскаго,“ изд. ред. Могилевскихъ Епархіальн. Вѣдомостей 1892 г.

труду составители *Книги* указываютъ, что при написаніи этого сочиненія у нихъ была чисто назидательная и наставительная цѣль и что оно предназначалось преимущественно для тѣхъ пастырей, „которые въ наукахъ не упражнялися" (стр. 191). „(Поелику) усмотрѣны нѣкоторые священники, — говорятъ они, — кои означенныхъ (т. е. пастырскихъ) должностей не знаютъ, или и знать не стараются, и потому званію своему не внимаютъ, и въ великомъ неустройствѣ пребываютъ: то дабы до конца въ

стр. 8, 40—41.—О Преосвящ. Парѳеніи, какъ о заботливомъ пастырѣ для пасомыхъ и мудромъ архипастырѣ для духовенства, довольно подробно говоритъ „Очеркъ исторіи смоленской семинаріи и подвѣдомыхъ ей училищъ" — Ив. Сперанскаго, стр. 60 — 103. Смоленскъ, 1892 г.—О Георгіи Конисскомъ существуетъ біографія его, предпосланная изданію его словъ и рѣчей, 1892 г. соч. И. Пятницкаго, Могилевъ; другая біографія, состав. прот. І. Григоровичемъ 1835 г., и третья — М. Павловича въ „Христ. Чт." 1873 г. Январь; о немъ же можно читать у проф. Кояловича—„Исторія возсоединенія Зап.—Русск. уніатовъ;" у Чистовича „Очеркъ исторіи Западн. Русск. Церкви;" у Н. А. Колосова—юбилейн. статья 1895 г., Москва, и мн. друг.—Почти всѣ указанные авторы составителями *„Книги о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ"* считаютъ обоихъ іерарховъ. Но есть свидѣтельства, что авторомъ *„Книги"* былъ одинъ преосв. Парѳеній, еп. смоленскій, и что она, прежде выхода въ свѣтъ, была пересмотрѣна, исправлена и дополнена преосв. Гавріиломъ (Петровымъ), митроп. с.-петербургскимъ. Такого мнѣнія, повидимому, держатся проф. Чистовичъ (см. его „Ист. СПБ. академіи, стр. 289), архим. Іаковъ („Пастырь въ отношеніи къ себѣ и паствѣ," СПБ. 1880 г., предислов.) и др. Точно такъ же извѣстный историкъ русскихъ духовныхъ писателей, преосв. черниговскій Филаретъ, считаетъ преосвящ. Парѳенія единственнымъ составителемъ этой книги (см. его „Обзоръ русской духовной литературы" кн. 2, стр. 81—82. СПБ. 1861 г.). Другіе писатели, напротивъ, приписываютъ *„Книгу"* одному Георгію Конисскому (И. Пятницкій: „Слова и рѣчи Георгія Конисскаго" изд. Могилевъ, 1892 г., стр. 8).—Намъ кажется, что внимательное изученіе жизни и дѣятельности обоихъ поименованныхъ епископовъ можетъ дать историку полное право признать всѣ три вышеприведенныя мнѣнія о писателяхъ данной книги въ нѣкоторомъ смыслѣ *правильными* и примирить ихъ между собою. Этотъ выводъ можно построить на слѣдующихъ соображеніяхъ: исторически извѣстно, что какъ тотъ, такъ и другой епископы ревностно и самоотверженно трудились на пользу своихъ пасомыхъ и подвѣдомыхъ имъ пастырей; памятникомъ этихъ трудовъ со стороны Конисскаго служатъ, между прочимъ, его архипастырскія посланія къ бѣлорусскому духовенству подъ названіемъ „Окружныя увѣщательныя грамоты къ православному духовенству," напечатанныя въ „Собраніи сочиненій" изд. прот. І. Григоровичемъ въ 1835 г. (т. II, стр. 131 — 145). Эти посланія важны для насъ въ настоящую пору главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что они по тону и содержанію близко напоминаютъ собою нѣкоторые изъ параграфовъ *„Книги о должностяхъ"* (напр. „Собран. сочин." стр. 131—137, 142—144 и *„Книги о должностяхъ"* л. 11—20, 144 — 151), и потому дѣлаютъ вполнѣ вѣроятнымъ соображеніе, что преосв. Георгій, получивъ отъ Св. Сѵнода предписаніе составить руководственную для пастырей книгу, передалъ списки этихъ своихъ пастырскихъ посланій для дополненія и окончанія другу своему, епископу

таковомъ невѣденіи и небреженіи не осталися, и за то не подпали бы они той строгости суда Божія, которою судимы были Надавъ и Авіудъ—сыны Аароновы, Офни и Финеесъ — сыны Иліины, ветхозавѣтные священники: *для того, какъ для наставленія, такъ и для побужденія ко вниманію таковымъ священникамъ книжица сія составлена*, да кто впредь восхощетъ быть священникомъ, или просто церковнослужителемъ, вѣдалъ бы важность служенія новаго завѣта"[1]). Рядомъ съ этимъ, здѣсь же указанъ и планъ, которому слѣдуютъ составители книги при ея написаніи. Именно, они указываютъ четыре должности служенія священническаго, которыя суть: а) проповѣдь слова Божія, б) учительство примѣромъ собственной жизни, в) священнослуженіе и г) молитва къ Богу. Отсюда и все сочиненіе свое они раздѣляютъ на четыре главы съ нѣкоторыми частными подраздѣленіями. Впрочемъ мы ошиблись бы, предполагая, что каждая изъ четырехъ главъ трактуетъ какую-либо изъ означенныхъ должностей священника. На самомъ дѣлѣ здѣсь не выдержана эта стройность, а весь матеріалъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: первая глава содержитъ въ себѣ *введеніе* и беретъ всего только

смоленскому Парѳенію, съ которымъ онъ былъ товарищемъ по кіевской академіи и состоялъ до самой смерти въ перепискѣ (см. „Собран. сочин." т. I, стр. LVIII; т. II, стр. 234, 238). Въ этомъ случаѣ будетъ понятно и то обстоятельство, что въ своей окружной грамотѣ духовенству отъ 13 Марта 1789 г. онъ дважды упоминаетъ „*Книгу о должностяхъ*", какъ *стороннее* для него сочиненіе, хотя и вполнѣ имъ одобряемое (см. „Собран. сочин." т. II, стр. 142—144); а поелику порученіе было дано *отъ Св. Сѵнода*, то понятно будетъ и то, почему митрополитъ петербургскій, какъ первенствующій членъ Сѵнода, читалъ и окончательно редактировалъ эту книгу;—и, наконецъ, почему она напечатана была въ Петербургѣ, хотя преосв. Георгій еще съ 1768 г. имѣлъ свою типографію въ Могилевѣ.—Все это кратко выразилъ Григоровичъ, біографъ Георгія Конисскаго, въ слѣдующихъ словахъ: „по препорученію Св. Сѵнода онъ (Георгій) вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Смоленскимъ Парѳеніемъ, другомъ своимъ, сочинилъ преполезную книгу *о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ*, которая, по изданіи въ свѣтъ, признана классическою (см. „Собран. сочин." т. I, стр. LVIII). Тоже самое, но еще въ болѣе раннее время, говорилъ митрополитъ Евгеній въ своемъ *Словарѣ*: „онъ (т. е. Георгій Конисскій), вмѣстѣ съ Парѳеніемъ Сопковскимъ, епископомъ смоленскимъ, сочинилъ классическую духовную книгу, именуемую *о должностяхъ приходскихъ священниковъ* (Историч. словарь о писателяхъ духовнаго чина, издан. 2. С.-Петербургъ, 1827 г., т. I, стр. 92—94).

[1]) „Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ" по изд. 1806 г. (четвертому), Москва, предисловіе къ пресвитерамъ, листы 5—6.

десять страницъ; вторая говоритъ вмѣстѣ и объ учительствѣ священника словомъ (стр. 12—70) и объ учительствѣ примѣромъ собственной жизни (стр. 70—112) и занимаетъ 102 страницы, т. е. въ десять разъ больше первой; третья глава содержитъ ученіе о литургическихъ обязанностяхъ священника (стр. 113—192); наконецъ, четвертая разсуждаетъ о молитвѣ вообще и въ частности о молитвѣ, какъ спеціальной должности пастыря (стр. 193—286).

Глава первая. Священство есть служеніе, преподанное отъ Христа апостоламъ и ихъ преемникамъ и состоящее въ проповѣди и строеніи таинствъ (стр. 1 — 2). Цѣль и назначеніе этого служенія состоитъ въ приведеніи къ Богу грѣшниковъ и примиреніи ихъ съ Богомъ (стр. 3—4). Уже отсюда очевидно, какъ высокъ и важенъ санъ священника. Но если обратить вниманіе на тѣ наименованія, какія прилагаются къ нему въ Св. Писаніи Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, тогда сіе достоинство еще болѣе возвысится, такъ что святые отцы и учители церковные, ничтоже сумняся, ставятъ его выше всѣхъ прочихъ служеній не только человѣческихъ, но и ангельскихъ (стр. 4—5). Но такая высота достоинства пастырскаго требуетъ отъ пастырей и великаго труда (стр. 6) и, съ одной стороны, добрыхъ тружениковъ ведетъ къ величайшей наградѣ, а съ другой—лѣнивыхъ и неисправныхъ—къ жестокимъ мученіямъ и тяжкой отвѣтственности (стр. 7). Поэтому желающіе получить священство должны прежде всего испытать себя, могутъ ли они понести такое тяжкое бремя, а наипаче чувствуютъ-ли призваніе послужить спасенію словесныхъ овецъ, какъ добрые пастыри, или приходятъ на это дѣло для своей корысти и прибытка „какъ таті́е и разбойницы“ (стр. 8—9). Впрочемъ, и тѣ и другіе, пріявши служеніе сіе, должны а) учити люди, б) жити свято, в) тайнодѣйствовати и г) молитися о людяхъ (стр. 10).

Глава вторая — раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ первая говоритъ объ ученіи словомъ, вторая—объ ученіи дѣломъ, т. е. „примѣромъ житія своего“ (стр. 11). Обязанность учительства словеснаго признается не только необходимо-потребною, но и первѣйшею обя-

занностію пастыря по заповѣди и примѣру Христа Спасителя, Его апостоловъ, а за ними и всѣхъ отцевъ и учителей церковныхъ; а потому небрежное или лѣнивое исполненіе ея со стороны пастыря влечетъ за собой самое тяжкое наказаніе какъ въ земной жизни, такъ и на страшномъ судѣ Христовомъ (стр. 12—20). „Но дабы въ таковую лѣность никто не пришелъ, а если ужъ къ тому склонился, то чтобы имѣлъ возможность исправиться, на сіе два средства предлагаются: 1) надлежитъ часто сія главизны (т. е. вышеуказанныя страницы этой книги) прочитывать и слово Божіе, въ нихъ упомянутое, въ сердцѣ съ размышленіемъ держать, а притомъ 2) вседушно Христа Іисуса Господа нашего съ вѣрою молить, дабы всегда насъ Духомъ Святымъ водилъ и наставлялъ на всяку истину“ (стр. 20).

Частными предметами учительства должны быть вѣра и законъ, причемъ подъ именемъ закона разумѣются законныя добрыя дѣла, а къ области вѣры относятся Св. Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта, сѵмволы вѣры, десятословіе, писанія св. отецъ, преданіе церковное (стр. 21—34). Характеръ поученій долженъ быть различенъ сообразно съ различіемъ ихъ содержанія и цѣли. Пастырь долженъ: 1) учить вѣрѣ, т. е. преподавать положительное изъясненіе ея истинъ (вѣроучительный родъ поученій); 2) противное еретическое, безбожное или суевѣрное ученіе изобличать и искоренять (полемическій видъ); 3) развращенныхъ въ беззаконіи исправлять (обличительный); 4) правовѣрныхъ и честныхъ въ добродѣтельномъ житіи наставлять и утверждать (нравоучительный) и 5) печальныхъ и отчаявающихся утѣшать и возставлять (увѣщательный). При этомъ, обучая пасомыхъ истинамъ вѣры, учитель долженъ выводить оттуда и нравственное приложеніе, потребное для руководства къ христіанскому житію, примѣняясь къ умственному развитію и соціальному положенію своихъ слушателей (стр. 34—41). Поученіямъ полемическаго характера должно предшествовать собесѣдованіе съ еретикомъ или заблуждающимся *наединѣ* и попытка обращенія его на истинный путь этимъ способомъ. Если же обличаемый не престанетъ отъ заблужденія

своего, тогда ложь слѣдуетъ обличать всенародно, но кротко, безъ ругательствъ и отнюдь не именуя лица заблуждающагося. Успѣхъ въ этомъ случаѣ будетъ тогда, когда „ревностный пастырь будетъ на ереси гнѣватися и гремѣть, а о самихъ лицахъ заблуждающихъ сердцемъ болѣть и слово гремящее дождемъ слезъ поливать" (стр. 41 — 44). — Третій видъ учительства (обличительный) настолько же труднѣе для священника, насколько для врача труднѣе обращеніе съ людьми больными, чѣмъ съ здоровыми. Поэтому здѣсь требуется и особая бдительность пастырская и величайшая осторожность. Бываютъ беззаконія тайныя и публичныя, вольныя и невольныя, отъ разума и отъ неразумія, легкія и тяжкія, случайныя и постоянно продолжающіяся и т. д., и во всѣхъ такихъ обстоятельствахъ требуется совѣтъ, запрещеніе, молитва, наученіе, наказаніе, ревность (стр. 44—52). Сему подобны и два послѣднихъ вида учительства (стр. 53—56). Соблюдая указанныя особенности пріемовъ учительства, пастырь долженъ употреблять ихъ разсудительно, основываясь на ученіи и примѣрѣ Христовомъ и на вѣрѣ въ Него (стр. 57 — 59). — Мѣстомъ для учительства пусть будетъ не только церковь въ праздничный день, но всякій домъ прихожанина, во всякое время и при каждомъ случаѣ, ибо пастырю надлежитъ посѣщать домы прихожанъ, чтобы испытовать, живутъ-ли супруги въ любви и согласіи, учатъ-ли дѣтей родители, господà слугъ, повинуются ли дѣти,—и чрезъ это разыскивать погибающую овцу, чтобы уврачевать и спасти её (стр. 57 — 63). — Очевидно, не легко выполнить вышеизложенныя обязанности человѣку, который не учился или теперь не хочетъ учиться самъ; а потому *Книга* полагаетъ, что „каждый пресвитеръ и діаконъ, да и вообще кто желаетъ пресвитерства, должны непремѣнно, сколько время и силы дозволяютъ, вседушно прилежать ученію Божественнаго Писанія и ко изысканію въ немъ истиннаго разума (т. е. смысла) призывать Господа съ Давидомъ: *Вразуми мя и испытаю законъ Твой... открый очи мои и разумѣю...*, а потомъ не оставлять правила и писанія св. отецъ, исторію церковную

и гражданскую и другія относящіяся къ своимъ должностямъ знанія“ (стр. 63—67). Въ заключеніе этого отдѣла *Книга* указываетъ пастырю ученіе и дѣятельность Св. Ап. Павла (по XX гл. кн. Дѣяній), въ которыхъ наилучшимъ образомъ соединилось все потребное и достоподражательное для его преемниковъ (стр. 67—69).

Во второмъ отдѣлѣ разсматриваемой главы содержатся разсужденія объ учительствѣ священника примѣромъ житія его. „Слово учителя,—говорится здѣсь,—такъ тѣсно и естественно связано съ его житіемъ, что даже нехристіанскіе риторы по этому поводу говорили: никто риторомъ добрымъ не можетъ быть, если не будетъ человѣкомъ добрымъ. Поэтому гораздо болѣе необходимо имѣть сіе въ виду христіанскому учителю, чтобы не услышать отъ поучаемыхъ: „врачу, исцѣлился самъ“ (Лук. IV, 23). Онъ долженъ быть „свѣтомъ міра“ (Мѳ. V, 16), „образомъ стаду“ (1 Петр. V, 2,—3; 1 Тим. IV, 12; 2 Тим. III, 10; Тит. II, 7—8) и въ такомъ случаѣ его житіе будетъ какъ бы другою рукою его, которою онъ можетъ спасти прихожанъ своихъ; въ противномъ же случаѣ онъ разрушалъ бы житіемъ то, что̀ создалъ учительнымъ словомъ (стр. 70 — 80). Въ частности, подобаетъ пастырю быти непорочну, единыя жены мужу, трезвенну, цѣломудру, благоговѣйну, честну, страннолюбиву, учительну, не пьяницѣ, не бійцѣ, не сварливу, не мшелоимцу, но кротку, не завистливу, не сребролюбиву; свой домъ добрѣ правящу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою; не новокрещенну; подобаетъ же ему и свидѣтельство доброе имѣти отъ внѣшнихъ, да не въ поношеніе впадетъ; да не будетъ пресвитеръ двоязыченъ, но да будетъ мудръ, яко змія, и цѣлъ, яко голубь,—да будетъ всѣмъ вся, какъ вѣрный и мудрый служитель Божій, его же поставитъ Господь надъ челядію Своею даяти во время житомѣріе (Лук. XII, 42; Мѳ. XXIV, 45); напротивъ, безъ этихъ добродѣтелей онъ будетъ гробомъ повапленнымъ..., и пріидетъ Господь раба того въ день, въ оньже не чаетъ, и въ часъ, въ оньже не вѣсть: и протешетъ его полма и часть его съ невѣрными положитъ“... (стр. 80—112).

Глава третья—разсуждаетъ о третьей должности священнической, каковою является тайнодѣйствіе или совершеніе таинствъ. Но мы напрасно ожидали бы здѣсь встрѣтить догматическое ученіе о таиствахъ, или литургическомъ строѣ ихъ. Нѣтъ, здѣсь заботливо отстраняется этотъ матеріалъ въ виду того, что „о всемъ томъ въ катихизическихъ книжицахъ довольно написано. А какимъ порядкомъ и способомъ тыя тайны надлежитъ дѣйствовать, о томъ тако-жъ требники церковные, а для св. евхаристіи служебники, довольно показуютъ". Вмѣсто сего мы здѣсь находимъ лишь „нѣкая предложенія о тѣхъ къ тайнамъ принадлежностяхъ, безъ которыхъ тайна не пользуетъ нимало тайну пріемлющаго, а иногда бываетъ даже во грѣхъ пріемлющему, или подающему, а иногда и обоимъ вмѣстѣ". Одни изъ этихъ „предложеній" касаются всѣхъ вообще таинствъ, другія относятся къ какому-либо отдѣльному изъ нихъ (стр. 113—114). Такъ, напр., прежде чѣмъ преподать кому-либо церковное таинство, священникъ долженъ изъяснить пріемлющему, если тотъ не знаетъ, внутреннюю силу и цѣль таинства, а также и его внѣшнюю сторону; при этомъ слѣдуетъ провѣрить, знаетъ—ли пріемлющій тайну первѣйшіе члены вѣры православной, ибо безъ вѣры, или при вѣрѣ неправой и тайна не пользуетъ его нимало. Поэтому -надъ еретиками не слѣдуетъ совершать таинствъ, пока не покаются и не обратятся (стр. 114 — 119). Но пресвитеръ долженъ внимательно наблюдать и то, чтобы ему самому не совершать тайны въ смертномъ грѣхѣ, ибо хотя этотъ грѣхъ и не запнетъ благодати Божіей, но усугубится. Наипаче же пусть онъ не будетъ при этомъ пьянъ, и пусть ниже мѣдницы единой требуетъ отъ пріемлющаго тайну—по словеси Господню: *туне пріясте, туне дадите* (Мѳ. X, 8), а довольствуется доброхотнымъ даяніемъ (стр. 119—122). Въ частности, при совершеніи *крещенія* священникъ долженъ смотрѣть, чтобы воспріемникъ былъ правовѣренъ и зналъ нужные ко спасенію члены вѣры. Если же приходятъ къ сему таинству возрастные люди „отъ нечестія жидовскаго, магометанскаго и идолопоклоническаго," то

прежде нужно ихъ научить членамъ вѣры, изъяснить тайну крещенія, изобличить ихъ прежнія заблужденія и тогда крестить; но римлянъ, лютеранъ, кальвинистовъ и раскольниковъ не должно при этомъ перекрещивать, а лишь мѵропомазывать при отреченіи и проклятіи ими своихъ прежнихъ заблужденій. Мѣсту крещенія подобаетъ быть въ церкви, за исключеніемъ опасныхъ случаевъ, когда можно крестить не только въ домахъ, но и міряниму; младенцевъ мертвыхъ изверженныхъ не крестить; подметныхъ дѣтей, при отсутствіи достовѣрнаго извѣстія, безъсумнительно крестить; о всѣхъ же крещенныхъ имѣть попеченіе, чтобы, приходя въ возрастъ, учились вѣрѣ и соблюдали обѣты, данные при крещеніи (стр. 122—130). Почти такія же „предложенія" указаны и для таинства мѵропомазанія (стр. 131—132).—Наиболѣе трудное дѣло предстоитъ священнику при совершеніи таинства *покаянія*, ибо „здѣсь духовному сему лекарю дѣло предлежитъ съ больными, коихъ болѣзни многоразличны суть. Часто въ одной душѣ отъ многихъ застарѣлыхъ разгнившихся ранъ повреждены бываютъ всѣ части и жизненные соки; и эти люди часто или не чувствуютъ тяжелыхъ сихъ болѣзней, или укрываютъ ихъ, или — отдавши себя врачевать — лекарства не терпятъ. Поэтому и наставленіе пресвитеру о сей тайнѣ пространнѣе подать слѣдуетъ". Онъ долженъ прежде всего по вся дни указывать пасомымъ качества истиннаго покаянія: познаніе грѣховъ своихъ, примиреніе съ врагами, отвращеніе отъ пороковъ и твердое намѣреніе впредь не согрѣшать. При этомъ священникъ долженъ остерегаться принимать на исповѣдь нѣсколькихъ лицъ одновременно, не долженъ „вычислять передъ кающимся роды и различія грѣховъ, особливо плотскихъ, дабы такимъ образомъ не обучилъ кающагося такому грѣху, котораго тотъ не зналъ"; но долженъ иначе бесѣдовать съ холоднымъ сердцемъ грѣшника, иначе съ сомнѣвающимся, иначе обращаться съ тяжкими, иначе съ простительными грѣхами, одни разрѣшать, другіе связывать, иныхъ побуждать къ дальнѣйшему преуспѣянію, другихъ исправлять эпитиміей. Тайну исповѣди священникъ долженъ свято

хранить, за исключеніемъ преднамѣреннаго воровства, или замысловъ Царскаго Величества и государства касающихся, или народный соблазнъ обѣщающихъ злоумышленій и проч., чтó въ Духовномъ Регламентѣ въ прибавленіи подъ числомъ 11 и 12 изображено, когда ему слѣдуетъ объявить такую исповѣдь своему епископу (стр. 133—166). Приступающимъ ко *св. причастію* слѣдуетъ напомнить установленіе таинства, его видимую и внутреннюю стороны, важность достойнаго и опасность недостойнаго пріобщенія; также нужно смотрѣть, чтобы пріобщеніе было совершено отъ единаго агнца, а не частицами за живыхъ и умершихъ, и отъ единаго преложившагося во св. кровь вина, а не водою, которою измывается св. чаша. Наконецъ, священнику нужно всемѣрно слѣдить, чтобы кто — либо изъ больныхъ не умеръ безъ причастія, а съ другой стороны — отнюдь не пріобщать здоровыхъ, но запрещенныхъ, или ума лишившихся (стр. 167—175). Для таинства *священства,* какъ относящагося къ вѣдѣнію епископскому, никакихъ „предложеній“ не дано (стр. 175—176). Предъ совершеніемъ таинства *брака* указано заблаговременно объявлять о немъ въ церкви, чтобы не было беззаконныхъ браковъ въ родствѣ, а жениха и невѣсту спрашивать, доброю ли волею желаютъ сочетатися, знаютъ—ли молитву Господню, символъ вѣры, заповѣди десятословія и т. д. Бракъ вѣнчать неотмѣнно въ церкви, и при людѣхъ, съ согласія родителей брачущихся; а малолѣтнихъ, или весьма престарѣлыхъ, или изувѣченныхъ и къ сожитію неспособныхъ, или лишившихся ума, или пьяныхъ бродягъ, или незнающихъ нужнѣйшихъ членовъ вѣры не вѣнчать, ибо въ противномъ случаѣ клирики подлежатъ изверженію изъ сана. Правовѣрныхъ съ иновѣрными вѣнчать лишь по разсужденію архіерейскому (стр. 176—186). Наконецъ, при тайнѣ *елеопомазанія,* сдѣлавъ общія наставленія пріемлющему тайну, священникъ пусть заботится лишь о достойномъ пріятіи ея больнымъ (стр. 186—190).

Глава четвертая начинается общими разсужденіями о молитвѣ, въ которыхъ указывается заповѣдь Божія о ней, отличіе молитвы внутренней отъ внѣшней, уединен-

ной отъ общественной, цѣнность этихъ видовъ молитвы, пособія (числомъ 9) для усвоенія дара истинной молитвы и образцы молитвъ въ молитвѣ Господней, въ молитвѣ мытаря, блуднаго сына, благоразумнаго разбойника и др. Рядомъ съ нею поставляется постъ, бдѣніе, трезвенность и другіе подвиги какъ для тѣла, такъ и для души (стр. 190—254). Послѣ этого приведены доказательства Ветхаго и Новаго Завѣтовъ къ тому, что эта общая всѣмъ христіанамъ добродѣтель сугубо должна быть принадлежностью священника. „И будетъ сіе вамъ,—сказалъ Господь Аарону и сынамъ его,—законное вѣчное, еже молитися о сынѣхъ Израилевыхъ и о всѣхъ грѣсѣхъ ихъ" (Лев. XVI, 34; ср. Числ. XV, 25; изъ Новаго Завѣта: Евр. V, 3; Іоан. XVI, 23 — 24; Лук. XXII, 46; Дѣян. VI, 4; 1 Тим. II, 1 — 2, Іоан. V, 14). Соотвѣтственно этому и новозавѣтный пресвитеръ долженъ молиться за вся человѣки: за Царя и за вся, иже во власти суть, о всѣхъ грѣхахъ ихъ, да отпуститъ ихъ Господь, а добродѣтели да возраститъ, да дастъ земли плодоносіе, а трусы и глады и моры да отгонитъ; если же такіе несчастные случаи постигнутъ пасомыхъ его, то онъ долженъ весь народъ побуждать къ покаянію, чтобы оставили злые пути свои и обратились къ Богу, а преимущественно предъ всѣми долженъ дѣлать это самъ пастырь; въ благостояніи слѣдуетъ вседушевно благодарить Господа,—и здѣсь пастырю слѣдуетъ быть снова впереди и словомъ и дѣломъ. Наконецъ, онъ долженъ молиться не только за живыхъ, но и за умершихъ, и совершать молитву свою не только въ храмѣ и въ праздничные дни, но и въ домахъ и въ другихъ мѣстахъ, при людяхъ и наединѣ, и вообще всегда, какъ только позволяютъ дѣлать это обстоятельства. Въ заключеніе, его долгъ научить тому же и прихожанъ своихъ (стр. 254—286).

Таково содержаніе *„Книги о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ,"* — этого замѣчательнѣйшаго памятника духовной литературы, которымъ началась исторія нашей пасторологіи XIX-го вѣка. Если видѣть въ этомъ

сочиненіи систему Пастырскаго Богословія, то современная ученая критика, можетъ быть, найдетъ въ ней нѣкоторые недочеты. Можетъ быть, она укажетъ, что *Книга* трактуетъ чужой предметъ, когда говоритъ, напр., о словесномъ учительствѣ священника.—Но такое утвержденіе едва ли будетъ справедливо, ибо на самомъ дѣлѣ этотъ отдѣлъ—въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ въ *„Книгѣ о должностяхъ,“* есть скорѣе пасторологическій, чѣмъ гомилетическій. Въ немъ нѣтъ главнаго предмета Гомилетики, именно ученія о формахъ проповѣди, о расположеніи частей ея, о пріемахъ церковно-ораторскаго искусства и тому подобныхъ вопросахъ, составляющихъ содержаніе науки о проповѣдничествѣ; а указаніе къ свѣдѣнію проповѣдника на различныя нравственныя, интеллектуальныя, матеріальныя и соціальныя состоянія пасомыхъ и классификація ихъ (стр. 34—59), напротивъ, скорѣе есть отдѣлъ общей пастырской педагогики или душепопеченія, чѣмъ отдѣлъ Гомилетики.

Могутъ, далѣе, сказать, что въ отдѣлѣ „о тайнодѣйствіи“ это сочиненіе касается догматическихъ и литургическихъ вопросовъ и такимъ образомъ снова входитъ въ чужую область.—Но мы уже указывали ранѣе, что *Книга о должностяхъ* устраняетъ отъ себя вопросы о томъ, что̀ есть таинство, когда и кѣмъ установлено, сколько таинствъ и какая сила ихъ, а также и то, какимъ порядкомъ совершать и преподавать ихъ,—все эта она относитъ къ области катихизическихъ книжицъ, требниковъ церковныхъ и служебниковъ (стр. 113—114), т. е. прямо отказывается говорить языкомъ Догматики и Литургики. Она оставляетъ на своихъ страницахъ лишь тѣ вопросы относительно тайнодѣйствій, которые могутъ возбуждать недоумѣніе, или быть предметомъ различнаго толкованія, или быть превратно поняты—по неразумію-ли совершителей, по обстоятельствамъ ли дѣла, или въ силу какихъ-либо случайныхъ осложненій и совпаденій,—т. е. тѣ вопросы, рѣшенія которыхъ не даны въ Догматикѣ и Литургикѣ, но предоставлены благоусмотрѣнію, благоразумію и искусству самого священника. Таковы, напр., особенно вопросы

касающіеся исповѣди, напутствованія умирающихъ, елеопомазанія больныхъ, и т. д.

Наконецъ, могутъ указать и на то, что въ *Книгу* внесенъ отдѣлъ о молитвѣ, какъ общей христіанской добродѣтели (стр. 192—254), который не имѣетъ существенной связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ содержаніемъ сочиненія.—Правда, въ стройной системѣ Пастырскаго Богословія достаточно было бы самаго послѣдняго отдѣла „о молитвѣ, какъ преимущественно пастырской должности“ (стр. 254—286). Но *Книга* не задавалась цѣлію создать подобную систему. „Писанныя до здѣ о четырехъ упомянутыхъ должностяхъ предложенія,—говорится въ заключеніи,—довольна суть неучившимся богословскому ученію подать понятіе, а прочимъ охоту и поощреніе вложить ко исполненію оныхъ“ (стр. 286). Такимъ образомъ, она имѣла въ виду дать руководство неученымъ священнослужителямъ не только въ томъ, какъ самимъ имъ молиться, но какъ преподавать ученіе о молитвѣ и всѣмъ ихъ пасомымъ[1]). Впрочемъ, это нужно сказать не только о молитвѣ, но и о всемъ содержаніи книги. Сообразно съ поставленною цѣлію „дать понятіе священнику къ исполненію его должностей“ (стр. 286), составители этого труда дѣйствительно дали своимъ современникамъ сборникъ правилъ, наставленій и разсужденій для жизни и дѣятельности приходскаго священника во всѣхъ главныхъ ея проявленіяхъ,—сочиненіе, проникнутое отеческою любовію къ пастырямъ и величайшимъ благоговѣніемъ къ ихъ священному служенію. И хотя составители не задавались, повидимому, какими-либо научными цѣлями, тѣмъ не менѣе это сочиненіе имѣетъ характеръ весьма цѣннаго научнаго труда. Такъ, оно начинается изложеніемъ основныхъ пунктовъ о пастырскомъ служеніи—о божественномъ установленіи его, о цѣли и важности, о трудности и отвѣтственности этого служенія, наконецъ о необходимости тщательнаго приготовленія къ нему со стороны кандидатовъ священства, т. е. начинаетъ пасторологію XIX-го

---

[1]) Напр. это ясно видно изъ приведеннаго въ книгѣ примѣрнаго разбора и объясненія молитвы Господней и др. (стр. 219—226).

вѣка тѣмъ самымъ принципіальнымъ освѣщеніемъ вопроса, который въ наши дни, къ самому концу вѣка, развился въ цѣлые томы и строго научныя системы[1]). Точно такъ-же, напр., вопросъ о молитвѣ, какъ о должности пресвитеровъ, для своего времени былъ объясненъ здѣсь не менѣе удовлетворительно, чѣмъ онъ раскрывается въ настоящее время въ академической наукѣ[2]). Всѣ такъ называемыя „предложенія“ (стр. 114), составляющія содержаніе книги, собраны тутъ не случайно, но распредѣлены по строгому плану, который указанъ составителями въ началѣ сочиненія (введеніе, четыре главы и заключеніе). Мало того, ни одно изъ этихъ „предложеній“ не стоитъ голословно и бездоказательно, но каждое имѣетъ тутъ же указанное основаніе, приводимое преимущественно „отъ слова Божія, соборныхъ правилъ, учителей церковныхъ“ (см. входный листъ) и правилъ св. апостоловъ (стр. 17); но при этомъ не забыты и наша Кормчая (169. 183), прологи (стр. 34) и Духовный Регламентъ (стр. 35, 158. 162 и др.). Наконецъ, все это изложено такимъ сердечнымъ и въ то же время правильнымъ слогомъ, что невольно привлекаетъ къ себѣ читателя. „Пріимите убо вы, носящіе имя пастырей, пресвитеры, — говорятъ писатели—іерархи,—пріимите наставленія сіи съ такимъ усердіемъ, съ какимъ они для васъ написаны, и употребите въ пользу вашу и порученныхъ вамъ душъ, да не туне именуетесь свѣтомъ міра, да не будете вожди слѣпіи слѣпцамъ, идуще и ведуще въ ровъ погибели, откуда избавленія во вѣки не будетъ“ (см. предисловіе). Или еще: „Да дастъ вамъ (пресвитерамъ) Богъ духа премудрости и откровенія въ познаніе совершенное должности вашея и исполненіе ея, да просвѣтитъ очеса сердца вашего увидѣть, кое есть богатство славы уготованное вамъ, если достойнѣ званію вашему прилѣжать будете, и кая напро-

---

[1]) См. напр. „Основные пункты въ ученіи о пастырскомъ служеніи“ соч. ординарн. проф. кіевской академіи В. Θ. Пѣвницкаго. Кіевъ, 1892 года. „Приготовленіе къ священству и жизнь священника“ его-же, Кіевъ, 1887 г. „Записки по Пастырскому Богословію“ архим. Бориса (Плотникова). Кіевъ, 1892 г. и др.

[2]) См. напр. „Значеніе молитвы для пастыря Церкви“ преосвящ. Антонія (Храповицкаго). Казань, 1897 г.

тивъ того лютость мукъ ждетъ васъ, если съ собою многочисленныя души, искупленныя Іисусомъ Христомъ, нерадѣніемъ званія вашего въ ровъ погибели вѣчныя сведете. Но Господь нашъ Іисусъ Христосъ всесильною десницею Своею всѣхъ насъ отъ сего да спасетъ и, избавляя отъ всякаго дѣла лукава, да соблюдетъ во царствіе Свое небесное“ (тамъ-же). Или, наконецъ, вотъ что̀ говорятъ они въ заключеніи: „Ваше есть нынѣ, о пресвитеры, принять сію книжицу любезнѣ и прочитывать со вниманіемъ прилѣжно. Симъ образомъ упоминаемыя въ ней заповѣди Господни и примѣры будутъ вамъ въ должностяхъ вашихъ побужденіемъ, наставленіемъ и утвержденіемъ. Самъ Духъ Святый, Духъ истины, да будетъ вамъ во всемъ путевождь, наставникъ и учитель“ (стр. 286 — 287).—

Принимая во вниманіе указанныя качества *Книги о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ*, мы вполнѣ поймемъ ея необычную въ свое время популярность[1]); поймемъ и то, почему такъ высоко цѣнили её руководящіе дѣятели нашего духовнаго образованія, давая ей почетное мѣсто не только въ низшихъ и среднихъ, но и въ высшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, о чемъ мы говорили прежде; наконецъ, въ этихъ достоинствахъ ея мы найдемъ объясненіе и тѣхъ случаевъ, когда послѣдующіе пасторалисты наши ссылаются на эту книгу и часто берутъ изъ нея основанія для подкрѣпленія своихъ доводовъ и даже весь планъ ея для своихъ сочиненій, о чемъ мы будемъ говорить далѣе. „*Книга о должностяхъ*,—говоритъ преосвященный Филаретъ черниговскій,—надолго останется *прекраснымъ* руководствомъ для священниковъ“[2]). „Сочиненіе это,—пишетъ другой ученый историкъ,—сохраняетъ свою цѣну до настоящаго времени и, по своему направленію, равно какъ по приложенію заключающихся въ немъ наставленій, оно никогда не будетъ ниже времени, потому что эти наставленія почерпнуты изъ глубокаго знанія

---

[1]) Въ 1806 г. было уже четвертое изданіе ея, а въ 1833 г., напр., она вышла двадцать первымъ изданіемъ въ Москвѣ.

[2]) „Обзоръ русской духовной литературы“ т. II, стр. 82.

человѣческой души и многолѣтней пастырской опытности ея составителей“ [1]). А Св. Сѵнодъ указываетъ на неё, какъ на „дорогое пособіе пастырской науки“ [2]).

Въ заключеніе нашей рѣчи по поводу *Книги о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ* считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ англійскомъ переводѣ ея. Преосвященный Филаретъ черниговскій указываетъ, что она была „въ недавнее время (писано въ 1861 г.) переведена на англійскій языкъ докторомъ Пальмеромъ, который признаетъ её за сочиненіе классическое [3]). Мы не могли найти сего перевода; но намъ извѣстенъ другой переводъ ея, который мы видѣли въ одной изъ заграничныхъ библіотекъ (The Carnegie Library, Allegheny city, Pa. U. S. of America). Этотъ послѣдній переводъ сдѣланъ съ двадцать перваго русскаго изданія (1833 г.) и вмѣстѣ съ нашими молитвословами, краткимъ и пространнымъ катихизисами, вошелъ въ составъ изданной въ Лондонѣ книги подъ общимъ заглавіемъ: „the Doctrine of the Bussian Church“ (s. s. 143—288). Въ предисловіи къ своему труду переводчикъ (Bev. B. W. Blackmore) называетъ нашу книгу „The Treatise on the Duty of Parish Priests“, т. е. „трактатъ или разсужденіе объ обязанностяхъ приходскихъ священниковъ“, и при этомъ даетъ краткія свѣдѣнія о составителяхъ „Книги“—преосв. Георгіи Конисскомъ и Парѳеніи Сопковскомъ. Между прочимъ, здѣсь онъ замѣчаетъ, что этотъ „трактатъ“ принятъ всею русскою Церковью и по утвердившемуся всегдашнему обычаю издается церковнославянскимъ діалектомъ, и что всѣ кандидаты на священныя должности въ областныхъ семинаріяхъ и высшихъ духовныхъ академіяхъ обязаны читать его и показать свое знакомство съ его содержаніемъ, прежде чѣмъ получить посвященіе [4]).

---

[1]) „Исторія СПБ. академіи“ Чистовича, стр. 289.

[2]) Извлеч. изъ журн. Учебн. Комит. отъ 10 Апр. 1868 г. № 42.

[3]) „Обзоръ русск. дух. литературы“ т. II, стр. 82.

[4]) „The Doctrine of the Bussian Church, being the primer or spelling book, the shorter and longer catechisms and a treatise on the duty of parish priests,“ Preface, s. VII—VIII, London (годъ не указанъ, но несомнѣнно послѣ 1840 г.).

Рядомъ съ *Книгою о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ* церковные историки ставятъ *Катихизисъ для священно-церковно-служителей* митрополита Платона, какъ сочиненіе *полезное въ руководство духовенству при исполненіи имъ всѣхъ вообще пастырскихъ обязанностей* [1]). Полное заглавіе упомянутаго сочиненія слѣдующее: *„Сокращенный Катихизисъ для священно-и-церковно - служителей, какъ для всегдашняго ихъ знанія, такъ особливо для изученія при вступленіи ихъ въ церковныя должности, съ прибавленіемъ мѣстъ изъ слова Божія, правилъ Св. Апостолъ и святыхъ отецъ, и изъ Духовнаго Регламента, особливо до священства принадлежащихъ“* [2]). Судя по такому надписанію, можно бы, кажется, предположить, что *Катихизисъ* есть сочиненіе вполнѣ однородное съ *Книгой о должностяхъ*. Но на дѣлѣ оказывается совершенно иное и связь между ними можетъ быть указана лишь въ нѣскольких немногихъ пунктахъ. Такъ, напр., примыкая къ *Книгѣ о должностяхъ*, авторъ *Катихизиса* ставитъ вопросъ: „въ чемъ состоитъ должность священника?“ Но даетъ на него слѣдующій отвѣтъ: „должность священническая состоитъ кромѣ совершенія таинъ и требъ церковныхъ, *наипаче* по Апостолу *въ сихъ четырехъ:* во ученіи, то есть въ наставленіи закону Божію словомъ и примѣромъ житія, во обличеніи заблуждающихъ, во исправленіи развратныхъ, въ наказаніи нераскаянныхъ

---

[1]) Напр. проф. П. Знаменскій: „Руководство къ русской церковной исторіи,“ Изд. 5, Казань 1888 г. стр. 403.

[2]) По изданію въ Москвѣ 1807 года.

(л. 5). Очевидно, что авторъ такого отвѣта, полагающій должность священническую *наипаче „въ сихъ четырехъ"*, не имѣлъ въ виду быть вполнѣ согласнымъ съ *Книгой о должностяхъ*, гдѣ „должность священническая состоитъ *наипаче въ сихъ четырехъ:* учити люди, жити свято, тайнодѣйствовати и молитися о людѣхъ" [1]). Правда, и здѣсь указывается обличеніе заблуждающихся, исправленіе развращенныхъ, наказаніе нераскаянныхъ и т. п. [2]); но отношенія священника къ этимъ людямъ здѣсь представляются лишь какъ *частные виды* словеснаго учительства, а не какъ *преимущественныя* должности его званія. Точно также, должность тайнодѣйствія въ *Книгѣ о должностяхъ,* какъ мы уже знаемъ, поставлена на третьемъ мѣстѣ, тогда какъ въ *Катихизисѣ* она, повидимому, находится впереди всего прочаго. Далѣе, та и другая книги даютъ опредѣленіе самого священства; но изъ сопоставленія этихъ опредѣленій оказывается, что оба они совершенно различнаго порядка. „Что̀ есть священство?" спрашиваетъ митрополитъ Платонъ, — и отвѣчаетъ: „Священство есть *таинство*, въ которомъ Духъ Святый чрезъ рукоположеніе архіерейское поставляетъ достойно избраннаго, дабы совершать тайная и пасти стадо Христово" [3]).—„Что есть священство?" говоритъ *Книга о должностяхъ,* — и даетъ такой отвѣтъ: „Священство есть *служеніе* въ Новомъ Завѣтѣ отъ Христа Апостоламъ и ихъ преемникамъ преданное, состоящее въ проповѣди слова Божія и строеніи таинствъ, дабы сими средствами примиривъ грѣшниковъ Богу—совершить ихъ въ вѣрѣ и святомъ житіи къ полученію живота вѣчнаго во славу Божію" [4]). Ясно, что первое изъ этихъ опредѣленій остается въ строго-догматической (точнѣе: догматико-литургической) области, а второе имѣетъ въ виду христіанское священство именно въ томъ смыслѣ, какъ беретъ его Пастырское Богословіе. Тоже слѣдуетъ сказать и по вопросу о кандидатахъ священства. Митрополитъ

---

[1]) См. „Книгу о должностяхъ," введеніе, стр. 10.
[2]) Тамъ-же, глава первая, стр. 34—52.
[3]) „Сокращенный Катихизисъ," л. 4 об.
[4]) „Книга о должностяхъ," введеніе, стр. 1—2.

Платонъ требуетъ, чтобы кандидатъ священства былъ „человѣкъ житія добродѣтельнаго, къ славѣ Божіей ревностный и ученіемъ закона Божія просвѣщенный“ [1]), и больше ничего. Между тѣмъ *Книга о должностяхъ* съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на этомъ вопросѣ и требуетъ, чтобы готовящіеся къ пастырству „прежде всего сами искушали себя, могутъ ли они такое бремя понести, имѣютъ ли на то достаточныя силы душевныя: разумъ, ученіе, слова искусство, добрые нравы, житіе безпорочное, примѣрное; далѣе, чувствуютъ-ли въ сердцѣ своемъ Христа глаголющаго: *Любиши ли Мя?* и отвѣчаютъ-ли съ Св. Петромъ нелицемѣрно: *Господи, Ты вѣси, яко люблю Тя;* и еще, для пользы-ли овецъ приходятъ во дворъ овчій, да животъ имутъ, или для своей корысти“ [2]), и т. д.

Въ „Прибавленіи къ Сокращенному Катихизису“, какъ говорится и въ самомъ его заглавіи, собраны мѣста изъ Св. Писанія Новаго Завѣта (Дѣян. XX, 17. 28—36; 1 Тим. III, 1 — 13 и Тит. I, 5 — 11), правила св. Апостоловъ и соборовъ и св. отецъ, относящіяся преимущественно къ священно-церковно-служителямъ (л. 11 об. — 27), а также изъ книги Кормчей (л. 27 об.—31), Духовнаго Регламента (л. 31—46 об.) и, наконецъ (л. 47—55), формула присяги даваемой священниками, діаконами и причетниками, при опредѣленіи ихъ на епархіальную службу [3]).

---

[1]) „Сокращенный Катихизисъ“, л. 4—об. 5.

[2]) „Книга о должностяхъ“, введеніе, стр. 8—9.

[3]) „Сокращенный Катихизисъ“ митр. Платона переведенъ, между прочимъ, на англійскій языкъ и находится въ цитов. нами книгѣ „The Doctrine of the Russian Church“ подъ заглавіемъ: „A brief Catechism“ (S. s. 7 — 13). Но въ переводѣ опущено ученіе о пяти таинствахъ, которыя излагаются въ „Сокращ. Катихизисѣ“ на л. 3 — 5 об., а говорится только о крещеніи и причащеніи (можетъ быть потому, что англиканская церковь признаетъ лишь два эти таинства. См. напр. The Book of Common Prayer and administration of the sacraments and other Rites and Ceremonies of the Church according to the use of the protestant episcopal Church in the United States of America“. Oxford, 1892, s. 562, art. XXV of the sacraments, гдѣ говорится: „(There) are two sacraments ordained of Christ our Lord in the Gospel, that is to say, Baptism and the Supper of the Lord. Those five commonly called sacraments... are not to be counted for sacraments of the Gospel“... Ср. „Іерархія англиканской епископальной церкви“ проф. В. Соколова, Сергіевъ Посадъ 1898 г., стр. 254 и др.).

Sit (hoc opusculum) usui ministris Tuis, Sanctissime Deus!

Theophilactus Gorsky.

Одновременно съ „Книгой о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“ и „Сокращеннымъ Катихизисомъ для священнослужителей“ въ средѣ духовенства и на каѳедрахъ духовноучебныхъ заведеній въ началѣ текущаго вѣка обращались цѣлыя богословскія системы, принадлежащія извѣстнымъ русскимъ ученымъ и общественнымъ дѣятелямъ того времени, хотя и составленныя по католическимъ или протестантскимъ образцамъ [1]). Всѣ эти системы болѣе или менѣе касались пасторологическихъ вопросовъ, но большинство дѣлали это *между прочимъ* и только лишь для связности цѣлаго курса; поэтому намъ нѣтъ нужды разсматривать каждую изъ нихъ въ отдѣльности,—тѣмъ болѣе, что всѣ онѣ въ общемъ сводились къ одному типу [2]). Однако для ознакомленія читателя съ этого рода пасторологическими памятниками, необходимо сказать объ нихъ нѣсколько словъ. Для сей цѣли мы останавливаемся преимущественно на богословской системѣ бывшаго ректора старой московской академіи

---

[1]) См. объ этомъ подробнѣе у проф. Знаменскаго: „Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г.“, Казань 1881 г. стр. 452 — 453, 760 — 767; его-же „Руков. къ русск. церковной исторіи“, Казань 1888 г., стр. 403—404; А. Благовѣщенскаго: „Исторія казанской духовной семинаріи за XVIII—XIX столѣтія“, стр. 335. Дм. Агнцева: „Исторія рязанской духовной семинаріи“, стр. 202—211, и др.

[2]) Проф. Знаменскій: „Духовныя школы въ Россіи“, стр. 760 и слѣд.,—„Рук. къ русск. церк. исторіи“ стр. 403 и др.

Θеофилакта Горскаго [1]), потому что, во 1-хъ, именно система Горскаго указана была въ качествѣ учебника для духовныхъ семинарій по уставу 1808 года и въ свое время была господствующей [2]); во 2-хъ, въ этой системѣ содержится наибольшее количество пасторологическаго матеріала сравнительно съ другими системами; и въ 3-хъ, система Горскаго соединяетъ въ себѣ какъ положительныя, такъ и отрицательныя качества подобнаго рода трудовъ всѣхъ извѣстныхъ его современниковъ, ибо исторически извѣстно, что, съ одной стороны, Горскій взялъ очень много матеріала въ общій составъ своей богословской системы изъ лекцій Θеофана Прокоповича, Кирилла Флоринскаго, Гавріила Петрова, Макарія Петровича и др., тогда какъ, съ другой, уроками того-же Θеофана ранѣе пользовался митрополитъ Платонъ, а позднѣе Ириней Фальковскій и т. д. [3]).

---

[1]) Θеофилактъ Горскій—ректоръ Московской академіи отъ 1770 по 1774 г., потомъ архимандритъ Донскаго монастыря и епископъ Переяславля Залѣсскаго, ум. 1788 г. С. К. Смирновъ: „Исторія слав. греко-лат. академіи“, стр. 204—205, 211, 292 и др.

[2]) Этимъ уставомъ предписывалось, между прочимъ, преподавать въ семинаріяхъ „Богословіе Созерцательное или Догматическое по системѣ Theophilacti, Sylvestri, Hiacinphi Karpinsky etc. по выбору преподавателя, а „Богословіе Нравственное (moralis) исключительно по „Theophilacti doctrina de agendis, какъ извлеченному изъ системы Buddei: institutiones theologiae moralis“ („Ист. казанской дух. сем.“, стр. 335—336). „Учебныя руководства и пособія,—читаемъ въ другомъ мѣстѣ,—въ періодъ 1808 по 1810 г. были слѣдующія: по Догматическому Богословію *Orthodoxae orientalis ecclesiae dogmata, seu doctrina christiana de credendis...* Θеофилакта Горскаго, еп. переяславскаго; по Нравствен. Богословію — *de agendis* его-же („Исторія рязанской дух. семинаріи“ Дм. Агнцева, стр. 201). — Даже позднѣе, когда Коммиссія Духовныхъ Училищъ сдѣлала запросъ конференціи с.-петербургской академіи о томъ, какое сочиненіе съ большею пользою можетъ быть употребляемо въ качествѣ учебника по богословскому классу въ духовныхъ семинаріяхъ: Θеофилакта-ли Горскаго, или Иринея, еп. черниговскаго,—то конференція единогласно высказалась въ пользу перваго (См. „Ист. СПБ. академіи“, Чистовича, стр. 406). Наконецъ, такой высокоученый членъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, какъ покойный митрополитъ Филаретъ, составляя свое извѣстное „Обозрѣніе богословскихъ наукъ въ отношеніи къ преподаванію ихъ въ высшихъ духовныхъ училищахъ“, для выполненія программы по сему предмету счелъ за лучшее рекомендовать какъ для академій, такъ и для семинарій, именно Theophilacti orthodoxae ecclesiae doctrina de agendis et credendis (См. „Собр. мнѣн. и отзыв. митроп. Филарета,“ изд. 1886 г. т. I, стр. 143—144).

[3]) С. К. Смирновъ: „Исторія моск. славяно-греко-лат. академіи“, стр. 291—293. Проф. Знаменскій: „Духовн. школы въ Россіи“ стр. 760 слѣд.; „Руков. къ русск. церк. ист.“ стр. 403 и др.

Богословская система Горскаго, читанная имъ студентамъ московской академіи въ періодъ съ 1770 по 1774 годъ, по общепринятому въ то время обычаю, написана на латинскомъ языкѣ. Въ полномъ своемъ составѣ она носитъ слѣдующее заглавіе: Orthodoxae orientalis ecclesiae dogmata, seu doctrina christiana de credendis (pars prima) et agentis (pars secunda) usibus eorum, qui studio theologico sese consecrarunt addixeruntque adornata accommodataque. Lipsiae, MDCCLXXXIV" [1]), и посвящена „Богу и Церкви" [2]). Здѣсь, въ отдѣлѣ о таинствахъ авторъ, между прочимъ, касается и священства съ пасторологической точки зрѣнія, о которомъ говоритъ, что оно греческими отцами называется *хиротоніей* и установлено самимъ Іисусомъ Христомъ, Который первоначально избралъ на это служеніе двѣнадцать Апостоловъ, а съ тѣхъ поръ и до-нынѣ оно передается ихъ преемникамъ чрезъ возложеніе рукъ епископовъ. По мысли автора, въ составъ этого служенія входятъ три обязанности: *α)* проповѣдь слова Божія, *β)* законное (legitima) совершеніе таинствъ и *γ)* власть ключей т. е. полномочіе вязать и разрѣшать грѣхи. Служеніе пастырское требуетъ для себя особо избранныхъ лицъ, которыя должны быть хорошо испытаны и обладать слѣдующими качествами: *α)* доброю и чистою совѣстью, *β)* имѣть понятіе о вещахъ божественныхъ въ соединеніи съ искусствомъ слова для проповѣди и *γ)* имѣть здоровыми и неповрежденными всѣ члены (тѣла), необходимые для отправленія должности [3]). Посему никто не долженъ принимать на себя этого званія, если, хорошо изслѣдовавъ свои силы, не найдетъ себя способнымъ указать другимъ путь спасенія. И хотя нельзя запретить искать этой должности тѣмъ, которые стремятся къ ней по священному побужденію дѣлать добро

---

[1]) Буквально: „Догматы православной восточной Церкви, или христіанское ученіе о предметахъ вѣры (часть первая) и дѣятельности (часть вторая), составленное и приспособленное для пользованія тѣхъ, которые посвятили себя и предались богословскому ученію. Лейпцигъ 1784 г."

[2]) „Deo et Ecclesiae animo devotissimo offert, dedicat et consecrat O. E. M."

[3]) „Orthodoxae Orientalis Eccles. dogmata"... pars I, art. VIII de sacramentis, pp. 241—243.

другимъ, однако пусть каждый ожидаетъ законнаго избранія. Еще менѣе позволительно домогаться священства тому, кто ищетъ здѣсь средствъ для поддержанія жизни, и, наконецъ, совершенно недопустимо искать чрезъ эту должность силы и могущества, или благочестіе другихъ дѣлать источникомъ стяжаній [1]). Кромѣ того, носителемъ сего служенія не можетъ быть человѣкоубійца, прелюбодѣй и сладострастникъ и тѣ, которые во время преслѣдованій отступаютъ отъ вѣры, а также мотъ, ростовщикъ, лихоимецъ, крещенный еретиками, всякій играющій на сценѣ и комедіантъ, двоеженецъ, всякій запятнанный позорнымъ преступленіемъ и, наконецъ, старающійся за деньги получить священный санъ [2]).

Во второй части системы пасторологическимъ вопросамъ посвященъ особый отдѣлъ, носящій спеціальное названіе „De officiis ministerii ecclesiastici“ [3]). Судя по такому заглавію, можно ожидать, что авторъ въ этомъ отдѣлѣ будетъ говорить о тѣхъ „должностяхъ“, которыя составляютъ содержаніе пастырства по „Книгѣ о должностяхъ“ и „Сокращенному Катихизису“ митрополита Платона. Дѣйствительно, такъ и оказывается на самомъ дѣлѣ. Но на ряду съ знакомыми уже „должностями“ пастырскаго служенія мы находимъ здѣсь и иные вопросы, которыхъ самъ авторъ въ первой части своей системы не касается. Къ числу такихъ вопросовъ прежде всего относится вопросъ о призваніи къ пастырскому служенію. Этотъ вопросъ разсматривается съ субъективной и объективной сторонъ. „Публичное учительство народа не находится во власти всякаго, говоритъ,—авторъ—и не должно быть предоставляемо всѣмъ. Ибо какой

---

[1]) „Orthodoxae Orient. Eccles. dogmata“, pars II, pp. 161—162. Впрочемъ, въ другихъ мѣстахъ авторъ признаетъ вполнѣ естественнымъ и даже необходимымъ, чтобы пастырь получалъ свое содержаніе отъ пасомыхъ; но, по его мысли, пастырь своимъ поведеніемъ долженъ показывать, что не какая-либо матеріальная выгода или награда побуждаетъ его трудиться для спасенія ближнихъ, но лишь любовь къ стаду и желаніе ему блага.—См. pp. 162—163 Scholion 1.

[2]) „Orthodoxae Orient. Ecclesiae dogmata“... pars I, articulus VIII: de sacramentis, pp. 242—243.

[3]) Ibid., pars II, art. II, pp. 154—164, 294—298.

безпорядокъ произошелъ-бы въ собраніи христіанъ, если бы каждый изъ нихъ по собственному усмотрѣнію пожелалъ предлагать поученіе публично! Поэтому и Христосъ, хотя имѣлъ многихъ учениковъ, однако должность общественнаго учительства передалъ только двѣнадцати Апостоламъ" (Мѳ. XXVIII, 19—20). Точно такъ-же потомъ поступали и Апостолы, избирая пресвитеровъ для вновь основанныхъ церквей, ибо проповѣдь слова Божія и совершеніе таинствъ не происходили бы такъ правильно и успѣшно, если бы не были поставляемы извѣстные люди, исключительно назначенные для этого [1]). Но эти люди должны имѣть призваніе къ пастырскому служенію, которое (призваніе) бываетъ внутреннее и внѣшнее (субъективное и объективное). Первое они имѣютъ, если чувствуютъ искреннее желаніе послужить спасенію другихъ людей и потрудиться для нихъ. Второе приходитъ отвнѣ, хотя совершается внутри человѣка. Такъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда Господь Богъ призываетъ кого-либо къ пастырскому служенію таинственнымъ и невидимымъ образомъ, но такъ, что Его призывающій голосъ ощущается въ сердцѣ человѣка. Впрочемъ, это случаи исключительные. Обыкновенно же призваніе пастырей совершается видимымъ образомъ, хотя и не одинаково. Такъ, самъ Іисусъ Христосъ избралъ первыхъ пастырей *непосредственно*, когда послалъ ихъ на проповѣдь и сообщилъ имъ полномочіе вязать и разрѣшать прегрѣшенія; такъ же Онъ призвалъ Моусея и многихъ пророковъ Ветхаго Завѣта. Но потомъ Онъ передалъ это право Своей Церкви и нынѣ чрезъ ея голосъ удостовѣряетъ призваніе пастырей" [2]). Такимъ образомъ авторъ подготовляетъ вопросъ о правѣ міранъ избирать себѣ пастырей и затѣмъ развиваетъ его довольно подробно. „Всѣмъ и каждому въ въ отдѣльности,—говоритъ онъ,—вмѣняется въ обязанность заботиться о томъ, чтобы въ Церковь не вошелъ волкъ вмѣсто пастыря, обманщикъ вмѣсто учителя, — какъ

---

[1]) „Orthodoxae Orientalis Ecclesiae dogmata. — De agendis" (pars II), § 63, Scholion.

[2]) „Orthodoxae Orient. Eccles. dogmata.—De agendis" (pars II), pp. 155—156.

дѣлала это первенствующая Церковь“ (Дѣян. I, 15, 23—26; VI, 3). Это право принадлежитъ и мірянамъ (status laicus) и церковникамъ (status ecclesiasticus), которые всѣ вмѣстѣ сходятся для избранія, ибо всѣмъ и каждому заповѣдано, чтобы боялись лжепророковъ (Мѳ. VII, 15), чтобы испытывали духи, аще отъ Бога суть (I Іоан. IV, 1). Впрочемъ, это слѣдуетъ понимать такъ, что высшимъ по общественному положенію принадлежитъ преимущественно наблюденіе, управленіе всѣмъ дѣломъ, утвержденіе избраннаго (confirmatio) и все прочее въ этомъ родѣ. Управителямъ слѣдующаго разряда предоставляется испытаніе способностей кандидатовъ священства; наконецъ, народу приличествуетъ сочувствіе, право голоса и одобреніе. Но для избѣжанія ошибокъ въ выборѣ пастыря необходимо, чтобы какимъ-либо образомъ были извѣстны собранію тѣ, изъ числа которыхъ онъ избирается. Потомъ, для испытанія способностей избраннаго къ прохожденію должности, его отсылаютъ къ епископу, или въ Консисторію, и ужь только тогда происходитъ посвященіе (ordinatio), посредствомъ котораго избранный принимается въ число служителей слова Божія [1]).—Послѣ этого мысль автора на минуту обращается назадъ и напоминаетъ намъ страницы изъ „Книги о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“ и „Сокращеннаго Катихизиса“, ибо кромѣ проповѣди, тайнодѣйствія и власти ключей, указанныхъ ранѣе въ качествѣ составныхъ частей пастырскаго служенія [2]), теперь сюда же присоединяется долгъ усовершать пасомыхъ въ добродѣтели, опровергать въ вѣрѣ и благочестіи заблуждающихся, обличать согрѣшающихъ и слѣдить за жизнью и нравами каждаго въ отдѣльности, чтобы всѣхъ примирить съ Богомъ [3]). „Кромѣ того,—прибавляетъ авторъ,—отъ учителей или пастырей требуется, чтобы они учили слушателей собственнымъ примѣромъ не менѣе, нежели словомъ,

---

[1]) „Orthodoxae Orient. Eccles. dogmata“... pars II, § 64 Scholion 1 et 2.

[1]) „Orthodoxae Orient. Eccles. dogmata de credendis“ (pars I), p. 242.

[3]) Ср. „Книга о должностяхъ пресвит. приходск.“ 1—2, 34—55 и др. „Сокращен. Катихизисъ“ митроп. Платона, л. 4 об.—5. „Orthodoxae Orientalis Ecclesiae dogmata“... pars II, pp. 157—158 (§ 64, Scholion 3 et 4).

а также чтобы каждый какъ слѣдуетъ управлялъ своимъ домомъ и усердно молился за своихъ слушателей [1]). Затѣмъ, сказавши еще разъ о власти ключей, Ѳеофилактъ переходитъ къ вопросу о церковномъ отлученіи. Такъ какъ къ полномочіямъ пастырскаго служенія,—разсуждаетъ онъ,—относится пользованіе ключами для связыванія или разрѣшенія грѣховъ, то отсюда съ необходимой послѣдовательностію вытекаетъ право отлученія. Это, впрочемъ, не есть наказаніе въ собственномъ смыслѣ слова, власть причинять которое принадлежитъ однимъ только начальствующимъ, — нѣтъ, это есть только отъ имени Церкви сдѣланное объявленіе о томъ, что человѣкъ, который отказывается отъ исправленія и не хочетъ оставить своихъ грѣховъ, не можетъ считаться за истиннаго и живого члена Церкви, пока не исправится. Первый видъ такого отлученія состоитъ въ лишеніи Святыхъ Таинъ, когда дознано, что чрезъ вкушеніе ихъ нераскаянному грѣшнику будетъ не польза, а напротивъ—вредъ. Этотъ первый видъ отлученія называется *малымъ*. Второй видъ его, т. е. *великое отлученіе,* состоитъ въ совершенномъ отдѣленіи отъ общенія церковнаго, ибо если общеніе продолжается, то получается вредъ не только для одного отлучаемаго, но и для многихъ другихъ чрезъ зараженіе. Впрочемъ, ни то, ни другое отлученіе не влечетъ за собою гражданскаго безчестія, пока не выходитъ за предѣлы духовной власти пастырей [2]).

Разсматриваемые въ отношеніи божественныхъ правъ (jure divino) всѣ служители Церкви равны между собой, и между пресвитерами и епископами нѣкогда не было различія, какъ свидѣтельствуетъ Св. Писаніе (Дѣян. XX, 17. 28; 1 Петр. V, 1 — 2). Однако такое неравенство и различіе между ними въ дѣйствительности бываетъ и должно существовать, ибо оно зависитъ или отъ различія

---

[1]) „Orthodoxae Orientalis Ecclesiae dogmata"... pars II, p. 162.

[2]) „Orthodoxae Orient. Eccles. dogmata"... pars II, § 64, Schol. 4, 6 et 7. Соотвѣтственно этому отдѣлу разсматриваемой системы слѣдуетъ указать разсужденіе *объ эпитиміяхъ* въ „Книгѣ о должн. пресв. приходск." стр. 151 — 160, и указаніе на нихъ въ „Сокращ. Катихизисѣ" м. Платона, л. 4.

служебныхъ обязанностей, или отъ различія даровъ Св. Духа (pro diversitate functionum aut donorum—1 Кор. XII, 28; Ефес. IV, 11). Такъ, уже самъ ап. Павелъ (I Кор. XII, 28) устанавливаетъ три класса лицъ, которыхъ дѣятельность существовала въ Церкви и которыхъ онъ называетъ учителями (docentes), чудотворцами (miracula patrantes) и совершителями иныхъ дѣлъ (alia munia administrantes). Для первоначальнаго созиданія Церкви нужны были особенныя лица (extraordinarii), каковыми и были Апостолы и совершители чудесъ; а обыкновенные учители церковные называются *διδάσκαλοι,* или pastores, или episcopi. Впрочемъ, въ кругъ обязанностей и этихъ лицъ также входитъ забота о созиданіи Церкви, т. е. о расширеніи и лучшемъ устройствѣ ея.[1]). Они должны наблюдать, чтобы въ Церкви сохранялась чистота ученія, чтобы отражались ереси, уничтожались расколы и процвѣтало благочестіе. Для выполненія такихъ дѣлъ учитель церковный долженъ обладать талантливымъ умомъ и достаточнымъ образованіемъ, особенно въ области Св. Писанія, также долженъ быть украшенъ тѣми добродѣтелями, которыхъ требуетъ отъ пастыря св. Апостолъ, т. е. чтобы былъ безпороченъ, цѣломудренъ, трезвенъ, благочиненъ, честенъ, страннолюбивъ, чуждъ всякой неумѣренности, охоты драться, скупости и зависти; чтобы хорошо управлялъ своимъ домомъ, чтобы не былъ изъ новообращенныхъ и имѣлъ бы свидѣтельство добро отъ внѣшнихъ (I Тим. III, 2 squ., Тит. I, 9). Онъ долженъ въ тоже время наблюдать благоприличіе и скромность въ тѣлодвиженіяхъ, избѣгать неосмотрительности и суетности въ рѣчи, воздерживаться отъ роскоши и тщеславія, а также и неопрятности въ одеждѣ, ибо все внѣшнее считается выраженіемъ внутреннихъ достоинствъ человѣка. Онъ долженъ имѣть достаточный возрастъ, чтобы быть въ состояніи успѣшно выполнить свою должность. И вотъ, когда будутъ на лицо всѣ вышеуказанные качества, избранный дѣлается пастыремъ и начинаетъ то служеніе, которое выражается этимъ именемъ, т. е. *пастырское служеніе.*

[1]) „Orthodoxae Orient. Eccles. dogmata“, pars II, pp. 160—161 и 294.

Отсюда и всѣ разсужденія, всѣ пріемы и средства, относящіяся къ этому служенію, авторъ называетъ *пастырскимъ благоразуміемъ* (prudentia pastoralis) и подробно излагаетъ, какъ мы видѣли, на страницахъ своего сочиненія[1]). Система заканчивается молитвеннымъ пожеланіемъ автора, чтобы этотъ трудъ былъ полезенъ служителямъ Божіимъ.

„Тебѣ, пресвятый Боже, я обязанъ всѣмъ этимъ дѣломъ,“ — говоритъ онъ на послѣдней страницѣ своей книги. „Тебѣ я обязанъ силами, которыми Ты укрѣпилъ мою немощь; Тебѣ я обязанъ благодатнымъ свѣтомъ, которымъ Ты озарилъ мой умъ; Тебѣ обязанъ любовію къ истинѣ, которою Ты воспламенилъ мою грудь. Ты былъ началоположникомъ и совершителемъ, когда я началъ этотъ убогій (tenuissimum) трудъ: при Твоемъ же водительствѣ и помощи я его окончилъ.—Пусть же служитъ онъ къ вѣчной славѣ имени Твоего, благу Церкви Твоей! Пусть будетъ онъ на пользу служителямъ Твоимъ“[2]).

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе отдѣла „De officiis ministerii ecclesiastici“ изъ богословской системы Ѳеофилакта Горскаго. Отдѣлъ этотъ, какъ мы сказали ранѣе, находится во второй части системы, которая называется—„dogmata de agendis“ (т. е. Нравственное Богословіе), и, какъ таковый, самостоятельнаго значенія не имѣетъ. Поэтому, проф. казанской академіи И. С. Бердниковъ, показывая постепенное возникновеніе у насъ новыхъ наукъ послѣ 1814 г., имѣлъ полное основаніе говорить, что до того времени „Пастырское Богословіе составляло одинъ изъ отдѣловъ Нравственнаго Богословія, называвшійся христіанскимъ благоразуміемъ“[3]), ибо въ такой именно обстановкѣ находится отдѣлъ „de officiis ministerii ecclesiastici“ въ системѣ Ѳеофилакта. — Но откуда взято авторомъ самое названіе отдѣла изъ Нравственнаго Богословія

---

[1]) „Orthodoxae Orient. Ecclesiae dogmata“, pars II, pp. 294—297.

[2]) „Ibid.“, p. 298.

[3]) „Пятидесятилѣтній юбилей казанской духовной академіи“ въ статьѣ: „Краткій очеркъ учебной и ученой дѣятельности каз. академіи за 50 лѣтъ ея существованія“, стр. 105.—Казань, 1893 г.

„христіанскимъ благоразуміемъ“ (prudentia christiana), а затѣмъ частнѣе и *„пастырскимъ благоразуміемъ“* (prudentia pastoralis), и почему онъ употребилъ именно такія названія, которыя съ послѣдующее время уже не встрѣчаются въ нашей литературѣ? — По справкѣ оказывается, что эти названія заимствованы Ѳеофилактомъ изъ протестанской богословской системы Iohanni Francisci Buddei, которая, по свидѣтельству историковъ и современниковъ, была въ большемъ распространеніи между русскими учеными во второй половинѣ XVIII го и въ началѣ XIX го столѣтія [1]). Вторая половина системы Буддея называется „Institutiones theologiae moralis“ (т. е. Нравственное Богословіе), а третья часть этой половины и говоритъ именно „De prudentia christiana in genere“, затѣмъ „de prudentia ecclesiastica et pastorali in genere“ и, наконецъ, „de prudentia ecclesiastica et pastorali in specie“ [2]). Сравнивая эту терминологію съ терминологіей Ѳеофилакта, находимъ и у него параграфы de prudentia christiana [3]), de prudentia ecclesiastica [4]), и de prudentia pastorali in specie [5]), составляющіе прямое заимствованіе или перифразъ соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ системы Буддея. Впрочемъ, при ближайшемъ сопоставленіи сочиненія Буддея съ системой Ѳеофилакта оказывается, что послѣдній заимствовалъ отъ перваго не только общій планъ системы, но и раздѣленіе ея на части, главы и отдѣлы, а сходство между ними въ подробностяхъ весьма часто доходитъ до буквальныхъ выписокъ изъ Institutiones theologiae dogmaticae et moralis [6]). Вліяніемъ Буддея объясняется и та настойчивость, съ которою Ѳеофилактъ утверждаетъ

[1]) См. напр. „Исторія казанской дух. семинаріи.“ А. Благовѣщенскаго, стр. 335—336. „Руководство къ русск. церк. ист.“ П. Знаменскаго, стр. 403, —501; его-же „Духовныя школы въ Россіи“ стр. 453, 760 — 761. „Исторія рязанской дух. семинаріи“ стр. 201—202, 206 и др.

[2]) См. Io. Franc. Buddei. „Institutiones Theologiae moralis variis observationibus illustratae“ partis tertiae prolegomena (pp. 633—639), cap. I (pp. 639—648), cap. II (pp. 648—669), cap. III (pp. 670—706)—по изданію Lepsiae 1727 г.

[3]) Theophilacti „De agendis“ pp. 290—294.

[4]) Ibid. p. 294.

[5]) Ibid., pp. 295—298.

[6]) Сравн. напр. Institutiones Theolog. moral. p. 633 § II: De agendis p. 290 § 108; Institutiones, p. 666 § XLI: De agendis p. 296 Scholion 4. Institutiones, p.

право мірянъ избирать себѣ пастырей и которая въ настоящее время можетъ смущать читателя. Дѣйствительно, въ протестанскихъ церковныхъ общинахъ, которыя имѣетъ въ виду система Буддея, и до сихъ поръ существуетъ практика избранія пастыря мірянами [1]). Правда и то, что подобная же практика имѣла мѣсто и въ древней русской Церкви, когда прихожане представляли епископу то или другое лицо съ просьбой сдѣлать его священникомъ для ихъ общины [2]). Но такой порядокъ избранія пастырей въ древней русской Церкви вызывался особенными обстоятельствами времени, которыя нельзя назвать благопріятными для преуспѣянія обще-церковной и церковно-приходской жизни, и никогда не былъ узаконеннымъ правомъ приходовъ. Онъ имѣлъ мѣсто тогда, когда епархіальный епископъ не имѣлъ у себя достаточнаго комплекта лицъ, достойныхъ и приготовленныхъ къ священническому служенію, и когда онъ по необходимости долженъ былъ полагаться на рекомендацію самихъ прихожанъ въ выборѣ для нихъ пастыря, ему лично неизвѣстнаго. Между тѣмъ каноны церковные прямо и рѣшительно осуждаютъ такой порядокъ. Такъ, въ одномъ изъ правилъ соборныхъ сказано: „Да не будетъ позволяемо сборищу народа избирати имѣющихъ произвестися во священство“ [3]); въ другомъ, напримѣръ, установляется такой порядокъ, по которому право поставленія пресвитеровъ, діаконовъ и прочихъ причетниковъ предоставлено одному епископу [4]). Это послѣднее право стремились поддерживать и наши русскіе Государи, съ каковою цѣлію въ началѣ прошлаго вѣка, при Петрѣ I, положено

---

668 § XLIV: De agendis pp. 296—297 Schol. 5. Institutiones, p. 669 § XLV et XLVI: De agendis pp. 297—298 Schol. 6. Institutiones, p. 590 schol.: De agendis p. 157 Schol. 2. Institutiones, p. 697 § LXIII — 699 §§ LXIV—LXV: De agendis pp. 158—159 Schol. 5. Institutiones, pp. 600—605: De agendis pp. 154—158 Schol. 4 и мн. др.

[1]) Проф. В. Пѣвницкій: „Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника“, стр. 77—80. Кіевъ, 1885 г.

[2]) Сравн. „Руковод. для сельскихъ пастырей“ 1893 г., I, стр. 338 — 346: проф. Пѣвницкаго „О выборѣ прихода“.

[3]) Лаодик. соб. прав. 13; ср. апостольск. прав. 30; VII Вселенск. соб. прав. 3; I Всел. соб. прав. 4 и др.

[4]) Напр. Апост. прав. 2; Антіох. соб. прав. 9 и др.

было при всѣхъ архіерейскихъ каѳедрахъ основать домы училищные, чтобы потомъ не ставить во священники и діаконы ни единаго, который въ такихъ архіерейскихъ школахъ не учился [1]). Въ виду этихъ основаній право міранъ избирать себѣ пастырей, излагаемое Ѳеофилактомъ Горскимъ въ его богословской системѣ, должно признать вообще противоканоническимъ, а въ частности относительно нашей Церкви—анахронизмомъ даже для времени самого Ѳеофилакта. Поэтому тѣмъ менѣе можно говорить объ этомъ правѣ въ настоящее время, когда спеціальныя духовно-учебныя заведенія даютъ достаточный контингентъ кандидатовъ на священнослужительскія должности; нынѣ никто, безъ недоразумѣнія, не будетъ желать, чтобы пастырей избирали прихожане, ибо кандидаты пастырства гораздо болѣе извѣстны епископу, нежели прихожанамъ, а—съ другой стороны—каждый изъ нихъ по развитію и образованію своему стоитъ выше большинства изъ своихъ будущихъ прихожанъ, особенно сельскихъ. [2])

Такимъ образомъ система Ѳеофилакта Горскаго не есть самостоятельное произведеніе русскаго ученаго, а передѣлка и заимствованіе изъ сочиненія съ протестантскимъ характеромъ. Но это была одна сторона дѣла, касавшаяся болѣе нашихъ высшихъ школъ, гдѣ преслѣдовались болѣе научныя цѣли, чѣмъ практическія. Между тѣмъ, параллельно съ этимъ шло другое вліяніе подобнаго рода, но уже съ стороны католической науки и касающееся болѣе средней школы и, надо думать, практической жизни. Выразителемъ этого втораго вліянія

---

[1]) „Духовный Регламентъ"—прибавленіе о пресвитерахъ, діаконахъ и прочихъ причетникахъ, л. 2 об.

[2]) Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и въ наше время иногда бываютъ попытки вернуться къ древней практикѣ избранія пастырей міряпами. Такъ, въ 1880 г. Московское земское собраніе оффиціально выдвинуло на очередь этотъ вопросъ и представило его на рѣшеніе правительства. Къ земству присоединились нѣкоторые органы печати и сдѣлали его представленіе предметомъ общественнаго обсужденія; затѣмъ оно было на разсмотрѣніи Правительствующаго Сената и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, пока, наконецъ, Святѣйшій Сѵнодъ, на основаніи каноническихъ и историческихъ документовъ и соображеній, призналъ эту попытку не подлежащею удовлетворенію (См. „Руководство для сельскихъ пастырей" 1893 г. I, стр. 338—346).

явилась у насъ книга, напечатанная „при Святѣйшемъ Правительствующемъ Сѵнодѣ въ Санктъ-Петербургѣ въ 1803 году“ подъ заглавіемъ: *Правило предписаннаго въ императорскихъ—королевскихъ наслѣдныхъ земляхъ на нѣмецкомъ языкѣ преподаванія Пастырскія Богословіи, переведенное съ изданнаго Францискомъ Гивтшицомъ, учителемъ Пастырскія Богословіи при Вѣнскомъ Университетѣ“*. Это былъ типъ тѣхъ католическихъ руководствъ, которыя своею цѣлію ставятъ самое подробное исчисленіе всевозможныхъ случаевъ пастырской практики, чтобы начинающаго проповѣдника, духовника, или учителя уравнять съ опытными пастырями и облегчить имъ дѣло ихъ служенія. Дѣйствительно, книга Гивтшица по своей научной обработкѣ, по стройности плана и обилію практическаго матеріала заслуживаетъ полнаго вниманія православнаго пасторалиста. Поэтому вполнѣ понятно, что таковымъ вниманіемъ она несомнѣнно пользовалась въ началѣ текущаго столѣтія, особенно въ западно-русскомъ краѣ. Здѣсь, кромѣ указаннаго перевода на русскій языкъ въ 1803 году, она была переведена съ нѣмецкаго еще на польскій и въ концѣ двадцатыхъ годовъ служила нѣкоторое время (1828 — 1829 г.г.) учебникомъ по Пастырскому Богословію въ одной изъ западно-русскихъ духовныхъ семинарій [1]). Затѣмъ позднѣе, уже почти въ самомъ концѣ первой половины столѣтія, когда вновь образованное Духовно — Учебное Управленіе при Св. Сѵнодѣ дѣлало попытки реформировать строй нашихъ духовно—чебныхъ заведеній, книга Гивтшица была указана въ этомъ случаѣ какъ одно изъ самыхъ первыхъ руководствъ для преподователей Пастырскаго Богословія въ семинаріяхъ. И, судя по этимъ фактамъ, можно,

---

[1]) „Исторія литовской духовной семинаріи“ свящ. Н. Извѣкова, Вильна 1892 г. стр. 39.

Этотъ послѣдній переводъ системы Гивтшица назывался „Theologia pastersca“ и представлялъ собою, собственно говоря, не переводъ, а скорѣе вольный перифразъ нѣмецкаго изданія (Wien, 1785) съ опущеніемъ менѣе интересныхъ мѣстъ и сокращеніемъ или расширеніемъ нѣкоторыхъ параграфовъ подлинника и т. д. Полное его заглавіе такое: „Theologia pastersca, podlug F. Giftschiitza przez Iana Kantego Codaniego ulozena“ Wilno. 1824 (VIII+336).

кажется, съ увѣренностію предполагать, что она дѣйствительно для многихъ являлась чуть-ли не классическимъ руководствомъ, тѣмъ болѣе что для замѣны ея у насъ не было ничего, если не считать „Книги о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“. Между тѣмъ сочиненіе Гивтшица было безусловно неправославно и тѣмъ болѣе вредоносно для русскаго читателя, что „въ немаломъ числѣ мѣстъ,—какъ выразился о немъ покойный митрополитъ московскій Филаретъ,—представляетъ не совсѣмъ открытые, но довольно примѣтные начатки духа самоназванной философіи XVIII вѣка. Такъ, напр. *при предложеніи о должностяхъ вѣры*, для удаленія *отъ непрямыхъ путей*, книга сія полагаетъ главное не въ послѣдованіи слову Божію, *а въ основательной наукѣ, особливо въ чистой нравственной философіи* [1]). Или, въ отд. I, § 8 — говоритъ, что *нравственность есть главное содержаніе Библіи*; *знаніе о догматахъ составляетъ много меньшую часть оныя* (Гивтшицъ, стр. 6).

„Эта мысль раціоналистическая“, продолжаетъ митрополитъ Филаретъ,—„Православное Богословіе учитъ, что главное содержаніе Библіи есть вѣра въ воплощеннаго Сына Божія Іисуса Христа Искупителя міра“.

„Отдѣлъ I, § 49 представляетъ образецъ также неправильнаго мудрованія о чудесахъ. Тамъ сказано: „крѣпко вѣряй, яко Всепремудрый воли человѣковъ не подвластенъ есть, яко Онъ по ихъ произволенію, безъ важныхъ причинъ до всего рода человѣческаго относящихся, отъ обыкновеннаго порядка никогда не отступаетъ“.—Симъ допускается возможность только такихъ чудесъ, которыя совершаются по причинамъ, до всего рода человѣческаго относящимся: слѣдственно, отрицаются чудеса, совершаемыя для блага и спасенія нѣкоторыхъ людей въ частности, каковыми чудесами исполнены сказанія о житіяхъ святыхъ“.

Тутъ же, въ § 50, о бѣснованіяхъ сочинитель изъясняется такъ, что признаетъ подъ симъ именемъ только

---

[1]) Матеріалы для біографіи митр. Филарета въ „Чтен. въ Общ. Люб. Дух. Просв. 1869 г. VIII, стр. 99.—Гивтшицъ, отд. I, § 67.

обманы и дѣйствія воображенія, а не признаетъ дѣйствительныхъ событій, хотя о нихъ свидѣтельствуетъ Евангеліе".

„Отд. I, § 73: здѣсь книга Гивтшица остерегаетъ, какъ отъ бѣды, *отъ сильнаго презрѣнія всѣхъ земныхъ увеселеній.* Скрытнымъ образомъ она отвергаетъ христіанское подвижничество, причисляя *къ неправымъ способамъ добродѣтели тѣлесное отлученіе отъ человѣческаго сожитія (§ 79).* Почему и св. Павла Ѳивейскаго, св. Антонія Великаго и множество св. мужей надлежало бы обвинить въ употребленіи неправыхъ способовъ добродѣтели.

„Отд. II, § 129: въ проповѣдяхъ на празднуемые дни святыхъ она велитъ *похвалять только истинныя добродѣтели, а не немощи или странныя мысли, кои мужамъ извѣстныя заслуги, конечно, суть простительны.* Сообразенъли съ достоинствомъ святыхъ сей критическій взглядъ на ихъ житія, располагающій выискивать въ нихъ *недостатки и странныя мысли?* [1])"

„Отд. III, § 79: сочинитель о исцѣленныхъ бѣснуемыхъ, упоминаемыхъ въ Евангеліи, изъясняется съ сомнѣніемъ, говоря: „какія бы гдѣ ни были мнѣнія о дѣйствительномъ бѣснованіи во времена Христовы и Апостоловъ, но въ наши дни, вообще рещи, можемъ полагати, яко такія лица хотятъ лгати, или имѣютъ нездравое и разстроенное воображеніе".

„Въ § 76 такъ-же предлагается мудрствованіе неевангельское. Тамъ сказано: „Евангеліе ничего не повелѣваетъ, что разуму есть противно и чего не совѣтовала бы равно и естественная мудрость въ особливыхъ обстоятельствахъ, до коихъ мѣста сіи касаются".—Первая половина сего положенія справедлива, а другая нѣтъ. Еслибы естественная мудрость *равно* повелѣвала все то, что повелѣваетъ Евангеліе: то для чего нужно было бы Евангеліе? Давала-ли когда-нибудь естественная мудрость повелѣнія отвергнуться себя, взять крестъ и идти за Христомъ?".

---

[1]) Матеріалы для біографіи митр. Филарета: „Чтен. въ Общ. Люб. Дух. Просв." 1869, VIII, стр. 97—100.

Кромѣ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ, замѣченныхъ митрополитомъ Филаретомъ, можно указать на католическую тенденцію, проглядывающую въ рѣчи объ отправленіи богослужебныхъ обрядовъ [1]), на латинское рѣшеніе вопроса о томъ, часто ли священникъ долженъ священнодѣйствовать [2]) и мн. др. Если же, не смотря на это, книга Гивтшица была въ почетѣ у нашихъ предковъ, то это потому, что дѣйствительно для замѣны ея у насъ пока ничего не было, кромѣ „Книги о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ".

Такимъ образомъ изъ всего наслѣдства, полученнаго нами отъ пасторалистовъ XVIII вѣка, взглядъ историка съ любовію можетъ остановиться и отдохнуть лишь на этомъ послѣднемъ и по—истинѣ классическомъ сочиненіи. Остальное все-или бѣдно, или не наше. Система Ѳеофилакта Горскаго — какъ было уже показано — была не наша. Система Гивтшица—тоже чужая, и если мы остановились на нихъ, то сдѣлали это потому, что первая, являясь выразителемъ протестанскаго вліянія на нашу науку, вмѣстѣ съ тѣмъ соединяла въ себѣ качества богословскихъ системъ другихъ авторовъ своего времени, какъ типичное созданіе цѣлой школы ученыхъ; а вторая, свидѣтельствуя о параллельномъ первому вліяніи католической науки, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ о томъ незавидномъ состояніи, въ какомъ находилось наше отечественное Пастырское Богословіе въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣковъ. Именно, преобладающее значеніе въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ системы Ѳеофилакта и почетное положеніе здѣсь системы Гивтшица почти за все время дѣйствія устава 1808 года заставляетъ насъ еще разъ констатировать тотъ печальный фактъ, что, не смотря на всѣ усилія правительства и руководящихъ дѣятелей духовнаго просвѣщенія, а также на благопріятныя, по — видимому, условія для разработки пасторологическихъ вопросовъ, предметъ этотъ не могъ

---

[1]) Гивтшицъ: ч. 2. отд. I, § 6.

[2]) Тамъ же § 19.

дождаться ни одного нарочитаго выразителя въ русской духовной литературѣ на протяженіи почти сорока лѣтъ XIX вѣка. [1])

[1]) Правда, въ 1806 г. въ Москвѣ появилась: „Христіанская Богословія для желающихъ въ благочестіи высшаго успѣха, предложенная іеромонахомъ Ювеналіемъ" (Медвѣдскимъ),—но ея немногія замѣчанія относительно пастырскаго служенія въ Церкви, содержащіяся въ третьей части (стр. 28—37, 289 — 291), представляютъ прямыя заимствованія или изъ *Книги о должностяхъ*, или изъ системы Θеофилакта. — Были и другія сочиненія подобнаго типа, но какъ въ свое время они не имѣли значенія, такъ и для потомковъ отъ нихъ не осталось замѣтнаго слѣда. Ср. проф. Знаменскаго—„Руков. къ русской церковной исторіи", стр. 506.

ГЛАВА 2.

Причинами такого печальнаго положенія русской пасторологической литературы, о которомъ мы говоримъ въ настоящее время, были нѣкоторыя политическія событія и церковно—общественныя явленія начала текущаго вѣка, завладѣвшія вниманіемъ правительства и общества и надолго задержавшія осуществленіе благихъ предначинаній на пользу и обновленіе русскаго духовенства. Къ числу этихъ явленій относится прежде всего учрежденіе и необычайно—быстрое развитіе у насъ „Библейскаго Общества [1]); затѣмъ, весьма много повредило нашему дѣлу увлеченіе русскихъ передовыхъ людей того времени мистицизмомъ и въ связи съ нимъ масонствомъ, которыми интересовалось высшее русское общество въ главѣ съ Государемъ [2]); далѣе, его задерживалъ самый фактъ созиданія духовной школы для пастырей, пересмотръ и составленіе ея уставовъ, переводъ книгъ Св. Писанія на русскій языкъ и т. п. Но самымъ крупнымъ событіемъ этого времени была, конечно, отечественная война, охватившая всю Россію и на нѣсколько лѣтъ какъ бы остановившая развитіе цѣлаго государственнаго организма. Для нашего духовно—учебнаго Вѣдомства событія 12-го года вмѣсто старательно—

---

[1]) См. о немъ подробнѣе у Чистовича: „Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія,“ СПБ. 1884 г. стр. 157—165 и дал.

[2]) Тамъ же, стр. 39, 153—157.

созидаемаго благосостоянія принесли весьма ощутительное разореніе матеріальное. Такъ, въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій Св. Сѵнодъ долженъ былъ пожертвовать на общее дѣло 1.500,000, руб., взявъ эти деньги изъ доходовъ по продажѣ восковыхъ свѣчъ, откуда съ такимъ стараніемъ и любовію къ дѣлу составлялся духовно-учебный капиталъ Св. Сѵнода. Въ то же время епархіальные архіереи, монастырскіе настоятели и прочее духовенство были приглашены къ пожертвованіямъ лично отъ себя и отъ каѳедръ, монастырей, церквей—деньгами, серебряными и золотыми вещами и т. п. По окончаніи войны, Коммиссія Духовныхъ Училищъ, движимая усердіемъ къ общему благу и состраданіемъ къ бѣдствіямъ, внесеннымъ непріятелями въ предѣлы отечества нашего, изъ того же духовно-учебнаго капитала отдѣлила еще 3.500,000 руб. на исправленіе соборовъ, церквей, монастырей, училищныхъ зданій и домовъ священно-церковно-служителей, разрушенныхъ непріятельскими войсками, какъ въ Москвѣ, такъ и вообще въ имперіи [1]). Кромѣ того, Св. Сѵнодъ объявилъ причетникамъ, дѣтямъ священно-церковно-служителей при отцахъ находящимся и семинаристамъ не выше реторичесткаго класса, что ежели изъ нихъ кто пожелаетъ, защищая отечество, идти въ новое ополченіе, на которое призываются всѣ состоянія, таковыхъ увольнять безпрепятственно и для одежды ихъ и на продовольствіе дозволить дѣлать пособіе изъ кошельковой суммы, а ихъ самихъ обнадежить, что они по окончаніи сего ополченія возвратятся къ прежнимъ занятіямъ и таковое служеніе ихъ не останется безъ уваженія“ [2]). Такимъ образомъ, кромѣ денежныхъ и прочихъ вещественныхъ жертвъ, принесенныхъ на защиту отечества, духовенство лично становилось въ ряды войскъ и своими сынами увеличивало силу ихъ. Эти скороспѣлые воины часто еще были несовершеннолѣтніе и, вѣроятно, не много причиняли вреда французамъ; однако факты

[2]) Чистовичъ: „Руководящіе дѣятели“... стр. 62—63.
[1]) Тамъ же.

формированія изъ нихъ цѣлыхъ отрядовъ наглядно свидѣтельствуютъ о томъ энтузіазмѣ, который овладѣлъ даже провинціальными городами [1]).

Но всѣ вышеозначенныя политическія событія и явленія церковно-общественной жизни, вліяя разрушительно на благосостояніе страны и задерживая правильное развитіе культуры вообще и науки въ частности, въ тоже время сильно пробуждали самосознаніе народа, порождали множество новыхъ запросовъ, требующихъ удовлетворенія, непредвидѣнныхъ задачъ, ожидающихъ отвѣта; но они же создавали и новыхъ людей, носителей современныхъ идеаловъ и они же, наконецъ, давали и средства для ихъ разрѣшенія. Такъ случилось и въ нашемъ духовно-учебномъ мірѣ въ началѣ XIX-го вѣка, когда событія времени выдвинули на поприще общественной дѣятельности многихъ замѣчательныхъ тружениковъ и когда почувствовалась нужда публичнаго обсужденія создаваемыхъ жизнію интересовъ. Именно, для удовлетворенія этой потребности чрезъ нѣкоторое время по окончаніи отечественной войны на далекомъ сѣверѣ загорался уже свѣтильникъ русской богословствующей мысли, основывался—по инціативѣ митроп. Григорія—первый духовный журналъ въ Россіи. Это было *„Христіанское Чтеніе"*, издающееся съ 1821 года и до нашихъ дней при с.-петербургской духовной академіи. Сообразно съ запросами времени, его ближайшей задачей было удовлетвореніе потребности назидательнаго чтенія, ознакомленіе читателей съ святоотеческими твореніями въ рускихъ переводахъ и разъясненіе предметовъ, входящихъ въ кругъ духовной науки. Важенъ былъ этотъ починъ, ибо скоро тѣмъ-же путемъ пошли и другіе. Такъ, чрезъ 16 лѣтъ, по инціативѣ преосвящен. Инокентія (Борисова, впослѣдствіи архіеп. херсонскаго), кіевская академія стала издавать *„Воскресное Чтеніе"* (съ 1837 г.), а съ 1843 г. появились *„Творенія Святыхъ*

---

[1]) Интересныя подробности о сформированіи военнаго баталіона изъ воспитанниковъ семинаріи и духовныхъ училищъ въ Твери и подвиги баталіона въ сраженіяхъ излагаются въ „Исторіи тверской духовной семинаріи" В. Колосова, стр. 279—297.

Отцевъ" при московской академіи. Всѣ эти изданія, впрочемъ, далеки были отъ цѣли спеціальнаго раскрытія пасторологическихъ вопросовъ, особенно послѣдній изъ нихъ [1]). На страницахъ журналовъ стали появляться переводныя и оригильныя статьи, замѣтки и разсужденія самаго разнообразнаго содержанія и совершенно случайнаго характера. Напр. книжки „Христіанскаго Чтенія" въ первое время были большею частію заняты рѣшеніемъ вопросовъ о таинственномъ возрожденіи, о духовныхъ созерцаніяхъ, загадочной области сверхъ - чуственнаго міра, о чудесахъ, о средствахъ къ общенію съ Богомъ и безплотными духами и тому подобными предметами, интересовавшими современный мистицизмъ, такъ что общимъ своимъ направленіемъ этотъ духовный журналъ на первыхъ порахъ тѣсно примыкалъ къ органамъ тогдашняго мистицизма, изъ которыхъ извѣстны наприм. издаваемый А. Ѳ. Лабзинымъ „Сіонскій Вѣстникъ", „Другъ юношества", „Духовный годъ жизни христіанина" и др. [2]). Редакція журнала, объявляя свое изданіе, сама приглашала, „всѣхъ любителей христіанства, а наипаче людей духовнаго званія, обстоятельно извѣщать издателей объ особенныхъ благодатныхъ дѣйствіяхъ Святаго Духа на сердца человѣческія — для содѣланія оныхъ явными къ славѣ Божіей" [3]). Но мистицизмъ „Христіанскаго Чтенія" былъ, конечно, уже сглаженный, болѣе или менѣе примиренный съ ученіемъ Православной Церкви и переходилъ въ чисто православную мистику святоотеческаго характера. Благодаря такому направленію, читатели его и другихъ духовныхъ журналовъ уже сравнительно рано могли знать

---

[1]) Впрочемъ, московская академія еще въ 1828 г. напечатала нѣсколько разсужденій по вопросамъ пасторологіи, составленныхъ ея студентами, напр. 1) „О дѣйствительной нуждѣ и важности званія и избранія пастырей по извѣстному чину и порядку;" 2) „О нравственныхъ и умственныхъ совершенствахъ, каковыя должны украшать пастыря Церкви;" 3) „О трехъ главныхъ обязанностяхъ пастырей Церкви"... и т. д. См. сборникъ этихъ разсужденій, изд. въ Москвѣ 1828 г.

[2]) См. подробности о мистицизмѣ въ царствованіе Александра I у Чистовича „Руководящіе дѣятели"... стр. 39, 116, 153—156, 189—190 и др. Также „Руководство къ русск. церковн. исторіи" проф. П. Знаменскаго стр. 476—485 и др.

[3]) „Исторія с.-петербургской академіи", стр. 320.

такія классическія святоотеческія творенія о пастырствѣ, какъ трактатъ св. Іоанна Златоуста „о священствѣ“ [1]), Григорія Двоеслова „Правило пастырское“ [2]), св. Амвросія Медіоланскаго „о должностяхъ священнослужителей [3]), блаж. Іеронима „о жизни клириковъ“ [4]), Св. Григорія Богослова „слово защитительное“ [5]) и т. п. Конечно, это была еще не русская литература,—но уже одно присутствіе вышеозначенныхъ святоотеческихъ твореній въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ служитъ свидѣтельствомъ, что нужда въ Пастырскомъ Богословіи сознавалась болѣе или менѣе ясно и требовала удовлетворенія—особенно въ виду наличности мистицизма, которому установленныя формы выраженія религіозной вѣры и религіознаго чувства казались слишкомъ устарѣлыми и недостаточными и который мечталъ о новомъ духовномъ царствѣ, о новой Церкви и новой святости, новомъ пастырствѣ и священствѣ [6]).

Впрочемъ, отъ переводной и заимствованной литературы русскіе богословы скоро перешли и къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ по предмету Пастырскаго Богословія. Починъ въ его разработкѣ собственно русскими авторами принадлежитъ „Христіанскому Чтенію“, въ которомъ за 1834 годъ былъ помѣщенъ „Отрывокъ изъ записной книжки одного почтеннаго священника“ съ надписаніемъ „для священниковъ“ [7]). Это была первая статья по Пастырскому Богословію на страницахъ новыхъ тогда духовныхъ журналовъ. Затѣмъ до начала 60-хъ годовъ текущаго столѣтія, когда служеніемъ пастырскимъ спеціально занялся журналъ

---

[1]) Шесть словъ св. Іоанна Златоуста „о священствѣ“ помѣщены въ „Христіанскомъ Чтеніи:“ 1830 г. (XL), стр. 127; 1831 г. (XLI), стр. 113; XLII, стр. 1—62; XLIV, стр. 3; XLIV, стр. 245, и 1832 г. (XLVII), стр. 316.

[2]) „Христіанское Чтеніе“ 1847 г. I, стр. 1—61, 189—218; 333—353; „Воскресное Чтеніе“ VI, стр. 97. 107 и др.

[3]) 16 главъ первой книги въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1839 г. I и II.—Ранѣе это сочиненіе св. Амвросія было переведено сполна прот. Московск. Покровск. Собора Іоанномъ Харламовымъ и издано отдѣльно въ Москвѣ 1776 г. на славянскомъ языкѣ.

[4]) Письма къ Непоціану: „Христіанское Чтеніе“ 1836 г. II, стр. 252—283.

[5]) „Творенія святыхъ Отцевъ въ русскомъ переводѣ“ т. I, стр. 16—83.

[6]) Чистовичъ: „Руководящіе дѣятели“... стр. 189.

[7]) „Христіанское Чтеніе“ 1834 г. III, стр. 215—223.

кіевской духовной семинаріи [1]), въ этихъ изданіяхъ появлялось довольно много произведеній пасторалистовъ то въ формѣ замѣтокъ и размышленій, то въ формѣ діалоговъ и бесѣдъ, то въ видѣ писемъ, то, наконецъ, въ видѣ обработанныхъ серьезныхъ статей и разсужденій. Теряясь въ массѣ разнороднаго матеріала, отличаясь отрывочностью и, пожалуй, случайностью, эти статьи тѣмъ не менѣе весьма важны для насъ, ибо, выходя изъ направленія и характера святоотеческой литературы, онѣ являются соединительнымъ звеномъ между святоотеческими твореніями и всей послѣдующей русской пасторологической литературой текущаго столѣтія, сообщая ей тотъ строгій духъ православія и глубочайшее уваженіе къ священному сану, которыми характеризуется вся она до настоящаго времени. Къ разсмотрѣнію подлежащихъ сюда статей мы теперь и обратимся.

Разсужденія о пастырскомъ служеніи на страницахъ русскихъ духовныхъ журналовъ начинаются догматическимъ опредѣленіемъ таинства священства. Такъ, одинъ изъ сотрудниковъ „Христіанскаго Чтенія“ говоритъ, что это есть „священнодѣйствіе, въ которомъ Духъ Святый правильно избраннаго поставляетъ совершать таинства и пасти стадо Христово“ [2]). Затѣмъ, въ томъ же журналѣ довольно подробно доказывается божественное установленіе какъ самаго таинства, такъ и служенія пастырскаго. „Евангельская исторія показываетъ,—читаемъ мы здѣсь,— какъ Спаситель избралъ и мало-по-малу приготовлялъ избранныхъ учениковъ къ особому назначенію—быть Его посланниками (или апостолами), на которыхъ возложилъ Онъ обязанность пріобрѣтать послѣдователей посредствомъ ученія и крещенія (Матѳ. XXVIII, 19; Марк. XVI, 15), совершать евхаристію (Лук. XXII, 19), отпускать грѣхи (Іоан. XX, 21—23; Мѳ. XVI, 19) и такимъ образомъ распространять основанную Имъ Церковь и управлять въ ней“ [3]) Это служеніе, преподанное апостоламъ, ведетъ

---

[1]) „Руководство для сельскихъ пастырей,“ изд. при кіевской дух. семинаріи съ 1860 г.

[2]) „Христ. Чт.“ 1847 г. II, стр. 259—260: „Бесѣда о священствѣ.“

[3]) „Христ. Чт.“ 1847 г. II, стр. 260.

свое начало отъ Бога-Отца, такъ какъ установлено по Его предопредѣленію. „Жатва убо многа,—говоритъ Спаситель ученикамъ,—дѣлателей же мало. Молитеся убо Господину жатвы, да изведетъ дѣлателей на жатву Свою" (Матѳ. IX, 37—38; 2 Кор. V, 18; Гал. I, 1). По воскресеніи изъ мертвыхъ, вручая ученикамъ Своимъ служеніе апостольства, Господь говоритъ имъ: „якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы. И сіе рекъ, дуну, и глагола имъ: пріимите Духъ Святъ: имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ" (Іоан. XX, 21—23); „шедше, научите вся языки, крестяще ихъ"... (Матѳ. XXVIII, 19). — Но, поручивши продолженіе Своего дѣла апостоламъ, а чрезъ нихъ и всѣмъ вообще пастырямъ Церкви, Спаситель и Самъ не отказался отъ него. Все, что теперь совершаютъ священники, они совершаютъ не только по повелѣнію Іисуса Христа, но и вмѣстѣ со Христомъ. Все, что совершаютъ они на землѣ видимо для насъ, это Спаситель вмѣстѣ съ ними невидимо совершаетъ на небѣ. Они возносятъ къ Отцу небесному молитвы земнымъ чадъ Его, — Христосъ представляетъ Ему эти молитвы; они сѣютъ слово Евангелія въ сердца людей, — Христосъ возращаетъ это святое сѣмя; они совершаютъ таинства,— Христосъ исполняетъ ихъ благодатію; они произносятъ отпущеніе грѣховъ, — Христосъ, невидимо предстоящій кающемуся грѣшнику, утверждаетъ ихъ приговоръ; они приносятъ безкровную жертву за спасеніе міра, — Самъ Христосъ есть при этомъ верховный жрецъ: Онъ — и приносяй, и приносимый". Такимъ образомъ посольство, на которое Онъ опредѣлилъ апостоловъ и ихъ преемниковъ, есть то же самое, которое Онъ получилъ отъ Отца: „якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы" (Іоан. XX, 21). Слѣдствія этого посольства опять тѣ же самыя: „пріемляй васъ, Мене пріемлетъ; и пріемляй Мене, пріемлетъ пославшаго Мя. Слушаяй васъ, Мене слушаетъ, и отметаяйся васъ, Мене отметается; отметаяйся же Мене, отметается пославшаго Мя" (Лук. X, 16). Ученіе, которое Онъ возвѣстилъ апостоламъ и заповѣдалъ возвѣщать людямъ, есть то же самое, которое Онъ Самъ

принялъ отъ Отца (Іоан. XV, 15). Богъ чрезъ Христа примирилъ міръ съ Собою, а Христосъ Спаситель далъ Своимъ священникамъ то же самое служеніе примиренія (2 Кор. V, 18—19). Славу, которую далъ Ему Отецъ, Онъ сообщилъ и Своимъ ученикамъ (Іоан. XVII, 22). Отецъ всегда съ Сыномъ и Сынъ съ Отцемъ, и Христосъ обѣтовалъ Своимъ послѣдователямъ пребывать съ ними „во вся дни до скончанія вѣка“ (Іоан. X, 38; Матѳ. XXVIII, 20). Отецъ „весь судъ далъ Сыну“ (Іоан. V, 22), и Христосъ объявилъ Своимъ апостоламъ, что когда сядетъ Онъ на престолѣ славы Своея, сядутъ и они на двоюнадесяте престолу, судяще обѣманадесяте колѣнома израилевома“ (Матѳ. XIX, 28) [1]).—Принявъ этотъ даръ отъ Господа, апостолы точно такъ же передали его и другимъ [2]). Въ своей послѣдней бесѣдѣ съ ефесскими пресвитерами ап. Павелъ напоминаетъ имъ „внимать себѣ и всему стаду, въ которомъ Духъ Святый поставилъ ихъ епископами пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа Кровію Своею“ (Дѣян. XX, 28; ср. 1 Тим. IV, 14). Этими словами апостола, очевидно, указывается на то, что благодать Святаго Духа, чрезъ рукоположеніе апостольское, передается отъ апостоловъ и всѣмъ другимъ пастырямъ Церкви Христовой, сообщая каждому изъ нихъ право, силу и власть совершать то, что можетъ совершать только одинъ Богъ. „Пріимите Духъ Святъ,—сказалъ Спаситель,—имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся“ (Іоан. XX, 21—23),—и святое слово сіе будетъ исполняться въ продолженіи всѣхъ вѣковъ. Прокаженные духовною проказою приходятъ къ служителю Христову и говорятъ ему, какъ говорилъ нѣкогда прокаженный тѣломъ нашему Искупителю: „аще хощеши, можеши мя очистити.“ И священникъ вмѣстѣ съ Іисусомъ отвѣчаетъ: „хощу, очистись,“ и тотчасъ очищается его проказа (Матѳ. VIII, 2—3). Такимъ образомъ власть пастыря есть власть вѣчная по времени.

---

[1]) „Христ. Чт.“ 1843 г. IV, стр. 112—114.
[2]) „Христ. Чт.“ 1847 г. II, стр. 261—271.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ она есть власть всемірная по своему объему. Даже коронованныя главы смиренно преклоняются предъ священнослуженіемъ, въ которомъ она выражается. Далѣе, власть пастырская есть власть вышечеловѣческая по своему значенію. Она не ограничивается объявленіемъ невинности осужденному, подобно власти земныхъ судей, а возвращаетъ невинность виновному; она не объявляетъ только грѣхи уже отпущенными, а сама изглаждаетъ ихъ своею собственною силою. Для омытія и потребленія грѣха нужна была вся Кровь Іисуса Христа; нынѣ, силою заслугъ Его, одно слово священника производитъ то же дѣйствіе. Онъ есть лице, уполномоченное для торжественнаго заключенія мира между оскорбленнымъ Богомъ и виновнымъ человѣкомъ. Прежняго врага Своего Господь немедленно признаетъ Своимъ сыномъ и другомъ, лишь только служитель Церкви объявитъ его таковымъ. На священномъ судилищѣ священникъ полагаетъ на вѣсы права Божіи и дѣла человѣка и произноситъ свой приговоръ; Богъ пріемлетъ этотъ приговоръ и утверждаетъ его: небо сообразуется съ судомъ земли [1]).

Посольство апостоловъ между ихъ преемниками исполняется тремя степенями церковной іерархіи: епископомъ, пресвитеромъ и діакономъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ особыя права и обязанности. Первые поставляютъ служителей Церкви и имѣтъ высшее управленіе христіанскимъ обществомъ, вторые совершаютъ таинства и учатъ, послѣдніе—служатъ при таинствахъ [2]).

Имѣя божественное происхожденіе, будучи облечено величайшею властію и правами, служеніе пастырское чрезвычайно важно по своему значенію въ человѣческомъ обществѣ и по своей цѣли. Великъ законъ дѣторожденія въ жизнь естественную, и естественные родители, каковы бы они ни были по своимъ нравственнымъ качествамъ, всегда досточтимы для дѣтей, получившихъ чрезъ нихъ отъ Бога высочайшій даръ бытія. Но несравненно выше

---

[1]) „Христ. Чт.“ 1843 г. III, стр. 117—120.
[2]) „Христ. Чт.“ 1847 г. II, стр. 271—278.

законъ благодатнаго дѣторожденія въ жизнь духовную, освобождающій человѣка отъ грѣха прародительскаго и приводящій къ вѣчной блаженной жизни [1]). Таково и есть значеніе священства. „Вы есте соль земли, вы есте свѣтъ міра“, говоритъ о пастыряхъ Іисусъ Христосъ (Матѳ. VII, 5, 13—14). Они призваны быть вождями вѣрныхъ въ эту вѣчную блаженную жизнь и руководителями въ здѣшней жизни. Въ тоже время они суть посредники между небомъ и землею; принадлежа небу по своему происхожденію, они принадлежатъ землѣ по своимъ обязанностямъ. Посланникъ Божій предъ людьми, ходатай человѣка предъ Богомъ (2 Кор. V, 20), служитель алтаря возвѣщаетъ человѣку волю Божію, но онъ же представляетъ Богу и обѣты человѣка; онъ пріемлетъ съ неба то, что низводитъ на землю; онъ же взимаетъ отъ земли то, что возноситъ къ небу: онъ пріемлетъ благодѣянія Божіи и раздаетъ ихъ вѣрующимъ. Таково значеніе пастырства для человѣка.

Служеніе пастырское состоитъ въ попеченіи о духовной жизни человѣка, его нравственномъ состояніи, и имѣетъ своимъ послѣднимъ предметомъ его спасеніе и вѣчное блаженство. Важнѣе спасенія, драгоцѣннѣе вѣчнаго блаженства для насъ ничего нѣтъ и быть не можетъ [2]).

Для достиженія этой цѣли пастырь долженъ выполнять три главныхъ обязанности: священнодѣйствовать, учить и нравственно руководить своихъ пасомыхъ [3]).

Священнодѣйствіе (или священнослуженіе) есть первое и ближайшее дѣло, гдѣ пастырь совершаетъ свое служеніе спасенію вѣрующихъ. Здѣсь онъ молитъ Отца небеснаго о всѣхъ благахъ — духовныхъ и временныхъ—какъ для цѣлой Церкви, такъ и для каждаго изъ ея чадъ: для невѣрныхъ и еретиковъ онъ испрашиваетъ возвращенія къ вѣрѣ, для грѣшниковъ—покаянія и исправленія, для кающихся примиренія съ Церковію и святой рѣшимости

---

1) „Христ. Чт.“ 1847 г. III, стр. 120.
2) „Христ. Чт.“ 1843 г. IV, 106—111.
3) Тамъ-же, стр. 117—120.

на подвиги добродѣтели; проситъ постоянства для праведниковъ, благочестія для пастырей, мудрости для государей, правосудія для судей, покорности для подданныхъ, вѣрности для супруговъ и т. д. Здѣсь онъ умоляетъ Господа ниспослать дары Его на Церковь, благодаритъ Его за тѣ щедроты, которыя Онъ уже излилъ на нее, ходатайствуетъ о Церкви гонимой и проситъ конца ея скорбямъ и болѣзнямъ. Такимъ образомъ здѣсь онъ является какъ всеобщій ходатай и представитель всего рода человѣческаго предъ Богомъ. Въ виду этого очень виновны тѣ служители алтаря, которые не стараются достойно выполнять сію высокую обязанность, повторяя священныя слова молитвъ съ непристойною поспѣшностію и не обращая вниманія ни на смыслъ, ни на значеніе ихъ. „Лицемѣры,—говоритъ имъ Іисусъ Христосъ,—добрѣ пророчествова о васъ Исаія, глаголя: „приближаются Мнѣ людіе сіи усты своими и устнама своима чтутъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене“ (Матѳ. XV, 7—8). Не умоляетъ, а оскорбляетъ Бога тотъ, кто обращается къ Нему съ пустыми словами. Поэтому пастырь прежде божественной службы пусть приготовитъ себя къ ней [1]); по крайней мѣрѣ два послѣдніе часа предъ общественнымъ богослуженіемъ пусть посвятитъ на тайное, домашнее богослуженіе, чтобы въ сердцѣ своемъ возбудить и утвердить истинное богослуженіе [2]) и чтобы призвать на помощь Господа, Который одинъ можетъ сподобить его совершать божественную службу достойно [3]).

Вторая обязанность священника, т. е. обязанность учительства, вытекаетъ изъ естественнаго отношенія его къ вѣрующимъ. Человѣкъ по отношенію къ божественнымъ заповѣдямъ слабъ и несвѣдущъ; для познанія ихъ ему нужно наставленіе, а для исполненія на дѣлѣ — нужны побужденія. Сдѣлать то и другое и есть обязанность пастыря, который какъ „свѣтильникъ“ поставленъ на свѣщницѣ въ

---

1) „Христ. Чт.“ 1844 г., I, стр. 330—333.
2) „Христ. Чт.“ 1834 г., III, стр. 215.
3) „Христ. Чт.“ 1844 г., I, стр. 333.

дому Божіемъ (Матѳ. V, 14—15) [1].—Учить онъ долженъ словомъ и примѣромъ собственной жизни [2]. Послѣднее гораздо важнѣе для учащагося, ибо не всякій долженъ быть христіаниномъ—теоретикомъ, но всякій обязанъ быть нравственнымъ человѣкомъ; а для этой цѣли примѣръ есть самое сильное и дѣйствительное средство. Онъ есть наставленіе гораздо сильнѣйшее, чѣмъ всякое слово, во-1-хъ, потому, что онъ короче и понятнѣе для всякаго ума, который тотчасъ же поражается, какъ только видитъ его; во-2-хъ, потому, что онъ гораздо прямѣе: слово имѣетъ только отношеніе къ дѣйствію, а примѣръ есть самое дѣйствіе; въ-3-хъ, потому, что онъ гораздо убѣдительнѣе опровергаетъ всякій предлогъ, всякую трудность или мнимую невозможность; въ-4-хъ, потому, что онъ гораздо дѣйствительнѣе и вмѣстѣ съ урокомъ соединяетъ побужденіе; наконецъ, потому, что онъ гораздо постояннѣе. Пастырь не всегда можетъ увѣщевать, такъ какъ благоразуміе требуетъ иногда останавливать дѣло ревности; съ другой стороны, общественное учительство *словомъ* требуетъ для себя извѣстной подготовки, времени и опредѣленнаго мѣста (напр. въ храмѣ), а частное—приличныхъ обстоятельствъ, по своему характеру нерѣдко случайныхъ. Между тѣмъ учительство *примѣромъ* возможно и обязательно во всякое время и при всѣхъ обстоятельствахъ. Одинъ видъ примѣрнаго пастыря есть постоянное увѣщаніе. Онъ не имѣетъ нужды говорить, если его жизнь есть основательный и совершенный урокъ. За него говоритъ самое его молчаніе, и даже гораздо краснорѣчивѣе, чѣмъ прекрасныя разсужденія,—наставляетъ, убѣждаетъ, трогаетъ до глубины души. Напротивъ, не воплощая въ своей жизни закона Христова, пастырь не можетъ надѣяться на успѣхъ самыхъ прекрасныхъ проповѣдей. И если собственною добродѣтелью онъ не можетъ побудить всѣхъ грѣшниковъ быть добродѣтельными, то по крайней мѣрѣ заставитъ ихъ уважать добродѣтель, заставитъ почитать

[1]) „Христ. Чт.“ 1843 г., IV, стр. 117—120.
[2]) „Христ. Чт.“ 1844 г., I, стр. 132—133.

Бога даже тѣхъ, кого не можетъ принудить служить Ему [1]). Но если назидательная жизнь священника можетъ произвесть добро, то соблазнительная жизнь его гораздо болѣе и скорѣе производитъ зло. Благочестивый пастырь—живая похвала добродѣтели, нечестивый — всенародная апологія порока. Одинъ заставляетъ уважать себя даже тѣхъ, которые не хотятъ подражать ему; другой даетъ поводъ презирать себя даже сообщникамъ своего нечестія. Какъ міръ будетъ уважать того, въ комъ видитъ онъ недостатки, которыхъ стыдится въ самомъ себѣ? Даже такія слабости, которыя по силѣ моды міръ терпитъ въ себѣ, укоризненно трактуются въ пастырѣ, и всего чаще со стороны самыхъ закоснѣлыхъ въ порокѣ людей. Богъ хотѣлъ, чтобы столь тяжкій грѣхъ, каковъ соблазнъ со стороны священника, былъ наказанъ въ мірѣ семъ презрѣніемъ людей самыхъ презрѣнныхъ. Чрезъ порокъ одного хула переносится на самое служеніе и на цѣлое сословіе; тогда оказывается, что камни святилища, разсѣянные по всѣмъ путямъ, сдѣлались камнями соблазна, за которые запинаясь, падаютъ несчастные прохожіе [2]).—Это соображенія человѣческія. Но есть и заповѣдь божественная. Въ самомъ дѣлѣ, если съ одной стороны великій грѣхъ, когда кто-либо нарушитъ волю Божію и научитъ этому другаго, и когда, съ другой стороны, великая честь тому, кто сотворитъ и дастъ этимъ примѣръ ближнему,—то, конечно, это болѣе всего приложимо къ служенію пастыря, который есть „соль земли и свѣтъ міра“, который есть „градъ, стоящій верху горы и видимый со всѣхъ сторонъ“, который есть „свѣтильникъ, поставленный на свѣщницѣ для того, чтобы разливать небесный свѣтъ во всей храминѣ Божіей“. Поэтому и Божественный Учитель говорилъ апостоламъ: „тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже есть на небесѣхъ“ [3]).

---

[1]) „Христ. Чт.“ 1844 г., I, стр. 134—135. 139.
[2]) „Христ. Чт.“ 1844 г., I, стр. 135—138.
[3]) Матѳ. V, 13; ср. „Христ. Чт.“ 1844 г. I, стр. 120—131.

Въ силу этого все, что въ пастырѣ служитъ только поводомъ ко грѣху для другого, есть уже грѣхъ. Самыя невинныя дѣйствія его перестаютъ быть таковыми, законныя становятся запрещенными, если чрезъ нихъ можетъ быть соблазнъ (Римл. XIV, 3; I Кор. VIII, 7; Римл. XIV, 20-21). „Аще брашно соблазняетъ брата моего,—говоритъ апостолъ Павелъ,—не имамъ ясти мяса во вѣкъ, да не соблазню брата моего“ (I Кор. VIII, 9. 11—13).

Въ чемъ же пастырь долженъ быть образцомъ для пасомыхъ? — Во всемъ, отвѣчаетъ учитель языковъ (Тит. II, 7; I Тим. IV, 12): въ своемъ лицѣ, своемъ домѣ и хозяйствѣ, въ своихъ отношеніяхъ къ міру, въ отправленіи своей должности. „Каковъ ты самъ (во всѣхъ отношеніяхъ), таковъ и приходъ твой (также во всѣхъ отношеніяхъ)“, говоритъ одинъ почтенный священникъ [1]).

Въ своемъ поведеніи священникъ долженъ выражать скромность души своей, быть важнымъ безъ спѣси, обращаться вѣжливо, но безъ фамиліарности, въ рѣчахъ быть осторожнымъ, но не притворнымъ, въ поступкахъ--осмотрительнымъ, всю свою жизнь вести правильно, но безъ всякаго вида тщеславія.

Домъ и хозяйство его должны быть благоустроены, дѣти воспитаны въ благочестіи христіанскомъ; онъ долженъ быть добрымъ супругомъ, попечительнымъ отцемъ, заботливымъ домохозяиномъ по отношенію къ прислугѣ и т. д. [2]).

Будучи проповѣдникомъ небеснаго царства, пастырь не любитъ сообщаться съ царствомъ земнымъ для своего развлеченія; онъ чаще удаляется отъ міра, чтобы собраться съ своими мыслями и глубже проникнуться тѣми началами, которыя потомъ внесетъ туда, въ это земное царство [3]). Но, какъ поставленный среди міра и на служеніе міру, онъ не можетъ быть отшельникомъ. Онъ долженъ сообщаться съ міромъ, но вести себя здѣсь образцово. Ему запрещается тѣсная, дружественная связь съ явными

---

[1]) „Христ. Чт.“ 1844 г. I, 1477; 1834 г. III, 215.

[2]) „Христ. Чт.“ 1844 г. III, 426—427; 1841 г. IV, 145—164.

[3]) „Христ. Чт.“ 1844 г. I, 147—150; 1844 г. III, 428.

грѣшниками, ибо она можетъ быть опасна для его добродѣтели, для его честнаго имени, и подать поводъ къ подозрѣнію и соблазну. Нужно держать себя въ такомъ разстояніи отъ нихъ, которое препятствуетъ заразиться этимъ общеніемъ и въ тоже время позволяетъ въ извѣстныхъ случаяхъ благотворно вліять на нихъ [1]). Но сообщеніе священника съ людьми благочестивыми весьма желательно и полезно какъ для него самого, такъ и для этихъ людей [2]).—Далѣе, ему запрещается различать между грѣшниками и благочестивыми, а также—бѣдными и богатыми, слабыми и сильными въ обидную для однихъ сторону, руководясь при этомъ лицепріятіемъ, пристрастіемъ и своекорыстіемъ. Такимъ образомъ можно потерять всякое уваженія со стороны прихожанъ какъ къ себѣ, такъ и къ своему сану, свести это высочайшее служеніе въ рядъ мірской суетности, а главное—подать дурной примѣръ [3]).

Вторая черта, характеризующая образцовое поведеніе пастыря въ мірѣ, есть его миролюбіе. Ему въ особенности нужно помнить заповѣдь апостола „имѣть миръ, аще возможно со всѣми, человѣки“ [4]), и особенно съ сопастырями [5]), съ ближайшимъ гражданскимъ начальствомъ [6]) и т. д. Кромѣ крайней нужды не жаловаться ни на кого, высшаго и низшаго, ибо чрезъ это злой человѣкъ становится еще болѣе злымъ и изъ одного зла раждается другое [7]). Собственнымъ примѣромъ онъ долженъ внушать прихожанамъ глубочайшее уваженіе къ власти гражданской и повиновеніе ея мѣстнымъ представителямъ [8]).

При отправленіи своей должности священникъ долженъ представлять себѣ, съ какимъ страхомъ и трепетомъ ангелы воспѣваютъ пѣснь Пресвятой Троицѣ на небѣ.

---

[1]) „Христ. Чт.“ 1844 г. III, 420—426.
[2]) „Христ. Чт.“ 1844 г. I. 147—150.
[3]) „Христ. Чт.“ 1844 г. II, 115—117.
[4]) Римл. XII, 17—18; „Христ. Чт.“ 1844 г. III, 422.
[5]) „Воскр. Чт.“ XVI, 209—210.
[6]) „Воскр. Чт.“ XV, 206.
[7]) „Христ. Чт.“ 1834 г. III, 219.
[8]) „Воскр. Чт.“ XV, 205—206.

Подобно этому и онъ—„земной ангелъ“ [1]), проходя то же служеніе, долженъ служить Богу съ величайшимъ благоговѣніемъ и страхомъ. Этимъ только онъ можетъ внушать и пасомымъ такое же отношеніе къ святому служенію своему. Напротивъ—невнимательность къ священнослуженію, вѣтреная поступь, разсѣянный взоръ и т. п. являются предметомъ скорби для благочестивыхъ, соблазномъ для слабыхъ, опорою безпечности для нерадивыхъ, предметомъ насмѣшки для вольнодумцевъ, возраженіемъ для невѣрныхъ [2]).

Но, какъ ни высоко значеніе примѣра въ дѣлѣ пастырскаго учительства, одного этого недостаточно. Если пастырь ограничится священнослуженіемъ и примѣромъ, то народъ можетъ не понимать, какія тайны совершаются въ храмѣ Божіемъ, въ чемъ состоитъ домостроительство спасенія нашего и какъ участвовать ему въ служеніи Богу. „Како увѣруютъ безъ проповѣдующаго?“ [3]). Поэтому необходимость словеснаго пастырскаго учительства, или проповѣдничества, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Начало этой обязанности пастыря дано въ примѣрѣ Христа Спасителя, Который благоволилъ снизойти на землю „благовѣстити нищимъ, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ: проповѣдати плѣненнымъ отпущеніе, и слѣпымъ прозрѣніе: отпустити сокрушенныя во отраду: проповѣдати лѣто Господне пріятно“ (Лук. IV, 18—19) и доказалъ это Своею непрерывною трехлѣтнею проповѣдническою дѣятельностію. Проповѣдь была заповѣдана и апостоламъ, когда имъ было сказано: „шедше научите вся языки“ (Матѳ. XXVIII, 18—20); исполняя эту заповѣдь, они расходятся по всей землѣ и всюду проносятъ возвѣщенное имъ ученіе, считая это дѣло своею существеннѣйшею обязанностію (Дѣян. VI, 2; I Кор. IX, 16; I, 17). Апостолъ Павелъ передаетъ сію заповѣдь и преемникамъ своимъ, когда пишетъ Тимоѳею: „проповѣдуй слово, настой благо-

---

[1]) „Христ. Чт.“ 1844 г. I, 129—130,

[2]) „Христ. Чт.“ 1844 г. I, стр. 144—145: 147—151.

[3]) „Воскр. Чт.“ XV, 223.

временнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ" (2 Тим. II, 2).

Признавая такимъ образомъ въ теоріи необходимость и важность проповѣди, періодическая печать не много даетъ совѣтовъ для практическаго осуществленія этого дѣла. Именно, на всемъ протяженіи первыхъ двадцати-пяти лѣтъ своего существованія „Воскресное Чтеніе" напечатало только шесть статей по Гомилетикѣ [1]), а „Христіанское Чтеніе" даетъ лишь отрывочныя и краткія замѣчанія о проповѣдничествѣ, въ родѣ слѣдующихъ: проповѣдникъ долженъ тщательно приготовляться къ проповѣди и просить Бога о помощи въ этомъ дѣлѣ [2]); ему не слѣдуетъ гоняться за цвѣтистыми оборотами и краснорѣчіемъ въ ущербъ содержанію и для собственной славы, особенно въ сельскомъ приходѣ, гдѣ проповѣдь должна быть по преимуществу проста [3]); не нужно пренебрегать проповѣдью и смущаться малочисленностью слушателей, ибо послѣднее можетъ зависѣть отъ нашей небрежности; если же и одну душу пріобрѣтемъ чрезъ проповѣдь, то должны радоваться; если не замѣтно никакихъ плодовъ, и тутъ не должно смущаться: наше дѣло сѣять доброе сѣмя, не давая возможности врагу сѣять плевелы на нивѣ Божіей, а Богъ возраститъ [4]).—Впрочемъ, для восполненія недостатка гомилетической теоріи наши журналы давали пастырямъ прямо готовыя поученія, или матеріалы для нихъ. Книжки журналовъ, дѣйствительно, переполнены произведеніями гомилетическаго характера. Между поученіями встрѣчаются даже такія, которыя отвѣчаютъ на вопросы прихожанъ и сказаны по вызову съ ихъ стороны [5]).

Выходя изъ представленія о невысокомъ уровнѣ

---

[1]) Одна изъ нихъ (на тему „Какъ узнать, подѣйствовала ли проповѣдь?") находится въ I т. журнала (стр. 170); затѣмъ черезъ десять лѣтъ помѣщенъ отрывокъ „изъ уроковъ по гомилетикѣ" (X, 257); потомъ сравнительно хорошія статьи напечатаны въ XV г. (стр. 222, 232, и 241); наконецъ, разсужденія о характерѣ проповѣди въ годахъ: XXI (стр. 489), XXII (стр. 137) и XXIII (стр. 210).

[2]) „Христ. Чт." 1844 г. II, 117—118.

[3]) „Христ. Чт." 1844 г. II, 120—121; 1834 г. III, 218.

[4]) „Христ. Чт." 1844 г. II, 121—123; 1834 г. III, 221—222.

[5]) „Воскр. Чт." XX г., стр. 110—113; XXI, 77—80; 124—127; 215—218 и др.

образованія пастырей того времени, при отсутствіи достаточнаго и пригоднаго руководства для ихъ дѣятельности, затѣмъ въ виду ихъ матеріальной, а отсюда и моральной, зависимости отъ помѣщиковъ и прихожанъ—крестьянъ и т. д., мы не думали встрѣтить въ этомъ періодѣ побужденій къ обличительной проповѣди. Оказалось, однако же, что типъ ревностнаго проповѣдника—обличителя,—правда, въ самые послѣдніе годы періода,—былъ уже созданъ и предполагался существующимъ. Предупреждая ослабленіе ревности пастыря-обличителя подъ давленіемъ равнодушія и даже ожесточенія противъ него со стороны окружающаго общества, одинъ авторъ — священникъ основательно разъясняетъ, что „это будетъ уже напрасное малодушіе, противное достоинству правдиваго дѣла и святому требованію долга. Это противно прямому требованію Апостола: „проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ“ (2 Тим. IV, 2). „Будетъ бо время, егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своихъ похотѣхъ изберутъ себѣ учители, чешеми слухомъ. И отъ истины слухъ отвратятъ и къ баснемъ уклонятся. Ты же трезвися о всемъ, злопостражди, дѣло сотвори благовѣстника, служеніе твое извѣстно сотвори“ (2 Тим. IV, 3 — 5). Такое малодушіе противно примѣру нашего Господа, завѣщавшаго намъ слѣдовать стопамъ Его и безбоязненно обличавшаго и фарисеевъ, и архіереевъ, и старѣйшинъ іудейскихъ. Каждый изъ насъ (священниковъ), призванныхъ на это служеніе, долженъ служить Богу и правдѣ, а не лжи, не прихотямъ больнаго самолюбія. Существованіе неправды, сильное распространеніе ея налагаетъ на насъ обязанность съ оружіемъ въ рукахъ выступать противъ этого врага нашего блага, заставляетъ насъ являться предъ обществомъ съ обличительною рѣчью. Только бы была у насъ благая цѣль, только бы любовь одушевляла наше слово, — и мы не останемся навсегда подъ гнѣвомъ. Не всѣ же возстанутъ противъ правдиваго слова обличенія: въ числѣ обличаемыхъ найдутся и такіе премудрые, которые, по слову

Соломона, возлюбятъ своего обличителя; найдутся такіе, которые примутъ къ сердцу горькія сѣмена добра и возрастятъ ихъ съ лихвою. Да и на каменистой почвѣ могутъ произрастать, хотя и скудно, жито и пшеница; отчего же терять всякую надежду на произрастаніе благихъ сѣмянъ на полѣ нашей нравственной жизни? Не нынѣ, не завтра, такъ послѣ можетъ откликнуться добрый голосъ изъ среды обличаемыхъ, и тогда исполненъ долгъ и достигнута цѣль. Наконецъ, если не люди, то Богъ оправдаетъ добраго служителя своего стада, когда пасомыя овцы буйно возстаютъ противъ него за непріятное для нихъ жесткое слово, вынужденное ихъ непокорностью. Итакъ, бодро иди къ цѣли, служитель вѣры и служитель истины, возвышающій громкій голосъ противъ несправедливости! Если твой голосъ исходитъ отъ полноты искренняго убѣжденія и проникнутъ доброжелательною любовію, то съ тобою твое право и твоя сила, могущія защитить тебя отъ всякихъ нареканій" [1]).

Второй видъ словеснаго учительства пастыря, имѣющій тотъ же общественный характеръ, есть учительство въ школѣ. Въ статьѣ „Священники-учители народа" [2]) говорится, что пастырь долженъ быть учителемъ въ сельской школѣ прежде всего *по самому званію своему;* онъ есть главнымъ образомъ *учитель вѣры* для своихъ прихожанъ; его преимущественное дѣло—наставлять пасомыхъ благовременно и безвременно, въ церкви и дома, учить ихъ истинамъ христіанской мудрости и правиламъ христіанскаго благоповеденія.—Занятіе священника въ школѣ трактуется, впрочемъ, не какъ обязательное юридически, а какъ дѣло совѣсти, какъ нравственный долгъ, исполненіе котораго притомъ чрезвычайно удобно для достиженія главной цѣли священническаго служенія и трудной задачи пастырскаго учительства вообще. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ статья рекомендуетъ даже, чтобы священ-

---

[1]) „Воскр. Чт." XXIII, стр. 489—490, статья „Дѣйствіе обличенія на наше общество." Ср. „Христ. Чт." 1844 г. II, стр. 118—119.

[2]) „Воскр. Чт." XXIII, стр. III.

никъ былъ не только законоучителемъ въ школѣ, но и учителемъ грамотности, если нѣтъ другого учителя, ибо „грамотность есть главное средство къ духовному образованію человѣка“, къ каковой цѣли и стремится священникъ въ отношеніи прихожанъ. Грамотный уже самъ можетъ читать назидательныя сказанія о достоподражательныхъ подвигахъ святыхъ, и священнику, какъ духовному воспитателю прихожанъ, весьма естественно вводить ихъ во владѣніе этимъ всеобщимъ средствомъ духовнаго образованія. Впослѣдствіи пастырь долженъ будетъ уже только указывать имъ соотвѣтствующія книжки для чтенія и такимъ образомъ облегчать достиженіе той цѣли, какую указали ему Церковь и общество, призвавъ его къ пастырскому служенію [1]). Съ другой стороны, достиженіе этой цѣли будетъ затрудняться, если пастырь уклоняется отъ учительства въ сельской школѣ. Въ воспріимчивое сердце дѣтей могутъ быть посѣяны плевелы, и когда священникъ будетъ потомъ сѣять слово Божіе, оно можетъ остаться безплоднымъ, потому что прежде посѣянное терніе заглушитъ его. Школа есть тотъ же храмъ, только храмъ приготовительный. Такъ понимали значеніе ея наши предки, заводя школы прежде всего при церквахъ и монастыряхъ; такъ смотритъ на школы и нашъ православный народъ, желая видѣть въ своихъ дѣтяхъ грамотность церковно-религіознаго характера [2]).

Кромѣ общественнаго учительства (примѣромъ собственной жизни, проповѣдью и занятіями въ школѣ), для пастырей указывается еще долгъ учительства частнаго, которое съ одной стороны составляетъ продолженіе учи-

---

[1]) Между книгами для народнаго чтенія указываются: св. Библія и вообще книги церковныя: Часословъ, акаѳистники и т. п.; потомъ житія святыхъ угодниковъ, прологи полные и въ извлеченіяхъ (лучше на славянск. яз.). Изъ отеческихъ писаній—творенія мужей апостольскихъ, творенія отцевъ Церкви, особенно св. Іоанна Златоуста. Изъ писаній русскихъ архипастырей — сочиненія св. Димитрія Ростовскаго, Тихона Воронежскаго и др.—См. „Воскресн. Чт.“ XIV, стр. 230—234.

[2]) „Воскресн. Чт.“ XXIII, стр. 112—114. Ср. „Христ. Чт.“ 1844 г. II, стр. 125—129, гдѣ говорится, что при наставленіи дѣтей пастырь долженъ заботиться о ясности, чтобы быть понятнымъ, соблюдать важность, чтобы быть уважаемымъ, обращаться кротко, чтобы заслужить любовь учениковъ.

тельства общественнаго, съ другой—близко подходитъ къ обязанности нравственнаго руководительства пасомыхъ и скоро сливается съ нимъ. Дѣйствительно, проповѣдь общественную могутъ воспринять далеко не всѣ прихожане (напр. не быть въ церкви, не понять), а иногда именно тѣ, для которыхъ она была бы чрезвычайно полезна [1]); далѣе, о нѣкоторыхъ предметахъ говорить въ церкви или совершенно неумѣстно, или безцѣльно [2]); между тѣмъ въ практикѣ обыденной жизни часто можно встрѣтить весьма удобные предлоги побесѣдовать и о томъ, и о другомъ [3]). Но и помимо всего этого, частное учительство имѣетъ для себя побужденіе въ евангельской исторіи. Евангельскій Домовладыка не довольствуется приглашеніемъ гостей на свой пиръ, а посылаетъ слугу (въ данномъ случаѣ священникъ и есть этотъ слуга) искать и просить ихъ. Добрый пастырь самъ идетъ искать заблудшую овцу, съ отеческою внимательностью и готовностью на всякую помощь [4]).

Въ чемъ состоитъ это частное учительство священника, или руководствованіе пасомыхъ?—Прежде всего здѣсь онъ повторяетъ уроки своего общественнаго учительства, примѣняя ихъ къ положенію и состоянію каждаго въ отдѣльности изъ своихъ духовныхъ дѣтей: научаетъ ихъ смиренію, милосердію, терпѣнію и прощенію обидъ; слѣдитъ за исполненіемъ своихъ совѣтовъ въ ихъ жизни, за миролюбіемъ въ семействахъ, за добронравіемъ дѣтей, за внимательностью родителей и т. д., и наконецъ беретъ на себя заботу такъ или иначе удовлетворить всѣ нужды и запросы прихожанъ, сообразно главной цѣли своего служенія въ приходѣ. А нужды прихожанъ въ данномъ отношеніи касаются трехъ предметовъ: благочестія, благочинія и благополучія, т. е. раздѣляются на нужды рели-

---

[1]) „Христ. Чт.“ 1844 г. II, стр. 123.

[2]) Напр. о привычкѣ употреблять въ разговорѣ постыдныя слова, или о какомъ-либо исключительномъ положеніи прихожанина. См. „Воскр. Чт.“ XXIII, стр. 500—504; XXII, стр. 269; III. стр. 422.

[3]) „Христ. Чт.“ 1841 г. IV, стр. 145.

[4]) „Воскр. Чт.“ XXII, стр. 267,

гіозныя, соціальныя и матеріальныя. Всѣ ихъ, по мѣрѣ возможности, долженъ удовлетворять священникъ.

Въ отношеніи религіозныхъ потребностей, или чисто духовной жизни, прихожане раздѣляются на нѣсколько классовъ: 1) искренно преданные благочестію; 2) слабодушные или совсѣмъ равнодушные къ вѣчному спасенію своему; 3) прямо или грубо порочные и 4) болѣе или менѣе заблуждающіе отъ истинной вѣры. Само собою понятно, что обращеніе пастыря со всѣми этими людьми не должно быть одинаково. Всего, что можетъ представиться ревностному пастырю въ этомъ отношеніи, предусмотрѣть невозможно, а потому невозможно и предложить сообразныя каждому случаю правила. Поэтому необходимо ограничиться замѣчаніями такого рода, которыя болѣе наводили бы пастыря на полезныя соображенія и предпріятія при исполненіи его долга, нежели служили для него готовымъ сводомъ руководственныхъ положеній на всякій отдѣльный случай.

I.

Люди, искренно преданные благочестію, повидимому, немного нуждаются въ заботливомъ попеченіи объ нихъ пастыря, потому что они сами пекутся о своемъ спасеніи и стараются жить по-христіански. Но, во 1-хъ, лица такого рода большею частію сами же и желаютъ тѣснѣйшаго сближенія съ своимъ пастыремъ, сами ищутъ у него назиданія и утѣшенія и хотятъ чаще бесѣдовать съ нимъ о томъ, что такъ сильно занимаетъ ихъ умъ и сердце; во 2-хъ, не всѣ тѣ, которые имѣютъ настроеніе благочестивое, идутъ правымъ путемъ благочестія, но очень нерѣдкіе уклоняются отъ этого пути и требуютъ вразумленія. Съ другой стороны, и самъ пастырь въ истинно благочестивыхъ людяхъ имѣетъ такую же нужду, какъ и они въ немъ, потому что въ тѣснѣйшемъ общеніи съ ними онъ можетъ почерпать для себя и оживленіе и назиданіе, а чрезъ нихъ, или съ помощію ихъ онъ удобнѣе всего можетъ дѣйствовать и на другихъ пасомыхъ. Такимъ

образомъ, и долгъ и духовная польза пастыря требуютъ отъ него не только вниманія къ людямъ искренно благочестивымъ, но и ближайшаго общенія съ ними. Но ни въ какомъ случаѣ онъ не долженъ заниматься исключительно одними этими лицами, ибо его обязанность *внимать* не только избраннымъ, но и *всему стаду* [1]. Погрѣшая здѣсь противъ долга своего званія, онъ пошелъ-бы не по стопамъ своего Спасителя, Который пришелъ не праведниковъ призвать къ покаянію, но грѣшниковъ [2]). Поэтому такимъ относительно „праведникамъ“, особенно если они люди богатые, высшіе по положенію, или женщины, опасно для пастыря оказывать рѣзкое предпочтеніе, чтобы не возбудить неудовольствія и даже клеветы и противъ нихъ, и противъ себя и тѣмъ не произвести въ приходѣ соблазна.

Къ чему же должна быть направлена пастырская попечительность въ отношеніи къ людямъ этого разряда?— Прежде всего къ тому, чтобы предохранить ихъ отъ чувства самодовольства и поддержать въ нихъ стремленіе къ непрестанному самоусовершенствованію. Самый близкій и опасный врагъ благочестія есть гордость. Если въ комъ зародится червь гордости, то онъ быстро подточитъ всякую добродѣтель въ самомъ корнѣ ея и обнажитъ душу отъ всякаго украшенія духовнаго. Поэтому въ обращеніи съ людьми истинно благочестивыми никогда не должно ни дѣломъ, ни словомъ обнаруживать какого-либо удивленія ихъ добродѣтелямъ, или ублаженія ихъ святости, чтобы не возбудить въ нихъ самомнѣнія. Если они сами не сознаютъ въ себѣ ничего необыкновеннаго и, не смотря на свои посильные труды въ служеніи Богу, признаютъ себя „рабами неключимыми“, что и свойственно такимъ людямъ (Лук. XVII, 10), то преступно было бы подать имъ какой-либо поводъ къ самовозношенію, которое гибельно въ духовной жизни и незаконно. Нѣтъ ничего удивительнаго, если христіанинъ живетъ по-христіански; скорѣе удивительно противное этому. Конечно, пастырь обя-

[1]) Дѣян. XX, 9. Ср. „Воскр. Чт.“ XXII, стр. 266—267.
[2]) Матѳ. IX, 13. Ср. „Христ. Чт.“ 1844 г. II, стр. 114—115.

занъ одобрять ихъ христіанское поведеніе, но не похвалами ихъ жизни, не прославленіемъ тѣхъ или другихъ добродѣтелей ихъ, а искреннимъ расположеніемъ и сочувствіемъ къ нимъ. И въ то же время, для возбужденія ихъ къ дальнѣйшему преспѣянію въ духовной жизни, онъ долженъ чаще и яснѣе представлять имъ напр. въ лицахъ великихъ угодниковъ Божіихъ ту высоту христіанскаго совершенства, къ которой всѣ мы должны стремиться по заповѣди Спасителя нашего: „будите совершени, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть“ (Мѳ. V, 48).

По характеру своему пастырскія наставленія такимъ людямъ должны быть дружескимъ собесѣдованіемъ, чуждымъ тона догматическаго или прямо-учительнаго. Если собесѣдники пастыря незнакомы съ частнѣйшими истинами вѣры и не выражаютъ желанія узнать ихъ, то ему не слѣдуетъ трактовать ихъ какъ людей недалекихъ по религіозному образованію и навязывать имъ свои поученія. Вѣдѣніе христіанства пріобрѣтается не однимъ внѣшнимъ изученіемъ его, но вѣрнѣе и успѣшнѣе христіанскою жизнію, упражненіемъ въ заповѣдяхъ Божіихъ, ибо, по словамъ вдохновенныхъ пастырей: „начало премудрости — страхъ Господень: исполненіе премудрости еже боятися Господа: и вѣнецъ премудрости страхъ Господень“ (Притч. I, 7; Сир. I, 16. 18).

Начала и правила истиннаго благочестія неизмѣнны и вѣчны; но личное благочестіе у христіанъ бываетъ неодинаково. Это происходитъ оттого, что одно какое нибудь изъ истинныхъ началъ нравственности преувеличивается и расширяется въ ущербъ другимъ; равновѣсіе этихъ началъ разрушается, являются односторонности и, слѣдовательно, нравственныя заблужденія. Подлежащая литература указываетъ нѣсколько разрядовъ носителей этихъ односторонностей благочестія.

а) Сюда прежде всего относятся люди, въ которыхъ живетъ духъ древняго іудейства, сильно и строго обличеннаго ап. Павломъ. Они забываютъ, или недостаточно понимаютъ, что наши добрыя дѣла имѣютъ значеніе лишь по силѣ вѣры въ Господа Искупителя и что безъ

этой вѣры невозможно быть праведнымъ предъ Богомъ. Этихъ людей можно узнавать не столько по ихъ сужденіямъ о христіанскомъ благочестіи, сколько по самому характеру ихъ дѣятельности и отношеніямъ къ другимъ лицамъ. Привязанность къ буквѣ закона, нѣкоторый ригоризмъ въ собственной жизни и особенно примѣтная нетерпимость, нерасположенность, взыскательность къ другимъ людямъ, различнымъ отъ нихъ по правиламъ и поведенію,—вотъ почти безошибочные признаки означеннаго рода христіанъ. Заблужденіе ихъ чисто практическое, но тѣмъ не менѣе вредное и для нихъ самихъ, и для ихъ среды, ибо противорѣчитъ главному требованію христіанскаго благочестія—любви къ Богу и ближнимъ. Такимъ людямъ нужно внушать и уяснять подлинный характеръ христіанской нравственности, которая вытекаетъ изъ закона духа и свободы и далека отъ всякаго ригоризма.

б) Другая, равно опасная въ дѣлѣ спасенія крайность является въ томъ случаѣ, когда уповаютъ спастись вѣрою, не заботясь достаточно о дѣлахъ христіанскаго благочестія. Эти люди всегда помнятъ о Богѣ и Его законѣ, но въ то же время не смущаются опущеніемъ и даже нарушеніемъ многихъ положительныхъ правилъ Православной Церкви, напр. опущеніемъ богослуженія, нарушеніемъ поста и т. п. Объясняется это тѣмъ, что такіе христіане слишкомъ много надѣются на свою вѣру. Чтобы вывести ихъ изъ заблужденія, надобно чаще обращать ихъ вниманіе на то, что живая вѣра не можетъ быть безъ ревности къ исполненію всѣхъ заповѣдей и правилъ православно-христіанской жизни, и если гдѣ недостаетъ этого послѣдняго условія, тамъ, по словамъ ап. Іакова (II, 20), нѣтъ и вѣры живой. Кто живо вѣруетъ въ Господа Іисуса Христа, тотъ и любитъ Его; а любяй Бога и заповѣди Его соблюдаетъ,—но между ними нѣтъ такихъ, которыя были бы безразличны или необязательны для христіанина.

в) Бываютъ христіане слишкомъ мнительные въ дѣлѣ своего спасенія. Стараясь по возможности жить такъ,

какъ требуетъ вѣра Христова, они часто подвергаются тяжкимъ сомнѣніямъ о томъ, благоугодно-ли Господу Богу поведеніе ихъ и могутъ-ли они надѣяться на милость Его въ вѣчности. — По заповѣди св. апостола, всѣ мы должны содѣвать спасеніе свое *со страхомъ*, но не рабскимъ, а сыновнимъ. Мнительность въ этомъ отношеніи есть, такъ сказать, недовѣрчивость къ Богу, слѣдовательно и сама по себѣ есть грѣхъ; а кромѣ того она служитъ важнымъ препятствіемъ къ духовно-нравственному преспѣянію, потому что лишаетъ христіанина бодрости и силы въ подвигахъ христіанской жизни. Поэтому пастырь Церкви пусть внушаетъ такимъ людямъ болѣе всего преданность волѣ Божіей. Никто изъ дѣятельно желающихъ служить Господу и усиленно ищущихъ Его блаженнаго царства никогда не былъ и не будетъ отвергнутъ Имъ, согласно словамъ Его: „грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ“ (Іоан. VI, 37). Мы должны дѣлать заповѣданное намъ, а свою временную и вѣчную судьбу вручить милосердію Спасителя нашего.

в) Въ противоположность боязливымъ и мнительнымъ, встрѣчаются христіане, излишне уповающіе, — которые мнятъ имѣть дерзновеніе предъ Богомъ всегда и во всемъ, не вникая тщательно, законно ли ихъ дерзновеніе и имѣютъ-ли они истинное свидѣтельство въ совѣсти своей, что они — точно Божіи. Въ образѣ ихъ сужденій и поведенія бываетъ нѣчто суевѣрное: они видятъ знаменія воли Божіей въ какихъ нибудь простыхъ и обыкновенныхъ обстоятельствахъ, иногда поэтому выходятъ изъ круга обычной жизни и дѣятельности, избирая или странничество, или родъ нѣкотораго отшельничества; при этомъ любятъ дѣлать наставленія другимъ и съ тайнымъ чувствомъ нѣкотораго превосходства смотрятъ на тѣхъ христіанъ, которые живутъ обыкновенно. Подъ такими образами скрываются иногда чистое лицемѣріе, ханжество, тунеядство, требующія строгаго вразумленія и обличенія. Но въ настоящемъ случаѣ разумѣются не обманщики, а обманывающіеся,—люди съ искреннимъ расположеніемъ къ благочестію, но мечтательные, малообразованные и

притомъ зараженные непримѣтною для нихъ самихъ лѣностію. Противъ этихъ то недостатковъ и должны быть по преимуществу направляемы пастырскія наставленія подобнымъ людямъ. Пусть они строже испытываютъ свою совѣсть и безпристрастнѣе оцѣниваютъ побужденія своихъ поступковъ. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь примѣры угодниковъ Божіихъ должны служить наилучшимъ вразумленіемъ. Пусть изъ этихъ примѣровъ научаются они, что достойное служеніе Богу совершается въ духѣ глубочайшаго смиренія не только предъ Богомъ, но и предъ людьми. Пастырь можетъ, впрочемъ, предоставить имъ свободу во всемъ, что въ поведеніи ихъ не противорѣчитъ порядку церковному и гражданскому, хотя бы было и оригинальное; но онъ не долженъ попускать имъ ни малѣйшаго отчужденія отъ Церкви (въ какую либо секту) и всѣми мѣрами кротости и строгости, убѣжденія и власти духовной обязанъ сдерживать ихъ произволъ въ разсужденіи христіанской жизни, къ которому они наклонны и способны [1]).

II.

Второй классъ прихожанъ, на которыхъ пастырь долженъ простирать свою попечительность въ ихъ религіозныхъ нуждахъ, составляютъ люди слабодушные, или—по выраженію Св. Писанія — „храмлющіе на обѣ плеснѣ“. Они сознаютъ и чувствуютъ потребность служить Богу съ большею ревностію, постоянствомъ и самоотверженіемъ, нежели какъ они служатъ, но въ тоже время не рѣшаются твердо и неизмѣнно ступить на путь евангельской жизни. Они все только хотятъ начать дѣло спасенія, какъ должно, но не начинаютъ, или иногда и начинаютъ, но скоро оставляютъ и не возводятъ его къ совершенству. Такіе люди хотя и признаютъ себя слабыми христіанами, но не видятъ ясно опасности своего положенія. Опасность эта состоитъ въ томъ, что изъ

[1]) „Воскр. Чт.“ XXII, стр. 266—273.

слабодушія съ логическою необходимостью является индифферентизмъ. Происходитъ такое явленіе слѣдующимъ образомъ. Не оставляя совершенно мысли о дѣятельномъ самоисправленіи, но и не приступая къ нему съ должнымъ усердіемъ и постоянствомъ, люди слабодушные, сами не замѣчая того, съ каждымъ днемъ становятся менѣе и менѣе способными къ осуществленію своего благаго намѣренія, потому что въ нихъ постепенно возрастаетъ привычка къ тому образу жизни, въ которомъ весьма многое требуется измѣнить и исправить, согласно съ правилами жизни евангельской. Чѣмъ больше проходитъ у нихъ времени въ такомъ состояніи, тѣмъ самое намѣреніе ихъ по необходимости становится слабѣе и можетъ наконецъ совсѣмъ исчезнуть, какъ иногда вообще исчезаютъ очень добрыя намѣренія наши, если мы не можемъ, или не хотимъ немедленно начать ихъ исполненіе. Въ концѣ концовъ такими людьми овладѣваетъ полное равнодушіе къ ихъ вѣчному спасенію.

Долгъ пастыря показать такимъ прихожанамъ опасность ихъ положенія. По словамъ Господа, „никто-же можетъ двѣма господинома работати: либо единаго возлюбитъ, а другаго возненавидитъ: или единаго держится, о друзѣмъ жё нерадѣти начнетъ: невозможно въ одно и то же время Богу работати и мамонѣ“ (Матѳ. VI, 24). Поэтому надобно съ настойчивостью побуждать ихъ къ выходу изъ такого нерѣшительнаго состоянія двусмысленности. Если у нихъ недостаетъ силы стать противъ всѣхъ земныхъ пристрастій, то пусть хотя по—немногу стараются освободиться отъ нихъ. Пусть начнутъ съ искорененія такихъ, напр., привычекъ, которыя сами по себѣ не важны и не требуютъ особенной борьбы съ собою, но, какъ привычки грѣховной природы, какъ порожденія лѣности, разсѣянности, плотоугодія и т. п., служатъ немаловажнымъ препятствіемъ къ начатію и прохожденію жизни трезвой, духовно-дѣятельной и христіански-строгой. Далѣе, если христіанскія добродѣтели въ полномъ ихъ союзѣ кажутся имъ недосягаемыми, то пусть изберутъ сначала одну изъ нихъ предметомъ особенныхъ своихъ попеченій и заботятся о полномъ укоре-

неніи и возращеніи ея въ сердцѣ своемъ. Добродѣтель въ сущности недѣлима, и воздѣлывая одну часть ея, человѣкъ вмѣстѣ съ этимъ очищаетъ душу свою и для другихъ, привлекая въ тоже время на себя благодатную помощь Божію. Главное и общее правило: постоянно подвигаться впередъ, насколько бы то ни было, ибо въ противномъ случаѣ мы будемъ непремѣнно отступать назадъ, потому что жизнь какъ физическая, такъ и духовно-нравственная не терпитъ застоя.

Равнодушіе къ вѣчному спасенію есть явленіе не необыкновенное между христіанами, но въ тоже время оно легко можетъ проходить мимо вниманія духовныхъ пастырей, потому что ничѣмъ рѣзко не высказывается. Зараженные этою болѣзнію часто не кажутся больными; повидимому, это люди добропорядочные, которые не требуютъ ни вразумленія, ни исправленія. Они чуждаются грубыхъ пороковъ и не показываютъ явнаго пренебреженія къ заповѣдямъ и правиламъ христіанскаго благочестія. Но на самомъ дѣлѣ состояніе ихъ—самое опасное; это—духовно-нравственное оцѣпенѣніе, при которомъ человѣкъ неспособенъ ни къ какой истинной добродѣтели, потому что движется къ дѣятельности не духовными, а плотскими побужденіями. Оттого всѣ дѣла подобныхъ людей, не исключая и дѣлъ благочестія, бездушны и мертвы. Если они чуждаются грубыхъ пороковъ, то потому именно, что это-грубые, очевидные пороки, противные самому мірскому ихъ вкусу и житейскому благополучію. Если они исполняютъ общественныя обязанности свои, то опять потому, что видятъ въ этомъ ближайшую пользу для себя, или боятся очевиднаго вреда отъ опущеній. Если соблюдаютъ правила христіанскаго благочестія, то лишь настолько, насколько это способно успокоить ихъ совѣсть и поддержать ихъ доброе имя. Вообще они хотятъ и надѣются быть счастливыми на землѣ и по земному, не отвергая вѣчности, но и не думая о ней.

При обращеніи съ такими пасомыми пастырь долженъ чаще напоминать и выяснять имъ ту истину, что земное счастіе возможно для насъ только какъ начало и залогъ

вѣчнаго блаженства. Человѣкъ созданъ для безсмертія, и потому первѣе всего долженъ удовлетворять безсмертнымъ потребностямъ души своей, которыя состоятъ въ желаніи вѣчной истины, вѣчнаго добра и вѣчной радости. Только по мѣрѣ удовлетворенія этихъ потребностей онъ становится лучше, выше, свободнѣе отъ случайностей земной жизни и ближе къ единому Источнику жизни и блаженства. Въ этомъ и состоитъ его счастіе на землѣ, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ начало счастія и блаженства его въ вѣчности. Другого счастія нѣтъ и не можетъ быть для человѣка. Если онъ ищетъ счастія въ удовлетвореніи низшихъ склонностей и влеченій своей природы, то онъ сходитъ на степень существъ неразумныхъ и тѣмъ губитъ свое счастіе, ибо быть счастливымъ по животному онъ не можетъ, а по человѣчески-не хочетъ.

Внимательный и ревностный пастырь найдетъ много случаевъ и обстоятельствъ въ жизни руководимыхъ, когда наставленія въ этомъ смыслѣ и духѣ могутъ имѣть ближайшее приложеніе къ ихъ состоянію душевному и живѣйшее дѣйствіе на ихъ сердца. Таковы особенно случаи скорбные — печаль, болѣзнь, матеріальное лишеніе, разлука, гоненіе, опасности и т. п., которые какъ-бы Самимъ Богомъ даются въ руки пастыря въ качествѣ руководственнаго начала.

III.

Третій классъ прихожанъ, подлежащій пастырской заботливости священника, составляютъ люди прямо или грубо порочные.

а) Между ними есть такіе, которые въ душѣ своей сами стыдятся своихъ пороковъ, но, соуслаждаясь грѣху, не оказываютъ ему должнаго сопротивленія. Если бы не требовалось сильной борьбы съ порочными влеченіями, то они не рѣшились бы на грѣхъ и не усумнились бы отказать себѣ въ грѣховномъ удовольствіи. Поэтому и уступая грѣховнымъ влеченіямъ, они желали бы скрыть свои пороки не только отъ другихъ, но и отъ собственной

совѣсти. Это, конечно, не извиняетъ ихъ за порочное поведеніе, но можетъ облегчить обращеніе ихъ къ доброй и трезвенной жизни, ибо пока человѣкъ стыдится грѣха, до тѣхъ поръ грѣхъ не есть еще полный господинъ надъ нимъ. Поэтому надобно беречь въ нихъ это чувство нравственной стыдливости. Какъ страхъ можетъ иногда переходить въ отчаянную дерзость, такъ и чувство стыда можетъ смѣняться наглостью, если неосторожно обращаться съ нимъ. Стараясь объ обращеніи и исправленіи такихъ людей, пастырь долженъ поступать съ ними такъ, чтобы они не подумали, будто нравственный позоръ ихъ вполнѣ уже извѣстенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ внушать крѣпкую и немедленную рѣшимость отстать отъ порока, угрожающаго погубить и честь, и благосостояніе, и счастіе ихъ. Такъ какъ у нихъ совѣсть довольно чувствительна, то они могутъ скоро и искренно показать рѣшимость самоисправленія; но чтобы они по слабости воли такъ же скоро и не измѣнили своей рѣшимости, какъ легко приняли ее, для этого нужна надъ ними нѣкоторая нравственная опека, пока они не укрѣпятся въ доброй жизни. По возможности надобно обращаться въ этомъ случаѣ къ содѣйствію другихъ лицъ, особенно близкихъ къ исправляемому, которыя могутъ незамѣтно устранить самые случаи къ прежнему грѣху, или благоразумнымъ вмѣшательствомъ своимъ уничтожить пагубное вліяніе и дѣйствіе этихъ случаевъ. Съ своей стороны пастырь долженъ быть какъ бы живою совѣстью исправляемаго, чаще стараясь самымъ обращеніемъ своимъ, безъ словъ и новыхъ наставленій, напоминать ему добрую его рѣшимость и обуздывать порывы возрождающейся страсти.

б) Затѣмъ, есть порочные люди, которые не стыдятся внутренно своихъ пороковъ, а если и стараются скрывать ихъ, то не по чувству нравственной стыдливости, а по боязни или законнаго наказанія, или общественнаго осужденія и презрѣнія за нихъ. Съ такими людьми труднѣе имѣть дѣло пастырю. Прямыя и рѣзкія обличенія въ такомъ случаѣ едва ли умѣстны, ибо вмѣсто

пользы могутъ приносить вредъ, заграждая пастырю даже самый доступъ къ такимъ лицамъ. Лучше дѣйствовать убѣжденіями въ духѣ дружескихъ совѣтовъ. Впрочемъ, при дерзкомъ невниманіи необходимо иногда, только не вдругъ и съ осторожностью, прибѣгать и къ строгимъ мѣрамъ, которыя можетъ употреблять пастырь, не выходя изъ предѣловъ своей духовной власти. Здѣсь требуется особенное терпѣніе съ его стороны и настойчивость, хотя и безъ привязчивости. Никогда не нужно терять надежды на успѣхъ, который въ данномъ случаѣ тѣмъ желательнѣе, что, по обращеніи, такіе люди обѣщаютъ быть христіанами твердыми въ новыхъ правилахъ жизни.

Бываетъ, *наконецъ*, что привычка къ самымъ грубымъ и тяжкимъ порокамъ доводитъ человѣка до потери всякаго самообладанія и притупляетъ въ немъ всякое чувство стыдливости. Такъ, преданные, напр., пьянству не боятся уже срама своего предъ другими.—Трудно дѣйствовать на такихъ людей словомъ вразумленія и убѣжденія; однако же, когда зло очень явно и нагло водворяется среди прихожанъ, пастырь не долженъ терпѣть его. Дѣйствуя противъ него духовными средствами, онъ имѣетъ право и обязанность требовать содѣйствія себѣ со стороны самихъ пасомыхъ, пріискивать вмѣстѣ съ ними мѣры къ обузданію и искорененію явныхъ пороковъ и при ихъ помощи приводить эти мѣры въ исполненіе. Иногда достаточно улучшить внѣшній бытъ порочнаго, поставить его на ноги, чтобы онъ взялся за трудъ и получилъ расположеніе къ порядочной жизни. Иногда строгостію общественнаго приговора можно по крайней мѣрѣ обуздать дерзость и безстыдство порока и сохранить другихъ отъ его искушеній и соблазна. Рекомендуется даже удаленіе порочныхъ изъ паствы, если нѣтъ болѣе средствъ къ прекращенію зла. Сила въ томъ, чтобы само общество не было равнодушно къ злу, которое водворяется въ немъ, какъ заразительная язва. Общественный духъ силенъ, средства разнообразны, участіе животворно, негодованіе или презрѣніе страшно: и если пастырь направля-

етъ общество къ единодушной борьбѣ со зломъ, то эта борьба никогда не можетъ быть безуспѣшна[1]).

IV.

Четвертый классъ пасомыхъ, нуждающихся въ заботливости священника, составляютъ люди заблуждающіеся относительно истинъ вѣры. Заблужденія могутъ состоять: а) въ отверженіи или искаженіи частныхъ истинъ христіанскаго ученія, и б) вообще въ духѣ сомнѣнія и невѣрія относительно всего благочестія христіанскаго[2]).

Къ свѣдѣнію и въ руководство пастырю для борьбы съ недостатками перваго рода рекомендуются слѣдующія соображенія. Если кто отрицаетъ или искажаетъ существенныя истины христіанскаго ученія, то надобно съ возможною подробностію и точностію изложить предъ такимъ человѣкомъ подлежащую истину, показать ему неразрывную связь ея съ другими несомнѣнными истинами и обличить неизбѣжныя противорѣчія въ заключеніяхъ его. Если же кто возстаетъ противъ чего либо только дополнительнаго въ православіи христіанскомъ,— напр., противъ преимущественнаго почитанія нѣкоторыхъ иконъ и т. п. предметовъ,—то нѣтъ нужды непремѣнно настаивать на томъ, чтобы возражающій безусловно подчинялся вѣрованію, которое почему либо не мирится съ его убѣжденіями; необходимо только тотчасъ же показать ему различіе между существеннымъ и несущественнымъ въ православіи, разъяснивши при этомъ значеніе, цѣль и пользу послѣдняго. Въ подобныхъ возраженіяхъ еще нѣтъ собственно заблужденія, но если во-время не разъяснить ихъ, какъ должно, то человѣкъ, не умѣющій различать существеннаго отъ второстепеннаго, возставая

---

[1]) „Воскр. Чт." XXII, стр. 282—283.

[2]) Здѣсь разумѣются люди, не отпавшіе отъ Церкви, не отдѣлившіеся, напр., въ расколъ, а пребывающіе въ законномъ общеніи съ нею, ибо только на такихъ людей можетъ простираться „руководствованіе" пастырское въ собственномъ смыслѣ.—См. „Воскресн. Чт." XXII, стр. 304 примѣч. — Для борьбы съ раскольниками пастырь можетъ пользоваться образчиками бесѣдъ, помѣщенныхъ въ „Воскр. Чтен." XVIII, стр. 123. 140. 223. 266 и др.

противъ послѣдняго, способенъ заподозрить истинность и перваго.

Если кто самъ, такъ сказать, изобрѣтаетъ заблужденія, приходя къ заключеніямъ, противнымъ ученію правой вѣры, то надобно показать такому человѣку неправильный ходъ его разсужденій и заключеній и представить другой, вѣрный ходъ мыслей. Когда заблужденія принимаются отъ другихъ, или вычитываются изъ книгъ, то мнимымъ авторитетамъ надобно противопоставлять другіе, истинные авторитеты. Наибольшая часть простыхъ людей впадаютъ въ заблужденія единственно по довѣрію къ лицамъ, или книгамъ, незаслуживающимъ довѣрія; поэтому уничтожить въ нихъ это неразумное довѣріе значитъ уничтожить и самыя заблужденія [1]). Вообще заблужденія подобнаго рода сами по себѣ опровергаются легко, ибо православно-христіанское ученіе такъ стройно, связно и послѣдовательно и основано во всѣхъ частяхъ своихъ на такихъ несомнѣнныхъ началахъ, что уклоненіе отъ него, напр., къ расколу, или сектантству, можно объяснить только невѣжествомъ и предубѣжденіями противъ истинной Церкви, но отнюдь не разумнымъ сознаніемъ превосходства другаго ученія предъ ученіемъ православной вѣры. Трудность дѣла для пастыря здѣсь заключается въ томъ, что заблуждающіеся бываютъ иногда очень упорны въ своихъ взглядахъ. Поэтому успѣхъ исправленія въ подобныхъ случаяхъ зависитъ болѣе отъ личныхъ качествъ и пріемовъ пастыря, чѣмъ отъ силы доводовъ противъ заблужденія. Имѣя это въ виду, пастырь долженъ: а) предварительно пріобрѣтать довѣренность и доброе расположеніе къ себѣ со стороны тѣхъ, на кого онъ направляетъ свое вниманіе, чрезъ свое безукоризненное поведеніе, всегдашнюю разсудительность, правоту и предупредительность къ

---

[1]) „Воскр, Чт.“ XXII, стр. 304—305. — Среди народа и нынѣ нерѣдкость встрѣтить какую-нибудь рукопись темнаго происхожденія, по характеру своему подходящую къ древнимъ апокрифамъ и наполненную суевѣріями (намъ лично случалось видать у крестьянъ и читать подобныя рукописи съ полудогматическимъ—полумистическимъ содержаніемъ). Ср. „Воскр. Чт.“ XIV, 230—231.

нуждамъ пасомыхъ; б) приступать къ вразумленію безъ навязчивости и удерживаться отъ всякой укоризны, избѣгать споровъ и вести бесѣды въ тонѣ дружескаго разговора, избирая для этого приличное время и мѣсто; в) спокойно выслушивать возраженія, какъ бы они ни были неосновательны и пусты, и не показывать нетерпѣнія даже при самыхъ глупыхъ и ребяческихъ изворотахъ, къ которымъ прибѣгаютъ иногда заблуждающіеся; г) съ людьми начитанными обращаться съ особенной терпѣливостью, щадя ихъ самолюбіе, только не въ ущербъ истинѣ. Сознаться въ заблужденіи каждому больно,—тѣмъ болѣе людямъ, которые думаютъ, что они многоучены и много знаютъ. Они нерѣдко по одному этому самомнѣнію не хотятъ оставить заблужденія. При обращеніи ихъ къ истинѣ пастырь хорошо поступитъ, если будетъ находить поводъ къ извиненію ихъ образа мыслей, тѣмъ болѣе, что многія заблужденія образуются только отъ односторонняго взгляда на вещи.

Въ классѣ сомнѣвающихся и невѣрующихъ пастырь встрѣчается съ двумя особенностями такихъ людей.

1) Иногда онъ слышитъ дерзкія и вольныя рѣчи противъ св. вѣры Христовой. Пусть знаетъ онъ, что чѣмъ вольнѣе и неосторожнѣе подобныя рѣчи, тѣмъ безошибочнѣе можно заключить, что говорящіе такимъ образомъ сами не знаютъ смысла своихъ словъ,—что въ нихъ много дерзости и своеволія, но нѣтъ никакихъ убѣжденій. Свои дерзости они заимствовали или изъ модныхъ книжекъ, или изъ летучихъ разговоровъ подобныхъ себѣ людей,—и чувствуютъ себя удовлетворенными, оправдывая своими взглядами свое поведеніе. Сами они вовсе не занимаются рѣшеніемъ вопросовъ вѣры и нравственности христіанской, но могутъ заразить своею вольностію другихъ, подобныхъ себѣ людей. — Если пастыря никто не вызываетъ на разсужденіе, то пусть онъ держится въ сторонѣ отъ подобной среды, ибо легкомысліе, не имѣя въ себѣ самомъ никакой силы, уже и безъ того поражается, когда на него не обращаютъ вниманія; но оно ободряется, когда съ нимъ хотятъ публично бороться

какъ съ какою-то силою. Если же слухъ служителя истины возмущается нескромными и дерзкими рѣчами, то ему слѣдуетъ властно замѣчать, что о предметахъ возвышенныхъ и святѣйшихъ, каковы всѣ вопросы вѣры, должно разсуждать не шутя, для препровожденія времени, а съ соотвѣтствующимъ этимъ предметамъ чувствомъ уваженія и искренности. Въ предупрежденіе опасности, что ложь распространится, пастырь долженъ съ церковной каѳедры обличить ее въ скромныхъ и безпристрастныхъ выраженіяхъ, а для вразумленія приверженцевъ ея—выискивать случаи для домашней бесѣды.

2) Совсѣмъ другой характеръ имѣютъ означенные недуги, когда они вытекаютъ изъ внутренней, болѣе или менѣе тяжелой борьбы мыслей и чувствъ въ душѣ человѣка. Сомнѣніе въ началѣ своемъ не есть еще заблужденіе: сомнѣвающійся стоитъ на распутіи, не рѣшаясь ступить ни въ ту, ни въ другую сторону. Но такое состояніе не можетъ быть продолжительнымъ. Хорошо, если человѣкъ пойдетъ по пути, указанному небеснымъ Путеводителемъ нашимъ. Но бываетъ, что сомнѣніе не покидаетъ человѣка и на этомъ пути. Оттого онъ идетъ неровно, нерѣшительно, часто перемѣняетъ направленіе, а иногда и совершенно теряетъ его, начиная блуждать безъ цѣли и изнемогая въ борьбѣ съ различными недоумѣніями. Онъ хочетъ жить сознательно, ищетъ постоянной и крѣпкой пищи для души и тѣмъ болѣе мучится, когда, не имѣя руководящихъ началъ христіанской вѣры и надежды, покоряется животнымъ влеченіямъ своей чувственной природы. Подобный примѣръ указывается въ жизни блаж. Августина. Рожденный и воспитанный въ благочестіи христіанскомъ, потомъ подъ вліяніемъ односторонностей своего образованія онъ сбился съ пути и долго боролся съ различными недоумѣніями, иногда доходя до отчаянія, что не можетъ найти ничего непоколебимо-истиннаго и неизмѣнно-твердаго. Далѣе, изъ того же примѣра выводятся слѣдующія соображенія въ руководство пастырю: а) чѣмъ болѣзненнѣе сомнѣніе для самого сомнѣвающагося, тѣмъ болѣе можно быть увѣрену въ благополуч-

номъ исходѣ болѣзни. „Ищущіе обрѣтутъ Бога, а обрѣтающіе прославятъ Его,“ какъ писалъ самъ блаж. Августинъ. б) Для содѣйствія такому человѣку и для исправленія его требуется главнымъ образомъ сила вѣры и благочестія въ лицѣ самого пастыря, а не сила логическихъ доводовъ и разсужденій. Обращенію блаж. Августина содѣйствовали св. Амвросій Медіоланскій и пресв. Симплиціанъ. Но они не вступали съ нимъ въ философскія разсужденія, а первый дѣйствовалъ своими проповѣдями, вливая въ нихъ свой святой духъ и подтверждая ихъ истинность своею жизнію, второй—своими простыми бесѣдами и благочестіемъ. И современный пастырь пусть укажетъ своему духовному сыну на слова Христа Спасителя: „аще вы пребудете въ словеси Моемъ, уразумѣете истину“ (Іоан. VIII, 31). Пока человѣкъ не хочетъ употребить всѣхъ усилій къ исполненію евангельскихъ правилъ жизни, до тѣхъ поръ онъ неискренно ищетъ истины, и можно безошибочно утверждать, что въ тайнѣ самъ потворствуетъ сомнѣніямъ разсудка, боясь разстаться съ ними и придти къ необходимости взять на себя тяжелое для него бремя христіанской добродѣтели. Такимъ путемъ доходятъ до такъ называемаго „невѣрія.“

Невѣріе или атеизмъ, какъ рѣшительное и спокойное отверженіе богооткровенной истины, едва ли возможно въ дѣйствительности. Истина—одна и за отрицаніемъ ея не на чемъ уже остановиться. Что же разумѣется собственно подъ именемъ невѣрія?—Это то же сомнѣніе, но получившее другой видъ и характеръ, сообразный съ нравственнымъ направленіемъ сомнѣвающагося. Борьба съ сомнѣніями требуетъ нравственной силы, и если человѣкъ не хочетъ бороться, то сомнѣніе остается въ немъ какъ нѣчто постоянное и враждебное вѣрѣ, хотя ничѣмъ и не замѣняетъ ея. Въ такомъ состояніи или совсѣмъ перестаютъ заниматься вопросами вѣры и нравственной жизни, или вмѣсто истинныхъ началъ стараются поставить начала разума и утвердиться на нихъ. Такимъ образомъ, первые страдаютъ нравственною лѣностію, или вполнѣ опустились до степени животной чувственности и

корыстолюбія, что совершенно заградило имъ путь къ Истинѣ и спасенію. Вторые больны своею неопытностью въ мысляхъ, или ученымъ самомнѣніемъ, ибо, не смотря на тысячелѣтній безплодный въ этомъ отношеніи трудъ философіи, все-таки хотятъ безъ вѣры разрѣшить проблемы ея. Въ сущности же и эти люди боятся подчинить себя заповѣдямъ Евангелія, считая ихъ чрезвычайно трудными для себя; и невѣріе ихъ коренится собственно не въ разумѣ, который не можетъ не признать богооткровенной истины, а въ ихъ боязливомъ и испорченномъ сердцѣ. Очевидно, что со стороны пастыря и здѣсь, кромѣ разсудочнаго воздѣйствія на пасомыхъ, гораздо болѣе требуется искренное, твердое, исполненное духомъ неложнаго упованія христіанскаго слово о Спасителѣ и спасеніи и убѣдительное исповѣданіе истины [1]).

Здѣсь заканчивается рядъ журнальныхъ статей по вопросу общественнаго пастырскаго руководствованія пасомыхъ въ ихъ религіозныхъ нуждахъ. Хотя мы видѣли [2]), что кромѣ этихъ нуждъ благочестія (религіозныхъ) указывались еще нужды благочинія (соціальныя) и благополучія (матеріальныя), но разсужденій о двухъ послѣднихъ предметахъ на всемъ протяженіи перваго періода въ журналахъ не встрѣчается. Есть только нѣсколько общихъ, случайныхъ замѣчаній, показывающихъ, что сознаніе необходимости удовлетворять эти нужды было присуще тогдашнимъ пасторалистамъ. Напр., въ число обязанностей пастыря поставляется: смотрѣть, согласны ли между собою супруги, занимаются ли воспитаніемъ дѣтей родители, послушны ли дѣти, цѣломудренны ли дочери, трудолюбивы ли юноши и т. п.; сюда же относится и та обязанность пастыря, въ силу которой онъ примиряетъ враговъ, утѣшаетъ печальныхъ, подкрѣпляетъ слабыхъ, подаетъ милостыню бѣднымъ, всякому несчастному оказываетъ помощь, сообразную съ его нуждами [3]); ходатайствуетъ за бѣд-

---

1) „Воскр. Чт.“ XXII, стр. 305—310.

2) „Воскр. Чт.“ XXII, стр. 266.

3) „Христ. Чт.“ 1844 г. III, стр. 444—445; тоже 1844 г. II, стр. 125.

ныхъ предъ богатыми [1]), за подчиненныхъ предъ властями [2]) и т. п. Такимъ образомъ, отъ пастырскаго руководствованія, направленнаго на цѣлыя группы (классы) прихожанъ, разсужденія нашихъ журналовъ переходятъ къ частной пастырской дѣятельности такого же характера, но имѣющей въ виду уже единичные и исключительные случаи въ обыденной жизни духовныхъ дѣтей пастыря. Изъ подлежащей нашему обозрѣнію литературы сюда мы относимъ статьи, гдѣ священникъ представляется дѣйствующимъ I) въ домѣ скорби, II) въ домѣ радости и III) въ домѣ любознательнаго прихожанина.

I.

Самое естественное и обыкновенное явленіе скорби есть болѣзнь и смерть. Въ такихъ случаяхъ, узнавши о постигшей его духовнаго сына болѣзни, священникъ не долженъ ждать, пока его позовутъ къ больному, или надѣяться зайти и побесѣдовать съ нимъ при удобномъ обстоятельствѣ, между дѣломъ. Нѣтъ, онъ долженъ тотчасъ же идти въ этотъ домъ скорби и предложить больному свое служеніе утѣшителя, ибо такъ заповѣдалъ Спаситель, когда сказалъ: „боленъ бѣхъ и посѣтисте Мене“ (Мате. XXV, 36). Его обязанность разъяснить больному, что болѣзнь есть милость Божія къ намъ, средство для обращенія нашего на путь истины. Мысли здороваго человѣка разсѣяны и заняты житейскими попеченіями, и вотъ только въ болѣзни для него есть время вспомнить и подумать о Богѣ и о душѣ. Нужно воспользоваться этимъ временемъ, ибо поздно уже будетъ думать о небѣ и спасеніи, когда земля будетъ колебаться подъ нашими ногами и смерть крылами своими осѣнитъ насъ. А исходъ болѣзни вполнѣ зависитъ отъ Господа Бога, Который чрезъ болѣзнь „стучитъ въ дверь сердца нашего“ и предупреждаетъ, чтобы мы были готовы; если больной слышитъ голосъ этотъ, то и „болѣзнь его не къ смерти, а къ славѣ Божіей“ (Іоан.

[1]) „Христ. Чт.“ 1844 г. III, стр. 431.
[2]) „Воскр. Чт.“ XV, стр. 206.

XI, 4), и печалиться не о чемъ. Для пріобрѣтенія мира и спокойствія душевнаго нужно только очистить душу свою таинствомъ исповѣди[1]).

Еще бо́льшая готовность и внимательность требуется отъ пастыря, когда больной близокъ къ смерти. Для того, кто имѣетъ вѣру въ Бога, христіанское напутствіе крайне желательно и лишеніе его — безутѣшнѣе всѣхъ скорбей смерти. Церковь, любящая насъ милосердою любовію Господа, не лишаетъ сего напутствія и тѣхъ, кого законъ общественный лишаетъ свѣта и жизни, и является съ нимъ (напутствіемъ) въ темницу осужденнаго, къ мѣсту казни преступника, даже къ тому, кто при жизни чуждался ея. Божіе милосердіе непобѣдимо грѣхомъ человѣческимъ. Посему она вмѣняетъ своимъ служителямъ въ священнѣйшую обязанность спѣшить къ одру умирающихъ съ таинствами вѣры, отлагая всякое дѣло, и въ тяжкій грѣхъ поставляетъ упущеніе этой обязанности. Важность напутствія для загробной жизни умирающаго доказывается слѣдующимъ разсказомъ изъ твореній св. Григорія Двоеслова. Пресвитеръ, позванный къ больному, замедлилъ придти и больной умеръ безъ напутствія. Узнавъ объ этомъ, пресвитеръ пришелъ въ трепетъ, сталъ горько плакать, повергся на землю предъ одромъ умершаго, называя себя убійцей. Среди рыданій совершилось чудо: умершій ожилъ и разсказалъ присутствовавшимъ, что его душу, разлученную отъ тѣла, какія-то свирѣпыя, мрачныя существа ввели въ темное мѣсто, внушавшее ужасъ; послѣ нѣкотораго времени сюда явился свѣтлый юноша съ свѣтоносными спутниками и повелительно сказалъ демонамъ: „возвратите его, потому что пресвитеръ плачетъ о немъ и ради слезъ его Господь даровалъ ему этого человѣка.“— Съ радостію поднялся съ земли пресвитеръ, воздалъ благодареніе Богу, потомъ напутствовалъ ожившаго, который черезъ семь дней снова скончался уже въ радости[2]). Далѣе, въ той же статьѣ разсказывается случай, когда напутствіе,

---

[1]) „Воскр. Чт.“ XXII. стр. 385—389 „Бесѣда священника съ больнымъ.“

[2]) „Воскр. Чт.“ XXIII, стр. 201.

принятое маловѣрнымъ человѣкомъ и почти противъ его воли, умилило его душу, возбудило въ немъ вѣру, оправдало его совѣсть [1]).—Бываютъ случаи, когда священникъ застаетъ больнаго въ безпамятствѣ и безъ языка. Въ послѣднемъ случаѣ нужно удостовѣриться, можетъ ли что либо понимать больной, и если окажутся признаки этого, тогда предлагать вопросы для глухой исповѣди и пріобщать. Нужно замѣтить, что въ такихъ случаяхъ долѣе другихъ можно пользоваться чувствомъ слуха [2]).

Похвальна и нравственно дорога ревность пастыря, проявляющаяся въ утѣшеніи всякаго несчастнаго человѣка, и много случаевъ имѣетъ пастырь для проявленія ея! Вотъ, напр., предъ нимъ убогая вдова съ малолѣтнимъ сыномъ. Кругомъ ужасающая нищета и убожество... Священникъ горячо сочувствуетъ ея горю, указывая впереди затрудненія еще и по воспитанію сына, котораго онъ опредѣлилъ въ школу. Но тутъ же, въ этомъ сынѣ, источникѣ горестей для бѣдной женщины, онъ указываетъ и ея радость, смыслъ ея жизни и предметъ успокоенія: въ заботахъ о сынѣ она забудетъ свое личное горе и легче будетъ переносить его. Пусть терпитъ, ибо терпятъ безчисленное множество другихъ вдовъ и сиротъ, а Богъ—помощникъ всѣмъ. Онъ, по безмѣрной благости Своей, цѣлые годы питаетъ и грѣетъ несчастныхъ, неимѣющихъ гдѣ главы преклонить. „Воззрите на птицы небесныя, яко не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ: не вы ли паче лучши ихъ есте? Смотрите кринъ сельныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ“ и т. д. (Мѳ. VI, 26—30). Слово Спасителя нашего не ложно и не прейдетъ во вѣкъ,—вѣруй этому слову, надѣйся на Бога и не отчаявайся, молись пламенно, призови Его въ день скорби и Онъ услышитъ тебя. Онъ видитъ и знаетъ скорби твои и по молитвѣ твоей по-

---

[1]) Тамъ же, стр. 202; ср. „Воскр. Чт.“ III. 128—129.

[2]) „Воскр. Чт.“ III, стр. 129.

шлетъ тебѣ утѣшеніе, лучшее всякаго богатства. „Блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся“ (Матѳ. V, 1—12)... Священникъ уходитъ, оставляя миръ и покой въ душѣ несчастныхъ; со слезами на глазахъ провожаютъ его, просятъ чаще заходить къ нимъ [1]).

По онъ уже въ другомъ домѣ, предъ новою жертвою несчастія. „Господь съ тобою, новый Товитъ“,—слышится оттуда его ласковый привѣтъ прихожанину, лишившемуся зрѣнія. На отвѣтъ слѣпца: „аще есть Господь со мною, вскую обрѣтоша мя вся злая сія“ (Суд. VI, 13), онъ ведетъ разговоръ, въ которомъ разъясняетъ тому, что не слѣдуетъ пренебрегать этимъ посѣщеніемъ Божіимъ и ослабѣвать въ несеніи его: „его же бо любитъ Господь наказуетъ“ (Притч. III, 12). Лучше подумать о томъ, на что мы употребляли око наше и за что Господь отъялъ его. Часто ли обращалось оно къ небесамъ, не чаще ли къ суетѣ міра сего; не было ли оно „лукаво“? Не отвращалось ли оно отъ несчастныхъ, не соблазняло ли оно тебя? Грѣшны мы въ этомъ, посему смиренно скажемъ съ праведнымъ Іовомъ: „Господь даде, Господь отъятъ. Яко Господеви изволися, тако бысть“ (Іов. I, 21). Не жалуйся, что бѣдствіе твое тяжело: были и есть люди, съ самаго рожденія своего невидѣвшіе свѣта Божьяго, полжизни проведшіе въ темницахъ; благодари Бога за то, что ранѣе Онъ далъ тебѣ возможность любоваться свѣтомъ, цвѣтами и красками, порядкомъ и благоустройствомъ природы, мерцаніемъ звѣздъ, зеленью полей и т. д.— „Но что будетъ со мною, бѣднымъ слѣпцемъ, на всю остальную жизнь“? спрашиваетъ несчастный. И священникъ отвѣчаетъ словами Псалмопѣвца: „возверзи на Господа печаль твою“ (Пс. IV, 23): Онъ питаетъ и воробья, оцѣненнаго единымъ ассаріемъ. Работай, что можешь, по навыку, какъ это дѣлаютъ многіе другіе. Терпѣливо переноси несчастіе твое, радуясь тому, что теперь душа твоя можетъ постепенно отрѣшаться отъ міра и будетъ созерцать гораздо больше, чѣмъ чрезъ чувственное око, а въ гря-

[1]) „Воскр. Чт.“ XI, стр. 89—95.

дущее пришествіе Судіи и это затемненное зрѣніе получитъ вновь свою силу и свойства въ несравненно большей степени и будетъ способно созерцать Искупителя нашего въ всей Его славѣ и величіи [1]).

Послѣдуемъ далѣе за добрымъ пастыремъ. Онъ въ домѣ новой скорби. Отецъ семейства сидитъ въ задумчивости и грусть на лицѣ его. Священникъ ласково справляется о причинѣ печали и узнаетъ, что причина уже извѣстна ему: хозяинъ скорбитъ о своемъ несчастно-рожденномъ сынѣ, который уже выходитъ изъ отроческихъ лѣтъ, а между тѣмъ не имѣетъ здраваго смысла. Скорбитъ и пастырь, но тутъ же предлагаетъ и свое утѣшеніе. Онъ говоритъ, что это вѣчное дѣтство ума, въ которомъ навсегда останется несчастный, дѣлаетъ его гораздо счастливѣе многихъ взрослыхъ умниковъ. Если онъ неспособенъ къ совершенству, то мимо его пройдетъ и зло, которое мы должны оплакивать. Зло зависитъ отъ нашей воли и свободы, между тѣмъ воля и свобода несчастнаго связаны слабоуміемъ его. Своего несчастія онъ не сознаетъ и, слѣдовательно, не тяжелится имъ. Чтобы зло не привилось къ нему помимо его воли, нужно имѣть за нимъ хорошій надзоръ. Будьте терпѣливы и вы, родители его! Будьте покорны волѣ Божіей и благодарите Его за то, что Онъ далъ вамъ много другихъ благъ и другихъ дѣтей на радость. Скажите съ Іовомъ: „аще благая пріяхомъ отъ Господа, то злыхъ ли не стерпимъ? Надѣйтесь на Него, и Онъ даже въ этомъ несчастномъ проявитъ силу Свою на новую радость вамъ. Онъ такъ же просвѣщенъ св. крещеніемъ и есть членъ царства Божія; помогайте ему добрымъ словомъ и примѣромъ и будьте увѣрены, что будетъ нѣкогда время, когда душа его, связанная теперь какими-то неизвѣстными намъ узами, разрѣшится отъ нихъ и воспаритъ туда, гдѣ обитаютъ всѣ души младенцевъ. Такимъ образомъ, эта временная темница души его избавитъ эту душу отъ вѣчной темницы [2]).

---

[1]) „Воскр. Чт.“ IV, стр. 251—254.

[2]) „Воскр. Чт.“ IV, стр. 81—86.

Передъ нашими взорами проходитъ еще нѣсколько подобныхъ картинъ и бесѣдъ, когда пастырь является въ домѣ скорби утѣшителемъ и истолкователемъ посѣщеній Божіихъ. Мы видимъ его у прихожанина, пострадавшаго отъ навѣтовъ клеветниковъ [1]); въ семьѣ несчастной отъ безобразій распутнаго члена ея [2]); у бѣдныхъ родителей по случаю рожденія сына, котораго они считаютъ своимъ горемъ [3]) и т. д. Вездѣ онъ ласковъ, всегда твердо вѣруетъ въ водительство Божіе, надѣется на Его помощь и милосердіе, внушая эти же чувства и своимъ пасомыхъ.

II.

Много скорбей, печалей и несчастій случается въ приходской общинѣ, и по преимуществу это состояніе пасомыхъ заслуживаетъ заботливаго вниманія пастыря. Но есть тамъ и радости, гдѣ священникъ тоже не лишнее лицо. Вотъ, напр., онъ только что совершилъ св. таинство крещенія, содѣлавъ новорожденнаго младенца сыномъ благодати, членомъ царства Божія. Родители радуются и благодарятъ Бога за Его великую милость. Радуется и духовный отецъ вмѣстѣ съ ними, но пользуется этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать родителямъ внушеніе о тѣхъ обязанностяхъ, какія налагаются Богомъ на нихъ при воспитаніи дѣтей. Онъ бесѣдуетъ съ крестьяниномъ, посему и совѣты его касаются прежде всего этого быта. „Всякій человѣкъ долженъ любить Бога и ближняго,—говоритъ онъ,—учи тому же и сына, подтверждая свои слова собственнымъ примѣромъ; учи его, сколько будешь въ силахъ, молиться Богу, уважать св. иконы, не допускай слышать бранныхъ словъ, даже сказокъ и пѣсенъ, съ которыми няньки убаюкиваютъ дѣтей, а въ тоже время разсказами о разныхъ привидѣніяхъ, лѣшихъ, русалкахъ и т. под. глупостяхъ дѣлаютъ ихъ суевѣрными, боязливыми и безтолковыми. Пусть вмѣсто этого сынъ твой

---

[1]) „Воскр. Чт." V, стр. 265—268.
[2]) „Воскр. Чт." III, стр. 425—432.
[3]) „Воскр, Чт." IX, стр. 297—301.

слышитъ хотя короткую молитву, такъ чтобы къ семилѣтнему возрасту, когда онъ будетъ впервые приступать къ таинству покаянія, ему извѣстны были хотя главнѣйшія изъ нихъ. Води его съ собою въ церковь, разсказывай, что самъ знаешь, о принадлежностяхъ храма, о жизни Христа Спасителя, Его Пречистой Матери, угодниковъ (по церк. иконописи), о заповѣдяхъ и т. п. И будетъ семья твоя и домъ твой малою Церковію, въ которой все благочинно, свято и исполнено благодатію[1]).

III.

Вотъ прихожанинъ самъ приглашаетъ священника къ себѣ въ праздникъ Рождества Христова раздѣлить семейную радость дня и побесѣдовать. Добрый пастырь съ готовностію спѣшитъ на голосъ своего духовнаго сына и предлагаетъ самому хозяину начать бесѣду. Оказывается, что тому хотѣлось отъ батюшки получить нѣкоторыя разъясненія относительно этого общехристіанскаго праздника, совершаемаго впродолженіи 18-ти вѣковъ и всегда одинаково торжественнаго. Онъ предлагаетъ священнику вопросъ за вопросомъ, на которые тотъ привѣтливо, неторопливо и обстоятельно отвѣчаетъ, подтверждая рѣчь свою мѣстами изъ Свящ. Писанія. Указавъ на величіе событія, онъ не пропускаетъ случая сдѣлать и соотвѣтствующее наставленіе, что и день памяти его нужно проводить достойно, свято и богоугодно[2]).

Мы сказали о священнодѣйствованіи, объ учительствѣ и о руководительствѣ пасомыхъ со стороны священника, т. е. о всемъ, въ чемъ полагается долгъ и обязанность пастыря по журнальной литературѣ перваго періода. Изъ этого обозрѣнія можно видѣть, что духовные писатели того времени смотрятъ на пастыря, какъ на нѣкоторую сокровищницу[3]), откуда каждый изъ пасомыхъ получаетъ все,

---

[1]) „Воскр. Чт.“ IV, стр. 311—316.
[2]) „Воскр. Чт.“ V, стр. 329—333; ср. „Воскр. Чт.“ XX, стр. 110—113; XXI, стр. 77—80, 124—127, 215—218 и др.
[3]) Такъ называется пастырь въ „Воскр. Чт.“ XV, стр. 204.

что ему нужно. Онъ есть отецъ, благодѣтель, защитникъ, наставникъ, руководитель, правитель, и т. д. Одно онъ долженъ преподавать какъ таинство, другое какъ ученіе вѣры, иное какъ утѣшеніе, назиданіе, обличеніе, урокъ; одно онъ долженъ защитить, о другомъ его могутъ спросить сами прихожане. Но чтобы быть на высотѣ своего служенія и чтобы сокровищница была возможно полна, для этого необходимо имѣть призваніе къ пастырскому служенію; а чтобы впослѣдствіи она не изсякала и огонь ревности и одушевленія не потухалъ, требуется постоянное пополненіе, возгрѣваніе, упражненіе и преуспѣяніе. Это послѣднее достигается молитвою и умственнымъ трудомъ. Посему теперь намъ остается сказать о призваніи къ пастырскому служенію, о молитвѣ пастыря и объ умственныхъ занятіяхъ его, какъ понимали данные предметы наши пастооралисты первой половины XIX-го вѣка.

Сказавши о необходимости призванія вообще ко всякаго рода служенію, авторъ статьи „Призваніе къ священному сану[1])“ доказываетъ еще бóльшую необходимость его по отношенію къ пастырскому служенію. Существуютъ, говоритъ онъ, четыре главныхъ причины или побужденія къ этому: положительная заповѣдь слова Божія, свойство и важность священническихъ обязанностей, необходимость при этомъ благодати и опасность паденія.

Едва лишь Господь Богъ даровалъ законъ Свой израильтянамъ, какъ тотчасъ же и учредилъ между ними сословіе преимущественно для совершенія богослуженія и для преподанія этого закона людямъ; по Своей высочайшей волѣ Онъ даже наименовалъ тѣхъ, которые будутъ облечены въ эту должность (Числ. XVI, 5),—избрано было колѣно Левіино (2 Пар. XXIX, 11) и изъ него Ааронъ возвышенъ къ почести высшаго священства (Сир. XLV, 7—20). Если такъ было въ Ветхомъ Завѣтѣ, то священство новозавѣтное еще болѣе, конечно, нуждается въ этомъ избраніи Божіемъ. Такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Всѣ призваны быть учениками Спасителя, но изъ среды всѣхъ

---

[1]) Христ. Чт.“ 1843 г. IX, стр. 125—158.

было избрано двѣнадцать апостоловъ (Лук. VI, 13): „не вы Мене избрасте, но Азъ избрахъ вы“ (Іоан. XV, 16). Ап. Павелъ нѣсколько разъ заявляетъ о себѣ, что онъ по волѣ и по призванію Божію получилъ честь апостольства (Рим. I, 1; 1 Кор. I, 1; Гал. I, 15). Воръ и разбойникъ тотъ, кто, не будучи призванъ, входитъ во дворъ овчій не дверьми, а прелазитъ инудѣ. „Азъ есмь дверь,—говоритъ о себѣ Пастыреначальникъ,—Мною аще кто внидетъ, спасется, и внидетъ и изыдетъ и пажить обрящетъ“ (Іоан. X, 9). Слѣдовательно, только чрезъ Него пастырь можетъ получить стадо.

Пастырь долженъ быть совершенно святымъ человѣкомъ: добродѣтель во всѣхъ ея видахъ должна быть присуща ему, а недостатки и излишества вредны, предосудительны и потому нетерпимы[1]). Но и ангелъ безъ помощи Божіей не можетъ быть таковымъ. Откуда же получитъ свои достоинства и какими средствами освободится отъ недостатковъ человѣкъ, если онъ не призванъ къ высочайшему служенію, безъ всякихъ ограниченій требующему этихъ совершенствъ?—Священникъ долженъ созидать домъ Божій, быть въ немъ стражемъ (Псал. 126, 1), бороться съ его врагами и т. д. Дастъ ли Господь благодать Свою и поможетъ ли такому человѣку, если онъ сталъ отправлять это служеніе помимо святой воли Его? „Не сихъ избра Богъ,—говоритъ пророкъ,—ни пути хитростнаго даде имъ, *и погибоша*, занеже не имѣша мудрости, погибоша за безсовѣтіе свое“ (Вар. III, 27 — 28). Такъ погибнутъ и всѣ непризванные къ этому дѣлу, ибо не помощь Божія ждетъ ихъ тутъ, а глубочайшее паденіе и страшная отвѣтственность за то. Чѣмъ возвышеннѣе достоинство священника въ ряду другихъ служеній въ человѣчествѣ, тѣмъ болѣе подверженъ онъ опасности; чѣмъ гибельнѣе его паденіе, тѣмъ труднѣе ему возстать и возвратиться на прежнюю высоту. „Отъ святыхъ Моихъ убойтеся, Азъ есмь Господь“ (Лев. XXVI, 2), — такъ говорилъ Всемогущій народу израильскому, и говорилъ о

---

[1]) „Христ. Чт.“ 1843 г. IV, стр. 254—281.

святилищѣ, бывшемъ только прообразомъ. Надавъ и Авіудъ пожраны „огнемъ чуждымъ“, который по неблагоразумію вложили они въ кадильницу; Оза пораженъ смертію за то, что прикоснулся къ кивоту, опасаясь, чтобы онъ не упалъ; благочестивый царь Озія подвергнутъ проказѣ за то, что имѣлъ дерзость взять въ руки кадильницу. И эти вины ничтожны въ сравненіи съ виною похитителей священной власти въ Церкви Христовой[1]). — Взирая на святость служенія пастырскаго и опасность паденія при этомъ служеніи, влекущую за собою страшную отвѣтственность, даже великія свѣтила Церкви отклонялись отъ него, а если и принимали, то со страхомъ и трепетомъ. Это извѣстно о св. Амвросіи Медіоланскомъ, Григоріи Богословѣ, блаж. Іеронимѣ, блаж. Августинѣ, Григоріи Великомъ и др. Вообще между знаменитыми пастырями Церкви нѣтъ ни одного, который бы самъ вызвался на страшное служеніе алтарю Господню безъ особеннаго призванія къ тому.

Признаками призванія Божія къ священному сану нужно считать: невинность жизни, чистоту намѣренія, склонность къ состоянію, способность къ будущимъ должностямъ и объявленіе избранія Божія видимымъ образомъ, т. е. выборъ епископа. Этотъ послѣдній признакъ очевиденъ и ошибиться въ знаніи его нельзя; но возможно и чрезвычайно легко ошибиться въ разсужденіи внутреннихъ признаковъ призванія, хотя мы (ошибочно) и думаемъ, что міръ внутренній извѣстенъ каждому изъ насъ очень хорошо. Для правильной оцѣнки этихъ признаковъ слѣдуетъ хорошо испытать себя и посовѣтоваться съ опытными людьми. И только тогда, когда въ свидѣтельствѣ собственной совѣсти, въ совѣтѣ руководителя и въ выборѣ епископа будетъ признанъ голосъ Бога призывающаго, мы обязаны отвѣчать: „Господи, се азъ, посли мя“ (Ис. VI, 8). Во всемъ этомъ есть уже ручательство и надежда, что мы можемъ быть для

[1]) Исаіи XXX, 1—2; Іер. XIV, 14—15; Іезек. XIII, 2; Осіи VIII, 4—5.— „Христ. Чт.“ 1844 г. I, стр. 139—143.

паствы нашей тою сокровищницею, какою должны быть [1]).

Но, какъ уже сказано было, для поддержанія небеснаго огня, даннаго намъ въ таинствѣ священства, и для пополненія нашего внутренняго содержанія необходимы молитва и умственный трудъ.

Молитва необходима для каждаго христіанина, чтобы снискать благодать и помощь Божію какъ въ дѣлѣ спасенія души, такъ и въ каждомъ житейскомъ занятіи. Тѣмъ болѣе она необходима пастырю, ибо его обязанности гораздо разнообразнѣе, важнѣе, выше и труднѣе, чѣмъ обязанности міряннна, притомъ предписаны ему чрезвычайно строго. Онъ долженъ постоянно обращаться за этою помощью къ Источнику всѣхъ благъ въ пламенной молитвѣ и только съ неба онъ можетъ получить тотъ свѣтъ, которымъ обязанъ просвѣщать ввѣренныхъ его водительству, тѣ добродѣтели, коимъ обязанъ поучать ихъ, и тѣ дары, которые обязанъ раздавать имъ. Молитва вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ для него подкрѣпленіемъ и спасеніемъ въ опасностяхъ и искушеніяхъ, успокоеніемъ отъ трудовъ, утѣшеніемъ въ скорбяхъ, среди которыхъ онъ живетъ и съ которыми обязанъ бороться и которыхъ опять же у него гораздо болѣе, чѣмъ у мірянина. Молитва дѣлаетъ служеніе наше пріятнымъ и любезнымъ для насъ; она же есть и единственное средство вознести къ престолу Всевышняго нужды пасомыхъ и возблагодарить Господа за благодѣянія Его. По заповѣди Спасителя, „подобаетъ всегда молитися и не стужати“ (Лук. XVIII, 1) какъ всѣмъ вообще, такъ и особенно пастырю душъ [2]).

На ряду съ молитвой и для той же цѣли пастырь долженъ заниматься умственнымъ трудомъ. Сравнительно непродолжительныя и легкія занятія, какимъ онъ посвящалъ свое время въ училищахъ, должны служить только приготовленіемъ къ этимъ „пастырскимъ“ занятіямъ въ самой жизни, болѣе глубокимъ и постояннымъ. Онъ не

[1]) „Христ. Чт.“ 1843 г. IV, стр. 125—158.
[2]) „Христ. Чт.“ 1844 г. I, стр. 313—326.

можетъ отказываться отъ умственнаго труда, жалуясь на недостатокъ времени или на что либо другое подобное, ибо у него предъ глазами примѣры Златоуста, Аѳанасія, Григорія, Августина и мн. др., которые при самомъ ревностномъ прохожденіи обязанностей пастырскихъ находили время писать множество умныхъ сочиненій, развивать и умножать свои познанія. Слово Божіе какъ Ветхаго[1]), такъ и Новаго[2]) Завѣта вмѣняетъ этотъ трудъ въ непремѣнную обязанность пастырю, ибо пастырство и требующее познаній учительство соединены между собою неразрывно и составляютъ единство по существу (Ефес. IV, 11). Затѣмъ, въ продолженіи вѣковъ христіанскихъ мы видимъ цѣлый рядъ соборныхъ постановленій, которыя повелѣваютъ священникамъ украшать себя не только святостію, но и познаніями[3]). Дѣйствительно, во всякой наукѣ если не идутъ впередъ, то непремѣнно подаются назадъ, теряютъ, когда не пріобрѣтаютъ, забываютъ и старое, когда не изучаютъ новаго. Плодоносное поле, оставленное земледѣльцемъ, поростаетъ волчцами и терніемъ[4]).

Учебныя занятія священника должны быть направлены по преимуществу на два предмета: на изученіе догматовъ вѣры и изученіе христіанской нравственности. Поэтому самою главною наукою для него должна быть наука Св. Писанія, которая содержитъ въ себѣ всѣ, потребныя и и пастырямъ и пасомымъ, богатства небесной мудрости. Затѣмъ—Св. Преданіе. Не требуется изучить все, написанное св. отцами и учителями Церкви, а только лишь главнѣйшее и болѣе подходящее къ кругу пастырскихъ обязанностей и нуждамъ пасомыхъ, или запросамъ времени. Далѣе слѣдуетъ законодательство церковное, богослуженіе и относящіяся сюда книги, а также проповѣдническая литература. Свѣтскія сочиненія, при благоразумномъ пользованіи ими, могутъ быть полезны для пастыря какъ

---

1) Лев. X, 10—11; Агг. II, 12; Мал. I, 7 и др.
2) 1 Тим. IV, 13. 16; 2 Тим. III, 14—15 и др.
3) Напр. пр. Апост. 58; VI Всел. соб. прав. 19. 64; VII Всел. соб. пр. 2 и др.
4) „Христ. Чт." 1844 г. I, стр. 454—480.

средство обогатить себя искусствомъ современнаго изящнаго, стройнаго слова и т. п. Иногда полезно и даже необходимо изученіе сочиненій, противныхъ св. вѣрѣ, т. е. написанныхъ невѣрующими, или еретиками; это для того, чтобы обличить неправомысліе, защитить истину, оградить отъ соблазна. Но книги противныя добродѣтели и безнравственныя всѣ рѣшительно и безъ исключенія запрещаются священнику. Никакая причина, никакой предлогъ не могутъ дать ему права читать ихъ, коль скоро онъ знаетъ, что сочиненіе таково по содержанію. Вмѣсто всякой, даже малѣйшей пользы подобное чтеніе причинитъ громадный вредъ, и цѣль умственной работы останется далеко въ сторонѣ [1]).

Много добра для своей паствы можетъ сдѣлать священникъ, облеченный своею властію отъ Бога, благоразумно и ревностно пользующійся указанными средствами, т. е. священнослуженіемъ, учительствомъ и руководствованіемъ пасомыхъ. Двѣнадцати человѣкъ нѣкогда достаточно было для того, чтобы обратить вселенную. И какъ часто иногда одинъ пастырь измѣняетъ видъ какого нибудь прихода, или даже цѣлой епархіи [2]). Но иногда его усилій, при всей ихъ законности, разумности и напряженности, бываетъ недостаточно для искорененія зла. Что тогда дѣлать? „Тогда,—отвѣчаетъ „Христіанское Чтеніе“,—камень, котораго ты не можешь разбить, оставь въ покоѣ. Ибо Христосъ говоритъ: оставите рости обое до жатвы (Матѳ. XIII, 30). Что терпитъ Всесильный, то долженъ терпѣть и безсильный“.

Эти послѣднія слова взяты нами „изъ записной книжки одного почтеннаго священника“, который смыслъ своего выраженія называетъ великою мудростію [3]).—Намъ кажется, что здѣсь, при неправильномъ пониманіи словъ Іисуса Христа, никакой мудрости нѣтъ. Христосъ, дѣйствительно, сказалъ, что Владѣлецъ нивы, на которой вмѣстѣ съ пшеницей выросли и плевелы, не позволилъ жателямъ

---

[1]) „Христ. Чтен.“ 1844 г. I, стр. 454—480.
[2]) „Христ. Чтен.“ 1843 г. IV, стр. 283.
[3]) „Христ. Чтен.“ 1834 г. III, стр. 222.

вырывать ихъ до жатвы. Но въ словахъ Спасителя— время жатвы есть время суда, который сожжетъ плевелы. Выходитъ, что какъ Господь Богъ терпитъ грѣшника до Своего суда, ожидая покаянія, такъ долженъ и пастырь оставить въ покоѣ и терпѣть около себя грѣшника, или вообще зло, котораго онъ не можетъ обратить въ добро, пресѣчь, „разбить". Между тѣмъ, по ученію Св. Писанія, напротивъ: чѣмъ труднѣе дѣло исправленія, чѣмъ тверже „камень", тѣмъ болѣе стараній и трудовъ долженъ предпринять священникъ, чтобы разбить его, но никакъ не оставлять его въ покоѣ, не терпѣть равнодушно, чтобы этотъ камень, подобно плеведамъ въ словахъ Спасителя, дождался времени суда и уже тогда былъ разбитъ. Священникъ *долженъ* его разбить, т. е. исправить, возродить, чего бы это ему ни стоило. Впрочемъ, взглядъ „почтеннаго священника" не раздѣляли и его современники. Въ другихъ мѣстахъ подлежащей литературы [1]) мы читаэмъ, что излишекъ зла не можетъ быть побужденіемъ къ тому, чтобы не врачевать его. Св. апостолы чѣмъ болѣе находили препятствій для своего дѣла, тѣмъ болѣе усиливали свою ревность и труды. И рука, подававшая имъ силу и успѣхи, не оскудѣла и въ наше время: и современный пастырь можетъ отнести къ себѣ слова Господа, глаголанныя къ пророку: „весь домъ Израилевъ непокориви суть и жестокосерди. И се дахъ лице твое сильно противу лица ихъ, и прю твою укрѣплю противу при ихъ. И будетъ внегда крѣпчае камене дахъ прю твою; не убойся ихъ, не ужасайся ихъ" (Іез. III, 7—9). Съ вѣрою въ эту всесильную помощь можно разбить какой угодно камень. Если это должно быть дѣломъ пастырской любви, то нужно вспомнить примѣръ изъ жизни ап. Іоанна, который съ опасностью для собственной жизни явился въ лагерь разбойниковъ, чтобы спасти ихъ атамана, „разбить камень", который, повидимому, не могъ быть разбитъ человѣческими усиліями [2]). Если это

---

[1]) „Христ. Чт." 1843 г., IV, стр. 285; „Воскр. Чт." XXII, стр. 283.
[2]) „Воскр. Чт." I, стр. 199.

будетъ защищеніе праваго дѣла, тогда нужно вспомнить примѣръ св. Евсевія, еп. самосатскаго, который соглашался отдать на отсѣченіе обѣ руки, чтобы спасти письменный документъ, обличающій аріанъ,—и достигъ этого [1]). Если бы даже пришлось душу свою, жизнь свою отдать за то, чтобы спасти ближняго (разбить камень), то и это есть прямая и высочайшая обязанность пастырской ревности [2]). Послѣ этого нѣтъ нужды говорить о томъ камнѣ, возрожденіе и смягченіе котораго требуетъ отъ пастыря только лишь заботливости, умѣнья и терпѣливаго труда. Здѣсь трудность не дойдетъ до необходимости отдать на отсѣченіе руку, пожертвовать жизнію и т. п. Самое большее пастырь долженъ будетъ обратиться за совѣтомъ къ своему сосѣду—священнику, особенно старѣйшему [3]), или за содѣйствіемъ и помощію къ мѣстному обществу [4]), ближайшему владѣльцу (если говорится о крестьянахъ, бывшихъ тогда въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ), непосредственной гражданской власти [5]), или къ своему епископу [6]) и дѣйствовать по указаніямъ высшихъ инстанцій [7]).

Вотъ все, что даетъ намъ періодическая печать по предмету Пастырскаго Богословія за шестьдесятъ лѣтъ нашего вѣка (точнѣе—съ 1834 по 1860 г.). Изъ сдѣланнаго нами обозрѣнія оказывается, что весь этотъ пасторологическій матеріалъ, даже предложенный вниманію читателя въ возможной системѣ, представляетъ собою тощее растеніе, которое люди посадили въ одномъ цвѣтникѣ со многими другими цвѣтами, но потомъ очень мало обращали на него вниманія: растеніе выросло сухое, хилое, со многими органическими недостатками. Образъ

---

[1]) „Воскр. Чт." XVI, стр. 119—120.

[2]) Іоан. X, 11; ср. „Христ. Чт." 1843 г. IV, стр. 215; „Воскр. Чт." XIV, 347—349; XV, 118.

[3]) „Христ. Чт." 1844 г. III, стр. 441—442.

[4]) „Воскр. Чт." XXII, стр. 282—283.

[5]) „Воскр. Чт." XV, стр. 204.

[6]) „Воскр. Чт." XXIII, стр. 102.

[7]) „Воскр. Чтен." XXII, стр. 310.

пастыря, начертанный на этомъ фонѣ широкими и часто случайными штрихами, оказался слишкомъ возвышеннымъ, слишкомъ идеальнымъ и отрѣшеннымъ отъ земли, такъ что созерцающіе его, какъ примѣръ для подражанія или какъ образецъ для жизнедѣятельности, въ печальномъ сознаніи собственнаго безсилія могли думать: „это не для насъ, ибо въ нашемъ положеніи невозможно сей идеалъ осуществить.“ Это была отвлеченная теорія общаго характера, которая годилась для современниковъ въ такой же степени, какъ годилась для ихъ предковъ и будетъ пригодна для потомковъ.—Впрочемъ, весьма сомнительно уже то самое, чтобы пастыри наши первой половины текущаго вѣка, для которыхъ могли быть полезны изложенныя нами замѣтки, статьи и разсужденія относительно ихъ служенія,—пользовались этой литературой и такимъ образомъ постоянно имѣли въ своемъ сознаніи идеалъ „добраго пастыря.“ Скорѣе можно думать, что наши духовные журналы не были у нихъ въ рукахъ какъ по новости самаго дѣла, такъ и по бѣдности духовенства, или по отдаленности отъ академическихъ пунктовъ, гдѣ издавались журналы, да—правду сказать—и по сравнительной малоразвитости пастырей, особенно сельскихъ. Если сейчасъ мы положительно знаемъ какъ фактъ, что большинство современныхъ пастырей, живущіе вдали отъ центровъ цивилизаціи и вообще отъ городовъ, почерпаютъ свои познанія по Пастырскому Богословію единственно изъ Епархіальныхъ (а въ послѣднее время и изъ Церковныхъ) Вѣдомостей, оставивъ за порогомъ семинаріи даже учебникъ по предмету Пастырскаго Богословія,—то что̀ сказать о сельскомъ священникѣ временъ Императоровъ Александра I и Николая I,—временъ крѣпостнаго права, когда онъ на ряду съ крестьяниномъ долженъ былъ ходить за сохой и бороной, рубить дрова и сѣнокосить, когда его загрубѣлые пальцы съ трудомъ отдѣляли страницу отъ страницы, а перо дрожало въ мозолистой рукѣ!—Впрочемъ, даже если мы допустимъ, что священникъ своевременно получалъ для себя и читалъ „Христіанское Чтеніе“ и оба другіе журнала, то и въ этомъ случаѣ должны будемъ признать, что онъ

имѣлъ весьма мало матеріала для руководства въ пастырскомъ служеніи, ибо на всемъ протяженіи отъ 1821 года (основанія „Христіанскаго Чтенія") до 1860 г. (о которомъ рѣчь будетъ впереди) журналы дали бы ему только 60 отрывочныхъ статей, такъ что на каждый годъ ихъ оказывалось менѣе чѣмъ по двѣ.—Допустимъ еще далѣе, что священникъ въ концѣ даннаго періода имѣетъ всѣ книжки журналовъ подъ руками и одновременно можетъ познакомиться со всей относящейся къ нему литературой, подобно тому, какъ это дѣлаемъ мы въ настоящемъ случаѣ. Но и тогда онъ не нашелъ бы здѣсь ничего новаго сравнительно съ содержаніемъ, напр., „Книги о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ" и „Сокращеннаго Катихизиса" митроп. Платона, или „Учительнаго Извѣстія," или „Поученія къ новопоставленному іерею" отъ архіерея, или „Духовнаго Регламента," которые всѣ существовали уже задолго до „Христіанскаго Чтенія," изучались въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и вообще были извѣстны духовенству. Напротивъ, періодическая литература въ сравненіи съ соотвѣтствующими памятниками древняго времени оказывается далеко неполною и недостаточною. Такъ, напр., періодическая литература почти ничего не говоритъ объ отношеніяхъ священника къ другимъ членамъ притча, тогда какъ „Наставленіе отъ архипастыря священнику" съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на этомъ вопросѣ [1]); отдѣлъ о церковномъ хозяйствѣ въ журналахъ совершенно опущенъ, о таинствахъ говорится лишь вообще, о домашней обстановкѣ пастыря, о супругѣ и дѣтяхъ его едва дѣлается упоминаніе; вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи его и какомъ-либо вознагражденіи за труды со стороны прихожанъ совершенно опущенъ и потому пастырю приходится дѣйствовать какъ будто внѣ всякой реальной почвы.—Можно подумать, что такая бѣдность содержанія произошла изъ желанія сказать о томъ, чего не было сказано ранѣе. Но и это предположеніе не будетъ соотвѣтствовать

[1]) „Наставленіе отъ архипастыря священнику" СПБ. 1797 г., л. 3.

истинному положенію дѣла, ибо журналы говорятъ о томъ, что уже *было* сказано ранѣе, но говорятъ слабѣе, — напр. вопросъ о напутствованіи умирающихъ въ „Наставленіи [1])“ и въ „Духовномъ Регламентѣ [2])“ былъ разрѣшенъ гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ это сдѣлано въ журналахъ; вопросъ о проповѣдничествѣ, насколько онъ касается Пастырскаго Богословія, такъ-же былъ разсмотрѣнъ въ „Дух. Регламентѣ [3])“ и въ „Книгѣ о должностяхъ [4])“ и т. д.

Основываясь на всемъ вышесказанномъ, мы рѣшаемся утверждать, что пасторологическій матеріалъ духовныхъ журналовъ не имѣлъ въ свое время практическаго значенія и интереса для духовенства. Конечно, еще менѣе можно допустить, что онъ необходимо — полезенъ въ жизнедѣятельности современнаго намъ пастыря, когда мы имѣемъ много спеціальныхъ и научнообоснованныхъ трудовъ по данному предмету. Но этотъ матеріалъ весьма важенъ въ настоящее время для всякаго, интересующагося *исторіей развитія пасторологическихъ идей* въ нашемъ отечествѣ. Въ духѣ и содержаніи этой литературы историкъ увидитъ прежде всего тотъ источникъ, откуда исходятъ наши пасторалисты. Онъ увидитъ, что источникомъ, исходнымъ пунктомъ и основаніемъ всѣхъ ихъ разсужденій являлось прежде всего слово Божіе и преданіе Церкви вселенской, безъ отстраненій, впрочемъ, и соображеній здраваго разума и житейской опытности. Далѣе, изъ того преимущества, которое давалось у насъ разработкѣ вопросовъ теоретическаго характера, а также изъ частыхъ заимствованій и указаній на творенія древнихъ богопросвѣщенныхъ учителей церковныхъ, онъ заключитъ, что наши авторы — пасторалисты воспитывались и развивались именно чрезъ знакомство и подъ вліяніемъ знаменитыхъ пасторалистовъ вселенской Церкви, каковы св. Іоаннъ Златоустъ, Григорій Двоесловъ,

---

[1]) „Наставл. отъ архип. свящ.,“ л. 6 об.—16.
[2]) „Духовный Регламентъ,“ М. 1818 г. изд. 12, лл. 128—145. 148.
[3]) Тамъ-же, лл. 85—90.
[4]) „Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ,“ л. 11—70.

Амвросій Медіоланскій, блаженный Іеронимъ, св. Григорій Богословъ и др. Какъ эти учители древности, смотря съ величайшимъ благоговѣніемъ на высоту служенія пастырскаго, въ этомъ же духѣ и разсуждали о немъ,—такъ тотъ же духъ характеризуетъ и нашу литературу русскую: тотъ же благочестивый паѳосъ слышится въ рѣчахъ, то-же сознаніе человѣческаго недостоинства предъ величіемъ и святостью служенія чувствуется въ ея авторахъ. Далѣе, подобно тому, какъ отеческія творенія занимаются вопросами о происхожденіи священства, о высотѣ и важности этого служенія для людей, о цѣли и трудности его,—точно такъ и наши пасторалисты говорятъ именно на эти темы. Или, какъ тѣ побуждаютъ пастыря быть ревностнымъ, указываютъ средства для достиженія желательной цѣли (священнодѣйствіе, учительство и руководствованіе), раздѣляютъ духовныхъ овецъ на классы (какъ Григорій Великій), говорятъ о необходимости призванія къ пастырству и ставятъ на видъ великую отвѣтственность за небреженіе,—такъ точно программа нашихъ духовныхъ журналовъ заключаетъ въ себѣ именно эти и подобные имъ вопросы. Наконецъ, изъ разсмотрѣнія этой литературы историкъ можетъ заключить, что наши предшественники—пасторалисты довѣрчиво, безъ всякой критики, приняли отъ своихъ предшественниковъ и правильно поняли свою высокую задачу, твердо установили догматическое ученіе о служеніи пастыря, точно и вѣрно указали главные объекты его дѣятельности, цѣль его трудовъ и доступныя средства для ея осуществленія. Не ихъ вина, если эти посильные труды въ свое время не достигали очевидныхъ результатовъ. Но ихъ великая заслуга въ томъ, что этими своими трудами они съ одной стороны соединили наше Пастырское Богословіе XIX вѣка съ древне-русскими памятниками по этому предмету и еще далѣе—съ памятниками самыхъ первыхъ и самыхъ блистательныхъ вѣковъ христіанства; съ другой стороны, они подготовили почву для послѣдующей пастырологической литературы въ нашемъ отечествѣ.

ГЛАВА 3.

Въ 1839 году въ нашемъ духовно-учебномъ мірѣ случилось событіе, которое весьма существенно коснулось Пастырскаго Богословія въ школахъ и замѣтно оживило разработку пасторологическихъ вопросовъ въ литературѣ. Этимъ событіемъ было упраздненіе Коммиссіи Духовныхъ Училищъ и замѣна ея „Духовно - Учебнымъ Управленіемъ“ при Св. Синодѣ, причемъ всѣ предметы высшаго попеченія по учебной и хозяйственной части относительно духовныхъ школъ, а также и всѣ права Коммиссіи были переданы Св. Сvноду съ подчиненіемъ таковыхъ надзору оберъ — прокурора [1]). Новосозданное Управленіе, продолжая, повидимому, труды Коммиссіи, обратило свое преимущественное вниманіе на то, чтобы приспособить воспитаніе дѣтей духовенства къ потребностямъ и нравственному состоянію крестьянъ и вообще къ сельскому ихъ быту, т. е. дать болѣе практическій характеръ образованію духовныхъ воспитанниковъ. Имѣя въ виду, что духовное юношество готовится по большей части въ сельскіе священники, гдѣ имъ придется замѣнять и врача тѣлесныхъ недуговъ, и руководить прихожанъ въ сельскомъ хозяйствѣ, и мѣрять землю и т. д., новые попечители его образованія предприняли трудъ пересмотрѣть

---

[1]) См. Высочайшій указъ объ этомъ отъ 1 марта 1839 г. въ „Полн. Собр. Зак.“ изд. 1840 г., т. XIV, стр. 179—183 (№ 12070). Ср. „Очеркъ исторіи смоленской духовн. семинаріи“ Ив. Сперанскаго, стр. 264—265; „Ист. СПБ. православной духовной семинаріи“ А. Надеждина, СПБ. 1885 г., стр. 303—304.

дѣйствующій уставъ духовно-учебныхъ заведеній съ цѣлію всю систему семинарскаго образованія передѣлать такъ, чтобы оно, съ одной стороны, соотвѣтствовало потребностямъ отечественной Церкви, съ другой — шло навстрѣчу нравственнымъ нуждамъ сельскимъ приходовъ; въ частности — для достиженія этого нужно было, чтобы воспитанники семинарій, при основательномъ изученіи богословскихъ наукъ, умѣли нисходить къ понятіямъ простаго народа и вразумительно бесѣдовать съ нимъ объ истинахъ и обязанностяхъ христіанскихъ, а между тѣмъ получали бы и по части вспомогательныхъ наукъ такія познанія, которыя могли бы съ пользою для себя и для прихожанъ прилагать къ сельскому быту и, содѣйствуя улучшенію онаго, пріобрѣтали бы чрезъ это болѣе средствъ къ нравственному вліянію на народъ. И вотъ, стремясь достигнуть этихъ цѣлей, Духовно - Учебное Управленіе признало первою необходимостью *„изъ главныхъ духовныхъ предметовъ ученія особенно приспособить къ обязанностямъ сельскаго священника Богословіе Пастырское и Собесѣдовательное“* [1]).

Такое преимущественное вниманіе, оказанное Пастырскому и Собесѣдовательному Богословію высшимъ Духовно-Учебныхъ Управленіемъ, не осталось безъ отвѣта со стороны лицъ, заинтересованныхъ развитіемъ нашей науки. Благодаря указанному обстоятельству, рядомъ съ духовными журналами, гдѣ разработка пасторологическихъ вопросовъ производилась лишь *между прочимъ*, случайно и отрывочно,—теперь мы должны поставить нѣсколько спеціальныхъ сочиненій по предмету Пастырскаго Богословія. Одни изъ нихъ, дополняя пасторологію журналовъ, старались поставить предметъ Пастырскаго Богословія на почву науки и собрать во-едино разрозненный, находящійся уже въ обращеніи пасторологическій матеріалъ, привести его въ порядокъ, воплотить въ систему, обосновать, защитить, разъяснить и снова распространить, но по возможности

---

[1]) А. Благовѣщенскій: „Исторія казанской духовн. семинаріи,“ стр. 351—367. Сравн. „Очеркъ исторіи смоленской семинаріи,“ стр. 264—265.

безъ тѣхъ недочетовъ, какіе были замѣчены въ этой области прежде. Работниками на этомъ пути явились люди школы, которые преподавали результаты своихъ трудовъ съ каѳедры и при изданіи ихъ въ свѣтъ имѣли въ виду преимущественно учебную аудиторію. Къ типу такихъ сочиненій относятся *Пастырское Богословіе* архим. Антонія (изд. 1851 г. въ Кіевѣ) и *Пастырское Богословіе* архим. Кирилла (издано 1853 г. въ СПБ.). — Другія изъ намѣченныхъ нами сочиненій, предполагая, что теорія пастырства уже извѣстна пастырямъ изъ школьнаго преподаванія отъ наставниковъ [1]), берутъ эту готовую теорію изъ школы и переносятъ въ общество, сближаютъ её съ дѣйствительною жизнію, приспособляютъ къ современнымъ нуждамъ, отъ общихъ разсужденій переходятъ къ частнымъ случаямъ и такимъ образомъ отвлеченную идею заставляютъ жить, идеалъ сводятъ на землю и показываютъ его людямъ, чтобы эти послѣдніе не боялись приближаться къ нему и не говорили, что „это не для насъ". — Къ этой второй категоріи относятся *„Письма о должностяхъ священнаго сана"* (изд. въ 1840 г.), *„Взглядъ съ практической стороны на жизнь священника"* соч. Богословскаго (изд. 1860 г.) и друг.

Чтобы судить о сравнительномъ достоинствѣ этихъ сочиненій и о ихъ значеніи въ исторіи развитія у насъ пасторологическихъ идей, мы разсмотримъ каждое изъ нихъ по порядку.—

---

[1]) См. напр. „Взглядъ съ практической стороны на жизнь священника" стр. 10, 26—27 и др. „Письма о должностяхъ священнаго сана" стр. 8, 31 и др.

„Пастырское Богословіе“ Архимандрита Антонія [1]).

Подъ этимъ именемъ извѣстна система Пастырскаго Богословія, изданная въ 1851 г. въ Кіевѣ. Въ основаніе ея положены уроки архим. Антонія по Пастырскому Богословію, преподанные воспитанникамъ кіевской семинаріи въ бытность его тамъ ректоромъ съ 1845 по 1851 г. Впрочемъ, сочиненіе не окончено, ибо издана только первая, общая часть его [2]).

Все сочиненіе раздѣляется на двѣ половины. Первую половину авторъ начинаетъ эпиграфомъ изъ посланія ап. Павла къ Тимоѳею: „Потщися себе искусна поставити

---

[1]) Авторъ вышеуказанной ученой системы, архимандритъ Антоній (въ мірѣ Яковъ Гавриловичъ Амфитеатровъ), окончилъ кіевскую академію магистромъ IX-го курса (1835—1839 гг.); съ 27 сент. 1839 г. былъ назначенъ баккалавромъ греческ. языка при академіи; съ 2 Декабря того же года переведенъ на должность ректора Кіево-Соф. духовныхъ училищъ съ оставленіемъ въ должности баккалавра академіи; съ 15 Сент. 1840 г. іеромонахъ; съ 18 Іюля 1841 г. инспекторъ, а съ 12 Марта 1845 г. ректоръ кіевской семинаріи; съ 29 Ноября 1848 г. докторъ Богословія; съ 12 Янв. 1851 г. ректоръ и профессоръ богословскихъ наукъ въ кіевской академіи; съ 1858 г. епископъ чигиринскій, затѣмъ смоленскій и наконецъ архіепископъ казанскій. Скончался въ Казани 1879 г. 8 Ноября.—(„Пятидесятилѣтній юбилей кіевск. дух. академіи 28 Сент. 1869 г.“ стр. 383 въ „Трудахъ кіевской дух. акад.“ 1869 г. IV.—„Историческая записка о состояніи казанской дух. академіи послѣ ея преобразованія“ С. Терновскаго, стр. 4.—„Высокопреосвященный Антоній, архіепископъ казанскій и свіяжскій“ соч. архим. Сергія Василевскаго, Казань 1885 г.—два тома).

[2]) Самъ авторъ, въ письмѣ къ высокопреосв. Иннокентію (Борисову) отъ 7 Іюля 1851 г., говоритъ: „науки этой (т. е. Пастырскаго Богословія) у меня только половина. Надобно доканчивать, но не знаю, на новомъ мѣстѣ службы (разумѣется переходъ его на ректуру въ академію) достанетъ-ли возможности. Съ началомъ курса академическаго мнѣ и самому придется вновь браться за многое“... (См. „Высокопреосв. Антоній“... архим. Сергія, т. I, стр. 175).

предъ Богомъ, дѣлателя непостыдна, право правяща слово истины“ (2 Тим. II, 15),—и тотчасъ же послѣ этого дѣлаетъ указаніе на трудность исполнить вышеприведенную заповѣдь Апостола: „священнику знать, какъ порученную себѣ паству добрѣ управить, — говоритъ онъ словами богомудраго святителя древности, — есть наука всѣхъ наукъ и художествъ высочайшая“ [1]).

Очевидно, здѣсь заключается общій взглядъ автора на служеніе пастырское и вмѣстѣ съ тѣмъ на задачу его сочиненія. Онъ видитъ въ пастырѣ 1) „дѣлателя непостыдна,“ т. е. строителя таинствъ (Еф. IV, 11—13); 2) органъ „слова истины,“ т. е. проповѣдника и учителя; и, наконецъ, 3) руководителя паствы. Сообразно съ этимъ и „Пастырское Богословіе“ онъ опредѣляетъ, какъ „систематическое изложеніе правилъ и наставленій, руководствующихъ къ тому, какъ успѣшнѣйшимъ образомъ проходить пастырское служеніе въ Церкви Христовой и чрезъ него святѣйшую религію христіанскую употреблять во спасеніе людей“ (стр. 1).—Но справедливость требуетъ сказать, что приведенное опредѣленіе Пастырскаго Богословія не полно. Возможно представить себѣ систематическое изложеніе правилъ и наставленій для извѣстнаго рода практической дѣятельности; но въ системѣ „Пастырскаго Богословія“ такое изложеніе будетъ не первымъ и не единственнымъ содержаніемъ; оно само нуждается въ основаніи, которое можетъ быть дано только въ изложеніи догматическаго ученія о пастырскомъ служеніи. Нельзя допустить, чтобы этотъ послѣдній отдѣлъ игнорировался, или предполагался какъ предметъ Догматики,—ибо въ такомъ случаѣ система Пастырскаго Богословія не имѣла бы для себя исходной точки и составляла бы одинъ изъ дополнительныхъ отдѣловъ Догматики. Чтобы имѣть свой особый предметъ, Пастырское Богословіе должно самостоятельно взять для себя основаніе въ Св. Писаніи и Преданіи,—

---

[1]) Св. Григорій Богословъ: слово 3. Приб. къ творен. св. отцевъ въ русск. перев. Т. I, стр. 20.

откуда беретъ его Догматика для себя,—освѣтить его съ своей точки зрѣнія, установить свои принципы и отсюда уже выводить „систематическое изложеніе правилъ и наставленій“ для осуществленія послѣднихъ.

Судя по указанному нами неполному взгляду автора на свою задачу, можно было бы ожидать, что и система его выйдетъ неполной. Но оказывается, что неполонъ только его взглядъ на систему, а самая система строится какъ будто независимо отъ этого взгляда и имѣетъ весь необходимый для себя составъ. Такъ, первая часть ея прямо начинается догматическимъ ученіемъ о пастырскомъ служеніи вообще (стр. 5—6): здѣсь доказывается его божественное происхожденіе и нескончаемое продолженіе (стр. 7—9), выводятся его предметъ и цѣль (стр. 10—11), перечисляются его наименованія въ Св. Писаніи (стр. 11—14), наконецъ, говорится о важности, трудности и отвѣтственности, присущихъ этому служенію (стр. 14 — 23). Этимъ собственно и оканчивается первый отдѣлъ книжки, а остальные два параграфа (18-й и 19-й) составляютъ переходъ къ слѣдующему.—Но и на этихъ немногихъ страницахъ есть опять нѣсколько своеобразныхъ пунктовъ, которые требуютъ для себя особаго вниманія. Такъ, напр., прежде всего представляется страннымъ намѣреніе автора сдѣлать предметомъ своей науки *не вообще служеніе пастырское, а исключительно служеніе священническое*. „Само собой разумѣется,—говоритъ онъ,—что наука Пастырскаго Богословія ограничивается изложеніемъ наставленій, потребныхъ собственно для пастырей низшей степени—приходскихъ пресвитеровъ, *поелику пастыри высшей степени* (т. е., конечно, епископы) *выше наставленій школы и науки*“ (стр. 2—3).—Между тѣмъ святые отцы думали иначе и, говоря о служеніи пастырскомъ, имѣли въ виду не только пресвитера, но и епископа. Напр. св. Григорій Великій въ своемъ „Правилѣ пастырскомъ,“ св. Тихонъ Задонскій и др.—Въ другомъ мѣстѣ архим. Антоній даетъ поводъ видѣть въ его разсужденіяхъ нѣкоторое противорѣчіе. Именно, сначала онъ сказалъ, что главный предметъ Пастырскаго Богословія есть религія христіанская, т. е. тотъ же самый

предметъ, какимъ занимаются всѣ другія богословскія науки (§ 2); а немного ниже, опредѣляя содержаніе своей системы, онъ замѣчаетъ, что въ ней будутъ изложены „практическія наставленія касательно того, что въ пастырскомъ служеніи предоставлено собственному усмотрѣнію и благоразумію пастыря“ (§ 4). Ясно, что два указанныя положенія—не одно и то же.

Далѣе, говоря о томъ, что служеніе пастырское въ Церкви Христовой будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, „дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна“ (Еф. IV, 11—13), онъ называетъ это обстоятельство „божественностью всегдашняго продолженія“ пастырскаго служенія (стр. 8—9).—Но, по общепринятому ученію нашей Догматики, пастырство будетъ существовать до втораго пришествія Великаго Первосвященника, и тогда вмѣстѣ со всѣмъ міромъ получитъ судъ свой: добрый пастырь скажетъ: „вотъ я и дѣти мои, которыя даны мнѣ“,—и слуга получитъ мѣсто съ Господомъ; наемникъ долженъ будетъ дать отвѣтъ за душу заблудшую по его нерадѣнію. Тутъ конецъ пастырства, и „будетъ Богъ всяческая во всѣхъ“. Между тѣмъ признакъ „божественности продолженія,“ о которомъ говоритъ намъ авторъ, сообщаетъ этому служенію безконечную вѣчность: какъ вѣченъ въ Своемъ бытіи Богъ (въ данномъ случаѣ имѣется въ виду будущее время), такъ же вѣчно и пастырство,—ибо оно, разъ явившись, уже не будетъ имѣть конца. Конечно, вѣчно будетъ существовать „едино стадо и единъ Пастырь“ (Іоан. X, 16), но не къ этому Пастырю относитъ нашъ авторъ свою мысль.—Наконецъ, встрѣчаемъ и еще неточность. Давая понятіе о пастырскомъ служеніи, архим. Антоній говоритъ, что пастыри призваны „руководить людей къ спасительной вѣрѣ во Христа Спасителя“ (§ 12).—Но подъ именемъ Христа Спасителя разумѣется второе Лице Пресвятой Троицы,—тогда какъ вѣровать мы должны и въ Бога Отца и въ Бога Духа Святаго (Іоан. XVII, 3; Матѳ. XXVIII, 19). Ясно, что данное выраженіе недостаточно полно.

Второе отдѣленіе разбираемой системы указываетъ

качества, необходимыя кандидату священства и потомъ пастырю. По словамъ автора, кандидатъ священства долженъ обладать ближе всего тѣлесными совершенствами и не имѣть противоположныхъ имъ недостатковъ; онъ долженъ владѣть достаточнымъ здоровьемъ и, въ худшемъ случаѣ, не быть безобразнымъ по наружности. Онъ также долженъ имѣть достаточныя познавательныя способности, въ особенности же—здравый и основательный разсудокъ, и хотя въ нѣкоторой степени—проницательный и прозорливый умъ. Противоположные сему недостатки: слабыя умственныя силы, отсутствіе здраваго смысла и разсудительности, несообразительный и тупой умъ—ведутъ за собой не только безуспѣшность пастырскаго служенія, но причиняютъ великій вредъ пасомымъ.—Послѣ умственныхъ качествъ архим. Антоній указываетъ качества сердца, которыми долженъ отличаться кандидатъ священства. Сюда относятся: а) сильное религіозное чувство, живѣйшая любовь ко Христу Спасителю и б) чувство любви къ человѣчеству, которое обнаруживается доброжелательностію, сострадательностію и готовностію къ самопожертвованію. Поэтому въ немъ нетерпимы: религіозная холодность, мертвость и безчувственность сердца, недоброжелательность, жестокость и своекорыстіе.—По качествамъ воли кандидатъ священства долженъ быть тихимъ и кроткимъ, твердымъ и стойкимъ, дѣятельнымъ и трудолюбивымъ, терпѣливымъ и мужественнымъ, и избѣгать въ тоже время соотвѣтствующихъ этому недостатковъ: грубости, надменности, суровости, строптивости, безхарактерности, безпечности, лѣни, малодушія и т. п.

Такимъ образомъ, кандидатъ священства долженъ обладать тѣми же добродѣтелями и совершенствами, какія желательны въ каждомъ человѣкѣ и требуются отъ насъ христіанской религіей, къ какой бы общественной службѣ мы ни предназначали себя. И недостатки кандидата священства, какъ такого, нетерпимы и въ каждомъ другомъ аналогичномъ случаѣ. Слѣдовательно, по словамъ автора, ничего особеннаго кандидату священства не нужно, ибо въ книжкѣ означены общіе людскіе недостатки и общія

добродѣтели. Трудъ автора состоялъ лишь въ перечисленіи этихъ добродѣтелей и противоположныхъ имъ недостатковъ, что онъ и сдѣлалъ весьма послѣдовательно и систематично. Методъ изложенія въ данномъ случаѣ очень простъ и состоитъ въ томъ, что сначала указываются желательныя совершенства, а потомъ перечисляются нетерпимые недостатки,—пріемъ, съ которымъ мы еще встрѣтимся и который для архим. Антонія есть обычный при всякомъ удобномъ случаѣ. Но, лишивъ этотъ отдѣлъ его специфическаго характера, авторъ тѣмъ самымъ сдѣлалъ его лишнимъ въ своей книгѣ. Всему—свое мѣсто. Систематическому изложенію добродѣтелей и пороковъ христіанина принадлежитъ неотъемлемое мѣсто въ сферѣ Нравственнаго Богословія. А въ данномъ случаѣ отдѣлъ этотъ безъ особенной нужды взятъ оттуда и перенесенъ на почву Пастырскаго Богословія, между тѣмъ какъ онъ самъ—собою легко подразумѣвается здѣсь. Характеристика кандидата священства годится для измѣренія кандидатовъ всѣхъ родовъ общественнаго служенія и, какъ такая, вполнѣ относится къ области Нравственнаго Богословія.

Сказавши о качествахъ и дарованіяхъ, необходимыхъ кандидату священства, авторъ указываетъ нужду въ особенномъ развитіи этихъ дарованій и качествъ, т. е. необходимость спеціальнаго приготовленія, сообразно съ цѣлью пастырскаго служенія. Это приготовленіе, по его словамъ, должно быть умственное и нравственное. Къ первому относится изученіе Св. Писанія, Систематическаго Богословія (Догматическаго и Нравственнаго), Церковной Исторіи, Патрологіи, Пастырскаго Богословія, Гомилетики, Литургики, Каноники и др. богословск. наукъ, а также—Логики, Психологіи, Физики, Исторіи, языковъ (особенно древнихъ); знаніе прочихъ наукъ если не необходимо, то не излишне. По своему характеру изученіе указанныхъ предметовъ должно быть православнымъ и духовнымъ [1]).—Нравственное

[1]) Кажется, что терминъ „духовный“ здѣсь равняется выраженію „совершающійся въ духовно-учебномъ заведеніи.“

приготовленіе должно быть направлено къ тому, чтобы сердце кандидата священства было утверждено на спасительныхъ истинахъ христіанства, чтобы вѣра православная составляла жизнь его, чтобы оно было воспитано въ страхѣ Божіемъ и благочестіи; не излишне и то, когда будущій пастырь умѣетъ хорошо обращаться съ людьми и прилично вести себя въ обществѣ. Поэтому истинному приготовленію къ пастырству противны: съ умственной стороны—совершенное невѣдѣніе христіанскаго ученія, или очень слабое, или неправославное изученіе необходимыхъ предметовъ; со стороны нравственной - скудость и нетвердость вѣры и благочестія, духъ свѣтскій, вѣтреный, склонность къ забавамъ и удовольствіямъ и т. п.

Имѣя необходимыя качества и достаточно приготовившись къ принятію священнаго сана, кандидатъ священства долженъ еще *желать* этого сана, т. е. принять его на себя по обдуманному, глубокому расположенію къ нему. Но желаніе это должно выходить не изъ другаго какого-либо источника, а только изъ сознанія святости и важности служенія, и цѣлію его должна быть не земная выгода, а служеніе Іисусу Христу и Его Церкви, что и должно выразить въ законномъ обѣтѣ и присягѣ предъ духовникомъ до поставленія. Отсюда правильному желанію священства противоположны: а) совершенное отсутствіе расположенія къ священству и б) неправильное желаніе сана, когда приступаютъ къ нему безъ сознанія важности и святости его, а какъ къ простому ремеслу и средству пропитанія. „Но ни способности и приготовленіе къ священному сану, ни желаніе онаго, — продолжаетъ авторъ,—не даютъ еще сами по себѣ права на священство. Пастырь Церкви *непремѣнно* долженъ быть *свыше призванъ* и законно избранъ и посвященъ Церковью на сіе служеніе,— и это составляетъ необходимѣйшее условіе къ полученію священнаго сана“ (стр. 61—62, § 44).—Вопросъ о призваніи къ священному сану весьма важенъ, но въ тоже время и весьма труденъ для разрѣшенія. Поэтому въ высшей степени было бы желательно имѣть удовлетворительный отвѣтъ на него,—тѣмъ болѣе, что архимандритъ

Антоній съ такою настойчивостью выдвигаетъ самый вопросъ. Однако отвѣта онъ не даетъ. Вмѣсто отвѣта у него дѣлается указаніе на то, что *непосредственно* Богомъ были призываемы къ пастырству пророки, апостолы и нѣкоторые св. отцы Церкви; а нынѣ это призваніе совершается *посредственно*—чрезъ Церковь. Признаки такого призванія въ настоящее время онъ указываетъ слѣдующіе: 1) происхожденіе изъ духовнаго званія, и притомъ законное, ибо незаконнорожденнымъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ воспрещалось восхищать священство (Второз. XXIII, 2); 2) образованіе во всѣхъ наукахъ, преподаваемыхъ въ духовныхъ училищахъ, и надлежащее одобреніе въ способностяхъ, успѣхахъ и поведеніи; 3) внутреннее расположеніе и любовь къ священству, полученныя отъ природы и развитыя воспитаніемъ и обстоятельствами жизни; 4) воля мѣстнаго епископа, который окончательно испытываетъ кандидата священства и одобряетъ его, запечатлѣвая это избраніе торжественнымъ рукоположеніемъ (стр. 66 — 67, § 47). — Сопоставивъ эти два параграфа, мы не только не находимъ въ нихъ отвѣта на вопросъ о призваніи къ священному сану *въ объективномъ смыслѣ*, но даже и въ томъ, какъ желаетъ его разрѣшить самъ авторъ. Имѣя въ виду данное мѣсто, одинъ изъ позднѣйшихъ нашихъ пасторалистовъ (проф. Пѣвницкій) говоритъ, что „признаки призванія здѣсь опредѣлены далеко не мѣтко и въ рѣчи о нихъ смѣшано призваніе внѣшнее съ призваніемъ внутреннимъ“ [1]).—Но, кажется, почтенный профессоръ могъ-бы выразиться и съ большею рѣшительностію: онъ могъ-бы прямо сказать, что эти признаки опредѣляются у о. Антонія положительно невѣрно. По отношенію къ первому изъ нихъ достататочно было-бы указать 33-е правило собора Трулльскаго, которое запрещаетъ „взирати на родъ производимаго во священство“ и порицаетъ армянскую церковь за то, что она принимала въ клиръ „токмо тѣхъ, кои суть изъ священническаго рода“, называя

[1]) Проф. Пѣвницкій: „Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника.“ Кіевъ 1885 г., стр. 34.

этотъ обычай *іудейскимъ* [1]). Сюда-же можно отнести прав. 89 св. Василія Великаго, 76-е прав. свв. апостоловъ, которыя не дѣлаютъ никакого ограниченія для вступающихъ въ клиръ, лишь-бы ищущіе священства были сего достойны.— Въ отношеніи къ второму изъ указанныхъ признаковъ нельзя допустить, что аттестатъ духовно-училищнаго начальства объ успѣхахъ и поведеніи воспитанника можно считать достаточнымъ свидѣтельствомъ божественнаго призванія аттестуемаго къ пастырству. Точно такъ-же нельзя согласиться, что епископскій выборъ того или другаго кандидата всегда указываетъ въ немъ божественное призваніе, потому что часто ищущіе священства бываютъ неизвѣстны епископу съ этой именно стороны.—Остается третій пунктъ, — но и онъ до такой степени туманенъ, что судить по нему о божественномъ призваніи къ пастырскому служенію было-бы весьма нераціонально.— Помимо всего этого, намъ кажется, что здѣсь рѣшеніе вопроса о пастырскомъ призваніи вращается въ логическомъ кругѣ. „Пастырь Церкви долженъ быть непремѣнно свыше призванъ на сіе служеніе",—говоритъ архим. Антоній (стр. 61—62). Но какіе признаки призванія?—По его словамъ, это—образованіе во всѣхъ наукахъ, преподаваемыхъ въ духовныхъ училищахъ, и *одобреніе въ способностяхъ*... Затѣмъ—„внутреннее расположеніе и любовь къ священству", т. е. *желаніе его*... (стр. 66). Итакъ, здѣсь мы имѣемъ фактъ, что признаками призванія авторъ считаетъ научное приготовленіе, способность къ службѣ и желаніе священства. Но сто́итъ только открыть стр. 61-ю его книжки, чтобы увидѣть тамъ слѣдующее: *„ни способности и приготовленіе* къ священному сану, ни *желаніе* онаго не даютъ еще

---

[1]) „Понеже мы увѣдали,—говорятъ отцы этого собора,—что въ армянской странѣ пріемлются въ клиръ токмо тѣ, кои суть изъ священническаго рода, въ чемъ *іудейскимъ обычаямъ послѣдуютъ* тако творити предпріемлющіе..., то полагаемъ, да не будетъ отнынѣ позволено желающимъ возвести нѣкоторыхъ въ клиръ—впредь взирати на родъ производимаго; но испытывая, достойны ли они, по изображеннымъ въ священныхъ пра́вилахъ опредѣленіямъ, быти сопричисленными къ клиру, да производятъ ихъ въ служителей Церкви, хотя бы они происходили отъ посвященныхъ предковъ, хотя-бы нѣтъ... Аще же кто усмотренъ будетъ творящимъ вопреки предписанному: да будетъ отлученъ."—Книга Правилъ; VI Всел. Соб. правило 33.

сами по себѣ права на священство"..., т. е. увидѣть прямое отрицаніе предыдущаго.—Что же, спроситъ снова читатель,—что служитъ рѣшающимъ признакомъ призванія къ священству?—и снова архим. Антоній отвѣчаетъ: „пастырь Церкви долженъ быть непремѣнно свыше призванъ на сіе служеніе"... и т. д. (стр. 61—62).

Выходъ изъ этого круга находится въ четвертомъ пунктѣ изъ указанныхъ нами признаковъ призванія къ священному сану, которымъ оставляется въ сторонѣ внутренній моментъ призванія, заключающійся въ душѣ человѣка, а все дѣло сводится къ волѣ и избранію епископа, который окончательно испытываетъ кандидата священства и рукополагаетъ его [1]).

Такъ, дѣйствительно, и заканчиваетъ свою рѣчь объ избраніи архим. Антоній, ибо говоритъ, что, при наличности всѣхъ указанныхъ совершенствъ и при отсутствіи недостатковъ, кандидатъ священства приступаетъ къ этому сану, но не иначе, какъ по безпристрастному выбору и назначенію высшей духовной власти, т. е. епископа. Поэтому въ практикѣ церковной жизни нетерпимы: самозванство священнослужителей, симонія и происки.

Сказавши затѣмъ о выборѣ мѣста, о вступленіи въ бракъ и о рукоположеніи, авторъ переходитъ ко второй главѣ своего сочиненія, которая имѣетъ въ виду уже пастыря. Здѣсь говорится: а) о личныхъ качествахъ пастыря вообще и б) о качествахъ „относительныхъ," т. е. характеризующихъ его отношеніе къ другимъ людямъ. Выходя изъ того положенія, что пастырь долженъ быть образцомъ для пасомыхъ, авторъ требуетъ, чтобы онъ былъ не только „непороченъ," но „праведенъ и преподобенъ" предъ Богомъ. Подъ этимъ общимъ качествомъ разумѣется благочестіе пастыря, цѣломудріе, трезвенность, честность, смиреніе, кротость, безкорыстіе, благотворительность и молитва. Послѣ указанія каждой изъ этихъ добродѣтелей, авторъ, пользуясь своимъ обычнымъ пріемомъ изложенія, перечисляетъ и противоположные

[1]) „Пастырск. Богосл." стр. 67.—Ср. Проф. В. Пѣвницкаго: „Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника."—Кіевъ 1885 г., стр. 30—33.

имъ пороки, нетерпимые въ пастырѣ. Сюда относятся: отсутствіе религіознаго чувства, легкое отношеніе къ священнымъ предметамъ, общеніе съ нечестивыми людьми и фарисейское пустосвятство, затѣмъ—сквернословіе, пѣніе свѣтскихъ пѣсенъ и всѣ нечистые помыслы; также пьянство, роскошь и неумѣренность въ жизни; лукавство, обманъ и безсовѣстность, гордость и надменность, честолюбіе и тщеславіе; раздражительность, сварливость, гнѣвъ, корыстолюбіе, любостяжаніе и скупость, — однимъ словомъ, сюда снова перенесенъ цѣлый отдѣлъ Нравственнаго Богословія, съ тѣмъ только различіемъ, что въ Нравственномъ Богословіи указанныя добродѣтели требуются и указанные пороки отрицаются относительно каждаго безъ исключенія христіанина, а здѣсь то и другое говорится только въ отношеніи къ пастырю.

По своимъ „относительнымъ“ качествамъ пастырь обязанъ быть прежде всего образцовымъ семьяниномъ и домохозяиномъ: въ его домѣ должны обитать благочестіе, честность, миръ и любовь; хозяйство не должно отнимать его время, потребное для отправленія его служебныхъ обязанностей. Пастырю запрещаются всякія несообразныя съ его званіемъ занятія: торговля, корчемство и т. д., а вмѣсто этого онъ долженъ свободное время посвящать занятію науками, полезному чтенію и т. п. Въ отношеніи къ обществу гражданскому онъ есть „соль и свѣтъ,“ къ государю—благоговѣйный подданный и вѣрный служитель его начинаніямъ; къ властямъ подчиненнымъ — миролюбивый споспѣшникъ и ходатай за своихъ пасомыхъ. Отношенія пастыря къ своему епископу и Св. Сѵноду характеризуются его благопокорливымъ повиновеніемъ и послушаніемъ во всемъ, зависимостью въ сомнительныхъ дѣлахъ и молитвою за нихъ. Въ отношеніяхъ къ консисторіи и благочинному—онъ почтителенъ и послушенъ, къ сопастырямъ — любвеобиленъ, миролюбивъ и готовъ на всякую помощь въ нуждѣ; наконецъ, въ отношеніи къ членамъ своего причта онъ — заботливый руководитель въ ихъ служеніи, матеріальной жизни и проч., сообщая всему обращенію своему печать мира и согласія.

Этимъ оканчивается „Пастырское Богословіе“ архим. Антонія. Очевидно, здѣсь только общая (первая) часть системы и недостаетъ цѣлой половины ея, т. е. ученія о самомъ служеніи пастырскомъ [1]).

Какъ мы уже видѣли, авторъ даетъ смутное понятіе о своемъ предметѣ, но раскрытіе пасторологическаго матеріала сдѣлано вполнѣ обстоятельно, и тѣ отрицательныя черты, которыя были указаны нами при изложеніи содержанія книжки, не лишаютъ ее права на извѣстное уваженіе со стороны читателя. Значеніе сочиненія основывается главнымъ образомъ на внѣшней его сторонѣ, т. е. на построеніи. Это была первая попытка создать *научную систему* Пастырскаго Богословія въ русской литературѣ. Но какъ система — сочиненіе архим. Антонія далеко отъ своего идеала [2]). Прежде всего ощутительно ея самопротиворѣчіе въ опредѣленіи предмета, на которое уже было указано нами. Далѣе, система еще не опредѣлила своихъ границъ и вторгается въ чужую область, привнося въ свой составъ лишній матеріалъ. Кромѣ указанныхъ заимствованій изъ Нравственнаго Богословія, намъ представляются совершенно ненужными 8-й и 9-й §§ книжки, гдѣ сообщается, что епархіи раздѣляются на приходы, что приходы ввѣряются ближайшему попеченію пастырей низшей степени, что эти пастыри называются пресвитерами или священниками. Все это такія свѣдѣнія, которыя извѣстны гораздо ранѣе, чѣмъ начинаютъ изучать Пастырское Богословіе. Впрочемъ, когда мы будемъ смотрѣть прямо на внѣшнюю сторону даннаго сочиненія, то увидимъ, что оно представляетъ стройную систему,

[1]) Изъ одного письма его къ высокопреосв. Иннокентію видно, что онъ хотѣлъ окончить свой трудъ, но, очевидно, не могъ. „Хотѣлось бы и Пастырское Богословіе окончить,—говоритъ онъ,—но духъ бодръ, а плоть немощна.“ Цитов. соч. архим. Сергія, т. I, стр. 175.

[2]) Недаромъ и самъ авторъ опасался за участь своего произведенія. „Недавно получилъ я,—писалъ онъ 7 Іюля 1851 г. высокопреосв. Иннокентію,—разрѣшеніе печатать свои уроки по Богословію Пастырскому и началъ уже печатать. Но нѣсколько опасаюсь: ибо разрѣшеніе послѣдовало прямо отъ Св. Сѵнода—безъ цензуры. А кажется принято за правило, чтобы подобныя сочиненія Св. Сѵнодъ одобрялъ не иначе, какъ чрезъ посредство цензуры. Какъ бы не взяли назадъ свое разрѣшеніе“!.. Цитов. сочин. архим. Сергія, т. I, стр. 175.

отчетливо до мелочей подчеркивающую каждую свою мысль. Это была очень удовлетворительная теорія, годная для изученія предмета въ школѣ. Такого руководства для школы дѣйствительно и ожидали отъ автора его современники, ибо подходящаго учебника не было, а между тѣмъ измѣненный уставъ духовноучебныхъ заведеній 1839—1840 г., какъ мы упоминали уже, требовалъ обратить особенное вниманіе на преподаваніе Пастырскаго Богословія. Поэтому, когда сочиненіе было начато, то одинъ архипастырь (Анатолій, архіеп. могилевскій), узнавши объ этомъ, выражалъ свою радость въ слѣдующемъ письмѣ къ о. Антонію: „Ликую духомъ, радуясь, что Ваше Высокопреподобіе, презирая толки и предразсудки, коими наши талантливые ученые удерживаются отъ составленія и изданія своихъ трудовъ, собираетесь писать Пастырское и Нравственное Богословіе. Благодать Св. Духа да укрѣпитъ Васъ и поможетъ Вамъ совершить такое благое намѣреніе. Во всякомъ случаѣ не отставайте отъ своего предположенія, и за молитвами и воздыханіями семинаристовъ, постоянно пишущихъ и пишущихъ невѣдомо какіе листки, Богъ да поможетъ Вамъ совершить съ успѣхомъ Ваше предпріятіе" [1]). Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ ближайшимъ образомъ объясняется и то, что „Пастырское Богословіе" архим. Антонія было встрѣчено современниками сочувственно и вызвало съ ихъ стороны восторженныя привѣтствія автору, какъ и за Догматику. Такъ, напр., высокопреосв. Евгеній, архіепископъ ярославскій, получивъ отъ о. Антонія въ даръ экземпляръ новой книжки, отвѣтствовалъ ему: „приношу сердечную благодарность Вашему Высокопреподобію за новый даръ Вашъ для меня, сугубо пріятный и по предмету сочиненія и по родству сочинителя съ архипастыремъ, мною безпредѣльно уважаемымъ (разум. митроп. кіевскій Филаретъ, которому о. Антоній приходился родственникомъ). Да благословитъ Господь доброе начатое и совершитъ съ благимъ успѣхомъ. Это будетъ руководствомъ

[1]) Цитов. соч. архим. Сергія: „Высокопреосв. Антоній"... т. I, стр. 185.

не только для кандидатовъ на пастырство, но и для самихъ пастырей. Буду съ вожделѣніемъ ожидать окончанія, чтобы распорядиться выписать экземпляры для здѣшней епархіи" [1]).—Но ожиданія преосвящ. Евгенія не сбылись, ибо, во 1-хъ, сочиненіе не было окончено [2]), а во 2-хъ, авторъ остался на почвѣ общихъ теоретическихъ разсужденій и настолько сильно увлекся задачей научной систематизаціи своего матеріала, что не оставилъ въ немъ мѣста для жизненно-практическаго содержанія, а потому трудъ его не могъ имѣть того практическаго руководственнаго значенія для сельскаго пастыря, которое отъ него ожидалось,—особенно въ виду устава 1839—1840 г. Въ этомъ отношеніи онъ впадаетъ даже въ крайности. Такъ, напр.,—контингентъ кандидатовъ священства онъ ограничиваетъ происхожденіемъ изъ духовнаго званія, и притомъ законнымъ (въ противоположность незаконнорожденности); затѣмъ, совѣтуетъ кандидату священства брать себѣ жену точно такъ-же непремѣнно изъ духовнаго званія; далѣе, требуетъ, чтобы онъ получилъ образованіе непремѣнно въ духовныхъ училищахъ и т. д. [3]). Мы думаемъ, что такъ исключительно ставить общественное служеніе и дѣлать изъ сословія касту нѣтъ основанія и даже нежелательно; напротивъ, пусть всякій способный и здоровый человѣкъ несетъ свои силы на это святое дѣло, чтобы между кандидатами былъ лучшій выборъ „дѣлателей."

По своему языку книжка архим. Антонія для настоящаго времени устарѣла гораздо болѣе, чѣмъ можно было-бы ожидать, судя по времени ея появленія. И въ то время, какъ „Догматическое Богословіе", доставившее автору степень доктора Богословія, еще при жизни его издавалось семь разъ, эта система осталась и неоконченной и даже вторымъ изданіемъ не выходила.

---

[1]) Цитов. соч. архим. Сергія, т. I, стр. 247.

[2]) Впрочемъ, біографъ преосв. Антонія говоритъ, что въ рукописи оно было готово вполнѣ, но лишь не было напечатано по разнымъ причинамъ.—См. архим. Сергія т. I, стр, 246.

[1]) См. „Паст. Богосл." стр. 66, 71 и др.

„Пастырское Богословіе“ Архимандрита Кирилла [1].

Вышеназванный печатный трудъ архим. Кирилла былъ плодомъ его десятилѣтней профессорской дѣятельности по каѳедрѣ Нравственнаго и Пастырскаго Богословія въ с.-петербургской духовной академіи и предназначался уже не для семинарій, какъ книжка архим. Антонія, а для академій [2]. Въ его лицѣ наша наука Пастырскаго Богословія сдѣлала большой шагъ впередъ въ своемъ поступательномъ развитіи. Историкъ с.-петербургской академіи, опуская совершенно имя архим. Антонія, считаетъ это сочиненіе „первымъ опытомъ изложенія пастырскихъ обязанностей *въ научномъ видѣ*“ [3]. Дѣйствительно, вмѣсто смутнаго понятія о предметѣ науки,

---

[1]) Архимандритъ Кириллъ Наумовъ, магистръ XVII курса с.-петербургской духовной академіи, состоялъ профессоромъ этой академіи по каѳедрѣ Нравственнаго и Пастырскаго Богословія съ 1847 по 1857 г., будучи послѣдніе два года и инспекторомъ ея; въ 1855 г. митропол. московскій Филаретъ рекомендовалъ его на должность настоятеля посольской церкви въ Константинополѣ, но о. Кириллъ отказался; послѣ этого ему предложено было занять мѣсто настоятеля миссіи въ Іерусалимѣ въ званіи епископа мелитопольскаго и онъ отправился туда 3 Ноября 1857 г., но, вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся для него обстоятельствъ, 22 Іюня 1863 г. онъ былъ отозванъ назадъ и съ тѣхъ поръ жилъ въ одномъ изъ Казанскихъ монастырей, гдѣ и скончался 10 Февр. 1866 г.—См. „Исторія с.-петергургской духовной академіи“ И. Чистовича, изд. 1857 г., стр. 453; его-же „с.-петербургская духовная академія за послѣднія 30 лѣтъ,“ стр. 4—5. „Письма митроп. московск. Филарета къ Высоч. особамъ и другимъ лицамъ,“ изд. архіеп. Саввою. Тверь, 1888 г. II, 47; его-же „Собраніе мнѣній и отзывовъ по дѣламъ Прав. Ц. на Востокѣ,“ СПБ. 1886 г., стр. 377—384, 406—408, 410—415, 417—419 и др.—„Высокопреосвящ. Антоній“ соч. архим. Сергія, т. I, стр. 172—175, 186 и др.

[2]) См. „Пятидесятилѣтній юбилей казанской дух. академіи.“ Казань 1893 г., стр. 118—119.

[3]) Чистовичъ: „Исторія спб. дух. академіи,“ стр. 290.

какое мы видѣли у о. Антонія, здѣсь дается вполнѣ точное и существенно—вѣрное опредѣленіе его. „Пастырское Богословіе,—говоритъ архим. Кириллъ,—есть систематическое изложеніе нравственныхъ обязанностей пастыря Церкви“. Но прежде чѣмъ приступить къ этому своему спеціальному предмету, оно должно предварительно утвердить и раскрыть мысль о пастырскомъ служеніи вообще, чтобы отсюда уже выводить все свое содержаніе. Раздѣляя нравственныя обязанности пастыря на а) лично къ нему относящіяся и б) касающіяся различныхъ видовъ его служенія, авторъ, сообразно указанному принципу, даетъ намъ три части въ своей системѣ: *первая* излагаетъ общее ученіе о священствѣ, какъ особенномъ служеніи въ Церкви и обществѣ; *вторая* изображаетъ свойства и обязанности, относящіяся лично къ пастырю, какъ человѣку, поставленному на особое служеніе; *третья* предлагаетъ пастырю наставленія, какъ ему проходить его служеніе [1]).

Содержаніе системы въ общемъ то же самое, которое мы излагали ранѣе, при обзорѣ предшествовавшей пасторологической литературы; поэтому въ данномъ случаѣ можно ограничиться самымъ краткимъ очеркомъ его съ указаніемъ лишь того, что является въ первый разъ, или освѣщено иначе сравнительно съ прежнимъ. Такъ, первая часть системы дѣлитъ все служеніе пастыря на три вида: строеніе таинъ Божіихъ, учительство и духовное руководствованіе пасомыхъ [2]); далѣе авторъ говоритъ о трудности служенія священническаго, о строгой отвѣтственности за небрежность служенія, о высокомъ достоинствѣ его, и выводитъ отсюда нѣкоторыя особыя требованія относительно лица пастыря [3]).—Вторая часть занимается перечисленіемъ качествъ и добродѣтелей, какія желательны въ пастырѣ Церкви и заповѣданы ему Св. Писаніемъ и Св. Преданіемъ [4]), а также и противоположныхъ имъ

---

[1]) „Пастырск. Богосл.“ стр. 5—6.
[2]) „Пастырск. Богосл.“ стр. 20—25.
[3]) Тамъ-же, стр. 26—40.
[4]) Тамъ-же, стр. 42—89.

пороковъ и недостатковъ [1]). Затѣмъ указываются общія качества пастыря, какъ учителя, священнослужителя и руководителя пасомыхъ (стр. 123—155). — Третья и самая большая часть сочиненія, имѣя въ виду три указанные вида служенія пастыря, предлагаетъ ему систематическое и подробное изложеніе правилъ, наставленій и совѣтовъ для болѣе успѣшнаго прохожденія ихъ. Здѣсь въ первый разъ рѣшается вопросъ о программѣ и методѣ пастырскихъ общественныхъ поученій (стр. 163—186); говорится о необходимости учительства частнаго, о методѣ его, о предметахъ этого учительства примѣнительно къ различнымъ лицамъ и обстоятельствамъ (стр. 186—221); даются правила для обращеніи съ заблуждающимися отъ истинной вѣры [2]), для сношенія съ преступниками, для утѣшенія скорбящихъ (стр. 221—250). Второй отдѣлъ этой части заключаетъ въ себѣ разсужденія о пастырѣ, какъ священнослужителѣ, и даетъ ему изложеніе почти всего богослужебнаго ритуала съ подробными объясненіями его (стр. 250—298). Третій отдѣлъ (стр. 298—241) говоритъ о служеніи пастыря, какъ руководителя пасомыхъ. Сюда, послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ замѣчаній, входитъ подробный трактатъ объ исповѣди прихожанъ, затѣмъ перечисляются различныя особенности ихъ духовной жизни и состоянія и указываются мѣры для благотворнаго воздѣйствія на нихъ духовника [3]).

При первомъ знакомствѣ съ сочиненіемъ архим. Кирилла непредубѣжденный читатель получаетъ чрезвычайно хорошее впечатлѣніе. Ему пріятно видѣть, какъ юная наука выходитъ изъ младенческаго состоянія и начинаетъ возвышать свой голосъ, занимая принадлежащее

---

[1]) „Пастырск. Богосл.,“ стр. 89—123.

[2]) Содержаніе этого отдѣла, по указанію самого автора, взято имъ изъ „Наставленія священнику относительно заблуждающихъ отъ истинной вѣры,“ изд. по опредѣленію Св. Сунода. См. „Паст. Богосл.,“ стр. 226.

[3]) Послѣдній вопросъ, будучи очень подробно раскрытъ въ разбираемой системѣ, получилъ еще болѣе тщательную и основательную обработку подъ перомъ преосв. Платона, еп. костромскаго, въ его сочиненіи „Напоминаніе священнику объ обязанностяхъ его при совершеніи таинства покаянія.“ Двѣ части; изд. первая въ Костромѣ 1859 г. (XVIII+344 стр.); вторая—въ Москвѣ 1861 г. (234 стр.).

ей поле дѣятельности въ сферѣ сродныхъ богословскихъ наукъ. Его радуетъ полнота и основательность содержанія, твердость во взглядахъ и слововыраженіи, отчетливость формальныхъ дѣленій и стройность всей вообще системы. Онъ съ удовольствіемъ найдетъ здѣсь являющееся въ первый разъ ученіе о методѣ, объ источникахъ и пособіяхъ Пастырскаго Богословія (стр. 6 — 12), а обиліе и разнообразіе ученыхъ цитатъ и примѣчаній не оставляютъ желать ничего болѣе для полноты и научной постановки дѣла для того времени.

Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ, система архим. Кирилла не вполнѣ безупречна и раздѣляетъ отчасти недостатки сочиненія архим. Антонія. Поэтому мы не удивляемся, что хотя авторъ и получилъ за свое сочиненіе ученую степень доктора Богословія (въ 1856 г.), но не всѣ современники приняли его одинаково благосклонно. Такъ, прежде всего неодобрительно встрѣтилъ эту книжку архим. Антоній, который считался тогда спеціалистомъ въ этой области[1]). Затѣмъ она подверглась сильной критикѣ въ Конференціи московской академіи, куда была передана для отзыва Св. Сѵнодомъ. Біографъ высокопреосв. Антонія Амфитеатрова архим. Сергій (Василевскій), упоминая между прочимъ объ этомъ фактѣ, свидѣтельствуетъ, что „когда сочиненіе это было на предварительномъ разсмотрѣніи митрополита московскаго Филарета, то послѣдній, прочитавъ его слегка, замѣтилъ въ немъ многое такое, что ему—маститому возрастомъ и умомъ іерарху—показалось ниже его достоинства самому лично и собственноручно дѣлать разборъ и давать отчетъ о сочиненіи". Поэтому оно было поручено одному изъ корпораціи московской духовной академіи. Разборъ и отзывъ сего рецензента были не въ пользу автора; а владыка митрополитъ, представивъ по принадлежности этотъ отзывъ въ подлинникѣ, прибавилъ, что вполнѣ раздѣляетъ изложенное въ рецензіи[2]).

---

[1]) „Высокопреосв. Антоній"... соч. архим. Сергія (Василевскаго), т. I, стр. 175.
[2]) Цитов. соч. архим. Сергія, т. I, стр. 174—175.

Архим. Сергій, приводя вышеизложенныя свѣдѣнія, не указываетъ приэтомъ ни того лица изъ корпораціи московской академіи, которому митрополитъ Филаретъ поручилъ составить рецензію о сочиненіи архим. Кирилла, ни самой этой рецензіи съ резолюціей митрополита, изъясняя, что онъ „не можетъ указать этого, потому что и въ самое описываемое время (1857 г.) считалъ себя нравственно-обязаннымъ хранить это въ благородномъ секретѣ[1])“.—Можетъ быть, о. Сергій дѣйствительно имѣлъ какія-либо побужденія говорить объ этомъ дѣлѣ прикровенно; но для насъ въ настоящее время подобныхъ побужденій, кажется, не существуетъ. Поэтому мы можемъ назвать какъ имя рецензента, такъ и изложить самый отзывъ его о сочиненіи архим. Кирилла,—тѣмъ болѣе, что нынѣ рецензентъ на нашихъ глазахъ отошелъ ко Господу, а отзывъ его, находящій въ дѣлахъ Конференціи московской духовной академіи, можетъ быть доступенъ для всѣхъ заинтересованныхъ лицъ[2]). Этимъ рецензентомъ былъ высокопреосвященный Сергій (Ляпидевскій), впослѣдствіи митрополитъ московскій и коломенскій, въ Бозѣ почившій 11 февраля текущаго 1898 года. Съ 1844 по 1856 г. усопшій владыка въ санѣ іеромонаха и архимандрита состоялъ профессоромъ московской академіи по каѳедрѣ Нравственнаго Богословія съ Пастырскимъ[3]); поэтому вполнѣ понятно, что митрополитъ Филаретъ поручилъ ему, какъ спеціалисту, дать свой отзывъ о книгѣ архим. Кирилла, предложенной авторомъ въ качествѣ учебника для духовныхъ семинарій. А самый отзывъ архим. Сергія былъ сдѣланъ въ слѣдующей формѣ.

— „Достоинство сей книги, — писалъ рецензентъ, — состоитъ въ томъ, что она составлена внѣ всякаго вліянія

---

[1]) Цитов. сочин. архим. Сергія, т. I, стр. 174.

[2]) Архивъ Канцеляріи моск. д. академіи: дѣло внутренняго правленія академіи за 1855 г., № 8.

[3]) Митрополитъ Сергій, магистръ XIV курса московск. акад. (1844), инспекторъ академіи съ 1848 г.; ректоръ съ 1857 г.; еп. курскій съ 1861 г.—„Исторія моск. дух. акад.“ С. К. Смирнова, стр. 380, 384, 387, 440—441. Некрологъ въ „Богосл. Вѣстн.“ Февраль 1898 г., рядъ статей въ „Душепол. Чт.“ 1898 г.: Апрѣль, Май, Іюнь, Іюль.

иностранныхъ учебниковъ. Сочинитель пользовался ученіемъ св. отцевъ и книгами, изданными отъ Св. Сѵнода въ руководство для священниковъ. А главнымъ пособіемъ для сочинителя служила „Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ,“ преподающая имъ много добрыхъ наставленій.

— Языкъ, какимъ написана книга, выразителенъ, хотя не кратокъ.

— Нѣкоторыя въ ней мѣста представляются требующими исправленія, или сокращенія. — Понятіе о Пастырскомъ Богословіи (§ 1) дано такое: „Пастырское Богословіе есть систематическое изложеніе нравственныхъ обязанностей пастыря Церкви.“ Но есть дѣйствія, совершаемыя священникомъ, которыя выше нравственныхъ: ибо чрезъ тайнодѣйствія освящаются самыя добродѣтели человѣка и дѣлаются богопріятными. Притомъ и сіи дѣйствія, какъ напр. таинство Евхаристіи, священникъ имѣетъ право совершать не какъ нравственно добрый человѣкъ, а какъ чрезъ хиротонію освященный служитель Бога Вышняго.

Въ раздѣленіи второй части нѣкоторыя статьи не соотвѣтствуютъ ея общему заглавію. Общее заглавіе второй части такое: „обязанности священника въ отношеніи къ самому себѣ.“ Подъ симъ заглавіемъ стоятъ и такіе параграфы, въ которыхъ излагаются обязанности пастыря въ отношеніи къ Богу и ближнимъ, или пасомымъ (до § 34).

Второй отдѣлъ второй части заключаетъ въ себѣ отчасти повтореніе сказаннаго, а больше изложеніе того, что̀ пространнѣе изъясняется въ другихъ частяхъ, или приличнѣе должно быть отнесено къ нимъ.—

Въ § 66 говорится: „ревностенъ пастырь-учитель будетъ тогда, когда, съ приличнымъ благоразуміемъ пользуясь мѣстомъ и временемъ, будетъ проповѣдывать въ храмѣ и внѣ храма; будетъ промышлять о всѣхъ; будетъ

— Въ первой половинѣ § 93 (стр. 183—184) заповѣдуется священнику проповѣдывать благовременно и безвременно и сказать наставляемымъ всю волю Божію, поучая ихъ при службахъ церковныхъ.—Въ § 94

расположенъ сказать пасомымъ всю волю Божію“ (стр. 128—129).

— Въ § 67 говорится о томъ, что а) слово пастыря должно быть согласно со словомъ Божіимъ и только гордый недугуетъ о стязаніихъ и словопрѣніихъ (стр. 132);

б) самъ пастырь долженъ прежде исполнить чему учитъ.

— Въ § 68 первое отдѣленіе означено такимъ заглавіемъ: „приспособительность къ потребностямъ и состоянію пасомыхъ“ (стр. 135).

— Второе отдѣленіе § 68 говоритъ „о терпѣливости въ трудѣ и снисходительности къ немощамъ поучаемыхъ.“

— Третье отдѣленіе параграфа 68 носитъ такое заглавіе: „кротость и ласковость въ тонѣ рѣчи“ (стр.138).

говорится: „священникъ и внѣ церковныхъ службъ и храма долженъ быть учителемъ каждаго изъ своихъ пасомыхъ“ (стр. 186).

— Въ § 93 (на стр. 185) пишется: „никто не потребуетъ отъ пастыря Церкви, чтобы въ своихъ поученіяхъ входилъ въ споры и словопрѣнія.“ И выше указана въ образецъ проповѣдь Апостольская, состоявшая не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ.

— Сіе можетъ быть отнесено къ началу второй части, гдѣ сказано, что „вся жизнь священника должна быть непрерывнымъ подвигомъ ревностнѣйшаго и усильнѣйшаго преуспѣянія въ благочестіи.“

— Въ § 99 читается: „необходимость приспособленія наставленія къ каждому изъ пасомыхъ“ (стр. 197).

— Мысли, здѣсь заключающіяся, встрѣчаются на страницахъ 182, 185, 187 и 189.

— Поелику выше требовалась отъ пастыря кротость ко всѣмъ (§ 30), то тамъ же можно было бы сказать, что ему прилично быть кроткимъ

— Въ § 69 совѣтуется пастырю, какъ священнослужителю, быть а) прилежнымъ въ молитвѣ (стр. 140—141)

и б) чистымъ отъ вещей, запинающихъ достойному литургисанію (стр. 142—143).

— Въ § 71 кратко изъясняется, что священникъ „въ отношеніи къ священнодѣйствіямъ долженъ быть разуменъ и внимателенъ“ (стр. 146—147).

— Въ § 73 внушается пастырю „знать своихъ (?), т. е. ихъ свойства и нужды“ (стр. 149).

— § 74 указываетъ, какъ священникъ долженъ дѣйствовать при исповѣди, и внушаетъ священнику, „чтобы онъ внималъ исповѣди кающагося, какъ подобаетъ свидѣтелю исповѣданія“ (стр. 151).

— Въ § 75 отъ священ-

во всякомъ собесѣдованіи съ пасомыми.

— Въ § 140 (п. 4) говорится такъ-же о постоянномъ молитвенномъ приготовленіи священника къ совершенію богослужебныхъ дѣйствій (стр. 261).

— Сіе пространнѣе излагается въ § 132 (стр. 264 и слѣд.), гдѣ такъ-же говорится, что священникъ долженъ блюсти себя отъ вещей, запинающихъ литургисанію, и приготовляться къ сему дѣйствію при помощи тѣхъ же средствъ, какія предлагаются на стр. 143.

— Тоже подробнѣе изъясняется въ § 130 (стр. 259 и слѣд.).

— Въ § 141 читается: „священникъ долженъ стараться вполнѣ узнать нравственное состояніе каждаго изъ своихъ пасомыхъ“ (стр. 300).

— Тоже въ § 135 представляютъ „наставленія касательно таинства покаянія,“ гдѣ такъ-же требуется, чтобы священникъ внимательно выслушивалъ исповѣдь каждаго кающагося“ (стр. 291).

— Тоже требуется въ

ника, какъ отъ врача душъ, требуется точное изслѣдованіе недуговъ духовныхъ, отчетливое знаніе душевныхъ болѣзней (стр. 152).

„Правилахъ, касающихся испытанія совѣсти вѣрующихъ“ (§§ 141, 142, 144).—

— Мысли, заключающіяся въ § 76, встрѣчаются частію въ § 13 (подъ буквою в), частію въ § 153 и др.

Дабы указанныя неточности и повторенія не препятствовали книгѣ сдѣлаться учебною, представляется возможнымъ—

а) Понятіе Пастырскаго Богословія измѣнить и принять то, какое дано во „Введеніи въ Православное Богословіе,“—книгѣ уже разсмотрѣнной и утвержденной Св. Сѵнодомъ. Въ сей книгѣ Пастырское Богословіе называется „наукою, руководящею пастыря какъ ему проходить вообще всѣ свои обязанности въ спасеніи словеснаго стада Христова“ (Введеніе въ Православное Богословіе Макарія, Еп. Винницкаго. 2 исправл. изд. § 162, стр. 355).

б) Заглавіе второй части Пастырскаго Богословія выразить такъ: „О добрыхъ качествахъ, особенно свойственныхъ пастырю, и о порокахъ, нетерпимыхъ въ пастырѣ“ (Введеніе въ Православное Богословіе § 186, стр. 387).

в) Второй отдѣлъ второй части оставить, а мысли въ немъ заключающіяся соединить съ тѣми изслѣдованіями, которыя по содержанію сходствуютъ съ ними въ другихъ мѣстахъ книги и преимущественно въ третьей ея части.“

Академіи Инспекторъ Архимандритъ Сергій. 23 Января 1855 года.

Разсмотрѣвъ вышеизложенный отзывъ спеціалиста — профессора о представленной книгѣ архим. Кирилла и признавая его основательнымъ, Конференція московской духовной академіи нашла возможнымъ доложить высшему духовно - учебному начальству, что „Пастырское Богословіе“, составленное архимандритомъ Кирилломъ, *можетъ быть* введено въ употребленіе въ духовныхъ семинаріяхъ въ видѣ учебника, если сочинителемъ бу-

дутъ сдѣланы исправленія и сокращенія, указанныя въ отзывѣ архимандрита Сергія[1]).

Покойный митрополитъ Филаретъ, которому этотъ отзывъ отъ имени академической Конференціи былъ представленъ въ подлинникѣ, изложилъ на немъ слѣдующее свое мнѣніе:

„26 Мая. По состоянію здоровья и занятіямъ не могу принять на себя дознаніе чтеніемъ всего сочиненія. Соглашаюсь съ конференціею, въ довѣріи къ ея внимательности. Но поелику книга классическая требуетъ особенной заботы: то не удержусь отъ нѣкоторыхъ мыслей къ соображенію сочинителя. Основательно старое, нынѣ вообще недовольно соблюдаемое, правило: учебная книга должна излагать ученіе точно. Сего требуетъ основательность науки и потребность пріучать къ точности умъ ученика, по молодости и несовершенству склонный къ неопредѣленности, вредной для истины и ясности.

— Стр. 6. *„Мы изложимъ ихъ въ двухъ отдѣльныхъ частяхъ“* и проч. — Во-первыхъ, это представляетъ видъ произвольнаго распоряженія понятіями, тогда какъ основательная наука требуетъ сказать, какъ *должно* раздѣлить ученіе и *почему*. — Во-вторыхъ, извѣстно, что ученикъ уноситъ изъ учебной книги съ мыслями, по большей части, и выраженія. Но естьли[2]) вышеприведенными словами ученикъ выразится на испытаніи: это будетъ неумѣстно. Итакъ, нужно употреблять выраженіе, предлагаемое не произволеніемъ сочинителя, а точностію науки и удобное для употребленія учениковъ.

— Стр. 20. 23. *„Главнѣйшая и существеннѣйшая сторона назначенія священническаго“... „Двѣ другія стороны назначенія священническаго“.* Есть-ли точность, вразумительность, сообразность въ словахъ выраженія: *сторона назначенія? Главнѣйшая сторона*—это понятно. Но такъ ли понятно выраженіе: *существеннѣйшая сторона? Существенное* есть нѣчто внутреннее, глубокое; *сторона* есть нѣчто внѣшнее,

---

[1]) Дѣло Конференціи московск. дух. академіи за 1855 г. № 8/6: Генваря 29 дня.

[2]) Подлинный способъ выраженія митроп. Филарета.

поверхностное. Какъ вмѣсто выраженія: *назначеніе крестьянина* сказать: *назначеніе крестьянское* было бы менѣе правильно и менѣе понятно: такъ и вмѣсто выраженія: *назначеніе священника* сказать: *назначеніе священническое.*— Послѣ заглавія *двѣ стороны*, о семъ самомъ предметѣ говорится: *сосредоточивается.*—Опять сбивчивость. Сторона не бываетъ въ средоточіи. Говоря сбивчиво въ учебной книгѣ, вы учите ученика говорить сбивчиво.

— Стр. 34. Заглавіе § 15 обѣщаетъ говорить „о *высокомъ* достоинствѣ“ служенія священника: а текстъ говоритъ о „*вождельнномъ*“. Опять неточность. И не лучше-ли было бы говорить о *важности* служенія, чтобы внушить благоговѣніе, безъ употребленія слова *высокій,* чтобы не подать мысли гордой?

— На стр. 37: доброму священнику, одному, усвояются многія пророчественныя обѣтованія, данныя въ Апокалипсисѣ различнымъ Ангеламъ Церквей по различнымъ ихъ подвигамъ. Не принужденно-ли сіе приспособленіе?

— На стр. 289: Предписывается священнику „давать имена не студныя, не отъ басней и иныя смѣху достойныя, или языческихъ идоловъ“. Не слыхано въ Великой Россіи, что-бы кто давалъ при крещеніи такія имена. Есть-ли гдѣ когда сіе было: тамъ тогда и нужно было наставленіе. Теперь говорить о семъ значитъ только полагать нареканіе на духовенство, будто сіи нелѣпости подлинно дѣлаются“ [1]).

Таково было мнѣніе московской академіи и первосвятителя московской Церкви о разсматриваемой нами первой научной пасторологической системѣ въ Россіи. На сколько можно заключить изъ разсмотрѣнія приведенныхъ отзывовъ, самое сильное возраженіе противъ нея, по видимому, сдѣлано со стороны архим. Сергія, который находилъ неправильнымъ самое *понятіе* о Пастырскомъ Богословіи, которое дано въ системѣ. Вмѣсто того, чтобы понимать эту науку какъ „систематическое изложеніе нравственныхъ обязанностей пастыря Церкви“, какъ опредѣ-

[1]) Дѣло Конференціи моск. акад 1855 г. № 8.

ляетъ её архим. Кириллъ[1]), — рецензентъ предлагаетъ принять то опредѣленіе ея, какое дано у преосв. Макарія въ его „Введеніи въ Православное Богословіе“, гдѣ Пастырское Богословіе называется „наукою, руководящею пастыря какъ ему проходить вообще всѣ свои обязанности во спасеніе словеснаго стада Христова“[2]). Но на самомъ дѣлѣ это возраженіе весьма легко устраняется и ни въ какомъ случаѣ не измѣняетъ дѣла. Сущность его сводится къ тому, чтобы въ объемѣ Пастырскаго Богословія мыслить не только нравственныя обязанности пастыря, но и то, какъ ему исполнять ихъ. Правда, въ послѣднемъ случаѣ объемъ науки замѣтно расширяется; но мы думаемъ, что этотъ-же самый объемъ заключался и въ первомъ случаѣ, ибо наука, излагающая какія-либо обязанности, рядомъ съ этимъ не только имѣетъ право, но даже долгъ — излагать и то, какъ эти обязанности должны быть исполняемы. Съ другой стороны, нельзя назвать безусловно убѣдительнымъ и тотъ аргументъ, которымъ архим. Сергій опровергаетъ въ данномъ случаѣ мысль подлинника. Онъ говоритъ, что нравственныя обязанности пастыря Церкви не составляютъ всего объема Пастырскаго Богословія и что кромѣ ихъ „есть дѣйствія, совершаемыя священникомъ, которыя выше нравственныхъ“. Кажется, что здѣсь слѣдуетъ видѣть смѣшеніе понятій: авторъ говоритъ *объ обязанностяхъ*, а рецензентъ *о дѣйствіяхъ*,—и притомъ такихъ, которыя выше нравственныхъ... чего?—дѣйствій, или обязанностей? Изъ его дальнѣйшихъ словъ можно заключить, что онъ имѣетъ въ виду именно *дѣйствія*, или точнѣе—*священнодѣйствія*;— но священнодѣйствія составляютъ предметъ особой науки и авторъ имѣлъ полное основаніе не включать этотъ признакъ въ свое понятіе о предметѣ Пастырскаго Богословія, хотя онъ въ своей системѣ и посвящаетъ этимъ отдѣламъ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ это слѣдовало-бы. Другое дѣло было-бы, если бы архим. Сергій обратилъ

---

[1]) „Паст. Бог.“ стр. 5, § 1.
[2]) Введеніе въ Прав. Богосл., изд. 2, стр. 355.

свое вниманіе на дѣйствительные пробѣлы въ системѣ о. Кирилла и указалъ, что авторъ ничего не говоритъ о средствахъ приготовленія къ священному сану, объ условіяхъ полученія его, о принципахъ жизненно-практическихъ отношеній пастыря къ окружающей средѣ, гражданской власти, своему духовному начальству, объ учительствѣ въ школѣ и тому подобныхъ предметахъ, о которыхъ долженъ былъ говорить. Но рецензентъ не указалъ этихъ пробѣловъ. Вмѣсто того онъ обратилъ вниманіе на сбивчивость нѣкоторыхъ слововыраженій автора, неточность заголовковъ, повторенія однѣхъ и тѣхъ-же мыслей въ разныхъ отдѣлахъ книги и т. д., т. е. указалъ такіе недочеты, которые должны быть названы несущественными, хотя и неумѣстными въ „классической книгѣ", какъ выразился о ней митрополитъ Филаретъ.

Такимъ образомъ, Конференція московской академіи, согласившись съ отзывомъ архим. Сергія и замѣчаніями митрополита Филарета о книгѣ архим. Кирилла, тѣмъ самымъ *одобрила эту систему въ общемъ ея составѣ*, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частностей, которыя не имѣютъ существеннаго значенія. Причиной такого благосклоннаго отношенія московской академіи къ петербургской по данному вопросу является, конечно, прежде всего самая книга о. Кирилла, въ которой недостатки съ избыткомъ покрываются ея достоинствами. Но намъ кажется, что этотъ фактъ можетъ имѣть и другое освѣщеніе. Именно, мы думаемъ, что одобрительный отзывъ профессора московской академіи о книгѣ профессора академіи петербургской свидѣтельствуетъ о равной обстановкѣ самыхъ наукъ и о единомысліи профессоровъ той и другой академіи по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ, который для насъ имѣетъ первостепенный интересъ. Доказательствомъ нашей мысли служитъ прежде всего характеръ *внѣшней постановки* Пастырскаго Богословія, которое здѣсь и тамъ было почти всегда соединено съ Нравственнымъ и преподавалось инспекторомъ академіи [1]). Дока-

[1]) „Ист. м. д. акад." Смирнова, стр. 29. Ср. „с.-петербургская дух. академія за послѣднія 30 лѣтъ" Чистовича, стр. 42—43.

зательствомъ *внутренняго сходства и единенія* является общность содержанія въ системахъ профессоровъ какъ той, такъ и другой академіи, которая можетъ быть выяснена чрезъ разсмотрѣніе самыхъ этихъ системъ. Къ сожалѣнію, эту послѣднюю сторону дѣла мы можемъ выяснить лишь *отчасти*, потому что за все время существованія московской академіи при дѣйствіи устава 1808 г. до измѣненія его въ 1869 г. мы не имѣемъ ни одного печатнаго памятника пасторологическихъ трудовъ ея профессоровъ. Это, впрочемъ, не можетъ заставить насъ отказаться хотя отъ попытки выяснить себѣ положеніе дѣла, ибо какъ ни скудны свѣдѣнія о положеніи въ ней каѳедры Пастырскаго Богословія съ 1814 г. (годъ основанія академіи), тѣмъ не менѣе исторія сохранила намъ нѣсколько указаній по этому вопросу. Именно, мы уже знаемъ, что классъ Пастырскаго Богословія здѣсь, какъ и въ петербургской академіи, большею частію присоединялся къ Богословію Нравственному и былъ поручаемъ инспектору академіи. Далѣе извѣстно, что въ руководство для изученія этой науки была назначена „Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“ [1]). Кромѣ того до нашего времени сохранились два экземпляра лекцій по Нравственному Богословію, читанныхъ въ московской академіи первымъ по времени профессоромъ этой науки Григоріемъ Александровичемъ Левицкимъ, который началъ свой курсъ 6-го сентября 1817 года [2]). Предметъ Пастырскаго Богословія Левицкій разбиралъ въ третьей части своего курса, которая называлась „христіанскимъ благоразуміемъ“ и была составлена—подобно соотвѣтствующему отдѣлу въ системѣ Ѳеофилакта Горскаго—по руководству системы Буддея: Institutiones theologiae moralis. Непосредственно вслѣдъ за нимъ этотъ предметъ читалъ баккалавръ іером. Моисей Сахаровъ,

---

[1]) „Исторія старой казанской академіи“ А. Благовѣщенскаго, стр. 12.—Ср. Указъ Е. И. Величества Павла I отъ 11 Янв. 1798 г. въ „Полномъ Собр. Законовъ,“ т. XXV, стр. 426—430 (№ 18, 726) по изд. 1830 г.—Ср. „Ист. с.-петербургской дух. акад.“ Чистовича, стр. 289.

[2]) Историкъ московск. академіи С. К. Смирновъ имѣлъ подъ руками оба эти экземпляра лекцій Г. А. Левицкаго: одинъ изъ библіотеки прот. Шиллегодскаго, другой—прот. Потапова. См. его „исторія м. д. ак.“ стр. 23—24.

который въ своихъ лекціяхъ руководствовался уроками Иннокентія Смирнова (впослѣдствіи епископа пензенскаго [1]). Преемникомъ іером. Моусея былъ архим. Евлампій (Пятницкій, впослѣдствіи архіепископъ тобольскій), занимавшій должность инспектора и профессора академіи отъ 1820 по 1831 годъ. Отъ него сохранились записки на латинскомъ языкѣ, составленныя по руководству системы Шенкля (Theologiae pastoralis systema, 1815). Это была послѣдняя система Пастырскаго Богословія, читанная въ московской академіи на латинскомъ языкѣ. Послѣ архим. Евлампія пасторалисты въ своихъ чтеніяхъ пользовались уже русскимъ языкомъ; но сочиненія Шенкля, Зайлера и другихъ западныхъ богослововъ долго еще потомъ сохраняли свое господство на ряду съ твореніями св. Григорія Великаго (Liber regulae pastoralis) и другихъ св. отцевъ [2]). Преподавателями этого предмета послѣ архим.

[1]) Эти уроки преосв. Иннокентія напечатаны въ 1821 г. и помѣщены во второй части собранія его сочиненій.

[2]) См. „Исторія м. д. академіи“ С. К. Смирнова, стр. 29. 178. 418 — 419 и др.—Для характеристики этой группы пасторологическихъ системъ мы укажемъ основные признаки системы Зайлера („Vorlesungen aus der Pastoraltheologie“),—ибо она отличается сравнительно большею близостью своихъ мыслей по отношенію къ древнимъ святоотеческимъ твореніямъ и въ свое время на западѣ послужила образцемъ для цѣлаго ряда подобныхъ сочиненій. Первая часть системы Зайлера, послѣ общаго введенія, предлагаетъ руководство къ практически-назидательному изученію Св. Писанія. Вторая часть трактуетъ о различныхъ функціяхъ пастырскаго служенія: здѣсь содержатся правила для начинающаго проповѣдника, для начинающаго духовника, для наблюденія за школами и т. д. Сюда же отнесенъ и литургическій отдѣлъ съ описаніемъ храмовъ и указаніемъ церковныхъ праздниковъ. Къ нему присоединяется особая глава съ надписаніемъ: *Сокращенное Пастырское Богословіе* для кастеляновъ, викаріевъ и вообще сотрудниковъ пастыря, какъ-бы они ни назывались. — Послѣдняя (3-я) часть говоритъ „о пастырѣ какъ человѣкѣ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ,“ т. е. къ иновѣрцамъ, иностранцамъ, соотечественникамъ, домочадцамъ и т. д. Такъ построялись и всѣ другія католическія системы по нашему предмету, т. е. изъ трехъ главныхъ частей: гомилетической, литургической и собственно пасторологической, причемъ достоинство системы полагалось въ полнотѣ и практической пригодности ея совѣтовъ, опытовъ, правилъ и наставленій. Особенность системы Зайлера состояла лишь въ томъ, что авторъ ея, хотя и мимоходомъ, впервые высказалъ новый взглядъ на предметъ своей науки. Онъ далъ мысль, что предметомъ Пастырскаго Богословія должна быть не дѣятельность *только пастырей* Церкви, *но пастырская дѣятельность всей Церкви*. „Служеніе Христу, совершаемое Церковію Христа и въ духѣ Христа, *есть служеніе пастырское*“,—говоритъ онъ. „Наука о цѣлесообразномъ выполненіи этой задачи Церковію есть Пастырское Богословіе“. (См. Vorlesungen aus der Pastoraltheologie, von I. M. Sailer. 4 Ausg. München 1820. Erster Band, S. 18, III—IV).

Евлампія были: іеромонахъ *Филаретъ Гумилевскій* (съ 1831 по 1835 годъ), извѣстный болѣе какъ ученый церковный историкъ и догматистъ, чѣмъ пасторалистъ [1]); затѣмъ эту каѳедру занималъ іеромонахъ *Платонъ Ѳивейскій* (съ 1836 по 1842 г.г.), впослѣдствіи напечатавшій два сочиненія по предмету Пастырскаго Богословія, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ [2]), и іеромонахъ *Іоаннъ Соколовъ* (съ 1842 по 1844 г.г.), касавшійся пасторологическихъ вопросовъ въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ по Каноникѣ и Догматикѣ [3]). Наконецъ съ 1844 и до 1857 г., какъ уже было сказано, преподаваніе Пастырскаго Богословія вмѣстѣ съ Нравственнымъ перешло къ Сергію Ляпидевскому, въ Бозѣ почившему высокопреосв. митрополиту московскому и коломенскому.—Въ настоящее время было-бы весьма интересно имѣть тѣ лекціи, по которымъ покойный владыка излагалъ студентамъ Пастырское Богословіе въ теченіи цѣлыхъ тринадцати лѣтъ [4]). Но этихъ лекцій мы не имѣемъ, а его печатные труды относятся болѣе къ области Богословія Нравственнаго и Догматическаго, чѣмъ Пастырскаго [5]). И если мы можемъ хотя въ общихъ чертахъ воспро-

---

[1]) „Исторія моск. акад." С. К. Смирнова, стр. 379. 386. 422—425.

[2]) Тамъ-же, стр. 387. 428—429.

[3]) Тамъ-же, стр. 387. 432—435.

[4]) Съ 1844 по 1857 г., когда онъ перешелъ на каѳедру Богословія Догматическаго, будучи назначенъ ректоромъ академіи. (См. „Ист. м. д. акад." Смирнова, стр. 440).

[5]) Извѣстны слѣдующіе печатные труды покойнаго владыки:

а) О побужденіяхъ къ исполненію нравственнаго закона (Прибавл. къ Твор. свв. отцевъ, г. X).

б) О клятвѣ (тамъ же, г. XII).

в) О терпѣніи въ молитвѣ (г. XIV).

г) О любви къ Богу, испытуемой скорбями (г. XV).

д) О таинствѣ елеосвященія (г. XVII).

е) О произвольныхъ обѣтахъ (г. XVIII).

ж) Объ исхожденіи Св. Духа (г. XVIII).

з) Отвѣтъ на письма князя — писателя (Н. Б. Голицына) относительно латинскаго ученія о папѣ (г. XVIII).

и) Бракъ и безбрачіе лицъ духовныхъ (г. XIX).

і) Рѣчь по нареченіи во епископа (г. XIX).

к) Слова Сергія, еп. курскаго, Москва 1870 г.

л) О поминовеніи усопшихъ—курсовое соч. (См. „Исторію м. д. ак." Смирнова, стр. 124. 440.—„Богословск. Вѣстникъ" 1898 г. Февраль, стр. 243.—„Душеполезное Чт." 1898 г. Май и Апрѣль, и др.).

извести эти чтенія, то обязаны этимъ трудолюбію и аккуратности одного изъ слушателей покойнаго профессора, сохранившаго въ своихъ бумагахъ собственноручныя записи лекцій по Пастырскому Богословію въ томъ порядкѣ, какъ ихъ читалъ архим. Сергій въ послѣдніе годы своего пребыванія на этой каѳедрѣ, именно въ 1853 и 1854 г.г. Этотъ слушатель, нынѣ самъ уже почтенный старецъ, есть профессоръ московской академіи Д. Ѳ. Голубинскій. Судя по его записямъ, можно заключать, что инспекторъ академіи архим. Сергій читалъ Пастырское Богословіе студентамъ XIX-го курса московской академіи съ августа 1853 г. по іюнь 1854 года по слѣдующей программѣ.

„Важность и значеніе науки Пастырскаго Богословія. Границы его. Планъ: 1) объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ пастыря Церкви; 2) о ученіи и священнодѣйствіи. — Источники: главнымъ образомъ Св. Писаніе, потомъ правила Апостоловъ и Соборовъ и писанія отцевъ Церкви. Разборъ книги Златоуста *о священствѣ*, Григорія Великаго *de cura pastorali*, Амвросія Медіоланскаго и нѣкоторые другіе источники. *Письма* Стурдзы, *Книга о должностяхъ* и нѣкоторыя изъ западныхъ сочиненій.

Вопросъ о происхожденіи, важности и трудности священства и проч. Необходимость пастырскаго служенія: у язычниковъ были жрецы и прорицатели, поэты и философы; у евреевъ — отцы семействъ, патріархи, первосвященники, священники и пророки; въ Новомъ Завѣтѣ — самъ Іисусъ Христосъ, Апостолы и ихъ преемники. Божественное установленіе священства указываетъ на необходимость его.

Необходимость званія пастырей для священнослуженія и управленія Церковію.—Необходимость различныхъ степеней священства. — Высокое достоинство его.—Наименованія пастырей Церкви.—Священство подобно лѣствицѣ, видѣнной Іаковомъ.—Высокое достоинство его видно изъ свойства, цѣли и дѣйствій его ученія, изъ величія священнодѣйствій, особенно покаянія и причащенія, и изъ великой власти его управленія. — Власть церковная выше свѣтской.—Новозавѣтное священство выше ветхозавѣтнаго тѣмъ, что Основатель его—Христосъ, что въ храмахъ обитаетъ Самъ Богъ и что изобильно изливается благодать Божія и дары Св. Духа. Великое достоинство священства открывается и изъ заповѣдей Господнихъ объ уваженіи къ пастырямъ и изъ величія наградъ пастырямъ вѣрнымъ.

Трудность священства; осторожность, съ которой приступали къ нему древніе пастыри. Объ отвѣтственности, лежащей на пастыряхъ Церкви. Призваніе къ пастырскому служенію. Значеніе „свидѣтельства отъ внѣшнихъ.“ — Безбрачіе духовенства на западѣ; преимущества брачнаго состоянія духовенства.

Необходимость для пастыря умственнаго и нравственнаго образованія, важность свѣтскаго образованія, наблюденія за современностью, чтенія всѣхъ безъ исключенія сочиненій. — Необходимость доброй примѣрной жизни для пастыря - учителя. Дурныя слѣдствія худой жизни пастыря (Мѳ. XXIII).—Необходимость доброй жизни для пастыря-священнослужителя.—Необходимость ея для пастыря-правителя.

О нравственныхъ качествахъ пастыря Церкви: непорочности, пребываніи только въ одномъ бракѣ, трезвенности, цѣломудріи, благоговѣніи, честности, страннолюбіи; онъ не долженъ быть бійцею, сварливымъ, корыстолюбивымъ, но миролюбивымъ, не любостяжательнымъ, добрѣ домъ свой правящимъ, опытнымъ въ духовной жизни и въ самообладаніи. О дѣлахъ, особенно неприличныхъ священнику: кощунствѣ, нерадѣніи къ службѣ Божіей и т. д. О добродѣтеляхъ, особенно приличныхъ пастырю: вѣрности Богу, ревности къ славѣ Божіей и ея характерныхъ свойствахъ— безбоязненности, соединенной съ любовію, самоотверженіи, безкорыстіи и нелицепріятіи.

Пастырь долженъ возгрѣвать въ себѣ даръ Божій размышленіями и молитвою. — Быть „единыя жены мужемъ" въ духовномъ смыслѣ значитъ быть всегда на одномъ приходѣ.

Поведеніе пастыря во внѣшней жизни; умѣренность въ заботахъ о тѣлѣ, забота о приличіи, о наружности, о скромности въ одеждѣ и т. д. Отношеніе къ имуществу: нестяжательность. Умѣренность въ убранствѣ жилища, въ столѣ. — Какія занятія приличны пастырю, какія удовольствія дозволительны (музыка, пѣніе, живопись).

Обязанность пастырскаго учительства: примѣры древнихъ пастырей, ученіе Св. Писанія и т. д.—Опроверженіе возраженій.—Мѣсто и время учительства. Порядокъ наставленій: систематическая и катихическая проповѣдь, проповѣдь по порядку церковнаго года, на разные случаи. О наставленіи дѣтей, юношей и стариковъ, знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Объ отношеніи къ иновѣрцамъ.

Объ обязанности священнодѣйствовать профессоръ XIX-му курсу прочитать не успѣлъ" [1]).

Таковъ планъ и объемъ чтеній по Пастырскому Богословію, котораго держался архим. Сергій. Если сравнить сей планъ и объемъ съ книгой архим. Кирилла, разборъ которой былъ порученъ о. Сергію, то окажется, что системы обоихъ профессоровъ какъ по плану, такъ и по объему почти до тожественности сходны между собою. Тѣже три части въ той и другой системахъ, тотъ же кругъ предметовъ, одинъ и тотъ же методъ, одинаковая полнота и

---

[1]) Рукописный „Сборникъ лекцій профессоровъ моск. акад. 1853—1854 г.г" принадл. проф. Д. Ѳ. Голубинскому.—Ср. „Душепол. Чт." 1898 г. Май, стр. 138—139.

стройность характеризуютъ труды какъ того, такъ и другого профессора,—такъ что благосклонный отзывъ о книгѣ архим. Кирилла, данный архим. Сергіемъ, намъ думается, достаточно можетъ быть объясненъ именно этимъ обстоятельствомъ.

ЛЕКЦІИ

ПО ПАСТЫРСКОМУ БОГОСЛОВІЮ

проф. казанской академіи Архимандрита Паисія.

Въ то время, какъ архим. Антоній Амфитеатровъ въ Кіевѣ, архим. Кириллъ Наумовъ въ С.-Петербургѣ и архим. Сергій въ Москвѣ составляли свои пасторологическія системы,—въ казанской академіи надъ тѣмъ же предметомъ трудился четвертый инокъ, о которомъ мы считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ. Это былъ профессоръ Нравственнаго и Пастырскаго Богословія и инспекторъ академіи архимандритъ Паисій[1]). Онъ не издалъ въ

---

[1]) Архимандритъ Паисій (въ мірѣ Петръ Ивановичъ Пылаевъ) род. въ тверской губ. (1817 г.) и окончилъ курсъ кіевской академіи магистромъ XI курса (1839 — 1843 г. г.) въ санѣ іеромонаха; въ 1843 г. онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ харьковскую семинарію, а въ 1845 г.—въ казанскую академію сначала по каѳедрѣ Литургики и Каноники, а затѣмъ Нравственнаго и Пастырскаго Богословія; съ мая 1853 г. былъ инспекторомъ академіи до мая 1854 г., когда состоялся его переводъ на должность ректора тобольской семинаріи. Прослуживъ здѣсь около 10 лѣтъ безъ дальнѣйшаго движенія по службѣ, въ 1864 г. онъ былъ совершенно уволенъ отъ духовно-учебной службы и переведенъ настоятелемъ Любарскаго монастыря волынской епархіи, гдѣ и находился до послѣднихъ дней своей жизни. Но умеръ онъ не въ Любари и вообще не на Волыни, какъ утверждаетъ проф. П. Знаменскій („Исторія казанской дух. академіи“ вып. I, 1891 г., стр. 118), а въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ, куда онъ былъ переведенъ по болѣзни на-покой незадолго до смерти, которая послѣдовала 18 февраля 1871 г. Мы лично неоднократно видѣли его могилу съ простымъ бѣлымъ деревяннымъ крестомъ на кладбищѣ Кіево-Выдубицкаго монастыря—къ юго-востоку отъ Георгіевской соборной церкви—и помнимъ незамысловатую надпись на ней: „Здѣсь погребено тѣло магистра архимандрита Паисія Пылаева, бывшаго ректора Тобольской семинаріи и Любарскаго монастыря настоятеля. Скончался 18 февраля 1871 г.“—См. „Исторія казанской дух. академіи“ П. Знаменскаго. Вып. I, Казань, 1891 г. стр. 87, 99—118; „Пятидесятилѣтній юбилей кіевской дух. академіи“ въ „Трудахъ“ 1869 г. IV, стр. 419—420.

печати своихъ лекцій и потому онѣ до сихъ поръ неизвѣстны были наукѣ и литературѣ. Не беремся за это дѣло и мы; но поелику, съ одной стороны, намъ удалось отыскать эти лекціи въ рукописи четкой и исправной, а съ другой—имѣя въ виду сообщить возможную полноту настоящему очерку, мы не можемъ пройти ихъ молчаніемъ и рѣшаемся если не охарактеризовать, то по крайней мѣрѣ указать на нихъ тѣмъ лицамъ, которыя интересуются этимъ предметомъ. Эти лекціи послѣ смерти ихъ автора поступили въ библіотеку Кіево — Выдубицкаго монастыря (гдѣ находятся и понынѣ) и заключаются въ двухъ объемистыхъ рукописныхъ книгахъ in F-°. Одна изъ нихъ помѣчена въ монастырской описи подъ № 9 и рукою автора надписана—„Замѣтки по Пастырскому Богословію"; другая значится подъ № 20 и имѣетъ надпись: „О средствахъ противъ разнаго рода грѣшниковъ и грѣховъ", сдѣланную такъ-же авторомъ собственноручно.

Въ „Замѣткахъ по Пастырскому Богословію" авторъ говоритъ преимущественно объ учительствѣ священника съ церковной каѳедры и прежде всего рѣшаетъ вопросъ о томъ: что̀ нужно преподавать народу и какимъ способомъ? Онъ полагаетъ, что пастырь долженъ говорить о бытіи Божіемъ, но приэтомъ ему слѣдуетъ, во 1-хъ, „держаться доказательствъ изъ Св. Писанія и ничего больше не доказывать, какъ то, что *небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь* (Пс. XVIII, 2); во 2-хъ, не допускать сомнѣній въ этой истинѣ, а напротивъ всегда указывать Того, Коего бытіе мы чувствуемъ, Коего мы видимъ со всѣхъ сторонъ и Коего не знать мы не можемъ; въ 3-хъ, не оставлять это знаніе мертвымъ, но переводить его въ жизнь, т. е. показывать, къ какимъ добродѣтелямъ должно возбуждать насъ и отъ какихъ грѣховъ удалять размышленіе о бытіи Божіемъ; въ 4-хъ, самое лучшее мѣсто для приведенія доказательствъ сей истины есть катихизическое поученіе; въ 5-хъ, когда нужно доказывать её невѣрующимъ, то слѣдуетъ прежде всего исправить ихъ сердце, а потомъ уже пролагать путь для вѣры въ Бога, ибо невѣріе въ этомъ

случаѣ часто есть не иное что̀, какъ желаніе, чтобы этого Существа не было“ (л. 1—6).—Въ такомъ родѣ далѣе идетъ рѣчь о доказательствахъ бытія Божія — теоретическомъ (космологическомъ, физико-теологическомъ) и практическомъ, о существѣ Божіемъ и отношеніи Его къ тварямъ, о свойствахъ Божіихъ: духовности, всемогуществѣ, всевѣдѣніи, вездѣприсутствіи, премудрости, святости, правосудіи, милосердіи, благости, блаженствѣ, вѣчности, неизмѣняемости, единствѣ по существу и троичности по Лицамъ, т. е. Богѣ—Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ.—Это первая половина „Замѣтокъ по Пастырскому Богословію“ (1 — 100 стр.). — Вторая половина говоритъ о дѣятельности пастыря, какъ духовника, хотя беретъ его не только въ моментъ исповѣди, но и при всякой другой обстановкѣ, когда ему надлежитъ заботиться о душевномъ спасеніи пасомыхъ. Здѣсь рѣшаются вопросы о томъ, какъ долженъ вести себя священникъ съ отроками, юношами и дѣвицами, какъ обращаться съ страждущими сомнѣніями въ вѣрѣ, какъ съ посвятившими себя Богу, съ нѣмыми и глухими, умирающими, осужденными на смертную казнь, бѣсноватыми; какъ онъ долженъ преподавать больнымъ таинства елеосвященія, исповѣди и св. причастія, какъ вести себя въ минуты агоніи и смерти христіанина (101—192 стр.).

Вторая книга лекцій архим. Паисія, надписанная „О средствахъ противъ разнаго рода грѣшниковъ и грѣховъ“, на первый взглядъ этимъ своимъ заглавіемъ возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, мы понимаемъ, когда говорятъ *о средствахъ противъ разнаго рода грѣховъ*, т. е. напр. о предосторожностяхъ, предупреждающихъ грѣховное дѣяніе, или мѣрахъ, прекращающихъ его, или парализующихъ его силу, или изглаждающихъ его вину и т. д.; — но какъ понимать рѣчь *о средствахъ противъ грѣшниковъ?* Недоумѣніе, впрочемъ, скоро разрѣшается, и слѣдуетъ лишь открыть самую книгу лекцій, чтобы понять смыслъ ея страннаго заголовка. Именно, въ первой половинѣ книги авторъ имѣетъ въ виду средства и пріемы, пригодные пастырю *для врачеванія*

того или иного *грѣшника* изъ его духовныхъ дѣтей, какъ конкретной личности. Это и называетъ онъ *средствами противъ грѣшниковъ*. Вторая половина книги излагаетъ православное ученіе о грѣхахъ и порокахъ *вообще*, какъ отвлеченныхъ понятіяхъ; а потому и *средства противъ грѣховъ* указываются такія-же общія, хотя приложимыя и въ отдѣльныхъ случаяхъ въ зависимости отъ сопутствующихъ обстоятельствъ. Частнѣе, въ первой половинѣ книги говорится о томъ, какъ должно врачевать гордыхъ, честолюбивыхъ, тщеславныхъ, чревоугодниковъ, пьяницъ и т. д.; во второй—предлагаются средства противъ излишнихъ искусственныхъ украшеній женскихъ, противъ хулы и безразсудной клятвы, противъ плотоугодія, ненависти и зависти, противъ сомнѣній, подозрѣній и обидныхъ сужденій для ближняго, противъ оклеветанія, поношенія и „шепотничества", противъ гнѣва, скупости, лихоимства, унынія, отчаянія, лжеупованія, безпокойства совѣсти, жестокосердія и т. д. — Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ авторъ имѣетъ въ виду пастыря — душепопечителя, которому необходимо бываетъ встрѣчаться со всевозможными („разнаго рода") грѣшниками и грѣхами, и каждый такой случай онъ разсматриваетъ со всею подробностію: сначала даетъ понятіе о грѣхѣ или порокѣ, затѣмъ указываетъ причины или источники его возникновенія, разбираетъ оправданія со стороны грѣшниковъ и, наконецъ, предлагаетъ средства противъ грѣха — общія, имѣющія постоянное и повсемѣстное значеніе, и частныя, которыя приложимы только въ отдѣльныхъ случаяхъ.—Для примѣра, наглядно показывающаго методологическую сторону лекцій о. Паисія, мы ниже помѣщаемъ главу изъ его книги „О средствахъ противъ разнаго рода грѣшниковъ и грѣховъ", гдѣ имѣется въ виду отношеніе пастыря—духовника къ грѣшнику, подверженному страсти *гнѣва*.

„Поелику порокъ гнѣва, — говоритъ о. Паисій, — прямо противенъ добродѣтели кротости, въ коей долженъ преуспѣвать христіанинъ, какъ ученикъ кротчайшаго Учителя, то духовнику должно врачевать этотъ порокъ слѣдующимъ образомъ.

1. Прежде всего нужно замѣтить, что гнѣвъ можно принимать или за нѣкоторую страсть чувственнаго пожеланія,—отъ чего она называется

силою раздражительною, — или только за дѣйствіе воли; но въ томъ и другомъ случаѣ онъ есть нѣкоторое желаніе *мщенія*, откуда ясно, что гнѣвъ самъ по себѣ не грѣховенъ, но безразличенъ, ибо можно желать мщенія и съ доброю и съ худою цѣлію, — по порядку, или противъ порядка разума.

2. Должно замѣтить, что когда мщеніе желается противъ порядка разума, тогда гнѣвъ грѣховенъ. Именно, когда кто желаетъ наказать того, кто этого не заслужилъ, или желаетъ наказать болѣе, чѣмъ тотъ заслужилъ, или по незаконному порядку, или не для должной цѣли, которою можетъ быть сохраненіе невинности и исправленіе вины. Также гнѣвъ грѣховенъ, когда кто желаетъ хотя и справедливаго мщенія, но не сохраняетъ разумнаго порядка въ способѣ гнѣва,—когда движенію гнѣвному дозволяетъ неумѣренно внутри и внѣ пламенѣть; изъ чего ясно, что частный человѣкъ грѣшитъ, какъ только онъ желаетъ мщенія *самъ собою*, поелику право естественнаго и божественнаго порядка требуетъ, чтобы только лице общественное вмѣсто Бога совершало (мщеніе)— по оному слову: *Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ*. Откуда постоянно у Отцевъ мнѣніе, что частному человѣку хотя и позволительно защищать себя, отражая силу силою, сохраняя мѣру права и защиты, однако никогда не позволительно *мщеніе*, воздавать зломъ за зло.

3. Должно замѣтить, что гнѣвъ со стороны пожеланія, — когда кто-либо желаетъ несправедливой защиты, — грѣхъ смертный, ибо противенъ любви и справедливости. Впрочемъ, можетъ быть и простительнымъ—по недостатку разсужденія, когда движеніе гнѣвное предшествуетъ сознанію разума, или по причинѣ маловажности матеріи, когда кто-либо желаетъ въ чемъ-либо маломъ себя защищать.

4. Со стороны способа, напр. если кто слишкомъ горячо сердится, или слишкомъ неумѣренно во внѣ выражаетъ знаки гнѣва, — гнѣвъ не есть грѣхъ смертный, но случайно можетъ быть и смертнымъ, если т. е. кто-либо изъ-за гнѣва низпадаетъ отъ любви къ Богу, вдается въ хулу или отъ любви къ ближнему, дѣлаетъ ему важную обиду, или отъ любви къ себѣ самому, причиняя душѣ или тѣлу значительный вредъ.

Святый Григорій [1]) перечисляетъ шесть дщерей гнѣва. Онѣ суть: негодованіе, дмѣніе ума [2]), крикъ, хула, поношеніе и ссора. Ибо гнѣвъ бываетъ или только въ сердцѣ, или въ словѣ, или доходитъ и до дѣла. Поколику онъ въ сердцѣ, изъ сего раждается *негодованіе* или движеніе противъ того, на кого кто сердится за причиненную обиду, считая себя недостойнымъ ея,—*и дмѣніе ума*, которое здѣсь берется не въ значеніи гордости, но въ значеніи разныхъ насильственныхъ мыслей, коими духъ какъ-бы *дмится*, когда, вспоминая обиды, ищетъ путей и способовъ для отмщенія.—Поколику гнѣвъ — въ словѣ, онъ раждаетъ *крикъ*, который

---

[1]) Авторъ не указываетъ, котораго изъ церковныхъ писателей, носившихъ это славное имя, онъ разумѣетъ въ данномъ случаѣ.

[2]) Выраженіе подлинника.

ёсть безпорядочная рѣчь, *хулу*, или обидное слово противъ Бога, *и поношеніе*, или обидную рѣчь противъ ближняго. Наконецъ, когда гнѣвъ доходитъ до дѣла, то рождаетъ ссору, подъ коею должно разумѣть вредъ, какой изъ желанія мщенія наносится ближнему дѣломъ, какъ-то: пораженіе, раны, побои и человѣкоубійство.

Посему духовникъ долженъ обращать вниманіе кающихся и на эти отрасли гнѣва и предлагать противъ нихъ благоприличныя средства. Онъ долженъ напоминать о тяжести вознаграждать вредъ какъ личный, такъ и вещественный, какой происходитъ отъ гнѣва, безъ удовлетворенія коего кающійся не способенъ къ разрѣшенію.

Духовникъ долженъ также замѣчать и то, если кто грѣшитъ недостаткомъ гнѣва; поелику какъ похвально и справедливо наказывать по опредѣленію разума, такъ нельзя безъ вины и не имѣть этого желанія, когда должно имѣть. Недостаткомъ гнѣва здѣсь называется излишнее послабленіе, неблагоразумная терпѣливость и глупая снисходительность. Этимъ порокомъ нерѣдко страждутъ родители и начальники, когда они не наказываютъ тѣхъ, коихъ по требованію здраваго разума нужно наказывать; также и тѣ, кои не тогда и не такъ наказываютъ, когда и какъ должно наказывать. И этотъ грѣхъ весьма вреденъ для общества, такъ какъ онъ покровительствуетъ и даже производитъ худую нравственность, точно такъ-же какъ ненаказанность въ семействахъ производитъ худыхъ дѣтей.

Этотъ недостатокъ можетъ имѣть мѣсто и въ каждомъ частномъ грѣшникѣ, когда онъ тѣ обиды, какія наноситъ Богу грѣхомъ, нерадитъ отмщать въ себѣ надлежащимъ покаяніемъ; ибо если кающійся гнѣвается на себя по оному выраженію Августина: „qui est penitens?—homo iratus sibi“,—то некающійся, очевидно, не имѣетъ праваго гнѣва на себя.

Средства противъ гнѣва.

Первое средство противъ гнѣва есть то, чтобы человѣкъ, подлежащій ему, смиренно думалъ о себѣ и имѣлъ твердое убѣжденіе въ томъ, что нѣтъ столь великаго и жестокаго зла, какой ему причиняютъ, котораго бы онъ не заслуживалъ у Бога, какъ по винѣ прирожденной, такъ и по дѣйствительной. Ибо поелику гнѣвъ или желаніе мщенія другому обыкновенно происходитъ изъ того, что кто-либо думаетъ, что зло, причиняемое ему другимъ, или не заслужено имъ, или болѣе того, что онъ заслужилъ, — то когда убѣдитъ себя въ противномъ, онъ легко престанетъ отъ гнѣва, ибо когда престаетъ причина—прекращается и дѣйствіе.

Второе средство (состоитъ въ томъ), чтобы терпящій обиду, или какое-либо зло отъ другаго, внимательно размышлялъ о томъ, что нѣтъ никакого зла, ни малаго, ни великаго, и какимъ бы образомъ ни причиняли его, которое бы не подлежало праведному суду Божію, у Коего къ отмщенію всякая тварь можетъ быть орудіемъ. Потому онъ долженъ смотрѣть не столько на человѣка, причиняющаго зло, сколько на правосуднаго

отмщающаго Бога и вмѣстѣ премилосердаго Отца, Который такъ или иначе наказываетъ Своихъ дѣтей въ семъ вѣкѣ, чтобы пощадить въ будущемъ.

Третье средство (состоитъ въ томъ), чтобы склонный къ гнѣву чаще обращалъ взоръ свой на примѣръ кротчайшаго своего Спасителя, Который непрестанно былъ оскорбляемъ первосвященниками и фарисеями, слыша отъ нихъ, что Онъ—ядца и винопійца, обольститель народа и сообщникъ князя веельзевула, и терпѣлъ другія укоризны и поношенія и наконецъ принялъ отъ нихъ и самую смерть, однакожъ никогда не увлекался страстію гнѣва, никогда не желалъ отмщенія, но всегда и вездѣ являлъ кротость (1 Петр. II, 23), *Иже укаряемь противу не укаряше, стражда не прещаше: предаяше же судящему праведно.*

Итакъ, христіанинъ долженъ не гнѣваться, не мщенія желать, но постоянно быть кроткимъ ко всѣмъ, на основаніи словъ Спасителя: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ,* и съ сею цѣлію чаще долженъ взирать на Распятаго.

Четвертое (средство): когда страсть гнѣва не престаетъ, то должно укрѣплять противъ нея духъ, воспоминая слова Писанія (Мѳ. V, 39): *Азъ же глаголю вамъ не противитися злу: но аще кто тя ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую. И хотящему судитися съ тобою, и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу. И аще кто тя поиметъ по силѣ поприще едино, иди съ нимъ два.*

Пятое: поелику часто случается, что кто-либо, оскорбленный другими, самъ впадаетъ въ гнѣвъ, то чтобы этого не было, благоприличнымъ средствомъ къ тому служитъ а) сокровеніе отъ глазъ разгнѣваннаго; если же этого нельзя сдѣлать, то б) стараться добрыми и тихими словами успокоивать духъ его: *отвѣтъ смиренъ укрощаетъ духъ,* говоритъ Премудрый. Если-же и это не имѣетъ мѣста, то в) прибѣгать къ молчанію, доколѣ другой не отложитъ желчь и не начнетъ страдать болѣе гнѣвающагося, какъ это дѣлаютъ, когда видятъ другаго, страждущаго тяжкою болѣзнію. Ибо гнѣвъ, какъ говорятъ, не что иное, какъ краткое безуміе.

Шестое средство, безъ котораго мало полезны прочія, это—постоянная молитва о дарѣ кротости. Итакъ нужно внушать гнѣвливому, чтобы онъ утромъ и вечеромъ и нѣсколько разъ среди дня не только возобновлялъ въ себѣ рѣшимость не гнѣваться, но для приведенія этой рѣшимости въ дѣло пламенно испрашивалъ на то божественной помощи заступленіемъ кротчайшей изъ всѣхъ Божіей Матери и особенно заслугами кротчайшаго Господа" („О средствахъ противъ разнаго рода грѣшниковъ и грѣховъ," л. л. 21—22).

Въ такомъ родѣ авторъ разсуждаетъ и о всѣхъ прочихъ грѣхахъ, порокахъ и заблужденіяхъ людей. При чтеніи его лекцій можно замѣтить, что хотя рѣчь его не особенно блестяща, но всегда правильна, вездѣ осно-

вательна и подкрѣплена достаточными свидѣтельствами Св. Писанія, св. Отцевъ и т. д.; но что еще болѣе цѣнно здѣсь, такъ это—замѣчательно подробное дѣленіе содержанія на рубрики, полнота содержанія, ясность и отчетливость въ изложеніи матеріала. Однако при этомъ нетрудно понять, что хорошія качества лекцій архим. Паисія оказываются лишь *въ частностяхъ,* тогда какъ *общаго плана* онѣ не имѣютъ: разрѣшаемые вопросы собраны случайно, не будучи чѣмъ-либо связаны одинъ съ другимъ, и часто послѣдующіе не имѣютъ никакого отношенія къ предыдущимъ. Очевидно, авторъ не заботился о систематизаціи своихъ чтеній и, кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что онъ вводилъ пасторологическія чтенія въ свою систему *Нравственнаго Богословія,* которую преподавалъ студентамъ казанской академіи одновременно съ Богословіемъ Пастырскимъ и Литургикой. При такомъ взглядѣ на дѣло мы легко объяснимъ себѣ и то обстоятельство, что въ пасторологическихъ лекціяхъ архим. Паисія совершенно нѣтъ упоминанія объ основныхъ пунктахъ въ ученіи о священствѣ, а такъ же о священнослужительствѣ, о клирѣ, о церковномъ хозяйствѣ и т. п., ибо эти и подобные имъ вопросы не имѣютъ прямаго отношенія къ Нравственному Богословію и въ его время входили въ составъ другихъ наукъ по частямъ [1]). Противъ этого ничего не говорятъ и современные автору порядки въ составленіи программъ и лекцій, ибо готовыхъ руководствъ тогда еще не существовало и потому преподаватели академій имѣли право и даже необходимость читать курсы своихъ наукъ по ихъ собственнымъ программамъ и методамъ [2]). А методъ преподаванія, котораго держался самъ о. Паисій, по нашему мнѣнію, можетъ лишь укрѣпить высказанное предположеніе. Это былъ не методъ, а вѣрнѣе—отсутствіе метода, ибо онъ читалъ слѣдующимъ образомъ: „въ своемъ преподаваніи,—говоритъ о немъ историкъ казанской академіи,—архим. Паисій болѣе всего забо-

---

[1]) „Исторія казанской д. акад.“ П. Знаменскаго. Вып. II, стр. 302.
[2]) См. напр. „Пятидесятилѣтній юбилей казанск. д. академіи“, стр. 117—122.

тился о полнотѣ и логически правильномъ и какъ можно болѣе сложномъ и мелкомъ распредѣленіи всего своего научнаго матеріала пб рубрикамъ. Выѣзжая изъ Кіева въ Казань, онъ поспѣшилъ запастись кіевскими лекціями по своимъ наукамъ; потомъ по дорогѣ отъ Харькова до Казани собиралъ для себя всякія подходящія записки—и академическія, и семинарскія; наконецъ и въ самой академіи постоянно дѣлалъ выписки изъ разныхъ попадавшихся ему книгъ и журнальныхъ статей какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ..., которыя онъ и носилъ съ собой въ аудиторію *для прочтенія безъ всякой обработки*" [1]). А вотъ и пріемы чтенія имъ своихъ лекцій со словъ его ученика: „о. Паисій являлся въ аудиторію рано, сейчасъ же послѣ звонка, немного растрепанный и непричесанный, садился на каѳедру и начиналъ проворно читать свои шпаргалы, торопясь сообщить изъ своего научнаго запаса какъ можно болѣе и вовсе не обращая вниманія на то, слушаютъ его студенты, или нѣтъ. *О системѣ ему тутъ некогда было и думать*" [2])...

Такъ скромно прививалась наука Пастырскаго Богословія въ стѣнахъ возобновленной казанской академіи [3]), не имѣя для себя ни каѳедры самостоятельной, ни заинтересованнаго профессора. И это обстоятельство особенно бросается въ глаза при воспоминаніи, что чрезъ нѣсколько времени, теченіемъ обстоятельствъ, въ этомъ самомъ городѣ нашли себѣ мѣсто послѣдняго обитанія и вѣчнаго упокоенія оба автора знаменитыхъ въ то время пасторологическихъ системъ — архіепископъ Антоній и преосвященный Кириллъ Наумовъ, послужившіе этой наукѣ въ Кіевѣ и Петербургѣ.

Впрочемъ, въ 1854 г. очередь послужить ей, казалось, дошла и до казанской академіи. Въ этомъ году для Пастырскаго Богословія и Гомилетики была образована

---

[1]) „Исторія казанской д. академіи" П. Знаменскаго. Вып. II, стр. 269.

[2]) Тамъ-же, стр. 269 — 270.—Ср. Иркутскія Епарх. Вѣдомости 1890 г., №№ 1—6.

[3]) Казанская академія, какъ извѣстно, была первоначально открыта въ 1798 г. и существовала до 1818 г., когда возвращена въ первобытное состояніе дух. семинаріи, и вновь возведена на степень академіи въ 1842 году.

самостоятельная каѳедра и преподаванiе ихъ было поручено талантливому баккалавру М. М. Зефирову, которому въ тоже время преосв. Григорiй (архiеп. казанскiй) поручилъ составить полную систему Пастырскаго Богословiя для изданiя въ свѣтъ въ качествѣ руководства для семинарiй [1]). М. М. Зефировъ съ любовiю взялъ на себя возлагаемый трудъ и съ конца 1855 г. съ усердiемъ занялся серьезной разработкой этой науки, независимо отъ предшествовавшихъ печатныхъ опытовъ ея изложенiя. Подготовка къ работѣ у него была хорошая, ибо еще студентомъ онъ писалъ свое курсовое сочиненiе на тему по Пастырскому Богословiю подъ заглавiемъ: *Духовное пѣстунство или частное попеченiе священника о своихъ пасомыхъ*. Послѣднее, конечно, имѣло свое влiянiе на его теперешнюю работу и во многомъ опредѣлило даже самое содержанiе и характеръ созидаемой системы. Избѣгая изложенiя слишкомъ общихъ, чисто теоретическихъ, выдуманныхъ правилъ для дѣятельности пастыря, какiя предлагались въ извѣстныхъ до него системахъ этой науки, онъ обратилъ особенное вниманiе на многочисленныя и разнообразныя требованiя, какiя предъявляетъ пастырю дѣйствительная жизнь въ разныхъ частныхъ случаяхъ и комбинацiяхъ обстоятельствъ, стараясь подвести эти случаи и обстоятельства подъ болѣе или менѣе общiе типы и выработать для каждаго изъ нихъ наиболѣе цѣлесообразные прiемы пастырскихъ отношенiй. Такимъ образомъ, главный предметъ его работы прямо сводился на *духовное пѣстунство или частное попеченiе пастыря о своихъ пасомыхъ,* т. е. прямо на его курсовую диссертацiю. —

Конечно, научная система не могла быть создана разомъ и прошло нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ она получила окончательную свою форму; а за это время авторъ неоднократно переработывалъ и усовершенствовалъ свои лекцiи, стараясь захватить какъ можно болѣе конкретныхъ фактовъ изъ области дѣйствительной жизни пасты-

[1]) „Исторiя казанской д. академiи“ П. Знаменскаго. Вып. II, стр. 302.

рей и пасомыхъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе создать общія положенія науки.—Судя по его программамъ и по записямъ студентовъ въ классныхъ журналахъ, созданный имъ планъ всей науки можетъ быть представленъ въ слѣдующихъ чертахъ. Въ краткомъ введеніи въ науку авторъ говоритъ о пастырскомъ служеніи вообще, излагаетъ его исторію въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, указываетъ его важность, трудность, отвѣтственность, естественныя и благодатныя средства къ его прохожденію. Затѣмъ онъ дѣлитъ самую науку на три неравныя части. Первая, довольно краткая, видимо неинтересовавшая автора, трактовала о качествахъ тѣлесныхъ, умственныхъ и нравственныхъ, которыя необходимо требуются отъ пастыря. Вторая, самая обширная, названа *пастырской педагогикой* и разработана съ особеннымъ вниманіемъ. Эта часть указываетъ потребность частнаго наставленія и руководствованія пасомыхъ при проповѣдничествѣ открытомъ; условія его благоуспѣшности—знаніе пасомыхъ, довѣріе и любовь ихъ; наставленіе въ истинахъ вѣры дѣтей, его предметъ, порядокъ и форма; наставленіе малосвѣдущихъ, суевѣрныхъ и преданныхъ предразсудкамъ, вразумленіе заблуждающихся и сомнѣвающихся; вразумленіе и исправленіе порочныхъ; обязанности пастыря, какъ духовника, способы узнавать нравственныя состоянія кающихся, процессъ исповѣди, наставленія духовника, эпитиміи, разрѣшеніе кающихся, тайна исповѣди; далѣе слѣдуетъ утѣшеніе пастыремъ скорбящихъ, умиротвореніе семейныхъ несогласій, посѣщеніе больныхъ, правила для обращенія пастыря съ больными общія и частныя; затѣмъ, участіе въ составленіи духовныхъ завѣщаній и попеченіе объ умирающихъ.—Третья часть науки называлась *пастырской литургикой* и содержала наставленія пастырю относительно священнослуженій, мѣстъ, временъ и священнодѣйствій и частныя правила о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ особенности. Вслѣдствіе всегдашней строгой взыскательности автора къ себѣ работа его двигалась впередъ очень медленно. Только уже въ 1859 г. въ отчетѣ о своихъ годичныхъ трудахъ онъ писалъ, что *окончилъ ее* и приготовлялъ въ это время

къ печати. Въ этомъ же году, или въ началѣ слѣдующаго (1860), работа въ рукописи была отправлена въ Петербургъ для просмотра митроп. Григорію, но за скорою смертію митроп. Григорія не была напечатана и теперь о ней ничего неизвѣстно [1]).

Изъ приведенной характеристики лекцій архим. Паисія и проф. М. Зефирова не трудно видѣть, что пасторологическіе труды этихъ авторовъ, если бы и были даже опубликованы, не вносили въ литературу чего-либо новаго по существу. „Замѣтки по Пастырскому Богословію“ о. Паисія, очевидно, тѣсно примыкаютъ ко второй части системы архим. Кирилла Наумова, дополняя или внося разнообразіе только въ частностяхъ и подробностяхъ; а система Зефирова, если судить по конспективному изложенію ея, повторяла собою систему того-же Кирилла *въ цѣломъ ея составѣ*, отличаясь отъ нея лишь развитіемъ деталей и незамѣтнымъ въ общемъ распредѣленіемъ матеріала. Однако то громадное преимущество и вниманіе, которое оба автора оказываютъ вопросамъ пастырской педагогики или пастырскаго руководствованія пасомыхъ *(пѣстунства)*, даетъ намъ право заключать, что положительное отсутствіе этого отдѣла у архим. Антонія и сравнительно небольшая разработка его у архим. Кирилла *были замѣчены* современниками этихъ авторовъ и вызвали у нихъ стремленіе восполнить недостающее и удовлетворить насущную потребность времени и исторической жизни общества

---

[1]) Прот. М. М. Зефировъ (некрологъ): „Правосл. Собесѣдн.“ 1889 г. I, стр. 505—558.

ГЛАВА 4.

Навстрѣчу насущной потребности времени и какъ бы въ отвѣтъ на желаніе Духовно-Учебнаго Управленія приблизить къ жизни преподаваніе Пастырскаго Богословія въ духовныхъ школахъ и оживить разработку его въ литературѣ [1]), въ концѣ первой половины текущаго вѣка рядомъ съ академическими системами по этому предмету явилось нѣсколько другихъ, неакадемическихъ сочиненій, о которыхъ мы упоминали ранѣе (стр. 109) и должны подробно говорить теперь. Это были тѣ сочиненія, которыя,—предполагая, что теорія пастырства уже извѣстна пастырямъ изъ школьнаго преподаванія наставниковъ, — брали эту готовую теорію изъ школы и переносили ее въ общество, сближали съ дѣйствительною жизнію, приспособляли къ современнымъ нуждамъ,—отъ общихъ разсужденій переходили къ частнымъ случаямъ и такимъ образомъ отвлеченную идею заставляли жить, идеалъ сводили на землю, облекали въ плоть и кровь и показывали его людямъ, чтобы они не боялись приближаться къ нему и не говорили, что достиженіе его имъ не по силамъ.

Къ разряду такихъ сочиненій относятся:

1) „Письма о должностяхъ священнаго сана",

2) „Памятная Книжка для священника",

3) „Напоминаніе священнику объ обязанностяхъ его при совершеніи таинства покаянія",

4) „Православный священникъ при постелѣ больныхъ и умирающихъ" и—

5) „Взглядъ съ практической стороны на жизнь священника".

---

[1]) См. стр. 107—108 настоящ. книги.

ПИСЬМА
О ДОЛЖНОСТЯХЪ СВЯЩЕННАГО САНА
(1840 г.).

Изданіе „Писемъ о должностяхъ священнаго сана“ есть одно изъ многихъ полезныхъ предпріятій „извѣстнаго писателя и вѣрнаго сына Православной Церкви“ Александра Скарлатовича Стурдзы [1]). Авторъ „Писемъ“ неизвѣстенъ, но по нѣкоторымъ даннымъ можно догадываться, что таковымъ былъ именно самъ Стурдза. Такъ, въ одной изъ его біографій, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Радости и скорби семейныя не мѣшали симъ (разум.

[1]) Такъ выражается о немъ покойный проф. московской академіи прот. Ѳ. А. Голубинскій. — „Душепол. Чт.“ 1892 г. Ноябрь, стр. 479 — 470. — А. С. Стурдза род. 18 Ноября 1791 г. въ Яссахъ и, переселившись въ Россію, служилъ первоначально (съ 1809 г.) въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, затѣмъ за границей при графѣ Каподистріи въ Вѣнѣ и Парижѣ (съ 1812 — 1816 г.), гдѣ между дѣлами занимался учеными и публицистическими трудами, плодомъ которыхъ явилось написанное въ 1816 году сочиненіе: „Considerations sur la doctrine et l'esprit de l'eglise orthodoxe“ (разсужденія объ ученіи и духѣ православной Церкви), напечатанное въ Германіи на средства Государя Императора Александра I; это сочиненіе было потомъ переведено на нѣмецкій, англійскій и греческій языки и удостоилось письменныхъ благодарностей патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго. Въ 1818 г., послѣ смерти жены, А. С. былъ приглашенъ кн. Голицынымъ къ участію въ трудахъ Главнаго Управленія Училищъ и избранъ членомъ Ученаго Комитета, но въ томъ же году былъ командированъ за границу по случаю Ахенскаго конгресса. Здѣсь онъ напечаталъ записку о состояніи Германіи и германскихъ университетовъ и возбудилъ этимъ противъ себя ненависть университетской молодежи, такъ что долженъ былъ бѣгствомъ спасаться въ Россію и здѣсь по слабости зрѣнія оставилъ службу. Но онъ до самой смерти не переставалъ заниматься литературными трудами и оставилъ послѣ себя весьма много сочиненій и переводовъ, какъ напр.: 1) „О вліяніи земледѣльческихъ занятій на умственное

научнымъ и благотворительнымъ) трудамъ, хотя и глубоко отзывались въ его нѣжномъ сердцѣ. Въ годъ смерти своихъ родныхъ Ал. Скарл. посвящалъ часы уединенія и досуга на выполненіе мысли, возобладавшей умомъ и сердцемъ его,—*на составленіе Писемъ о должностяхъ священнаго сана*. Зрѣлый плодъ зрѣлыхъ лѣтъ, это сочиненіе, важное по содержанію, объему и цѣли, имѣло особенный успѣхъ... *Это—лучшее и болѣе всѣхъ извѣстное сочиненіе Стурдзы*"...[1]). Въ поясненіе вышеприведеннаго мѣста другой біографъ Стурдзы говоритъ: „въ 1838 г. онъ благополучно устроилъ бракъ своей дочери, а въ 1839 г. простился на вѣки съ многоуважаемою своею матерью, за которою вскорѣ отошла въ вѣчность и родная его тетка (сестра матери). Пораженный скорбію по случаю этой потери онъ писалъ сѣтующей сестрѣ: „молніи будущей жизни, одна вслѣдъ за другою, воспламенились и поразили насъ ужасомъ". Но, „находясь въ такомъ состояніи, Стурдза мудро похищалъ время у нападающихъ на него житейскихъ скорбей и, чтобы переносить ихъ съ бо̀льшимъ терпѣніемъ, готовился на новые труды и под-

---

и нравственное состояніе народовъ"; 2) „О признакахъ истины"; 3) „Разсужденіе о благотворительности частной и общественной"; 4) „О любви къ отечеству"; 5) „La Grece en 1821 et 1822"; 6) „Ручная книга православнаго христіанина"; 7) „Notions sur la Bussie"; 8) „Etudes religienses, historiques et morales"; 9) перев. на греч. яз. „Пространнаго Катихизиса" митроп. Филарета; 10) перев. на французск. яз. литургіи св. Іоанна Златоуста и „первой седмицы Великаго Поста" преосв. Иннокентія; 11) перев. ея-же на греч. языкъ; 12) перев. на франц. яз. „Избранныхъ словъ и рѣчей высокопреосв. Филарета, митроп. московскаго", и „Молитвослова"; 13) „Памятникъ трудовъ православныхъ благовѣстниковъ русскихъ съ 1793 г. по 1853 г." и мн. др. (всѣхъ сочиненій болѣе 50, не считая переписки).—Скончался 13 іюня 1854 г. въ своемъ Бессарабскомъ помѣстьѣ Манзырь или Манзиріонъ (татарск.),—см. „Краткое свѣдѣніе объ А. С. Стурдзѣ" Диктіадиса въ „Чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей россійскихъ при моск. унив." 1864 г., кн. 2, стр. 193—205. Также „Руководящіе дѣятели дух. просвѣщенія въ Россіи" Чистовича, стр. 163, гдѣ говорится, что А. С. родился *въ Январѣ* 1791 г., а не въ ноябрѣ, какъ у Диктіадиса,—а умеръ *8 Іюня,* а не 13 — по Диктіадису. — О Стурдзѣ упоминается очень часто въ „Русскомъ Архивѣ" 1867 г., напр. стр. 644, 650, 656, 866, 873—874, 1039, 1102 и др. Самая подробная біографія его составлена іером. Аноимомъ и помѣщена въ „Странникѣ" 1864 г., Апрѣль, стр. 1—57. По этой біографіи А. С. родился 18 Ноября 1791 г., (а не въ Январѣ, какъ у Чистовича) и умеръ 13 (а не 8) Іюня.

[1]) См. „Краткое свѣдѣніе объ А. С. Стурдзѣ" Диктіадиса въ „Чтен. Общ. Истор. и Древн." 1864 г. кн. 2, стр. 202.

виги. Мы уже говорили, что онъ никогда не оставлялъ занятій, а потому и теперь продолжалъ писать и издавать плоды своихъ мыслей и чувствованій. Изъ этихъ сочиненій особенно замѣчательно одно, въ которомъ ясно выразилась пламенная любовь его сердца: разумѣемъ его „Письма о должностяхъ священнаго сана“, въ формѣ собесѣдованія, изд. въ 1840 и 1841 г. г. въ двухъ томахъ“ [1]). „Книга о должностяхъ священнаго сана“,— говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же біографъ,—написана Стурдзою по уклоненіи его отъ житейскихъ заботъ и попеченій и, съ благословенія Церкви, какъ драгоцѣнный даръ посвящена всѣмъ подвижникамъ благочестія“ [2]).— Въ тоже время самъ Стурдза, приписывая себѣ лишь распредѣленіе „Писемъ“ на книги, добавляетъ, что „содержаніе ихъ принадлежитъ Тому, безъ помощи Котораго мы не можемъ творити ничесоже (Іоан. XV, 5),— безсильны даже *помыслити что* либо благое, *яко отъ себе*“ (2 Кор. VIII, 5), тогда какъ ничто не мѣшало ему въ данномъ случаѣ объявить имя автора, если бы собственная скромность не препятствовала назвать самого себя [3]). Наконецъ, въ одномъ изъ писемъ къ друзьямъ онъ выражается, повидимому, совершенно ясно и говоритъ слѣдующее: „Если отъ этого моего труда (т. е. „Писемъ о должностяхъ священнаго сана“) будетъ какая польза для моихъ братій (грековъ), то слава Богу! Онъ одинъ только можетъ производить и листья и цвѣты на деревахъ и явить въ изобиліи плодъ во время. Что касается до меня, то я боюсь, какъ бы не услышать: *уча другихъ, себе-ли не учиши?*—Книга эта состоитъ изъ 74 писемъ, *какъ бы посылаемыхъ отъ одного къ другому*“ [4]). Въ послѣднемъ выраженіи можно видѣть указаніе на то, что эпистолярная форма придана сочиненію искусственно и намѣренно, и мы думаемъ, что это собственное признаніе

---

[1]) Цитован. біографія Стурдзы іером. Аноима: „Странникъ“ 1864 г., IV, стр. 33—34.

[2]) Тамъ-же, стр. 50.

[3]) Предисловіе къ первому тому по изд. 1843 г.

[4]) „Александръ Стурдза,“ соч. іером. Аноима: „Странникъ“ 1864 г., IV, стр. 48—49.

А. С., въ связи съ вышеприведенными свидѣтельствами его біографовъ, достаточно могутъ склонить читателя къ тому, чтобы признать Александра Скарлатовича Стурдзу не только издателемъ, но и авторомъ „Духовной Переписки“.

Что касается содержанія книги, то слово „о должностяхъ“, входящее въ заголовокъ ея, невольно обращаетъ мысль нашу къ „De officiis ministrorum Ecclesiae“ св. Амвросія Медіоланскаго, а за нимъ къ „De officiis ministrorum verbi Divini“ Буддея, къ „De officiis ministerii ecclesiastici“ Θеофилакта Горскаго, къ „Книгѣ о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“ и т. п., и, судя по такому началу, мы готовы встрѣтить въ этой книгѣ серьезный трактатъ съ содержаніемъ одноименныхъ съ нею сочиненій. И это будетъ совершенно вѣрно, ибо, по заявленію автора „Писемъ“, здѣсь служители алтаря бесѣдуютъ между собою „о всѣхъ почти родахъ служенія Богу, Церкви и человѣчеству, къ коимъ православный іерей призванъ быть можетъ“ [1]). Но есть здѣсь и особенность, состоящая въ томъ, что содержаніе книги предложено вниманію читателя въ формѣ *переписки* нѣкоего старца съ юношей, оканчивающимъ курсъ наукъ, готовящимся къ принятію священства и, наконецъ, уже священникомъ [2]). „Книга эта,—говоритъ авторъ,—состоитъ изъ 74 писемъ, какъ бы посылаемыхъ отъ одного къ другому: первый, по имени Александръ, спрашиваетъ, желая изучить обязанности священства, а второй—духовный отецъ и учитель его“ [3]). Эпистолярная форма матеріала не позволила автору отлить его въ болѣе или менѣе стройную логическую систему; однако, какъ онъ самъ предупреждаетъ, — „письма сіи, для вящшей пользы читающихъ, распредѣлены по свойству и естественной связи

---

[1]) См. предисловіе къ первому тому по 2 изд. 1843 г.

[2]) „Переписка“ по времени обнимаетъ періодъ съ 1830 г. по 1839 г. включительно, какъ показываетъ хронологическая дата письма 5-го въ I томѣ и первое изданіе книги въ 1840 году.

[3]) „Александръ Стурдза,“ соч. іером. Аноима: „Странникъ“ 1864 г. IV, стр. 48—49.

предметовъ, о которыхъ служители алтаря другъ съ другомъ бесѣдуютъ“ [1]). По руководству этого принципа весь матеріалъ переписки раздѣленъ *на семь книгъ*, изъ которыхъ первая говоритъ о приготовленіи къ священству (9 писемъ), вторая — о священнодѣйствіяхъ (9 писемъ), третья—объ исповѣди (12 п.), четвертая—о проповѣданіи слова Божія (11 п.), пятая — о законоучительствѣ (9 п.), шестая — объ обращеніи съ людьми (12 п.) и, наконецъ, седьмая—о званіи благовѣстника или миссіонера (12 п.); четыре первыя книги составляютъ первый томъ всего изданія, а три остальныя—второй. Въ началѣ первой книги находится вступленіе съ указаніемъ на причины, вызвавшія изданіе; въ двухъ слѣдующихъ излагаются самыя эти причины. 1) „Такъ какъ въ настоящее время,—говорится здѣсь,—уже много духовныхъ воспитанниковъ, стремящихся къ уразумѣнію божественной истины и къ дѣятельной по Христѣ жизни; то необходимо нужно, съ помощію Божіею, говорить во уши слушающихъ“... [2]). 2) „Теперь время весьма трудное“, продолжаетъ авторъ. „Цѣлый рой духовъ злобы, въ разныхъ видахъ, отъ странъ западныхъ, какъ бы несомый бурнымъ дыханіемъ вѣка сего, со всею яростію готовъ упасть на священное зданіе Церкви; и уже слышится тлетворное дыханіе сего въ нравственной нашей атмосферѣ. Если мы не будемъ заблаговременно приготовляться къ отраженію этихъ духовъ, то они могутъ помрачить чистоту божественной вѣры, внести пагубные слѣды злословія и заблужденій, воздвигнуть столпъ злобы и лукавства, перепутать мысли и сужденія,—однимъ словомъ — совершенно разъединить и погубить чадъ Православія. Посему, съ приближеніемъ такого грознаго врага, намъ необходимо *нужно удвоить наши оружейныя хранилища и особенно тѣ, которыя нужны священному сану*. Мы думаемъ, что въ изданной нами книгѣ собранъ достаточный запасъ самыхъ надежныхъ къ противодѣйствію оружій, потому что ими пользовались

---

[1]) См. предисловіе къ первому тому по 2 изд. 1843 г.

[2]) Цитов. біографія Стурдзы іером. Аноима: „Странникъ“ 1864 г. IV, стр. 49.

святые и богоносные отцы, заимствуя ихъ изъ Священнаго Писанія" [1]). Насколько „Письма" приближаются къ указанной цѣли, это будетъ видно изъ ихъ разсмотрѣнія.

Книга первая. При чтеніи перваго письма этой книги мы видимъ симпатичный образъ молодаго человѣка, окончившаго курсъ духовной академіи и назначеннаго на должность преподавателя. Его родные, доброжелатели и самъ архипастырь желаютъ видѣть въ молодомъ Александрѣ (такъ называется молодой человѣкъ) священника и побуждаютъ его не медлить принятіемъ сана. Но кандидатъ священства, при всемъ своемъ желаніи посвятить свои силы на служеніе Богу, находится въ тревожной думѣ относительно своей способности и подготовки къ такому великому служенію. Въ уединенной кельѣ, при слабомъ свѣтѣ луны и мерцаніи полуночныхъ звѣздъ, онъ слѣдитъ за теченіемъ своихъ мыслей: благонамѣренные совѣты друзей звучатъ для него укоризною, язвятъ пробужденную совѣсть и сугубо напоминаютъ ему объ его недостоинствѣ. Предъ нимъ проходятъ примѣры глубокаго смиренія, преподанные пастырямъ лучезарнымъ сонмомъ величайшихъ святителей Церкви. Онъ содрагается, трепещетъ и желаетъ сокрыться въ вертепы горъ, чтобы успокоить свою смущенную душу... Но слова апостола Павла: „аще кто епископства хощетъ, добра дѣла желаетъ" (1 Тим. III, 1)—снова ободряютъ его; въ немъ опять оживаетъ пламенное желаніе всю жизнь свою посвятить Христу,—и вотъ, не имѣя возможности выйти самостоятельно изъ этого мучительнаго недоумѣннаго положенія, онъ изображаетъ свое состояніе въ письмѣ къ своему духовному отцу и руководителю юности, прося старца разсѣять мракъ его души, обуреваемой сомнѣніями, помочь ему хотя заочно,—утѣшить, вразумить, наставить словомъ отеческой любви и опытной мудрости [2]).

---

[1]) Цитов. біографія Стурдзы іером. Анѳима: „Странникъ" 1864 г. IV, стр. 49.

[2]) Кажется, молодой кандидатъ священства учился въ кіевской академіи, былъ въ ней преподавателемъ и жилъ потомъ въ Кіево-Братскомъ монастырѣ, въ стѣнахъ котораго помѣщается и академія (см. т. 1-й, стр. 3, 12, 26, 37, 49; т. 2-й, стр. 57 и др.), а старецъ пишетъ изъ монастыря на берегахъ Волги (см. т. 1-й, стр. 37, 41).

— Въ письмѣ своего духовнаго сына старецъ увидѣлъ два вопроса: 1) принять ли ему жребій священнослуженія, и, если принять, то 2) какимъ образомъ приготовить себя для предназначенія столь высокаго и тяжкаго, объемлющаго и внутреннюю и внѣшнюю жизнь, и землю и небо, и время и вѣчность. Отвѣчая на первое недоумѣніе, старецъ говоритъ, что одинъ только „Великій Архіерей“ (Евр. VII, 26) былъ вполнѣ достоинъ Своего званія, а каждый изъ людей обложенъ немощію (Евр. V, 2) и потому не имѣетъ права считать себя достойнымъ этого великаго служенія. Но если Богъ желаетъ проявить силу Свою въ немощномъ орудіи, то человѣку остается только безпрекословно покориться „благой и совершенной волѣ“ (Дѣян. XI, 17).—Какъ узнать сію святую волю?—Воля Бога познается, во-первыхъ, изъ слова Его; во-вторыхъ—по плодамъ и указаніямъ молитвы; въ-третьихъ — глаголомъ происшествій нашей жизни. „Теперь стань со мною предъ Сердцевѣдцемъ,—пишетъ благочестивый старецъ своему молодому другу,—стань и дай отвѣтъ. Полюбилъ ли ты сіе божественное слово? Проникало ли оно иногда въ душу твою, яко мечъ? Навѣвало ли на тебя духъ сокрушенія, умиленія и радости? Не восклицалъ ли ты внутренно съ ап. Петромъ: „Господи, къ кому идемъ? Ты глаголы живота вѣчнаго имаши“ (Іоан. VI, 68). Читая сказанія о высокихъ подвигахъ святыхъ мужей Ветхаго и Новаго Завѣта, не ощущалъ ли ты въ глубинѣ души сильнаго влеченія идти по слѣдамъ ихъ? Если все сіе часто происходило съ тобою, то вѣдай, что въ сихъ ощущеніяхъ таились залоги и начатки предваряющей благодати, предвѣстія твоего будущаго призванія. Далѣе, если молитва располагала тебя къ благочестивому желанію пресвитерства о Христѣ, дѣятельнаго служенія ближнему,—къ желанію отвергнуться себя и взять крестъ свой, то понимай и здѣсь признакъ своего призванія. Наконецъ, тоже указываетъ и свитокъ твоей жизни: ты родился во внутренней оградѣ св. Церкви, ранняя смерть отца побуждала тебя искать опоры въ Богѣ; добрая мать и я недостойный старались предохранить тебя отъ увлеченій

и пороковъ, въ чемъ, съ Божіей помощію, и успѣли. Остается разсмотрѣть, не возникло ли въ волѣ и совѣсти твоей преградъ къ исполненію сей святой воли Отца небеснаго. Испытай же самого себя: а) не возобладала-ли умомъ твоимъ какая нибудь наклонность къ исключительному занятію науками, искусствомъ, промысломъ? Ибо совмѣстить что либо подобное съ служеніемъ пресвитера невозможно; б) съ тѣхъ поръ, какъ возмужалъ, усердно ли ты боролся съ трехглавымъ врагомъ спасенія нашего: похотью плоти, очесъ и гордости житейской? Если плоть обладаетъ тобою, если тебѣ чудятся въ будущемъ знаки отличія и богатства, если ты слабъ противъ духа гордости, то отстань, не прикасайся ковчегу завѣта. Подумай о всемъ этомъ, молись Богу и, если будешь достоинъ, благодать Божія снидетъ на тебя" (Письмо 2).

— Александръ цѣлуетъ посланіе своего наставника и вполнѣ убѣждается его доводами въ пользу своего призванія на служеніе Церкви. По совѣту старца, онъ начинаетъ испытывать свое сердце, старается навести лучъ истины на самые сокровенные изгибы его, извѣдывать тайныя побужденія, коими питается въ немъ трепетное желаніе священства. Онъ отклоняетъ на время свое посвященіе и снова проситъ старца предписать ему „подробно и повелительно, въ чемъ должны состоять предуготовительные подвиги, упражненія и труды, чтенія и молитвенныя восхожденія раба Христова, избраннаго къ тому, чтобы совершать святыя таинства и пасти Христово стадо" (Письмо 3).

— По мысли наставника, приготовленіе кандидата священства должно простираться на всѣ способности его души: умъ, сердце и волю. Основываясь на словахъ апостола Павла: „нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ" (Еф. VI, 12), онъ признаетъ особенную необходимость приготовленія умственнаго. Пресвитеру православной апостольской Церкви надобно знать 1) Священное Писаніе и 2) Священное Преданіе въ самыхъ первоисточникахъ ихъ;

послѣдніе образуютъ область Богословія, которое раздѣляется на огласительное и высшее — Догматическое, Нравственное и Пастырское Богословіе. Знаніе этихъ предметовъ вооружаетъ пастыря противъ ересей, разномыслія, софизмовъ суемудрія и соблазновъ мірскаго своеволія. Для изученія огласительнаго ученія пресвитеру нужно сравнивать между собою всѣ лучшіе катихизисы, начиная съ Кирилла Іерусалимскаго и Іоанна Дамаскина до современныхъ намъ — Петра Могилы, св. Димитрія Ростовскаго, Платона и Филарета, митрополитовъ московскихъ; полезно также познакомиться съ твореніями патріарха Іереміи и Мелетія Пигаса. Для ознакомленія съ высшимъ Богословіемъ необходимо читать св. отцевъ: сочиненія Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, творенія Игнатія Богоносца, св. Поликарпа, Діонисія Ареопагита, Іустина, Аѳанасія Великаго, Кирилла Александрійскаго, Амвросія и Августина,—и все это слѣдуетъ дополнять и выяснять изученіемъ Церковной Исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ достойному сего имени пресвитеру необходимо нужно читать правила Вселенскихъ соборовъ, Кормчую Книгу и „Книгу о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ", какъ источники и основанія церковнаго закона и права.

Въ качествѣ вспомогательныхъ орудій для своего образованія священнику „потребны" языки греческій и латинскій, особенно первый, ибо на немъ первоначально написанъ Новый Завѣтъ, а также—еврейскій, какъ первое орудіе откровенія Божія. Пусть кандидатъ священства сравнитъ степень своихъ познаній съ этимъ очеркомъ и дополнитъ недостающее (п. 4).

— Молодой человѣкъ сознается, что его познанія далеко не полны для предстоящей должности; посему, изъявляя свое полное согласіе заняться тщательнымъ изученіемъ указанныхъ предметовъ, онъ присоединяетъ намѣреніе кромѣ того ознакомиться поближе съ церковнымъ уставомъ, съ книгою Симеона Солунскаго о храмѣ и литургіи, требникомъ и вообще богослужебными книгами. Къ древнимъ языкамъ онъ хочетъ присоединить изученіе языковъ

новыхъ—французскаго и нѣмецкаго, посредствомъ которыхъ, можетъ быть, случится спасти отъ погибели душу заблудшую; на эти занятія полагается два—три года. Письмо оканчивается новою просьбою къ учителю—повести далѣе своего питомца (п. 5).

— Но опытный старецъ, вмѣсто указанія дальнѣйшаго пути, уже умѣряетъ ревность своего духовнаго сына. Онъ предписываетъ молодому человѣку беречь свои силы и здоровье, не напрягать чрезъ мѣру умственныхъ способностей, чтобы не изнемочь на пути и вспять не обратиться; рекомендуетъ искать отдохновенія въ сообществѣ хорошихъ людей и въ частности выбрать одного изъ нихъ въ качествѣ ближайшаго руководителя. Сообщивши затѣмъ нѣсколько правилъ христіанскаго поведенія, учитель оставляетъ питомца на волю Божію и на нѣсколько мѣсяцевъ прекращаетъ переписку (п. 6).—Оставшись безъ уроковъ письменныхъ, Александръ вмѣсто того получилъ урокъ жизненный. Предъ его глазами появилась и развилась холера. Среди скорбей онъ видѣлъ пресвитеровъ, безтрепетно и радостно подвергавшихся опасности смерти, помогавшихъ больнымъ и желавшихъ спасти если не тѣла, то по крайней мѣрѣ ихъ души; видѣлъ и такихъ, которые уклонялись отъ этого. Онъ самъ отсталъ отъ книгъ и посвятилъ себя служенію болящимъ. Година искушенія ускорила рѣшеніе его вступить на поприще дѣятельнаго служенія Церкви. Съ помощію матери онъ избираетъ себѣ невѣсту, подругу своего дѣтства, и проситъ старца, замѣнившаго для него роднаго отца, благословить его на бракъ (п. 7).

— Отвѣчая на запросъ Александра, старецъ излагаетъ ему правила, преподанныя словомъ Божіимъ и уставами Церкви относительно брака кандидатовъ священства. 1) Пресвитеру подобаетъ быть „единыя жены мужу“ (1 Тим. III, 2), т. е. ему запрещается вторичный бракъ; а правила соборовъ постановили, чтобы ищущій священства вступалъ въ бракъ съ дѣвою, а не вдовою. 2) Доброму священнику надлежитъ имѣть спутницею жизни искренно вѣрующую и благочестивую жену. 3) Супруга

православнаго іерея должна быть сестрою ему по духу; она помощница и сподвижница его въ непорочной жизни, дѣлахъ вѣры, терпѣнія и любви. Если же случится, что ставленникъ замѣтитъ въ своей женѣ холодность къ молитвѣ, незнаніе христіанскихъ обязанностей, сварливый нравъ или что либо подобное, то пусть не спѣшитъ съ своимъ поставленіемъ. Пусть прежде займется исправленіемъ жены, ибо въ противномъ случаѣ она будетъ не помощницею для него, а виновницей соблазновъ и преткновеній. Далѣе указываются общія качества жены—христіанки (1 Тим. III, 10—11, 13). Когда все это по возможности сдѣлано, ищущій священства долженъ еще разъ искусить себя, принести покаяніе, пріобщиться св. Таинъ и, въ ожиданіи посвященія, привыкать къ мысли, что жизнь его должна будетъ служить примѣромъ для пасомыхъ (п. 8).

— Девятое и послѣднее письмо первой книги писано Александромъ уже въ санѣ діакона. Его вниманіе занято богослуженіемъ, сказываніемъ проповѣдей дома (въ смыслѣ упражненія) и въ церкви, исправленіемъ требъ, а остатокъ времени посвященъ продолженію неоконченныхъ приготовительныхъ чтеній. Общее настроеніе его восторженное. „Сижу ли я дома, бесѣдую ли, занимаюсь ли чѣмъ бы то ни было,—характерно выражается онъ о себѣ,—мнѣ все кажется, что *я долженъ почтительно обходиться съ самимъ собою*, ибо, по слову апостола,—*нѣсмь свой*“ (1 Кор. VI, 12).

Книга вторая. Теперь Александръ уже пресвитеръ. Узнавъ объ этомъ, заботливый старецъ излагаетъ предъ нимъ ученіе Св. Писанія и Церкви о важности и трудности сего служенія, указываетъ тяжкую отвѣтственность за небреженіе и даетъ нѣсколько правилъ для руководства въ предстоящей дѣятельности. Пресвитеръ, по словамъ старца, долженъ быть слугою для всѣхъ (Матѳ. IX, 35); служеніе это состоитъ въ томъ, чтобы быть 1) проповѣдникомъ вѣры, 2) руководителемъ совѣсти и 3) совершителемъ таинствъ. Будучи слугою своихъ ближнихъ, онъ долженъ остерегаться гордости и тщеславія, особенно же долженъ стараться оказывать всевозможное почтеніе къ старшему себя по лѣтамъ. Эти пороки самого

пресвитера влекутъ въ пучину грѣха и онъ уже не можетъ спасать другихъ: „аще соль земли обуяетъ, чимъ осолится“ [1])?

— Совѣты старца пригодились. О. Александръ получилъ назначеніе на бѣдный приходъ и изъ преподавателя академіи долженъ былъ сдѣлаться бѣднымъ сельскимъ іереемъ. „Внявъ нежданному приговору,—пишетъ онъ, — я вспыхнулъ; академическія мечты „обыдоша мя, яко пчелы сотъ“; гордость моя неукротимо возставала на униженіе, казалось, незаслуженное“... Но слова любви учителя, заключенныя въ его письмѣ, тихо, немолчно раздались въ глубинѣ самолюбиваго сердца и мало-помалу утишили бурю. „Иду, отче, иду, куда посылаютъ меня“, говоритъ онъ. Низменный, ветхій, малоукрашенный храмъ, въ которомъ долженъ былъ служить о. Александръ, подъ вліяніемъ теплой и искренней молитвы въ его представленіи неизмѣримо расширялся, обновлялся и украшался: осязательное присутствіе Самого Бога на престолѣ алтаря дѣлало изъ него чертогъ Царя небеснаго. Священникъ вполнѣ удовлетворенъ. Послѣ обѣдни въ немногихъ словахъ къ прихожанамъ онъ проситъ у нихъ взаимной любви для себя.—Тотчасъ же приглашаютъ его крестить слабаго ребенка. Онъ спѣшитъ, совершаетъ таинство и послѣ того дѣлаетъ родителямъ новокрещеннаго приличное случаю назиданіе, напоминая о долгѣ ихъ воспитывать дѣтей въ страхѣ Божіемъ, пріучать къ молитвѣ и усовершать въ благочестіи собственнымъ примѣромъ. Такъ началось служеніе молодаго священника его прихожанамъ (п. 2).

— Получивъ извѣстіе о первыхъ шагахъ о. Александра на приходѣ, предусмотрительный собесѣдникъ не пропускаетъ случая предложить свои наставленія и для дальнѣйшей дѣятельности пастыря. „Во время священнодѣйствія будь бдителенъ, другъ мой,—пишетъ онъ,—внемли себѣ болѣе обыкновеннаго. Предъ литургіей безотлагательно отправляй всѣ положенныя службы, читай правило и причастныя молитвы. Во время служенія мужественно

[1]) Письмо 1. Ср. Мѳ. V, 13; VI, 23.

борись съ разсѣянностью, не допуская себя охладѣть предъ таинствами чрезъ частое совершеніе ихъ. Отъ причетниковъ требуй внятнаго чтенія и пристойнаго пѣнія, самъ подавай этому примѣръ и разъясняй непонятное для нихъ. Введи благочиніе, порядокъ и тишину во время богослуженій; пусть не обходятъ храмъ съ кружкой въ тотъ самый моментъ, когда освящается страшная безкровная жертва, и въ подобные моменты".— Но чѣмъ же будетъ поддерживать свое семейство священникъ на бѣдномъ приходѣ?—Вопросъ очень важный, и потому старецъ проситъ своего питомца успокоить духъ его относительно этого предмета (п. 3).

— Отвѣчая на вопросъ старца, о. Александръ пишетъ ему, что въ дополненіе къ скуднымъ доходамъ по должности онъ взялъ на себя нѣсколько частныхъ уроковъ по Закону Божію, всеобщей исторіи, латинскому языку и словесности, но въ такомъ количествѣ, чтобъ чрезъ уроки не отнимать времени отъ прямыхъ обязанностей. Далѣе онъ описываетъ совершеніе имъ таинства брака, при которомъ брачущіеся получили соотвѣтствующее ихъ положенію назиданіе. Ревность о. Александра ввела его приэтомъ въ столкновеніе съ его сослужителемъ. Онъ требовалъ, чтобы брачущіеся предварительно исповѣдались и пріобщились св. Таинъ, а сослужитель его утверждалъ, что о. Александръ чрезъ мѣру взыскателенъ и требуетъ того, что часто бываетъ неудобоисполнимо. Этотъ случай далъ почувствовать доброму пастырю тяжесть его служенія и смутилъ его духъ (п. 4).

— Но старецъ и здѣсь подкрѣпляетъ его своими совѣтами, а относительно возникшаго спора хотя и одобряетъ ревность его, но совѣтуетъ быть сдержаннѣе на будущее время—снисходить къ слабостямъ человѣческимъ, хотя впрочемъ и не потворствовать прихотямъ растлѣнной природы (п. 5).

— Въ слѣдующемъ письмѣ о. Александръ сообщаетъ своему учителю о томъ, что онъ, по влеченію своего долга, заходилъ въ семейство богатаго больнаго доктора, надъ которымъ наканунѣ онъ вмѣстѣ съ другими совершалъ таинство елеосвященія, и, замѣтивъ улучшеніе его

здоровья, сказалъ нравственное назиданіе его домашнимъ (п. 6). Книга заканчивается просьбой о. Александра къ своему учителю—дать ему руководство къ совершенію таинства исповѣди (п. 9).

Книга третья. Повинуясь желанію своего духовнаго сына, старецъ пишетъ цѣлую систему наставленій и совѣтовъ для пастыря относительно исповѣди. Для благотворнаго и спасительнаго совершенія этого таинства священникъ прежде всего долженъ очистить свою совѣсть: вникать въ потребности и врачевать болѣзни душъ другихъ можетъ только тотъ, кто самъ внимательно осмотрѣлъ язвы своей души и уврачевалъ ея болѣзни. Кромѣ того, онъ долженъ проникнуться полною вѣрою въ силу и дѣйственность совершаемаго таинства: посланникъ, не довѣряющій своему полномочію, будетъ дѣйствовать вяло, мнительно и небрежно. Наконецъ, судіи совѣстей должно закрыть глаза свои „на лица" — званія, чины, богатство и даже заслуги исповѣдающихся грѣшниковъ. Мы всѣ— нищіе предъ благодатію Бога, Которому принадлежитъ здѣсь судъ. Для руководства рекомендуется читать сочиненія Златоуста „о покаяніи" и „къ Ѳеодору падшему" (п. 1).

— По душевному настроенію своему всѣ кающіеся раздѣляются на три разряда: люди безпечные, колеблющіеся и впадшіе въ отчаяніе. Для первыхъ нуженъ пастырскій жезлъ, для вторыхъ — ключъ милосердія Божія. Въ частности — чѣмъ пособить безпечнымъ, — какъ достичь того, чтобы въ нихъ пробудить чувство сердечнаго сокрушенія? Нужно призывать всѣхъ предстоящихъ къ молитвѣ и сокрушенію о грѣхахъ въ той надеждѣ, что и безпечный будетъ увлеченъ примѣромъ своихъ сосѣдей подобно тому, какъ смѣхъ и плачъ заразительно дѣйствуютъ на цѣлыя тысячи людей. Предъ началомъ исповѣди слѣдуетъ особенно обратить вниманіе на слова: „се, чадо, Христосъ невидимо стоитъ, пріемля исповѣданіе твое"... и напомнить кающемуся о смерти. Во время исповѣди не прерывать кающагося, но раскрывать тяжесть грѣховъ его соотвѣтствующими мѣстами Св. Писанія. Въ потреб-

ныхъ случаяхъ позволительна эпитимія: молитва, постъ, милостыня. При нетвердомъ знаніи пришедшимъ христіанскихъ обязанностей по отношенію къ Богу, ближнему и самому себѣ, слѣдуетъ вкратцѣ изложить ихъ. Въ затруднительныхъ недоумѣніяхъ или вопросахъ со стороны кающагося не нужно спѣшить отвѣтомъ; лучше сначала подумать, а въ случаѣ неразрѣшимости вопроса собственными усиліями обратиться къ своему архипастырю и принять наставленіе отъ него (п. 2).

— Какъ помочь колеблющимся въ помышленіяхъ своихъ, мнительнымъ и взыскательнымъ къ себѣ?—Если эти грѣшники оставили прежнія беззаконія и исповѣдались, но все еще мучатся опасеніемъ за нихъ, то священникъ долженъ узнать причину опасеній и успокоить ихъ указаніемъ на заслуги Искупителя и милосердіе Его къ сокрушенному сердцу, на силу вѣры и таинства исповѣди, на примѣры святыхъ и благочестивыхъ людей, которые, подвергаясь тѣмъ же сомнѣніямъ, все же получили небесную награду, доведя до конца свой подвигъ (п. 4).

— Что долженъ дѣлать священникъ съ тѣми грѣшниками, которые отчаяваются въ своемъ спасеніи, или заражены сомнѣніями относительно вѣры и божественнаго Откровенія?—Первые нуждаются въ томъ, чтобы избавить ихъ отъ унынія и лѣности духа: ибо это приводитъ ихъ къ отчаянію. Если такой человѣкъ пришелъ на исповѣдь, то это вѣрный знакъ, что искра добра въ немъ еще есть. Побудивши его къ возможно полному раскрытію грѣховъ, священникъ долженъ явить ему силу своей вѣры, представить примѣры Давида, Манассіи, благоразумнаго разбойника, Маріи Египетской и блаж. Августина; послѣ этого нужно начертать для него планъ покаянія и исправленія, приспособляясь къ лицу, времени и мѣсту, и наконецъ наблюдать за нимъ послѣ исповѣди (п. 5).

— Но вотъ священника приглашаютъ въ домъ зажиточнаго прихожанина, который считается между сосѣдями ученымъ человѣкомъ. Оказывается, что онъ много читалъ, но плодомъ чтенія явилось сомнѣніе въ вѣрѣ и истинахъ божественнаго Откровенія. Онъ хочетъ исповѣдаться, чтобы

во время исповѣди разрѣшить свои сомнѣнія и успокоиться, или получить возможность совершенно отвергнуть и вѣру и Откровеніе. Что дѣлать съ такимъ человѣкомъ священнику? — О. Александръ на нѣкоторое время отклонилъ этого человѣка отъ исповѣди и посовѣтовалъ ему сначала поглубже вдуматься въ свои мысли и настроеніе, а потомъ подчиниться общему закону, въ силу котораго уваженіе къ свидѣтелямъ истины пораждаетъ въ насъ вѣрованіе (п. 6). Затѣмъ, по совѣту старца (п. 7), онъ неоднократно посѣщаетъ своего духовнаго „паціента", бесѣдуетъ о причинахъ недовѣрія его къ Откровенію, разрѣшаетъ его запросы, остерегаясь опрометчиваго или неудовлетворительнаго отвѣта, даетъ ему читать отрывки изъ Лейбница, Гроція и др. Но добрыхъ плодовъ отъ этого не замѣчалось. Наконецъ, хотя и неохотно, „гордый умствователь" взялся за чтеніе Евангелія; эта книга и горячая рѣчь священника въ защиту богооткровенности Библіи умилили сердце его, и онъ преклонился предъ словомъ Божіимъ и служителемъ Его. Далѣе излагаются способы и характеръ борьбы пастыря съ католическими (п. 8) и протестантскими заблужденіями, которыя пришлось встрѣтить о. Александру въ своихъ духовныхъ чадахъ (п. 9).

— Кромѣ взрослыхъ людей къ таинству исповѣди приступаютъ и дѣти. Относительно обращенія съ ними въ разсматриваемой книгѣ читаемъ такъ-же нѣсколько замѣчаній. Прежде всего здѣсь рекомендуется духовнику отрѣшиться отъ пріятнаго, но невѣрнаго взгляда на дѣтей, какъ существъ невинныхъ, и остерегаться ребяческаго способа исповѣди ихъ. Напротивъ, нужно серьезно взглянуть на ихъ дѣтскіе пороки, настойчиво отклонять отъ подражанія дурнымъ примѣрамъ и развитія въ себѣ грѣховныхъ привычекъ, указывая на вездѣприсутствіе Бога, Который все видитъ и слышитъ; полезно указывать, что за нашими поступками постоянно слѣдитъ ангелъ — хранитель, отъ котораго мы нигдѣ не скроемся въ своихъ грѣхахъ, но который готовъ помочь намъ во всякомъ добромъ дѣлѣ. Библейскій языкъ и примѣры святыхъ производятъ на дѣтей замѣтно сильное впечатлѣніе,

Письмо заканчивается просьбой о. Александра помочь ему совѣтомъ въ обращеніи съ умирающими и въ напутствованіи ихъ (п. 10).

— По словамъ старца, долгъ напутствованія умирающихъ настолько важенъ, что для исполненія его пресвитеръ долженъ отказаться отъ пищи и сна, отъ отдохновенія и молитвы, — спѣшить къ больному днемъ и ночью, когда это потребуется, даже прекратить служеніе литургіи, если приглашеніе получено до великаго входа. Узнавши стороной о болѣзни прихожанина, священникъ не долженъ ждать приглашенія, а немедленно посѣщать его, стараясь приготовить больнаго къ принятію св. Таинъ, пока онъ еще находится въ памяти и сознаніи. При исповѣди можно иногда облегчать для страждущаго тяжкія признанія, сокращать подробности и ограничиться исповѣданіемъ особенно тѣхъ грѣховъ, которые наиболѣе смущаютъ грѣшную душу, и внушить твердое рѣшеніе исправить жизнь свою, если Господь продлитъ ее. Если больной лишился голоса, можно довольствоваться жестами и, судя по нимъ, преподать напутствіе. Это же допускается и въ томъ случаѣ, когда священникъ нашелъ больнаго безъ чувствъ, но достойные довѣрія люди скажутъ ему, что признаки сокрушенія больнаго о грѣхахъ они видѣли. Но не слѣдуютъ напутствовать упорныхъ грѣшниковъ. Всѣхъ же вообще больныхъ должно утѣшать, ободрять и воодушевлять надеждою на милосердіе Божіе. Особенно нужно вносить это утѣшеніе, ободреніе и надежду въ мѣста заключенія, гдѣ священникъ является единственнымъ другомъ и почти буквально ангеломъ Бога — Утѣшителя (п. 11).

— Что сказать о видѣніяхъ, изступленіяхъ и восторженіяхъ духа, когда кающійся сообщитъ о нихъ духовнику? По совѣту старца, нужно строго „искушать духи, откуда они“. Предметъ видѣнія, исходящаго отъ Бога, долженъ быть согласенъ съ божественнымъ Откровеніемъ. Кающійся и удостоенный видѣнія отъ Бога долженъ быть благочестивымъ человѣкомъ, ибо „роса божественная не обитаетъ въ грязныхъ сосудахъ“. Послѣдствіемъ его должны быть

„любовь, радость, миръ, долготерпѣніе“ и прочіе дары Св. Духа. Во всѣхъ другихъ условіяхъ видѣніе не есть отъ Бога (п. 12). Этимъ заканчивается третья книга.

Книга четвертая. Этотъ отдѣлъ „духовной переписки“ начинается сѣтованіемъ о. Александра о томъ, что суета міра подавляетъ его, умъ бездѣйствуетъ, сердце коснѣетъ; у него нѣтъ того избытка сердца, въ силу котораго „уста глаголютъ“. Онъ не проповѣдуетъ, хотя и не приводитъ въ свое оправданіе тѣхъ извиненій, какія слышатся вокругъ него; напротивъ, онъ считаетъ себя безотвѣтнымъ предъ Богомъ и совѣстію, читая слова Апостола: „горе мнѣ, аще не благовѣствую“ (1 Кор. IX, 16).

Въ отвѣтъ на это учитель совѣтуетъ неопытному проповѣднику обратить свое вниманіе на великіе образцы проповѣди у отцевъ Церкви и позаимствовать оттуда это искусство. Нужно помнить только, что церковная проповѣдь дѣйственна не столько силою, краснорѣчіемъ и талантливостью оратора, сколько благодатію Божіею; о ней-то и нужно предварительно молиться (п. п. 1 и 2). Далѣе говорится о евангельскихъ и апостольскихъ чтеніяхъ, какъ естественномъ руководствѣ для порядка изъясненія Св. Писанія съ церковной каѳедры, объ умѣстности текста въ началѣ рѣчи, о логическомъ построеніи проповѣди, о предметѣ ея, о нуждахъ слушателей, требующихъ проповѣдническаго слова (п. п. 3 и 4), о причинахъ встрѣчающейся безуспѣшности проповѣди и признакахъ ея дѣйственности; разсматривается языкъ церковныхъ поученій, ораторскіе пріемы, умѣстные на каѳедрѣ, отношеніе къ слушателямъ (п. 5); приводится примѣрный порядокъ поученій на св. Четыредесятницу съ евангельскими и апостольскими текстами (п. п. 6 и 7); наконецъ, дается сужденіе о составленіи и произношеніи надгробныхъ словъ (п. п. 8 и 9) и поученій для простаго сельскаго народа: для дѣтей и взрослыхъ (п. п. 10 и 11).

Книга пятая. Вопросъ объ учительствѣ священника въ школѣ былъ затронутъ уже въ періодической литературѣ первой половины нашего столѣтія. Тамъ имѣлось въ виду учительство въ школѣ грамотности; учениками

предполагались дѣти въ собственномъ смыслѣ, и учительство это, точно такъ-же какъ и послѣшкольное руководительство бывшихъ учениковъ, было признано вполнѣ естественнымъ и обязательнымъ для пастыря Церкви.— Нѣсколько иной типъ учительства въ школѣ даетъ намъ предлежащій отдѣлъ сочиненія А. С. Стурдзы. „Письма о должностяхъ священнаго сана“ вводятъ священника на каѳедру законоучителя двухъ учебныхъ заведеній большаго города; занятіе уже не обязательно для него, но „предложено“ ему; ученики — уже не дѣти, а отроки и юноши; вмѣсто того, чтобы самому создавать порядокъ преподаванія учебныхъ предметовъ, установлять правила дисциплины и быть единственнымъ учителемъ цѣлаго заведенія, какъ это предполагалось въ школѣ, — здѣсь священникъ является однимъ изъ многихъ образованныхъ преподавателей, подчиняется оффиціальнымъ программамъ и порядкамъ въ преподаваніи и дисциплинѣ и т. д. Эта новая обстановка для учительской дѣятельности священника, для многихъ пастырей имѣющая мѣсто и въ настоящее время, заставляетъ насъ остановиться на письмахъ „о законоучительствѣ“.

Уставами учебныхъ заведеній Законъ Божій поставленъ „во главѣ угла“, но въ тоже время онъ входитъ въ систему преподаваемыхъ предметовъ, какъ всякая другая наука. Въ усвоеніи каждой науки дѣйствуютъ преимущественно умъ и память. Наука Закона Божія, не отрицая этихъ факторовъ, должна дѣйствовать главнѣе всего на совѣсть учащихся, на ихъ сердце и волю, чтобы научить питомцевъ „вѣдать волю Господина своего и творить ее“ (Римл. I, 18). Какъ достигнуть этой цѣли (п. 1)?

— Въ отвѣтъ на это старецъ говоритъ, что преподаваніе Закона Божія должно быть „точно, ибо и единая черта не прейдетъ отъ закона“ (Матѳ. V, 18), но не сухо, потому что въ Откровеніи скрытъ „источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный“ (Іоан. IV, 14). Посему для законоучителя даются слѣдующія правила: „будь живымъ оглашеніемъ твоихъ слушателей, — отъ дѣлъ твоихъ

покажи имъ вѣру твою“ (Іак. II, 18) и обращайся съ ними, какъ съ родными дѣтьми, а не какъ съ праздными „слушателями слова“ (Іак. I, 22). Преподавай въ классахъ, а назидай внѣ оныхъ. Пріучай къ чтенію св. Евангелія, заучивай замѣчательные евангельскіе тексты, стараясь познакомить учащихся съ языкомъ Церкви (п. 2); соединяй съ нравоученіемъ изложеніе священно-историческихъ событій (п. 3); пріучай слушателей къ молитвѣ, поступай съ ними подобно садовнику, котораго обязанность есть „сѣять, прививать, обрѣзывать, окапывать, пересаживать и поливать“ молодыя деревья. Законоучитель долженъ *сѣять,* т. е. учить дѣтей повѣствованіемъ, увѣщаніями, молитвою, объясненіемъ вѣчныхъ истинъ. *Прививать*, ибо онъ обязанъ проникать въ свойства души, наклонности и пороки своихъ учениковъ, внѣдрять въ нихъ вѣру и любовь и слѣдить за ними, пока эти добродѣтели не обратятся въ сокъ и кровь. *Обрѣзывать*, т. е. отсѣкать побужденія и случаи ко грѣху, смирять порывы дѣтскаго самолюбія и гордости. *Окапывать*, т. е. предостерегать и ограждать дѣтей отъ злыхъ бесѣдъ и опаснаго общества съ порочными людьми. *Пересаживать* и *поливать*, т. е. возводить преуспѣвающихъ „отъ силы въ силу“ (п 4). Въ частности ученицамъ — дѣвочкамъ нужно раскрывать ихъ будущее призваніе: святость брачнаго союза и санъ матери, указать на честь, воздаваемую дѣвству, предостеречь отъ соблазновъ, ожидающихъ ихъ за порогомъ школы, представить примѣры евангельскихъ и историческихъ женщинъ и дѣвъ, имѣя въ виду, что умъ дѣвочекъ менѣе склоненъ къ отвлеченностямъ и чуждается ученыхъ преній и доказательствъ. Подобные уроки особенно важны для дѣвицъ и не имѣютъ такого значенія для мущины: кругъ дѣятельности послѣдняго до безконечности измѣняется, тогда какъ удѣлъ женщины можно въ общемъ предусмотрѣть еще въ школѣ (п. 6). Далѣе предлагается примѣрный конспектъ для преподаванія богословскихъ наукъ, напоминающій нѣсколько программу этихъ предметовъ въ современныхъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (п. 8). Книга заканчивается описаніемъ кати-

хизаторскихъ трудовъ одного сельскаго священника въ приходѣ, куда о. Александръ пріѣхалъ по семейнымъ обстоятельствамъ. Описаніе это такъ интересно и такъ поучительно даже для современнаго пастыря, что мы считаемъ своимъ долгомъ хотя кратко изложить его.

По смыслу разсказа, который ведется отъ имени самого дѣйствующаго пастыря, оказывается, что въ первое время прихожане смотрѣли на него только какъ на требоисправителя. Съ цѣлью разсѣять это предубѣжденіе онъ началъ проповѣдывать. Его охотно слушали, но слабо понимали: онъ сѣялъ „на камени". Тогда онъ принялся за дѣтей. Школы не было, пришлось пріискивать иные пункты собранія. И вотъ священникъ сперва заманилъ къ себѣ въ праздникъ нѣсколько малютокъ и сталъ обучать ихъ молитвамъ, заповѣдямъ и священной исторіи. Вскорѣ число учениковъ увеличилось; тогда пастырь сталъ убѣждать уже родителей, чтобы они сами посылали къ нему дѣтей—и тогда дѣло катихизаціи пошло успѣшно. Методъ катихизаціи былъ повѣствовательный, — методъ „семейнаго круга и роднаго очага". Послѣ простыхъ и вразумительныхъ разсказовъ изъ священной исторіи изучался краткій катихизисъ. Много пришлось вытерпѣть непріятностей и неудобствъ: приходилось учить урывками, дорожить временемъ, ловить свободные зимніе часы, чтобы не отрывать дѣтей отъ домашнихъ и лѣтнихъ полевыхъ работъ, къ которымъ они предназначены. Но этого было достаточно: теперь, черезъ 19-ть лѣтъ, собранія дѣтей обратились въ привычку и обычай; мѣстомъ собранія стала ограда церковная, а скоро будетъ и школа. Учителя для „системы взаимнаго обученія" уже готовы между старшими учениками. Въ селѣ стало гораздо меньше пьяницъ, дракъ, воровства и нищеты; появились истинно-христіанскія семейства; были примѣры христіанскаго „положенія души за други своя" (при отбываніи воинской повинности); миролюбіе обратилось въ обыкновеніе и т. д. Жатва пріятная и обильная, при одномъ воспоминаніи о которой добрый пастырь заплакалъ слезами радости и благодаренія Богу (п. 9).

Книга шестая. Настоящій отдѣлъ „духовной переписки" посвященъ разсужденіямъ объ обращеніи священника съ людьми: простыми крестьянами, помѣщиками и ближайшимъ начальствомъ. О. Александръ съ нескрываемой симпатіей относится къ примѣру указаннаго въ предыдущемъ письмѣ сельскаго священника, который въ своихъ отношеніяхъ къ прихожанамъ вполнѣ заслуживаетъ подражанія. Снискавъ довѣріе, признательность и сыновнюю любовь ихъ, онъ уже не заботится о хлѣбѣ насущномъ: прихожане обработываютъ его поле и всегда съ радостію помогаютъ ему. За нѣкоторыя требоисправленія платы совершенно не полагается, за другія—вознагражденіе вносится и размѣряется совѣстію подающихъ. Чрезъ это доходы его не уменьшились, между тѣмъ отношенія духовнаго отца къ дѣтямъ сохранились и улучшились.—Въ сношеніяхъ съ молодымъ помѣщикомъ и вотчиннымъ управителемъ онъ почтителенъ, но безъ всякаго малодушія и потворства, и смѣло обращается къ нимъ съ увѣщаніемъ и ходатайствомъ за утѣсненныхъ и т. д. Съ ближайшимъ духовнымъ начальствомъ онъ живетъ въ согласіи, основанномъ на точномъ соблюденіи общепринятыхъ обязанностей, порядка, повиновенія и отчетностей (п. 1).

Въ кругѣ своего прихода и внѣ его священникъ встрѣчается съ самыми разнообразными людьми и затруднительными обстоятельствами въ отношеніяхъ къ нимъ. Онъ обращается съ людьми учеными, но не склоняется къ „мудрости міра сего" и не стыдится „буйства проповѣди". Ему приходится быть миротворцемъ среди враждующихъ членовъ семейства (п. 2): онъ внимателенъ, терпѣливъ, остороженъ, кротокъ и твердъ, но въ тоже время „не разсыпаетъ бисера предъ свиньями", т. е. отклоняетъ всякое сношеніе съ человѣкомъ, если замѣчаетъ въ немъ шутливый взглядъ на высокіе предметы вѣроученія и нравственности (п. 3). Онъ — утѣшитель несчастныхъ; онъ молится за нихъ и съ ними, молитвою низводитъ миръ въ огорченную душу и своими бесѣдами призываетъ ко Христу, Который сказалъ: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою

вы“ (п. 4). Онъ—помощникъ бѣдныхъ, учитель богатыхъ (п. 6), попечитель, совѣтникъ, ходатай для всѣхъ въ предѣлахъ своего прихода. Гдѣ не достаточно его единичныхъ силъ, тамъ онъ ищетъ себѣ помощниковъ между сослуживцами и прочими прихожанами. Въ однихъ случаяхъ онъ дѣйствуетъ рѣшительно, въ другихъ вооружается терпѣніемъ (п. 7). Въ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ онъ миролюбивъ, но внимательно оберегаетъ своихъ духовныхъ дѣтей отъ увлеченія иновѣріемъ, раскрывая его пагубность и несостоятельность (п. 9). У него спрашиваютъ совѣта относительно выбора книгъ для чтенія, и въ отвѣтъ на такой запросъ онъ рекомендуетъ осторожность, предпочитая любимымъ романамъ историческія сочиненія и хорошихъ поэтовъ, каковъ напр. Ѳ. Н. Глинка. Изъ книгъ духовнаго содержанія онъ указываетъ сочиненія православныхъ догматистовъ, нравоученія отцевъ восточной Церкви: Златоуста, Григорія Богослова, Василія Великаго и др., изъ западныхъ—Амвросія; изъ русскихъ изданій—журналъ „Христіанское Чтеніе“, Добротолюбіе. Для грамотныхъ простолюдиновъ указываются творенія Тихона Воронежскаго, Училище Благочестія, житія святыхъ, „Воскресное Чтеніе“ и др. (п. 10). Книга заканчивается разсказомъ о. Александра о бесѣдахъ его съ молодымъ евреемъ, прозелитомъ православія (п. 11), и письмомъ его сотрудника о смерти его жены, послѣ чего о. Александръ принялъ монашество и всѣ свои силы посвятилъ дѣятельности миссіонера (п. 12).

Здѣсь мы оканчиваемъ изложеніе содержанія „духовной переписки“ [1]. Не смотря на то, что нами опущены всѣ подробности личныхъ отношеній бесѣдующихъ, очеркъ

[1]) Кромѣ изложенныхъ отдѣловъ въ „Письмахъ“ есть еще отдѣлъ (7-я книга) „о званіи миссіонера или благовѣстника“, въ которомъ находятся разсужденія о монашескомъ чинѣ и миссіонерскомъ служеніи. Впослѣдствіи авторъ сдѣлалъ еще дополненіе къ „Письмамъ“, исторически подтверждающее все то, что сказано въ этой книгѣ о священническомъ служеніи. Это дополненіе извѣстно подъ заглавіемъ: „Памятникъ трудовъ православныхъ благовѣстниковъ русскихъ съ 1793 по 1853 г.“ Оно было послѣднимъ сочиненіемъ А. С. и издано въ 1853 г. См. „Александръ Стурдза“ іером. Анѳима: „Странникъ“ 1864 г. IV, стр. 58.

вышелъ довольно обширнымъ. Это послѣднее обстоятельство произошло оттого, что мы не сочли себя вправѣ уничтожить или сгладить эпистолярную форму изложенія, которая составляетъ весьма характерную особенность книги и придаетъ ей чрезвычайную увлекательность, жизненность и интересъ. Затѣмъ, мы имѣли въ виду, что характеръ языка и способъ выраженія нельзя передать какъ нибудь короче и лучше безъ приведенія частыхъ буквальныхъ цитатъ изъ разбираемаго сочиненія. Особенно это нужно сказать о „Письмахъ". Здѣсь каждый оборотъ рѣчи есть сама жизнь, движеніе, искреннее чувство и любовь къ человѣчеству и святому дѣлу служенія ему. Здѣсь учатъ насъ не слова, а самыя картины изъ жизни. И мы не рѣшились затушевать эти живыя картины, которыя встрѣчаются въ „Письмахъ" на каждомъ шагу. Непредубѣжденный читатель, будь онъ даже не пастырь, невольно чувствуетъ, какъ чтеніе этихъ пастырскихъ писемъ разливаетъ по всему существу его мягкій, ласкающій свѣтъ твердой вѣры въ Бога и непостыдной надежды на Него,—свѣтъ, который просвѣтилъ обоихъ благочестивыхъ собесѣдниковъ „переписки". Такой читатель не забудетъ выраженій молодаго діакона: „сижу-ли я дома, бесѣдую-ли, занимаюсь ли чѣмъ бы то ни было, мнѣ все кажется, что я долженъ почтительно обходиться съ самимъ собою" [1]..., или тѣхъ поистинѣ поэтическихъ картинъ, гдѣ изображается тихая лунная ночь, полная жизни и спокойствія могучая природа, — и рядомъ съ этимъ—смущенная молодая душа, волнуемая сомнѣніями и трепещущая предстоящаго подвига [2]; или обратно: „ударила полночь (пишетъ старецъ); я усталъ, кладу перо и отхожу съ молитвою... Осенняя вьюга бушуетъ около стѣнъ монастыря, но въ храминѣ моей все тихо и безмолвно" [3]... и т. п. А такими мѣстами переполнена книга. Кромѣ того, изящный слогъ „переписки", умѣлое и жизненное употребленіе текстовъ, обиліе психологическихъ

---

[1]) Т. I, стр. 47.
[2]) Т. I, стр. 1—4 и др.
[3]) Т. I, стр. 80.

наблюденій и опытовъ дѣлаютъ ее интересною до настоящаго времени.

Помимо этихъ внѣшнихъ дорогихъ качествъ „духовная переписка“ важна для насъ и по своей внутренней или матеріальной сторонѣ. Не давая догматическаго ученія о священствѣ и вообще почти не касаясь теоретическихъ вопросовъ пасторологіи, она обнимаетъ собою всѣ практическія стороны служенія пастырскаго: священнослуженіе, требоисправленіе, учительство во всѣхъ его видахъ и руководствованіе пасомыхъ. Послѣднее разбирается въ отдѣлахъ „объ исповѣди“ и „объ обращеніи съ людьми“. Правда, со всѣмъ этимъ содержаніемъ мы уже встрѣчались; но „переписка“ особенно интересна въ томъ отношеніи, что представляетъ намъ образъ живаго пастыря, полнаго силъ и движенія. Здѣсь мы находимъ указаніе на любовь къ Богу и ближнему, какъ на признакъ и побужденіе къ этому служенію [1]), прекрасныя бесѣды о приготовленіи къ пастырству, о личной жизни пастыря и его семействѣ и т. п. И все это выражено въ такихъ наглядныхъ фактахъ, что не нужны никакіе комментаріи: совѣты и соображенія сейчасъ-же находятъ свое подтвержденіе въ живыхъ примѣрахъ и сами свидѣтельствуютъ о степени своей пригодности. Особенно хороши въ этомъ отношеніи отдѣлы „объ обращеніи съ людьми“ [2]) и „объ исповѣди“ [3]), такъ что даже въ настоящее время всякій кандидатъ священства и всякій іерей могутъ брать эти факты и сообразоваться съ ними въ своей жизни и дѣятельности, не опасаясь ошибки и не боясь неудачи. „Съ своей стороны мы скажемъ,—пишетъ одинъ біографъ А. Стурдзы,—что по крайней мѣрѣ до того времени не было въ этомъ родѣ другаго сочиненія, столь совершеннаго какъ по полнотѣ мыслей, такъ и способу изложенія“ [4]).

Но, въ силу требованій справедливости, на фонѣ

---

[1]) Т. I, стр. 12—13.
[2]) Т. II, кн. VI.
[3]) Т. I, кн. III.
[4]) „Александръ Стурдза,“ соч. іером. Аниима: „Странникъ“ 1864 г. IV, стр. 50.

этого свѣтлаго представленія о книгѣ А. Стурдзы мы должны провести нѣсколько черныхъ линій и сдѣлать два-три темныхъ пятна. Именно, говоря пока о содержаніи писемъ и обращаясь лишь къ внѣшнему ихъ распорядку, который зависѣлъ отъ издателя [1]), мы должны сказать, что этотъ распорядокъ сдѣланъ имъ не совсѣмъ удачно. Онъ, кажется, хотѣлъ соблюсти формальную симметрію частей и потому помѣстилъ во всѣхъ отдѣлахъ своего изданія почти равное число писемъ: IX, IX, XII, XI, IX, XII, XII. Между тѣмъ, напр., 9-е письмо второй книги, гдѣ о. Александръ проситъ совѣтовъ для совершенія исповѣди, всецѣло слѣдовало-бы отнести къ третьей книгѣ, которая вмѣстѣ съ нимъ составляетъ одно цѣлое, вопросъ и отвѣтъ. А если издатель почему-то отдѣлилъ вопросъ отъ отвѣта въ данномъ случаѣ, то, чтобы быть послѣдовательнымъ, подобный же распорядокъ онъ долженъ-бы былъ сдѣлать и въ отдѣлѣ о законоучительствѣ: и тамъ одно письмо о. Александра составляетъ логическое основаніе для всей слѣдующей книги (V), служащей на него отвѣтомъ; между тѣмъ здѣсь этотъ вопросъ помѣщенъ какъ первое письмо самой книги, и такой распорядокъ, конечно, гораздо естественнѣе. Отъ издателя же зависѣло и то обстоятельство, что въ отдѣлѣ „объ исповѣди" оказалось письмо 9-е, совершенно сюда не относящееся. Конечно, духовникъ долженъ знать различіе и степень состоятельности христіанскихъ исповѣданій, но этотъ предметъ прямо не касается ученія объ исповѣди и, слѣдовательно, строгой логической связи съ этимъ отдѣломъ не имѣетъ.—Переходя къ содержанію книги, мы опять находимъ нѣчто такое, чего не хотѣлось бы видѣть въ этомъ прекрасномъ изданіи. Нечего говорить о томъ, что здѣсь нѣтъ строгой логической системы въ изложеніи, что иногда нить разсужденія уклоняется въ сторону [2]), что есть много повтореній и т. п.,—все это объясняется эпистолярною формою самаго сочиненія. Но въ немъ по мѣстамъ встрѣчается

[1]) См. предисловіе къ первому тому.

[2]) Напр. т. I, стр. 128—132; т. II, стр. 19—24; 78—79 и др.

сбивчивость, неясность, неопредѣленность въ изложеніи [1]) и даже нѣкоторая неосновательность въ сужденіяхъ, чего оправдать и объяснить никакъ нельзя. Укажемъ для примѣра нѣсколько случаевъ послѣдняго рода. Молодой священникъ, по мысли „переписки“ [2]), не долженъ ни на іоту сокращать положенныхъ молитвословій крещенія, даже и въ томъ случаѣ, когда крещаемый младенецъ слабъ, или въ другихъ подобныхъ этому исключительныхъ случаяхъ. Выходитъ ригоризмъ, идущій противъ допущенной въ силу необходимости практики православной Церкви, которая въ случаяхъ смертной опасности, или въ виду какихъ либо особыхъ обстоятельствъ, признаетъ возможнымъ крестить не только сокращеннымъ чиномъ, но даже чрезъ обливаніе и окропленіе, т. е. безъ всякаго чина, а лишь призываніемъ св. Троицы [3]). Между тѣмъ въ другомъ мѣстѣ (въ вопросѣ объ исповѣди) и самъ старецъ позволяетъ дѣлать сокращенія [4]).—Далѣе, „духовная переписка“ рекомендуетъ налагать эпитимію даже больному человѣку, который не можетъ встать съ постели и долженъ выполнить эпитимію чрезъ другихъ [5]). Можетъ быть, когда нибудь это и имѣетъ мѣсто, но положительно утверждать такое отношеніе къ больному нѣтъ основанія и совершенно непрактично.—Затѣмъ, говоря о законоучительствѣ, старецъ увлекся аналогіей священника и садовника и предписалъ о. Александру такія задачи, которыхъ тотъ не имѣлъ возможности выполнить, не живя подъ однимъ кровомъ съ дѣтьми [6]). Будь другая обстановка, отнеси авторъ эти совѣты къ пастырскому руководствованію пасомыхъ вообще, значеніе и убѣдительность ихъ были-бы гораздо сильнѣе, а при данныхъ условіяхъ вся сила ихъ теряется, и не понятно, почему старецъ писалъ объ этомъ своему питомцу, зная его положеніе.—Нако-

---

[1]) Напр. т. I, стр. 115—118; т. II, стр. 9—10 и др.

[2]) Т. I, стр. 64—65, 70—71.

[3]) Пост. апост. VIII, гл. 28; Православн. Испов. ч. 1, отвѣтъ на вопросъ 102. Правосл. Догм. Богосл. преосвящ. Макарія § 203.—Въ малыхъ требникахъ есть даже особый чинъ: „како крестити младенцевъ вкратцѣ страха ради смертнаго“.

[4]) Кн. III, п. 11.

[5]) Т. I, стр. 164—165.

[6]) Т. II, стр. 11, 31—32.

нецъ, здѣсь мы вторично встрѣчаемъ мнѣніе пастыря о томъ, что „нужно оставить въ покоѣ камень, котораго не можемъ разбить“. О. Александръ, видя порочныя наклонности одного изъ своихъ учениковъ, даже не пытается исправить его, а прямо отказывается отъ занятій съ нимъ [1]). Мы думаемъ, что такое малодушіе совершенно не умѣстно въ любвеобильномъ пастырѣ и ложится пятномъ на его совѣсти и имени. Такое отношеніе къ упорному злу противорѣчитъ, во 1-хъ, Св. Писанію, которое заповѣдуетъ пастырю запрещать зло, умолять грѣшника, обличать и исправлять его со всѣмъ долготерпѣніемъ и ученіемъ; во 2-хъ, оно не согласно и съ исторіей и съ преданіемъ Церкви, которая по примѣру своего Основателя всегда проповѣдывала борьбу съ зломъ до положенія жизни за добро и спасеніе ближняго [2]).

Въ заключеніе объ изданіи А. С. Стурдзы считаемъ не лишнимъ сказать, что къ книгѣ сдѣланы два приложенія и нѣсколько примѣчаній къ тексту. Такъ, въ концѣ перваго отдѣла перваго тома помѣщенъ отрывокъ изъ второй книги св. Іоанна Златоуста „О священствѣ“ и изъ сочиненія Діонисія Ареопагита „О церковной іерархіи“ (хотя это послѣднее не имѣетъ никакого отношенія къ данному отдѣлу разбираемой книги), говорящій о таинствѣ крещенія; въ концѣ втораго тома приложенъ „указатель нѣкоторыхъ сочиненій душеполезныхъ и поучительныхъ на разныхъ языкахъ, по порядку времени расположенный“.—Книга выдержала нѣсколько изданій и переведена на молдавскій и греческій языки [3]) и выписывалась въ библіотеки духовныхъ семинарій, какъ одно изъ лучшихъ для своего времени сочиненій [4]).

---

[1]) Т. II, стр. 105—108.

[2]) Т. II, стр. 112—113.

[3]) Первое изд. было въ 1840 г., второе и третье—въ 1843 г. г., четвертое—въ 1844 г. и т. д. См. „краткое свѣдѣніе объ А. С. Стурдзѣ“ Диктіадиса въ „Чт. Общ. Ист. и Древн.“ 1864 г. кн. 2, стр. 202.

[4]) См. напр. „Очеркъ исторіи смоленской семинаріи“ Ив. Сперанскаго, стр. 297.

„ПАМЯТНАЯ КНИЖКА ДЛЯ СВЯЩЕННИКА, ИЛИ РАЗМЫШЛЕНІЯ О СВЯЩЕННИЧЕСКИХЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ".

Вскорѣ вслѣдъ за „Письмами о должностяхъ священнаго сана" въ нашей духовной литературѣ появилось другое сочиненіе, своимъ названіемъ и содержаніемъ весьма близко подходящее къ вышеупомянутому изданію Стурдзы. Это была *„Памятная Книжка для священника, или размышленія о священническихъ обязанностяхъ"* [1]). Внѣшнее построеніе „Размышленій" почти такое — же, какъ и „Писемъ",—съ тѣмъ однако различіемъ, что въ „Размышленіяхъ" бесѣда о священническихъ обязанностяхъ ведется уже не посредствомъ переписки, а живою рѣчью автора съ своимъ слушателемъ или читателемъ,—и въ этой рѣчи слышится уже не просто уваженіе къ пастырскому сану и любовь къ пастырскому служенію, какъ въ „духовной перепискѣ", но прямо патетическое преклоненіе предъ нимъ и ревность Иліина. Здѣсь авторъ не говоритъ, а проповѣдуетъ; онъ не чтецъ, а ораторъ; его перо не пишетъ, а живописуетъ. „Іерей Божій! что ты? Для чего ты поставленъ въ священническій санъ?" — спрашиваетъ онъ своего слушателя въ первую — же минуту общенія съ нимъ.

— „Для того, чтобы научать людей бояться и почитать Господа Бога и покланяться Ему. Великое достоинство, высокое служеніе!" (стр. 5). „Іерей Божій! ты получилъ высокое достоинство и власть неземную. Ты изъ сонма боговъ, изъ сыновъ Вышняго!"

---

[1]) Изд. 1860 г. въ Москвѣ.

— „Царь повелѣваетъ людьми; а въ рукахъ священника ключи рая“.

— „Храбрый царь побѣждаетъ враговъ; истинный священникъ побѣждаетъ міръ“.

— „Царь можетъ ввергнуть тѣло въ темницу; священникъ можетъ связать самую душу“.

— „Царь можетъ разрѣшить отъ узъ тѣлесныхъ; священникъ можетъ исхитить души изъ власти діавола и изъ узъ грѣха“.

— „Царь посылаетъ дары царямъ; священникъ возноситъ жертвы Богу небесному. Царь приноситъ золото, священникъ приноситъ Бога“ (стр. 7).—

„О, Боже мой, самая святость, мудрость, благость, слава и безмѣрность! Когда я столько превознесенъ Тобою, то какъ мнѣ не смущаться, какъ не трепетать?“

— „Послѣдуй Ему, пастырь! Благовѣствуй нищимъ, отверзай слухъ глухимъ для слова Божія, слѣпымъ открой свѣтъ истины, нѣмыхъ возбуди вѣщать хвалу Божію, хромыхъ—идти по пути заповѣдей, блуждающихъ возврати на стези правды, — да будетъ слава Богу и да совершится спасеніе человѣковъ!“ (стр. 9—10).

— „Ты боишься враговъ? — Онъ Господь воинствъ! Страшишься опасности?—Онъ избавляетъ уповающихъ на Него“ (стр. 17) и т. д. Въ такомъ родѣ написаны всѣ „Размышленія“; а это, очевидно, такой родъ рѣчи, который приковываетъ къ себѣ душу и сердце читателя съ самой первой страницы.

Названіе „Книжка“, данное авторомъ своему труду, на первыхъ порахъ заставляетъ предположить, что это—небольшое сочиненіе по частному вопросу, подобное случайной статьѣ въ періодическихъ изданіяхъ, или написанное кратко разсужденіе о пастырскомъ служеніи вообще. Но при ближайшемъ знакомствѣ съ ней такое предположеніе само собою оставляется и *Книжка* оказывается пространнымъ сочиненіемъ въ 340 страницъ. Въ тоже время на этихъ страницахъ трактуется не какой-либо частный вопросъ, касающійся даннаго предмета, но берется весь предметъ въ цѣломъ его составѣ.

Всѣ „Размышленія“ дѣлятся на шестьдесятъ три (63) главы и, послѣ упоминанія о высотѣ, важности, трудности и отвѣтственности служенія пастырскаго, говорятъ дѣйствительно о всѣхъ священническихъ обязанностяхъ, т. е. о священнослуженіи, учительствѣ общественномъ и частномъ, о пастырскомъ душепопеченіи, а также о молитвѣ, смиреніи, цѣломудріи и прочихъ добродѣтеляхъ пастырскихъ, о долгѣ священника въ отношеніяхъ къ епископу, къ друзьямъ, къ собратьямъ по служенію и т. д., такъ что полнота содержанія и приэтомъ стройное расположеніе частей дѣлаютъ *Книжку* системой, вполнѣ удовлетворяющей непредубѣжденнаго читателя. Впрочемъ, если критика будетъ искать въ ней высокихъ научныхъ достоинствъ, то помимо ихъ найдетъ и нѣкоторыя темныя пятна, какъ наприм. неотносящіяся къ дѣлу главы „о благоговѣніи къ Пресвятой Владычицѣ Богородицѣ“ (стр. 96 — 102), или „о пламенномъ стремленіи духа къ небесному“ (стр. 102—104) и др. Мало того, критика найдетъ здѣсь даже нѣкоторыя странности, какъ напр. въ главѣ „о стенаніяхъ священника въ адѣ“ [1]), или „о небесной славѣ“

[1]) Эта глава настолько интересна по силѣ и выразительности языка и образовъ мысли, что мы рѣшаемся поближе познакомить читателя съ ея содержаніемъ.

„Послушай, іерей Божій, что говоритъ погибшій братъ твой священникъ“,—такъ начинается эта глава. „Послушай, но не говорю: пожалѣй его; состраданіе не можетъ помочь ему, ибо въ адѣ нѣтъ исправленія. Послушай: „стражду во пламени семъ“ (Лук. XVI, 24). Почему-же онъ не говоритъ: отъ сего пламени? — Потому что кромѣ жженія отъ огня онъ терпитъ въ пламени и другія муки. Преклони слухъ твой и послушай его. „Безумецъ я — провелъ жизнь мою на пути нечестія и погибели. Жалкій я—ходилъ по путямъ непроходимымъ, а не шелъ по пути Господню, который указывалъ другимъ. Жалкій я! Какую мнѣ пользу принесла гордость? Къ чему послужило богатство?

— Безумецъ я! исчезли какъ тѣнь всѣ ложныя блага, которыя я любилъ.

— Несчастный я! никогда не увижу лица Всеблагаго Отца моего, Иже есть на небеси!

— Горе мнѣ! горе мнѣ! я погибъ самъ отъ себя, погибель моя есть плодъ грѣховной жизни моей.

— Душа моя! кто обольстилъ тебя неповиноваться повелѣніямъ Бога моего, которымъ научалъ я другихъ?

— Вотъ я столько разъ отпускалъ грѣхи другихъ, а мои остались неотпущенными на вѣки.

(стр. 73—79), и, наконецъ, даже прямыя ошибки въ рѣшеніяхъ и совѣтахъ, какъ напр. въ настойчивомъ указаніи совершать литургію ежедневно при брачной жизни священника (стр. 147, 148, 149, 150, 151) и т. д.— Но, съ другой стороны, когда мы будемъ смотрѣть на это сочиненіе просто какъ на размышленія ревнителя и глубоко вѣрующаго человѣка, т. е. только какъ на свободное изложеніе чувствъ и мыслей писателя, незадававшагося научными цѣлями, тогда *Памятная Книжка* представится нашему взору въ иномъ освѣщеніи, и мы не замѣтимъ въ ней тѣхъ пятенъ, на которыя только что указали. Тогда въ излишнихъ (повидимому) главахъ „о благоговѣніи къ Пресвятой Владычицѣ Богородицѣ“ и др. мы увидимъ образецъ самой горячей молитвы пастыря къ Богородицѣ, выраженіе его глубочайшаго смиренія и сознанія своего недостоинства предъ величіемъ служенія пастырскаго, картинно изображеннаго рядомъ съ чистотою, святостію, могуществомъ и благостію Пресвятой Дѣвы—съ цѣлью преклонить Небесную Царицу на помощь ему. Далѣе, въ главѣ „о стенаніяхъ священника во адѣ“ и „о небесной славѣ“ мы увидимъ лишь поэтическую картину, представляющую въ конкретномъ образѣ общехристіанскій взглядъ на мученія грѣшниковъ и блаженство праведниковъ послѣ ихъ смерти. Наконецъ, въ желаніи ежедневнаго совершенія литургіи мы увидимъ лишь безграничное преклоненіе автора предъ величіемъ всего служенія пастырскаго, которое въ совершеніи литургіи достигаетъ своей наивысшей точки, ибо здѣсь священникъ

— Увы мнѣ! Увы мнѣ! Праведенъ еси, Господи, и правы суды Твои! Ты сдѣлалъ все, что только могъ сдѣлать для моего спасенія. Погибель моя отъ меня.

— Отче Аврааме, помилуй мя и посли Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего въ водѣ и устудитъ языкъ мой (Лук. XVI, 24).—Вы—Апостолы, вы — святые священники, которыхъ я былъ преемникомъ, пошлите овецъ моихъ, которыя чрезъ мое посредничество достигли общенія съ вами, чтобы онѣ помогли мнѣ!“—Но что отвѣчаютъ ему? „Воспомяни, яко воспріялъ еси благая въ животѣ твоемъ, онѣ-же несли кресты и бѣдствія. Итакъ справедливо онѣ здѣсь утѣшаются, а ты страждешь.— О, скорбь! О, бездна скорбей!..“ и т. д. (стр. 68—72).

приноситъ Богу Сына Божія въ жертву благодарственную и умилостивительную за грѣхи всего міра. Предъ такой высотой и святостію предмета рѣчи авторъ забываетъ все остальное въ мірѣ, даже самую ближайшую обстановку священника, его земную подругу, его семью, пищу и кровъ. „Отвергни, іерей, всякую другую заботу,—такъ учитъ онъ своего читателя,—и да будетъ для тебя одна забота—служить Богу въ пріобрѣтеніи душъ“ (стр. 195).—„О, человѣкъ Христовъ! оставь все, и одного Іисуса всегда носи, всегда содержи въ умѣ, сердцѣ, въ дѣлахъ“ (стр. 80).—Но вотъ и Самъ Іисусъ вступаетъ въ бесѣду: „вотъ Я,—говоритъ Онъ, — четыредесять дней постился въ пустынѣ, не ядя и не пія. Я жаждалъ на крестѣ и былъ напоенъ оцтомъ и желчію, а ты, преступный грѣшникъ, хочешь быть изнѣженнымъ членомъ Главы, столь строгой, и хочешь роскошно питаться и упиваться!—Я—учитель алкалъ, а ты — ученикъ хочешь пресыщаться! Я—Спаситель жаждалъ, а ты—искупленный хочешь упиваться сладкими напитками! Царство Мое было не отъ міра сего, а ты хочешь наслаждаться земными удовольствіями по-царски! Ты человѣкъ Божій, а хочешь служить чреву! Сынъ Мой, сынъ Мой! если хочешь идти по Мнѣ, отвергнись себя самого и мертвость Мою носи на тѣлѣ твоемъ“ [1]).—„Прахъ! Научись повиноваться; научись смиряться, земля и пепелъ!“ (стр. 308).

Въ заключеніи, сообразно такому строгому отношенію къ пастырю, авторъ совѣтуетъ ему всегда быть готовымъ къ смерти и назначать ежемѣсячно одинъ день для нарочитаго особеннымъ образомъ приготовленія къ ней. „Въ этотъ день, говоритъ онъ, заключись въ уединенную комнату, размышляй о смерти, тщательно испытывай совѣсть, разсмотри, что тебя особенно потревожило-бы, если бы уже теперь тебѣ должно было умереть“ (стр. 339—340).

---

[1]) Гл. LXVII, стр. 297—298; ср. 2 Кор. IV, 10.

Въ виду указанныхъ качествъ *Памятной Книжки*, нельзя искренно не пожалѣть, что она не имѣетъ распространенія между нашимъ духовенствомъ, а такъ-же, если еще не болѣе, о томъ, что она совершенно неизвѣстна кандидатамъ священства—питомцамъ нашихъ духовныхъ школъ. Тѣ и другіе нашли-бы здѣсь возвышенное богословствованіе о предметѣ служенія пастырскаго, неотразимо налагающее свою печать на душу читателя и возвышающее его до благочестиваго трепета предъ величіемъ Божіяго дѣла. Въ пастыряхъ это подняло-бы бодрость и энергію духа, подавляемую и изнуряемую житейскими заботами и невзгодами; въ кандидатахъ пастырства оно воспитало-бы чистоту намѣренія служить именно въ духовномъ званіи, рѣшимость самоотверженія, любовь къ ближнимъ, ревность къ славѣ Божіей и спасенію міра. Для тѣхъ и другихъ эта „Книжка" должна-бы быть въ собственномъ смыслѣ—*Памятной*, т. е. настольной *Книжкой*.

Такое пріятное впечатлѣніе остается у читателя *Памятной Книжки*, пока онъ безотносительно смотритъ на ея содержаніе. Но уваженіе къ ней еще болѣе возрастаетъ въ виду того, что—по свидѣтельству вполнѣ компетентныхъ писателей нашего вѣка — это сочиненіе принадлежитъ перу высокопочтеннаго іерарха русской Церкви, бывшаго профессора московской академіи, высокопреосвященнаго Платона (Ѳивейскаго), архіепископа костромскаго († 12 мая 1877 г.). Такъ, напр., историкъ московской академіи (протоіерей С. К. Смирновъ), упоминая о почившемъ архіепископѣ въ длинномъ рядѣ начальниковъ, профессоровъ и воспитанниковъ ея, прямо говоритъ, что „изъ сочиненій его напечатаны: ...Памятная Книжка для священника, или размышленія о священническихъ обязанностяхъ. М. 1860 г." [1]). Очевидно, здѣсь разумѣется именно эта *Книжка*. Вслѣдъ за нимъ другой почтенный авторъ, перечисляя пособія для пастырей въ нашей духовной литературѣ,—послѣ системъ архим. Антонія и архим. Кирилла

[1]) С. К. Смирновъ: „Исторія московской дух. академіи до ея преобразованія". Москва 1879 г., стр. 428—429.

называетъ и эту *Книжку*, снова приписывая составленіе ея архіепископу Платону [1]). — Между тѣмъ въ дѣйствительности приведенныя свидѣтельства не могутъ быть приняты, ибо на самомъ дѣлѣ эта *Книжка* не есть самостоятельное произведеніе преосвящ. автора, а представляетъ собою лишь переводъ сочиненія, изданнаго на латинскомъ языкѣ въ Вѣнѣ за нѣсколько лѣтъ до появленія его въ русской литературѣ обществомъ католическихъ монаховъ-миссіонеровъ (мехитаристовъ). Въ подлинникѣ указанное сочиненіе озаглавливается такъ: Memoriale vitae sacerdotalis, seu Summi Pastoris Iesu Christi piissima monita ad Ecclesiae Suae pastores aliosque sacerdotes, или по-русски: „напоминаніе, касающееся священнической жизни, или сладчайшія увѣщанія Верховнаго Пастыря Іисуса Христа пастырямъ Его Церкви и другимъ священникамъ“ [2]). Такимъ образомъ, преосв. Платонъ если и имѣетъ какое-либо отношеніе къ *Памятной Книжкѣ*, составленіе которой приписывается ему,—то лишь какъ переводчикъ ея, но не какъ авторъ. Поэтому въ настоящемъ случаѣ намъ слѣдуетъ говорить уже не о томъ, какова „Книжка“, а о томъ, каковъ ея переводъ? — Латинскій подлинникъ написанъ слогомъ возвышеннымъ и представляетъ собою какъ-бы собесѣдованіе Господа Іисуса со священникомъ, гдѣ Христосъ высказываетъ Свою волю и побуждаетъ своего земнаго служителя къ точному исполненію ея—убѣжденіями, дѣйствующими прямо на сердце. Составитель весьма часто приводитъ тексты изъ Свящ. Писанія и приспособляетъ къ нимъ то, что говоритъ отъ себя. Этотъ возвышенный, величественный слогъ остается и въ переводѣ отъ начала до конца сочиненія и потому на внимательнаго и размышляющаго служителя алтаря Господня онъ можетъ произвести сильное впечатлѣніе, какъ и было уже нами сказано и какъ можно видѣть изъ вышеприведенныхъ у

---

[1]) Архим. Іаковъ: „Пастырь въ отношеніи къ себѣ и паствѣ,“ предисловіе. СПБ. 1880 г.

[2]) За неимѣніемъ подъ руками перваго изданія, мы не можемъ указать годъ выхода въ свѣтъ этой книжки, но намъ извѣстно второе изданіе отъ 1857 г.

насъ мѣстъ *Книжки* (стр. 184—188 настоящ. книги). Но характеръ всего сочиненія въ переводѣ измѣненъ тѣмъ, что часто вмѣсто рѣчей Іисуса Христа, обращенныхъ въ первомъ лицѣ къ священнику (съ мѣстоименіемъ *Я),* поставлено обращеніе переводчика къ читателю, въ которомъ объ Іисусѣ Христѣ говорится уже въ третьемъ лицѣ. Кромѣ того, какъ само собою разумѣется, переводчикъ опустилъ нѣкоторыя главы подлинника,—именно тѣ, въ которыхъ приводятся мысли, приспособленныя къ состоянію римско-католическаго духовенства (напр. 34, 60, 62, 65 и 68); затѣмъ нѣкоторыя главы сократилъ (напр. 37 подлинника), другія соединилъ (30 и 31), въ иныхъ сдѣлалъ прибавленія для соотвѣтствія быту православныхъ священниковъ (напр. стр. 106—107, 207, 304 по русск. перев.) и т. д. Но, не смотря на это, сочиненіе сохранило свою католическую окраску и этимъ обстоятельствомъ даетъ возможность объяснить тѣ странности, которыя мы въ немъ ранѣе указали. Именно, теперь вполнѣ понятно, почему *въ Памятной Книжкѣ* такъ часто и такъ восторженно дѣлаются обращенія къ Пресвятой Дѣвѣ, почему священнику такъ настойчиво рекомендуется ежедневное совершеніе литургіи, и др.—Очевидно, эти характерныя для католическаго Богословія мѣста подлинника были просмотрѣны переводчикомъ и до сихъ поръ ждутъ исправленія.

„НАПОМИНАНІЕ СВЯЩЕННИКУ ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЕГО ПРИ СОВЕРШЕНІИ ТАИНСТВА ПОКАЯНІЯ“.

Одновременно съ *Памятной Книжкой для священника* въ нашей духовной литературѣ пятидесятыхъ годовъ появилось новое сочиненіе того-же характера и, по свидѣтельству историковъ, того-же автора, которому принадлежитъ обнародованіе на русскомъ языкѣ перваго изъ сейчасъ указанныхъ нами сочиненій, т. е. архіепископу Платону [1]). Этотъ новый трудъ высокопреосвященнаго автора называется: *Напоминаніе священнику объ обязанностяхъ его при совершеніи таинства покаянія* (т. I изд. 1859 г. Кострома; т. II—1861 г. Москва).

Правда, уже изъ самаго названія сочиненія видно, что оно изслѣдуетъ только одинъ отдѣлъ изъ многообразной и широкой сферы пастырской дѣятельности. Но знаменательно то, что въ 1896 г. оно явилось уже третьимъ изданіемъ и, слѣдовательно, тѣмъ самымъ доказало, во 1-хъ, свое высокое достоинство, а во 2-хъ—засвидѣтельствовало о томъ, что наше православное духовенство съ должнымъ вниманіемъ относится къ таинству исповѣди, этому труднѣйшему и въ высшей степени отвѣтственному акту служенія пастырскаго, — и потому охотно принимаетъ руководство, предложенное опытнымъ архипастыремъ. Дѣйствительно, ни въ какомъ другомъ случаѣ отъ пастыря не требуется такой опытности, мудрости, осторожности, самаго широкаго пониманія свойствъ

---

[1]) С. К. Смирновъ: „Исторія московск. дух. академіи,“ стр. 428—429. — М. Чепикъ: „Изъ уроковъ по практическому руководству для пастырей,“ ч. I. стр. 5. Пермь 1883 г.—Свящ. Ѳ. Хорошуновъ: „Практическое руководство для пастырей.“ Черниговъ 1879 г. стр. 9, и др.

человѣческой природы, умѣнья приспособляться къ безконечному разнообразію характеровъ, самой искренней, безкорыстной любви къ человѣку, какъ это требуется при совершеніи таинства исповѣди. Здѣсь именно пастырю нужно быть „всѣмъ вся“ (1 Кор. IX, 22); здѣсь именно пастырское служеніе является, какъ говорятъ о немъ святые отцы,—искусствомъ изъ искусствъ. Не легко пріобрѣтается это искусство, и долгій житейскій опытъ необходимъ для того, чтобы выработать цѣлесообразные пріемы и способы къ благотворному совершенію таинства исповѣди. Посему тѣмъ бо́льшее значеніе получаютъ опыты другихъ людей, достигшихъ хотя относительнаго совершенства въ этомъ дѣлѣ и желающихъ подѣлиться своимъ опытомъ съ менѣе опытными пастырями. Такова именно и есть книга высокопреосв. Платона. Важность ея увеличивается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что таинство исповѣди берется въ ней не только какъ актъ пастырской дѣятельности, но разсматривается и со стороны догматической, канонической и литургической. Живой и легкій языкъ, множество житейскихъ примѣровъ и опытовъ, а также замѣтная любовь автора къ предмету его труда и т. п. добрыя качества вполнѣ оправдываютъ то сочувствіе и уваженіе, съ какимъ относятся наши пастыри къ этому „Напоминанію“.

Впрочемъ, современники замѣтили его тотчасъ-же послѣ выхода въ свѣтъ. Такъ, когда въ 1862-мъ году явилась новая книга подъ заглавіемъ: „*Православный священникъ при постелѣ больныхъ и умирающихъ*,“ то авторъ ея уже печатно указалъ на трудъ архіепископа Платона, какъ на достойный всякаго уваженія. „Въ нашей книгѣ,—говоритъ онъ о своемъ сочиненіи,—часто недостаетъ указаній, какъ надобно-бы исповѣдывать больныхъ по различію ихъ состояній и отношеній. Это потому, что постоянно имѣлось въ виду уже изданное въ свѣтъ, опытное и оцѣненное священствомъ наставленіе, обнимающее разныя состоянія и отношенія кающихся и въ особенности больныхъ. Читателю нашей книги необходимо обращаться къ нему. Это—Напоминаніе священнику объ обязанностяхъ его при

совершеніи таинства покаянія" [1]). Впрочемъ, отсылая читателя къ вышеуказанному сочиненію преосвященнаго Платона по вопросу объ исповѣди больныхъ, авторъ и самъ не оставляетъ этого вопроса совершенно. Напротивъ, на ряду съ классификаціей больныхъ и умирающихъ онъ весьма нерѣдко и съ своей стороны предлагаетъ пастырю руководственные принципы для испытанія и успокоенія ихъ немощной совѣсти. Правда, авторъ и здѣсь не заявляетъ притязаній на достоинство и самостоятельность своего труда, а по составу и тону своихъ разсужденій весьма живо напоминаетъ соотвѣтствующія мѣста изъ „Христіанскаго Чтенія" и „Воскреснаго Чтенія," о которыхъ мы уже говорили ранѣе. Но и самъ онъ не въ этомъ полагаетъ свою задачу и свою цѣль. Именно, опредѣляя задачу своего сочиненія, онъ выражается такъ: „можетъ быть она (т. е. его книга) доставитъ пособіе начинающимъ священническое служеніе, а уже потрудившихся много въ пастырскихъ подвигахъ возбудитъ къ самостоятельному и болѣе полному изложенію собственныхъ духовныхъ опытовъ и наблюденій при постелѣ больныхъ и умирающихъ. А единственная цѣль ея—обратить вниманіе отцевъ и братій священниковъ на одну изъ самыхъ важныхъ обязанностей нашего званія" (см. предисловіе).

Изъ послѣдующей исторіи пасторологической литературы мы не видимъ, насколько полезна оказалась эта книжка для пастырей Церкви, если они пользовались ея указаніями въ своей дѣятельности при одрѣ больныхъ и умирающихъ. Но съ полнымъ основаніемъ можемъ утверждать, что вторая цѣль автора — обратить вниманіе священниковъ на эту обязанность ихъ служенія — вполнѣ оправдалась и получила весьма широкое осуществленіе. Возникшій почти одновременно съ выходомъ въ свѣтъ нашей книжки духовный журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей" съ первыхъ-же моментовъ своего существованія взялъ на себя между прочимъ разработку и этого вопроса и постепенно далъ своимъ читателямъ

[1]) „Православный священникъ при постелѣ больныхъ и умирающихъ." М. 1862 г.—предисловіе.

нѣсколько десятковъ его разъясненій; вмѣстѣ съ этимъ онъ не забытъ и спеціальными пасторологическими трудами послѣдующаго времени. Но „Руководствомъ для сельскихъ пастырей“ начался новый періодъ въ нашей пасторологической литературѣ, для пониманія котораго мы должны здѣсь нѣсколько остановиться и изслѣдовать историческій моментъ его зарожденія.

Переходнымъ пунктомъ отъ стараго періода къ новому, или отъ перваго ко второму, по нашему мнѣнію, можетъ быть поставлено небольшое сочиненіе о пастырскомъ служеніи (1860 г.), которое хотя имѣетъ и старое содержаніе, но излагаетъ его въ новомъ свѣтѣ. Оно называется: „Взглядъ съ практической стороны на жизнь священника“.

„ВЗГЛЯДЪ СЪ ПРАКТИЧЕСКОЙ СТОРОНЫ НА ЖИЗНЬ СВЯЩЕННИКА.“ Свящ. Н. Г. Богословскаго. Спб. 1860 г., 1—113 стр.

Названная книжка есть уменьшенный снимокъ по отношенію къ изданію Стурдзы. О. Богословскій даетъ намъ пасторологическій матеріалъ почти въ той-же программѣ и въ той-же эпистолярной формѣ, какъ мы уже видѣли это въ „духовной перепискѣ“. Здѣсь снова предъ нами письма отца—священника къ сыну, намѣревающемуся принять на себя священный санъ,—но безъ отвѣтовъ послѣдняго. Съ этой стороны сочиненіе о. Богословскаго примыкаетъ къ первому періоду нашего вѣка, ибо трактуетъ предметъ общій всѣмъ другимъ пасторологическимъ сочиненіямъ, разобраннымъ нами до сего времени. Но, съ другой стороны, здѣсь есть элементъ совершенно новый. Именно, по собственнымъ словамъ автора, онъ „въ своихъ сужденіяхъ о званіи священника не руководствуется истинами религіи, не приводитъ примѣровъ изъ Св. Писанія, но разсматриваетъ священника какъ человѣка, а не какъ пастыря, одареннаго благодатію Божіею,—смотритъ на жизнь священника просто съ практической стороны“ (стр. 25). Такимъ образомъ, священникъ берется какъ обыкновенный человѣкъ, но особенностію своего служенія поставленный въ такое положеніе, гдѣ и для общечеловѣческихъ потребностей и отношеній ему нужны особенныя правила. При такомъ взглядѣ на избранный предметъ, конечно, не было повода излагать теорію пастырства. Такъ и сдѣлалъ

авторъ; но онъ однако нашелъ нужнымъ указать на высоту, важность (письма 1-е и 2-е) и трудность служенія пастырскаго (п. п. 2-е и 3-е), чтобы чрезъ эти разсужденія, съ одной стороны, дать своему сочиненію логическое основаніе, а съ другой — показать связь практической жизни священника съ теоріей ея, т. е. съ принципами пасторологіи.

Высота пастырскаго служенія, по его мысли, заключается въ томъ, что пастырь есть представитель своей паствы предъ Богомъ, а предъ людьми—служитель Божій (стр. 5). Это даетъ поводъ автору изложить для пастыря требованія чрезвычайной нравственной чистоты (стр. 6)—какъ сердечной (стр. 8), такъ и тѣлесной. „Въ противномъ случаѣ,—говоритъ онъ своему сыну, — если твоего сердца уже коснулся порокъ своими нечистыми перстами, если оно уже извѣдало отравы изъ фіала житейской суеты, не совѣтую тебѣ принимать на себя званіе священника“ (стр. 9, 19—25). Понятіе о важности служенія пастырскаго имѣетъ своимъ логическимъ слѣдствіемъ ученіе о необходимости тщательно приготовляться и внимательно относиться къ нему: это—такой постъ, на который обращены взоры всѣхъ окружающихъ (стр. 12—15). Наконецъ, указывая трудность священства, авторъ говоритъ о предстоящей борьбѣ пастыря съ самимъ собою, т. е. съ своими страстями (стр. 14—25) и естественными влеченіями (стр. 11—12), потомъ—съ пороками и заблужденіями прихожанъ (стр. 27 — 40). Этимъ оканчивается первый отдѣлъ книжки.

Во второмъ отдѣлѣ развиваются тѣ-же мысли, которыя мы только что изложили, но гораздо подробнѣе. Въ частности, здѣсь говорится о выборѣ прихода (стр. 43—52), о выборѣ жены (стр. 52 — 60), о домашней жизни священника (стр. 60 — 64), о его наружности и одеждѣ (стр. 64—68), о поведеніи его въ храмѣ и въ отношеніяхъ къ причту, о богослуженіи церковномъ, требоисправленіяхъ и поведеніи внѣ храма (стр. 68 — 89), о житейскихъ отношеніяхъ его къ прихожанамъ (стр. 89 — 101), объ отношеніяхъ къ нимъ въ дѣлѣ сужденія ихъ совѣсти

(стр. 102—111) и наконецъ—объ отношеніяхъ къ несчастнымъ, нуждающимся въ помощи, бѣднымъ и сиротамъ (стр. 111—113).

Судя по такому содержанію книжки, можно думать, что въ свое время она имѣла нѣкоторое значеніе для кандидатовъ священства, ибо даже теперь, хотя она по языку уже устарѣла, все-таки часто фигуральные и картинные обороты рѣчи ея могутъ производить впечатлѣніе прочувствованнаго и сердечнаго труда автора. Особенно заслуживаютъ вниманія разсужденія о выборѣ прихода, выборѣ жены, объ устройствѣ домашней жизни, объ отношеніяхъ священника къ причту и прихожанамъ (второй отдѣлъ). И это тѣмъ болѣе, что указанные вопросы, будучи чрезвычайно важны сами по себѣ, ранѣе почти совершенно не затрогивались въ извѣстныхъ намъ памятникахъ пасторологической литературы (кромѣ отношенія къ прихожанамъ) и здѣсь рѣшаются въ первый разъ; а нѣкоторые, какъ напр. вопросъ о выборѣ прихода, прежде разбирался совершенно съ обратной стороны: не священникъ искалъ прихода, а прихожане выбирали себѣ священника [1]). Въ частности, отецъ совѣтуетъ сыну въ выборѣ прихода полагаться на волю начальства. Совѣтъ очень нужный и не теряетъ своего значенія до нашихъ дней. Какъ тогда, такъ и теперь молодые люди часто погрѣшаютъ въ этомъ случаѣ. Всякій изъ нихъ старается занять приходъ получше (въ извѣстномъ смыслѣ), не соображаясь иногда съ собственными силами и достоинствомъ, прибѣгая даже къ противозаконнымъ средствамъ для достиженія своей цѣли,—и много зла проистекаетъ изъ этого недобраго начала.—При выборѣ жены рекомендуется обращать вниманіе, во-первыхъ, на воспитаніе ея, умственное и душевное, и во-вторыхъ—на обстановку ея до-брачной жизни, которая можетъ дать понятіе о нравственныхъ качествахъ невѣсты. Приэтомъ отецъ предостерегаетъ сына отъ выбора неравной ему по состоянію дѣвицы, или несходной съ нимъ по наклонностямъ и

[1]) См. напр. „Orthodoxae Orient. Ecclesiae dogmata“... Theophilacti, pars II.

привычкамъ, и совершенно запрещаетъ останавливаться на ея наружныхъ качествахъ, богатствѣ, или связяхъ. Все это — совѣты не только благоразумные, но вполнѣ полезные и даже необходимые для молодаго человѣка, проведшаго все время въ школѣ и на первомъ шагу въ жизни рѣшающаго важнѣйшій изъ ея вопросовъ. — Въ этомъ смыслѣ интересны и нѣкоторыя другія мѣста данной книжки. Нѣтъ сомнѣнія, что молодой священникъ знаетъ въ теоріи высокія требованія своего званія, но часто не знаетъ простыхъ правилъ приличнаго и достойнаго положенія своего среди новой обстановки и потому на первыхъ порахъ испытываетъ непріятности, терпитъ неудачи и т. д. Такія правила и предлагаются ему въ книжкѣ о. Богословскаго.

Къ числу отрицательныхъ качествъ книжки слѣдуетъ отнести довольно важный пробѣлъ, ибо въ ней ничего не сказано объ отношеніяхъ священника къ своему духовному начальству и къ ближайшимъ властямъ гражданскимъ. Послѣднія отношенія такъ новы для молодыхъ священниковъ, что большая часть изъ нихъ, оставленные безъ руководства, нерѣдко впадаютъ въ ошибки, причиняющія имъ много скорбей и тормозящія ихъ святое дѣло.—Затѣмъ, сюда же относится разсужденіе автора о необходимости прекратить борьбу со зломъ, если борьба эта оказывается для пастыря непосильною. Мысль—не новая, и мы на протяженіи тридцати лѣтъ уже въ третій разъ встрѣчаемъ этотъ „камень, который, если не можешь разбить его, нужно оставить въ покоѣ“ [1]). О. Богословскій, очевидно, недалеко ушелъ отъ своихъ современниковъ и потому, между прочимъ, говоритъ своему читателю — пастырю: „Есть такіе (люди), которые, какъ-бы насмѣхаясь надъ благочестивымъ обрядомъ и самимъ священникомъ (разумѣется обычай ходить въ праздники по приходу со св. крестомъ), высылаютъ деньги священнику, не желая удостоить его пріемомъ.

[1]) Подобный взглядъ ранѣе проводился въ пасторологической литературѣ духовныхъ журналовъ (см. стр. 100—102 наст. кн.) и въ „Письмахъ о должностяхъ священнаго сана“ (т. II, стр. 105—108, 112—113 по изд. 1843 г.; ср. стр. 182—183 наст. кн.).

Не слѣдуетъ никогда брать у нихъ денегъ: это остатки тѣхъ сребренниковъ, за которые былъ проданъ Спаситель. Такимъ людямъ даже нельзя дѣлать наставленій: они не только не послушаютъ тебя, но даже не обратятъ вниманія. Лучше всего проходить такіе домы мимо, — это привычка сильныхъ міра сего, а борьба съ ними невозможна“ [1]). — Оставляя въ сторонѣ остроумную аналогію автора о тожествѣ упоминаемыхъ здѣсь денегъ съ евангельскими сребренниками, мы укажемъ лишь на неполноту его мысли. Привычка высылать деньги священнику, обходящему свой приходъ со св. крестомъ, есть не только у „сильныхъ міра сего“, но гораздо чаще у простыхъ крестьянъ-раскольниковъ, какъ это намъ лично случалось нерѣдко наблюдать на сѣверѣ. А о раскольникахъ, конечно, нельзя сказать, что „борьба съ ними невозможна“: напротивъ, она не только возможна, но необходима для каждаго священника, въ приходѣ котораго есть сектанты. Даже если есть въ мѣстности особый миссіонеръ, и тогда мѣстный священникъ не имѣетъ права слагать всю противораскольническую работу на миссіонера: онъ самъ есть преемникъ великихъ миссіонеровъ — апостоловъ (mitto — *ἀποστέλλω)* и по самому званію своему есть ежедневный и ближайшій миссіонеръ въ своемъ приходѣ. Что можетъ сдѣлать одинъ епархіальный миссіонеръ (которые въ настоящее время учреждены во многихъ епархіяхъ), если мѣстные пастыри будутъ говорить, что „борьба съ раскольниками невозможна“? Допустимъ даже, что не принимать священника въ извѣстномъ случаѣ — есть „привычка сильныхъ міра сего“. Ужели остается сказать, что борьба съ ними невозможна? Но не посылалъ-ли Господь Богъ служителей своихъ—древнихъ пророковъ—къ вельможамъ и царямъ, къ цѣлымъ народамъ, чтобы они обличали ихъ? Не сказано-ли было апостоламъ, что когда ихъ поведутъ на судъ владыкъ и царей за имя Христово, то имъ нечего будетъ бояться и заботиться о томъ, что сказать въ этомъ случаѣ (Матѳ. X, 17, 20—26)? Не обли-

[1]) „Взглядъ съ практич. стороны“... отд. II, стр. 86—87.

чалъ-ли Іоаннъ Креститель самого царя (Матѳ. XIV, 3—5)? Да и Христосъ Спаситель, не имѣвшій гдѣ главу подклонить, преслѣдуемый за Свое ученіе, не обличалъ-ли со властію истиннаго учителя фарисеевъ и старѣйшинъ іудейскихъ (Мѳ. XXIII)? Наконецъ, вотъ какія одобрительныя слова благоволилъ сказать Господь Богъ служителю Своему въ подобномъ случаѣ: „весь домъ Израилевъ непокориви суть и жестокосерди. И се дахъ лице твое сильно противу лица ихъ, и прю твою укрѣплю противу при ихъ. И будетъ всегда крѣпчае камене дахъ прю твою, не убойся ихъ, ни ужасайся лица ихъ“ (Іез. III, 7 — 9). Ужели съ вѣрою и въ эту помощь пастырь долженъ сказать: „борьба съ сильными міра сего невозможна“? Здѣсь важенъ, конечно, не этотъ единичный фактъ, на которомъ останавливается о. Богословскій, а важенъ самый принципъ, которымъ онъ разрѣшаетъ указанный случай. Поэтому весьма нежелательно, если взглядомъ автора увлечется воспитанникъ семинаріи, или другой современный кандидатъ священства, и въ своей дѣятельности будетъ слѣдовать его совѣту.

По отношенію къ пасторологической литературѣ нашихъ духовныхъ журналовъ книжка о. Богословскаго представляетъ противоположную крайность. Какъ въ первомъ случаѣ мы видѣли отвлеченную теорію пастырства, такъ напротивъ здѣсь эта теорія цѣликомъ воплощена въ живомъ образѣ. Какъ тамъ пастырь какъ будто только едва касался земли, такъ здѣсь онъ все время живетъ на землѣ и среди земной обстановки. Тамъ ему поручалось совершать небесное служеніе, которое выше служенія ангельскаго, — здѣсь ему совѣтуютъ вставать въ 4 часа утра, въ 10 ч. пить чай, въ 2 ч. обѣдать, потомъ въ теченіе одного часа подкрѣпить себя послѣобѣденнымъ сномъ и вечеромъ ложиться спать не ранѣе 11 часовъ.— Тамъ едва упоминалось объ его внѣшности, — здѣсь она регламентирована самымъ тщательнымъ образомъ. „Священникъ по своему сану долженъ быть важенъ и строгъ,— говоритъ о. Богословскій, — а потому изысканность въ нарядѣ и щегольство ему неприличны. Такъ какъ свя-

щеннику необходимо носить длинные волосы и бороду, то онъ долженъ заботиться, чтобы его волосы и борода были причесаны; но заплетать ихъ въ мелкія косы, чтобы были курчавы, и подстригать бороду, чтобы она имѣла изящный видъ, неприлично: это есть утонченное лицемѣріе. Не слѣдуетъ употреблять мірскихъ намащеній, неприлично и съ заплетенными волосами выходить на улицу, или кого-либо изъ посторонних принимать у себя въ домѣ. Рясы и подрясники должны быть болѣе темнаго цвѣта и матовые, отнюдь не блестящіе и ярко-разноцвѣтные; сшиты они должны быть по прежнимъ образцамъ, безъ всякихъ нововведеній, напр. безъ широкихъ рукавовъ у подрясниковъ по подобію модныхъ сюртуковъ: это мелочное франтовство неприлично. Длиной они должны быть до каблуковъ сапоговъ. Должно тщательно заботиться, чтобы они были чисты и непорваны. Священникъ не долженъ имѣть никакихъ наружныхъ украшеній, какъ-то: золотыхъ съ каменьями цѣпочекъ для часовъ и для ключей, а просто носить часы на черномъ шнуркѣ. По моему мнѣнію,—продолжаетъ авторъ,—священнику неприлично выпускать наружу бѣлые воротнички и нарукавники. Обувь должна быть аккуратная и тщательно—чистая" и т. д. [1]).—Въ первомъ случаѣ, по журналамъ, мы не видѣли пастыря входящимъ въ храмъ для богослуженія; напротивъ, здѣсь описанъ каждый его шагъ. Вотъ, напр., онъ выходитъ изъ своего дома: „подходя къ дому Господню,—говоритъ о. Богословскій,—должно съ благоговѣніемъ обнажить главу свою, какая бы ни была погода, отрясти прахъ съ ногъ прежде, чѣмъ взойдешь въ паперть. При входѣ въ церковь священнику должно набожно молиться предъ иконостасомъ, а потомъ, обратясь къ предстоящимъ, привѣтствовать ихъ поклономъ. Изъ благоговѣнія къ святому мѣсту, не должно скоро и съ торопливостію ходить по

---

[1]) „Взглядъ съ практической стороны на жизнь священника" стр. 64—65. Состоятельность всѣхъ этихъ мнѣній, особенно запрещающихъ подстригать бороду даже для благообразія, о мірскихъ намащеніяхъ, о золотыхъ цѣпочкахъ съ каменьями для часовъ у сельскаго священника и т. д., мы оставляемъ на отвѣтственности автора.

храму за чѣмъ-бы то ни было и не разговаривать о дѣлахъ мірскихъ. При входѣ въ алтарь должно съ полнымъ страхомъ и благоговѣніемъ повергнуться въ прахъ предъ престоломъ Божіимъ [1]) и потомъ облобызать его [2])".—Въ журналахъ пастырь стоялъ на такой высотѣ надъ грѣшнымъ міромъ, какъ собесѣдникъ Божій, что грѣхи и слабости человѣческіе лишь мысленно допускались въ немъ. Напротивъ, о. Богословскій вполнѣ убѣжденно говоритъ, что священникъ весьма легко можетъ согрѣшить вольнымъ словомъ, пристрастіемъ къ спиртнымъ напиткамъ, честолюбіемъ (стр. 15), лицемѣріемъ, корыстолюбіемъ, плотскою страстью не только въ отношеніяхъ къ женѣ, но и къ посторонней женщинѣ, и не только помысломъ, но и самымъ дѣломъ (стр. 19 — 23), а въ концѣ авторъ доходитъ до такихъ картинъ, о которыхъ мы въ настоящемъ случаѣ предпочитаемъ умолчать.

Такимъ образомъ, идеальный пастырь, раздаятель людямъ божественной благодати, учитель вѣры и благочестія, вождь грѣшниковъ въ небесное царство, едва облеченный плотію, какимъ его рисовали намъ пасторалисты до сего времени, теперь сведенъ съ неба и прикрѣпленъ къ землѣ, занятъ хозяйствомъ, облеченъ въ подрясникъ и рясу опредѣленнаго покроя, носитъ часы на золотой цѣпочкѣ съ каменьями, употребляетъ „мірскія намащенія" и развлекается наряду съ мірскими людьми; вмѣсто прежняго самоотверженія — въ немъ появляется честолюбіе, вмѣсто безкорыстной любви къ ближнимъ и святому дѣлу — корыстолюбіе и человѣкоугодливость, вмѣсто поста—неумѣренность въ пищѣ и питіи, вмѣсто молитвы—свѣтскія пѣсни и вольные разговоры, вмѣсто цѣломудрія и чистоты—плотскія страсти и плотскіе грѣхи... и даже грѣшный ропотъ на Бога можетъ смутить его душу... (стр. 37). Онъ не только сведенъ на землю, но уже омраченъ, загрязненъ, забрызганъ, оскверненъ...

---

[1]) Нѣсколькими строками ранѣе (стр. 69) „прахъ" не дозволяется вносить даже въ паперть, а здѣсь у престола Божія рекомендуется повергнуться „въ прахъ". Какъ будто „прахъ" есть неизбѣжное и самое существенное подножіе престола въ алтарѣ!

[2]) Тамъ-же, стр. 68—69

Очевидно, какой-то новый взглядъ на служеніе пастырское началъ устанавливаться въ обществѣ, какое-то новое вѣяніе стало проникать въ эту область литературы, новый духъ сталъ замѣтенъ въ отношеніяхъ къ русскому духовенству. — Да, для историка книжка о. Богословскаго является знаменіемъ своего времени. Сама по себѣ не важная, она тѣмъ не менѣе свидѣтельствуетъ, что кончился періодъ догматическаго отношенія къ пасторологическимъ вопросамъ, которое господствовало до сихъ поръ въ литературѣ и журналистикѣ, а настала пора критики, борьбы, обновленія, оживленія, переворота. Она показываетъ, что въ то время въ нашемъ отечествѣ началась уже та лихорадочная борьба стараго съ новымъ, въ которой и духовенству пришлось выдержать тяжелое нападеніе и вынести весьма трудное испытаніе со стороны общества и печати въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ текущаго вѣка. Короче говоря, съ книжкой о. Богословскаго въ рукахъ мы пришли къ началу новаго періода въ исторіи развитія пасторологическихъ идей въ Россіи за XIX вѣкъ. Она не создала его, а только указала. Такъ иногда незначительный столбикъ на краю дороги говоритъ путнику, что отсюда начинается новая страна, гдѣ свой языкъ и воздухъ, свои нравы и обычаи, свои костюмы и пища, свои радости и свое горе.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ

(1860—1898 г.)

ГЛАВА 1.

Конецъ пятидесятыхъ и начало шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія въ исторіи нашего отечества ознаменовались такими важными событіями, которыя неотразимо повліяли на дальнѣйшую политическую и церковно-общественную жизнь цѣлаго государства и положили рѣзкую грань между двумя половинами XIX вѣка. Главнѣйшими изъ этихъ событій мы считаемъ Крымскую войну, вступленіе на престолъ Императора Александра II и освобожденіе крестьянъ. Геройская защита отечества русскими войсками во время Крымской войны пробудила самосознаніе русскаго народа, а окончаніе ея, обезпечивъ внѣшній миръ, дало ему возможность обратить свое вниманіе на внутренній бытъ государства. Поэтому въ Высочайшемъ манифестѣ отъ 19 марта 1856 г., объявлявшемъ объ открытіи мирныхъ переговоровъ, между прочимъ говорилось слѣдующее: „При помощи небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развиваются повсюду и съ новою силою стремленія къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый подъ сѣнію законовъ, равно для всѣхъ справедливыхъ, равно покровительствующихъ, да наслаж-

дается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ. Наконецъ,— и сіе есть первое и живѣйшее желаніе Наше, — свѣтъ спасительной вѣры, озаряя умы, укрѣпляя сердца, да сохраняетъ и улучшаетъ болѣе и болѣе общественную нравственность—сей вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастія"... [1]).—Съ другой стороны, вполнѣ понятно, что начало царствованія такого благороднѣйшаго и гуманнѣйшаго Императора, какъ почившій Александръ II, сообщило особое направленіе жизни русскаго человѣка и внесло въ общество новые элементы соціальнаго устройства. Наконецъ, подготовлявшееся съ первыхъ дней новаго царствованія событіе 19 февраля 1861 года естественно порождало множество новыхъ отношеній между сословіями и множество новыхъ запросовъ для мысли. Пробужденная и призванная къ дѣятельности мысль эта стала работать съ необычайною энергіею и скоро сдѣлала то, что начавшееся движеніе произвело ломку во всѣхъ сферахъ нашей общественной и церковной жизни. Старыя декораціи были сняты, условныя стѣснительныя рамки, которыми было крѣпко царствованіе Императора Николая I-го, были сломаны, и за ними открылось широкое поле всевозможныхъ измѣненій и желательныхъ улучшеній. Реформы начались въ сферѣ общественной и гражданской жизни (освобожденіе крестьянъ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній и наложенія клейма, пересмотръ земскихъ учрежденій и т. д.); но, при тѣсной связи нашего политическаго устройства съ церковнымъ, онѣ скоро встрѣтились и съ этими послѣдними интересами, т. е. съ церковными. Пробнымъ камнемъ и главнымъ пунктомъ соприкосновенія послужило народное школьное учительство, къ которому теперь правительство призывало членовъ духовенства.

Задолго прежде, когда еще не было ни земства, *ни охотниковъ возиться* съ темнымъ народомъ, духовенство одно обучало его безвозмездно, устрояя школы то при церковныхъ сторожкахъ, то въ своихъ убогихъ домахъ,

---

[1]) Высочайшій манифестъ Императ. Александра II отъ 19 марта 1856 г. о прекращеніи войны: „Полн. Собр. Законовъ Россійск. Имперіи" т. XXXI, отд. 1, стр. 131—132 (по изд. 1857 г. СПБ.).

жертвуя для этого и своимъ трудомъ и спокойствіемъ своей семьи. Не смотря на презрительное иногда отношеніе къ нему помѣщиковъ, управляющихъ, бурмистровъ, старшинъ и даже сельскихъ писарей, духовенство неуклонно вело свое дѣло, сѣяло доброе сѣмя на нивѣ Господней,— и русскій народъ всегда говорилъ ему за это спасибо сердечное; правительство такъ-же съ благодарностію принимало эти труды пастырей въ дѣлѣ народнаго образованія, а общество большею частію совершенно игнорировало ихъ, ибо не предъявляло къ нимъ никакихъ требованій, но ничѣмъ и не помогало. Теперь, когда двадцать милліоновъ темной крестьянской массы освобождались отъ крѣпостной зависимости и *дѣлались* свободными людьми, естественно потребовалось расширить умственный кругозоръ этихъ людей и хотя нѣсколько облагородить ихъ сердце; а для сего потребовалось увеличить количество учебныхъ заведеній и школъ, дать народу учителей, руководства, пособія и т. д. Школы народныя, дѣйствительно, явились тысячами[1]), особенно послѣ циркуляра Св. Сѵнода епархіальнымъ преосвященнымъ отъ 9 іюня 1861 года, которымъ требовалось ежемѣсячно доносить объ успѣхахъ школьнаго дѣла въ каждой епархіи[2]). Онѣ устроялись большею частію тѣмъ-же духовенствомъ, но часто и правительствомъ, иногда мѣстными обществами, изрѣдка частными лицами (напр. помѣщиками); а учителями и руководителями въ нихъ на первыхъ порахъ оказалось то-же духовенство, какъ сословіе, ближе всего стоящее къ народу и самымъ положеніемъ своимъ призванное къ народному учительству. Но такое быстрое возрастаніе количества церковно-приходскихъ народныхъ школъ обратило на себя общее вниманіе и вызвало со стороны разныхъ вѣдомствъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ народнаго образованія, а также въ обществѣ и печати широкое обсужденіе вопроса о начальномъ народномъ образованіи

[1]) См. „Дѣятельность русскаго духовенства въ отношеніи къ народному образованію въ царствованіе Императора Александра II" Ѳ. Благовидова, Казань 1891 г.

[2]) „Протоколы засѣданій Совѣта казанской дух. академіи за 1890 г.," стр. 305.

и объ учителяхъ народной школы. При этомъ обсужденіи обнаружились два противоположныхъ взгляда на народную школу и ея учителей. Духовное вѣдомство желало оставить за собой руководство народными школами, а сторонники свѣтскаго характера школъ стремились вытѣснить оттуда духовенство и учительство народное взять въ свои руки. Одни изъ этихъ противниковъ духовенства подвергали сомнѣнію самый фактъ существованія школъ, открытыхъ духовенствомъ, и думали, что эти школы существуютъ лишь на бумагѣ [1]). Другіе, не рѣшаясь отрицать наличнаго очевиднаго факта, не признавали однако никакой пользы за тѣми результатами, которыхъ могло достигать духовенство своею школьною дѣятельностью. Напротивъ, они представляли духовенство совершенно неспособнымъ къ обученію крестьянскихъ дѣтей, утверждая, что оно въ своихъ школахъ нисколько не развиваетъ ребятъ, учитъ ихъ по стариннымъ букварямъ славянской грамотѣ и т. д. Поэтому, вмѣсто пользы, они естественно ожидали отъ этой дѣятельности вреда и потому высказывали серьезныя опасенія за судьбу русскаго народа, если его образованіемъ окончательно завладѣетъ приходское духовенство [2]). Приэтомъ особенно замѣчательно то обстоятельство, что подобныя обвиненія на духовенство исходили изъ устъ этого-же самаго сословія. Такъ, напр., одно духовное лицо весьма характерно излагало свой взглядъ на народныя школы министру народнаго просвѣщенія Головину въ слѣдующихъ словахъ „Органы мракобѣсія требуютъ, чтобы образованіе народа было отдано въ руки духовенства, т. е. разсчитываютъ, что духовенство хоть этимъ путемъ задавитъ протестацію народа. Слѣпцы, слѣпцы! Тутъ-то и кончилось, въ прежнее время, терпѣніе народа, какъ власть монашества достигла своего апогея въ лицѣ Никона. Тутъ-то еще разъ

[1]) „Сынъ Отечества" 1862 г., № 161 и 29 воскресный;—„Учитель" за 1862 г., № 5.—Ѳ. Благовидовъ: „Дѣятельность русскаго духовенства въ отношеніи къ народному образованію въ царствованіе Императора Александра II". Казань 1891 г., стр. 25, 92—93.

[2]) Тамъ-же, стр. 25—26; сравн. „Школы на Волыни и Подоліи въ 1862 г." Барсова, стр. 14—15, 96—97, 266—267 и др.

и кончится долготерпѣніе народа, какъ еще одна капля прибавится къ тому, что дѣлало и что дѣлаетъ духовенство.—На колѣняхъ и со слезами осмѣливаюсь умолять Ваше Высокопревосходительство спасти народъ въ его молодомъ поколѣніи отъ конечной нравственной гибели, на которую его обрекаютъ, передавая дѣло народнаго образованія поповству. Нѣтъ клятвы, которую я, стоящій лицомъ къ лицу съ дѣломъ, не былъ бы готовъ дать во свидѣтельство того, что поповство, само растлѣнное до конца своихъ волосъ, можетъ и способно лишь растлѣвать и губить. Да и что клятва? Пусть дадутъ только возможность, я безчисленными и ничѣмъ неопровержимыми фактами докажу истину моихъ словъ. Не говоря уже о дерзкой лжи цифръ (школъ и учениковъ), и тамъ, гдѣ есть что-либо похожее на школу, дѣло ведется еще хуже, чѣмъ въ провинціальныхъ духовныхъ училищахъ... Всѣмъ, всѣмъ, что для Васъ свято и дорого, умоляю Ваше Высокопревосходительство: спасите народъ. Это послѣдній мой вопль въ жизни: если и онъ пропадетъ безслѣдно, то значитъ, злая судьба совсѣмъ отяготѣла надъ нашимъ народомъ" [1]).—И голосъ этого духовнаго лица, къ сожалѣнію, не былъ одинокимъ; напротивъ, его „открытіе" относительно „растлѣнія" духовнаго сословія было поддержано, усилено и пріобрѣло громадный успѣхъ, благодаря лже-братіямъ изъ среды того-же духовнаго сословія. Такъ, въ 1858 году заграницей появилась довольно обширная статья одного русскаго священника, съ начала до конца наполненная злословіемъ и клеветою на все русское духовенство, въ которой авторъ характерно и самыми яркими красками описываетъ наши духовно-учебныя заведенія (училища и семинаріи), бытъ сельскаго духовенства, отношенія его къ прихожанамъ, къ начальствующимъ лицамъ и учрежденіямъ и т. д. [2]). Затѣмъ,

---

[1]) Дѣло Департ. Народн. Просвѣщ. № $^{139,930}/_{758}$, ч. II, стр. 463—465.—Ѳ. Благовидовъ: „Дѣятельность русск. духов. въ отнош. къ народн. образованію," стр. 26—27.

[2]) Мы имѣемъ въ виду „Описаніе сельскаго духовенства въ Россіи", помѣщенное въ „Русскомъ заграничномъ сборникѣ" за 1858 г. т. I, тетр. IV, стр.

въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ и русская пресса пропустила на свои страницы извѣстные „Очерки бурсы“ Помяловскаго, въ которыхъ доказывалось, что наше духовенство и его школы (имѣлась въ виду прежде всего „бурса“, т. е. духовныя училища) находятся въ состояніи совершеннѣйшей нравственной дикости и разложенія, при полной матеріальной безпомощности и нищетѣ [1]). Наконецъ, въ русское общество проникли изданныя такъ-же заграницей сочиненія „извѣстнаго русскаго публициста“, профессора с.-петербурской академіи Д. И. Ростиславова, который еще болѣе усилилъ краски на картинѣ образованія и

1—166, Leipzig. Объясняя происхожденіе этой статьи, г. Погодинъ въ № 8 „Русскаго Вѣстника“ за 1859 г. объявилъ, что она написана по его заказу *священникомъ* и что авторъ, написавъ первую половину, желалъ оставить начатое дѣло, но онъ, Погодинъ, убѣдилъ его окончить. Получивъ рукопись отъ священника, Погодинъ исправилъ ее по своему желанію и давалъ читать и списывать знакомымъ, а при свиданіи съ однимъ пріятелемъ, проживавшимъ постоянно заграницей, передалъ ему вмѣстѣ съ другими и эту рукопись для напечатанія. Подписи автора нѣтъ, но на основаніи намековъ самой этой статьи, а также по указаніямъ составленной подъ редакціей Н. В. Елагина книги „Бѣлое духовенство и его интересы“ (1881 г. СПБ.), можно полагать, что она принадлежитъ „убѣленному сѣдинами калязинскому (тверской губерніи) священнику Беллюстину“. Характеризуя личность этого человѣка, Елагинъ пишетъ, что онъ послѣ изданія указанной статьи много лѣтъ помѣщалъ въ радикальныхъ свѣтскихъ журналахъ и газетахъ невообразимо дерзкую ругань на архіереевъ, благочинныхъ и проч. Затѣмъ, искушенный во всякой злобѣ, онъ появился въ „Церковно-общественномъ Вѣстникѣ“, который и принялъ его съ распростертыми объятіями. Спеціальностью его на страницахъ „Вѣстника“ было ругать православіе. За одно изъ такихъ ругательствъ о. Беллюстинъ былъ потомъ преданъ суду Св. Сѵнода.—См. „Русск. заграничн. сборникъ“ 1858 г., т. I, тетр. IV, стр. 19 (примѣчаніе), 56, 98, 117, 166 и др. Также „Бѣлое духовенство и его интересы“, сост. подъ редакціей Н. В. Елагина, СПБ. 1881 г., стр. 4 и 108;—сборникъ „Русское духовенство“, Берлинъ 1859 г., XI—XII, и др.

[1]) „Очерки бурсы“ по изданію 1862 — 63 гг. находятся во второмъ томѣ соч. Помяловскаго. Писатель этотъ, по словамъ Елагина, учился въ петербургской духовной семинаріи и выгнанъ оттуда за пьянство. Однажды, подъ пьяную руку, онъ написалъ какой-то разсказъ изъ своей училищной жизни, въ которомъ небольшая доля правды обставлена была самыми нелѣпыми выдумками. Печать пришла отъ этого разсказа въ неистовый восторгъ и произвела Помяловскаго въ геніальные писатели, настаивая, чтобы онъ писалъ и писалъ въ избранномъ имъ родѣ (можетъ быть, здѣсь разумѣется разсказъ „Махиловъ“, написанный въ 1855 г. См. полн. собр. соч. Н. Г. Памяловскаго, изд. 3-е, 1874 г. СПБ., т. II, стр. 187). И бѣдный невольникъ печати писалъ, потому что ему нужны были деньги на водку; писалъ въ состояніи delirium tremens, потому что вѣчно былъ пьянъ, писалъ со слезами на глазахъ, сознавая самъ, что подъ вліяніемъ галлюцинацій онъ пишетъ отчаянную ерунду, — но до его душевныхъ страданій никому не было дѣла; покровители его въ печатномъ мірѣ постоянно твердили ему, какъ Вѣчному Жиду: „пиши и пиши“. — См. „Бѣлое духовенство и его интересы“, стр. 6—7.

быта духовенства, распространивъ рамки ея до включенія сюда нашихъ академій и монашествующихъ во главѣ съ архіереями[1]). Даже воскресныя школы и внѣбогослужебныя собесѣдованія подверглись нападеніямъ и осужденіямъ[2]). Освѣщеніе затронутыхъ вопросовъ было поразительно мрачное и картина возмутительно грязная. Ни искры свѣта, ни проблеска мысли, ни слѣда добродѣтели, потребной служителямъ св. Церкви, не нашлось во всемъ духовномъ сословіи и его институтахъ—отъ перваго до послѣдняго,—и невольно думалось, что сюда относятся слова Псалмопѣвца: „вси уклонишася, вкупѣ неключими быша" (Пс. XIII, 3)!

Мы не беремъ на себя задачи судить названныхъ авторовъ и выводить изъ ихъ сочиненій какія-либо заключенія[3]). Но не такъ приняты были они въ свое время. Когда ломалось все старое, а новое еще не созидалось,

---

[1]) Одно изъ сочиненій Ростиславова говоритъ о духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи, другое — „О бѣломъ и черномъ духовенствѣ", изд. къ 60-мъ годамъ въ Лейпцигѣ и Берлинѣ; затѣмъ его литературно-публицистическая дѣятельность сосредоточилась въ „Церковно-общественномъ Вѣстникѣ" и закончилась его смертію въ 1877 г. Эти „два главныя его сочиненія, по словамъ Елагина, въ сущности суть не что иное, какъ два великія и пространныя моря, наполненныя гадами, которымъ нѣтъ числа". Личность этого человѣка Елагинъ называетъ „миѳическою",—вѣроятно потому, что его сочиненія изъяты изъ общественныхъ книгохранилищъ, и онъ извѣстенъ русскому обществу только по разсказамъ, часто „баснословнымъ" *(μῦθος)*; а родственникъ его, Высокопреосв. Антоній казанск., называетъ его псомъ, возвращающимся на блевотину свою, въ виду того, что тотъ, будучи изъ духовнаго званія самъ, позорилъ духовное сословіе („Высокопреосв. Антоній, архіеп. каз. и свіяж.," архим. Сергія Василевскаго, т. I, стр. 141. Казань 1885 г.—Ср. „Бѣлое духовенство и его интересы", стр. 29—51).

[2]) Цитов. соч. Ѳ. Благовидова, стр. 331—374.

[3]) Желающіе могутъ читать довольно подробный разборъ книги о. Беллюстина въ сборникѣ „Русское духовенство", изд. въ Берлинѣ 1859 г., въ статьяхъ: „Разоблаченіе клеветы на русское духовенство" (стр. 1—58) и „Сужденіе о книгѣ, изданной въ 1858 г. въ Лейпцигѣ на русскомъ яз. подъ заглавіемъ: Описаніе сельскаго духовенства въ Россіи" (стр. 59—138); далѣе, въ „Минутахъ пастырскаго досуга" Гермогена, еп. Ладожскаго, изд. 1882 г. СПБ., т. I, стр. 411—488, подъ заглавіемъ: „Дума о книгѣ, изданной въ Лейпцигѣ, — Описаніе сельскаго духовенства"; также въ отдѣльной брошюрѣ: „Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ Описаніе сельскаго духовенства" СПБ. 1859 г. Эта послѣдняя брошюра была помѣщена первоначально въ „Духовной Бесѣдѣ" за 1859 г., апрѣль, и вызвала въ свою очередь сужденіе о данномъ предметѣ въ „Историческихъ монографіяхъ и изслѣдованіяхъ" Николая Костомарова, въ статьѣ: „По поводу мыслей свѣтскаго человѣка о книгѣ сельское духовенство". — См. „Историческія монографіи и изслѣдованія" Николая Костомарова, изд. Д. Е.

когда видѣли, что общественные устои рушатся,—одно уже истлѣло, другое горитъ или догораетъ, иное принималось горѣть и обгорѣло, иное еще только загорается; когда началась уже подпольная работа партіи подъ девизомъ: свобода, равенство и братство,—партіи, вербовавшей изъ среды самого духовнаго сословія своихъ проповѣдниковъ (разумѣемъ Чернышевскаго, Добролюбова и др.),—въ этотъ моментъ движенія и волненія, неопредѣленности и блужданія, указанныя сочиненія признаны были спасительнымъ маякомъ для успокоенія общества и рѣшенія животрепещущихъ вопросовъ данной области. Нашлись люди, которымъ было желательно и выгодно воспользоваться такимъ положеніемъ дѣла, чтобы отнять у духовенства народную школу, и они постарались доказать негодность духовнаго сословія и его школы до послѣднихъ выводовъ. Не обращая вниманія на характеръ и душевный складъ названныхъ авторовъ, а видя въ нихъ только представителей духовенства, слѣдовательно—людей, хорошо знающихъ разбираемое ими дѣло, печать ухватилась за ихъ творенія съ жадностью дикаря и,—какъ говоритъ Елагинъ,—начала пить помои изъ этихъ книгъ и варьировать ихъ на тысячи ладовъ. Всѣ упивались этими варіаціями, разводили руками [1]), пока наконецъ не пришли къ догматическому заключенію, что духовная школа есть гнѣздо нигилизма, соціализма, матеріализма и т. п.,—что тамъ не наука, а рутина и безсмыслица, что духовенство загнано, забито, принижено,

---

Кожанчикова, СПБ. 1863 г., т. II, стр. 381 — 392. Ср. сборникъ „Русское духовенство“, Берлинъ 1859 г., стр. 349—373.

Книга Н. В. Елагина нашла свой судъ на страницахъ „Православнаго Обозрѣнія“ въ статьѣ свящ. У. Смирнова подъ именемъ: „Новая книга о духовенствѣ“. — См. „Правосл. Обозр.“ за 1881 г., т. I, стр. 179 — 196. См. также „Руководство для сельскихъ пастырей“ 1881 г., т. I, стр. 181 — 198, 209—218,— и отдѣльную книжку И. Старова: „Въ защиту бѣлаго духовенства“. По поводу книги Н. Елагина „Бѣлое духовенство и его интересы“.—СПБ. 1881 г.

Сочиненія Помяловскаго пока еще не составляютъ какой либо библіографической рѣдкости и, полагаемъ, извѣстны нашимъ читателямъ; но литературные труды Ростиславова въ настоящую минуту гораздо труднѣе найти, ибо они изъяты изъ общественныхъ книгохранилищъ.

[1]) Н. Елагинъ: „Бѣлое духовенство и его интересы“, стр. 4.

грубо и глупо,—и что все это вообще чрезвычайно ненадежно.

Казалось, что духовенство, какъ извѣстный классъ общественныхъ дѣятелей, умираетъ. Но въ дѣйствительности вышло совершенно иначе, ибо эта обличительная литература, стремившаяся отстранить духовенство отъ участія въ народномъ образованіи и возвѣстившая обществу о нравственномъ разложеніи всего сословія, не погубила, а спасла его. Съ одной стороны, въ обществѣ была еще сильна вѣковая привязанность къ духовному сословію, которое въ историческія годины народныхъ бѣдствій всегда являлось ангеломъ—хранителемъ нашего отечества,—и потому далеко не всѣ русскіе люди относились къ нему отрицательно. Напротивъ, было много фактовъ, доказывающихъ вполнѣ довѣрчивое отношеніе къ духовенству какъ со стороны отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ корпорацій. Такъ бѣлозерское земство (новгор. губ.) старалось удержать священнослужителей въ должности народныхъ учителей не столько потому, что не находило для этого другихъ лицъ, сколько „въ виду того убѣжденія, что сельское духовенство должно считать лучшимъ и удобнѣйшимъ проводникомъ нравственнаго развитія народа, а религіозно—нравственное развитіе народа должно предшествовать всякому другому“. Макарьевское земское собраніе (костромск. губ.), ассигновавъ опредѣленную сумму на развитіе образованія въ крестьянскомъ населеніи своего уѣзда, нашло болѣе полезнымъ для дѣла возложить всѣ заботы по народному образованію на мѣстное духовенство. Точно такъ-же поступила борисоглѣбская земская управа (тамбовск. губ.), земства казанской губерніи, нѣкоторыхъ уѣздовъ воронежской, калужской, полтавской и др. губерній [1]).—Съ другой стороны, высшая духовная власть и лучшіе изъ современниковъ очень хорошо сознавали, что изгнать священника изъ народной школы—значитъ лишиться самыхъ твердыхъ основъ народнаго воспитанія, основъ вѣры православной,

[1]) Цитов. соч. Ѳ. Благовидова, стр. 98—101.

которая всегда спасала и возвышала наше отечество [1]). Поэтому было признано за лучшее и единственно разумное: не отнимать школы отъ духовенства [2]), а сдѣлать само духовенство лучшимъ, приготовить и поднять его до высоты его назначенія, дать ему нравственныя и матеріальныя средства для успѣшнаго выполненія его призванія. Результатомъ такой работы мысли явился пересмотръ уставовъ духовно-учебныхъ заведеній: училищъ (1864 г.), семинарій (1867 г.) и академій (1869 г.). Для этого Духовно-Учебное Управленіе въ 1859 г. предприняло обычную свою мѣру, т. е. потребовало отъ ректоровъ академій и семинарій *мнѣній* съ замѣчаніями мѣстныхъ преосвященныхъ о необходимыхъ улучшеніяхъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Для разсмотрѣнія полученныхъ такимъ путемъ свѣдѣній въ слѣдующемъ (1860) году при Св. Сѵнодѣ былъ учрежденъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ херсонскаго архіеп. Димитрія, который предложилъ свой (впрочемъ неудачный) проэктъ реформъ. Но 19 марта 1866 г. комитетъ былъ открытъ снова подъ предсѣдательствомъ кіевскаго митрополита Арсенія, который пересмотрѣлъ уставъ Коммиссіи 1808 г., труды комитета 1860—1862 г.г. и постороннія заявленія въ печати. Уставы и штаты, выработанные этимъ комитетомъ, удостоились Высочайшаго утвержденія 14 мая 1867 г. и по указу Св. Сѵнода начали приводиться въ исполненіе. Въ тоже время правительство озаботилось улучшеніемъ и матеріальнаго быта духовенства учрежденіемъ особаго комитета для выработки пригодныхъ къ этому мѣръ и назначеніемъ въ пособіе духовно—учебнымъ заведеніямъ отъ казны 1.500,000 руб. ежегодно, начиная съ 1867 г. Затѣмъ оно стремилось создать подручные институты для усиленія нравственнаго вліянія духовенства на народъ и въ помощь при управленіи приходомъ въ видѣ церковно—приходскихъ попечительствъ, братствъ, библіотекъ, читаленъ и т. п. Наконецъ и само духовенство, будучи до сихъ поръ стѣс-

[1]) Тамъ-же, стр. 29—34, 64—65, 66.
[2]) Тамъ-же, стр. 89.

нено въ своей пастырской миссіи зависимостію отъ помѣщика и дѣйствуя среди крѣпостныхъ—рабовъ, теперь почувствовало себя свободнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтственнѣе. Ему безцеремонно и грубо указали его недостатки, даже преувеличивъ и умноживъ ихъ, — оно согласилось съ этимъ, но въ тоже время признало возможнымъ защищаться, рѣшило исправиться и укрѣпить свои силы, пріобрѣсть необходимыя средства для наилучшаго выполненія той задачи, какую возлагало на него общество. Плодомъ этого сознанія на первыхъ же порахъ явилось быстрое возникновеніе цѣлаго ряда духовныхъ журналовъ [1]) и основаніе особаго органа спеціально для разработки пасторологическихъ вопросовъ. Разумѣемъ „Руководство для сельскихъ пастырей", изд. съ 1860 г. при кіевской духовной семинаріи, которое эту свою цѣль сдѣлало своимъ именемъ. Кромѣ того въ это время стали появляться мѣстные епархіальные органы подъ именемъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей" [2]). Цѣль и значеніе этихъ органовъ духовенства прекрасно характеризуетъ одинъ священникъ Херсонской епархіи (гор. Одессы) о. Н. Неводчиковъ [3]). Въ первомъ же выпускѣ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостей онъ помѣщаетъ свое „письмо къ священнику херсонской епархіи", гдѣ, безлично обращаясь къ каждому изъ іереевъ съ братскимъ привѣтствіемъ, выражаетъ свое

[1]) Разумѣемъ: „Православный Собесѣдникъ", изд. при казанской академіи съ 1855 г. и опредѣленіемъ Св. Сѵнода (отъ 8 сент. 1874 г. за № 2793) рекомендованный для выписыванія въ церковныя библіотеки „какъ изданіе, полезное для пастырскаго служенія духовенства"; „Духовную Бесѣду", изд. при с.-петербургской семинаріи съ 1858 г.; „Странникъ" (изд. въ СПБ. съ 1860 г.); „Православное Обозрѣніе" и „Душеполезное Чтеніе" (оба изд. въ Москвѣ съ 1860 г.); „Труды кіевской духовной академіи" (изд. въ Кіевѣ съ 1860 г.); „Духовный Вѣстникъ" (изд. въ Харьковѣ съ 1862 г.) и др.

[2]) Въ 1860 г. Епарх. Вѣдом. были основаны въ Ярославлѣ и Одессѣ.— Мысль объ изданіи „Епархіальныхъ Вѣдомостей" и общая программа ихъ принадлежитъ преосвященному Иннокентію, архіеп. херсонскому и таврическому; но осуществленіе идеи произведено уже его преемникомъ, преосв. Димитріемъ. См. „Руководство для сельскихъ пастырей" 1860 г., II, стр. 302.

[3]) Впослѣдствіи викарій херсонской епархіи, затѣмъ—епископъ ташкентскій и наконецъ съ ноября 1892 г. по январь 1898 г. архіепископъ кишиневскій. Нынѣ находится на покоѣ въ Бессарабіи, въ Измайловскомъ монастырѣ.

сочувствіе по поводу трудностей пастырскаго служенія и приглашаетъ ихъ къ братскому содѣйствію другъ другу чрезъ печать. „Мы съ вами—братья, какъ сыны одной матери—Руси,—говоритъ онъ собрату іерею,—какъ служители одной Православной Церкви, какъ дѣятели одного и того же участка нивы Христовой. Братьямъ-ли чуждаться другъ друга? Сослужителямъ-ли не искать случаевъ къ общенію? Сотрудникамъ ли не совѣщаться объ успѣхахъ ихъ общаго дѣланія? Сойдись мы съ вами, какъ простые работники, въ какомъ нибудь виноградникѣ или огородѣ, на какой нибудь степи или нивѣ,—вѣдь не утерпѣли-бы мы, чтобы не заговорить другъ съ другомъ въ продолженіи дня, даже въ теченіи часа. Слово за слово и пошелъ бы разговоръ у насъ... И, конечно, при разговорѣ время понеслось бы незамѣтнѣе, а работа живѣе подвигалась бы впередъ"... Сказавъ далѣе о значеніи общаго труда пастырей, о. Неводчиковъ приглашаетъ собрата—священника бесѣдовать съ нимъ и со всякимъ другимъ іереемъ чрезъ мѣстный органъ духовенства, который предназначенъ „къ оживленію всего епархіальнаго управленія, къ сближенію его со всею паствою". „Насколько сможемъ и съумѣемъ, попробуемъ и мы, братъ мой, содѣйствовать этому предназначенію: оживимъ наши духовныя отношенія и сблизимся другъ съ другомъ. Пишите мнѣ обо всемъ, что ангелъ—хранитель внушитъ вамъ. И прежде всего, познакомьте меня съ вашимъ приходомъ и вашимъ дѣланіемъ въ немъ, напр.—великъ онъ, или малъ? православенъ вполнѣ, или не чуждъ заразы душевной? что въ немъ радуетъ васъ и что печалитъ? чего вы успѣли достичь и чего добиваетесь еще? чего желаете и надѣетесь и чѣмъ смущаетесь? и пр. Пишите просто, какъ говорите, какъ говорили бы со мною, если бы встрѣтились лицемъ къ лицу" [1]).

Привѣтствуя появленіе Епархіальныхъ Вѣдомостей и въ частности — приведеннаго письма, „Руководство для сельскихъ пастырей" выражаетъ желаніе, чтобы подобные

[1]) „Херсонск. Епар. Вѣдом." 1860 г., Іюль (вып. 1).

же органы основывались и въ другихъ епархіяхъ, чтобы подобный задушевный голосъ не напрасно раздавался среди нашего отечества. „Какъ оживилась бы тогда дѣятельность нашего духовенства, какъ широко раскинулась бы жизнь его! Сколько новыхъ дѣятелей явилось бы тогда на поприщѣ служенія Церкви и обществу, сколько драгоцѣнныхъ свѣдѣній выступило бы тогда изъ-подъ спуда на свѣтъ Божій! При серьезной и дружной дѣятельности духовенства, открылось бы богатое содержаніе жизни народной: пастыри познали бы своихъ овецъ, и овцы слышали бы гласъ ихъ и не шли бы къ чуждому гласу; духовенство возвратило бы тогда по праву принадлежащую ему честь, возвратило бы довѣріе къ себѣ общества и прежнее на него вліяніе. Съ молитвою въ сердцѣ будемъ ждать этого блаженнаго времени“...[1]).

Ожиданія эти сбылись: Епархіальныя Вѣдомости очень скоро стали появляться во многихъ епархіяхъ[2]) и въ настоящее время существуютъ повсемѣстно, даже не только въ предѣлахъ Россійской Имперіи, но и за границей[3]). Духовенство такъ-же оправдало надежды журнала: сначала несмѣло, робко и рѣдко, а потомъ все смѣлѣе и чаще стали появляться въ новыхъ изданіяхъ произведенія пера городскихъ и сельскихъ іереевъ, а теперь это сдѣлалось настолько обычнымъ явленіемъ, что уже никто не удивится, если пишетъ сельскій діаконъ или даже псаломщикъ. Такимъ образомъ народилась разнообразная литературная жизнь, раздался живой и дѣльный говоръ о широкихъ религіозно-общественныхъ задачахъ, послышалась серьезная, твердая, дѣловая печатная рѣчь, отвѣчающая на разнообразные запросы времени, возвышающая уровень развитія общества, будящая дремавшія силы и т. д.

Какъ камень, брошенный на гладкую поверхность спо-

[1]) „Руководство для сельскихъ пастырей“ 1860 г., II, стр. 316—317.

[2]) Такъ, еще въ 60-хъ годахъ онѣ основаны въ Вологдѣ, Вильнѣ, Вяткѣ Иркутскѣ, Рязани, Калугѣ, Кишиневѣ, Пензѣ, Полтавѣ, Орлѣ, Тамбовѣ и др.,

[3]) Напр. „Russian Orthodox American Messenger“, изд. въ алеутской епархіи въ качествѣ Епарх. Вѣдомостей; въ Японіи русская миссія издаетъ даже два журнала подобнаго типа — „Секейо-Симпо“ (Православный Вѣстникъ) и „Синкай“ (Духовное море).

койной рѣки, сначала производитъ мелкіе круги, разростающіеся потомъ до громадныхъ окружностей, такъ случилось и съ нашимъ Пастырскимъ Богословіемъ въ данный періодъ его исторіи. Оживленіе, сообщенное духовенству политическими и общественными событіями, прежде всего коснулось духовныхъ школъ, которыя сообщаютъ духовенству его типъ и характеръ; затѣмъ оно распространилось на тотъ сравнительно небольшой кружокъ самыхъ близкихъ къ дѣлу лицъ, которыя несли церковно-общественную службу, т. е. пастырей Церкви; наконецъ нападки его обрушились на все духовное сословіе съ его бытомъ, нравами, институтами и правоспособностями,— и чѣмъ далѣе отъ центра, тѣмъ шире дѣлались круги на поверхности общественной жизни и мысли. Движеніе, совершавшееся въ жизни пастырей, выражалось, конечно, въ пасторологической литературѣ, которая была обязана дать обществу и государству во время потребное такихъ „дѣлателей“, которые понимали бы современныя нужды общества и умѣли удовлетворять насущные запросы его на пути къ вѣчному назначенію человѣка. Такимъ образомъ, Пастырское Богословіе, оставаясь въ существѣ и принципахъ неизмѣннымъ, примкнуло къ общественному историческому движенію и вступило, съ одной стороны, въ борьбу за свои принципы, съ другой—стало на защиту православнаго духовенства. Труженики этого дѣла сначала выступали и дѣйствовали единицами, отрывочно и случайно; но скоро силы ихъ начали концентрироваться для общей защиты и преуспѣянія около періодическихъ изданій; наконецъ, на это поприще выступаютъ благонамѣренные люди школы и науки и доступными имъ средствами, хотя и съ разнымъ успѣхомъ, стараются оправдать духовенство и его школы, помочь имъ своими совѣтами и трудами, выяснить положеніе пастыря въ средѣ общества, указать его значеніе и важность для общества, — и для большей доказательности своихъ взглядовъ излагаютъ ихъ научно и въ систематической формѣ. Такимъ образомъ, кромѣ спеціальныхъ періодическихъ органовъ духовенства, имѣвшихъ цѣлію создать оружіе равносильное свѣтской

печати, на ихъ сторонѣ оказалась цѣлая литература по предмету ихъ служенія—въ видѣ монографій, учебниковъ, практическихъ руководствъ и научныхъ системъ. И эта литература развернулась съ такою небывалою дотолѣ быстротою и разнообразіемъ содержанія, что безспорно данный моментъ сдѣлался исходнымъ моментомъ новаго періода ея исторіи.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что духовныя періодическія изданія, выразившія такую горячую готовность защищать духовенство отъ нападеній свѣтской печати, почти совершенно не занялись теоретическими вопросами пастырства. Даже „Христіанское Чтеніе“, бывшее до сихъ поръ передовымъ и въ этихъ вопросахъ, теперь, съ начала шестидесятыхъ годовъ до самыхъ послѣднихъ дней нашего времени не дало своимъ читателямъ *ни одной статьи* по теоріи Пастырскаго Богословія. — Нѣсколько богаче оказались „Труды кіевской духовной академіи“, на страницахъ которыхъ въ разное время явились слѣдующія статьи по нашему предмету: „Пастырскія замѣтки касательно борьбы съ матеріализмомъ“ *В. Пѣвницкаго.* 1863. № 1, стр. 3 — 29.—„Необходимость учености для пастыря“ *К. Скворцова.* 1869. № 5, стр. 250 — 267.—„Духовный пастырь на каѳедрѣ“ (статья франц. писателя H. Dubois) *его-же.* 1869. № 7, стр. 45 — 65.—„Пастырское посланіе къ своимъ паствамъ преосвященныхъ, бывшихъ на кіевскомъ съѣздѣ въ сентябрѣ 1884 г.“ — 1885. № 1, стр. 3—9.—„Безбрачіе духовенства“ *А. И. Булгакова.* 1891. № 8, стр. 578.—„Вопросъ о приготовленіи къ пастырству въ современной Германіи“ *Н. К. Маккавейскаго.* 1894. № 4, стр. 536.—„Сочиненіе блаж. Августина De visitatione infirmorum и его рѣчь de pastoribus“ *Ал. Яхонтова.* 1895. № 10, стр. 277.—Кромѣ того есть нѣсколько отрывочныхъ монографій въ „Странникѣ“ [1]), въ „Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ“, въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ [2]), въ

---

[1]) Напр. 1864. Октябрь, стр. 1: „О нравственномъ вліяніи священника на простой народъ“.

[2]) Напр. „Древнерусскій духовникъ“ (очеркъ) *С. И. Смирнова.* 1898. Февраль, стр. 164 — 194. — „Врачебная дѣятельность священника и пастырское дѣло“. 1898. Апрѣль, стр. 46—61.

„Православномъ Собесѣдникѣ“ [1]), въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, въ „Пастырскомъ Собесѣдникѣ“, во многихъ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ и т. д. Но почти во всѣхъ этихъ изданіяхъ вниманіемъ авторовъ пользовалась преимущественно практическая сторона служенія пастырскаго; если же иногда говорилось о немъ и съ теоретической точки зрѣнія, то это дѣлалось, какъ и въ журналахъ первой половины вѣка, *случайно* и *между прочимъ*. Лишь одинъ изъ нихъ, съ самаго перваго дня своего существованія, серьезно, внимательно и любовно занимается изученіемъ пастырскаго служенія со всѣхъ возможныхъ сторонъ, являясь — съ одной стороны — сокровищницею, куда несутъ пастыри свою житейскую и умственную опытность, и учителемъ менѣе опытныхъ пастырей—съ другой. Съ 1860 г. и до сихъ поръ въ этомъ журналѣ сосредоточивается весь интересъ и напряженіе въ разработкѣ пасторологическихъ вопросовъ; сюда несли свои труды почти всѣ извѣстные за это время въ печати наши пасторалисты: здѣсь билъ пульсъ нашей науки. Поэтому мы и беремъ для настоящей главы изученіе именно этого журнала, ибо намъ думается, что чрезъ это изученіе можно съ достаточною ясностію и полнотой видѣть разнообразіе, ростъ и успѣхъ въ разработкѣ пасторологическихъ вопросовъ, которая началась въ нашемъ отечествѣ съ половины текущаго вѣка. Журналъ этотъ называется „*Руководство для сельскихъ пастырей*“.

---

[1]) Лекціи и статьи преосвящ. Антонія (Храповицкаго), о которыхъ намъ нужно будетъ подробно говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ—

журналъ, издаваемый при кіевской духовной семинаріи съ 1860 г.

Первая мысль объ изданіи названнаго журнала принадлежитъ недавно почившему протоіерею Кіево-Софійскаго собора Петру Гавриловичу Лебединцеву (тогда священнику мѣстечка Бѣлой-Церкви, кіевской губерніи). Эту идею о. Лебединцевъ сообщилъ своему брату Өеофану Гавриловичу, бывшему въ то время преподавателемъ кіевской семинаріи. Между сослуживцами Өеофана Гавриловича мысль объ изданіи журнала встрѣтила живѣйшее сочувствіе — и успѣхъ изданія былъ обезпеченъ вполнѣ, когда участіе въ немъ согласились принять такія лица, какъ тогдашній ректоръ семинаріи архим. Іоанникій Рудневъ (нынѣ высокопреосв. митрополитъ кіевскій), инспекторъ семинаріи архим. Өеоктистъ Поповъ († архіеп. рязанскій), покойный Е. М. Крыжановскій, Ө. Г. Лебединцевъ, А. Г. Ильинскій, П. П. Розановъ († преосвящ. Поликарпъ), М. М. Богдановъ, П. А. Игнатовичъ и др. [1]).

Первый номеръ „Руководства для сельскихъ пастырей“ вышелъ 1 марта 1860 г.

[1]) См. „Краткая историческая записка по поводу тридцатилѣтія изданія при кіевской духовной семинаріи журнала *Руководство для сельскихъ пастырей*“ Г. О. Булашева. Кіевъ 1890 г., стр. 1—2.

Избравъ предметомъ своихъ заботъ собственно сельское духовенство, редакція названнаго журнала должна была помѣщать на страницахъ его „все, что можетъ и должно быть интереснымъ“ именно для этого класса служителей Церкви. Поэтому его программа, утвержденная Св. Сѵнодомъ, своею исключительною цѣлію поставила то, чтобы способствовать „прежде всего сельскимъ пастырямъ въ ихъ высокомъ служеніи строителей таинъ Божіихъ и въ многотрудной обязанности учителей народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, выразителемъ ихъ желаній и потребностей“, и эту цѣль сдѣлала своимъ именемъ. Выполняя указанную задачу и стремясь къ намѣченной цѣли, журналъ давалъ своимъ читателямъ нѣсколько отдѣловъ пасторологическаго матеріала.

Первый отдѣлъ его составляютъ „поученія къ простому народу съ содержаніемъ догматическимъ, нравственнымъ, обрядовымъ и проч., а также извлеченія и выписки изъ твореній св. отцевъ, въ которыхъ говорится о священствѣ и которыхъ нѣтъ въ большей части сельскихъ церковныхъ библіотекъ“.

Второй отдѣлъ имѣетъ въ виду „изслѣдованія о разныхъ церковныхъ и духовно-нравственныхъ предметахъ, приспособительныя къ потребностямъ сельскаго священника какъ въ церковной проповѣди, такъ и въ частныхъ его бесѣдахъ съ прихожанами.“

Въ **третьемъ отдѣлѣ** заключаются „произведенія проповѣднической литературы прежняго времени, преимущественно тѣ, которыя отличаются своего рода современностью, простотою и общепонятностью“.

Въ **четвертомъ отдѣлѣ** имѣютъ мѣсто „оригинальныя статьи по части отечественной исторіи, а также матеріалы, относящіеся къ ней, съ надлежащей ихъ обработкою. Изъ матеріаловъ избираются исключительно тѣ, которые по содержанію своему могутъ имѣть какое-либо отношеніе къ потребностямъ священника или его паствы“.

Наконецъ, **пятый отдѣлъ** предлагаетъ „замѣчанія и наставленія, пригодныя сельскому священнику въ важ-

ныхъ случаяхъ его пастырской жизни и дѣятельности. Сюда входятъ: а) замѣчанія касательно отправленія богослуженія, благочинія церковнаго, совершенія таинствъ, обращенія съ прихожанами, отношенія къ иновѣрцамъ и т. п.; б) замѣтки о характеристическихъ чертахъ простаго народа и о томъ, какъ пользоваться ими для успѣшнаго дѣйствованія на нравственность прихожанъ; в) свѣдѣнія о благочестивыхъ мѣстныхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ, а также предразсудкахъ, суевѣріяхъ, противныхъ духу православной вѣры и Церкви, съ указаніемъ, когда нужно, историческаго происхожденія тѣхъ и другихъ; г) замѣтки касательно обученія дѣтей прихожанъ въ сельскихъ школахъ, матеріалы для уроковъ въ церковно - приходскихъ школахъ и соображенія о первоначальномъ воспитаніи дѣтей священно - и - церковно - служительскихъ; д) библіографическія статьи и замѣтки о вновь выходящихъ книгахъ, особенно пригодныхъ сельскому священнику, и замѣтки по поводу журнальныхъ статей, касающихся сельскаго духовенства въ какомъ бы то ни было отношеніи".

„Сверхъ того иногда сообщаются: 1) общія замѣчательныя извѣстія, касающіяся русской Церкви, и въ частности—свѣдѣнія о достойныхъ вниманія распоряженіяхъ, учрежденіяхъ и церковныхъ событіяхъ въ разныхъ епархіяхъ. Эти свѣдѣнія извлекаются частію изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, частію изъ корреспонденцій иностранныхъ сотрудниковъ редакціи; 2) свѣдѣнія о положеніи единовѣрцевъ нашихъ въ Австріи и Турціи, и, наконецъ, 3) извѣстія и сужденія о замѣчательныхъ религіозныхъ явленіяхъ и перемѣнахъ въ католическомъ и протестантскомъ обществахъ".

Выработавъ такую, въ сущности чрезвычайно обширную программу для популярнаго недорогаго изданія [1]), редакція сознается, что для нея „невозможно дать въ одинъ годъ полный объемъ всѣмъ указаннымъ отдѣламъ въ журналѣ,

[1]) „Руководство для сельскихъ пастырей" первоначально стоило пять рублей въ годъ съ пересылкою и четыре рубля на мѣстѣ. Съ 1880 г. цѣна его возвышена до шести рублей.

выходящемъ еженедѣльно безъ опредѣленныхъ рубрикъ." Поэтому она прибавляетъ, что „развитіе того или другаго отдѣла будетъ въ зависимости отъ современныхъ потребностей пастырей и пасомыхъ" и что „главное вниманіе будетъ обращено на рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые вызываются текущими обстоятельствами; впрочемъ, для того, чтобы журналъ могъ доставить сельскимъ пастырямъ руководительное и образовательное чтеніе не для одного только года, но и на будущее время, въ немъ не будутъ оставлены безъ вниманія и другія задачи его, обозначенныя въ программѣ" [1]).

Не всѣ отдѣлы программы журнала одинаково важны для нашей цѣли, да и нѣтъ возможности прослѣдить ихъ развитіе чрезъ все время изданія при отсутствіи полнаго указателя [2]). Поэтому въ настоящемъ случаѣ мы ограничимся лишь отдѣлами: о пастырскомъ служеніи вообще и о средствахъ его—учительствѣ, священнослуженіи и духовномъ руководствованіи пасомыхъ, что составляетъ ближайшій предметъ Пастырскаго Богословія.

Прежде чѣмъ говорить объ этихъ предметахъ самостоятельно, сотрудники „Руководства для сельскихъ пастырей", подобно тому, какъ это сдѣлали сотрудники духовныхъ журналовъ въ началѣ XIX-го вѣка, признали за лучшее дать своимъ читателямъ *„извлеченія и выписки изъ твореній св. отцевъ, въ которыхъ говорится о священствѣ и которыхъ нѣтъ въ большей части сельскихъ церковныхъ библіотекъ"* [3]). Поэтому на первыхъ-же страницахъ перваго года изданія они помѣстили поученіе св. Димитрія, митрополита Ростовскаго, о томъ, что духовный пастырь долженъ быть просвѣщеннымъ учителемъ пасомыхъ [4]). Здѣсь, на основаніи Свящ. Писанія и свидѣтельствъ св.

[1]) См. 42-й № журнала 1867 г. III, стр. 205—208.

[2]) Существующій указатель обнимаетъ собою первыя десять лѣтъ изданія и только одинъ гомилетическій отдѣлъ доведенъ до 1881 г. (послѣдній въ неоконченномъ видѣ помѣщенъ въ „Руководствѣ" за 1882 г. II, стр. 136 — 140, 162—164, 278—280, 307 — 309). Представляемый въ настоящее время указатель избранныхъ отдѣловъ составленъ нами.

[3]) „Руководство для сельскихъ пастырей" 1867, III, 205 и слѣд.

[4]) Изъ его слова: о пастырствѣ духовныхъ пастырей. См. „Руководство" за 1860 г. I, стр. 31—34.

отцевъ, отечественный святитель учитъ, что пастырь долженъ быть разумнымъ и учительнымъ (Iерем. III, 15). Ибо „какъ онъ можетъ вразумить неразумѣющаго, если самъ будетъ неразуменъ? Какъ можетъ быть учительнымъ, если самъ неученъ? Какъ наставитъ заблуждающаго, если самъ не знаетъ пути, по которому идетъ? Поэтому не имѣющій духа премудрости и разума (Исх. XI, 1—2) не достоинъ и пастырскаго сана[1]). На одеждѣ ветхозавѣтнаго первосвященника были золотые звонцы, — изъ устъ служителя Христова должны звучать золотыя слова ученія“. — Но одно учительство словесное недостаточно; поэтому и Апостолъ заповѣдуетъ пастырю быть „образомъ“ для пасомыхъ въ словѣ и житіи (1 Тим. IV, 12). Потому и св. Димитрій Ростовскій въ слѣдующемъ своемъ поученіи доказываетъ мысль, что духовный пастырь долженъ быть примѣромъ доброй жизни для пасомыхъ[2]). Жизнь пастыря, по словамъ святителя, должна быть согласна съ его учительными словами; въ противномъ случаѣ люди скажутъ ему: врачу, исцѣлися самъ (Лук. IV, 23). Учитель, не живущій по своему ученію, подобенъ грому, который бываетъ во время засухи, но не даетъ дождя. Какая польза отъ него, если не прольется дождь на жаждущую землю? Пусть же пастыри дѣйствительно будутъ свѣтомъ, просвѣщающимъ пасомыхъ и словомъ, и дѣломъ (Матѳ. V, 14—16). Правда, широка заповѣдь сія, по которой пастырское служеніе требуетъ отъ священника постоянныхъ трудовъ самоотверженія и неусыпнаго бодрствованія,—но что же дѣлать: на то онъ пастырь. Подобно матери, которая носитъ на рукахъ дитя свое и питаетъ сосцами (Числ. XI, 12), онъ долженъ имѣть попеченіе о духовныхъ овцахъ своихъ, питать ихъ духовною пищею, отыскивать заблудшихъ, исторгать ихъ изъ пасти звѣря. Онъ есть стражъ своего стада (Iез. XXXIII, 7). Стражъ не спитъ, а подобно тѣмъ шестокрылатымъ, четвероличнымъ и многоочитымъ херувимамъ, которыхъ евангелистъ

[1]) Дѣлается указаніе на 2-ю бесѣду св. Iоанна Златоуста на посл. къ Титу
[2]) „Руководство для сельскихъ пастырей“ 1860 г. I, стр. 59—62.

видѣлъ предъ престоломъ Божіимъ (Апок. IV, 1), постоянно трудится, бодрствуетъ и заботится о своемъ стадѣ. Каждый изъ пастырей долженъ быть крѣпокъ какъ левъ, трудолюбивъ какъ волъ, милостивъ и сострадателенъ какъ человѣкъ, богомысленнымъ умомъ высокопаренъ какъ орелъ. О херувимахъ пишется, что они „исполнени суть очесъ сопреди и сзади",—такъ и пастырь долженъ быть многоочитъ, чтобы видѣть все, что и для чего дѣлается. Отовсюду ему потребны тысячи очей,—говоритъ св. Златоустъ,—потому что ему надлежитъ и овецъ пасти, и заботливо смотрѣть, чтобы какой-либо волкъ въ овечьей одеждѣ не вошелъ въ стадо. И если Апостолъ сказалъ, что желающій епископства желаетъ добраго дѣла (1 Тим. III, 1), то этимъ онъ указалъ въ епископствѣ именно *дѣло*, многотрудное, отвѣтственное, но высокое и святое [1]).

Такими мыслями отечественнаго богослова журналъ началъ выполненіе одной изъ своихъ задачъ. И была пора. Слѣдовало будить духовенство послѣ его вѣковой дремоты, слѣдовало призывать его къ дѣятельности, потому что сама жизнь требовала этого. Въ обществѣ и въ свѣтской литературѣ, — какъ мы уже говорили, — давно начали носиться самыя превратныя воззрѣнія на это сословіе и его дѣятельность. Духовенство считали малообразованнымъ, недѣятельнымъ и неспособнымъ ни къ чему вмѣстѣ съ его семинарскимъ образованіемъ. Принципъ служенія пастырскаго—любовь къ Богу и служеніе Ему—считали началомъ *теологическимъ*, понимая послѣднее слово въ смыслѣ *суевѣрный* [2]). Не видя ничего особеннаго въ служеніи священника сравнительно съ государственными чиновниками, нѣкоторые хотѣли, чтобы нашъ *священникъ такъ и считался чиновникомъ*, какъ напр. протестантскій пасторъ,—могъ бы отъ алтаря переходить въ канцелярію, а писецъ канцелярскій имѣлъ бы право надѣть одѣяніе служителя Бога, чтобы потомъ снова снять его, смотря по надобно-

---

[1]) „Руководство для сельскихъ пастырей" 1860 г. I, стр. 79—83. Третье поученіе св. Димитрія Ростовскаго изъ слова „о пастырствѣ духовнаго пастыря".

[2]) „Библіотека для чтенія" 1861 г. № 6, статья Піотровскаго: „Одна изъ кастъ".

сти, и т. д.[1]). Такимъ анти-православнымъ воззрѣніямъ на пастырство слѣдовало противопоставить истинный взглядъ на этотъ предметъ и разъяснить значеніе, цѣль и средства служенія пастырскаго какъ для общества, такъ и для самихъ пастырей. И вотъ въ номерахъ журнала послѣдовательно является вся святоотеческая пасторологическая литература—какъ древняя, такъ и новая, отечественная,—то въ видѣ отрывковъ и извлеченій, то въ видѣ цѣльныхъ пасторологическихъ трудовъ. Сюда относятся:

I. Пасторологія вселенскихъ отцевъ.

Изложеніе ученія св. Іоанна Златоуста о пастырскомъ служеніи, 1862 г., т. II, стр. 261, 405.—Мысли св. Іоанна Златоуста о важности и трудности пастырскаго служенія, 1863, III, 434, 513. — Святаго отца нашего Іоанна Златоуста наставленіе пресвитерамъ, 1867, I, 437.—Св. Амвросія, епископа Медіоланскаго, „объ обязанностяхъ священно-церковно-служителей“ (предисловіе переводчика), 1865, I, 40.—Изъ творенія св. Амвросія, епископа Медіоланскаго, „объ обязанностяхъ священно-церковно-служителей“ (самое сочиненіе св. отца), 1865, I, 73, 117, 245, 385; II, 29, 141, 173, 289, 485; III, 121, 317. — Къ статьямъ изъ творенія св. Амвросія, епископа Медіоланскаго, „объ обязанностяхъ священно-церковно-служителей“ (заключеніе переводчика), 1865, III, 563[2]).—Пастырское служеніе по ученію св. Григорія Богослова, 1868, I, 609, 658, 695, 723.—Св. Григорія Великаго (Двоеслова) о пастырскомъ служеніи, 1871, I, 37, 117, 185, 337, 461; II, 45, 105, 213, 329, 505, 545,

---

[1]) „Руководство“—1863 г. III, стр. 434.

[2]) Разумѣется извѣстное сочиненіе медіоланскаго архипастыря „De officiis ministrorum (ecclesiae)“. Переводъ указанныхъ статей и примѣчанія къ нему принадлежатъ покойному проф. кіевской академіи Д. Подгурскому. Впослѣдствіи онъ вошелъ въ изданіе П. Поспѣлова, который присоединилъ къ нему біографію св. Амвросія (I — XLIX) и нѣсколько общихъ замѣчаній о самой книгѣ св. отца (XLIX—LXXIX). Въ этомъ послѣднемъ изданіи были, впрочемъ, сдѣланы нѣкоторыя дополненія, сокращенія и перестановка матеріала, подведены примѣчанія и выводы примѣнительно къ интересамъ русскихъ пастырей. Кіевъ, 1875 г.

581, 613; III, 1, 37, 129, 257, 373, 537; 1872, I, 73, 181, 337, 365, 441, 477; II, 29, 101, 209, 305, 337, 457; III, 1, 41, 81, 205, 237, 265, 305, 341, 381, 449, 485, 533, 585 и 637 [1]).—Кандидатъ священства по Григорію Двоеслову, 1891, I, 349; II, 42. — Идеалъ жизни пастыря Церкви по Григорію Двоеслову, 1894, III, 300, 336, 396, 449. — О величіи, достоинствѣ и значеніи пастырскаго служенія (изъ твореній св. Иларія, еп. Поатьесскаго), 1886, II, 345. — Ученіе св. Иларія о пастырствѣ, 1886, III, 3. — О томъ, какое тяжкое наказаніе ожидаетъ худыхъ пресвитеровъ и какъ высоко нужно цѣнить истинное пресвитерство (мысли священномуч. Иринея, еп. Ліонскаго), 1886, II, 425.—Святоотеческое слово къ пастырю (изъ слова св. Іоанна Лѣствичника), 1885, I, 25.—Задача пастыря, какъ руководителя согрѣшающихъ, и средства къ выполненію ея по письмамъ св. Исидора Пелусіота, 1884, III, 185. — Пастырь обязанъ защищать свою паству отъ еретиковъ (по письмамъ св. Исидора Пелусіота), 1884, III, 437, 496.— Пастырское служеніе по письмамъ св. Исидора Пелусіота, 1884, I, 337; II, 237, 497; III, 91. — Трудность служенія пастырскаго (по письмамъ св. Исидора Пелусіота), 1884, II, 105. — Блаж. Іеронима „Клирикамъ", 1885, I, 236. — Блаж. Іеронима афоризмы о пастырствѣ, 1885, I, 350, 440. — Пастырскій долгъ учительства по блаж. Іерониму, 1890, III, 337, 413.—Письмо блаж. Іеронима къ Непоціану объ образѣ жизни клириковъ и монаховъ, 1896, II, 357, 422; III, 31, 87, 139.—Назидательныя для пастырей Церкви изреченія св. отцевъ, 1884, II, 35, 137, 164, 196.

2. Пасторологія отечественныхъ святителей.

Поученіе Кіевскаго митрополита Сильвестра новопоставленному іерею, 1860, I, 1. — Памятникъ архипастырскаго наставленія русскимъ пастырямъ и народу начала XV вѣка, 1872, II, 137.—О пастырствѣ духовныхъ пасты-

[1]) На указанныхъ страницахъ журнала помѣщенъ переводъ извѣстнаго творенія св. Григорія Двоеслова „Regulae pastoralis," или „Liber curae pastoralis", сдѣланный покойнымъ проф. Подгурскимъ и вышедшій потомъ (1874 г. Кіевъ) отдѣльнымъ изданіемъ.

[1]) „О должности пастыря“ (мысли св. Тихона Зад.) 1896, I, 68.

[2]) Подъ тѣмъ же самымъ заглавіемъ указанныя статьи митр. Григорія потомъ изданы отдѣльной книжкой подъ редакціей Апол. Можаровскаго. Кіевъ, 1880 г.

лямъ, 1874, II, 185.—Пастырь Церкви—образецъ для пасомыхъ (слово его-же), 1874, II, 313.—О благочиніи церковномъ (слово его-же), 1874, II, 389. — О священническомъ благословеніи (его-же), 1874, II, 501. — Рѣчь при посвященіи во епископа (его-же), 1874, III, 89. — Архипастырское наставленіе священно - церковно - служителямъ единовѣрческаго прихода объ отношеніи единовѣрцевъ къ православію (преосв. Платона, архіеп. донскаго), 1875, I, 156. — Архипастырское посланіе къ священно-церковнослужителямъ Леонтія, архіеп. херсонскаго, 1875, I, 169.— Руководственныя архипастырскія наставленія преосв. Хрисанѳа, епископа астраханскаго, къ священнослужителямъ астраханской епархіи, 1875, III, 253. — Архипастырскія наставленія Викторина, епископа полоцкаго и витебскаго, преподанныя священникамъ полоцкой епархіи, 1877, II, 219. — Слово архипастырскаго обличенія, обращенное къ нѣкоторымъ изъ нашихъ молодыхъ пастырей, 1882, I, 157. — Слово пастырское преосвященнаго Амвросія, епископа харьковскаго, къ духовенству харьковской епархіи, 1883, I, 89. — Архипастырскія наставленія высокопреосв. Платона, митрополита кіевскаго и галицкаго, кандидатамъ священства, — воспитанникамъ VI кл. кіевской духовной семинаріи, 1883, II, 157. — Наставленіе приходскимъ священникамъ о церковномъ обученіи дѣтей вѣрѣ и благочестію (высокопреосв. Веніамина, архіеп. иркутскаго), 1884, I, 237. — Архипастырское наставленіе объ условіяхъ благоплоднаго пастырскаго служенія въ Церкви Христовой (высокопреосв. Іоанникія, митр. московскаго), 1885, I, 97.—Что дѣлать противъ штунды? (изъ поученія преосв. Никанора, еп. херсонскаго), 1885, I, 142. — Архипастырское воззваніе къ духовенству новгородской епархіи Исидора, митрополита с.-петербургскаго (о ревности въ дѣлѣ народнаго учительства), 1885, III, 301. — Касающееся пастырей въ одной изъ рѣчей преосв. Никанора, 1885, III, 481.—Пастырское посланіе къ своимъ паствамъ преосвященныхъ, бывшихъ на кіевскомъ съѣздѣ въ сентябрѣ 1884 г., 1884, III, 413. — Отъ архипастырей къ пастырямъ (продолженіе предыдущаго), 1885, I, 1.

При сравненіи приведеннаго указателя съ соотвѣтствующей рубрикой программы оказывается, что редакція выполнила свою задачу удовлетворительно. На страницахъ журнала нашли себѣ мѣсто „извлеченія и выписки“ изъ всѣхъ главнѣйшихъ трудовъ какъ вселенскихъ, такъ и отечественныхъ пасторалистовъ, даже современныхъ намъ архипастырей, которые такъ или иначе касались христіанскаго пастырства. Но этимъ дѣло не ограничилось. Кромѣ буквальныхъ выписокъ, извлеченій и передѣлокъ отдѣльныхъ отеческихъ пасторологическихъ сочиненій, на первыхъ же порахъ журналъ давалъ своимъ читателямъ обобщенія ихъ, т. е. цѣлые систематическіе трактаты о священствѣ, гдѣ, по руководству святоотеческой пасторологіи, пастырское служеніе представляется уже въ полномъ свѣтѣ и законченной обрисовкѣ подробностей. Хотя редакція нашла возможнымъ включить этотъ пунктъ въ свою печатную программу только съ 1882 года, но это нисколько не помѣшало ей гораздо ранѣе указаннаго срока помѣстить въ журналѣ цѣлыя изслѣдованія о священствѣ. Сюда относятся: Жрецъ древняго языческаго міра и пастырь Церкви христіанской, 1863, I, 316; II, 86, 117; III, 55, 91, 146. — Пастырское служеніе по воззрѣніямъ вселенской Церкви, 1867, II, 154, 269, 436, 521, 553; III, 12, 69, 209, 290, 387, 461. — Къ статьямъ „Пастырское служеніе по воззрѣніямъ вселенской Церкви“, 1867, III, 592. — Сужденія св. отцевъ и учителей Церкви о пастырствѣ, 1869, II, 225, 529; III, 1. — О внѣшнемъ благоприличномъ поведеніи клириковъ по правиламъ древней христіанской Церкви, 1876, II, 272. — Христіанскій пастырь по правиламъ вселенскихъ соборовъ, 1880, III, 265.—Церковная іерархія въ твореніяхъ мужей апостольскихъ, 1885, III, 341.—Пастырь и пастырство по духу ученія святителей Димитрія Ростовскаго, Тихона Задонскаго и другихъ отцевъ и учителей древне-русской Церкви, 1892, III, 181, 345, 378; 1893, I, 93, 191; II, 202; III, 8, 115. — Содержаніе и характеръ древне-русскихъ пастырскихъ посланій, 1881, I, 233, 399; II, 45. — Объ отношеніи пастыря къ прихожанамъ, какъ служителя Церкви и члена общества,

по древне-русскимъ пастырскимъ посланіямъ, 1886, II, 69, 111.—Древне-русское архипастырское руководительство пастырей и пасомыхъ, 1886, III, 137, 281. — Древне-русскія архипастырскія наставленія пастырямъ о руководительствѣ пасомыхъ, 1886, III, 463.

Сюда же относятся пасторологическіе трактаты экзегетическаго характера: Первосвященническая молитва Господа нашего Іисуса Христа, 1892, III, 53, 85, 138, 161.—Уроки для пастырей Церкви, вытекающіе изъ первосвященнической молитвы Господа нашего Іисуса Христа, 1892, III, 196, 274, 355, 446. — Первосвященство Христово по ученію ап. Павла въ посланіи къ Евреямъ, 1870, I, 174, 325; II, 166.—Священство Іисуса Христа по чину Мелхиседекову, а не по чину Ааронову, 1883, I, 385.—Господь Іисусъ Христосъ, какъ образецъ пастыря-священника, 1883, II, 417, 449; III, 41; 1884, I, 109.—Пастырскія наставленія Іисуса Христа апостоламъ при отправленіи ихъ на проповѣдь, 1869, I, 585. — Посольство апостоловъ на проповѣдь, 1884, III, 247, 279, 302, 366.—Рѣчь Іисуса Христа о добромъ пастырѣ, 1868, III, 197. — Свойства пресвитеровъ по смыслу третьей главы 1-го посл. св. ап. Павла къ Тимоѳею, 1865, I, 445, 486.—Пастырскія посланія ап. Павла въ толкованіи Икуменія, 1888, I, 142, 176, 229, 267, 330, 367, 426, 533, 567 [1]).—Краткое обозрѣніе пастырскихъ посланій св. ап. Павла, 1868, II, 417, 455. — Прощальная бесѣда ап. Павла съ ефесскими пастырями, 1869, II, 8, 37, 77.—Три главнѣйшія обязанности пастыря душъ по ученію ап. Павла (1 Тим. IV, 13—16), 1883, III, 45.— Наставленія ап. Павла молодому пресвитеру, 1883, III, 150.— Содержаніе пресвитеровъ по ученію ап. Павла, 1883, III, 155. — Шесть непреложныхъ обязанностей пастыря, указанныхъ ап. Павломъ, и побужденія къ исполненію ихъ, 1885, II, 439. Качества іерархическихъ лицъ по указанію ап. Павла въ посланіи къ Титу (I, 1), 1885, III, 56.— Пастырская твердость въ ученіи (2 Тим. III, 14 — 17), 1885, III, 189.—Пастырская осторожность и воздержность

[1]) Потомъ вышло отдѣльной книгой.

въ словѣ (2 Тим. II, 14—26), 1885, III, 1.—Руководительныя начала для жизни и дѣятельности приходскаго пастыря по 2-му посланію ап. Павла къ Коринѳянамъ, 1890, I, 171; II, 44, 208, 316, 432; III, 61, 113, 214, 244, 319, 448. — Пастырское служеніе и его руководительныя начала по первому посланію св. ап. Павла къ Солунянамъ, 1893, II, 129, 364, 462; III, 87, 226.

Заключающееся во всѣхъ указанныхъ сочиненіяхъ евангельское и святоотеческое ученіе о пастырствѣ пребываетъ неизмѣннымъ со времени своего первоначальнаго момента. Возвѣщенный и воплощенный Іисусомъ Христомъ, выясненный апостолами и отцами Церкви, образъ добраго пастыря уже былъ опредѣленъ въ своихъ основныхъ пунктахъ гораздо ранѣе „Руководства для сельскихъ пастырей". Поэтому въ указанныхъ нами сочиненіяхъ и выпискахъ объ этомъ предметѣ не могло быть чего-либо новаго по существу, ничего такого, что не содержалось бы въ идеѣ его и чего не требовалось бы отъ пастырей съ самаго начала христіанства. Обязанность совершать богослуженіе, учить народъ и руководить паству въ духовно-нравственной и религіозной жизни—все это уже было въ принципѣ опредѣлено и развито. Но одно дѣло—служеніе въ его принципіальномъ значеніи, иное—въ его практическомъ выполненіи и примѣненіи къ жизни. По требованіямъ и запросамъ времени того или другаго историческаго періода обязанности пастырскія осложняются, дробятся и получаютъ безчисленное множество оттѣнковъ. Вмѣстѣ съ этимъ должна разнообразиться и пасторологическая литература, какъ указательница возможныхъ средствъ для удовлетворенія современныхъ запросовъ. Этимъ путемъ, естественно, долженъ былъ пойти и нашъ журналъ, ибо, по смыслу своей программы, онъ обѣщалъ быть органомъ дѣятельности сельскихъ пастырей, ихъ желаній и потребностей, помогать имъ въ дѣлѣ удовлетворенія насущныхъ законныхъ нуждъ современнаго общества[1]). Такъ онъ и дѣлалъ. Онъ отмѣчалъ

[1]) См. журналъ за 1868 г., т. III, стр. 269—271.

постепенное развитіе штундизма на югѣ Россіи, обсуждалъ реформы въ гражданскихъ и духовно-учебныхъ сферахъ, обличалъ западно-европейскій соціализмъ и матеріализмъ, слѣдилъ за литературной дѣятельностью графа Л. Н. Толстаго, оплакивалъ святотатственное дѣло 1-го Марта 1881 г., чуму и Турецкую войну 1877—79 г. г., холеру 1892 г., неурожай 1890—91 г. г. и т. п. Онъ указывалъ пастырямъ на эти явленія, интересы, вѣянія и нужды общественной жизни, производилъ ихъ оцѣнку и старался дать посильное руководство своимъ читателямъ. Но поелику журналъ не давалъ новаго пасторологическаго матеріала, а только рѣшалъ новые вопросы по руководству древнихъ евангельскихъ истинъ,—мы считаемъ излишнимъ подробно излагать содержаніе подлежащихъ сюда статей, а полагаемъ достаточнымъ въ данномъ случаѣ представить лишь ихъ систематическій Указатель, придерживаясь по возможости предметнаго порядка, и лишь общими штрихами отмѣчать параллель между содержаніемъ журнала и явленіями общественной жизни съ одной стороны, и содержаніемъ журнала и его программой—съ другой. Гораздо ближе мы будемъ касаться содержанія журнала въ слѣдующей главѣ, гдѣ разсматриваются отдѣльныя сочиненія по этому предмету, печатавшіяся по преимуществу на его страницахъ.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА

„Руководство для сельскихъ пастырей“

по предмету Пастырскаго Богословія съ 1860 по 1898 г.

О пастырскомъ служеніи вообще.

О важности пастырскаго служенія въ Церкви Христовой, 1881, II, 319.—Изъ письма къ новорукоположенному священнику, 1885, III, 65.—Священникъ, какъ раздаятель благодати св. таинствъ, 1883, II, 337.—Названія: пастырь, священникъ, попъ, 1860, I, 164.—Почему епископы и пресвитеры называются пастырями? 1885, III, 88.—Наименованія, усвояемыя у насъ православнымъ пастырямъ русской Церкви, 1887, III, 365.—Назначеніе пастырей Христовой Церкви, 1861, II, 153.—Врачъ духовный и врачъ тѣлесный, 1886, I, 505.—Іерей—стражъ дома Божія, 1897, I, 51.—О пастырскомъ благословеніи, 1861, II, 249, 298, 364.—Откуда священники получили право благословлять и какое значеніе имѣетъ ихъ благословеніе? 1884, II, 97.—Пастырскій авторитетъ, 1888, II, 73, 111.—Пастырство и наемничество, 1888, II, 165.—Идея и жизнь въ отношеніи къ пастырю, 1888, I, 169.—Пастырское служеніе съ идеальной и практической стороны, 1887, II, 165.—Значеніе дѣятельности и поведенія пастыря для жизни прихода, 1897, I, 373; II, 5, 85, 181.—Старое и вѣчно новое въ

Трудность и отвѣтственность пастырскаго служенія.

жается надежда облегчить ихъ чрезъ веденіе и печатаніе пастырскихъ дневниковъ, которые, дѣйствительно, какъ бы въ отвѣтъ на это, часто появляются на страницахъ журнала, напр. 1860, II, 399; 1871, I, 410, 491, 533, 592; 1877, III, 405, 451, 576; 1878, I, 240;—II, 156, 213, 406;—III, 16, 186; 1879, I, 46 и т. д.).—Трудное дѣло, 1885, II, 153.—Тяжелые дни въ жизни пастыря, 1886, III, 230.—О пастырскомъ крестѣ, 1893, II, 297.—О пастырскихъ крестахъ и крестоношеніи, 1894, I, 6.—Новый годъ въ жизни пастыря, 1875, I, 7.—Подъ этимъ и подобными заглавіями въ началѣ каждаго года журналъ помѣщалъ передовыя статьи, въ которыхъ кратко подводились итоги прошедшихъ лѣтъ и указывались пастырскія задачи будущаго: пастырямъ напоминали о предстоящихъ трудностяхъ и отвѣтственности за небреженіе ихъ въ своемъ дѣлѣ, призывали ихъ къ ревностному дѣйствованію, терпѣливому перенесенію трудовъ и т. д. (1878, I, 10; 1879, I, 9, 372; 1880, III, 1; 1881, I, 1; 1882, I, 1; 1884, I, 49;—III, 211, 375; 1885, I, 53; 1886, I, 1; 1887, I, 1).—Иногда статьи такого характера излагались стихами, и не только на русскомъ, но и на латинскомъ языкѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1876 г. (I, 4—5) редакція, указавъ, что обмѣнъ мыслями на страницахъ журнала былъ весьма полезенъ для пастырей за истекшіе годы, обращается къ нимъ съ слѣдующими благожеланіями:

„Желаемъ вамъ благословенья
Христа и въ этотъ новый годъ,
Дабы успѣшнѣй просвѣщенье
Чрезъ васъ лилось въ простой народъ.
Желаемъ вамъ своихъ пасомыхъ
На правомъ утвердить пути,
И ложной вѣрою влекомыхъ
На степень правды возвести.
Желаемъ также благотворно
На бытъ семейный повліять,
Чтобъ былъ въ немъ миръ и духъ покорный,
Святаго Духа благодать.

А молодое поколѣнье—
Въ Господнемъ страхѣ воспитать,
Чтобъ Божіе благоволенье
На немъ могло бы почивать.
Чтобъ гражданъ добрыхъ приготовить
Съ прямою честною душой,
И жизнь ихъ темную освоить
Съ познаньемъ истины святой".

Привѣтъ духовенству на новый 1877 годъ (1, 6-7):

„Достопочтенное сословье
Россіи, пастыри—отцы,
Теперь привѣтствуемъ съ любовью
Мы ваши подвиги любви!
Вы много въ прошлый годъ трудились
Для церкви средь мірскихъ суетъ,
И такъ съ пасомыми соединились,
Какъ никогда изъ прежнихъ лѣтъ.
Вы душеполезныя бесѣды
Открыли въ праздничные дни,
Чтобъ въ вѣрѣ правой непреложной
Сильнѣе укрѣпить народъ.
Вы близко къ сердцу принимали
Распространенье книгъ святыхъ
И тьму разсѣевали
Въ кругу пасомымъ чадъ своихъ.
И слово Божье прошлымъ годомъ
Чрезъ васъ обильно разлилось;
„Спасибо"! русскаго народа
Изъ края къ краю пронеслось.
Вы не мало потрудились
Для братьевъ кровныхъ—для славянъ,
Когда они вооружились
На нечестивыхъ мусульманъ;
Когда вражду, убійства, казни
И повсемѣстную рѣзню
Распространилъ врагъ безъ боязни
На ихъ прекрасную страну;

В то время вы своимъ примѣромъ,
Бесѣдой теплой и живой
Народъ подвигнули всецѣло
Помочь имъ щедрою рукой,
К престолу Вѣчнаго молитвы
За братьевъ нашихъ вознесли,
Чтобъ стонъ людской и громы битвы
Исчезли съ ихъ родной земли.
Съ отраднымъ чувствомъ, съ полной вѣрой,
Съ надеждой свѣтлой и живой
Мы вѣримъ вамъ, что съ большей мѣрой
Продолжите вы подвигъ свой,—
Что вы пасомыхъ возведете
На совершенно правый путь,
Упавшимъ мужество вдохнете,
Чтобъ имъ во злѣ не утонуть.
Дай Богъ съ избыткомъ вамъ посѣять
И въ этотъ годъ благихъ сѣмянъ,
Всѣ суевѣрія разсѣять,
Прославить имя христіанъ!"

Привѣтъ и благожеланія духовенству на новый 1878 годъ (1, 7—9):

„Еще привѣтъ шлёмъ съ новымъ годомъ
Мы вамъ, отцы духовныхъ чадъ,
Да оградитъ васъ Богъ съ народомъ
Отъ всѣхъ печалей и утратъ!
И молимся, чтобъ постоянно
Богъ помогалъ и въ новый годъ
Въ законѣ вѣры православной
Сильнѣй вамъ утвердить народъ.
Желаемъ вамъ дѣтей малютокъ
Успѣшнѣй разуму учить,
Желаемъ вамъ въ сердцахъ ихъ чуткихъ
Живую вѣру насадить.
Не мало есть овецъ Христовыхъ,
Погрязшихъ въ похотяхъ грѣха,
Не мало есть сектантовъ новыхъ,
Затмившихъ истину Христа;

Своей бесѣдою духовной
Направьте ихъ на правый путь,
Чтобъ имъ въ средѣ своей грѣховной
Всѣмъ существомъ не утонуть.
Мы сознаемъ, что въ этомъ дѣлѣ
Обязанность не такъ легка;
Вы дѣйствуйте своимъ примѣромъ,—
Примѣръ сильнѣе, чѣмъ слова.
Въ годину скорби и несчастья—
Въ годину бурной сей войны
Не остались вы безъ участья
Къ войскамъ родной своей страны:
Своимъ примѣромъ вы и словомъ
Не преставали возбуждать
Народъ къ пожертвованьямъ новымъ
На нашу доблестную рать.
Но не пробилъ еще часъ мира,
Еще ручьями льется кровь,
Не уничтожена вся сила
Жестокихъ варваровъ—враговъ.
А между тѣмъ нужда большая
Въ геройскомъ воинствѣ растетъ
И, сердце наше надрывая,
На помощь братскую зоветъ;
Тамъ съ каждымъ днемъ бываетъ много
Жестоко раненыхъ, больныхъ,
За нихъ просите, ради Бога,
Народъ помочь изъ средствъ своихъ.
А сколько сверхъ того несчастныхъ
Осталось сиротъ, бѣдныхъ вдовъ,
По смерти воиновъ въ ужасной
Войнѣ убитыхъ отъ враговъ!
Блаженъ, кто пищу дастъ голоднымъ,—
Кто сострадателенъ къ больнымъ
Въ нуждѣ живущимъ безысходной,
Блаженъ, кто милостивъ къ нагимъ!
Мольбы изліянныя нами
Къ престолу Вѣчнаго дошли:

„О, Боже правый, Боже брани,
Побѣды воинамъ пошли“!
И слава Богу! помогаетъ
Во брани нашимъ Онъ войскамъ:
Они повсюду побѣждаютъ
Надменныхъ хищныхъ мусульманъ“.

Sermo ad Chris ti sacerdotes 1888, I, 30—31:

„Cum pastores ovium sitis constituti,
Non estote desides, neque canes muti.
Sonum vestrum nuntient latratus arguti,
Lupus rapax invidet ovium saluti.
Omnibus tenemini, viri, praedicare,
Sed quibus, quid, qualiter, ubi, quando, quare?
Debetis solliciti praeconsiderare
Ne quis in officio dicat vos errare.
Vestra conversatio sit religiosa,
Munda, conscientia, vita virtuosa,
Regularis habitus, fama speciosa
Nulla vos coinquinet labes criminosa.
Estote pacifici, sobrii, prudentes,
Justi, casti, simplices, veri, patientes,
Hospitales, humiles, subditos docentes,
Consolantes miseros, pravos corrigentes.
Utinam sic gerere curam pastoralem
Possitis in saeculo per vitam actualem,
Ut cum exueritis chlamydem mortalem,
Induat vos Dominus stolam immortalem“.

Переводъ: Такъ какъ вы поставлены пастырями овецъ, то не будьте ни дремлющими, ни безгласными псами. Звонкій лай пусть раздается въ вашемъ словѣ: хищный волкъ не выноситъ благосостоянія стада. Воздерживайтесь, мужи, проповѣдывать всякому. Вамъ необходимо напередъ тщательно обдумать, кому, что, гдѣ, когда и зачѣмъ это дѣлать, чтобы кто-либо не сказалъ, что вы заблуждаетесь въ своей обязанности. Все поведеніе ваше да будетъ религіозно, совѣсть чиста, жизнь добросовѣстна, внѣшность благопристойна, молва о васъ добрая, никакая

преступная скверна не должна пятнать васъ. Будьте миролюбивы, трезвы, благоразумны, справедливы, цѣломудренны, простодушны, правдивы, терпѣливы, страннолюбивы, смиренны, подчиненныхъ учите, несчастныхъ утѣшайте, развращенныхъ исправляйте. О, еслибы вы такъ исполняли долгъ пастырства въ своей практической жизни, чтобы Господь облачилъ васъ въ ризу безсмертную, когда вы сбросите съ себя эту смертную хламиду!

Утѣшенія и выгоды пастырскаго служенія.

Письма, заключающія утѣшеніе собрату-священнику, 1865, I, 233, 542, 573.—Письма къ молодому священнику о благахъ священнаго сана, 1868, I, 17.—Утѣшенія пастырю при видимой безплодности его дѣятельности, 1886, II, 438.—Въ чемъ искать утѣшенія молодому овдовѣвшему іерею, а равно и другимъ іереямъ въ скорбяхъ? 1894, II, 205, 250.—Дни радости сельскаго пастыря, 1894, III, 82.—Скорби и радости въ жизни пастыря, 1895, I, 185.

О приготовленіи къ пастырскому служенію.

О пастырскомъ призваніи (архим. Антонія), 1896, I, 301.—Необходимость продолжительнаго приготовленія къ пастырскому служенію, 1877, I, 226. — Содѣйствіе пастырей въ дѣлѣ приготовленія кандидатовъ священства, 1886, II, 1, 54.—Сельскій пастырь, какъ воспитатель своихъ дѣтей, 1886, III, 395. — Домашнее воспитаніе дѣтей духовнаго званія, 1861, I, 253. — Отвѣтъ на статью „О домашнемъ образованіи дѣтей священниковъ“, 1869, I, 341. — Воззваніе къ пастырямъ о лучшемъ домашнемъ воспитаніи своихъ дѣтей, 1887, I, 289. — О духовныхъ воспитанникахъ прежняго и настоящаго времени, 1893, I, 277. — О выборѣ прихода, 1893, I, 245, 337, 410. — Взглядъ пастыря на перемѣщеніе пастырей съ прихода на приходъ, 1887, I, 294. — О переходѣ священниковъ съ прихода на приходъ, 1877, I, 447, 565, 585. — Въ какихъ случаяхъ, съ пастырской точки зрѣнія, бываетъ основаніе пастырямъ просить начальство о перемѣщеніи съ прихода на при-

Частная жизнь пастыря.

Отношенія священника къ прихожанамъ.

пастыря къ своей паствѣ, 1879, III, 16.—Условія мирныхъ отношеній между пастырями и пасомыми, 1885, I, 413.—Ненормальности въ приходской жизни и пассивное отношеніе къ нимъ священника, 1885, II, 27. — Чѣмъ угодилъ? 1886, I, 209, 307. — Отчего существовали и доселѣ существуютъ на Руси между пастырями и пасомыми ненормальныя отношенія? 1886, II, 313, 381. — По поводу ненормальныхъ отношеній прихожанъ къ пастырямъ Церкви, 1895, III, 381. — Отчего православные такъ мало уважаютъ своихъ духовныхъ? 1886, III, 526. — Одна изъ причинъ недовѣрія прихожанъ къ своимъ пастырямъ, 1886, III, 404.—Одна изъ причинъ недовѣрія и недружелюбнаго отношенія прихожанъ къ своему пастырю, 1886, I, 53. — Погрѣшности наши, коими мы отдаляемъ отъ себя пасомыхъ и вызываемъ въ нихъ къ себѣ недовѣріе и нерасположеніе, 1887, I, 551.—Какія мѣры къ возстановленію нормальныхъ отношеній между пастырями и пасомыми требуются со стороны современнаго духовенства? 1887, I, 363, 436.—Что дѣлать сельскому священнику съ такъ называемыми міроѣдами? 1888, II, 40. — Отношеніе священника къ прихожанамъ изъ образованныхъ людей, 1865, III, 15.—Какъ долженъ держать себя сельскій священникъ по отношенію къ мѣстной интеллигенціи? 1888, II, 180, 529.—Какъ лучше устраивать молодому священнику желательныя для него отношенія къ прихожанамъ? 1889, I, 25, 89, 140. — Чѣмъ можетъ пріобрѣсти пастырь расположеніе своихъ прихожанъ? 1889, I, 161, 237, 445; III, 9. — Долженъ ли пастырь искать взаимной любви у своихъ прихожанъ? 1893, I, 21. — Обыденно - житейскія отношенія пастыря къ пасомымъ, 1889, I, 355. — Уроки житейскихъ отношеній пастыря къ пасомымъ, 1894, I, 97, 373; II, 64. — Учтивость и привѣтливость пастыря въ обращеніи съ прихожанами, 1888, II, 101.—Неподобающая пастырская развязность предъ читателями газетъ, 1887, III, 33.—Какъ должно священнику относиться къ угощенію виномъ въ домахъ прихожанъ? 1890, II, 259, 345, 498.—Священникъ на поминальныхъ обѣдахъ, 1886, I, 24.

Отношеніе священника къ подчиненнымъ членамъ клира.

Нѣсколько словъ о положеніи причетниковъ, 1861, III, 207.—На „Нѣсколько словъ о положеніи причетниковъ", 1862, I, 67.—Отвѣтъ на брошюру г. Страхова о положеніи причетниковъ, 1862, I, 568. — Еще сужденіе по вопросу о причетникахъ, 1863, I, 325, 440.—Причетники — разсыльные при благочинныхъ, 1863, III, 776.—Голосъ причетника за причетниковъ, 1864, I, 313. — Отношеніе приходскихъ пресвитеровъ—настоятелей церквей къ прочимъ членамъ причта, имъ подчиненымъ, 1882, I, 100. — Что дѣлать священнику съ причетникомъ, который не хочетъ исполнять, какъ должно, своихъ обязанностей? 1885, I, 421. — Отношенія сельскихъ священниковъ къ своимъ причетникамъ, 1888, III, 145. — Какъ судить о неблагопристойности причта? 1862, III, 316. — Объ отношеніяхъ между членами причта, 1892, I, 451.—Взаимное согласіе и миролюбіе между священно-церковно-служителями, 1860, II, 165.

Отношеніе священника къ своимъ собратьямъ по служенію.

Молодые и старые священники, 1885, I, 261; III, 145.—Причины разъединенія, несогласія и раздоровъ между духовенствомъ и возможныя средства къ устраненію сего зла, 1886, III, 29, 225. — Одно изъ печальныхъ явленій въ нашей церковной жизни (тяжбы), 1893, II, 425; III, 406. — Отношенія пастырей между собою, 1888, II, 33. — Отношенія между священниками, оставляющими приходъ и поступающими на ихъ мѣсто, 1889, I, 383. — О благочиннических выборахъ и неудобствахъ, будто бы съ ними сопряженныхъ, 1863, I, 66 [1]). — Необходимость братскихъ

[1]) Вопросъ о выборномъ началѣ въ духовенствѣ долгое время былъ злобою дня и предметомъ очень оживленныхъ споровъ и разсужденій, пока наконецъ это начало не было обнародовано и проведено. Самый такой порядокъ вещей называли „долгомъ святымъ", а день обнародованія—„днемъ завѣтнымъ, желаннымъ" (См. „Уставъ духовныхъ консисторій" Ѳ. Ливанова, изд. 1871 г. СПБ., стр. IX. Этотъ взглядъ проведенъ потомъ въ сочиненіи того же

собраній духовенства въ цѣляхъ единства и благотворности пастырской дѣятельности, 1896, III, 193.

Поведеніе священника, какъ члена гражданскаго общества.

Отношеніе русскаго православнаго духовенства къ обществу, 1863, I, 489.—Пастырскія замѣтки о томъ, чего общество хочетъ отъ духовенства, 1866, II, 339.—Русское духовенство и общество, 1883, I, 341.—Духовенство и свѣтское общество, 1883, III, 474.—Общія требованія отъ поведенія пастыря Церкви въ отношеніи къ обществу, 1891, II, 2, 13; III, 349.—Отношеніе пастыря Церкви къ общественной жизни, 1891, III, 374.—Обязанности, налагаемыя на православнаго пастыря его соціальнымъ положеніемъ, 1884, II, 261.—Заботы объ устройствѣ провинціальной благотворительности; волостныя богадѣльни, уѣздныя попечительства и проч.; вопросъ объ отношеніи къ нимъ духовенства, 1890, III, 109.—Благотворительный характеръ братствъ и попечительствъ и участіе въ нихъ нашего духовенства, 1889, II, 467.—Къ вопросу объ общественной дѣятельности духовенства, 1894, II, 125, 222.

Главныя обязанности служенія пастырскаго.

Держась строго-православной точки зрѣнія и опираясь на пасторологію вселенской Церкви, журналъ долженъ былъ указать и дѣйствительно указалъ три существенно необходимыя обязанности служенія пастырскаго. Одна изъ статей его прямо озаглавливается: Долгъ церковнаго учительства, священнослужительства и управленія въ примѣненіи къ нашему времени, 1884, I, 185.—Такимъ образомъ, главными обязанностями пастыря считаются: церковное учительство (проповѣдь), священнослуженіе и ду-

---

автора „Жизнь сельскаго священника"). Указанная статья есть одинъ изъ отголосковъ тѣхъ шумныхъ споровъ, которые въ шестидесятыхъ годахъ волновали наше общество. Она защищаетъ выборное начало и призываетъ пастырей къ братской взаимообщительности, доказывая необходимость и благотворность этого для ихъ служенія.

ховно-нравственное управленіе или руководствованіе пасомыхъ. Но ближайшая изъ нихъ есть священнослуженіе. По мысли автора указанной статьи, священникъ есть прежде всего священнослужитель, строитель таинъ Божіихъ и раздаятель этихъ таинъ вѣрующимъ. Затѣмъ, только *во время богослуженія и въ связи съ нимъ* находится моментъ для церковнаго учительства, т. е. проповѣди. Продолженіемъ или вѣтвями церковно-богослужебнаго учительства являются: внѣбогослужебныя собесѣдованія, учительство въ школѣ и внѣ школы, т. е. посредствомъ частыхъ бесѣдъ пастыря съ прихожанами и примѣромъ собственной его жизни. Послѣдній видъ пастырскаго учительства уже тѣсно граничитъ съ обязанностью пастырскаго руководствованія пасомыхъ и въ своемъ реальномъ осуществленіи сливается съ нимъ.

Съ точки зрѣнія Пастырскаго Богословія, слабѣе другихъ здѣсь развитъ отдѣлъ о священнослуженіи. Послѣ немногихъ статей общаго характера, въ которыхъ *между прочимъ* говорится и объ этой обязанности пастыря[1]), рѣчь о ней сводится къ богослужебной практикѣ и имѣетъ казуистическій характеръ. Сотрудники журнала предлагаютъ рѣшенія всевозможнѣйшихъ „вопросовъ изъ пастырской практики,“ которые хотя и безусловно полезны и важны для сельскаго священника, но въ общей системѣ богословскаго знанія составляютъ спеціальное содержаніе Литургики и „Практическаго руководства для пастырей“[2]): поэтому мы въ настоящемъ случаѣ оставляемъ ихъ и переходимъ прямо къ отдѣлу о церковномъ учительствѣ, который въ ряду другихъ предметовъ журнала занимаетъ очень видное мѣсто. Редакція поставила этотъ отдѣлъ на первомъ планѣ своей программы и всегда относилась

---

[1]) Напр. 1862, II, 133; 1871, I, 363; 1883, II, 337; 1886, I, 330; 1886, II, 405.

[2]) Всѣ подобнаго рода статьи, рѣшенія и замѣтки взяты потомъ для отдѣльнаго изданія, гдѣ онѣ были дополнены подобными же матеріалами изъ другихъ періодическихъ изданій, приведены въ систему и изданы подъ заглавіемъ: „Сводъ указаній и замѣтокъ по вопросамъ пастырской практики“ В. А. Маврицкимъ, редакторомъ—издателемъ особаго журнала „Пастырскій Собесѣдникъ“ (въ Москвѣ съ 1884 г.). Первое изданіе книжки было въ 1875 г. (СПБ.), а въ 1891 г. было уже шестое.

къ нему очень внимательно. Такъ, уже за первыя десять лѣтъ она напечатала 457 проповѣдей въ формѣ словъ, бесѣдъ, поученій и т. д., а впослѣдствіи расширила этотъ отдѣлъ до того, что проповѣди стали издаваться въ особыхъ прибавленіяхъ къ журналу [1]). Правда, и этотъ отдѣлъ составляетъ у насъ предметъ особой науки и, повидимому, не долженъ входить въ наше изслѣдованіе. Но, во 1-хъ, церковная проповѣдь очень тѣсно связана съ другими родами учительства пастырскаго, такъ что совершенное умолчаніе о ней было бы существеннымъ пробѣломъ въ общей системѣ пасторологіи; во 2-хъ, мы должны имѣть въ виду, что здѣсь между статьями гомилетическаго характера есть много такихъ, гдѣ гомилетическій элементъ перемѣшанъ съ пасторологическимъ въ такой степени, что нѣтъ возможности ихъ разграничить, не уничтоживъ смысла того и другаго. Поэтому мы признаемъ не безполезнымъ указать въ настоящемъ случаѣ нижеслѣдующія статьи, чтобы читатель могъ судить по крайней мѣрѣ о *количественной сторонѣ* работы журнала по вопросу о церковномъ учительствѣ пастыря.

Церковное учительство.

Народность проповѣди, 1860, II, 345.—О предметѣ и методѣ пастырскаго собесѣдованія съ простолюдинами, 1862, I, 339, 371, 434.—Способъ наученія, употребленный воскресшимъ Христомъ, 1891, I, 429.—Какая лучшая въ настоящее время форма проповѣди къ сельскимъ прихожанамъ? 1868, I, 575.—Сельская проповѣдь, ея задачи и содержаніе, 1894, III, 109, 172.—Замѣчанія о церковной проповѣди для простаго народа, 1861, II, 21.—О проповѣдяхъ для людей образованныхъ, 1884, III, 143.—О проповѣдяхъ для дѣтей, 1884, III, 420.—Современныя практическія темы для народныхъ поученій, 1868, III, 70, 166.—Существенное требованіе современной христіанской пропо-

---

[1]) Съ 1879 г.—въ видѣ *приложеній* къ каждому № журнала, а съ сентября 1883 г.—въ видѣ *ежемѣсячныхъ прибавленій* подъ заглавіемъ *Проповѣди*.

простаго народа, 1876, II, 153.—Что нужно для того, чтобы сдѣлаться хорошимъ проповѣдникомъ? 1884, I, 288.—Какое слово требуется отъ служителей Слова (изъ слова высокопреосвящ. Сергія, архіеп. кишиневскаго)? 1884, I, 393.—Проповѣдь и ея истинный характеръ, 1890, I, 299; II, 39; III, 139.—Что такое проповѣдь? 1884, II, 37.—Правиленъ ли взглядъ на церковную проповѣдь, какъ только на передачу ученія Церкви? 1887, III, 234.—О формѣ проповѣди, 1885, III, 125.—Крайности во внѣшнемъ характерѣ современной церковно-народной проповѣди, 1886, I, 361.—О библейскомъ языкѣ въ проповѣдяхъ, 1884, III, 215.—Печальный примѣръ нецерковности въ проповѣди, 1888, II, 363.—Когда лучше произносить проповѣдь? 1884, II, 338.—Умѣстны ли слезы на церковной каѳедрѣ? 1884, I, 23.—Значеніе готовыхъ печатныхъ проповѣдей для сельскаго пастыря, 1870, II, 414.—О заучиваніи проповѣдей, приготовляемыхъ для произнесенія, 1884, II, 99.—Нужно-ли для проповѣдника особое приготовленіе къ каждой проповѣди? 1883, III, 434.—По тетрадкѣ или безъ тетрадки нужно произносить проповѣдь? 1887, II, 573.—Объ импровизаціи въ церковной проповѣди, 1869, III, 191.—Изустныя проповѣди (импровизація), 1871, II, 278.—„Живое слово," 1893, II, 105, 195.—Къ вопросу о проповѣднической импровизаціи, 1884, III, 22.—Какъ убѣдиться каждому лично относительно себя,—способенъ ли я къ импровизаціи? 1885, II, 456 [1]).—Значеніе догматическихъ проповѣдей въ наше время, 1883, III, 312.—О проповѣдяхъ противъ пьянства, лѣности и другихъ пороковъ, замѣчаемыхъ въ простомъ народѣ, 1863, III, 784.—Церковная проповѣдь, какъ мѣра противъ пьянства, 1872, III, 172.—„Настой благовременнѣ и безвременнѣ", 1883, III, 71.—Постоянное проповѣдываніе пастырями слова Божія, 1885, III, 107.—И неполучившій семинарскаго образованія священникъ можетъ и долженъ проповѣдывать, 1883, III, 14.—„Мало проповѣдей,"

[1]) Изъ статьи „Живое слово" Амвросія, архіеп. харьковскаго. См. „Вѣра и Разумъ" 1885 г., кн. 8, стр. 785—786.

1886, II, 365.—О необходимости церковнаго учительства, 1894, I, 29.—Возможное для проповѣдника пастыря затрудненіе, 1884, I, 87.—Письмо къ священнику, жалующемуся на затрудненія при проповѣдываніи имъ слова Божія, 1887, II, 239.—Нельзя-ли устранить Гомилетику изъ круга предметовъ семинарскаго образованія, 1876, III, 316, 374.—Какія побужденія должны лежать въ основѣ просвѣтительной дѣятельности пастыря? 1881, I, 84.—Священникъ по отношенію къ своей учительской миссіи, 1888, III, 225, 251, 315, 405.—Афоризмы изъ области проповѣдничества, 1884, I, 88.—Замѣтки бл. Іеронима для проповѣдниковъ, 1885, I, 280.—Правила св. Василія Великаго для проповѣдниковъ, 1885, III, 29.—Сокращенный катихизисъ при сѵнодскихъ поученіяхъ, какъ проповѣдь къ сельскимъ прихожанамъ, 1866, I, 35.—Замѣтки о проповѣдничествѣ сельскихъ пастырей, 1872, II, 506.—Къ вопросу о церковномъ проповѣдничествѣ, 1877, I, 531.—Гомилетическія замѣтки, 1867, I, 245. — Гомилетическія замѣтки для молодыхъ проповѣдниковъ, 1868, I, 255.—Нѣсколько словъ о современномъ церковномъ проповѣдничествѣ нашихъ сельскихъ пастырей, 1872, II, 251.—Братскій совѣтъ молодымъ проповѣдникамъ, 1884, I, 14.—Три архипастырскія бесѣды по предмету церковнаго проповѣдничества (Аполлоса, архіеп. вятскаго), 1884, III, 1.—Можно ли діаконамъ проповѣдывать въ церкви? 1885, II, 350.—Пастырская проповѣдь—тоже, что зеркало, 1885, III, 491.—Замѣчательный проповѣдникъ, 1886, II, 126.—Требованія отъ цензора проповѣдей, назначаемыхъ для произнесенія, 1886, II, 244.—Слово и дѣло у пастыря-проповѣдника, 1886, III, 462.—Проповѣдь пастыря въ житіи его, 1888, II, 447.—Проповѣдь проповѣдникамъ, 1887, II, 101, 141; III, 167, 380; 1888, I, 160, 223, 261.—О проповѣдяхъ при вступленіи на паству, 1886, III, 459.

Сюда же, хотя и въ меньшей степени, относятся спеціальныя изслѣдованія и трактаты по предмету и исторіи проповѣдничества, каковыми нужно считать:

Единство проповѣдническаго ученія въ православной Церкви, 1861, III, 237, 517.—Обличеніе въ христіанской

21, 31, 34, 35.—Русское проповѣдничество при Петрѣ I, 1870, III, 13, 43, 119, 206, 292, 487, 628.—Древне-русскіе церковные проповѣдники, 1868, II, 124; III, 29.—Народность въ древне-русской церковной проповѣди, 1871, II, 490, 520, 623; III, 40, 86, 140, 238, 330; 1872, I, 264, 392, 529, 615.—Проповѣдническая дѣятельность Георгія Конисскаго, 1871, II, 266, 298 348, 418.—Труды Петра Могилы, митроп. кіевскаго, для церковной проповѣди, 1873, I, 116, 143.—Леонтій Карповичъ, южно-русскій проповѣдникъ конца XVI и начала XVII в., 1872, II, 474.—Насколько въ проповѣдяхъ преосв. Филарета, митр. московскаго, выразилось отношеніе проповѣдника къ современности? 1877, III, 39, 96.—Пастырская проповѣдь въ церкви единовѣрческой, 1873, I, 412.—Церковная проповѣдь на Западѣ и у насъ, 1871, III, 104.—Могутъ ли проповѣди американскихъ церковныхъ ораторовъ служить образцомъ для нашихъ пастырей? 1883, III, 54.

Внѣбогослужебныя собесѣдованія.

Въ какой формѣ священникъ можетъ предлагать народу свои пастырскія наставленія внѣ церковной каѳедры, 1861, III, 104.—Замѣчательные успѣхи внѣбогослужебныхъ собесѣдованій во владимірской епархіи, 1882, I, 102.—Важность внѣбогослужебныхъ церковныхъ собесѣдованій и необходимость подготовки къ нимъ, 1882, III, 78.—О внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ, 1893, III, 293, 337.—Преимущественное значеніе „воскресной школы для взрослыхъ“ предъ внѣбогослужебными собесѣдованіями въ сельскомъ приходѣ, 1893, II, 353.—Желательная постановка катихизаторскаго дѣла въ настоящее время, 1895, I, 409.

Учительство въ школѣ.

Отношеніе обученія дѣтей грамотѣ къ пастырскому учительству, 1861, III, 6.— Священникъ, какъ народный учитель, 1865, I, 531, 565.—Предѣлы участія приходскихъ священниковъ въ дѣлѣ народнаго образованія, 1865,

Пастырское учительство внѣ школы, или духовно-нравственное руководствованіе пасомыхъ.

по какимъ побужденіямъ пастырь Церкви можетъ искать себѣ содѣйствія и защиты у судебной власти? 1891, II, 33, 123, 291.—Содѣйствіе мірянъ задачамъ и цѣлямъ пастырства, 1892, III, 321; 1893, I, 140, 174, 284.—Чѣмъ должна выражаться помощь пастырямъ Церкви со стороны образованныхъ людей? 1895, II, 232.

Попечительность пастыря о нуждахъ прихода:

а) религіозныхъ или духовно-нравственныхъ.

По поводу нѣкоторыхъ мѣръ къ духовному просвѣщенію нашего народа, 1879, I, 294.—Нѣсколько средствъ къ наученію прихожанъ молитвамъ, 1879, II, 105.—Новая плодотворная сторона пастырской дѣятельности (общее пѣніе въ церкви), 1885, I, 7. — Нѣкоторыя обязанности пастыря Церкви относительно вступающихъ въ бракъ, 1893, II, 241.—О настойчивости, необходимой для пастыря, при наученіи прихожанъ правиламъ христіанской жизни, 1891, I, 326.—Въ чемъ должно состоять противодѣйствіе пастыря суевѣрію пасомыхъ? 1861, III, 594. — Сельскій пастырь въ отношеніи къ народнымъ обычаямъ, предразсудкамъ и суевѣрію, 1863, I, 385.—Отчего зависитъ живучесть народныхъ суевѣрій и что нужно для искорененія ихъ? 1889, II, 325.—Какъ поступаютъ иногда юродивые и какъ поступаютъ съ ними пастыри Церкви? 1860, II, 369. — Практическія замѣчанія о нравственно-религіозныхъ средствахъ врачеванія людей, одержимыхъ религіозною маніею, 1862, II, 237, 643. — Совѣтъ священнику относительно лицъ, одержимыхъ злымъ духомъ, 1872, II, 378; 1874, II, 491. — О пастырскомъ обращеніи съ грѣшниками по примѣру Господа нашего Іисуса Христа, 1884, I, 352. — Наши пастырскіе ключи, 1888, II, 316. — Два слова объ исповѣди, 1872, I, 369. — Объ исповѣди мірянъ, 1886, I, 330. — О великопостной исповѣди, 1894, I, 217.—Голосъ духовника къ отцамъ духовнымъ, 1887, III, 323. — Глухая исповѣдь, 1862, I, 268, 302, 408.—Исповѣдь глухихъ, 1891, III, 382.—По вопросу

успѣшнѣйшему веденію борьбы съ современнымъ невѣріемъ (Краткое извлеченіе изъ соч. Христлиба „Der Beweis Glaubens“), 1882, I, 233, 369.—О борьбѣ съ современнымъ невѣріемъ, 1884, I, 141.—Объ обращеніи къ Церкви удаляющихся отъ нея, 1884, I, 176.—Наставленія православнымъ священникамъ о томъ, что нужно для успѣшнаго дѣйствованія въ обращеніи глаголемыхъ старообрядцевъ къ православной Церкви (Изъ Яросл. Еп. Вѣд.), 1885, I, 125. — Что требуется отъ священниковъ, дѣйствующихъ среди раскольниковъ для успѣшнаго вразумленія и обращенія ихъ къ православію? 1885, II, 185.—Голосъ пастыря по вопросу о борьбѣ съ расколомъ, 1890, III, 1, 93, 189, 271.—Пастырь среди раскольниковъ, 1882, I, 146, 165.—Какъ жить священнику въ раскольническихъ приходахъ? 1876, II, 546.—Совѣтъ священникамъ поступающимъ въ раскольническіе приходы, 1860, I, 418. — Что дѣлать пастырямъ инородческихъ приходовъ? 1888, I, 109.—О собесѣдованіи съ раскольниками—два слова для молодыхъ и неопытныхъ священниковъ, 1861, I, 274, 370.—Нѣсколько совѣтовъ священнику, дѣйствующему среди раскольниковъ, 1862, I, 25, 189; II, 447; III, 577.—Почему трудно обращать раскольниковъ? 1894, II, 397, 472.—Грамотность, какъ предохраненіе отъ совращенія въ расколъ и какъ средство къ возвращенію изъ раскола къ православію, 1862, II, 269.—О миссіонерскомъ значеніи церковно-приходскихъ школъ, 1894, II, 478. — Что дѣлать пастырямъ для предохраненія пасомыхъ своихъ отъ зараженія сектанствомъ? 1887, II, 133, 175, 256, 366.—Условія успѣшнѣйшей борьбы съ сектанствомъ, 1895, II, 461; III, 75, 117, 176, 199.—Нѣсколько практическихъ наставленій священникамъ для борьбы съ штундизмомъ, 1889, III, 301, 338. — На что должно быть обращаемо вниманіе при борьбѣ со штундой? 1890, I, 95, 503.—Объ отношеніяхъ православныхъ миссіонеровъ къ немощамъ заблуждающихся, 1893, II, 401.—Принципъ приспособительности въ миссіонерскихъ бесѣдахъ съ штундистами, 1893, III, 265.—Что̀ можетъ и долженъ дѣлать приходскій священникъ въ борьбѣ съ сектант-

ствомъ, особенно штундизмомъ? 1895, I, 331. — Совѣты пастырю для веденія борьбы со штундою, 1896, II, 105, 220, 296, 335, 386; III, 14, 38, 54, 100, 157.

Б) СОЦІАЛЬНЫХЪ.

Попеченіе пастыря Церкви о дѣтяхъ, 1860, II, 217. — Проповѣдь пастыря на тему: Іисусъ Христосъ—образецъ отношеній нашихъ къ дѣтямъ, 1881, I, 285, 488, 530. — Отеческое попеченіе священника о малыхъ и старыхъ своего прихода, 1885, II, 325.—Пастырская дѣятельность по отношенію къ предупрежденію преступленій, 1885, III, 435.—Что могутъ и должны дѣлать пастыри Церкви въ противодѣйствіе учащающимся случаямъ самоубійства? 1886, II, 29. — Пастыри Церкви, какъ посредники въ разборѣ семейныхъ тяжбъ, а иногда и общественныхъ дѣлъ, 1860, I, 185.—Сельскій пастырь въ роли мироваго судьи, 1886, III, 444; 1887, I, 607. — Одно изъ средствъ къ усиленію нравственнаго вліянія приходскихъ пастырей на народъ (разум. духовно—пастырскій судъ въ дѣлахъ житейскихъ), 1875, I, 484, 504; 1877, II, 137. — Желательно-ли участіе пастыря на мірскихъ сходкахъ? 1887, II, 153.—Значеніе православнаго духовенства въ соціальной жизни нашего народа, 1884, I, 190. — Къ ст. „Объ общественномъ значеніи православнаго русскаго духовенства", 1891, I, 125. — Одинъ изъ предметовъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія сельскихъ пастырей (отхожіе промыслы), 1894, I, 440.

И В) МАТЕРІАЛЬНЫХЪ.

Пастырскія обязанности по охраненію приходовъ отъ болѣзней, 1881, I, 146.—Дѣятельность пастыря Церкви во время эпидемическихъ болѣзней, 1892, III, 213, 308.— Вниманію пастырей, радѣющихъ о народномъ здравіи, 1896, I, 37.—Противодѣйствіе духовенства распространенію проказы и прочихъ заразныхъ болѣзней, 1896, III, 361.— Въ чемъ должна состоять дѣятельность сельскаго священника во время бѣдствій отъ неурожая? 1891, III, 29.—

Пастырское попеченіе о больныхъ и умирающихъ.

Кромѣ указанной литературы журнала нашему обзору подлежитъ IV пунктъ его программы, который заключаетъ въ себѣ „оригинальныя статьи по части церковной, преимущественно отечественной исторіи, а также матеріалы, относящіеся къ ней..., которые по содержанію могутъ имѣть какое либо отношеніе къ потребностямъ священника, или его паствы“[1]). Изъ множества статей такого характера мы избираемъ тѣ, которыя ближе всего стоятъ къ предмету Пастырскаго Богословія. Поэтому здѣсь должны быть указаны: Назидательныя для пастыря черты въ жизни и дѣятельности св. пр. Іереміи, 1895, III, 333, 378.—Примѣръ пастырской ревности изъ жизни св. апостола Іоанна Богослова, 1867, I, 124.—Нѣкоторыя черты изъ пастырской дѣятельности ап. Павла, 1890, I, 323.—Пастырская дѣятельность св. Григорія Богослова въ Константинополѣ, 1872, II, 467, 499, 537, 578.—Пастырская жизнь и дѣятельность св. Амвросія Медіоланскаго, 1874, III, 69, 137, 200, 226.—Жизнь и пастырская дѣятельность св. отцевъ, какъ образецъ для пастырей, 1875, II, 94.—Св. Василій Великій, архіеп. Кесаріи Каппадокійской, какъ пастырь, 1875, II, 157, 217.—О пресвитерахъ въ первые 3 вѣка христіанства, 1883, I, 249, 277, 409; II, 305; III, 389, 450.—Пресвитеры въ первые вѣка христіанства, 1895, I, 85, 165, 205.—Поведеніе древне-христіанскихъ пастырей во время бѣдствій голода, 1891, III, 329, 454.—Что читали древніе христіанскіе пастыри въ своемъ домашнемъ уединеніи? 1861, II, 64.—Несостоятельность современныхъ обвиненій противъ религіи и духовенства съ исторической точки зрѣнія, 1881, III, 321.—Условія поступленія молодыхъ людей духовнаго званія на приходъ и принятія священнаго сана (Историч. очеркъ XVIII—XIX вв.), 1863, III, 632, 674.—Условія для вступленія въ духовное сословіе въ древней Россіи, 1887, II, 1, 108, 149, 227, 284.—Послѣдствія рукоположенія, 379.—Обязанности духовенства по жизни и поведенію, 411.—Увольненіе изъ духовнаго званія и потеря духовнаго сана, 448.—Мірской

[1]) См. программу журнала, помѣщ. въ III т. его за 1868 г., стр. 270.

(небогослужебный) костюмъ древняго и современнаго священника, 1889, III, 22.—Древне-русскій священникъ, 1871, I, 16, 47, 125, 206, 290, 392.—Пастырскій характеръ древне-русскаго священника, по сознанію и воззрѣніямъ на него тогдашняго общества и духовно-административной власти, 1872, I, 309, 352, 415, 453, 1885, III, 217, 252, 272, 316.—Отчего доселѣ существуетъ на Руси типъ священника—требоисправителя? 1886, I, 89.

На прочихъ пунктахъ программы журнала намъ нѣтъ нужды останавливаться, ибо хотя они могутъ быть интересными и полезными для пастыря, но не имѣютъ прямаго отношенія къ нашему предмету. Полагаемъ, что и сказаннаго довольно для того, чтобы видѣть относительное движеніе пасторологической работы въ сферѣ того или другаго вопроса. Воля Монарха и общественное движеніе шестидесятыхъ годовъ вызвали духовенство къ усиленной дѣятельности. Журналъ съ честію выполнялъ свою задачу, удовлетворяя насущныя потребности и запросы пастырей въ предѣлахъ своей программы. Кромѣ переводовъ и изслѣдованій святоотеческой пасторологіи и множества отдѣльныхъ статей по предмету Пастырскаго Богословія, онъ на первыхъ же порахъ далъ намъ опытъ отечественной пасторологической системы въ видѣ „Опыта практическаго руководства для пастырей“ П. П. Розанова [1]).

Но прошло десять лѣтъ и—общество нѣсколько успокоилось отъ лихорадочнаго возбужденія, въ которомъ оно находилось по смерти Императора Николая I и въ періодъ крупныхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ. Въ тоже время духовенство успѣло привыкнуть къ своей новой обстановкѣ. Въ зависимости отъ этого ослабѣла и пасторологическая работа журнала, такъ что въ семидесятыхъ годахъ цѣлые томы его стали выходить совершенно безъ статей этого характера (напр. 1874 г. I, 1878 г. I.). Но это былъ печальный періодъ. Общество не могло сохра-

[1]) Сочиненіе представляетъ собственно первый выпускъ первой части цѣлаго курса нарождавшейся тогда въ семинаріяхъ особой науки „Практическаго руководства для пастырей“. Печаталось въ журналѣ за 1869 г., изд. отдѣльно въ 1887 г. (Кіевъ).—Наша рѣчь о немъ впереди.

нить мѣры въ стремленіи къ освобожденію отъ стѣснительныхъ условій прошедшаго царствованія и къ всевозможнымъ преобразованіямъ и дало изъ среды своей злодѣевъ, поставившихъ своею цѣлію ниспровергнуть всякія ограниченія, всякую власть. Пользуясь внѣшними бѣдствіями отечества, эти люди старались подпольнымъ путемъ внутри Россіи посѣять плевелы соціализма и анархіи,—и ихъ рѣчи и дѣянія закончились позорнымъ убійствомъ Царя-Освободителя. Замѣчательно, что и духовенство сначала не отставало отъ общества. И оно громко заговорило о свободѣ, выборномъ началѣ, своихъ правахъ на уваженіе и матеріальное вознагражденіе, о жалованьи и т. п.; а нѣкоторымъ даже представилось возможнымъ снять съ себя длинные волосы и рясу, чтобы замѣнить ее сюртукомъ, и т. д. Журналъ откликнулся и на эти интересы пастырей, помѣстивъ на своихъ страницахъ статьи: Жгучіе вопросы современнаго пастырства, 1880, II, 413; III, 1. — Задача современнаго пастырства, 1879, I, 372; 1880, I, 1, 22.—На статью подъ заглавіемъ: „Къ вопросу объ одеждѣ священниковъ,“ помѣщ. въ № 135 Церковно-Обществ. Вѣстника за 1878 г., 1879, I, 29, 77.—Священникамъ, не возлюбившимъ своихъ рясъ и длинныхъ волосъ, 1879, I, 93.—О постриженіи и власоращеніи клириковъ, 1895, III, 1.—Замѣтка по поводу появляющихся въ печати статеекъ, въ которыхъ осуждается и порицается одежда священниковъ, 1879, I, 302.

Утѣшительнымъ явленіемъ этого десятилѣтія журнала нужно считать время-отъ-времени печатавшіяся статьи прот. Евг. Попова, вошедшія потомъ въ составъ извѣстнаго его сочиненія: „Письма по Православно-Пастырскому Богословію“ [1]).

Но такое положеніе дѣла держалось не долго. Начавшаяся въ концѣ семидесятыхъ годовъ русско-турецкая война снова отрезвила русское общество и обратила его вниманіе на самого себя и на его внутреннее содержаніе.

---

[1]) См. журналъ 1870, III, 193, 270; 1871, I, 363; II, 278; 1872, I, 360, 467; II, 13, 53, 119, 225 и др.—Въ 1877 г. изд. въ IV частяхъ (Пермь). Наша рѣчь о нихъ впереди.

Заговорили о самоотверженіи, самопожертвованіи, о любви къ родинѣ и т п. предметахъ. Общество стало обновляться. Обновилось и духовенство. Ожила и работа журнала. На его страницахъ снова напоминается пастырямъ Церкви о ихъ высокомъ назначеніи руководителей народа, особенно въ тяжкую годину бѣдствія; они снова призываются къ усиленной дѣятельности на пользу общества.—Изъ показателей такого общественнаго настроенія можно отмѣтить статьи: Воззванія къ мѣстному духовенству епархіальныхъ преосвященныхъ, 1877, II, 186.—Два-три слова сельскаго священника къ своимъ собратьямъ по служенію, 1878, II, 77, и нѣсколько передовыхъ статей, напр. 1879, I, 1 и др.

Послѣ этого возбужденіе уже не утихало. Вмѣстѣ съ войной Россію посѣтила персидская чума и вызвала въ свою очередь отголоски въ нашемъ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ [1]). Но возбужденіе достигло своего высшаго напряженія, когда Св. Сѵнодъ своимъ посланіемъ извѣстилъ духовенство о смерти Царя-Освободителя и когда новый Государь, Александръ III, призывалъ духовенство къ новой, усиленной дѣятельности на пользу общественную, въ надеждѣ, что событія, подобныя только что случившемуся, могутъ быть устранены при помощи духовныхъ руководителей народа. Въ связи съ этимъ Св. Сѵнодъ обратился къ пастырямъ съ слѣдующимъ воззваніемъ: „Пастыри и учители вѣры! Къ вамъ первое слово наше. Пасите еже въ васъ стадо Божіе, посѣщающе не нуждею, но волею и по Бозѣ, ниже неправедными прибытки, но усердно (1 Петр. V, 2). Воодушевитесь святою благоразумною ревностію, наставляйте ввѣренную вамъ паству въ истинахъ вѣры и въ заповѣдяхъ Господнихъ. Проповѣдуйте слово, настойте благовременнѣ и безвременнѣ, обличайте, запрещайте, умоляйте со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ (2 Тим. IV, 2). Учите всѣхъ свято чтить Царскую власть, отъ Бога поставленную, разъясняя, что въ вѣрности и преданности Царю заключается народное благоденствіе. Образъ будите вѣрнымъ

[1]) См. напр. журналъ 1880 г. I, 1, 7; II, 1, 22.

словомъ, житіемъ вѣрою, любовію, чистотою (1 Тим. IV, 12). Ограждайте словесныхъ овецъ вашихъ, чтобы не вошли къ нимъ волки хищные" и т. д.[1])... Тогда же явились статьи: Мысли по поводу Высочайшаго манифеста отъ 29 апр. 1881 г.—1881, II, 89.—По вопросу объ отношеніи пастырей къ прихожанамъ (продолж. предыдущ.), 1881, II, 133.

Съ 1883 г. по 1888 г. журналъ поддерживался на высотѣ своей задачи редакторомъ его *архим. Иринеемъ* (нынѣ епископъ подольскій), который съ рѣдкимъ, замѣчательнымъ тактомъ опытнаго журнальнаго дѣятеля соединялъ въ себѣ неутомимую энергію, близкое знаніе быта сельскаго духовенства, живую отзывчивость на его интересы и широкую иниціативу. Обиліе и свѣжесть разработки нашего предмета за время этого редактора бросаются въ глаза съ перваго же взгляда на книжки журнала. Особенно счастливы были 1883, 1884 и 1885 г.г., когда, кромѣ мелкихъ и отрывочныхъ статей, въ журналѣ печатались такія капитальныя сочиненія, какъ „Права и обязанности пресвитеровъ по основнымъ законамъ христіанской Церкви и церковно-гражданскимъ постановленіямъ русской Церкви" преподав. кіевской семинаріи П. П. Забѣлина[2]), „Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника"—проф. кіевской академіи В. Ѳ. Пѣвницкаго[3]) и др.

Къ концу 1888 года снова замѣчается упадокъ энергіи журнала. Въ *органѣ сельскаго духовенства* печатается „Общее введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ. Отношеніе этой науки къ богословской энциклопедіи и методологіи. Взглядъ на исторію общаго введенія въ богословіе. Новѣйшія сочиненія по предмету этой науки" (соч. архим.

---

[1]) См. журналъ 1881 г., II, стр. 25—30.

[2]) Въ 1884—1885 г. г. сочиненіе г. Забѣлина издано отдѣльной книгой въ трехъ частяхъ (Кіевъ).—Первая часть его Св. Сѵнодомъ удостоена половинной Макаріевской преміи, а Учебнымъ Комитетомъ при Св. Сѵнодѣ одобрена въ качествѣ пособія по „Практическому руководству для пастырей въ дух. семинаріяхъ.

[3]) Св. Сѵнодомъ удостоено полной Макаріевской преміи, а Учебнымъ Комитетомъ рекомендовано для духовныхъ семинарій и церковно-приходскихъ библіотекъ.

Бориса) и много другихъ статей и изслѣдованій, къ цѣли и программѣ журнала прямо не относящихся[1]). Гомилетическій отдѣлъ совершенно падаетъ.

Въ началѣ 1890 года редакція извѣщала своихъ читателей: „согласно утвержденной Св. Сvнодомъ программѣ, къ числу предметовъ нашего журнала относятся *замѣтки о характеристическихъ чертахъ простаго народа и о томъ, какъ ими пользоваться для успѣшнаго дѣйствованія на нравственность прихожанъ.* Желая дать этому отдѣлу болѣе твердую постановку въ наступившемъ году,—продолжала она,—мы помѣстимъ на страницахъ журнала рядъ статей по вопросамъ народной нравственности. Разбираясь среди весьма обширнаго и разнообразнаго матеріала для этого отдѣла, сличая, провѣряя и обобщая его, можно получить свѣдѣнія какъ о нравственныхъ недугахъ, такъ и о свѣтлыхъ качествахъ сельскаго населенія“[2]). И вотъ въ надеждѣ, что это не останется безъ пользы для пастырей въ ихъ высокомъ и святомъ дѣлѣ, редакція помѣщаетъ статьи: По вопросамъ народной нравственности (о соблюденіи народомъ постовъ), 1890, I, 14, 40. — Рабочій прикамскихъ соляныхъ промысловъ и инвенскій крестьянинъ—пермякъ (сравнительная характеристика въ религіозно-нравственномъ и бытовомъ отношеніи), 1890, II, 201, 325, 473; III, 120, 219, 298, 353, 400.—Что читаетъ нашъ православный сельскій народъ? 1890, III, 257, 388.—О различныхъ взглядахъ на русскій простой народъ въ связи съ религіознымъ отношеніемъ къ православію, 1891, I, 16, 47 и нѣк. др.

Впрочемъ, и послѣдніе годы журнала нельзя назвать бѣдными относительно разработки Пастырскаго Богословія. При сравнительномъ сокращеніи числа мелкихъ статей, пасторологія его обогатилась новыми сочиненіями проф. В. Ѳ. Пѣвницкаго: „Священникъ въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ“[3]) и его же „Основные пункты

---

[1]) См. журналъ 1889 г., I, № 7 и слѣдующіе.
[2]) См. журналъ 1890 г., № 1, стр. 1—2.
[3]) Изд. отдѣльно въ 1890 г., Кіевъ.

въ ученіи о пастырскомъ служеніи“ [1]); наконецъ, тогда же были напечатаны „Записки по Пастырскому Богословію“ бывшаго ректора кіевской семинаріи архим. Бориса [2]) и нѣкоторыя другія статьи и изслѣдованія нашего предмета. Но 1895, 1896 и 1897 г.г. почти совершенно перестали заниматься научной разработкой пасторологическихъ вопросовъ. Вмѣсто этого журналъ обратилъ свое преимущественное вниманіе на другія стороны церковно-приходской жизни, особенно на сектантство и въ связи съ нимъ — миссіонерство. Въ настоящемъ (1898) году печатается даже цѣлая система, какъ руководство священнику для борьбы съ сектантствомъ, обѣщающая быть довольно пространной и обстоятельной.—

[1]) Изд. отдѣльно въ 1892 г., Кіевъ.
[2]) Выпуски I и II изд. въ 1891 г., а III и IV—въ 1892 г., Кіевъ.

ГЛАВА 2.

Вполнѣ признавая важное историческое значенiе журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ для русскаго духовенства и общества, мы тѣмъ не менѣе не можемъ сказать, что онъ былъ достаточенъ для своей цѣли. Какъ бы ни было велико это значенiе, оно всетаки никогда не могло возвыситься до того, чтобы поднять пастырство въ уровень съ запросами современной жизни. Правда, въ рукамъ духовенства изданiе журнала было могучимъ орудiемъ, готовымъ зищищать своихъ хозяевъ путемъ гласности отъ *напрасныхъ* постороннихъ нападенiй; но какъ начало просвѣтительное—журналъ касался приходскихъ пастырей лишь *въ общей ихъ массѣ*, т. е. освѣщалъ духовное сословiе больше въ ширину, чѣмъ въ глубину, больше со внѣ, чѣмъ внутри, и такимъ образомъ не могъ оградить духовенство отъ нападенiй *серьезныхъ* и существенно справедливыхъ, ибо не могъ уничтожить причинъ, вызывающихъ подобныя нареканiя. Онъ, безспорно, имѣлъ важное просвѣтительное значенiе, но лишь для тѣхъ единицъ, десятковъ, сотенъ, а, можетъ быть, и тысячъ пастырей, которые читали его и руководились имъ въ своихъ воззрѣнiяхъ и жизнедѣятельности; но онъ не могъ просвѣтить массу духовнаго сословiя, которая естественно оставалась въ сторонѣ отъ него и внѣ сферы его просвѣтительнаго дѣйствiя. „Руководство для сельскихъ пастырей“ было яркимъ свѣтильникомъ, но оно освѣщало храмину сверху и съ боковъ,—

оно больше показывало эту храмину мимоходящимъ, чѣмъ дѣлало самую внутренность ея свѣтлою и свѣтящею. Для достиженія этой послѣдней цѣли нужно было зажечь свѣтильники внутри самой храмины, если гдѣ ихъ еще не было, и оправить тѣ, которые для своего времени горѣли недостаточно ярко. Такими свѣтильниками должны были быть духовныя школы, а въ этихъ школахъ одно изъ первыхъ мѣстъ должна была занять наука о пастырскомъ служеніи.—

Мы уже знаемъ, какъ сильно нападали органы свѣтской печати и вообще свѣтское общество на нашу духовную школу въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. Не будемъ отрицать и того, что эта школа стояла не въ курсѣ событій, т. е. оказывалась не въ состояніи дать Церкви и государству такихъ добрыхъ дѣятелей, которые могли бы идти во главѣ общественнаго движенія и вести пасомыхъ по пути къ счастію земному и вѣчному спасенію. Однако справедливость требуетъ замѣтить, что руководители нашей духовной школы всегда сами сознавали неудовлетворительность ея и никогда не отказывались обновлять, улучшать и совершенствовать ея наличность, насколько хватало у нихъ силъ и возможности. Такъ они поступили и въ настоящемъ случаѣ. Чтобы вполнѣ приспособить воспитаніе и образованіе духовнаго юношества къ современнымъ потребностямъ Церкви и гражданскаго общества, руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія воспользовались своимъ обычнымъ въ такихъ случаяхъ пріемомъ: въ 1859 году они потребовали отъ ректоровъ семинарій и академій *мнѣній* съ замѣчаніями преосвященныхъ архіереевъ о необходимыхъ улучшеніяхъ въ учебной, воспитательной и хозяйственной части духовныхъ школъ и въ 1860 г. учредили при Св. Сvнодѣ особый комитетъ, во главѣ съ преосв. Димитріемъ херсонскимъ, для разсмотрѣнія полученныхъ такимъ способомъ свѣдѣній и для выработки по нимъ новыхъ уставовъ. Въ тоже время директоръ духовно-учебнаго управленія кн. Урусовъ въ 1860 г. лично обозрѣвалъ нѣкоторыя семинаріи: казанскую, костромскую владимір-

скую, ярославскую и нижегородскую, чтобы на мѣстѣ и опытно видѣть состояніе разсадниковъ духовнаго просвѣщенія. Изъ этого обозрѣнія и изъ представленныхъ епархіальными преосвященными свѣдѣній ясно было видно, что ученики семинарій жили среди всевозможныхъ лишеній и прямо нищенской обстановки. Даже наставники, по причинѣ незначительности получаемаго содержанія, были бѣдны до такой степени, что едва поддерживали свое существованіе, не говоря уже о пособіяхъ къ усовершенствованію себя въ наукахъ. Экономическая часть семинарій и академій была въ неудовлетворительномъ состояніи и въ этомъ нельзя было обвинять мѣстное начальство, ибо оно употребляло всевозможныя усилія для поддержанія учебныхъ заведеній въ состояніи благоустройства. Такимъ образомъ, скудные оклады жалованья учителей и содержанія учениковъ, ничтожныя суммы, отпускаемыя на содержаніе зданій, недостатокъ въ необходимой одеждѣ и пищѣ, въ учебныхъ пособіяхъ, разсѣянность учениковъ по вольнонаемнымъ квартирамъ, недоступнымъ надзору учебнаго начальства по причинѣ ихъ множества, — вотъ черты, составлявшія грустное, но совершенно вѣрное изображеніе дѣйствительности. Но поелику въ духовно-учебномъ управленіи не было достаточныхъ матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ на улучшеніе этой дѣйствительности, то труды комитета 1860 г. и выработанный имъ уставъ для духовно-учебныхъ заведеній остались безъ послѣдствій и даже не были обнародованы. — Но вотъ, къ общей радости духовенства, 14 Марта 1866 г. Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣлъ отпустить 1.500,000 руб. изъ государственнаго казначейства въ пособіе духовнымъ школамъ. Тогда открылась возможность привести эти заведенія въ лучшій видъ, рѣшить вопросы объ ихъ преобразованіи и начертать для нихъ новый уставъ. Поэтому 19 Марта 1866 г. былъ снова открытъ комитетъ по преобразованію духовныхъ школъ, во главѣ съ высокопреосвящ. Арсеніемъ, митроп. кіевскимъ, который чрезъ годъ окончилъ свою работу, Высочайше одобренную 14 Мая 1867 г. Это и былъ новый уставъ,

опубликованный при указѣ Св. Сѵнода по духовно-учебному вѣдомству отъ 27 мая того-же года *къ исполненію.*

Для нашей цѣли въ настоящемъ случаѣ важно главнымъ образомъ указать новости устава лишь по учебной части. Уставъ 1867 г. прежде всего сократилъ число учебныхъ предметовъ, удержавъ изъ нихъ лишь существенно - необходимые какъ для общаго, такъ и для спеціально - богословскаго образованія, сообразуясь съ главною цѣлію семинарскаго воспитанія вообще, и расположивъ ихъ въ болѣе строгомъ порядкѣ и послѣдовательности. Затѣмъ, въ основу общаго образованія онъ принялъ изученіе древнихъ языковъ и математики. Далѣе, изъ предметовъ спеціально-богословскихъ усилилъ преподаваніе Св. Писанія, которое, проходя чрезъ всѣ классы, должно было объединять все семинарское образованіе и сообщать семинаріи характеръ *духовно-*учебнаго заведенія. *Но Пастырское Богословіе новый уставъ призналъ для семинарій не существенно необходимымъ, а потому исключилъ его изъ состава преподаваемыхъ въ семинаріяхъ наукъ.* Эту науку соединили съ Каноническимъ Правомъ и составили изъ нихъ новый предметъ преподаванія подъ именемъ *Практическаго руководства для пастырей,* который на обыденномъ языкѣ воспитанниковъ называется *Практикой* (по образцу названій Догматики, Логики, Литургики и т. д.). Какъ показываетъ фактъ соединенія этихъ двухъ предметовъ, преподаваніе ихъ въ семинаріяхъ предполагалось не полнымъ, а только въ видѣ извлеченія изъ названныхъ наукъ, приспособленнаго ближайшимъ образомъ къ служенію священника на приходѣ. Отсюда весьма понятно, что когда на встрѣчу насущной потребности времени стали появляться въ печати учебныя руководства по этому новому предмету, то и руководства эти стали называться скромными именами *„опытовъ“*, *„курсовъ“*, *„уроковъ“*, а то и просто *„изъ уроковъ“*, или *„братскій совѣтъ“* и т. д. и занимали собою брошюры въ 50, 60, 70, 100 и немного болѣе страницъ. Со времени введенія устава 1867 года вышло уже нѣсколько такихъ руководствъ и нѣкоторыя изъ нихъ мы разсмотримъ.—

„Опытъ курса практическаго руководства для пастырей.“

Составилъ преподаватель кіевской семинаріи П. П. Розановъ (впослѣдствіи преосв. Поликарпъ).
Часть I. вып. I. Кіевъ, 1870 г.

Такъ называлось первое практическое руководство для изученія новаго предмета семинарскаго курса того же имени. Очевидно, это были классные уроки автора, который преподавалъ въ кіевской семинаріи новую науку и силою обстоятельствъ принужденъ былъ пролагать себѣ дорогу по новому пути. Пользуясь близостью журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“, который издавался при той же семинаріи и котораго онъ былъ сотрудникомъ, авторъ обнародовалъ свой „Опытъ“ прежде всего на страницахъ журнала за 1869 г. въ цѣломъ рядѣ статей, изъ которыхъ потомъ составилась отдѣльная книжка.

Составъ книжки настолько простъ, что для ознакомленія съ нею достаточно указать заглавія отдѣльныхъ параграфовъ. Именно, сюда входитъ прежде всего статья общаго характера: „Пастырское служеніе въ Православно-каѳолической Церкви“ [1]), гдѣ говорится объ установленіи его, цѣли, важности, трудности и отвѣтственности и рѣшается вопросъ о призваніи къ нему; затѣмъ идутъ статьи болѣе частнаго характера: „нравственныя достоинства и обязанности приходскихъ пастырей [2]), отличительныя нравственныя качества и обязанности пастыря въ отношеніи къ Богу [3]), къ ближнимъ [4]), и самому себѣ [5]); наконецъ описывается „домашній бытъ приходскихъ пастырей“ [6]) и „семейство и домочадцы пастыря“ [7]). — Этимъ и оканчи-

---

1) „Руководство для сельскихъ пастырей“ 1869 г. I, 29; по отдѣльному изданію стр. 1—9.

2) „Руководство для сельскихъ пастырей“ 1869 г. I, 131.

3) Тамъ-же, стр. 278; отдѣльное изд. стр. 15—38.

4) Тамъ-же, стр. 389, 445; отдѣльн. изд. стр. 38—59.

5) Тамъ-же, стр. 572; отдѣльн. изд. стр. 60—100.

6) „Руководство для сельскихъ пастырей“ 1869 г. II, 85.

7) „Руководство для сельск. пастырей“ 1869 г. II, стр. 543.

вается весь „Опытъ курса" перваго практическаго руководства для пастырей. Хотя въ предисловіи къ первому выпуску авторъ обѣщалъ, что продолженіе его „Опыта" не замедлитъ выйти въ теченіи 1870-го года (стр. IV), но обѣщаніе его почему-то не осуществилось и матеріалъ для второй части сочиненія остался только въ журналѣ [1]).

Такимъ образомъ, вмѣсто цѣльной системы мы имѣемъ лишь одну теоретическую часть „Практическаго руководства для пастырей". Въ существѣ дѣла — это часть науки, которая только-что была исключена изъ состава семинарскаго курса, т. е. Пастырскаго Богословія. Поэтому искать здѣсь чего-либо новаго, сравнительно напр. съ системами архим. Антонія или Кирилла, едва-ли слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что это былъ лишь первый опытъ въ данномъ направленіи разработки науки и назначался для скромной роли учебника. Не задаваясь никакими сторонними цѣлями, авторъ предлагаетъ читателю общеизвѣстное ученіе Св. Писанія и Св. Преданія (св. отцевъ) о пастырскомъ служеніи, не только не прибавляя чего-либо отъ себя, но сокращая по мѣрѣ возможности даже то, что было уже сдѣлано ранѣе и находилось въ литературномъ обращеніи. Поэтому особенность труда состоитъ лишь въ томъ, что общеизвѣстныя понятія авторъ умѣетъ излагать сердечною и искреннею рѣчью, стараясь въ тоже время каждую мысль подтвердить живымъ историческимъ примѣромъ. И мы не сомнѣваемся, что книжка эта, будучи учебникомъ, въ свое время съ пользою и удовольствіемъ прочитывалась не только въ школѣ, но и за стѣнами ея—въ жилищѣ каждаго сельскаго пастыря, не охладѣвшаго къ нравственнымъ требованіямъ своего долга [2]).

Трудъ П. П. Розанова, впрочемъ, не остался одинокимъ. Интересъ къ новосоставленной наукѣ и постановка ея въ учебной области побуждали къ дальнѣйшей работѣ

[1]) Подъ общимъ заглавіемъ „Іерархическое устройство Церкви" эта часть печаталась въ „Руков. для сельск. паст." 1870 г. I, 5, 101, 290, 420, 476; 1870 г. II, 57, 94, 225; 1871 г. I, 86, 192, 261, 342, 539, 573; 1871 г. II, 151, 369, 547.—Часть не окончена и отдѣльно не издавалась.

[2]) Сочиненіе издано было вторично въ 1878 г., но потомъ вышло изъ употребленія и теперь въ продажѣ его нѣтъ.

въ томъ направленіи, какое было дано этому дѣлу учебной программой. Поэтому вполнѣ понятно, что на первыхъ же порахъ послѣ введенія въ семинаріяхъ новаго устава 1867 г. многократно дѣлаются попытки идти на встрѣчу потребностямъ времени. Такъ, прежде другихъ и почти непосредственно вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ „Опыта курса практическаго руководства для пастырей“ въ Черниговѣ появляется новое *„Практическое руководство для священнослужителей“*, составленное на основаніи личнаго опыта автора и ранѣе вышедшихъ однородныхъ сочиненій [1]) священникомъ А. Хойнацкимъ въ 1873 году. Правда, это руководство касается лишь совершенія церковныхъ таинствъ и требъ, но въ немъ уже дѣлается попытка ввести каноническій элементъ въ разсужденія пасторологическаго характера, и потому изложеніе пастырскихъ обязанностей при совершеніи требъ и таинствъ здѣсь всегда сопровождается указаніемъ церковныхъ правилъ, гражданскихъ постановленій и принятыхъ въ церковно-богослужебной практикѣ обычаевъ и наставленій, необходимыхъ священнику для правильнаго дѣйствованія во всѣхъ этихъ случаяхъ. Такое сочиненіе, доведенное до конца, могло бы служить дополненіемъ, или даже второю (практическою) частью для „Опыта“ Розанова, который, какъ мы видѣли, представляетъ собою лишь первую, теоретическую часть „Практическаго руководства для пастырей“. Но „Практическое руководство“ о. Хойнацкаго точно такъ-же вышло только первымъ выпускомъ своей первой части, сказавши лишь о таинствахъ крещенія, мѵропомазанія и евхаристіи, и дальнѣйшаго продолженія не имѣло, а потому и могло восполнить „Опытъ“ П. П. Розанова лишь отчасти.

---

[1]) Напр. „Уставъ Духовныхъ Консисторій“ Ѳ. Ливанова, СПБ. 1871 г., „Практическое изложеніе церковногражданскихъ постановленій въ руководство священнику на случай совершенія важнѣйшихъ требъ церковныхъ“, соч. прот. Парвова, и др.

„Уроки практическаго руководства для пастырей.“

Сост. прот. Прок. Громовъ.
Иркутскъ, 1873 г.

Книжки Розанова и Хойнацкаго не могли, конечно, скоро дойти отъ Кіева до Сибири, или—точнѣе—отъ Днѣпра до Байкала, а преподавать и изучать „Практическое руководство для пастырей“ требовалось по уставу и тамъ. Вотъ почему каѳедральный протоіерей города Иркутска, о. Прокопій Громовъ, счелъ себя вынужденнымъ взяться за трудъ самостоятельнаго составленія новаго учебника, который для далекой Сибири удовлетворялъ бы насущной потребности времени [1]).

Свою систему о. прот. Громовъ посвящаетъ воспитанникамъ иркутской духовной семинаріи и цѣль ея полагаетъ въ томъ, чтобы 1) раскрыть будущему пастырю всю важность и достоинство его служенія; 2) указать ему всѣ условія безукоризненной жизни, такъ чтобы поведеніе пастыря было образцемъ для пасомыхъ и самымъ нагляднымъ для нихъ поученіемъ; и 3) ознакомить его со всѣми обязанностями, какія требуются отъ пастыря Церкви правилами церковными и законами гражданскими (§ 1). Отсюда вся система его раздѣляется на три части, весьма неравныя по объему и подраздѣленныя на множество мелкихъ рубрикъ. Первая часть говоритъ о происхожденіи пастырскаго служенія, о различныхъ видахъ избранія въ священный санъ во время земной жизни Христа Спа-

---

[1]) Прот. Прок В. Громовъ окончилъ курсъ московской духовной академіи со степенью кандидата въ 1822 г. и чрезъ годъ поступилъ священникомъ къ Благовѣщенской градской иркутской церкви—на мѣсто только-что уѣхавшаго тогда въ Америку о. Іоанна Веніаминова, впослѣдствіи митрополита московскаго Иннокентія. Затѣмъ онъ былъ переведенъ къ церкви Тихвинской иконы Божіей Матери и возведенъ въ санъ протоіерея; въ 1830 г. опредѣленъ каѳедральнымъ протоіереемъ иркутскаго собора, въ 1834—Петропавловскаго собора въ Камчаткѣ, въ 1862 г. снова возвращенъ въ иркутскій соборъ. Съ 1863 по 1870 г. состоялъ редакторомъ Епархіальныхъ Вѣдомостей и съ 1871 г., сверхъ того, принялъ на себя временное исправленіе обязанностей преподавателя семинаріи по предмету „Практическаго руководства для пастырей Церкви“ и еврейскаго языка, гдѣ и составилъ указанную нами книгу (С. К. Смирновъ: „Исторія моск. дух. академіи“, Москва 1879 г., стр. 472—473).

сителя, въ Церкви апостольской, послѣ апостоловъ въ греческой Церкви, затѣмъ въ Россіи и, наконецъ, въ иркутской епархіи, къ которой принадлежитъ самъ о. прот. Громовъ (стр. 2—16); далѣе перечисляются оффиціальныя наименованія служителей Церкви: пастырь, епископъ, пресвитеръ, іерей, священникъ и попъ, съ прибавленіемъ къ этому исторической справки о діаконахъ (стр. 16—29), но совсѣмъ нѣтъ упоминанія о библейскихъ названіяхъ пастыря *ангеломъ Господа Вседержителя* (Апок. II, 1; Мал. II, 7), *стражемъ дома Израилева* (Іезек. III, 17—18; XXX, 3—5), *архитектономъ зданія Божія* (1 Кор. III, 9—10), *отцемъ* (1 Кор. IV, 15; Гал. IV, 19; Ефес. IV, 13), *свѣтомъ міра* и *свѣтильникомъ* (Мѳ. V, 14—15), *воиномъ* (2 Тим. II, 3) и т. д., а также не упоминается и о тѣхъ библейскихъ именахъ пастырей, какія прилагаются къ пастырямъ недостойнымъ, какъ напр. *наемникъ* (Іоан. X, 12; Іез. XXXIV, 3), *тать и разбойникъ* (Іоан. X, 1; Іез. XXXIV, 10) и др.—Вторая часть системы о. Громова перечисляетъ качества, потребныя пастырю Церкви. Здѣсь излагаются обычныя указанія св. апостола Павла изъ посланій къ Тимоѳею и Титу, по которымъ пастырь долженъ быть непороченъ, единыя жены мужъ, дѣтей имѣть вѣрныхъ, неукоряемыхъ въ распутствѣ или непокорности, и содержать ихъ въ послушаніи и всякой честности (стр. 29—43); домъ пастыря долженъ представлять изъ себя образецъ чистоты, порядка и благочестія (стр. 43—46); лично онъ долженъ быть трезвенъ, цѣломудръ, благоговѣинъ, не пьяница, не бійца, не сварливъ, не гнѣвливъ, не мшелоимецъ, не себѣ угождающъ, но кротокъ, благолюбецъ, праведенъ, преподобенъ, воздержателенъ, учителенъ и т. д. (стр. 46—74). Третья часть излагаемой системы говоритъ объ обязанностяхъ пастыря Церкви, которыя онъ осуществляетъ въ своей практической дѣятельности. Но поелику практическая дѣятельность священника совершается въ исторической обстановкѣ церковно-общественной жизни, обусловленной церковными и гражданскими законами и установленіями, то ему необходимо знать какъ тотъ, такъ и другой изъ этихъ кодексовъ, т. е. каноны церковные и

законы гражданскіе. Отсюда у автора явилось желаніе свою рѣчь о практической дѣятельности пастыря предварить изложеніемъ основныхъ церковныхъ и гражданскихъ законоположеній, заключающихся въ Книгѣ правилъ св. Апостоловъ, канонахъ св. вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцевъ, Кормчей Книгѣ и Номоканонѣ, въ „Книгѣ о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ" и т. д. (стр. 75—79). Послѣ этого онъ говоритъ уже о самыхъ обязанностяхъ пастырскихъ. Служеніе пастырское, по мнѣнію автора, опредѣляется *двумя главными* обязанностями: первая указана въ словахъ Христа Спасителя: „*шедше, научите вся языки*"; вторая—въ дальнѣйшихъ: „*крестяще ихъ*"... Такимъ образомъ, одна изъ главныхъ обязанностей пастырства есть учительство, вторая—священнослуженіе. „А отсюда,—говоритъ онъ далѣе,—сама собою вытекаетъ и третья обязанность пастыря—*молиться*" (стр. 74).— Въ слѣдующихъ параграфахъ рѣшаются вопросы о томъ, чему долженъ учить священникъ ввѣренныхъ ему прихожанъ (вѣрѣ, благочестію, покаянію и т. д.), а также—кого̀ онъ долженъ учить, гдѣ, когда и какъ онъ долженъ это дѣлать наилучшимъ образомъ (стр. 80—96). Еще далѣе прилагается обзоръ священнодѣйствій: богослуженій, таинствъ, требоисправленій и т. д. съ указаніемъ одобряемыхъ авторомъ замѣчаній, а также каноническихъ и гражданскихъ постановленій относительно каждаго отдѣльнаго случая (стр. 97—147). Наконецъ говорится и о третьей обязанности пастырства—*молитвѣ*, чрезъ которую пастырь долженъ прославлять Бога, умилостивлять Его, просить о ниспосланіи добрыхъ дѣлателей на ниву Божію, утолять гнѣвъ Божій за грѣхи людскіе, низводить дары небесные на землю, подкрѣплять свои силы въ борьбѣ со зломъ и для трудовъ на пользу и спасеніе пасомыхъ и т. д. (стр. 148—155). Въ заключеніи авторъ обобщаетъ свой взглядъ на служеніе пастырское и, съ одной стороны, видитъ въ немъ великіе и непосильные труды, печали и горести для слабаго человѣка, но, съ другой, указываетъ и на благодать Божію, немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую, которая поддерживаетъ добраго

пастыря на всѣхъ путяхъ его и въ будущей жизни, *пришедшу Пастыреначальнику,* уготовляетъ ему *вѣнецъ неувядаемой славы* (1 Петр. V, 4).

Таково въ общихъ чертахъ построеніе системы о. прот. Громова. Ясно, что здѣсь, какъ и въ „Опытѣ“ П. П. Розанова, мы не можемъ указать чего-либо существенно-новаго. Напротивъ, относительно общаго плана слѣдуетъ сказать, что онъ имѣетъ по крайней мѣрѣ столѣтнюю давность, ибо напоминаетъ планъ извѣстной „Книги о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“, изданной какъ разъ за сто лѣтъ ранѣе „Уроковъ“ о. Громова. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно частностей, именно: какъ тамъ сначала даются общія разсужденія о священствѣ, такъ это дѣлается и здѣсь [1]); какъ тамъ первѣйшею обязанностію пастыря считается учительство, затѣмъ священнослуженіе и, наконецъ, молитва, такъ точно и здѣсь [2]); какъ тамъ относительно учительства рѣшаются вопросы о предметѣ поученія, о людяхъ поучаемыхъ, о мѣстѣ и способахъ поученія, такъ это трактуется и здѣсь [3]); какъ тамъ перечисляются нравственныя достоинства, желательныя въ пастырѣ, и нетерпимые въ немъ недостатки, такъ объ этомъ говорится и здѣсь, хотя гораздо короче [4]); какъ тамъ въ отдѣлѣ о священнослуженіи указываются рѣшенія недоумѣнныхъ вопросовъ и церковные каноны на каждый отдѣльный случай, такъ и здѣсь [5]) и т. д. Даже количественный объемъ соотвѣтствующихъ отдѣловъ въ томъ и другомъ случаѣ почти совпадаютъ. Но есть, конечно, между ними и весьма ощутительная разница. Такъ, въ „Книгѣ о должностяхъ“ насчитывается четыре преимущественныхъ обязанности священства: „учити люди, жити свято, тайнодѣйствовати и молитися о людѣхъ“ [6]), тогда какъ въ „Урокахъ“ такихъ обязанностей указывается

---

[1]) „Книга о должност.“, стр. 1—10: „Уроки“, стр. 1—29.
[2]) „Книга о должност.“, стр. 10: „Уроки“, стр. 74.
[3]) „Книга о должност.“, стр. 11—69: „Уроки“, стр. 80—96.
[4]) „Книга о должностяхъ“, стр. 70—112: „Уроки“, стр. 29—74.
[5]) „Книга о должностяхъ“, стр. 113—190: „Уроки“, стр. 97—147.
[6]) „Книга о должностяхъ“, стр. 10.

лишь двѣ: учительство и священнодѣйствіе[1]). Далѣе въ „Книгѣ о должностяхъ" молитва представляется какъ опредѣленная заповѣдь Христа Спасителя и Апостоловъ, обязательная для пастыря на ряду съ учительствомъ, священнослуженіемъ и доброю жизнію[2]); между тѣмъ о. Громовъ хочетъ представить ее какъ *выводъ* или *дополненіе* къ двумъ другимъ обязанностямъ пастыря, и притомъ хочетъ сдѣлать это такимъ способомъ, какимъ сдѣлать этого совершенно нельзя. Онъ говоритъ: „первая обязанность пастыря опредѣляется словами: „шедше, научите"; вторая—„крестяще ихъ" (Мѳ. XXVIII, 19—20), а отсюда сама собою вытекаетъ третья обязанность—„молиться"[3]). Мы думаемъ, что изъ обязанности учить скорѣе слѣдуетъ обязанность самому учителю учиться и раньше и послѣ наученія другихъ и подтверждать свое ученіе нравственно-доброю жизнію, чѣмъ обязанность молиться; а священнослуженіе, будучи уже само по себѣ молитвою, не можетъ требовать молитвы, какъ чего-то особаго и вытекающаго изъ него. Впрочемъ, въ спеціальномъ изложеніи отдѣла о молитвѣ и о. Громовъ выводитъ ее изъ библейской заповѣди и евангельскихъ примѣровъ и такимъ образомъ снова сходится съ „Книгой о должностяхъ"[4]).—Слѣдующее отличіе „Уроковъ" заключается въ обиліи каноническаго матеріала и церковно-гражданскихъ законовъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, которыхъ почти совершенно нѣтъ въ „Книгѣ о должностяхъ." Но эта послѣдняя отличительная черта „Уроковъ" вызвана, какъ было уже сказано, требованіями новаго устава духовныхъ семинарій, соединившаго Пастырское Богословіе съ Каноникой.

Путь для разрѣшенія данной задачи былъ открытъ въ „Опытѣ курса практическаго руководства для пастырей" Розанова и книжкѣ Хойнацкаго, и „Уроки" явились уже

---

[1]) „Уроки", стр. 74.
[2]) „Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ", изд. 1806 г., стр. 191—286.
[3]) „Уроки практическаго руков. для пастырей", стр. 74—75.
[4]) „Книга о должност.", стр. 191—286: „Уроки", стр. 148—155.

вторымъ шагомъ въ развитіи этой новой науки. Но, явившись почти одновременно съ „Опытомъ“ и „Практическимъ руководствомъ,“ система о. Громова ушла далеко впередъ отъ нихъ. Если бы „Опытъ“ явился въ печати въ полномъ своемъ видѣ, то и тогда въ немъ видны были бы двѣ отдѣльныхъ половины, ничѣмъ одна съ другой не связанныя, кромѣ бумажной обертки: первая половина была бы сокращеніемъ Пастырскаго Богословія, вторая—Каноническаго Права[1]). Между тѣмъ въ „Урокахъ“ о. Громова эти двѣ половины начинаютъ уже *органически* сочетаваться, образуя постепенно самостоятельную научную единицу, не похожую ни на Пастырское Богословіе, ни на Канонику. Такъ, напр., разсуждая объ избраніи въ священный санъ и указывая руководственныя для сего мѣста изъ Св. Писанія, авторъ „Уроковъ“ тотчасъ же приводитъ и каноническое разъясненіе церковнаго обычая, именно правило Θеофила, архіеп. александрійскаго, принятое шестымъ вселенскимъ соборомъ въ канонъ церковный, которое устанавляетъ для этого слѣдующій порядокъ: „весь соборъ священнослужителей да согласится и да изберетъ, и тогда епископъ да испытаетъ избраннаго, и съ согласіемъ священства да совершитъ рукоположеніе среди церкви, въ присутствіи народа, и при возглашеніи епископа, аще можетъ и народъ свидѣтельствовати о немъ. Тайно же да не бываетъ рукоположеніе. Ибо когда Церковь пребываетъ въ мирѣ, тогда рукоположеніямъ прилично совершатися въ церкви въ присутствіи святыхъ“ (стр. 8—9).— Или, въ другомъ мѣстѣ, говоря о діаконахъ и указывая

[1]) Примѣромъ подобнаго соотношенія частей новой науки можетъ служить сочиненіе преподав. пермской духовной семинаріи М. Чепика, составленное примѣнительно къ объяснительной запискѣ Учебнаго Комитета при Св. Сѵнодѣ, подъ заглавіемъ: „Изъ уроковъ по практическому руководству для пастырей“, часть I—Пермь 1883 г., часть II—Пермь 1885 г.—Первая половина сочиненія г. Чепика излагаетъ послѣдовательно всѣ главнѣйшія мѣста Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, опредѣляющія личность христіанскаго пастыря, а потому эта часть и называется: „О нравственныхъ достоинствахъ и обязанностяхъ пастыря по непосредственному указанію слова Божія“. Вторая часть, послѣ двухъ вводныхъ параграфовъ, цѣликомъ занята изложеніемъ и классификаціей апостольскихъ правилъ и къ первой части не имѣетъ почти никакого отношенія. Она заглавливается такъ: „Основные законы іерархическаго устройства Вселенской Церкви“.

необходимыя нравственныя качества священнослужителей этого рода, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ перечисляетъ и всѣ правила вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, а также законоположенія русской Церкви, опредѣляющія іерархическое достоинство, соціальное положеніе и каноническія обязанности діаконовъ (стр. 22—27). То-же дѣлаетъ онъ въ рѣчи о супружествѣ пастыря (стр. 31—37), о дѣтяхъ его (стр. 38—43), о домѣ (стр. 43—46), объ учительствѣ съ церковной каѳедры (стр. 80—94), о таинствахъ (стр. 115—147) и почти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда говоритъ о предметахъ, разъясняемыхъ каноническими постановленіями православной Церкви и законами гражданскими.

Такимъ образомъ, въ „Урокахъ" прот. Громова мы имѣемъ весьма удовлетворительное разрѣшеніе учебной задачи, которая была дана преподавателямъ по новому уставу 1867 г. чрезъ сліяніе Пастырскаго Богословія и Каноники въ одинъ учебный предметъ. Но до полнаго и надлежащаго разрѣшенія этой задачи было еще далеко. Хотя, въ общемъ, здѣсь весьма замѣтно преобладаніе пасторологическаго матеріала надъ каноническимъ и послѣдній элементъ является какъ бы служебнымъ, тѣмъ не менѣе, если сравнить книжку о. Громова съ программой, назначенной для преподаванія „Практики" въ духовныхъ семинаріяхъ, то окажется, что здѣсь совершенно недостаетъ нѣкоторыхъ отдѣловъ, упоминаемыхъ въ программѣ. Такъ, напр., здѣсь нѣтъ изъяснительнаго разбора мѣстъ изъ святоотеческихъ твореній, изображающихъ нравственныя качества пастыря Церкви, высоту и трудность пастырскаго служенія, отвѣтственность за небреженіе къ нему и т. д. (св. Иринея Ліонскаго, Амросія Медіолан., св. Іоанна Златоуста, Григорія Двоеслова, блажен. Іеронима); затѣмъ, здѣсь нѣтъ отдѣла объ отношеніи священника къ сектантамъ, раскольникамъ и иновѣрцамъ; далѣе, замѣтно отсутствіе отдѣла о нравственномъ руководствованіи пасомыхъ, объ обязанности заботиться о благосостояніи прихода: о бѣдныхъ и сиротахъ, о благотворительныхъ учрежденіяхъ, о предохраненіи

отъ болѣзней, о прекращеніи пьянства и т. д.; наконецъ, о. Громовъ ничего не говоритъ о наградахъ духовенству, о судѣ надъ духовными лицами, о мѣрахъ взысканія и исправленія за проступки противъ должности и благоповеденія, о случаяхъ подсудности духовныхъ лицъ суду свѣтскому, о лишеніи и добровольномъ сложеніи духовнаго сана и о юридическихъ послѣдствіяхъ сихъ актовъ, и т. д. Между тѣмъ это все такіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ требуется программой при преподаваніи „Практическаго руководства для пастырей“ [1]) и дѣйствительно необходимо молодымъ пастырямъ, послѣ того какъ изъ системы ихъ образованія было изъято Каноническое Право. — Съ другой стороны, нѣкоторые отдѣлы хотя и находятся у о. Громова въ соотвѣтствіи съ требованіями программы, но изложены такъ кратко и неполно, что даютъ лишь общее понятіе о предметѣ, а не разъясненіе его. Таковъ, напр., отдѣлъ о церковныхъ канонахъ вселенской и русской Церкви (стр. 75—79), гдѣ на пяти страницахъ изложено содержаніе цѣлой науки Каноническаго Права. Самъ авторъ, объясняя вышеуказанное обстоятельство, говоритъ, что „спеціальное изученіе законовъ Церкви относится къ наукѣ, называемой *Каноническое право* (Ius canonicum)..., которая занимала особую каѳедру среди богословскаго образованія въ семинаріяхъ. *Нынѣ же науку эту полагается преподавать въ такомъ объемѣ, сколько нужно для практики приходскаго священника*“ (стр. 79, примѣчаніе). — Нельзя, конечно, не согласиться съ такимъ объясненіемъ указаннаго факта; но оно все таки ни въ какомъ случаѣ не можетъ оправдать самого автора, ибо онъ въ своей книгѣ изложилъ этотъ отдѣлъ лишь на пяти страницахъ, тогда какъ въ программѣ одни вопросные пункты по нему занимаютъ почти три печатныхъ страницы (1—3) и, очевидно, для отвѣта на эти вопросы нужно было мѣста гораздо болѣе, чѣмъ сколько его отведено у о. Громова. — Тоже слѣдуетъ сказать и объ истолковательномъ изложеніи тѣхъ мѣстъ Св. Писанія,

[1]) См. программу для преподаванія въ духовныхъ семинаріяхъ „Практическаго руководства для пастырей“, стр. 4, 6—7, 10—11.

въ которыхъ изображаются общія нравственныя качества пастырей Церкви, говорится о приготовленіи ихъ къ дѣлу служенія своего (Мѳ. IV, 1—11; Мрк. I, 12—13; Лук. IV, 1—13), указывается высокое достоинство пастырства (Мѳ. V, 13—16), излагается притча о добромъ пастырѣ (Іоан. X, 1—16; Лук. XV, 1—8; Мѳ. XVIII, 10—14), обличительная рѣчь Іисуса Христа на книжниковъ и фарисеевъ (Мѳ. XXIII) и др. Наконецъ, въ разбираемой системѣ есть такіе отдѣлы, которые носятъ характеръ или случайныхъ вставокъ, какъ напр. отдѣлъ о діаконахъ (стр. 22 — 27), или съ бо̀льшимъ правомъ могли бы быть размѣщены иначе; напр. отдѣлъ о законахъ, опредѣляющихъ пастырское служеніе (стр. 75 — 79), о трудности пастырскаго служенія и о мздовоздаяніи за оное (стр. 156—162).

Впрочемъ, этотъ послѣдній отдѣлъ, будучи заключительнымъ въ „Урокахъ“, своимъ прочувствованнымъ тономъ и весьма теплымъ, сердечнымъ изложеніемъ производитъ настолько пріятное впечатлѣніе на читателя, что послѣдній невольно забываетъ всѣ другіе мелкіе недочеты сочиненія и прощаетъ автору все, что̀ онъ еще не докончалъ [1]). Онъ сдѣлалъ свое дѣло̀ по мѣрѣ возможности, какъ и обѣщалъ въ началѣ книги (стр. 1), предоставивъ дальнѣйшіе труды въ немъ людямъ болѣе его счастливымъ и искуснымъ.

---

[1]) Напр. неправильные обороты рѣчи (стр. 1, 21, 29), тавтологія (стр. 48) и т. п.

„Практическое руководство для священнослужителей“

П. И. НЕЧАЕВА.

Современники не обратили должнаго вниманія на указанное нами руководство о. прот. Громова и не оцѣнили его труда. Можно даже думать, что они и не слышали о немъ, не видали и не знали его. Такое предположеніе является особенно въ виду того, что имя о. Громова не встрѣчается нигдѣ въ пасторологическихъ сочиненіяхъ послѣдующаго времени и сочиненіе его никѣмъ не принимается за какую-либо руководственную величину.[1]). По крайней мѣрѣ авторъ ближайшаго къ нему по времени *новаго опыта* „Практическаго руководства для пастырей“, будучи уже существенно заинтересованъ рѣшеніемъ своей задачи у своихъ предшественниковъ, совершенно не придаетъ „Урокамъ“ о. Громова никакого значенія и даже вовсе не упоминаетъ объ нихъ. „Новый уставъ практикуется въ семинаріяхъ уже давно“, говоритъ онъ. „Нѣкоторые предметы имѣютъ уже хорошія руководства и пособія, отвѣчающія характеру и духу новаго устава, и—можно сказать — по всѣмъ предметамъ новаго семинарскаго устава молодые преподаватели кое-что сдѣлали. Меньше всего сдѣлано по совершенно новой *нашей наукѣ.* По „Практическому руководству для пастырей“ нѣтъ программы и, намъ кажется, потому *до сихъ поръ не появилось не только руководства, но и сколько нибудь полнаго пособія“* [2]).

---

[1]) Исключеніе составляютъ „Записки по Пастырскому Богословію“ архим. Бориса, въ которыхъ книжка о. Громова упомянута въ числѣ пособій при изученіи этого предмета.

[2]) См. „Практическое руководство для пастырей“ свящ. Ѳ. Хорошунова, Черниговъ 1879 г., стр. 3.

Авторомъ этого новаго опыта былъ законоучитель черниговской губернской гимназіи и преподаватель Практическаго руководства для пастырей въ мѣстной духовной семинаріи—священникъ Ѳеодоръ Хорошуновъ.—Усвоивъ такой печальный взглядъ на положеніе своей науки при новомъ уставѣ, о. Хорошуновъ по необходимости рѣшился восполнить существующій пробѣлъ и съ этою цѣлію въ 1879 г. издалъ *свой* опытъ подъ обыкновеннымъ заглавіемъ: *„Практическое руководство для пастырей"* (Черниговъ). Не принимая во вниманіе пасторологическихъ трудовъ своихъ предшественниковъ, онъ, естественно, долженъ былъ начать это дѣло заново и приэтомъ слѣдовать лишь указаніямъ „Объяснительной Записки Учебнаго Комитета" (приложенной къ новому уставу), которую онъ считалъ „единственнымъ руководителемъ въ дѣлѣ преподаванія *Практическаго руководства для пастырей*" [1]). По словамъ „Записки", новая наука должна быть составлена изъ Пастырскаго Богословія и Каноники. Но самый способъ соединенія учебнаго матеріала здѣсь не былъ указанъ. Предоставленный въ этомъ случаѣ самому себѣ, о. Хорошуновъ рѣшилъ, что для выполненія его задачи достаточно будетъ сократить содержаніе Пастырскаго Богословія и Каноники и первое помѣстить впереди книжки, а второе—въ концѣ ея, чтобы составилась новая наука „Практическое руководство для пастырей". Такъ, дѣйствительно, онъ и поступилъ, раздѣливъ свою книжку на указанныя двѣ части: теоретическую—съ содержаніемъ Пастырскаго Богословія (стр. 10—124) и практическую—съ содержаніемъ Каноники (стр. 125—229). Но соединить

---

[1]) См. „Практич. руков. для пастырей" свящ. Ѳ. Хорошунова, Черниговъ 1879 г. стр. 3.—О. Хорошуновъ даже систему архим. Антонія (Амфитеатрова) не считаетъ въ числѣ пособій для своей науки, а извѣстные ему пасторологическіе труды прежняго времени начинаетъ „Пастырскимъ Богословіемъ епископа Кирилла" и уже послѣ его ставитъ „Книгу о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ," на которую ссылаются, какъ на авторитетъ, не только архим. Кириллъ, но и всѣ другіе наши пасторалисты. Далѣе, онъ указываетъ въ числѣ пособій „Взглядъ съ практической стороны на жизнь священника" о. Богословскаго, но совершенно не цѣнитъ „Писемъ по Православно-Пастырскому Богословію" прот. Е. Попова, вышедшихъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, и т. д.

между собою обѣ эти половины *органически* авторъ сознательно не взялся. Поэтому части его „Руководства“ нисколько не зависятъ одна отъ другой и связаны между собою только оберткой.

Впрочемъ, Учебный Комитетъ внесъ „Руководство“ о. Хорошунова въ число учебныхъ пособій для преподавателей „Практическаго руководства“ въ духовныхъ семинаріяхъ, принимая во вниманіе, что оно имѣетъ весьма много серьезныхъ внутреннихъ достоинствъ и очень близко подходитъ къ требованіямъ современной программы по этому предмету семинарскаго курса [1]). Но тотъ же Учебный Комитетъ, издавая въ свѣтъ „Программу для преподаванія въ духовныхъ симинаріяхъ Практическаго руководства для пастырей“, учебнымъ руководствомъ по сему предмету назначилъ другое сочиненіе, „какъ лучшее и болѣе другихъ соотвѣтствующее программѣ“ [2]). Это новое „руководство“ появилось чрезъ пять лѣтъ послѣ системы о. Хорошунова, именно въ 1884 г., и принадлежитъ бывшему преподавателю и инспектору с.-петербургской семинаріи (нынѣ члену Учебнаго Комитета при Св. Сѵнодѣ) Петру Ивановичу Нечаеву. Заслуженная общеизвѣстность и безспорное господство указаннаго руководства въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ по предмету „Практическаго руководства для пастырей“ избавляютъ насъ отъ необходимости подробно говорить о немъ въ настоящемъ случаѣ. Кромѣ того, одобреніе учебнаго начальства, которымъ непрерывно пользуется сочиненіе г-на Нечаева со времени своего написанія, служитъ для него самымъ лучшимъ и авторитетнымъ видомъ рекомендаціи въ глазахъ читателя. По отзыву Учебнаго Комитета, это сочиненіе есть „лучшее въ данной области и болѣе другихъ соотвѣтствующее программѣ“. Намъ остается лишь разъяснить этотъ почетный отзывъ.

Полное заглавіе пасторологической работы П. И. Нечаева читается такъ: *Практическое руководство для священ-*

---

[1]) См. программу, стр. 11—12.

[2]) Тамъ-же.

нослужителей, или систематическое изложеніе полнаго круга ихъ обязанностей и правъ. Отсюда ясно, что авторъ беретъ для своей работы тотъ же самый предметъ, которымъ занимались многіе изъ его предшественниковъ, т. е. онъ намѣренъ говорить о кругѣ обязанностей пастыря Церкви и о правахъ или преимуществахъ его служенія. Повидимому, и здѣсь мы встрѣтимъ двѣ отдѣльныя половины, отмѣченныя нами въ первыхъ „руководствахъ" по этому предмету, причемъ первая будетъ обычнымъ сокращеніемъ Пастырскаго Богословія, вторая—Каноники. Но авторъ недаромъ назвалъ свое руководство *систематическимъ изложеніемъ* подлежащаго матеріала. Оно таково и въ дѣйствительности. Уже съ перваго взгляда на оглавленіе можно замѣтить, что въ сочиненіи совершенно нѣтъ раздѣленія на части; а при ближайшемъ разсмотрѣніи читатель видитъ, что все оно представляетъ въ высшей степени *стройную систему*, въ которой вполнѣ органически соединено содержаніе Пастырскаго Богословія и Каноники. Авторъ начинаетъ свое „руководство" изложеніемъ основныхъ принциповъ церковнаго законодательства и его институтовъ какъ вселенской, такъ, въ частности, русской Церкви, и этимъ актомъ какъ будто намѣренно создаетъ ту фактическую почву, на которой будетъ жить пастырь, или тѣ рамки, внутри которыхъ онъ долженъ будетъ проходить свое служеніе (стр. 5—64). Затѣмъ читатель видитъ, какъ на этомъ общемъ фонѣ появляется нравственно—высокій, идеальный образъ пастыря, создаваемый изъ указаній слова Божія, ученія св. отцевъ и учителей церковныхъ и достоподражательныхъ историческихъ примѣровъ,—какъ будто сотканный изъ цвѣтовъ радуги и лучей солнечныхъ (стр. 65—74). Авторъ приближаетъ этотъ образъ къ ранѣе нарисованный рамкѣ и тутъ на минуту останавливаетъ его. Онъ знаетъ, что на землѣ нѣтъ такого совершенства, которое онъ нарисовалъ; знаетъ, что дѣйствительные люди не такъ чисты, какъ этотъ образъ; знаетъ, что возможное приближеніе къ созданному имъ идеалу достигается строгимъ выборомъ его носителей и самымъ тщательнымъ приготовленіемъ кандидатовъ священства.

Поэтому онъ говоритъ: „уважая святость священническаго служенія, православная Церковь издревле обращала строгое вниманіе на умственное, нравственное и даже физическое состояніе, а равно на общественное и семейное положеніе лицъ, желавшихъ вступить въ клиръ. Общимъ и первымъ требованіемъ ея было то, чтобы въ священный санъ никого не производить поспѣшно и безъ испытанія: „руки скоро не возлагай ни на кого же.“ Слѣдуетъ указаніе на 1 Тим. V, 22. Но, сдѣлавъ это указаніе, авторъ тотчасъ же обставляетъ свою мысль историко-каноническими справками, которыя показываютъ примѣненіе апостольской заповѣди къ дѣйствительной жизни: онъ приводитъ 10 прав. сардик. соб., 17 прав. двукратн. соб., 9 прав. вселенск. 1-го соб., 4 прав. Кирилла александр. и 7 прав. Ѳеофила александр. [1]). Этимъ актомъ онъ, съ одной стороны, совершенно естественно и непринужденно соединяетъ богословскій элементъ своей системы съ каноническимъ, образуя изъ нихъ въ дальнѣйшемъ изложеніи совершенно новый научный матеріалъ, непохожій на матеріалъ Пастырскаго Богословія и отличающійся отъ содержанія Каноники. Съ другой стороны, этимъ актомъ онъ начинаетъ *опредѣлять* нарисованный имъ образъ пастыря, приспособляя его къ размѣру рамокъ, т. е. къ условіямъ и запросамъ современной жизни, ибо въ противномъ случаѣ идеально-чистое и возвышенное существо не могло бы снизойти въ грѣшную юдоль земную, чтобы спасти тамъ сѣдящихъ. Такъ и Христосъ Спаситель, приспособляясь къ условіямъ земной жизни людей, благоизволилъ принять на Себя зракъ раба, чтобы спасти рабовъ грѣха. Такъ ангеламъ не поручено служеніе пастырское, ибо они не облечены нашею плотію, и еслибы ангелы содѣлались пастырями земными, то—по мысли одного великаго богослова—они въ священной ревности къ славѣ Божіей, оскорбляемой грѣхами людскими, истребили бы родъ человѣческій (св. Іоаннъ Златоустъ). Вотъ почему и нынѣ отъ кандидата священства требуется, чтобы онъ былъ при-

[1]) § 35, стр. 74 по шестому изданію, 1895 г. СПБ.

способленъ къ своему дѣлу и по своимъ качествамъ соотвѣтствовалъ тѣмъ условіямъ, среди которыхъ долженъ будетъ проходить свое служеніе. „Въ частности,—говоритъ П. И. Нечаевъ,—нынѣ требуется, чтобы *въ умственномъ отношеніи* избираемый во священство былъ образованъ и силенъ въ словѣ Божіемъ настолько достаточно, чтобы не только самъ правильно понималъ смыслъ Писанія, но могъ бы и другихъ *наставлять въ здравомъ ученіи и обличать противящихся* (Тит. I, 9); отъ него требуется также знаніе правилъ церковныхъ о своемъ служеніи и обязанностяхъ (VII всел. пр. 2). Въ силу этого, по примѣру и преданію апостольскому, въ древней Церкви постановлено: а) избираемыхъ во священство предварительно подвергать испытанію во всемъ, что̀ имъ нужно знать по обязанностямъ своего званія (карѳ. соб. прав. 25; VII всел. 2; Ѳеоф. 7); б) не допускать къ посвященію *новообращенныхъ* изъ іудейства или язычества, какъ еще неиспытанныхъ въ вѣрѣ (I всел. 2; ср. 1 Тим. III, 6; апост. прав. 8). Русскою Церковью на владимірскомъ соборѣ (1274 г.) постановлено было: каждаго, предварительно рукоположенія во священника, строго испытывать, *хорошо ли знаетъ грамоту;* человѣка же неизвѣстнаго вообще „не спѣшить поставлять, хотя бы былъ не кощунникъ, не пьяница" и т. д. Тоже было подтверждено на соборахъ: стоглавомъ (1551 г.) и большомъ московскомъ (1667 г.). Въ 1826 г. 17 іюня Св. Сvноду было объявлено Высочайшее повелѣніе поставлять въ сельскіе священники только окончившихъ полный курсъ ученія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. А въ 1815 г. (ук. 5 окт.) Св. Сvнодомъ постановлено: неокончившихъ курсъ ученія въ семинаріяхъ производить не выше діаконскаго чина (Собр. мнѣній Филарета, митроп. московск., т. 2, стр. 156—158). *По дѣйствующему нынѣ положенію* (16 апр. 1869 г.), право на занятіе священнослужительскихъ должностей имѣютъ лица, получившія богословское образованіе въ высшемъ или среднемъ духовно-учебномъ заведеніи, или же (изъ свѣтскихъ) извѣстныя своими богословскими познаніями, засвидѣтельствованными въ принятомъ порядкѣ епархіальнымъ экзамена-

торомъ. Въ виду же того, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, при замѣщеніи священническихъ мѣстъ, чувствуется недостатокъ въ кандидатахъ съ полнымъ богословскимъ образованіемъ, Св. Сѵнодомъ разрѣшено рукополагать во священники неокончившихъ семинарскаго курса благонадежныхъ діаконовъ (Церковн. Вѣстн. 1882 г., № 24; сравн. ук. Св. Сѵн. 6 дек. 1826 г. и 31 окт. 1836 г.) и вообще тѣхъ, кои, хотя и не окончили семинарскаго курса, но по своему образованію, безукоризненной нравственности и знанію чина богослуженія вполнѣ соотвѣтствуютъ требованіямъ сего сана" (опр. Св. Сѵн. 19—28 февр. 1885 г.), и т. д.[1]).

Изъ этого примѣра изложенія авторомъ своей системы читатель можетъ видѣть, что на каждомъ шагу пастырологическій матеріалъ у него гармонически соединяется съ каноническимъ элементомъ, вездѣ обоснованъ на точныхъ документахъ, провѣренъ исторически и приведенъ въ согласіе съ современнымъ положеніемъ даннаго вопроса въ нашемъ отечествѣ. Точно такъ-же онъ говоритъ, далѣе, о нравственныхъ и физическихъ качествахъ кандидата священства и пастыря, перечисляя ихъ по руководству слова Божія, каноновъ церковныхъ и законоположеній русской Церкви (стр. 76—81), разсуждаетъ о семейномъ и общественномъ положеніи священника, объ образѣ избранія въ пресвитерскій санъ, о приготовленіи къ хиротоніи, объ исповѣди и присягѣ ставленниковъ и о самомъ рукоположеніи (стр. 81—93). Затѣмъ авторъ вводитъ священника въ среду его прихожанъ и ставитъ предъ нимъ главнѣйшія обязанности пастырскаго служенія: 1) *общественное словесное учительство* на церковной каѳедрѣ и въ приходской школѣ, учительство частное при исправленіи требъ и учительство примѣромъ собственной жизни и примѣромъ своихъ домочадцевъ (стр. 93—108); здѣсь же онъ указываетъ предметы, требующіе особеннаго вниманія и ревности пастыря, каковы—суевѣріе, расколъ, религіозное вольнодумство, штунда и другія лжеученія (стр. 108—134); и 2) *священнодѣйствія и обряды*, куда присоединяется

[1]) П. Нечаевъ: § 35, стр. 74—75.

попеченіе пастыря о храмѣ и его принадлежностяхъ, наблюденіе за правильнымъ изображеніемъ св. иконъ, забота о церковной утвари, библіотекѣ и т. д. (134—149). Рѣчь о священнодѣйствіяхъ начинается приготовленіемъ священника къ служенію божественной литургіи; затѣмъ слѣдуетъ изложеніе библейскихъ и церковноканоническихъ опредѣленій, устанавливающихъ догматическое понятіе, а также регулирующихъ мѣсто, время и способъ совершенія какъ этого, такъ и другихъ таинствъ: крещенія, мѵропомазанія, покаянія, причащенія, брака и елеосвященія (стр. 149 — 259); о таинствѣ священства ничего не говорится въ настоящемъ случаѣ, ибо о немъ уже сказано было ранѣе въ рѣчи о вступленіи священника на приходъ (91—93); но вмѣсто этого здѣсь трактуется очень подробно о совершеніи прочихъ требъ церковныхъ, какъ-то: о напутствованіи больныхъ и умирающихъ (стр. 159 — 268), о погребеніи (съ разъясненіемъ могущихъ встрѣтиться приэтомъ недоумѣній, затрудненій, формальностей и предосторожностей), о поминовеніи усопшихъ, о приведеніи къ присягѣ и т. п. (стр. 268 — 298); далѣе идетъ чрезвычайно обширный и обстоятельный отдѣлъ о церковномъ хозяйствѣ, о веденіи церковныхъ описей (съ указаніемъ ихъ формы), о мелочныхъ расходахъ по церкви, о поновленіи церковныхъ зданій, о построеніи новыхъ церквей, о церквахъ домовыхъ, о закрытіи церквей, о церковныхъ домахъ и земляхъ, о движимомъ имуществѣ церквей, о церковныхъ старостахъ, о церковной отчетности (стр. 298—348), о клировыхъ вѣдомостяхъ, метрическихъ книгахъ, исповѣдныхъ росписяхъ и другихъ церковныхъ документахъ (348—371); къ этому присоединено нѣсколько необходимыхъ замѣчаній о гербовомъ сборѣ, которому подлежатъ нѣкоторые изъ церковныхъ документовъ, и о служебныхъ отношеніяхъ священника къ своему епископу, къ сослуживцамъ, къ подчиненному причту и прихожанамъ (стр. 371 — 377). —

До сихъ поръ, выходя изъ принциповъ пасторологіи и права, авторъ говорилъ лишь *объ обязанностяхъ пастыря*, о трудахъ и заботахъ его. Но поелику всякое слу-

женіе достойно своего вознагражденія и всякій дѣлатель достоинъ мзды своея,—такъ, если не болѣе, достойно своей награды и служеніе пастырское. Поэтому, кромѣ того, что доброму пастырю предназначено „внити въ радость Господа своего“ въ будущей жизни,—и здѣсь на землѣ какъ „добрые“, такъ и „нерадивые“ пастыри „получаютъ мзду свою“: они обезпечены матеріально въ возможной для настоящаго времени степени, чтобы имѣть способы къ пропитанію себя самихъ, своихъ дѣтей и родственниковъ. Они, говоря вообще, имѣютъ денежное жалованье, мѣстную ругу, плату за требоисправленія, единовременныя пособія отъ правительства, пользуются пенсіями, землею; ихъ дѣти безплатно воспитываются въ казенныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, они свободны отъ личныхъ податей и полицейскихъ повинностей, и т. д. (стр. 377—394, 403—414). „Пастыри добрые“ кромѣ того удостоиваются наградъ: Высочайшихъ (митра, крестъ, или панагія изъ Кабинета Е. И. Величества), сѵнодальныхъ (наперсный крестъ, палица, камилавка, санъ протоіерея и др.), епархіальныхъ (скуфья, набедренникъ) и отъ прихожанъ или отъ частныхъ учрежденій (поднесеніе наперснаго креста, иконы, трости и т. д). Напротивъ, пастыри „нерадивые“ или случайно застигнутые несчастьемъ подвергаются весьма тяжкой отвѣтственности какъ предъ престоломъ Божіимъ, такъ предъ судомъ земной Церкви и государства (стр. 395—403, 414—434).

Таково въ общихъ чертахъ построеніе пасторологической системы П. И. Нечаева. Уже одинъ бѣглый перечень предметовъ и указаніе общаго теченія рѣчи могутъ доказать читателю, что Учебный Комитетъ имѣлъ полное основаніе признать этотъ почтенный трудъ *лучшимъ* руководствомъ по предмету „Практическаго руководства для пастырей“ [1]). Но кромѣ того, по вполнѣ справедливому выраженію того же Учебнаго Комитета, *руководство* П. И. Нечаева *болѣе другихъ соотвѣтствуетъ и существующей учебной*

---

[1]) См. стр. 288 настоящ. книги.

программѣ этого предмета въ семинаріяхъ. Дѣйствительно, сравнивая вопросные пункты программы съ порядкомъ предметовъ въ „Практическомъ руководствѣ для священнослужителей“, затрудняешься рѣшить, программа ли составлена была ранѣе и къ ней приспособлено „руководство“, или „руководство“, признанное удовлетворительнымъ рѣшеніемъ современныхъ задачъ науки, дало норму для программы по этому предмету для всѣхъ россійскихъ духовныхъ семинарій: такъ подробно и до мелочей выдержано соотвѣтствіе между общепринятой въ настоящее время программой преподаванія „Практическаго руководства для пастырей“ въ семинаріяхъ и „Практическимъ руководствомъ для священнослужителей“ П. И. Нечаева! Въ послѣднемъ изданіи „руководство“ даетъ даже болѣе, чѣмъ сколько требуется программой. Такъ напр. въ „приложеніяхъ“ къ шестому изданію его помѣщены: правила объ устройствѣ миссій и о способѣ дѣйствій миссіонеровъ и пастырей Церкви по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ (утв. Св. Сѵнодомъ 25 мая 1888 г.), извлеченіе изъ „Положенія“ объ управленіи церквами и духовенствомъ военнаго и морскаго вѣдомствъ (Высоч. утвержд. 12 іюня 1890 г.), инструкція церковнымъ старостамъ (отъ того же числа), положеніе о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ (Высоч. утв. 2 авг. 1864 г.), положеніе о церковныхъ братствахъ, правила о церковно-приходскихъ школахъ (Высоч. утвержд. 13 іюня 1884 г.), правила о школахъ грамоты (Высоч. утвержден. 4 мая 1891 г.), правила объ уѣздныхъ отдѣленіяхъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ (отъ 28 мая 1888 г.), устройство церковно-приходскихъ школъ, программы для преподаванія Закона Божія и церковнаго пѣнія въ церковно - приходскихъ школахъ, и мн. др. весьма интересныхъ и существенно необходимыхъ для пастыря матеріаловъ (стр. 456—584).

Но, вполнѣ соглашаясь съ почетнымъ отзывомъ Учебнаго Комитета о „Практическомъ руководствѣ“ П. И. Нечаева и отдавая должную степень уваженія его высокопочтенному автору, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не сказать,

что разсматриваемая система имѣетъ два весьма замѣтныхъ пробѣла. Первый изъ нихъ находится въ общемъ отдѣлѣ о пастырскомъ служеніи. Излагая вопросные пункты этого отдѣла, программа для преподаванія „Практическаго руководства для пастырей“ требуетъ, чтобы здѣсь было дано „изъяснительное чтеніе мѣстъ Св. Писанія, изображающихъ общія нравственныя качества пастырей Церкви и великую отвѣтственность ихъ за дѣло служенія своего“. Эти мѣста слѣдующія: 1) приготовленіе пастыря къ дѣлу спасенія людей по примѣру Пастыреначальника чрезъ отверженіе всѣхъ предметовъ искушенія (Мѳ. IV, 1—11; Мрк. I, 12—13; Лук. IV, 1—13); 2) о высокомъ достоинствѣ пастырскаго служенія (Мѳ. V, 13—16); 3) наставленія Іисуса Христа апостоламъ при отправленіи ихъ на проповѣдь (Мѳ. X, 1—42; Мрк. VI, 7—11; Лук. X, 1—21); 4) притча о добромъ пастырѣ (Іоан. X, 1—16; Лук. XV, 1—8; Мѳ. XVIII, 10—14); 5) осужденіе тѣхъ, которые трудятся для царствія небеснаго только изъ-за наградъ (Мѳ. XIX, 27—30; XX, 1—16); 6) обличительная рѣчь Іисуса Христа на книжниковъ и фарисеевъ (Мѳ. XXIII); 7) первосвященническая молитва Іисуса Христа (Іоан. XVII); 8) пастырскія посланія св. ап. Павла къ Тимоѳею и Титу; 9) отношеніе истиннаго пастыря къ своей паствѣ (Дѣян. XX, 16—35; 1 Петр. V, 1—4); 10) недостойные пастыри и прещеніе Божіе на нихъ (Іезек. III, 17—20; XIII; XXXIV, 1—10; Малах. II, 1—11).—Между тѣмъ у П. И. Нечаева эти пункты программы если и не оставлены совершенно безъ вниманія, то изложены настолько кратко, что рѣчь о нихъ занимаетъ не болѣе двухъ страницъ (65—66) при общемъ объемѣ книги въ 600 страницъ. Точно такъ-же весьма неполно изложено и ученіе св. отцевъ о пастырскомъ служеніи (стр. 67—74).

Въ виду важности даннаго отдѣла для науки и для пастырей Церкви, этотъ пробѣлъ успѣлъ уже обратить на себя вниманіе литературы, и не мы первые указываемъ его въ системѣ П. И. Нечаева. Въ началѣ текущаго (1898-го) года на него указалъ преподаватель „Практическаго руководства для пастырей“ въ тульской дух.

семинаріи С. И. Покровскій въ своемъ капитальномъ сочиненіи по Пастырскому Богословію подъ заглавіемъ: *„Курсъ практическаго руководства для пастырей“* [1]). „Изданіемъ этихъ выпусковъ,—говоритъ онъ въ предисловіи къ своему труду,—мы хотѣли прежде всего посильно восполнить пользующійся заслуженною извѣстностью учебникъ г-на П. И. Нечаева, въ каковомъ учебникѣ, при полнотѣ и обработанности другихъ отдѣловъ науки „Практическаго руководства для пастырей“, *общій отдѣлъ* о пастырскомъ служеніи и пастырскихъ обязанностяхъ (изъясненіе мѣстъ Св. Писанія, относящихся къ пастырскому служенію, изложеніе ученія о семъ предметѣ св. отцевъ и толкованіе правилъ апостольскихъ) представленъ лишь въ конспективномъ видѣ, между тѣмъ какъ сей-то именно отдѣлъ и долженъ представлять, особенно для воспитанниковъ семинарій, особую важность, какъ раскрывающій самый духъ и характеръ пастырскаго служенія“.—Задавшись цѣлію восполнить указанный пробѣлъ въ наукѣ, г-нъ Покровскій вмѣсто десятка страницъ, которыя заняты этимъ предметомъ у Нечаева, написалъ цѣлую книгу въ 345 страницъ, гдѣ подробно и обстоятельно изложилъ не только общія мысли вышеуказанныхъ мѣстъ Св. Писанія и твореній святоотеческихъ, но съ рѣдкимъ трудолюбіемъ и искусствомъ разобралъ почти каждое отдѣльное слово первоисточниковъ. Точно такъ-же онъ поступилъ и съ „правилами апостольскими“, сдѣлавъ систематическое изложеніе ихъ на остальныхъ 100 страницахъ своего труда. Но, давая такую широкую постановку своей работѣ, авторъ тѣмъ самымъ вывелъ её изъ разряда учебниковъ, коими мы до сихъ поръ занимались, и далъ ей другое назначеніе. „Мы изложили свой предметъ,—говоритъ онъ,—въ объемѣ, превосходящемъ мѣру учебника. Но да будетъ это намъ простительно, ибо, во-первыхъ, матеріалъ самый, которымъ мы располагаемъ, настолько обширенъ по своему содержанію, что и сказанное нами остается во многомъ недо-

[1]) Изд. 2, СПБ. 1898 г.—Первое изданіе было выпусками въ 1887, 1889, 1890 и 1892 г.г.

сказаннымъ; во-вторыхъ, мы имѣли въ виду не однѣ семинаріи, но и благочестивыхъ пастырей Церкви, желающихъ глубже вникнуть въ духъ своего служенія“ (предисловіе, стр. 3—4).

Какъ таковое, само по себѣ сочиненіе г-на Покровскаго должно быть разсматриваемо уже съ иной точки зрѣнія, чѣмъ какъ мы дѣлали это до настоящаго времени. Но такъ какъ оно еще не окончено, то разборъ его не можетъ быть теперь полнымъ и окончательнымъ. Поэтому мы лишь позволяемъ себѣ желать, чтобы авторъ поскорѣе, съ Божіей помощью, восполнилъ неоконченное въ своемъ трудѣ (стр. 4),—ибо тогда онъ окончитъ не только свою работу, но восполнитъ и тотъ второй пробѣлъ въ системѣ П. И. Нечаева, на который мы сейчасъ укажемъ.

Этотъ второй пробѣлъ въ системѣ П. И. Нечаева состоитъ въ полномъ отсутствіи отдѣла о *пастырскомъ руководствованіи пасомыхъ въ христіанской жизни,* который требуется учебной программой (стр. 10) и самымъ существомъ дѣла. Правда, въ разныхъ мѣстахъ книги авторъ иногда касается этого вопроса; но величайшая важность его требуетъ для себя безусловно гораздо бо́льшаго вниманія и разработки, чѣмъ сколько ему дано въ этой системѣ. Къ счастію, и этотъ пробѣлъ былъ очень скоро замѣченъ современниками и восполненъ новымъ серьезнымъ пасторологическимъ произведеніемъ, которое сдѣлало данный вопросъ содержаніемъ цѣлой книги. Это былъ капитальнѣйшій трудъ извѣстнаго пасторалиста — профессора кіевской академіи В. Ѳ. Пѣвницкаго подъ заглавіемъ: *„Служеніе священника въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ“.*

ГЛАВА 3.

Проф. В. Ѳ. Пѣвницкій.

Сочиненіями П. И. Нечаева и С. И. Покровскаго мы закончили исторію Пастырскаго Богословія въ духовныхъ семинаріяхъ за время дѣйствія въ нихъ уставовъ 1867 и 1884 г.г., т. е. довели ее буквально до нашихъ дней. Приэтомъ мы видѣли, что въ теченіи означеннаго періода наша наука потеряла свое самостоятельное значеніе въ средѣ другихъ семинарскихъ наукъ и даже лишилась своего имени. Спеціальный предметъ и характеръ ея постепенно исчезалъ, сливаясь съ предметомъ Каноники и мало-по-малу уступая ему первенствующее мѣсто, такъ что наконецъ даже въ лучшихъ литературныхъ произведеніяхъ этого порядка чисто-пасторологическій элементъ занимаетъ уже только самую малую часть среди сотенъ страницъ съ содержаніемъ каноническимъ, или церковно-практическимъ.

Но, параллельно съ этимъ, для научнаго развитія Пастырскаго Богословія оставалась еще другая область, гдѣ, казалось-бы, можно было ожидать продолженія пасторологическихъ работъ архим. Антонія и Кирилла. Возможность этого развитія находилась въ рукахъ профессоровъ духовныхъ академій. Но и здѣсь не случилось этого. Ибо хотя по уставу 1869 г. Пастырское Богословіе и *было оставлено* среди прочихъ наукъ академическаго курса, но самостоятельнаго значенія, какъ и прежде, не получило. Измѣненіе его положенія въ данный моментъ состояло

лишь въ томъ, что изъ предмета блуждающаго, присоединяемаго то къ Нравственному Богословію, то къ Догматикѣ, то къ Литургикѣ, то даже къ Богословію Обличительному [1]), оно оффиціально было поручено тому-же преподавателю, который читалъ студентамъ и курсъ Гомилетики. Затѣмъ, по уставу 1884 г. оно было передано преподавателю Педагогики и въ такой обстановкѣ остается до настоящаго времени. Вполнѣ понятно, что раздѣляя свое вниманіе и время между двумя этими предметами, профессоръ при самомъ добромъ и искреннемъ желаніи своемъ не могъ излагать ихъ съ достаточной полнотой и одинаковой научной обстоятельностью. При такомъ положеніи дѣла перевѣсъ и преимущество научной разработки того или другаго предмета, очевидно, были поставлены въ прямую зависимость отъ личныхъ симпатій самого профессора, или отъ какихъ-либо случайныхъ воздѣйствій совнѣ. Однако въ пользу Пастырскаго Богословія никакихъ воздѣйствій не послѣдовало, а личныя симпатіи профессоровъ оказались не на его сторонѣ [2]). Поэтому

---

[1]) См. напр. „Ист. казанской духовной академіи" П. Знаменскаго, 1892 г. вып. II, стр. 310—311.

[2]) Напр. одинъ профессоръ на каѳедрѣ Пастырскаго Богословія въ теченіи пятнадцатилѣтняго преподаванія этого предмета въ академіи издалъ печатно слѣдующія свои сочиненія: „Русскій простонародный мистицизмъ," СПБ. 1869 г.—„Изъ неизданныхъ памятниковъ древне-русской литературы," СПБ. 1870 г.—„Новый методъ въ богословіи. По поводу пражскаго изданія сочиненій Хомякова," СПБ. 1870 г.—„Духовные стихи секты людей Божіихъ," СПБ. 1871 г.—„Изъ записокъ Стурдзы о судьбѣ православной Церкви въ царствованіе Александра I," СПБ. 1874 г.—„Историческіе, критическіе и полемическіе опыты," СПБ. 1879 г.—„Протоіерей Г. П. Павскій. Біографія по неизданнымъ матеріаламъ," СПБ. 1880 г.—„Вопросъ о религіозности русскаго народа въ нашей печати. По поводу сужденій о народѣ Достоевскаго, Кавелина, Градовскаго и др.," СПБ. 1881 г.—„Князь А. Н. Голицынъ и архимандритъ Фотій", СПБ. 1881 г.—„Іеродіаконъ Невскаго монастыря Макарій. Эпизодъ изъ біографіи Ѳеофана Прокоповича," СПБ. 1881 г. — „Слово о полку Игоревѣ" въ переводѣ Г. П. Павскаго, СПБ. 1881 г.—„Книга Пѣснь Пѣсней" въ переводѣ Г. П. Павскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями. СПБ. 1881 г. — „Матеріалы для біографіи московскаго митрополита Филарета," СПБ. 1882 г.—„Матеріалы для біографіи Иннокентія Борисова, архіепископа херсонскаго. Вып. I". СПБ 1884 г.—Въ 1878 г. подъ его редакціей изданы Высочайше учрежденною при Св. Сѵнодѣ Коммиссіею „Описанія документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Сѵнода," т. II, ч. 2 (1722 г.), а въ 1883 г.—т. VI (1726 г.) и т. д. Ясно, что во всѣхъ этихъ литературныхъ трудахъ почтеннаго профессора нѣтъ и слова о предметѣ Пастырскаго Богословія, которое онъ преподавалъ въ академіи съ 1869 по 1884 годъ.

исторія нашихъ духовныхъ академій со времени введенія въ нихъ устава 1869 г. весьма откровенно констатируетъ тотъ печальный фактъ, что если и были за этотъ періодъ какіе-либо почтенные труды профессоровъ—пасторалистовъ, то эти труды остаются до сихъ поръ частной собственностью самихъ профессоровъ и въ общественное литературное обращеніе не поступали.

Первымъ отраднымъ исключеніемъ явилась каѳедра Пастырскаго Богословія въ *кіевской* академіи, гдѣ высокоталантливый профессоръ ея, имя котораго мы указали выше, съ половины восьмидесятыхъ годовъ началъ изданіе цѣлаго ряда своихъ пасторологическихъ трудовъ.— *„Служеніе священника въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ"*, которое въ общей исторіи нашей науки мы считаемъ дополненіемъ системы П. И. Нечаева, было не первымъ и не послѣднимъ сочиненіемъ своего автора. По времени изданія (въ 1890 г.) оно было *вторымъ* изъ капитальныхъ пасторологическихъ трудовъ его, ибо прежде его было издано сочиненіе подъ названіемъ: *„Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника"* (Кіевъ, 1885 г.), а къ концу 1892 г. написано третье, которое называется: *„Священство. Основные пункты въ ученіи о пастырскомъ служеніи"* (Кіевъ). Разсматриваемое же со стороны своего содержанія или предмета, названное сочиненіе должно быть поставлено даже на третьемъ мѣстѣ, ибо *„Основные пункты въ ученіи о пастырскомъ служеніи"*, конечно, слѣдуетъ считать основаніемъ всѣхъ частныхъ разсужденій, опредѣляющихъ жизнь и дѣятельность пастыря Церкви, а *„Приготовленіе къ священству"*, очевидно, предшествуетъ самому *„Служенію священника"*. — Такъ смотритъ на дѣло и самъ авторъ; такой порядокъ, поэтому, должно соблюдать и намъ при разсмотрѣніи его сочиненій.

„Основаніемъ всѣхъ частныхъ наставленій, опредѣляющихъ жизнь и дѣятельность пастыря Церкви,—говоритъ онъ въ *„Основныхъ пунктахъ"*,—должно служить догматическое ученіе о священствѣ или священническомъ служеніи. На немъ должны опираться всѣ тѣ построенія и опредѣленія, какія развиваются въ подробномъ ученіи

руководственныхъ книгъ, имѣющихъ своимъ предметомъ пастырское служеніе"[1]). Указывая эти основные пункты въ ученіи о пастырскомъ служеніи, авторъ прежде всего даетъ догматическое понятіе о священствѣ, по которому оно есть „особое существенно необходимое служеніе въ Церкви Божіей, ведущее свое начало отъ Основателя Церкви Господа Іисуса Христа, поручаемое избраннымъ и освященнымъ лицамъ, состоящее въ строеніи таинъ Божіихъ, проповѣди слова Божія и попечительномъ руководствѣ людей въ духовной жизни" (стр. 1—2). Дальнѣйшее содержаніе книжки распредѣляется уже по руководству этого понятія. Такъ, непосредственно вслѣдъ за опредѣленіемъ священства, здѣсь доказывается необходимость особыхъ избранныхъ лицъ для прохожденія пастырскаго служенія. Церковь есть живой организмъ, въ которомъ каждый изъ членовъ исполняетъ лишь свойственное ему назначеніе, не вмѣшиваясь въ сферу функцій другихъ членовъ; каждый изъ нихъ предназначенъ удовлетворять какую-либо потребность организма, и чѣмъ выше потребность, тѣмъ болѣе необходимъ ея органъ. Въ тѣлѣ Церкви вѣчно, необходимо и незамѣнимо живетъ духовно-нравственная или религіозная потребность, предназначенная господствовать надъ всѣми болѣе низменными потребностями его; слѣдовательно, необходимы и органы для удовлетворенія этой потребности, т. е. священство. Такъ шла исторія человѣчества до закона и подъ закономъ, такъ она идетъ и подъ благодатію (стр. 2—11), когда Самъ Христосъ Спаситель явилъ Себя Пастыреначальникомъ и повелѣлъ продолжать начатое Имъ пастырское служеніе во всѣ времена. Принявъ это служеніе отъ Господа (Марк. III, 13; Іоан. XX, 21—23; Матѳ. XXVIII, 18—20), апостолы передали его своимъ преемникамъ; затѣмъ оно утверждено практикою первенствующей Церкви, правилами вселенскихъ соборовъ и до нашихъ дней передается черезъ молитву и рукоположеніе новымъ и новымъ носителямъ, чтобы не прерываться до втораго слав-

---

[1]) „Священство. Основные пункты въ ученіи о пастырскомъ служеніи", Кіевъ 1892 г., стр. 1.

наго пришествія Великаго Первосвященника (стр. 11—22). Какъ служеніе Самого Христа Спасителя, священство есть чрезвычайно высокое и важное служеніе; оно надѣлено особыми полномочіями и частью той власти, которая дана Спасителю на небѣ и на землѣ (Мѳ. XXVIII, 18—19; Іоан. XX, 21—23; Мѳ. XVI, 19; XVIII, 18); оно совершается подъ вѣчнымъ промышленіемъ и помощію Самого Основателя (Матѳ. XXVIII, 20), опирается на Его имя (Іоан. XIII, 20; Лук. X, 16; Мѳ. X, 10) и преслѣдуетъ величайшія, вѣчныя для человѣка цѣли, а потому оно и носители его достойны всякаго уваженія и почтенія (стр. 22—45). Но, будучи высокимъ и важнымъ, оно по тому самому въ высшей степени трудно и отвѣтственно: трудно—по причинѣ множества и разнообразія своихъ обязанностей; отвѣтственно—въ силу чрезвычайныхъ полномочій и правъ, ему сообщенныхъ, но, по слабости и лѣности нашей, не употребляемыхъ въ дѣло надлежащимъ образомъ и приводящихъ насъ къ погибели (стр. 45—97). Впрочемъ, какъ бы ни было трудно и тяжело пастырское служеніе, но призваніе Бога, надежда на всесильную помощь Его, цѣна самаго служенія, высшая всѣхъ другихъ земныхъ служеній, и величайшая награда, ожидающая вѣрнаго дѣлателя на этой нивѣ Христовой на землѣ и на небѣ,—вполнѣ достаточны для того, чтобы побудить христіанина желать для себя священнаго сана (стр. 99—120).

Вотъ все содержаніе книги, излагающей общее ученіе о священствѣ. Затронутые здѣсь вопросы даны намъ въ Евангеліи и останутся неизмѣнными на всѣ времена; поэтому въ данномъ случаѣ нѣтъ еще ничего оригинально-новаго, что характерно выдѣляло-бы это сочиненіе изъ ряда подобныхъ ему трудовъ другихъ нашихъ пасторалистовъ.

Переходя ко второй книгѣ проф. Пѣвницкаго: „*Приготовленіе къ священству и жизнь священника*“, мы видимъ, что на первыхъ же страницахъ этого сочиненія указывается связь и логическое отношеніе его къ предыдущему: авторъ уже подразумѣваетъ ученіе о вы-

сотѣ, важности и трудности пастырскаго служенія (стр. 3—4 по изд. 1887 г.), а потому и начинаетъ свою вторую книгу ученіемъ о необходимости тщательнаго приготовленія къ священству (стр. 4—19). Но кто долженъ готовиться къ служенію пастырскому? Съ цѣлію дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, авторъ ведетъ насъ въ семейства, гдѣ растутъ и воспитываются кандидаты всѣхъ служеній въ человѣческомъ обществѣ, а въ частности и кандидаты священства.—Какъ смотрятъ на служеніе пастырское наши отцы и дѣти и какими мотивами руководствуются они при выборѣ этого рода служенія? Не высока цѣна побужденій матеріальнаго свойства, но при настоящихъ условіяхъ жизни человѣку трудно отрѣшиться отъ всякихъ видовъ на внѣшнія выгоды, и потому этотъ человѣческій взглядъ имѣетъ за собой нѣкоторое право. Гораздо естественнѣе, удобнѣе и выше смотрятъ на дѣло тѣ, которые избираютъ пастырское служеніе въ силу семейныхъ преданій и привычекъ. Но самое достойное побужденіе къ избранію священническаго служенія нужно искать въ расположеніяхъ благочестивой, преданной Церкви души, благоговѣющей предъ высокимъ званіемъ молитвенника и служителя Божія, видящей въ немъ священное дѣло и богоугодную жертву, наиболѣе приближающую человѣка къ Богу (стр. 19—31). Въ чемъ нужно видѣть эти расположенія благочестивой души, призывающія ее принести себя въ жертву Богу? Вопросъ—въ прямомъ смыслѣ неразрѣшимый на бумагѣ, но всетаки оставляющій нѣкоторую возможность опредѣлить хотя пригодность и предрасположенность юноши къ этой жертвѣ. Такъ, прежде всего, по мнѣнію автора, слѣдуетъ отклонять отъ священства такихъ кандидатовъ, у которыхъ замѣчается слишкомъ рѣзвый и вѣтренный характеръ, которые заявляютъ чувственный цинизмъ въ бесѣдѣ, любятъ разгулъ въ жизни и обнаруживаютъ расположеніе къ спиртнымъ напиткамъ,—у которыхъ замѣтна склонность къ свѣтскимъ развлеченіямъ и удовольствіямъ, у которыхъ нѣтъ охоты и усердія къ молитвѣ, которые удаляются отъ богослуженій и т. д. Напротивъ, къ священству должны быть

предрасполагаемы тѣ юноши, у которыхъ замѣчается строгій, степенный характеръ, избѣгающій всякой вольности и пошлости въ обращеніи, всякаго неприличія и цинизма въ бесѣдѣ и поведеніи,—которые высказываютъ благоговѣйное уваженіе ко всему священному и не позволяютъ себѣ отрицательно и критически относиться къ великимъ дѣламъ и подвигамъ, составляющимъ содержаніе церковныхъ сказаній и гражданскихъ лѣтописей,—которыхъ, далѣе, трогаютъ страданія и несчастія людей,—у которыхъ проявляется теплая любовь къ своимъ близкимъ и товарищамъ, готовая на всякія услуги и самопожертвованіе, и которые владѣютъ болѣе или менѣе стойкою и энергическою волею. Приэтомъ не нужно совершенно выпускать изъ виду и тѣлесныхъ качествъ кандидата священства, хотя этотъ вопросъ уже далеко не главнаго значенія (стр. 31—41).

Покончивъ съ выборомъ кандидата на служеніе пастырское, сочиненіе далѣе говоритъ о спеціальной школѣ, гдѣ онъ долженъ получить свое образованіе и достойно приготовиться къ будущему дѣлу. Здѣсь авторъ разсуждаетъ о нашихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ, объ отношеніи ихъ къ школамъ свѣтскимъ, объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ въ смыслѣ удовлетворительности для своей цѣли, приводитъ соображенія относительно лучшаго и желательнаго ихъ устройства и указываетъ крайнія границы ихъ воспитательнаго курса въ дѣлѣ приготовленія кандидатовъ священства (стр. 42—72).—По окончаніи духовной школы воспитанникъ ея является предъ нами то псаломщикомъ, то учителемъ церковно-приходской школы, то просто членомъ своего общества и, наконецъ, священникомъ (стр. 73—100). Приготовленіе къ священству оканчивается,—оканчивается и отдѣлъ книжки,—отдѣлъ, почти во всемъ своемъ составѣ совершенно новый въ нашей пасторологической литературѣ [1]).

---

[1]) Въ „Руков. для сельск. пастырей“ за 1893 г. напечатана статья проф. Пѣвницкаго подъ заглавіемъ: „О выборѣ прихода“, составляющая продолженіе сего отдѣла книжки и переходъ къ слѣдующему (1893. I, 245, 337, 410). Затѣмъ

Во второй части сочиненія читатель видитъ предъ собой уже *священника* и слѣдитъ за нимъ по мѣрѣ того, какъ онъ проходитъ всѣ свои житейскія и служебныя отношенія къ окружающему его міру. Какъ человѣкъ, онъ пользуется нѣкоторыми удовольствіями и развлеченіями, имѣетъ знакомства, участвуетъ въ пиршествахъ; но какъ священникъ, воздерживается отъ посѣщенія театровъ, цирковъ и мѣстъ общественныхъ гуляній и увеселеній (стр. 101—135), всегда заботится о приличіи въ своей внѣшности и одеждѣ, соотвѣтствующихъ его особому, высокому и святому служенію, заботится о соблюденіи общепринятой благопристойности въ вещахъ, повидимому даже безразличныхъ въ нравственномъ отношеніи (напр. естественныя тѣлодвиженія, походка, разговоръ, тонъ рѣчи и т. п.), чтобы нигдѣ не уронить своего достоинства (стр. 136—162). Далѣе, какъ человѣкъ, онъ семьянинъ: домохозяинъ, супругъ, отецъ (стр. 163—192). Еще далѣе, священникъ—въ своемъ кабинетѣ за умственнымъ трудомъ, въ школѣ и дома за занятіями педагогическими, наконецъ — въ полѣ и въ своей рабочей комнатѣ за трудомъ физическимъ (стр. 193—231). Какъ священникъ, онъ выходитъ изъ своего дома въ качествѣ оффиціальнаго общественнаго дѣятеля и становится въ извѣстныя отношенія къ своимъ прихожанамъ, къ подчиненнымъ членамъ клира, къ своимъ собратьямъ по служенію, къ высокопоставленнымъ лицамъ и представителямъ гражданской власти, къ цѣлому гражданскому обществу и, наконецъ, къ своему архипастырю (стр. 232—275). Этимъ оканчивается книга.—

Третье изъ названныхъ сочиненій проф. Пѣвницкаго рисуетъ образъ пастыря, какъ духовнаго руководителя пасомыхъ (общая и частная пастырская педагогика). Пастырь стоитъ предъ нами на возвышеніи, образуемомъ его саномъ, готовый воспитывать прихожанъ, исправлять ихъ, улучшать, защищать, помогать и возводить „отъ

сюда же относится другая его статья подъ названіемъ: „О перемѣнѣ одного прихода на другой" („Руков. для сельскихъ пастырей" 1893 г., II, 81, 221, 341).—

силы въ силу". На немъ длинная одежда, унаслѣдованная отъ первыхъ вѣковъ христіанства и вмѣстѣ съ длинными волосами свидѣтельствующая о всецѣломъ посвященіи его службѣ Божіей; въ его душѣ — сознаніе великой важности, трудности, отвѣтственности и цѣли его поста; въ его умѣ—необходимое развитіе мыслительной способности и достаточный, постоянно восполняемый запасъ научныхъ свѣдѣній; въ его памяти — опыты житейской мудрости, пріобрѣтенной за время его учительства или служенія псаломщикомъ; въ его сердцѣ—огонь ревности къ предстоящему дѣлу и огонь любви къ пасомымъ, какъ его дѣтямъ; въ его устахъ—слово учителя; въ его рукахъ—пастырскій жезлъ (личный авторитетъ) и ключи таинства покаянія; направо отъ него—церковно-приходская школа, налѣво—церковно-приходское попечительство; за нимъ — содѣйствіе общества и (въ отдаленіи) сила гражданской власти [1]). Вооруженный такими средствами и пособіями, онъ простираетъ свою любвеобильную и благодѣтельную руку на приходскую общину: заботится о нуждахъ ея — религіозныхъ, соціальныхъ и моральныхъ (стр. 168—224). Не довольствуясь этой общей дѣятельностью и желая быть „всѣмъ вся", онъ посѣщаетъ домъ каждаго отдѣльнаго прихожанина (стр. 35—53), является при постели больнаго, въ домѣ скорби, среди враждующихъ членовъ семьи и общества, въ темницѣ предъ узниками (стр. 224—379), стараясь поощрить лѣнивыхъ, поднять упавшихъ (стр. 579—630) и предостеречь близкихъ къ паденію отъ предстоящей опасности (стр. 489—518). Но и этого мало. Добрый пастырь выходитъ за ограду двора своего и ищетъ заблудшую овцу: онъ борется съ полуязычниками—суевѣрами, проповѣдуетъ Великаго Бога невѣрующимъ въ Него, по мѣрѣ возможности защищаетъ православіе предъ сектантами и иновѣрцами, чтобы всѣхъ привести во дворъ овчій и проводить въ обители вѣчнаго царства Божія (стр. 380—489). Смотря на него, всѣмъ

[1]) По двумъ первымъ сочиненіямъ автора и по излагаемому въ предѣлахъ первыхъ 168 страницъ.

существомъ своимъ хочешь отдать себя его дѣлу, какъ единственно святому, великому дѣлу Христа; но въ тоже время приходишь въ священный, благочестивый трепетъ,—чувствуешь себя неизмѣримо недостойнымъ, неподготовленнымъ и малосильнымъ... Пошли намъ, Боже, святыхъ ангеловъ Твоихъ, чтобы они облеклись нашею плотію и стали предъ святымъ Твоимъ жертвенникомъ... Но и ангеламъ не дано того, что дано пастырю!

Можно подумать, что мы имѣемъ дѣло съ мечтами благочестиво настроенной души и что предъ нами идеальный образъ фантазіи, далекій отъ дѣйствительной жизни и только призрачно ласкающій нашъ взоръ своими мягкими красками.—Да, авторъ самъ сознается, что нарисованный имъ портретъ пастыря есть „идеальный портретъ", что жизнедѣятельность его представлена „во свѣтѣ идеи" и что авторъ не списывалъ его съ натуры, а слѣдилъ за генетическимъ образованіемъ живой личности, достойной пастырскаго служенія [1]). Свою исторію образованія этой живой личности онъ построилъ на твердыхъ основаніяхъ Свящ. Писанія, отеческихъ твореній и церковныхъ каноновъ. Выборъ доказательствъ и самый способъ ихъ приведенія и разъясненія методически-точны и всегда неопровержимо доказываютъ то, что имѣетъ въ виду утвердить авторъ. Главныя фактическія доказательства подтверждаются затѣмъ психологическимъ анализомъ, опирающимся на тонкомъ знаніи человѣческаго сердца и помогающимъ автору находить наиболѣе прямые пути нравственнаго воздѣйствія на человѣка. Выводы, обоснованные такимъ образомъ, изложены легко и просто, въ чертахъ и образахъ, взятыхъ прямо изъ жизни, такъ что вѣковыя истины и древніе каноны подъ перомъ его кажутся родившимися изъ условій нашей современности. Содержаніе сочиненій свидѣтельствуетъ вообще о широкой эрудиціи автора и въ частности о знакомствѣ его съ пасторологической литературой Запада въ произведеніяхъ пасторалистовъ латинскаго, протестантскаго и англиканскаго исповѣданій,

---

[1]) „Священникъ". Изд. 3, Кіевъ 1887 г., стр. 2—3.

такъ какъ онъ отмѣчаетъ все доброе и полезное для насъ въ этой литературѣ и критически отстраняетъ неподходящее къ условіямъ жизни православнаго священника и несогласное съ взглядами нашей Церкви [1]). Какъ такая, система проф. Пѣвницкаго есть уже не мечта, и образъ пастыря, въ ней представленный, есть уже не плодъ фантазіи въ отношеніи къ дѣйствительной жизни, а *идеалъ*, къ осуществленію котораго должны быть направлены силы каждаго пастыря, если онъ не хочетъ быть наемникомъ [2]).

Правда, она не даетъ намъ подробной обстановки священника-священнослужителя и пастыря-учителя церковнаго. Но этого и не требуется съ необходимостью отъ системы Пастырскаго Богословія, ибо богослуженіе во всѣхъ его видахъ составляетъ предметъ Литургики, церковную проповѣдь во всѣхъ ея формахъ разсматриваетъ Гомилетика, а основы и систему церковнаго права, хозяйства и необходимыхъ формальностей преподаетъ Каноника. Для Пастырскаго Богословія остается такимъ образомъ только одна изъ многихъ обязанностей священника, именно—служеніе любви и самоотверженія, въ которомъ онъ полагаетъ даже душу свою за други своя, соглашается изгладить имя свое изъ книги живота, чтобы защитить дворъ овчій отъ нападенія звѣрей и разбойниковъ, найти заблудшую овцу, доставить духовную пищу алчущему, уврачевать больнаго, поднять падшаго и, въ концѣ-концовъ, привести всѣхъ къ небеснымъ пажитямъ. Разумѣемъ духовно-нравственное пастырское руководствованіе или такъ-называемое „душепопеченіе“, присоединяя къ этому вводныя или предварительныя замѣчанія о пастырскомъ служеніи вообще и о приготовленіи къ нему, потому что эти замѣчанія прямо предполагаются и въ Литургикѣ, и въ Гомилетикѣ, и въ Каноникѣ. Такимъ образомъ въ трехъ указанныхъ нами сочиненіяхъ проф. Пѣвницкаго пастыралистъ долженъ видѣть систему *чистой*

---

[1]) Сравн. „Журналъ Учебнаго Комитета при Св. Сvнодѣ за № 441, утвержденный оберъ-прокуроромъ Св. Сvнода 19 ноября 1885 г.“—„Кіевск. Епарх. Вѣдом.“ 1886 г., № 2.

[2]) „Священство,“ стр. 118—120, Кіевъ 1892 г.

пасторологіи, безъ всякаго привнесенія сюда посторонныхъ элементовъ, на которые мы указывали и въ нѣкоторыхъ предыдущихъ системахъ, какъ на лишніе. Въ такомъ случаѣ кажущаяся неполнота сама собою объясняется,— тѣмъ болѣе, что авторъ не совершенно забываетъ о священнослуженіи и учительствѣ пастыря: хотя мимоходомъ и разрозненно, но онъ все же упоминаетъ объ этихъ обязанностяхъ его [1]). Такимъ образомъ, и по сравнительной полнотѣ своего пасторологическаго матеріала разбираемая система можетъ замѣнить каждую изъ предшествовавшихъ ей работъ по нашему предмету. Даже болѣе, — можно сказать, что она расширила кругъ ихъ содержанія, предлагая читателю совершенно новые, обстоятельно обработанные отдѣлы, какъ напр. о приготовленіи къ священству, о духовной школѣ для образованія кандидатовъ священства, о переходномъ времени для нихъ между школой и принятіемъ сана, о положеніи кандидатовъ священства въ западныхъ государствахъ, и нѣкоторые другіе. — Но мы, отдавая должную справедливость трудамъ высокоуважаемаго профессора, тѣмъ не менѣе позволяемъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ профессора-рецензента, который говоритъ, что у насъ въ Россіи до появленія книги проф. Пѣвницкаго „Служеніе священника въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ“ (1890 г.) почти вовсе не существовало частной пастырской педагогики, такъ какъ она требовала слишкомъ широкихъ спеціальныхъ знаній и ближайшаго знакомства съ частными условіями быта различныхъ классовъ общества и его частнѣйшихъ подраздѣленій [2]). Въ отвѣтъ на это исторія нашей науки свидѣтельствуетъ, что и до появленія указанной книги проф. Пѣвницкаго частная пастырская педагогика была разработана у насъ весьма обстоятельно. Нужно только припомнить „Книгу о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“, затѣмъ „Письма о должностяхъ священнаго сана“ Стурдзы, сочиненіе преосв. Платона, епископа костром-

[1]) Напр. въ сочиненіи о руководств. пасомыхъ, стр. 170—171, 426—427; „Священство“, стр. 22—27, 38—40, 55—66.

[2]) „Труды кіевск. дух. акад.“ 1892 г., № 3, стр. 80—81 (протоколы).

скаго, подъ названіемъ: „Напоминаніе священнику объ обязанностяхъ его при совершеніи таинства покаянія“ [1]); потомъ, по этому же предмету нами указано довольно много статей изъ „Руководства для сельскихъ пастырей“ [2]); сюда же относится монографія: „Православный священникъ при постели больныхъ и умирающихъ“ [3]); наконецъ, содержаніе частной пастырской педагогики, какое мы находимъ у проф. Пѣвницкаго, подробно и хорошо изложено въ „Письмахъ по Православно-Пастырскому Богословію“ прот. Евг. Попова, гдѣ оно составляетъ цѣлую (по 2 изд. третью) часть, и т. д. Такимъ образомъ оказывается, что этотъ отдѣлъ — не новость въ нашей отечественной литературѣ. Были разработаны у насъ и другіе отдѣлы, развитые въ излагаемыхъ сочиненіяхъ проф. Пѣвницкаго (исключая названные нами ранѣе), то по частямъ, то и въ цѣломъ составѣ ихъ. Но великая заслуга почтеннаго автора состоитъ въ томъ, что предметы частныхъ замѣтокъ, статей, изслѣдованій и даже цѣлыхъ пасторологическихъ системъ онъ представилъ во свѣтѣ одной общей строго-православной идеи пастырства, далъ имъ общую почву, оставилъ лишнее, восполнилъ недостающее, научно обосновалъ, развилъ по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, сообщилъ своему труду современно-жизненную окраску и изложилъ его въ стройно-логической и въ тоже время популярной системѣ [4]).

---

[1]) Часть 2, Москва 1861 г.

[2]) См. предыдущій очеркъ, *Указатель,* въ отд. „пастырская попечительность о религіозно-нравственныхъ нуждахъ прихожанъ“.

[3]) Москва, 1862 г. (196 стр.); сюда же отчасти принадлежитъ другая монографія: „Что можетъ сдѣлать священникъ для благосостоянія своего прихода?“ Соч. прот. Ѳ. Гиляровскаго, СПБ. 1866 г.

[4]) За сочиненія: „Священникъ“ и „Служеніе священника въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ“ авторъ получилъ полныя преміи митрополита Макарія. Первое изъ нихъ въ 1897 г. вышло уже пятымъ изданіемъ и по-праву сдѣлалось классной книгой въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ по предмету „Практическаго руководства для пастырей“.

Проф. С. А. Соллертинскій.

Въ лицѣ протоіерея Сергія Александровича Соллертинскаго русская богословская наука имѣетъ другаго ученаго спеціалиста, который рядомъ съ проф. Пѣвницкимъ съ честію трудится въ области научной разработки пасторологическихъ вопросовъ. Имя о. Соллертинскаго въ нашей духовной литературѣ и обществѣ давно уже пользуется заслуженною извѣстностью, какъ имя талантливаго профессора и автора нѣсколькихъ ученыхъ сочиненій по занимаемой имъ каѳедрѣ [1]). Поэтому, не вдаваясь

[1]) Сергій Александровичъ Соллертинскій окончилъ курсъ с.-петербургской академіи въ 1871 г. и тогда-же, въ качествѣ приватъ-доцента, началъ чтеніе лекцій въ академіи по каѳедрѣ Педагогики и Дидактики; въ 1884 г. Совѣтомъ академіи ему же было поручено преподаваніе Пастырскаго Богословія; въ слѣдующемъ году онъ былъ возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора академіи, а въ маѣ 1888 г. рукоположенъ въ санъ священника къ Морскому Николаевскому собору въ С.-Петербургѣ, гдѣ остается и до настоящаго времени, не оставляя и службы при академіи (см. протоколы Совѣта с.-петербургской акад. за 1887 — 1888 г.г., стр. 260; также „ист. с.-петербургской акад.“ Чистовича, стр. 136, 208—209 и др.).

Изъ сочиненій его за это время можно указать слѣдующія: *Наказанія въ системѣ христіанскаго воспитанія. Опытъ педагогическаго анализа* („Христ. Чт.“ 1876 г.), *О мученической кончинѣ св. Іоанна Предтечи* (тамъ-же, 1885 г.), актовая рѣчь на торжественномъ собраніи академіи 12 февраля 1887 г. („Христ. Чт.“ 1887 г., I), *Пастыреводительство Христа Спасителя* („Странникъ“ 1889 г., III, стр. 511 — 533), публичная рѣчь въ собраніи Славянскаго Благотворительнаго Общества въ СПБ. 6 апрѣля 1891 г. на тему: *Православіе сравнительно съ другими исповѣданіями Христовой вѣры* („Странникъ“ 1891 г., II, стр. 143—157), слово (о законѣ семейственности) на день тезоименитства Е. И. Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны (тамъ-же, 1889 г., III, стр. 164—170), *Дидактическое значеніе священной исторіи въ кругѣ элементарнаго образованія. Опытъ историко-критическаго изслѣдованія.* Вып. I, СПБ. 1883 г., *Пособіе къ преподаванію „Пространнаго христіанскаго катихизиса православныя каѳолическія восточныя Церкви“*. Вып. I, СПБ. 1884 г., и др.—

въ подробности, мы укажемъ здѣсь лишь одно изъ этихъ сочиненій, которое имѣетъ для насъ въ данномъ случаѣ самый насущный интересъ, именно ученую диссертацію профессора подъ названіемъ: *Пастырство Христа Спасителя.* Это сочиненіе въ первоначальной своей редакціи было предложено авторомъ въ качествѣ лекцій студентамъ с.-петербургской академіи въ теченіи 1884—1885 учебн. года[1]) и потомъ напечатано отдѣльно въ 1887 г. (СПБ.). Но, къ сожалѣнію, работа не была окончена и въ печати существуетъ только первый выпускъ изъ всего широко задуманнаго труда, именно часть *основоположительная,* въ которой авторъ,—по его собственнымъ словамъ,—излагаетъ воззрѣніе на предметъ своего изслѣдованія, вынесенное имъ изъ долговременнаго занятія евангеліемъ, но такое, которымъ онъ,—какъ самъ сознается,—далеко и далеко еще не овладѣлъ[2]). По указаннымъ причинамъ въ настоящее время нельзя составить рѣшительнаго мнѣнія ни о научной цѣнности этого сочиненія для нашей пасторологической литературы, ни опредѣлить его мѣсто среди другихъ сочиненій въ исторіи развитія у насъ пасторологическихъ идей. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ своемъ видѣ работа о. Соллертинскаго весьма почтенна и во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ нарочитаго вниманія пасторалистовъ.—

Предметомъ настоящаго изслѣдованія,—какъ показываетъ и самое названіе его,—берется не все обычно понимаемое содержаніе Пастырскаго Богословія, а только одинъ моментъ его, но, правда, моментъ наиглавнѣйшій, изначальный и основоположительный,—именно пастырство Христа Спасителя. Отсюда христіанское пастырство получило свое начало и основаніе, и съ тѣхъ поръ представляетъ собою дѣло безпрерывное, проходящее чрезъ всю исторію христіанства. Пастырство послѣ-

---

[1]) У насъ подъ руками былъ литографированный экземпляръ этихъ лекцій, принадлежащій одному изъ слушателей Сергія Александровича за упомянутый годъ.

[2]) См. „Пастырство Христа Спасителя“, СПБ. 1887 г., предисловіе.

дующаго за Христомъ времени есть одно и то-же дѣло съ пастырствомъ Христа, или—лучше сказать—только вторичный моментъ того дѣла, которое начало быть вмѣстѣ съ пастырствомъ Христа, какъ своимъ первымъ, основополагающимъ моментомъ [1]). Такой взглядъ на пастырство Христа Спасителя, какъ на моментъ изначальный въ исторіи христіанскаго пастырства вообще, естественно приводитъ къ тому выводу, что и изученіе его должно быть основнымъ и первичнымъ содержаніемъ науки о пастырствѣ вообще. Поэтому нашъ авторъ, хотя и не считаетъ предметъ своего изслѣдованія исчерпывающимъ весь объемъ науки Пастырскаго Богословія, однако дѣлаетъ его основнымъ и главнѣйшимъ содержаніемъ этой науки. Онъ хочетъ построить ее именно на этомъ основаніи. Но для этого ему нужно было прежде всего очистить тотъ матеріалъ, изъ котораго уже были дѣлаемы подобныя построенія ранѣе, и правильнымъ путемъ приготовить мѣсто для собственной системы въ сферѣ богословской науки вообще. Такимъ образомъ для него явилась нужда критически провѣрить всѣ работы его предшественниковъ, указать въ нихъ достоинства и недостатки, чтобы въ своемъ трудѣ первыя усовершенствовать, вторые—устранить. Такъ и дѣлаетъ о. Соллертинскій. Однако его критическому обозрѣнію подпадаетъ далеко не все, что̀ сдѣлано было до него по Пастырскому Богословію. Русская литература по данному предмету для него какъ будто совершенно не существуетъ, ибо онъ нигдѣ не упоминаетъ о ней, какъ объ извѣстной научной величинѣ, если не считать случайной ссылки на нѣсколько статей въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ и въ „Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ [2]). Это, впрочемъ,

---

[1]) „Пастырство Христа Спасителя“, стр. 60.

[2]) „Пастырство Христа Спасителя“, § 1, примѣч. 1, стр. 305. „Мнѣ приходилось читать,—говоритъ здѣсь о. Соллертинскій, — и русскіе образчики примѣрнаго способа (изложенія пастырства Спасителя) — статью объ искушеніи Спасителя въ „Руков. для сельскихъ пастырей“ и рядъ статей въ „Тульск. Епарх. Вѣдом. за 1887 г.“ — Очевидно, авторъ имѣетъ въ виду статьи С. И. Покровскаго, помѣщенныя въ „Тульск. Епарх. Вѣд.“ за 1887 г. подъ заглавіемъ: „Образъ духовнаго пастыря по примѣру и ученію І. Христа“ — 1887 г., № 5, стр. 109—118; № 6, стр. 176—182; № 9, стр. 242—254; № 10, стр. 266—276;

не значитъ, что о. Соллертинскій совершенно не цѣнитъ нашей пасторологической литературы,—но его умолчаніе объ этой литературѣ вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что избранный имъ вопросъ до тѣхъ поръ входилъ въ наши труды какъ частичный, а не какъ спеціальный и единственный; принятый же авторомъ методъ изслѣдованія его хотя и былъ извѣстенъ, но не проводился такъ послѣдовательно, какъ этого хотѣлось бы нашему автору. Литература и наука Запада,—по мнѣнію профессора,—хотя и представляютъ нѣсколько почтенныхъ и цѣнныхъ опытовъ построенія пасторологической системы въ желательномъ для него видѣ, но ни одинъ изъ нихъ не разрѣшаетъ даннаго вопроса удовлетворительно. Причинами такого печальнаго положенія дѣла онъ считаетъ неправильную, одностороннюю, слишкомъ узко-утилитарную цѣль и методъ описаній пастырства Христа Спасителя, или точнѣе—всего Пастырскаго Богословія, которые онъ нашелъ „у тѣхъ пяти авторовъ, которые были у него подъ руками“[1]) и которыхъ онъ, очевидно, считаетъ наилучшими. Онъ видитъ, что у этихъ авторовъ Пастырское Богословіе прежде всего считается наукой прикладной, и цѣль ея, поэтому, полагается въ томъ, чтобы помогать практикѣ, т. е. тому

№ 11, стр. 297—308; № 12, стр. 329—338, и т. д. Цитаты изъ „Руководства для сельскихъ пастырей“ онъ не дѣлаетъ, но мы можемъ указать изъ этого журнала слѣдующія статьи, сюда подходящія: Господь Іисусъ Христосъ, какъ образецъ пастыря — священника, 1883, II, 417, 449; III, 41; 1884, I, 109. — О молитвѣ, какъ пастырской добродѣтели по примѣру Господа нашего Іисуса Христа, 1884, I, 200. — О пастырской ревности по примѣру Господа нашего Іисуса Христа, 1884, I, 279. — Пастырское дѣйствованіе по примѣру Господа нашего Іисуса Христа, 1884, II, 146.—О пастырскомъ обращеніи съ грѣшниками по примѣру Господа нашего Іисуса Христа, 1884, I, 352. — Іисусъ Христосъ—образецъ отношеній нашихъ къ дѣтямъ, 1881, I, 285, 488, 530.

Въ журналахъ послѣдующихъ годовъ мы знаемъ рядъ статей о. Н. Рапинскаго, въ которыхъ доказывается полная возможность для современнаго пастыря подражать примѣру Господа Іисуса Христа, а отсюда — необходимость излагать по примѣрному методу служеніе Спасителя, и самимъ авторомъ дается примѣръ этого (по отношенію къ учительству) въ статьяхъ подъ заглавіемъ: *Пастыреначальникъ Господь Іисусъ Христосъ и Его святые апостолы* („Странникъ“ 1890 г., № 8, стр. 421—466; № 9, стр. 3—25; № 10, стр. 203—222; № 11, стр. 379—396; № 12, стр. 559 — 573); затѣмъ —*Очерки дѣятельности пастыря Церкви Христовой по примѣру Христа Спасителя и св. Его апостоловъ*, соч. Румянцева (по новозавѣтнымъ писаніямъ; методъ изслѣдованія экзегетическій. „Вѣра и Разумъ“ 1894 г.), и др.

[1]) „Пастырство Христа Спасителя“, стр. 4.

опредѣленному роду служенія, забота о наивозможно лучшей постановкѣ котораго лежитъ на его попеченіи. Стремясь достигнуть этой своей цѣли, Пастырское Богословіе забываетъ тѣ вопросы, которые по существу имѣютъ исключительно лишь толковательное значеніе, и въ пастырствѣ Спасителя видитъ прежде всего примѣръ, подражаніе которому обязательно для современныхъ пастырей. Это и есть наиболѣе распространенный методъ описанія пастырства Христа Спасителя, который нашъ авторъ называетъ *примѣрнымъ способомъ* пастырско-богословскаго изученія предмета. Примѣняется онъ двоякимъ путемъ. Одни изъ пасторалистовъ прямо говорятъ о пастырствѣ Спасителя и, отмѣчая одну подробность за другою, или ставятъ на видъ соотвѣтственное обстоятельство въ современной христіанской жизни и доказываютъ необходимость примѣненія къ нему того, что́ найдено въ пастырскомъ служеніи Христа; или разоблачаютъ несогласіе съ нимъ практики современнаго пастырства, которое если не основывается на примѣрѣ Спасителя, то ни по какимъ причинамъ не можетъ считаться ни разумнымъ, ни благопотребнымъ. Другіе излагаютъ собственно науку Пастырскаго Богословія, т. е. изслѣдуютъ и описываютъ дойденное ею содержаніе; но тамъ, гдѣ это для нихъ оказывается возможнымъ, для наибольшей авторитетности выставляемыхъ ими научныхъ положеній они приводятъ соотвѣтственные примѣры изъ пастырства Спасителя, по большей части присовокупляя къ этому и другія основанія: мѣста изъ Св. Писанія, примѣры св. апостоловъ, иногда св. отцевъ, наконецъ—данныя разума и опыта (стр. 2—4).

Вполнѣ признавая естественность и непререкаемую законность указаннаго метода въ изложеніи пастырства Христа Спасителя, о. Соллертинскій тѣмъ не менѣе находитъ, что правильное примѣненіе его въ томъ и другомъ видѣ въ настоящее время встрѣчаетъ весьма немалыя затрудненія. Прежде всего, если судить о методѣ по наличнымъ результатамъ и имѣть въ виду только тѣ изъ нихъ, которые не подлежатъ справедливымъ сомнѣніямъ и оспариваніямъ, то едвали можно считать ихъ доста-

точно обильными, потому-что до сихъ поръ въ наукѣ не указано ни одного запроса, выведеннаго изъ пастырства Спасителя по отношенію къ современной пастырской дѣятельности, который оправдывалъ-бы собою дѣйствительную полезность нарочитаго изслѣдованія этого содержанія именно по разбираемому способу. Если мы скажемъ, что современный пастырь по примѣру Спасителя долженъ повиноваться Богу, любить истину, отдаляться житейскихъ дѣлъ и т. д., то это будутъ такія истины, которыя давно уже вошли въ системы Пастырскаго Богословія и ничего новаго въ его составъ не внесутъ. А самый способъ ихъ извлеченія и формулировки по большей части таковъ, что можетъ лишь ослабить впечатлѣніе, которое получилось-бы отъ непосредственнаго изученія пастырства Христова по евангеліямъ. Съ одной стороны, этотъ обычный панегиризмъ, который объясняется, конечно, желаніемъ наиболѣе убѣдительно показать всю правду даннаго примѣра изъ пастырства Спасителя, но который постоянно переходитъ границы должнаго,—который забываетъ, что въ настоящемъ случаѣ притязанія простаго или даже ученаго человѣка быть судьею, хотя-бы одобряющимъ и восхищающимся, — несовмѣстимы съ долгомъ благоговѣнія къ Спасителю. Съ другой стороны, данныя требованія выводятся изъ фактовъ пастырскаго служенія Спасителя такимъ образомъ, что дѣйствительное происхожденіе ихъ отъ Спасителя по меньшей мѣрѣ не удостовѣряется. Напр. говорятъ о кротости Спасителя, но умалчиваютъ о тѣхъ случаяхъ земной Его жизни, въ которыхъ повидимому сказывается нѣчто несогласующееся съ кротостію (напр. изгнаніе торжниковъ изъ храма вервіемъ, обличеніе фарисеевъ и т. д.). Требуютъ, чтобы пастырь не чуждался общенія съ пасомыми, а входилъ ближайшимъ образомъ въ ихъ дѣла и обстановку; но требованіе не доходитъ до обязательства знать всѣ тайны ихъ частной жизни, очевидно, лишь изъ боязни протестантскаго ученаго [1]) рекомендовать пастырю практику католическаго ду-

---

[1]) Разум. *Löhman's* „Jesus in Samarien"—въ „Pastoralblatt i. d. evangelische Kirche," p. 353. Wiesbaden 1869.

ховенства развѣдыванія домашнихъ секретовъ паствы окольными путями. Или, напр., говорятъ, что современный пастырь долженъ имѣть всегдашнее повиновеніе волѣ Божіей, потомучто его имѣлъ Самъ Спаситель: повинуясь волѣ Божіей, Онъ проповѣдывалъ среди необразованнаго еврейскаго народа, а не грекамъ и римлянамъ.— Очень понятно, почему не приводятся такіе факты изъ примѣра Спасителя, которые по праву могли бы быть посылками для преднамѣреваемаго вывода. Они относятся къ безпримѣрнымъ, неподражаемымъ событіямъ въ исторіи пастырства Христова. Но отъ этого нисколько не менѣе должно быть въ примѣрной посылкѣ на лицо то, безъ чего понятіе повиновенія теряетъ основное и отличительное свое содержаніе. Должно быть указано такое событіе изъ жизни Спасителя, въ которомъ Его повиновеніе Отцу есть подвигъ — и весьма тягостный, дабы и пастырь видѣлъ, что, принимая это служеніе, онъ предъобязываетъ себя къ весьма возможному самоотреченію, какъ бы это ни было ему трудно. Между тѣмъ приводимый фактъ (т. е. проповѣдь Христа іудеямъ) не только не заключаетъ въ себѣ этого момента, но скорѣе исключаетъ его, ибо Спаситель любилъ Свой народъ, и евреи, при всей ихъ необразованности, были наиболѣе способны по крайней мѣрѣ къ тому, чтобы быть первыми слушателями и послѣдователями ученія Христова (стр. 4—7).

Кромѣ этихъ неправильно выведенныхъ или нехорошо поставленныхъ фактовъ, примѣрный способъ изслѣдованія пастырства Христова даетъ немалое число выводовъ совершенно невѣрныхъ, ибо разность въ выводахъ, которая получается у одного автора сравнительно съ другимъ, доходитъ иногда до прямыхъ противоположностей. По мнѣнію одного, примѣръ Спасителя, какъ не только любившаго истину, но и учившаго любить ее, обязываетъ пастырей къ внимательному изученію науки [1]). Другой, напротивъ, съ особенной силой поставляетъ на

[1]) *Hinterberger*'s: Handbuch d. Pastoral Theologie, 2 Ausg. Linz 1836, II, S. 4.

видъ, что Спаситель сторонился отъ ученыхъ кабинетныхъ занятій [1]). По однимъ, такъ-называемыя обличительныя рѣчи Спасителя имѣютъ лишь временное историческое значеніе [2]); по другимъ, напротивъ, это посылка, авторизующая право и утверждающая обязательность [3]) обличительнаго элемента въ проповѣди и бесѣдахъ пастыря современнаго [4]). Одни въ пастырствѣ Спасителя указываютъ такое содержаніе, которое существуетъ только въ мысляхъ самихъ изслѣдующихъ авторовъ, но отнюдь не въ евангеліяхъ; другіе умалчиваютъ и о томъ, что въ пастырствѣ Христовомъ занимаетъ весьма видное мѣсто. Напр. опредѣленные и глубочайшіе, но сразу и непринужденно даваемые Спасителемъ отвѣты объясняются предварительнымъ продумываніемъ изреченнаго въ нихъ, которое будто-бы имѣло свое мѣсто въ періодѣ 30-лѣтняго пребыванія Іисуса Христа въ Назаретѣ; и этотъ способъ самоприготовленія къ пастырскому служенію указывается какъ примѣръ для современныхъ кандидатовъ пастырства, хотя онъ такого значенія и не имѣетъ [5]). Между тѣмъ тамъ, гдѣ примѣръ Спасителя дѣйствительно предписываетъ нѣчто, но такое, что не принято въ современной пастырской практикѣ и наукѣ,—тамъ мы встрѣчаемъ умолчаніе. Напр. одинъ авторъ имѣетъ въ виду показать, какія формы пастырскаго собесѣдованія предуказываются примѣромъ Спасителя; но когда ему слѣдовало-бы сказать о приточномъ способѣ, то онъ забываетъ свою тему

---

[1]) *Blaikie, W. G:* Unser Herr als Lehrer und Seelsorger, p. 53 (перев. съ англійскаго, Gütersloh 1885). Въ настоящемъ мѣстѣ цитація у о. Соллертинскаго спутана и неоговорена въ опечаткахъ: вмѣсто примѣч. [8]) на стр. 306 нужно читать [5]), а вмѣсто [5])—на той же стр.—[8]), ибо не у *Löhman'*а, а у *Blaikie* (p. 53) высказывается мысль, что Спаситель сторонился отъ всякихъ научныхъ кабинетныхъ занятій и усовершенствованія въ искусствахъ. Притомъ на стр. 305 „Пастырства Христа Спасителя" авторъ соч. „Unser Herr als Lehrer"... называется по нѣм. переводу: *Blaikie,* а на стр. 306 и др. — въ англійской формѣ—*Blaiky,*—хотя цитуется всегда по переводу, такъ какъ нашъ проф. самъ заявляетъ, что подлинника онъ не досталъ (стр. 305 „Паст. Хр. Спасителя").

[2]) *Hinterberger's:* op. cit., T. II, S. 34, 277.

[3]) У автора, кажется, неточно сказано: *обязанность* (стр. 8).

[4]) *Stichart's:* „Christus, d. A und Ω aller Pastoralthätigkeit" въ „Pastoralblatt i. d. evangel. Kirche", Wiesbaden 1869, p. 375.

[5]) *Blaikie's*, op. cit., p. 199.

и говоритъ уже не *о формѣ* и не объ обязательности ея, а *о содержаніи,* которое передано Спасителемъ въ притчахъ [1]).

Кромѣ ошибокъ и искусственныхъ натяжекъ въ изложеніяхъ пастырства Христа Спасителя, происходящихъ въ зависимости *отъ цѣли* этихъ изложеній сдѣлать пастырство Христово примѣромъ для современныхъ пастырей, есть еще рядъ нетвердыхъ сужденій объ этомъ предметѣ, которыя, — по мнѣнію о. Соллертинскаго,—опредѣляются и объясняются вѣроисповѣдными особенностями ихъ авторовъ (стр. 10). Такъ, протестантскіе пасторалисты говорятъ, что для соблюденія экономіи въ пастырскомъ ученіи темой для него нужно брать не все содержаніе, которое заключается въ христіанствѣ, безотносительно, но лишь то, которое сообразно съ потребностями даннаго времени. Примѣръ — Іисусъ Христосъ. Онъ бесѣдовалъ главнымъ образомъ о томъ, что было особенно выдающимся недостаткомъ среди евреевъ во дни земной Его жизни. Онъ обличалъ привязанность къ оправданію внѣшними дѣлами и призывалъ главнѣе всего — къ вѣрѣ [2]). Такимъ образомъ, протестантскій принципъ оправданія не дѣлами, а вѣрою—установленъ, и католицизмъ пораженъ примѣромъ Спасителя. Но въ это самое время католики могли бы указать на то, что Спаситель считалъ дѣла человѣка выраженіемъ его внутренняго содержанія: Онъ Самъ исполнялъ законъ, подавалъ милостыню, прощалъ врагамъ, платилъ подать и т. д., и чрезъ это могли бы примѣромъ Спасителя-же поразить протестантовъ. Или: въ то время, какъ писатели католическаго вѣроисповѣданія настойчиво обращаютъ вниманіе на то, что Іисусъ Христосъ установилъ и предписалъ культъ,—протестанты утверждаютъ, что Спаситель, вообще говоря, отрицалъ культъ и придавалъ ему значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда въ молящемся есть соотвѣтственное внутренное настроеніе [3]).

---

[1]) *Stichart:* op. cit., p. 373.

[2]) *Hinterberger:* op. cit., II, 12.

[3]) *Stichart:* op. cit., p. 369 и слѣд.; cf. *Blaikie,* p. 126 и слѣд.

„Не трудно догадываться,—говоритъ о. Соллертинскій по поводу вышеизложеннаго, — что въ обоихъ отмѣченныхъ случаяхъ есть одна и та-же черта, въ силу которой и является необходимость судить о примѣрныхъ описаніяхъ пастырства Спасителя, не выдѣляя отсюда тѣхъ отрывочныхъ ссылокъ на него, которыя даются въ „Руководствахъ Пастырскаго Богословія“, — въ трудахъ, написанныхъ, повидимому, совсѣмъ на иную тему. Всѣ эти ошибки и слишкомъ очевидныя натяжки чрезвычайно хорошо объясняются, какъ скоро мы предположимъ, что почтенные авторы ихъ первой задачей своей имѣли не пастырство Спасителя, а нѣчто другое. Въ первомъ случаѣ они старались въ разсужденіи о пастырствѣ Спасителя провести свою теорію, или свое направленіе. Во второмъ они старались въ примѣрѣ Спасителя пріобрѣсти авторизацію своего вѣроисповѣданія и осужденіе иныхъ вѣроисповѣданій. Пастырство Спасителя такимъ образомъ является не подлежащимъ, а поводомъ и средствомъ. — Само по себѣ подобное отношеніе къ нему есть, собственно говоря, отношеніе невозможное. Но могутъ думать, что оно вмѣстѣ съ этимъ есть и временное, — что путемъ критической провѣрки всѣ эти субъективности личнаго и конфессіональнаго воззрѣнія выровняются, освободятся отъ своихъ ошибокъ, и въ результатѣ получится научно-достовѣрный образъ Спасителя, какъ примѣръ для пастырей. Въ концѣ-концовъ оно, конечно, такъ и должно быть. Но отъ всякаго избраннаго способа требуется прежде всего то, чтобы онъ предотвращалъ, а не поощрялъ разнаго рода возможныя искаженія, а мы бы, благодаря ему, а не по общей только надеждѣ на торжество истины, вправѣ были ожидать лучшей постановки дѣла. Между тѣмъ разбираемый способъ представляетъ нѣчто совершенно обратное. Исходная точка зрѣнія, съ которой онъ стоитъ, или — вѣрнѣе—падаетъ, есть та, что *Спаситель можетъ быть примѣромъ для пастыря.* Но, какъ-бы ни пользовались извѣстнымъ положеніемъ, что подражаніе всегда и вездѣ ниже своего образца, — пропасть, раздѣляющая въ настоящемъ случаѣ примѣръ отъ слѣдую-

щихъ ему, остается рѣшительно непереходимою до тѣхъ поръ, какъ мы не будемъ произвольно отдѣлять человѣческое естество въ Спасителѣ отъ божескаго. Какъ разъ именно такое отдѣленіе усматривается въ попыткахъ апологетовъ примѣрнаго способа (разум. проф. Blaikie) удержать за собой вышеуказанную точку отправленія. Они разсуждаютъ такъ: если примѣръ Пастыреначальника недоступенъ для насъ, то онъ былъ-бы недоступенъ и для первыхъ преемниковъ пастырскаго служенія. Но ап. Петръ прямо говоритъ, что *Іисусъ Христосъ оставилъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его*. Далѣе, Спаситель посылаетъ апостоловъ *такъ-же, какъ* послалъ Отецъ Его Самого (Іоан. XVII, 18; XX, 21). Такимъ образомъ въ дѣлѣ пастырскаго служенія Онъ ставитъ ихъ въ точно такое-же отношеніе къ Себѣ, въ какомъ Самъ стоитъ къ Богу Отцу. Далѣе, пастырство Свое Спаситель совершилъ въ образѣ человѣческомъ, какъ то прямо выражено ап. Павломъ и предсказано въ Ветхомъ Завѣтѣ. Обстоятельство, несомнѣнно приближающее насъ, простыхъ людей, къ Нему. Опять, пастырство Спасителя несравненно ближе къ намъ, въ смыслѣ доступности, какъ по сравненію съ пастырствомъ вождей Ветхаго Завѣта—Моѵсея и пр. Иліи, такъ и по сравненію съ царскимъ и первосвященническимъ служеніемъ Самого же Спасителя. Наконецъ, если Іисусъ Христосъ поставляется и описывается, какъ образецъ нравственнаго совершенства, и противъ этого не спорятъ, то какимъ же образомъ соблюдается послѣдовательность, когда въ тоже самое время категорически говорятъ о недопустимости того же самаго явленія въ области христіанскаго пастырства[1])?—Такова аргументація[2])". Но о. Соллертинскій усматриваетъ въ ней слабые пункты. Онъ говоритъ, что тѣ мѣста изъ евангелія Іоанна, которыя какъ будто уравниваютъ апостоловъ съ Іисусомъ Христомъ, на самомъ дѣлѣ не дѣлаютъ этого. Первое изъ нихъ[3]), — по его

---

[1]) *Blaikie's:* op. cit, pp. 2—9.

[2]) „Пастырство Христа Спасителя", стр. 15—16.

[3]) Іоан. XVII, 18: *„Якоже Мене посла̀лъ еси въ міръ, и Азъ послахъ ихъ въ міръ"...*

мнѣнію,—означаетъ, что воля Отца о спасеніи людей чрезъ пастырскую дѣятельность будетъ исполняться и по отшествіи Спасителя къ Отцу, какъ она исполнялась до этого; и безспорно, что выраженіе: *точно такъ-же, какъ* здѣсь не уравниваетъ апостоловъ съ Іисусомъ Христомъ, а продолжаетъ прерывающееся пастырство Христово. Во второмъ случаѣ[1]) удостовѣряется всеоружіе власти прославленнаго уже Сына Человѣческаго, чрезъ Котораго апостолы получаютъ теперь Св. Духа; и опять *точно такъ-же, какъ* здѣсь не уравниваетъ ихъ со Спасителемъ, но удостовѣряетъ самымъ дѣломъ, что продолженіе христіанскаго пастырства будетъ и впредь совершаться при пособіи помощи благодатной (стр. 17). Относительно послѣдняго аргумента, въ которомъ проводится параллель между нравственностью и пастырствомъ, нашъ профессоръ замѣчаетъ, что здѣсь дѣло ставится вѣрно, но едвали не въ прямой подрывъ тому способу, оправданія котораго онъ въ концѣ-концовъ намѣревается достигнуть. Въ точномъ изложеніи этотъ аргументъ передается такъ: „если абсолютная безгрѣшность Христа Спасителя не отнимаетъ у насъ ни права, ни возможности взирать на примѣръ Его въ дѣлѣ нравственнаго преуспѣянія, то во имя простой послѣдовательности тоже самое должно быть принято и въ разсужденіи Его пастырства“. Такимъ образомъ, въ посылкѣ несомнѣнно признается, что пастырство Спасителя, *какъ оно есть само по себѣ*, взятое во всей широтѣ и сложности присущаго ему содержанія, есть явленіе безпримѣрное, подражаніе которому возможно лишь относительное, приблизительное. Скажутъ, что это само собою разумѣется, (но) что это нисколько не мѣшаетъ намъ ни стремиться къ подражанію Спасителю, ни описывать пастырство Его, какъ примѣръ для подражанія. Но тутъ возможно и есть нѣкоторое недоразумѣніе. Конечно, объ относительномъ лишь подражаніи можно говорить прежде всего въ смыслѣ глубины, съ какою пастырь осуществляетъ то, что находитъ въ образѣ,—въ томъ смыслѣ, что

[1]) Іоан. XX, 21: „Рече же имъ Іисусъ паки: миръ вамъ: *якоже сила о Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы*“...

Спаситель возставлялъ съ одра издавна разслабленныхъ, давалъ зрѣніе слѣпорожденнымъ, воскрешалъ мертвыхъ, а мы ничего такого не можемъ совершить, а затѣмъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, при самомъ ревностномъ отношеніи къ дѣлу, мы въ десятую долю не можемъ выразить тѣхъ свойствъ, какія даны и есть въ совершеніи пастырскаго служенія Спасителемъ. Еслибы такая именно относительность представлялась нашему разуму при вопросѣ о „правоспособности примѣрнаго способа“ [1]), тогда всякая попытка находить въ послѣднемъ нѣчто непригодное, опасное и т. д. сама подлежала-бы полному осужденію, какъ попытка разорвать живую связь пастыря съ Пастыреначальникомъ, прикрываемая ложнымъ опасеніемъ за чувство благоговѣнія къ Спасителю подражающихъ Ему. Но когда рѣчь идетъ о примѣрномъ способѣ, то здѣсь нужно разумѣть относительность совершенно инаго рода. На самомъ дѣлѣ, Нравственное Богословіе, представляя Спасителя, какъ примѣръ для нашего подражанія въ нравственности, никогда не разсчитывало на то, чтобы христіане могли достигнуть полнаго уподобленія Христу въ этомъ отношеніи. Оно представляетъ образъ Спасителя, прямо разсчитывая лишь на посильное, относительное подражаніе Ему. Но это обстоятельство отнюдь не заставляетъ и даже не склоняетъ его такъ или иначе съуживать нравственный образъ Христа Спасителя. Напротивъ, оно старается исчерпать послѣдній, какъ только можетъ; вся задача его въ этомъ случаѣ состситъ въ томъ, чтобы съ надлежащею полнотою передать все, что дано и есть въ наличности описываемаго имъ предмета. Поэтому мы говоримъ и должны признать, что избранный имъ способъ начертанія нравственнаго образа Спасителя опредѣляется самымъ предметомъ его изслѣдованія и начертанія. Между тѣмъ, что касается до примѣрнаго способа въ Пастырскомъ Богословіи, то онъ опредѣляется не предметомъ своего изслѣдованія, а намѣреніями изслѣдующихъ. Основная мысль, которая оправдываетъ его въ принципѣ, рѣшительно подлежитъ переводу на правильный языкъ. Что

[1]) Выраженіе автора, стр. 19.

Іисусъ Христосъ можетъ быть примѣромъ для пастырей, это нужно понимать не въ буквальномъ смыслѣ, а въ томъ, что: „само по себѣ неподражаемое пастырство Христово *мы можемъ представить* въ такихъ подробностяхъ, при которыхъ доступность его обыкновеннымъ пастырямъ не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній“ (стр. 18—19). Такимъ образомъ, здѣсь отрицается естественное начало для изложенія предмета, — та полнота и тотъ порядокъ послѣдовательности, какіе присущи ему непосредственно (стр. 20). Отсюда то, что Іисусъ Христосъ есть не Пастырь только, но и *Основатель* христіанскаго пастырства, необходимо выдѣляется изъ объема описаній по примѣрному способу на томъ основаніи, что это элементъ абсолютно безпримѣрный и неподражаемый, что означенное великое событіе неповторяемо и что оно могло быть создано лишь Богочеловѣкомъ. Здѣсь самое рѣшительное осужденіе примѣрнаго способа. Что-бы ни приводилось въ оправданіе такого пробѣла—то-ли, что, какъ о фактѣ, объ означенномъ великомъ событіи разсказываетъ Церковная Исторія, то-ли, что въ основахъ оно разсматривается Догматикой,—все равно, съ точки зрѣнія Пастырскаго Богословія это самое главное событіе; изъ него возникаетъ предметъ этой науки, съ нимъ только становится возможною и она сама (стр. 21—24).

Итакъ, примѣрный способъ описанія пастырства Христа Спасителя, представителемъ и защитникомъ котораго въ данномъ случаѣ является англійскій профессоръ Блеки [1]), — по мнѣнію о. Соллертинскаго — непригоденъ и недостаточенъ для построенія науки Пастырскаго Богословія. Поэтому нашъ авторъ переходитъ къ другому опыту примѣрнаго начертанія пастырства Христова, именно къ труду Тюбингенскаго проф. Бека [2]), и точно такъ - же подробно разсматриваетъ его.

Трудъ Бека хотя и принадлежитъ къ опытамъ примѣрнаго способа описанія пастырства Христова, но

[1]) *William Garden Blaikie, D. D.*. въ его сочиненіи: Unser Herr als Lehrer und Seelsorger. Eine biblische Pastoral—Theologie, перев. съ англ., Gütersloh 1885.
[2]) *J. T. Beck:* Pastorallehren d. Neuen Testaments, herausg. v. Riddenbach. Gütersloh, 1880.

написанъ совершенно въ иномъ духѣ и смыслѣ сравнительно съ сочиненіемъ Блеки. Бекъ избираетъ нѣсколько первыхъ главъ (IV—XII) евангелія отъ Матѳея и старается толковать ихъ, какъ обыкновенно толкуютъ текстъ въ наукѣ Св. Писанія. Такимъ образомъ, въ сущности это не описаніе, а экзегетика, и въ составъ ея входятъ слѣдующія операціи. Прежде всего Бекъ старается замѣтить рѣшительно все, что въ избранныхъ имъ главахъ относится къ пастырству Спасителя. Сдѣлавъ это, онъ не перебѣгаетъ непосредственно къ практическимъ выводамъ,—какъ то обыкновенно бываетъ у приверженцевъ примѣрнаго способа, — но начинаетъ старательнѣйше анализировать найденный матеріалъ. Первая задача анализа полагается въ томъ, чтобы найденный элементъ представить во *всей свойственной ему полнотѣ*. Параллельно съ этимъ идетъ стараніе исчерпать *всю глубину* въ анализируемомъ фактѣ. Наконецъ, данный фактъ уясняется со стороны его *логической необходимости* и тѣмъ самымъ изъ временнаго и феноменальнаго переводится въ общій. И вотъ лишь послѣ такой чисто изслѣдовательной работы является синтезъ, т. е. дается практическій выводъ,—но дается отнюдь не вездѣ и не нарочито, и авторъ самъ предупреждаетъ, чтобы въ его трудѣ не искали такихъ выводовъ. Такимъ образомъ, трудъ Бека представляетъ какъ будто прямую реакцію примѣрному способу изслѣдованія пастырства Христа Спасителя, полагающаго свою главную и ближайшую цѣль именно въ практическихъ выводахъ.—Но насколько удалось автору выдержать такой характеръ въ своемъ сочиненіи?—О. Соллертинскій на этотъ вопросъ склоненъ отвѣтить, что трудъ профессора Бека почти вездѣ стоитъ на высотѣ своей задачи и лишь въ немногихъ случаяхъ забываетъ о ней[1]. „Могутъ однако сказать, — говоритъ нашъ профессоръ, — что положительной своеобразности особливаго способа тутъ (у Бека) все-таки не дано. Изъ фактовъ пастырства Христова авторъ выводитъ правила

[1]) „Пастырство Христа Спасителя“, стр. 26—41.

и поучительныя указанія для современнаго пастыря. Слѣдовательно, его трудъ относится тоже къ образчикамъ примѣрнаго способа, только лучшимъ сравнительно съ другими" (стр. 41). Но прежде всего, продолжаетъ онъ, дѣло не въ названіи или внѣшней видимости. Всякое прикладное знаніе, какъ прикладное, не просто лишь не можетъ чуждаться практическихъ выводовъ, но по самому существу своему вѣдается всегда съ такими лишь теоретическими вопросами, обсужденіе которыхъ, будь оно даже чисто академическимъ, въ концѣ-концовъ неизбѣжно ведетъ къ извѣстному практическому примѣненію. Поэтому, какимъ-бы способомъ ни изучали то величайшее явленіе, которое составляетъ предметъ настоящаго изслѣдованія (т. е. пастырство Христа), практическій выводъ получится во всякомъ случаѣ, ибо таковъ вопросъ по самому существу своему. Но то большая и существенная разница, что одинъ способъ опредѣляется личными намѣреніями и тенденціями авторовъ и сообразно съ ними искажаетъ предметъ своего изслѣдованія, между тѣмъ какъ другой всецѣло опредѣляется послѣднимъ. Таковъ именно и есть тотъ способъ изложенія пастырства Христова, которымъ пользуется Бекъ. Если-же онъ и старался дать своему читателю-пастырю практически-прикладной результатъ своихъ изслѣдованій, то все-же подлежащее и предметъ его работы не тамъ, гдѣ они лежатъ для приверженцевъ примѣрнаго способа, и даже не тамъ, гдѣ-бы они лежали въ томъ случаѣ, если-бы, стараясь дать тѣ же результаты для современнаго пастыря, онъ (Бекъ) поставилъ себѣ задачей—только сохранить правильное отношеніе къ посылкамъ для выводимыхъ правилъ. Не съ пастырями авторъ хочетъ имѣть дѣло, а съ наукой, которая считаетъ за собой право и обязанность руководить пастырями. Но онъ предупреждаетъ, чтобы практическихъ выводовъ отъ него не ожидали. Ему желательно поставить науку Пастырскаго Богословія на такихъ началахъ, стоять на которыхъ она, по его мнѣнію, до сихъ поръ еще не испытывала. Этому препятствовалъ тотъ дуализмъ, который господствуетъ,—по его словамъ, — во всей вообще обла-

сти богословскаго вѣдѣнія. Въ его теоретической части царитъ мертвый схоластическій абстрактизмъ, неспособный дать какія-либо опредѣлительныя и устойчивыя понятія. Отсюда, за невозможностью заимствовать для себя руководящія положенія изъ этой области, Пастырское Богословіе бросается въ другую крайность голаго эмпиризма. Оно обращается къ пастырскому опыту, старается подмѣтить данное въ немъ и къ настоящему времени успѣло накопить содержаніе въ количественномъ отношеніи весьма почтенное. Но легко понять, что такое „опытное“ Пастырское Богословіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно безпринципное. Оно даетъ правила живыя и конкретныя, но не объясняетъ, откуда и какъ послѣднія логически возникаютъ; оно возводитъ въ общій неизмѣнный законъ такія средства, которыя оказываются цѣлесообразными только при извѣстныхъ своеобразныхъ условіяхъ, и никто не можетъ ручаться за успѣхъ ихъ въ будущемъ. Отсюда, для *христіанской науки* лучше обратиться къ основному и первому своему источнику — Свящ. Писанію. Это — твердая и надежная почва. Если говорить о Новомъ Завѣтѣ, то Спаситель Самъ призналъ Свое ученіе непреложнымъ, въ которомъ каждая іота заслуживаетъ вниманія. Что касается, далѣе, содержанія Св. Писаній вообще, то въ нихъ мы встрѣчаемъ цѣлую массу теоретическихъ правилъ, что̀ у Бека и доказывается самымъ дѣломъ. Съ другой стороны, кромѣ теоретическихъ правилъ Свящ. Писаніе даетъ множество самыхъ разнообразныхъ живыхъ примѣровъ, которые иллюстрируютъ эти правила. И не нужно давать здѣсь силу предубѣжденіямъ, которыя вытекаютъ изъ того, что въ Св. Писаніи разсказывается о временахъ прошедшихъ, а теперь времена новыя и что потому мы не найдемъ въ немъ того, что соотвѣтствовало-бы настоящимъ обстоятельствамъ. Какое-бы сложное отношеніе мы ни придумали, оно не превзойдетъ того, что находится въ Евангеліи; какое-бы высокое положеніе мы ни представили, во всякомъ случаѣ оно не можетъ быть такимъ, которое равнялось-бы положенію Іисуса Христа и апостоловъ. Не

нужно соблазняться и тѣмъ, что Св. Писаніе излагаетъ событія великія, представлять которыя въ примѣръ современнымъ пастырямъ значило-бы преувеличивать значеніе и силы послѣднихъ; совершенно напротивъ—Св. Писаніе есть великій педагогъ: все великое оно умѣетъ представлять въ такомъ видѣ, что, благодаря этому, все мелкое находитъ въ немъ себѣ посильную пищу. Поэтому гораздо будетъ правильнѣе, если мы просто забудемъ рѣшительно все, что даетъ обширная литература Пастырскаго Богословія, а вмѣсто этого возьмемъ книги Св. Писанія Новаго Завѣта и постепенно, шагъ за шагомъ, будемъ штудировать съ пастырской точки зрѣнія по возможности каждый стихъ. И тогда на ряду съ принятой безотносительной экзегетикой Св. Писанія будетъ существовать пастырское изученіе и толкованіе этой великой сокровищницы христіанскаго знанія и явится надежда, что, благодаря этому, пастырская *наука* получитъ надлежащія и твердыя руководительныя начала, плодотворный методъ изслѣдованія и, наконецъ, правильный — не абстрактный и не грубо-эмпирическій—матеріалъ. А чтобы видѣли, что, ставши на эту колею, наука дѣйствительно пріобрѣтетъ такъ давно ей недостававшее и всегда такъ близко бывшее у нея предъ глазами,—для этого дается примѣръ (т. е. самое сочиненіе Бека). Въ предпосланномъ начертаніи основныхъ принциповъ, даваемыхъ Пастырскому Богословію Библіей Новаго Завѣта, и въ разобранныхъ главахъ евангелія Матѳея излагается весь кругъ общихъ понятій пастырской науки, цѣльное пастырское воззрѣніе. Дабы оно имѣло надлежащую полноту и законченность, присоединяется разборъ первыхъ главъ „Дѣяній Апостольскихъ"; но рядомъ съ этимъ нѣкоторыя главы (первыя три изъ ев. Мѳ., затѣмъ X-я и вторая часть нагорной проповѣди) опускаются, другія переставляются одна вмѣсто другой, и послѣдующее толкуется раньше предшествующаго, чтобы сохранить стройность излагаемой въ пастырствѣ Спасителя системы пастырскаго воззрѣнія.

Такимъ образомъ, пастырство Христово у Бека является элементомъ существенно входящимъ въ пастырскую науку

и законодательнымъ въ этой области. И, конечно, самъ Бекъ можетъ находить, что взятаго имъ содержанія евангельскихъ главъ съ показанными присовокупленіями безусловно достаточно для построенія пастырской науки на библейскихъ началахъ. Онъ это и находитъ. А наука, имѣя въ томъ прямые интересы, должна обсудить какъ то, возможно-ли согласиться въ этомъ случаѣ съ мнѣніемъ ученаго, такъ и то, достаточно-ли призвать къ законодательному участію въ правильной постановкѣ ея одно лишь Св. Писаніе, хотя-бы во всей полнотѣ его содержанія; не рискованно-ли и небезосновательно-ли отрицать всю пасторологическую работу, которая лежитъ между богодухновенными книгами и временемъ ученаго реформатора; не гораздо-ли научнѣе опереться на Св. Писаніе, изучить и понять его пастырски, затѣмъ очистить всю послѣдующую литературу, понять и схватить въ ней прямое постепенно углублявшееся преданіе и такимъ образомъ, не отказываясь отъ всего нажитаго богатства, вывести изъ него точное понятіе объ идеѣ, началахъ, объемѣ и содержаніи Пастырскаго Богословія? Это интересъ и дѣло науки. Но во всякомъ случаѣ для нея чрезвычайно важенъ самый этотъ способъ отношенія къ пастырству Спасителя, который выдержанъ Бекомъ, — та пастырская герменевтика евангелій, которая хотя въ настоящемъ случаѣ и ограничивается весьма малымъ содержаніемъ, но которая въ принципѣ не только не предполагаетъ, а даже не терпитъ таковыхъ ограниченій, — которая первой своей задачей поставляетъ изучить всё евангеліе по возможности съ перваго до послѣдняго стиха,—изучить, не задаваясь прямо какими-либо прикладными цѣлями, а стремясь только къ тому, чтобы исчерпать все пастырское содержаніе, данное въ богодухновенныхъ повѣствованіяхъ объ ученіи и жизни Іисуса Христа. Очевидно, задача эта—въ извѣстномъ отношеніи весьма скромная и, можно сказать, инвентарная: не строить самое зданіе, а только собрать и приготовить матеріалъ для него, дабы избавиться отъ плачевной необходимости имѣть въ своемъ распоряженіи гораздо меньшій матеріалъ, или даже сочи-

нять послѣдній. Если, однако, нѣтъ ни одного христіанскаго голоса противъ общаго благоговѣйнаго почтенія къ пастырству Спасителя, какъ къ явленію величайшему, — не просто стоющему, но даже требующему самыхъ серьезныхъ и сложныхъ усилій для изученія его, то нужно согласиться съ тѣмъ, что хотя Бековъ инвентарный способъ какого-либо идейнаго порядка въ изложеніи величайшаго явленія въ себѣ не заключаетъ и можетъ примыкать лишь къ тому историческому порядку хронологической послѣдовательности, какой данъ въ самыхъ евангеліяхъ, но, въ виду матеріальной содержательности, которую онъ обѣщаетъ и которую онъ преслѣдуетъ, нужно желать, чтобы онъ жилъ и привлекалъ къ себѣ возможно большее количество такихъ и даже лучшихъ ученыхъ силъ, какими располагалъ почтенный профессоръ [1]).

Таковы достоинства и недостатки тѣхъ пасторологическихъ системъ, имѣющихъ своимъ предметомъ пастырство Христа Спасителя, на которыхъ остановился нашъ отечественный ученый профессоръ-пасторолистъ, какъ на лучшихъ и совершеннѣйшихъ для своей цѣли. И мы остановились на критикѣ ихъ довольно долго. Наша скрытая цѣль въ данномъ случаѣ состояла въ томъ, чтобы критику эту поставить рядомъ съ отечественными опытами построенія пастырской науки и, съ одной стороны, исправить наши ошибки, если бы таковыя оказались,—или предупредить ихъ появленіе, пользуясь тѣмъ, что пока оружіе критики обращено на иностранные опыты и какъ будто русскихъ въ виду не имѣетъ, и не ожидая, пока эта же самая критика коснется и насъ; съ другой стороны, мы желали ближе обратить вниманіе отечественныхъ пастoралистовъ на тѣ достоинства иностранныхъ опытовъ, которыя указалъ въ нихъ нашъ ученый профессоръ, чтобы все хорошее нашло себѣ послѣдователей и на русской почвѣ. Но ближайшимъ образомъ мы имѣли въ виду,

---

[1]) „Пастырство Христа Спасителя“, стр. 41—47.

конечно, самого автора критики, т. е. о. Соллертинскаго. Въ его продуманномъ, глубокомъ критическомъ анализѣ избранныхъ имъ сочиненій мы старались уловить его собственный синтезъ, т. е. тотъ процессъ образованія его собственнаго воззрѣнія на предметъ и методъ науки Пастырскаго Богословія, которое онъ въ собственномъ своемъ сочиненіи долженъ будетъ провести и защитить. И, кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что *симпатіи нашего профессора всѣ на сторонѣ метода Бека.* Однако не безусловно. Критика этого послѣдняго (т. е. экзегетическаго) метода, примѣняемаго къ изученію пасторологическаго библейскаго матеріала, показала ему, что наука Пастырскаго Богословія не можетъ отказаться отъ него безъ вредныхъ послѣдствій для себя въ отношеніи къ основательности дѣлаемыхъ ею извлеченій изъ области Св. Писанія. Тамъ, гдѣ требуется понять и раскрыть положительное, прямое ученіе Библіи о пастырскомъ служеніи, или усвоить выражаемую здѣсь общую сентенцію, экзегетическій анализъ текста не только вполнѣ умѣстенъ, но и необходимъ для возстановленія объективнаго смысла даннаго библейскаго мѣста: онъ предохраняетъ науку отъ произвола и субъективизма въ дѣлѣ примѣненія библейскихъ данныхъ къ ея задачамъ. Но не то нужно сказать, когда дѣло касается изученія пастырства Спасителя, какъ примѣра, даннаго современнымъ пастырямъ для подражанія. Въ этомъ случаѣ изъ пастырства Христова, по существу своему неподражаемаго, нужно бываетъ прежде всего выдѣлить то, что можетъ стать примѣромъ для ограниченныхъ силъ обыкновеннаго пастыря,—отъ каждаго момента, въ которомъ было объединено божественное и человѣческое, отвлечь только ту сторону, по которой Христосъ былъ подобенъ намъ. Но экзегетическій методъ для даннаго случая располагаетъ прямо противоположными этой цѣли средствами. Каждое мѣсто евангелія, говорящее намъ о пастырскихъ пріемахъ Христа, онъ вынуждаетъ понимать въ объективно-историческомъ значеніи, въ единствѣ божественнаго и человѣческаго элементовъ. Если, напр., замѣчаніе евангелиста объ исцѣленіяхъ Хри-

стомъ больныхъ, изслѣдуемое съ точки зрѣнія примѣрнаго способа, говоритъ о любви Спасителя къ страждущимъ и о Его готовности подать имъ скорую помощь или облегчить ихъ страданія, т. е. приводитъ къ выводу, примѣнимому ко всякому пастырю,—то экзегетическій методъ можетъ принять подобное замѣчаніе только въ томъ фактическомъ значеніи, какое имѣетъ оно у евангелиста. Но въ этомъ своемъ значеніи оно или не заключаетъ въ себѣ никакого наставленія и правила для пастыря, какъ дѣло, превышающее его силы, или дозволяетъ провести только внѣшнюю аналогію между Христомъ и пастыремъ. Отсюда-то и въ трудѣ Бека экзегетическій методъ или оказывается излишнимъ при изслѣдованіи многихъ фактовъ изъ жизни Христа, или оставляетъ только возможность установить искусственную параллель между дѣятельностью Христа и дѣятельностью обыкновеннаго пастыря. Возстановляемый имъ объективно-историческій смыслъ пастырскаго дѣла Христа Спасителя и наставленія современному пастырю идутъ рядомъ другъ съ другомъ, соприкасаясь лишь внѣшнимъ образомъ, причемъ одинаково страдаетъ какъ состоятельность экзегезиса, такъ и твердость назиданій пастырю, высказываемыхъ по поводу евангельскаго текста. Такимъ образомъ, повидимому, пастырская наука можетъ пріобрѣсти твердый базисъ лишь въ томъ случаѣ, когда она откинетъ всякія прикладныя цѣли и при изученіи пастырства Христова будетъ руководиться однимъ безотносительнымъ экзегезисомъ. На этотъ путь и пытается встать самъ проф. Соллертинскій.

Отвергая всю предшествовавшую работу пасторалистовъ, или по меньшей мѣрѣ считая необходимымъ провѣрить скопленный ими матеріалъ при свѣтѣ Св. Писанія, онъ ратуетъ за новое, изначальное построеніе науки Пастырскаго Богословія, которое предносится его сознанію въ отдаленномъ будущемъ, какъ завершительный результатъ цѣлаго ряда подготовительныхъ, инвентарныхъ работъ. Для своей собственной работы онъ полагаетъ скромную цѣль: *начать собираніе и подготовленіе матеріала* для построенія этой науки. Названная цѣль заставляетъ его

начинать дѣло, конечно, съ перваго момента, когда его объектъ только еще *началъ быть,* т. е. съ изученія пастырства Христа Спасителя, какъ Основателя христіанскаго пастырства и Пастыреначальника. Но для построенія цѣлой науки ограничиться только этимъ и самъ онъ находитъ недостаточнымъ и потому полагаетъ, что послѣ пастырства Христова необходимо будетъ изучить и пастырство какъ библейскихъ, такъ и прочихъ историческихъ пастырей, причемъ ихъ служеніе должно быть разсматриваемо какъ въ связи съ индивидуальною своеобразностью каждаго изъ нихъ, такъ и съ тѣми ближайшими эмпирическими условіями, въ виду которыхъ оно совершалось (стр. 53). Такимъ образомъ, хотя полное, законченное построеніе пастырской науки возможно будетъ тогда, когда всѣ моменты въ исторіи пастырства будутъ достаточно обслѣдованы, но пастырство Христа, какъ основополагающее, получаетъ высочайшій интересъ и значеніе въ дѣлѣ построенія этой науки и изученіе его опредѣляетъ собою характеръ самаго построенія. Не смотря на то, что пастырское служеніе Христа совершалось въ извѣстной временной исторической обстановкѣ и потому въ извѣстной степени обусловливалось временными и случайными обстоятельствами, оно всегда подлѣ этой условной стороны включало въ себя „вѣчную сущность пастырскаго служенія, которая ни по содержанію, ни по глубинѣ послѣдняго, ни по пріемамъ его преподаванія и усвоенія, словомъ—ни по какому пункту не опредѣляется временемъ, когда она была обнаружена“ (стр. 58). Этотъ вѣчный элементъ, лежащій въ пастырствѣ Христа, составляющій сущность пастырскаго служенія вообще и потому опредѣляющій собою всякую послѣдующую пастырскую дѣятельность, очевидно, не подлежитъ измѣненію на продолженіи всей исторіи пастырства и присущъ каждому ея моменту. Поэтому изслѣдованіе, выдѣляющее этотъ элементъ въ свой спеціальный предметъ, становится не изслѣдованіемъ только пастырскаго служенія Христа, какъ безпримѣрнаго и единственнаго дѣла во всей исторіи пастырства, но изслѣдованіемъ вопроса о пастырствѣ

вообще, о его существѣ, цѣляхъ и средствахъ. Въ пастырствѣ Христа оно открываетъ опредѣляющія, законоположительныя начала для всякой послѣдующей пастырской дѣятельности; на изученіи его оно основываетъ общее понятіе о пастырскомъ служеніи и его задачахъ; этимъ же путемъ оно можетъ опредѣлить и призванныхъ къ выполненію сего служенія.

Итакъ, въ чемъ-же заключается вѣчная сущность пастырства, какъ предметъ Пастырскаго Богословія, опредѣляемый изученіемъ пастырства Христа Спасителя?— Для отвѣта на этотъ вопросъ проф. Соллертинскій въ первой части своей книги (стр. 60—117) даетъ намъ всестороннее толкованіе того спеціальнаго имени Христа, которымъ Онъ наиболѣе часто называлъ Себя во время Своей земной жизни. Имя это — „*Сынъ Человѣческій.*" По объясненію автора, имя *Сына Человѣческаго,* принятое Спасителемъ, обозначало въ Немъ именно и прежде всего *пастыря* (стр. 60—62, 99—112). Отсюда и самое „*дѣло искупленія*, на которое по предвѣчному Божію совѣту явился Сынъ Божій, *въ дѣйствительномъ своемъ осуществленіи является именно какъ пастырство*" (стр. 106), которое обнаруживалось попреимуществу *въ формѣ учительства и попеченія о спасеніи душъ чрезъ сообщеніе людямъ истинныхъ понятій и истинныхъ цѣлей для человѣческой дѣятельности* (тамъ-же). Такимъ образомъ, изученіе пастырства Христа Спасителя на первомъ планѣ должно имѣть ту совокупность истинныхъ понятій, сообщеніе которыхъ людямъ составляло главную цѣль пришествія на землю Сына Божія; и такъ какъ, приэтомъ, ученіе Христа по своему существу имѣетъ вѣчное, непреходящее значеніе, то оно только и можетъ составить въ пастырствѣ Христа ту вѣчную сущность пастырства, которая ни по какому пункту не опредѣляется временемъ, когда она была обнаружена, и не заставляетъ судить о ней по тому впечатлѣнію, которое получалось при первомъ ея обнаруженіи (стр. 58). Эта-же сущность должна была опредѣлять изъ себя какъ форму, въ которой она выразилась, такъ и тѣ способы, при помощи которыхъ она обнаруживалась. Поэтому мето-

дологическій элементъ въ изученіи пастырства Христова есть дѣло не только второстепенное, но и подчиненное, такъ какъ онъ обусловливается сущностью ученія Христа и необходимо вытекаетъ изъ нея. По скольку этотъ элементъ закономъ логической необходимости связанъ съ самою сущностью пастырства Христова, по стольку онъ, конечно, подлежитъ и изученію науки Пастырскаго Богословія. Но первый ея шагъ и первое содержаніе должны заключать въ себѣ изученіе именно сущности пастырства Христова, т. е. изученіе совокупности тѣхъ истинныхъ понятій и истинныхъ цѣлей для дѣятельности, въ которыхъ оно главнымъ образомъ обнаруживалось. А такъ какъ главнѣйшій пунктъ или преимущественнѣйшій предметъ ученія Христа Спасителя составляло ученіе о царствѣ Божіемъ и его законахъ, то оно и должно быть, очевидно, ближайшимъ предметомъ изученія въ Пастырскомъ Богословіи. Слѣдуя такому теченію мысли, самъ о. Соллертинскій посвящаетъ этому предмету всю вторую часть своего труда (стр. 118—304).

Но если пастырство Христово,—какъ полагаетъ нашъ авторъ,—обнаруживалось преимущественно въ формѣ учительства и попеченія о спасеніи душъ чрезъ сообщеніе людямъ истинныхъ понятій и истинныхъ цѣлей для дѣятельности (стр. 106), то, очевидно, вести пастырское дѣло могутъ всѣ истинные послѣдователи Христа. Отсюда и возникаетъ у него идея *всепастырства*. „Пастыремъ могъ быть всякій,—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ послѣдующихъ статей, — и царь, и священникъ, и пастухъ“, и т. д. [1]). Разъясняя девятую заповѣдь блаженства, которую онъ считаетъ особымъ закономъ царства Божія, авторъ между прочимъ замѣчаетъ, что эта заповѣдь содержитъ въ себѣ призывъ, обращенный къ каждому христіанину, проповѣдывать имя Христово словомъ и дѣломъ. Она указываетъ на преслѣдованіе учениковъ Христа за Христа, или—по ред. ев. Луки—*за Сына Человѣческаго*, т. е., согласно пастырскому значенію этого имени, за проповѣдь ученія Христова, за

[1]) „Пастыреводительство Христа Спасителя“, въ „Страннкѣ“ 1889 г., III, стр. 516—517.

основанное Имъ дѣло пастырства, продолженіе котораго лежитъ на обязанности каждаго члена царства Божія (стр. 269—279). Ибо психологически невозможно, чтобы человѣкъ, преданный истинѣ, при встрѣчѣ съ заблужденіемъ не постарался опровергнуть его и на мѣсто его поставить исповѣдуемую имъ истину; въ самой природѣ человѣка заложено непреодолимое стремленіе доставлять всеобщее признаніе и преклоненіе тому, въ чемъ онъ видитъ истину, такъ что пропаганда истины составляетъ необходимую потребность человѣка, убѣжденнаго въ ней, и есть прямое слѣдствіе его убѣжденія. Въ этомъ смыслѣ каждый христіанинъ есть учитель (ср. Мѳ. V, 19), *соль земли* и *свѣтъ міра* и, какъ служитель свѣта и истины, каждый вмѣстѣ съ тѣмъ есть и проповѣдникъ. Такимъ образомъ идея *всепастырства*, проводимая о. Соллертинскимъ, представляетъ собою лишь простой выводъ изъ общаго понятія его о пастырствѣ, какъ учительствѣ. Но это *всепастырство* совершенно не однозначуще съ понятіемъ *всесвященства* и нимало не говоритъ противъ умѣстности и необходимости іерархіи. Въ заповѣдяхъ блаженства, по мысли профессора, обрисовывается идеальное содержаніе царства Божія, осуществлять которое призванъ каждый членъ его; но достигнуть этого невозможно безъ содѣйствія благодатныхъ даровъ, получаемыхъ чрезъ лицъ іерархическихъ (стр. 278).

Такимъ образомъ, въ основу пастырской науки о. Соллертинскій полагаетъ самое широкое понятіе христіанскаго учительства; но, отрицая всякія прикладныя задачи и практическіе выводы, какъ результаты пасторологическихъ работъ, онъ обсуждаетъ это понятіе лишь съ теоретической стороны, т. е. въ его содержаніи, а не въ средствахъ примѣненія къ жизни. Поэтому позволительно спросить: что вноситъ это понятіе въ науку Пастырскаго Богословія? Даетъ-ли оно ручательство за успѣхъ ея построенія? — Извѣстно, что изучаемый предметъ опредѣляетъ собою науку, занимающуюся его изслѣдованіемъ, а понятіе о предметѣ науки и составляетъ тотъ краеугольный камень, который полагается во главу угла цѣлаго зданія, и по-

тому по степени плодотворности его можно судить о содержаніи самой науки. Пастырство, какъ предметъ Пастырскаго Богословія, — по опредѣленію о. Соллертинскаго,—состоитъ въ сообщеніи истинныхъ понятій и истинныхъ цѣлей для человѣческой дѣятельности, или—иначе говоря — въ проповѣди о царствѣ Божіемъ, лежащей на обязанности каждаго его члена. Эта проповѣдь, впрочемъ, не ограничивается только устной передачей ученія, но обнимаетъ собою проповѣдь жизнію и дѣломъ, словомъ и примѣромъ; въ идеальномъ же своемъ выполненіи она совпадаетъ съ цѣлою жизнію христіанина (ср. Мѳ. V, 16). Область этой проповѣди необозрима; способы ея разнообразны до неисчислимости; лица, къ которымъ она направляется,—всѣ, подверженные заблужденію и несовершенству; носители ея — люди всякаго званія и состоянія. Понятіе „пасти“ въ этомъ толкованіи является столь-же мало опредѣленнымъ, какъ слово „учить“, взятое въ общемъ и широкомъ смыслѣ, обнимающемъ собою слово, дѣло и примѣръ.

Что можетъ сдѣлать наука съ этимъ понятіемъ о пастырствѣ? Если она послѣдуетъ за о. Соллертинскимъ и, отвлекая все частное и индивидуальное, будетъ имѣть дѣло только съ общими принципами, содержащимися въ отвлеченномъ понятіи пастырства, то не зайдетъ - ли она опять въ тѣ абстрактныя сферы, изъ которыхъ хотятъ ее вывести защитники ея библейскаго построенія? Съ другой стороны, если она обратится къ анализу сущности, указываемой въ пастырствѣ проф. Соллертинскимъ, то можетъ увидѣть, что содержаніе это уже разобрано по частямъ другими богословскими науками и разсматривается ими давно и плодотворно. Ученіе о царствѣ Божіемъ и средствахъ его достиженія является предметомъ всей совокупности богословскихъ наукъ. Что-же собственно должно принадлежать Пастырскому Богословію изъ этого общаго всему Богословію содержанія? Изслѣдованіе о. Соллертинскаго о пастырскомъ служеніи, какъ дѣлѣ учительства въ широкомъ смыслѣ слова, отвѣта на этотъ вопросъ не даетъ. Но такъ какъ анализъ содержанія этого

учительства взятъ для изученія другими науками, то, повидимому, Пастырскому Богословію остается имѣть дѣло лишь со способами и средствами, при помощи которыхъ это содержаніе могло-бы осуществляться въ дѣйствительности. Но такой оборотъ по отношенію къ нашей наукѣ совершенно исключается постановкой вопроса у о. Соллертинскаго и его методомъ. Его изслѣдованіе имѣетъ дѣло *съ сущностью*, а не *съ случайностями:* оно отбрасываетъ все, что носитъ на себѣ черты временнаго, частнаго, индивидуальнаго. Въ пастырствѣ Христа оно ищетъ того, „что ни по содержанію, *ни по пріемамъ его преподаванія и усвоенія* и ни по какому иному пункту не опредѣляется временемъ, когда оно было обнаружено", и ставитъ своей задачей разсмотрѣть его „не въ той живой дѣйствительности, гдѣ оно, конечно, не могло имѣть той прямолинейности, по которой бы данный элементъ являлся не въ слитности съ другими" (стр. 57), но въ его вѣчной сторонѣ, какъ оно рождалось изъ нѣдръ Богочеловѣческаго сознанія и должно было осуществляться внѣ всякихъ историческихъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ, та важнѣйшая сфера въ пастырскомъ служеніи Христа, которая характеризовала Его какъ пастыря, а не учителя только о пастырствѣ, и въ которой имѣла свое мѣсто Его душеводительная дѣятельность, направленная къ перевоспитанію человѣческой индивидуальности, изслѣдованіемъ о. Соллертинскаго откидывается, какъ излишній, или по крайней мѣрѣ не имѣющій существеннаго значенія балластъ для науки Пастырскаго Богословія. Если въ примѣрномъ способѣ изслѣдованія пастырства Христа это Его душепопеченіе во всей широтѣ пріемовъ и разнообразіи выраженій является главнымъ предметомъ изученія съ пастырскими цѣлями и если тамъ это содержаніе составляетъ тотъ остатокъ богословскаго матеріала, который даютъ Пастырскому Богословію другія богословскія науки,—то здѣсь, при постановкѣ, данной о. Соллертинскимъ своему труду, это душепопеченіе отступаетъ въ тѣнь и изъ пастырства Христа дѣлается абстракція, стоящая выше всякихъ историческихъ условій и лицъ, среди

коихъ оно осуществлялось. Здѣсь нѣтъ живаго объекта пастырской дѣятельности, нѣтъ разнообразія лицъ, воспитываемыхъ „въ новую тварь.“

Можетъ быть, что для полной обрисовки образа Христа, какъ пастыря, необходимо, или по крайней мѣрѣ умѣстно изложеніе Его ученія о царствѣ Божіемъ въ томъ видѣ, какъ оно дается у о. Соллертинскаго. Но дается-ли что-либо въ этомъ ученіи для современнаго пастыря и для науки Пастырскаго Богословія?—Кажется, отвѣтъ долженъ быть отрицательный, потомучто изслѣдованіе нашего профессора исключаетъ изъ своего состава всю ту сферу, въ которой какъ въ своемъ хозяйствѣ вращается эта наука. Не разработку или систематизацію христіанскаго ученія имѣетъ въ виду Пастырское Богословіе, а его преподаваніе, ставящее своею цѣлію проведеніе его въ жизнь со стороны каждаго христіанина, и руководительство вѣрующихъ въ дѣлахъ ихъ совѣсти. Для него важна личность ученика, взятая въ живой дѣйствительности, ему важны мѣры для возрожденія этой личности и ея укрѣпленія на высотѣ призванія христіанскаго. Между тѣмъ трудъ о. Соллертинскаго вмѣсто живой дѣйствительности даетъ абстракцію, вмѣсто способовъ руководства и наученія—систему истинныхъ понятій и истинныхъ цѣлей для человѣческой дѣятельности, вмѣсто индивидуума съ его волненіями и колебаніями — учителей въ лицѣ всѣхъ и каждаго изъ членовъ царства Божія.

Нельзя не замѣтить, что, изучая пастырство Христа въ отвлеченіи отъ историческихъ условій и обстоятельствъ его обнаруженія, изслѣдованіе о. Соллертинскаго впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ задачами, имъ самимъ указанными во введеніи. „Пастырское Богословіе,—говоритъ онъ,—беретъ пастырство священнаго писателя, или того лица, о которомъ повѣствуется въ Писаніи (т. е., значитъ, и Самого Христа); слѣдовательно, оно должно брать въ разсчетъ своеобразную индивидуальность его, а также и тѣ ближайшія эмпирическія условія, въ виду которыхъ совершалось его пастырское служеніе. Такимъ образомъ, оно индивидуализируетъ каждаго пастыря, такъ чтобы

ясно видѣлась та педагогика, которая принадлежитъ ему и съ которою онъ входитъ въ рядъ другихъ пастырей" (стр. 53). Противъ этого опредѣленія едвали можно что сказать, если мы будемъ разумѣть здѣсь *исторію* пастырства, на которую самъ профессоръ смотритъ какъ на науку, подготовляющую матеріалъ для построенія Пастырскаго Богословія, какъ теоріи душепопеченія (стр. 60). Но чтобы выдѣлить педагогику, принадлежащую каждому библейскому пастырю въ отличіе отъ другихъ, для этого, безъ сомнѣнія, нужно обратить исключительное вниманіе не на ту вѣчную сущность, которая ни по какому пункту не опредѣляется временемъ, когда она была обнаружена, но на живую дѣйствительность, окружавшую совершеніе того или инаго пастырскаго дѣла. Гдѣ умаляется значеніе этой живой дѣйствительности, или она отодвигается на второй планъ, тамъ долженъ затемняться самый образъ изучаемаго пастыря и его дѣятельность терять свои рельефныя, типичныя черты. Какъ бы подробно и всесторонне ни была раскрыта сущность его педагогики, но внѣ связи съ живыми лицами, на которыхъ проявлялось это душевоспитательное служеніе, оно трудно можетъ быть выдѣлено, понято и усвоено. Между тѣмъ, въ разбираемой нами книгѣ совершенно нѣтъ личности Христа, какъ Пастыря, и хотя здѣсь со всею подробностію и внимательностію анализируется Его ученіе о царствѣ Божіемъ и его законахъ, но все-же за филологіей и экзегезисомъ не видно Учителя, возвѣщавшаго это ученіе. Правда, быть можетъ, рельефной обрисовки самой педагогики Христа мы должны ждать отъ слѣдующаго выпуска разбираемаго труда, и потому это наше замѣчаніе окажется преждевременнымъ; но открыто заявленное авторомъ невниманіе къ исторической сторонѣ дѣла,—къ тому, что имѣетъ отношеніе не къ сущности, а къ реальному порядку событій,—не располагаетъ быть слишкомъ твердымъ въ этомъ ожиданіи. Впрочемъ, кажется, и ожидать этого не слѣдуетъ, ибо если основоположительная часть (имѣющаяся на лицо) содержитъ въ себѣ общее понятіе о пастырствѣ и излагаетъ ученіе о царствѣ Божіемъ, какъ

цѣли пастырства, — то вторая, т. е. методологическая часть изслѣдованія должна говорить объ условіяхъ и средствахъ достиженія этого царства, напр. о покаяніи, самоиспытаніи, молитвѣ, самоотверженіи и т. д., т. е. о тѣхъ методахъ, которые связаны закономъ логической необходимости съ сущностью пастырства, а не обусловлены живою дѣйствительностію и не зависятъ отъ временныхъ историческихъ обстоятельствъ [1]). Тѣмъ болѣе, и самъ авторъ твердо держится своего взгляда на принятую имъ задачу, ибо не смотря на то, что экзегезисъ ученія Христа о царствѣ Божіемъ по идеѣ долженъ быть *пастырскимъ* экзегезисомъ (стр. 45—46), на самомъ дѣлѣ онъ является совершенно *безотносительнымъ*. Таково, напр., толкованіе авторомъ заповѣдей блаженства, гдѣ изъ всего многоученаго аппарата, привлеченнаго къ анализу текста, пастырская наука можетъ заимствовать развѣ одни лишь выводы, да и то въ ограниченной мѣрѣ. Отсюда же объясняется и то странное обстоятельство, что въ книгѣ о. Соллертинскаго, изучающей *пастырство Христа*, мы встрѣчаемся съ такимъ неожиданнымъ явленіемъ, какъ разсужденіе по вопросу о подлинности четвертаго евангелія, полемика съ отрицательными взглядами по этому поводу, уясненіе трудныхъ библейскихъ мѣстъ, разсказовъ и изреченій, и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что для экзегезиса книга о. Соллертинскаго даетъ не мало новаго и любопытнаго, но для пастырской науки, если она должна имѣть свой самостоятельный предметъ и входить на правахъ равенства и братства въ семью другихъ богословскихъ наукъ, это изслѣдованіе предлагаетъ не то, что требуется. Затаенную цѣль своей книги авторъ указываетъ въ желаніи создать особливую науку о Главѣ христіанства, содержащую въ себѣ историческое, экзегетическое, философское и апологетическое изслѣдованіе тѣхъ данныхъ, которыя пред-

[1]) Такъ и оказывается въ дѣйствительности. Въ одной изъ своихъ послѣдующихъ статей подъ заглавіемъ: „Пастыреводительство Христа Спасителя“,— статьи, имѣющей несомнительную связь съ сочиненіемъ о пастырствѣ Христа Спасителя, о. Соллертинскій и говоритъ именно подобнымъ языкомъ, т. е. о покаяніи, къ которому прежде всего призывалъ Христосъ, о предваряющей благодати Божіей и т. д. См. „Странникъ“ 1889 г. т. Ш, стр. 511—533.

ставляетъ „Великая Книга“ [1]). Быть можетъ, въ отношенiи къ этой проэктируемой авторомъ наукѣ его книга „Пастырство Христа Спасителя“ окажется съ весьма важнымъ значенiемъ; но между наукой, имѣющей своею задачей всестороннее обслѣдованiе евангельскихъ данныхъ о Главѣ христiанства, и Пастырскимъ Богословiемъ, изучающимъ душепопеченiе, несомнѣнно должна существовать значительная разница.

Требуя новаго построенiя Пастырскаго Богословiя на библейскихъ началахъ, о. Соллертинскiй въ этой постановкѣ нашей науки видитъ возможность перевести ее изъ области прикладнаго знанiя въ теоретическую и дать ей надлежащiя руководительныя начала и правильный, т. е. съ одной стороны не абстрактный, а съ другой — и не грубо-эмпирическiй, матерiалъ (стр. 45). И на самомъ дѣлѣ въ изученiи пастырства Христа Спасителя онъ отказывается отъ всякихъ прикладныхъ цѣлей, имѣющихъ отношенiе къ послѣдующимъ пастырямъ, и предлагаетъ намъ *теоретическое ученiе* о пастырствѣ новозавѣтномъ. Положительное содержанiе, созданное трудомъ нашего профессора, пока и ограничивается только раскрытiемъ сущности пастырства, полагаемой въ ученiи о царствѣ Божiемъ и его законахъ. Но тотъ идеалъ построенiя науки, какой предносился сознанiю автора въ отдаленномъ будущемъ, конечно, не могъ допустить, чтобы наша наука всегда оставалась только при этомъ содержанiи, очень отвлеченномъ по отношенiю къ ея задачѣ. Поэтому авторъ въ принципѣ не отрицаетъ важности для пастырской науки прикладныхъ выводовъ, которые могутъ быть получены отъ изученiя пастырства библейскихъ лицъ; и эти выводы, по его мнѣнiю, будутъ достигаться тогда, когда предлагаемый имъ способъ изслѣдованiя обниметъ собою всѣ дальнѣйшiе моменты въ исторiи пастырства (стр. 60). Что въ исторiи пастырства есть многое, достойное вниманiя нашей науки, что изученiе слѣдующихъ за пастырскимъ дѣломъ

---

[1]) См. предисловiе, стр. II; ср. „Христiанское Чт.“ 1887 г., I, стр. 468 (актов. рѣчь автора: *Объясненiе Мѳ. V, 22, 38—42; VII, 1; Лук. VI, 37 у гр. Толстаго).*

Христа моментовъ въ исторіи христіанскаго пастырства обѣщаетъ дать посылки для чисто-практическихъ выводовъ,—это можно вполнѣ принять вмѣстѣ съ о. Соллертинскимъ. Но, вступая на путь исторіи и заимствуя отсюда матеріалъ для своего построенія, пастырская наука не засвидѣтельствуетъ-ли самымъ дѣломъ невозможность создать её на одномъ только библейскомъ основаніи и не признаетъ-ли она взятый изъ Библіи матеріалъ недостаточнымъ для отвѣта всей полнотѣ ея задачъ? Уже самая возможность исторіи пастырства говоритъ за то, что пастырское служеніе одного времени не вполнѣ подобно пастырству другой эпохи, и что въ исторію пастырства, какъ и вообще во всякую исторію, входятъ моменты разнообразія и развитія. Такимъ образомъ, если для построенія пастырской науки необходимо изучать исторію пастырства, то эта необходимость можетъ касаться не вѣчной, неизмѣнной сущности пастырскаго служенія, а именно разнообразящихъ ея выраженіе моментовъ. Дѣлая отсюда простой выводъ, мы должны будемъ признать, что и въ пастырствѣ настоящаго времени всегда находятся элементы, не данные въ предшествовавшемъ моментѣ пастырской исторіи, которые индивидуализируютъ дѣятельность пастырей этого именно момента и вынуждаютъ ихъ къ педагогикѣ, принадлежащей именно кому-либо изъ нихъ и обусловленной эмпирическими обстоятельствами, лежащими въ живой дѣйствительности [1]). Какова должна быть эта педагогика?—вотъ вопросъ, весьма важный какъ для пастыря, такъ и для науки о его душепопечительной дѣятельности. На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить общимъ ученіемъ о сущности пастырства и вообще путемъ теоріи, имѣющей въ своемъ распоряженіи лишь принципіальныя данныя для опредѣленія пастырскаго служенія, но пользующейся ими въ отвлеченіи отъ жизненныхъ условій,—нельзя, потому что самый вопросъ создается историческими обстоятельствами и обусловленъ эмпирическими данными, въ соотвѣтствіи съ которыми и долженъ быть

[1]) Сравн. „Паст. Христа Спасителя“, стр. 53.

обсуждаемъ. Несомнѣнно, что исторія, включающая въ себя опытъ многихъ лицъ и вѣковъ, дастъ существенную помощь въ отвѣтахъ на вопросы, создаваемые современною практикою пастырскаго служенія; но чтобы найти необходимые отвѣты въ исторіи, для этого надобно имѣть уже раціональныя основанія, созданныя изученіемъ свойствъ человѣческой природы и способовъ дѣйствія на нее, — нужно имѣть критерій. Такимъ образомъ, полное построеніе науки Пастырскаго Богословія на библейскихъ началахъ оказывается недостижимымъ въ виду практическихъ задачъ пастырскаго служенія, имѣющаго дѣло не съ общими понятіями, а съ живой дѣйствительностью. По сознанію самого автора „Пастырства Христа Спасителя,“ такое построеніе можетъ осуществиться лишь въ томъ случаѣ, когда изучены будутъ всѣ дальнѣйшіе моменты христіанскаго пастырства, когда, слѣдовательно, приняты будутъ во вниманіе иные источники, оставленные въ наслѣдство нашей наукѣ въ опытѣ и трудахъ прошедшихъ вѣковъ.

„Записки по Пастырскому Богословію.“

Сост. Архим. Борисъ. Кіевъ 1890—1891 г.г.

Изученіе отечественныхъ трудовъ въ области Пастырскаго Богословія за послѣднее десятилѣтіе убѣдило насъ въ томъ, что методъ, принятый проф. Соллертинскимъ для начертанія пастырства Христа Спасителя, остался безъ подражателей и предложенный имъ планъ новаго, изначальнаго построенія пастырской науки ждетъ еще своихъ выполнителей [1]). Правда, спеціалисты этой области знаютъ прекрасно научную цѣнность „Пастырства Христа Спасителя“ и отдаютъ всяческое уваженіе его автору за примѣненіе критико-экзегетическаго метода въ этомъ трудѣ. Такъ, напр., если мы предоставимъ имъ самимъ высказаться по данному пункту, то услышимъ, между прочимъ,

---

[1]) Единственнымъ исключеніемъ изъ нашего положенія явился опытъ примѣненія этого метода къ изложенію *пророческаго* служенія Христа Спасителя, сдѣланный однимъ изъ учениковъ почтеннаго профессора, о которомъ мы уже упоминали (см. стр. 314—315 нашей книги), въ сочиненіи: „*Пастыреначальникъ Господь Іисусъ Христосъ и Его Святые Апостолы*“ (сначала печаталось статьями въ журналѣ „Странникъ“ за 1890 г. и вышло отдѣльной книгой въ 1891 г., СПБ.). Но исключеніе, къ сожалѣнію, не оказалось счастливымъ, ибо когда это сочиненіе было представлено авторомъ въ Учебный Комитетъ съ просьбой одобрить его для ученическихъ и фундаментальныхъ библіотекъ духовныхъ семинарій, то Комитетъ, принимая во вниманіе весьма крупные недостатки въ содержаніи и изложеніи сего сочиненія, призналъ его „совершенно непригоднымъ для библіотекъ духовно-учебныхъ заведеній и по заключенію своему, утвержденному г-номъ оберъ-прокуроромъ Св. Сѵнода 30 мая 1891 г., нашелъ полезнымъ объявить циркулярно по духовно-учебному вѣдомству, что это сочиненіе не должно быть пріобрѣтаемо въ библіотеки духовно-учебныхъ заведеній“ („Циркуляръ по духовно-учебному вѣдомству“ 1892 г., № 10, стр. 13). Такимъ образомъ, можетъ быть, для репутаціи метода было-бы лучше, если бы этого опыта его примѣненія совершенно не было.

слѣдующее: „Пастырское Богословіе основывается прежде всего на ученіи и дѣятельности Господа Іисуса Христа, записанныхъ въ Евангеліи. Здѣсь для Пастырскаго Богословія открывается первая и важнѣйшая изъ задачъ—раскрыть и уяснить вопросъ о пастырствѣ Христа Спасителя, какъ Основателя христіанскаго пастырства и примѣра для всѣхъ пастырей на всѣ времена. Задача эта можетъ казаться легкою для всякаго, кто самъ не пробовалъ рѣшать ее и потому совершенно не знакомъ ни съ литературою, существующею по этому вопросу, ни съ методами, какими можно и должно пользоваться здѣсь для достиженія цѣли. Здѣсь по необходимости приходится вступить на путь пастырской экзегетики, а *насколько дѣло это сложное и нелегкое, достаточно показываетъ капитальный трудъ уважаемаго профессора протоіерея С. А. Соллертинскаго, пока единственный солидный опытъ въ этомъ родѣ въ нашей литературѣ. Можетъ - ли быть мѣсто для критическаго элемента при рѣшеніи этой задачи Пастырскаго Богословія, или, вѣрнѣе сказать, можно-ли обойтись безъ него, это лучше всего видно опять изъ того-же труда, къ которому мы и отсылаемъ всѣхъ, интересующихся этимъ вопросомъ*“ [1]). Такимъ образомъ, сочиненіе о. Соллертинскаго признается *капитальнымъ, единственнымъ въ нашей литературѣ солиднымъ опытомъ сложнаго и нелегкаго труда пастырской экзегетики Св. Писанія и наилучшимъ доказателемъ необходимости для метода подобныхъ работъ критическаго элемента*. Конечно, мы менѣе всякаго другаго будемъ спорить по поводу указаннаго взгляда на изслѣдованіе нашего профессора и его методъ. Но нельзя не замѣтить, что подобный отзывъ, насколько намъ извѣстно, есть точно такъ-же единственный въ нашей литературѣ. Мы не хотимъ сказать, что другіе отзывы сдѣланы не такъ одобрительно, но что мы ихъ не знаемъ совершенно. Конечно, можетъ быть, это не дѣлаетъ намъ чести, но во всякомъ случаѣ нужно считаться съ фактомъ, что „Пастырство Христа

---

[1]) „Пастырское Богословіе и Педагогика въ курсѣ наукъ духовныхъ академій“ *Н. К. Маккавейскаго* („Труды кіевск. дух. академіи“ 1898 г., февраль, стр. 207).

Спасителя" не упоминается даже тамъ, гдѣ въ числѣ пособій къ изученію Пастырскаго Богословія указывается *Поученіе святительское къ новопоставленному іерею* (1843 г.), *Письма о должностяхъ священнаго сана* А. Стурдзы, *Взглядъ съ практической стороны на жизнь священника* о. Богословскаго (1860 г.), *Памятная Книжка для священника* (1860 г.), *Уроки практическаго руководства для пастырей* прот. Громова (1873 г.), *Практическое руководство для пастырей* свящ. Хорошунова (1879 г.), *Изъ уроковъ по практическому руководству для пастырей* М. Чепика (1883 г.) и даже журнальныя статьи [1]). Имя профессора встрѣчается *лишь случайно* въ пасторологическихъ трудахъ его ближайшихъ учениковъ [2]) и снова совершенно отсутствуетъ въ ближайшемъ къ нему по времени сочиненіи, которое мы назвали въ началѣ нашей настоящей рѣчи.

Записки по Пастырскому Богословію мы поставили рядомъ съ *Пастырствомъ Христа Спасителя* отнюдь не случайно и не потому только, что авторъ ихъ служилъ въ с.-петербургской академіи одновременно съ о. Соллертинскимъ [3]). Связь между ними гораздо существеннѣе и, по нашему первому взгляду, состоитъ въ общности содержанія и въ аналогичности метода изслѣдованія или формы. Именно, въ то время какъ прот. Соллертинскій самымъ тщательнымъ образомъ въ пасторологическомъ смыслѣ толкуетъ имя „*Сынъ Человѣческій*" (стр. 60—117), архим. Борисъ весьма внимательно изъясняетъ спеціальныя наименованія непосредственныхъ преемниковъ Божественнаго Пастыря — *Сына Человѣческаго*, т. е. *ἀπόστολος*,

---

[1]) Напр. въ учебной программѣ по предмету „Практическаго руководства для пастырей", въ „Запискахъ по Пастырскому Богословію" архим. Бориса, и др.

[2]) Въ статьяхъ о. Ранинскаго (оконч. курсъ с.-петербургской академіи въ 1886 г.) мы нашли такое упоминаніе въ „Странникѣ" 1890 г., т. II, стр. 428, но у преосвящ. Антонія (Храповицкаго, оконч. курсъ той же академіи въ 1885 г.)— его совершенно нѣтъ.

[3]) Архим. Борисъ (Владиміръ Плотниковъ) окончилъ курсъ казанской дух. академіи въ 1880 г., затѣмъ служилъ преподавателемъ томской дух. семинаріи (1880—1884 г.) и казанской академіи (1884—1886 г.), инспекторомъ и профессоромъ московской академіи (1886 — 1888 г.), ректоромъ кіевской семинаріи (1888 — 1891 г.), ректоромъ петербургской академіи (1891 — 1893 г.) и нынѣ состоитъ начальникомъ русской миссіи въ Константинополѣ (съ 1893 г.).

προφήτης, δυνάμεις, χαρίσματα ἰαμάτων, γένη γλωσσῶν, ἀντιλήψεις, κυβερνήσεις, εὐαγγελιστής, ποιμένες καὶ διδάσκαλοι, πρεσβύτερος, ἐπίσκοπος, οἰκονόμος, ἄγγελος, συνεργός Θεοῦ, ἀρκιτέκτων, στρατιώτης Ἰησοῦ Χριστοῦ и *διάκονος* [1]). Затѣмъ, какъ авторъ „Пастырства Христа Спасителя“ посредствомъ своего послѣдовательно проведеннаго метода надѣется дать посылки для практической дѣятельности пастыря по примѣру Христа Спасителя (стр. 60), такъ точно и авторъ „Записокъ“ весьма опредѣленно и настойчиво указываетъ пастырю этотъ высочайшій и единственный примѣръ для подражанія въ дѣятельности. „Истина эта извѣстна всѣмъ, — говоритъ онъ, — но важность ея столь велика, что она должна быть утверждена въ умѣ пастыря прежде и глубже всякихъ другихъ истинъ. Правда, характеръ Іисуса Христа не допускаетъ полнаго приравненія Его къ людямъ во всѣхъ отношеніяхъ; тѣмъ не менѣе Онъ былъ истинный человѣкъ“, и апостолы не боялись видѣть въ Немъ образецъ для себя, какъ для пастырей. А потому и нынѣшніе пастыри, минуя Павла, Петра, Іоанна и другіе человѣческіе примѣры, должны взирать непосредственно на Іисуса Христа, какъ на образецъ для себя [2]). Прежде всего,—по мысли автора,—Христосъ можетъ быть примѣромъ для пастыря *какъ учитель*. Ученіе Христа было живымъ обращеніемъ къ отдѣльнымъ лицамъ,—слѣдовательно ученіе пастыря должно имѣть непосредственное отношеніе такъ-же къ отдѣльнымъ личностямъ. Ученіе Христа со стороны способовъ сообщенія его человѣку сводилось къ тому, что слово жизни вливалось въ душу слушателя скорѣе какъ сѣмя, чѣмъ какъ вполнѣ развитая истина, а затѣмъ уже душа сама, по мѣрѣ своего развитія и жизни, хотя и не безъ помощи свыше, усвояла и возращала въ себѣ эту истину до ея зрѣлости. Такъ, очевидно, долженъ поступать и пастырь. Правда,

---

[1]) „Записки по Пастырскому Богословію“, вып. I, стр. 9—41. Кіевъ 1891 г.— Все сочиненіе первоначально печаталось въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ 1890—1891 г.г. и затѣмъ вышло отдѣльной книгой: выпуски I и II—въ 1891 г., III и IV—въ 1892 г.

[2]) „Записки по Пастырскому Богословію“, вып. I, стр. 42—43.

въ ученіи Христа есть такія черты, которыя не могутъ быть предметомъ подражанія для пастырей, какъ напр. непогрѣшимое утвержденіе истины на Своемъ собственномъ авторитетѣ и дѣйствія чудесной силы, сопровождавшія Его служеніе; но въ общихъ методахъ ученія, въ его простотѣ, естественности, приспособительности къ слушателямъ, въ его мягкости и снисходительности мы должны ставить Христа своимъ образцомъ (стр. 43—45).— Вторая черта пастырства Христова, доступная для подражанія современнымъ пастырямъ, есть *нравственно безупречный характеръ Христа.* Сила Его, какъ руководителя и пастыря людей, проистекала изъ того факта, что Онъ „былъ безъ грѣха". Къ этому долженъ стремиться и каждый служитель Христова Евангелія (стр. 45). — Затѣмъ для пастыря необходимо имѣть, по примѣру Христа, *истинное состраданіе къ людямъ*, ибо именно этимъ путемъ можно смирить гордыхъ, утѣшить несчастныхъ, исправить порочныхъ, просвѣтить во тьмѣ сѣдящихъ (стр. 45—48). Наконецъ, пастырю долженъ быть присущъ *духъ самопожертвованія*, по образу Спасителя, самопожертвованіе Котораго простиралось до полнаго посвященія Себя на служеніе людямъ, до положенія за нихъ жизни Своей (стр. 48). Необходимость божественнаго призванія къ пастырству точно также выводится изъ примѣра Іисуса Христа, Который относилъ къ Себѣ мѣсто изъ Исаіи LXI, 1, Который крестился, чтобы Его призваніе было засвидѣтельствовано съ неба (Мѳ. III, 16—17), и неоднократно указывалъ на Свое призваніе проповѣдывать Евангеліе (Мѳ. XVII, 5; Іоан. XII, 48—50), а затѣмъ призвалъ къ тому-же и учениковъ Своихъ, когда сказалъ имъ: „якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы" (Іоан. XX, 21), и т. д.

Повидимому, сходство и преемственность между системами проф. Соллертинскаго и архим. Бориса весьма существенны. Почему-же, однако, *Записки* не знаютъ имени своего прототипа, т. е. *Пастырства Христа Спасителя?* — Отвѣтъ очень простой, но не сразу дающійся: *сходство между ними только кажущееся съ перваго взгляда.* Хотя и

трудно замѣтить это обстоятельство, но когда внимательно относятся къ дѣлу, то сходство само собою отступаетъ на задній планъ, тогда какъ впередъ выдвигаются весьма существенныя разности и особенности трудовъ того и другаго автора. Такъ, если у проф. Соллертинскаго предметомъ его собственнаго изслѣдованія и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлой науки Пастырскаго Богословія считается пастырство Христа Спасителя и при раскрытіи этого предмета критико-экзегетическимъ методомъ не видно не только современнаго пастыря, но и Того, Кому принадлежитъ самая разбираемая дѣятельность, то, напротивъ, у архим. Бориса на первомъ планѣ вездѣ является живая личность и предметомъ науки Пастырскаго Богословія считаются нравственныя качества и обязанности пастыря Церкви [1]). Поэтому, если „Пастырство Христа Спасителя" трактуетъ свой предметъ въ самомъ строгомъ отвлеченіи отъ условій какой-либо личной индивидуальности или исторической своеобразности момента, то въ „Запискахъ" преслѣдуется совершенно обратная цѣль, которая состоитъ въ томъ, чтобы, во 1-хъ, показать, каковъ долженъ быть живой пастырь Церкви самъ по себѣ (т. е. раскрыть и выяснить идеалъ пастырской нравственности, который долженъ осуществляться въ жизни каждаго пастыря, такъ чтобы жизнь эта сама по себѣ, независимо отъ пастырской дѣятельности, могла служить образцомъ для подражанія и возбуждать въ пасомыхъ стремленіе къ собственному нравственному усовершенствованію и къ устроенію своего спасенія), и, во 2-хъ, разъяснить то, какъ пастырь долженъ совершать свое дѣло среди пасомыхъ [2]). *И лишь только тамъ, гдѣ это оказывается возможнымъ, для наибольшей авторитетности выставляемыхъ имъ научныхъ положеній, авторъ приводитъ соотвѣтственный примѣръ изъ пастырства Спасителя, по большей части присоединяя къ этому и другія основанія—мѣста изъ Св. Писанія, примѣръ апостоловъ, иногда св. отцевъ, наконецъ данныя разума и опыта.*

---

[1]) „Записки по Паст. Богосл.", вып. I, prolegomena.

[2]) Тамъ-же.

Но что же это значитъ? Вѣдь, это — слова самого проф. Соллертинскаго, которыми онъ характеризуетъ *примѣрный* методъ изложенія пастырства Спасителя[1])! Но поелику профессоръ относится къ этому методу отрицательно, то оказывается совершенно необходимымъ логическое слѣдствіе, что и трудъ архим. Бориса, какъ одинъ изъ образчиковъ примѣрнаго метода, онъ долженъ отрицать. Такимъ образомъ, о существенномъ сходствѣ между „Пастырствомъ Христа Спасителя“ и „Записками“ съ этого момента не можетъ быть и рѣчи: профессоръ Соллертинскій снова остается одинъ, тогда какъ архим. Борисъ открыто становится на сторону примѣрнаго метода изложенія пастырства Христова и чрезъ это присоединяется, съ одной стороны, къ своимъ предшественникамъ,— ближе всего къ проф. Пѣвницкому,—съ другой—къ последующимъ пастораластамъ, или точнѣе—къ преосвященному Антонію (Храповицкому). Къ первому онъ близокъ по основнымъ пунктамъ своего сочиненія, ко второму—въ конечныхъ выводахъ. Такъ, напоминая собою „Основные пункты въ ученіи о пастырскомъ служеніи“ проф. Пѣвницкаго, „Записки“ въ первомъ своемъ выпускѣ прежде всего излагаютъ *естественныя основанія пастырскаго служенія въ человѣческомъ духѣ и его всеобщность въ человѣческомъ родѣ* [2]); затѣмъ онѣ говорятъ *о божественномъ установленіи пастырскаго служенія*, о наименованіяхъ его въ Св. Писаніи и его первомъ Совершителѣ, какъ идеальномъ примѣрѣ для всякаго пастыря[3]); далѣе въ нихъ, какъ и въ *Основныхъ пунктахъ*, указывается необходимость призванія къ пастырству[4]) и признаки этого призванія[5]); еще далѣе идетъ рѣчь *объ испытаніяхъ и трудностяхъ, встрѣчающихся въ пастырскомъ служеніи*[6]) и, наконецъ, *о радо-*

---

[1]) „Пастырство Христа Спасителя,“ стр. 3.

[2]) „Записки по Пастырскому Богословію“, вып. I, стр. 1 — 9; ср. „Священство. Основные пункты въ ученіи о пастырскомъ служеніи“, стр. 2—11.

[3]) „Записки“, стр. 9—48; „Священство“, стр. 11—45.

[4]) „Записки“, стр. 48—58: „Священство“, стр. 99—101.

[5]) „Записки“, стр. 58 — 68: „Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника“, стр. 19—40.

[6]) „Записки“, стр. 68—78: „Священство“, стр. 45—97.

стяхъ и наградахъ, ожидающихъ пастыря[1]).—Содержаніемъ *втораго выпуска* „Записокъ" является внутренній міръ пастыря и средства для его усовершенія, именно: общія духовныя качества, необходимыя для пастыря Церкви (стр. 1—6), чтеніе Св. Писанія и религіозныя размышленія пастыря (стр. 6 — 14), уединенная молитва пастыря (стр. 14—19), умственное самообразованіе (стр. 19—33) и нравственное самовоспитаніе его (стр. 33 — 46). Указанныя рубрики „Записокъ" архим. Бориса не имѣютъ себѣ прямо соотвѣтствующихъ параграфовъ въ сочиненіяхъ проф. Пѣвницкаго, но содержаніе ихъ весьма сходно съ его книгой „Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника", или точнѣе — съ первой ея половиной (стр. 1 — 97), гдѣ желающіе сами очень легко могутъ провѣрить нашу мысль. Гораздо яснѣе замѣтно совпаденіе *третьяго* выпуска „Записокъ" со второй половиной книги проф. Пѣвницкаго: „Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника". Содержаніе этого выпуска слѣдующее: „о домашней жизни пастыря Церкви"[2]), „объ отношеніи пастыря Церкви къ мірскимъ удовольствіямъ и развлеченіямъ"[3]), „общія требованія отъ поведенія пастыря Церкви въ отношеніи къ обществу"[4]) и „отношеніе пастыря Церкви къ общественной жизни"[5]).—*Четвертый* выпускъ „Записокъ" еще болѣе близко подходитъ къ сочиненію проф. Пѣвницкаго: „Служеніе священника въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ". Такъ, самое начало выпуска подъ заглавіемъ: „пастырское попеченіе о пасомыхъ" (стр. 1—18) имѣетъ себѣ полное соотвѣтствіе въ первомъ же параграфѣ названной книги проф. Пѣвницкаго подъ рубрикой: „пастырская попечительность о пасомыхъ" (стр. 1 — 15); далѣе у архим. Бориса идетъ рѣчь „о пастырскихъ посѣщеніяхъ" (стр.

---

[1]) „Записки", стр. 78—83: „Священство", стр. 102—120.

[2]) „Записки", вып. III, стр. 1—7; ср. „Священникъ", стр. 98—107; 156—222.

[3]) „Записки", стр. 7—13: „Священникъ", стр. 107—156.

[4]) „Записки", стр. 13—30: „Священникъ", стр. 94—98; 222 — 259; ср. „Служеніе священника въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ", стр. 179—186.

[5]) „Записки", стр. 30—36: „Священникъ", стр. 259—264.

18—51): тоже у проф. Пѣвницкаго подъ заглавіемъ: „пастырскія посѣщенія“ (стр. 35—53); въ „Запискахъ“ слѣдуетъ „попеченіе пастыря Церкви о больныхъ“ (стр. 51—68): въ „Служеніи священника“ ему соотвѣтствуетъ отдѣлъ: „пастырь Церкви при постелѣ больнаго“ (стр. 230—275); въ первомъ случаѣ указывается „попеченіе пастыря о пораженныхъ скорбію“ (стр. 68 — 77): во второмъ — „пастырь Церкви въ домѣ скорби“ (стр. 275—297); наконецъ, здѣсь слѣдуетъ „попеченіе пастыря Церкви о невѣрующихъ и нераскаянныхъ“ (стр. 77 — 85): тамъ одинъ изъ параграфовъ говоритъ точно такъ-же объ „отношеніи пастыря Церкви къ невѣрующимъ“ (стр. 380—404) и вообще грѣшникамъ (стр. 579—630).

Такимъ образомъ, содержаніе всѣхъ четырехъ выпусковъ „Записокъ по Пастырскому Богословію“ весьма близко напоминаетъ пасторологическія сочиненія проф. В. Ѳ. Пѣвницкаго, о которыхъ мы уже говорили ранѣе[1]). Но такое совпаденіе совсѣмъ не означаетъ того, будто „Записки“ прямо берутъ свой матеріалъ у своего предшественника. На самомъ дѣлѣ отношеніе „Записокъ“ къ трудамъ нашего профессора нисколько не ближе, чѣмъ отношеніе ихъ къ трудамъ *почти всѣхъ* нашихъ отечественныхъ пасторалистовъ XIX вѣка, и онѣ въ одинаковой мѣрѣ напоминаютъ собою не только взгляды проф. Пѣвницкаго, но и пасторологію „Руководства для сельскихъ пастырей“, и взгляды архіепископа Платона (Ѳивейскаго), и архим. Кирилла (Наумова), и „Письма“ Стурдзы, и „Христіанское Чтеніе“, и „Книгу о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“, и „Духовный Регламентъ“ и т. д. Мы думаемъ, что для доказательства нашей мысли не нужно и справокъ, ибо она сама собою очевидна для всякаго, кто знакомъ съ указанными сочиненіями въ подлинникахъ, или по какимъ - либо побужденіямъ принялъ на себя трудъ прочитать нашу настоящую книгу.

Впрочемъ, справедливость не даетъ намъ права думать, что „Записки“ повторяютъ только зады и не

---

[1]) См. стр. 299—311 настоящ. книги.

прибавляютъ ничего новаго къ пасторологическому матеріалу предшествующаго времени. Какъ новость, хотя и относительную, въ „Запискахъ“ слѣдуетъ отмѣтить своеобразность языка, состоящую въ какой-то нетвердости, неясности и иногда неправильности оборотовъ (напоминающую переводную рѣчь), и отдѣлъ о наименованіяхъ пастырей Церкви[1]). Но этотъ послѣдній отдѣлъ и указанная своеобразность языка, послѣ весьма небольшихъ усилій, заставляютъ насъ приблизить все сочиненіе архим. Бориса не къ кому-либо изъ нашихъ отечественныхъ пасторалистовъ, а къ одному изъ пасторалистовъ—иностранцевъ, у котораго онъ является точно такъ-же весьма оригинальнымъ и замѣтнымъ. Мы имѣемъ въ виду англійское сочиненіе подъ заглавіемъ: „Pastoral Theology by James M. Hoppin, D. D., Professor of the History of Art and late of Homiletics and Pastoral Theology in Vale College, London 1884“[2]). Правда, и самъ авторъ въ своихъ *prolegomen*'ахъ сознается, что главнымъ изъ пособій на иностранныхъ языкахъ при составленіи „Записокъ“ была именно эта книга Hoppin's (стр. IV). Поэтому намъ остается только поближе указать степень совпаденія этихъ двухъ сочиненій, причемъ для нашей цѣли вполнѣ достаточнымъ почитаемъ сопоставить, хотя въ главныхъ пунктахъ, ихъ содержаніе.

„PASTORAL THEOLOGY“ OF HOPPIN'S:	*„ЗАПИСКИ ПО ПАСТЫРСКОМУ БОГОСЛОВІЮ“ АРХИМ. БОРИСА:*
PART FIRST.	ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.
— The Pastoral Office Founded in Nature . . . pp. 13—23.	— Естественныя основанія пастырскаго служенія въ человѣческомъ духѣ и его всеобщность въ человѣческомъ родѣ . . . . . стр. 1—9.
— Divine Institution of the Pastoral Office. . pp. 23- 28.	— Божественное установленіе пастырскаго служенія. стр. 9—11.

[1]) „Записки“, вып. 1, стр. 9—41.

[2]) У насъ подъ руками было четвертое изданіе этой системы (London 1898).

[1]) Part fourth англійскаго подлинника не имѣетъ для себя соотвѣтствующаго отдѣла въ „Запискахъ", вѣроятно потому, что содержаніе этой части литургическое, именно: „понятіе объ общественномъ богослуженіи и его формѣ (стр. 224), литургія (стр. 233), день Господень (стр. 248), храмъ (стр. 283), церковная музыка (стр. 305), проповѣдь (стр. 321), веденіе молитвенныхъ собраній (стр. 344), крещеніе и вечеря Господня (стр. 354), бракъ и погребеніе" (стр. 382).

— Pastoral Visiting . . p. 402.	— О пастырскихъ посѣщеніяхъ. . . . . стр. 18.
— Care of the Sick and the Afflicted . . . . . . p. 420.	— Попеченіе пастыря Церкви о больныхъ . . . . стр. 51.
	— Попеченіе пастыря Церкви о пораженныхъ скорбію. стр. 68.
— Treatment of Different Classes: the Unbelieving and Impenitent. . . . . p. 438.	— Попеченіе пастыря Церкви о невѣрующихъ и нераскаянныхъ. . . . стр. 77—85.

Если читатель внимательно прослѣдитъ указанное нами отношеніе „Записокъ“ къ англійскому сочиненію Hoppin's, то, полагаемъ, онъ безъ всякихъ съ нашей стороны дальнѣйшихъ объясненій получитъ возможность установить цѣнность труда архим. Бориса и значеніе его для русской науки [1]).

---

[1]) Въ англійской Pastoral Theology есть еще Part Sixth (шестая часть) подъ заглавіемъ: The pastor in his relations to the Church.

„Письма къ пастырямъ

о нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ сторонахъ пастырскаго дѣланія".

4-го Дек. 91.

Милость Божія буди съ Вами!

Благодарю за книжку—„Письма къ пастырямъ". Прочиталъ съ удовольствіемъ. Она достойна всякаго вниманія, и по предметамъ и по направленію. Образъ изложенія мыслей немного неудобенъ. Мысли не на ладонкѣ. Если-бы г-да студенты 3 — 5 изъ большаковъ разобрали по частямъ книжку и всякій изложилъ бы простою рѣчью содержаніе доставшейся ему части: тогда отчетно увидѣли-бы, чего стоитъ сія книжка.

Надо желать, чтобы кто-нибудь составилъ Пастырское Богословіе по нормѣ „Писемъ" сихъ. Была бы это драгоцѣнная находка для пастырей, давая имъ надлежащее руководство для ихъ пастырской дѣятельности...

Благослови Васъ, Господи!

Е. Ѳеофанъ.

Настоящее письмо, какъ видно изъ его содержанія, было отвѣтомъ преосвященнаго епископа Ѳеофана (Говорова), въ Бозѣ почившаго затворника Вышенской обители, одному изъ многочисленныхъ его корреспондентовъ, который прислалъ владыкѣ только-что напечатанныя тогда *„Письма къ пастырямъ о нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ сторонахъ пастырскаго дѣланія"* [1]). Но авторъ самыхъ *„Писемъ"* скрылъ свое имя подъ иниціалами *„С. С. Б."*, которые, по нашему предположенію, представляютъ сокра-

---

[1]) *„Письма къ пастырямъ"* первоначально были помѣщены въ журналѣ „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія" за 1891 г., отд. I, полугодіе 2; затѣмъ, въ томъ-же году они появились отдѣльнымъ изданіемъ (Москва), а въ 1898 г. изданы вторично (Казань). Написанный по поводу

щеніе словъ: *служитель Слова Божія.* Однако даже если такая догадка и вѣроятна, то личности автора она все-же не обнаруживаетъ. Ея значеніе мы полагаемъ въ томъ, что своею необычностью она способна вызвать другую догадку, именно, что авторъ *„Писемъ“* знакомъ съ сочиненіемъ проф. Соллертинскаго, о которомъ мы уже много говорили. Въ „Пастырствѣ Христа Спасителя“, указывая основаніе, которымъ руководствовался Іисусъ Христосъ при выборѣ Себѣ наиболѣе соотвѣтствующаго имени (*„Сынъ Человѣческій“*), проф. Соллертинскій, между прочимъ, замѣчаетъ: „когда человѣкъ *отожествляется* съ извѣстнымъ дѣломъ, то онъ и мыслитъ о себѣ самомъ главнымъ образомъ съ точки зрѣнія этого дѣла. Онъ подыскиваетъ себѣ такое наименованіе, въ которомъ прямо указывается его тѣснѣйшая связь съ излюбленнымъ дѣломъ и полное нежеланіе, чтобы его личность представляли внѣ связи съ послѣднимъ“ [1]). Отсюда въ сознаніи человѣка, читающаго эти слова, можетъ весьма легко явиться предположеніе, что наименованіе себя *служителемъ Слова Божія* свидѣтельствуетъ о знакомствѣ автора *„Писемъ“* съ „Пастырствомъ Христа Спасителя“ и представляетъ собою доказательство согласія его съ авторомъ „Пастырства Христа Спасителя.“ Но предположеніе готово сдѣлаться фактомъ, если будетъ доказано, что согласіе между обоими авторами существуетъ не только по одному этому частному пункту, а и въ принципіальныхъ точкахъ зрѣнія на предметы ихъ работъ. Доказать же это весьма легко. Въ системѣ проф. Соллертинскаго, какъ мы видѣли, содержаніемъ Пастырскаго Богословія является исключительно экзегезисъ евангельскаго текста съ цѣлію опредѣлить служеніе пастырское, какъ проповѣдь о царствѣ Божіемъ и его законахъ, или какъ сооб-

---

„Писемъ“ отзывъ преосв. Ѳеофана былъ адресованъ племяннику его, тогда студенту, а нынѣ доценту московской духовной академіи *Ивану Дмитріевичу Андрееву*, которому мы считаемъ своимъ долгомъ выразить здѣсь нашу глубокую благодарность за указаніе и за любезное содѣйствіе въ отысканіи письма преосвященнаго Ѳеофана. Насколько намъ извѣстно,—письмо это появляется теперь въ печати *въ первый разъ*.

[1]) „Пастырство Христа Спасителя“, стр. 61—62.

щеніе людямъ истинныхъ понятій и истинныхъ цѣлей для человѣческой дѣятельности. Въ тоже время авторъ „*Писемъ*“, опредѣляя предметъ своего труда, говоритъ такъ: „намъ предлежитъ изложить *по источникамъ Божественнаго Откровенія* христіанское понятіе о самомъ дѣлѣ пастырскомъ съ тѣхъ сторонъ, которыя остаются неотмѣченными въ нашихъ руководствахъ по данному предмету, а также раскрыть ту, давно предсказанную въ Божественномъ Откровеніи и въ исторіи Церкви, участь, которая ожидаетъ въ сей жизни пастыря и его *христіанскую проповѣдь*. Такимъ образомъ,—продолжаетъ онъ,— у насъ собственно получается изложеніе богооткровенныхъ *началъ царства Божія*, зарождающагося въ душѣ человѣка и затѣмъ выступающаго на борьбу съ ветхимъ міромъ въ качествѣ общественной или духовной силы; эти-то начала мы и будемъ сравнивать съ тѣми представленіями, коими руководятся современные служители Церкви“ [1]). Такимъ образомъ, и въ „*Письмахъ къ пастырямъ*“ источникомъ сужденій о пастырскомъ служеніи признается Божественное Откровеніе, т. е. тотъ-же евангельскій текстъ, какъ у профѳ. Соллертинскаго; содержаніемъ этихъ сужденій является христіанская проповѣдь о богооткровенныхъ началахъ царства Божія, что̀ у о. Соллертинскаго обозначено терминомъ: *учительство, состоящее въ сообщеніи людямъ системы истинныхъ понятій и истинныхъ цѣлей для человѣческой дѣятельности, или въ разъясненіи понятія о царствѣ Божіемъ и его законахъ*. Такое сходство принципіальныхъ точекъ зрѣнія на служеніе пастырское даетъ основаніе заключать, что авторъ „*Писемъ*“ весьма близко знакомъ съ „Пастырствомъ Христа Спасителя“, а его намѣреніе *дополнить ученіе о пастырствѣ съ тѣхъ сторонъ, которыя остаются неотмѣченными въ нашихъ руководствахъ по этому предмету*, свидѣтельствуетъ и о томъ, что онъ считаетъ себя вполнѣ солидарнымъ съ профѳ. Соллертинскимъ и желаетъ быть его продолжателемъ и восполнителемъ.

---

[1]) „Письма къ пастырямъ о нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ сторонахъ пастырскаго дѣланія“, изд. 2 (Казань), стр. 6.

I.

Она (т. е. книжка „Письма къ пастырямъ“) достойна всякаго вниманія, и по предметамъ и по направленію. Образъ изложенія мыслей немного неудобенъ. Мысли не на ладонкѣ.

Если-бы г-да студенты 3—5 изъ большаковъ разобрали по частямъ книжку и всякій изложилъ-бы простою рѣчью содержаніе доставшейся ему части: тогда отчетно увидѣли-бы, чего стоитъ сія книжка.

Е. Ѳеофанъ.

Вполнѣ соглашаясь съ отзывомъ почившаго святителя о „*Письмахъ къ пастырямъ*“, какъ о такихъ, которыя заслуживаютъ всякаго вниманія, мы дѣлаемъ опытъ изложенія ихъ содержанія если не простою,—какъ желаетъ того преосвященный Ѳеофанъ, — то по крайней мѣрѣ краткою рѣчью.

Письмо I.—Авторъ выходитъ изъ того положенія, что источникомъ различныхъ недоумѣнныхъ вопросовъ, о которыхъ говорятъ „*Письма*“, а также и разныхъ неудачъ и ошибокъ въ современномъ пастырскомъ дѣланіи, служитъ разность во взглядахъ на пастырство у духовенства и мірянъ, причемъ фактъ этотъ онъ доказываетъ многочисленными примѣрами, взятыми прямо съ живыхъ и, кажется, непосредственно знакомыхъ автору лицъ. Очевидно, что для разрѣшенія какъ недоумѣнныхъ вопросовъ, такъ и для предотвращенія неуспѣховъ и неудачъ въ служеніи пастырскомъ, слѣдуетъ ознакомить духовенство и общество съ истиннымъ понятіемъ о пастырствѣ и восполнить неполноту этого понятія, существующую въ литературѣ и наукѣ, а затѣмъ — истинное понятіе о пастырствѣ сравнить съ тѣми пасторологическими представленіями, которыя находятся уже въ общественномъ обращеніи (стр. 1—6 по 2 изд.).

Письмо II.—По мнѣнію автора, міряне вполнѣ законно считаютъ область религіи и Церкви областью совершенно противоположною всему земному и не только прямо—грѣховному, а вообще несовершенному,—какъ это высказалъ извѣстный А. С. Хомяковъ, а за нимъ и другіе свѣтскіе

писатели: Ѳ. М. Достоевскій (въ романѣ „Братья Карамазовы“), Лѣсковъ („Владычній Судъ“, „Соборяне“, „На краю Свѣта“), Мещерскій, Вс. Крестовскій, Вс. Соловьевъ, Данилевскій („Девятый Валъ“), Тургеневъ (въ романахъ), Некрасовъ (въ поэмахъ), Самаринъ, Аксаковъ, Вл. Соловьевъ, Елагинъ и др. Въ религіи и Церкви они ищутъ того, чего нѣтъ въ мірѣ. Поэтому, снисходительно смотря на свои собственные проступки, они, съ одной стороны, съ драконовскою строгостію судятъ слабости духовенства и уподобленіе жизни и дѣятельности этого сословія образу дѣйствій міра свѣтскаго; съ другой—они благоговѣютъ предъ тѣми пастырями, которые умѣютъ знать сердца людей и руководить совѣстью человѣка въ области религіи и Церкви. Напротивъ, когда писатели *духовной школы* желаютъ изобразить въ средѣ духовенства положительный идеальный типъ, то они не противополагаютъ его міру, а сливаютъ съ нимъ; они гонятъ своихъ идеалистовъ въ университетъ, въ медики, въ желѣзно-дорожные чиновники и даже въ самоубійцы. Таковы напр.: рѣчь высокопреосв. Никанора въ защиту семинарскаго образованія, повѣсть *Забытаго* „Миражи“, *Потапенко* „На дѣйствительной службѣ“ и „Ряса“, повѣсти *Никитина*, очерки *Помяловскаго*, *Ливанова* „Жизнь сельскаго священника“ и т. д. Съ грустью надо сознаться,—продолжаетъ авторъ,—что пастыри наши не только въ литературѣ, но и въ жизни сливаются съ міромъ, даже предпочитая формальныя, государственныя дѣла духовнымъ, — и особенно замѣтно грѣшитъ этимъ наше академическое духовенство.

Правда, ни слово Божіе, ни голосъ общества не ограничиваютъ пастырскую дѣятельность рамками богослуженія, проповѣди и духовныхъ бесѣдъ, не изгоняютъ пастыря изъ сферы науки, благотворительности, воспитанія и т. д.; но тѣмъ не менѣе вездѣ требуется, чтобы пастырь являлся носителемъ идей евангельскихъ, чуждымъ обычно-житейскихъ пріемовъ. Таковъ, напр., о. Іоаннъ Кронштадтскій и другіе, дѣятельность которыхъ исходитъ изъ ихъ внутренняго настроенія и къ внутренней области людей направляется. Но не такова дѣятельность боль-

шинства пастырей, которые надѣются внутреннее выдавить изъ внѣшняго или совершенно не обращать на него вниманія, — у которыхъ благотворительность выжимается изъ честолюбія, уваженіе къ храму и службѣ—изъ юридическихъ законопріятій и проч.

Въ чемъ-же состоитъ истинная пастырская дѣятельность по отношенію къ пасомымъ и къ самимъ пастырямъ?—Для первыхъ она есть руководство совѣстью, для вторыхъ—глубокое состраданіе и самоотверженная любовь къ ближнимъ. Такимъ образомъ, *пастырство есть руководство совѣстью пасомыхъ, а главная часть Пастырскаго Богословія должна состоять въ пастырской аскетикѣ* (стр. 6—18).

Письмо III.—Когда пастырь носитъ въ себѣ настроеніе, состоящее изъ самоотреченія и любви къ пасомымъ, тогда успѣхъ его дѣла обезпеченъ, и для него не нужно методологической части Пастырскаго Богословія, какъ не нужно учить любящую мать ухаживать за ребенкомъ. Его служеніе въ такомъ случаѣ есть *подвигъ, который опредѣляетъ собою и сущность пастырства.* Онъ начинается въ его душѣ путемъ внутренней смерти, путемъ страданія. Какъ первая любовь супруговъ возгорается до высшей степени, когда оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, такъ точно и напряженіе духовной любви является лишь плодомъ *мучительнаго отреченія отъ жизни для цѣлей мірскихъ и самоотверженнаго посвященія себя Богу.* Но такое перерожденіе въ душѣ кандидата священства или пастыря созидается не школою, т. е. не изученіемъ метода пастырскаго дѣйствованія по учебнику, а *самою жизнію* (стр. 18—30).

Письмо IV.—Трудный самъ по себѣ, подвигъ пастырства на каждомъ шагу затрудняется еще болѣе различными испытаніями. Избранники Божіи и въ ветхозавѣтной Церкви были бичуемы Его воспитательнымъ жезломъ. Таковы Авраамъ, Іаковъ, Іосифъ, Давидъ, Илія, Іовъ и др. Тоже самое очевидно для всѣхъ совершается и съ современными пастырями. Такъ, герой разсказа Ливанова встрѣчаетъ жестоко - легкомысленное предательство со стороны дорогаго ему народа, когда явился расколоучи-

тель; подобный ему священникъ въ „Запискахъ“ Мещерскаго получаетъ огорченія отъ дорогой его сердцу школы; романическій герой повѣсти „На дѣйствительной службѣ“ встрѣчаетъ наисильнѣйшаго, хотя и пассивнаго противника своимъ намѣреніямъ въ лицѣ любимой жены, а глубоко церковный типъ „Соборянъ“, типъ іерея-законника въ лучшемъ смыслѣ этого слова, является караемымъ за правду отъ церковной-же власти, предъ которой онъ искренно благоговѣлъ.—Главнѣйшіе виды этихъ пастырскихъ испытаній слѣдующіе: ненависть, непониманіе и неблагодарность паствы, вражда съ родными по плоти, непониманіе или намѣренное преслѣдованіе со стороны власти и клеветы отъ сотоварищей и сотрудниковъ. Явленія эти очевидны для всѣхъ. Но не для всѣхъ понятно ихъ значеніе. Всякій видитъ, что подъ дѣйствіемъ жизненныхъ ударовъ восторженная ревность первыхъ шаговъ пастыря смѣняется терпѣніемъ, твердостію и незлобіемъ; но прежніе могучіе порывы большею частію исчезаютъ. Даже на апостолахъ Христовыхъ отразилось это смягчающее дѣйствіе жизненныхъ испытаній. Не сразу можно узнать „сына громова“ въ кротчайшемъ „старцѣ“, писавшемъ посланіе къ Гаю и Госпожѣ: уже не огонь хочетъ онъ низвести съ неба для попаленія нечестивыхъ, но одною любовію учитъ спасаться. Такая же мягкость и какъ-бы согбенность замѣчается въ послѣднихъ посланіяхъ ап. Павла (напр. къ Филимону) сравнительно съ громоносными глаголами къ Римлянамъ или Коринѳянамъ. Та-же перемѣна и въ духѣ словъ Петровыхъ. То же самое замѣчается и нынѣ.—Хорошо это, или худо? Слово Божіе и жизнь согласно отвѣчаютъ, что это — хорошо. Хорошо для самого пастыря, потому-что испытаніе очищаетъ сердце испытуемаго отъ примѣси того эгоистическаго и страстнаго элемента, который каждымъ ревностнымъ дѣятелемъ неминуемо вносится на первыхъ порахъ въ его дѣланіе (ср. Іерем. XV, 15—20). Хорошо и для паствы, потому-что здѣсь совершается тайна, указанная ап. Павломъ въ словахъ посланія къ Коринѳянамъ: *„смерть дѣйствуетъ въ насъ, а жизнь въ васъ“* (2 Кор. IV, 12),

т. е. духовное умиранiе пастыря даетъ жизнь его паствѣ, какъ страданiя и истощанiе Христовы дали жизнь всѣмъ живущимъ (2 Кор. V, 15; 1 Кор. III, 9).

Письмо V.—Iисусъ Христосъ прежде всѣхъ пастырей долженъ былъ выдержать искушенiе, истинное значенiе которыхъ выяснено въ поэмѣ „Великiй Инквизиторъ". Но для современнаго пастыря предстоятъ, кромѣ этихъ, и нѣкоторыя другiя. Сюда относятся: во 1-хъ, соблазнъ дѣйствовать на совѣсть вѣрующаго косвенно, а не прямо,—не истиною словъ и воодушевляющимъ примѣромъ, а чрезъ духовное порабощенiе совѣсти авторитету, отъ чего предостерегалъ пастырей апостолъ Петръ (1 Петр. V, 2—3); во 2-хъ, недоброжелательство и зависть отъ сопастырей: распря случилась даже между Павломъ и Варнавою, а св. Григорiй Богословъ, Iоаннъ Златоустъ, Максимъ Исповѣдникъ, митроп. Филиппъ, патрiархъ Никонъ, о. Туберозовъ (въ „Соборянахъ") сильнѣе всего терпѣли искушенiя отъ своихъ-же сопастырей. Впрочемъ, исходъ истиннаго пастырскаго подвига во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнiю. Но если самая сущность служенiя пастыря заключается въ томъ, что онъ *каждый день умираетъ* (1 Кор. XV, 31), то эта борьба своимъ логическимъ завершенiемъ имѣетъ смерть за слово Божiе. Конечно, эта смерть не есть непремѣнно казнь, но она есть явное умиранiе отъ заботъ, трудовъ и печалей о пасомыхъ впродолженiи иногда цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, ибо въ это время добрый пастырь, по слову Христову, *душу свою полагаетъ за овецъ* (Iоан. X, 11). Поэтому-то Церковь въ своихъ пѣснопѣнiяхъ и *связываетъ пастырство съ мученичествомъ*, когда, напр., въ кондакѣ святителю говоритъ: „Христово, преподобне, евангелiе исполнивъ, положилъ еси душу твою о людѣхъ твоихъ"..., или въ тропарѣ священномученику: „слово истины исправляя, пострадалъ еси даже до крове"... (стр. 38—45).

Письмо VI.—Внѣшняя дѣятельность пастыря должна быть выраженiемъ его внутренняго подвига и въ этомъ источникѣ находить свою цѣну. Если пастырь самоотверженно любитъ ближнихъ, то ему нѣтъ основанiя обращать

свою любовь на что-либо одно, а другое оставлять безъ вниманія, напротивъ, онъ долженъ знаться съ обществомъ *въ его цѣломъ* и первый долженъ идти на встрѣчу жизни, а не дожидаться, пока сама жизнь, уложившись въ формы обычной церковности, нѣкоторыми своими теченіями сама прихлынетъ къ нему. Это—первое богословское основоположеніе пастырской дѣятельности, достаточно ясно раскрытое въ Св. Писаніи и Св. Преданіи. Изъ области Св. Писанія сюда обычно принято относить: 1) притчу о добромъ пастырѣ, 2) о заблудшей сотой овцѣ, 3) наставленія апостоламъ въ нагорной бесѣдѣ и при отпущеніи ихъ на проповѣдь, 4) изобличенія фарисеевъ и 5) прощальная бесѣда и молитва Божественнаго Учителя о Своихъ ученикахъ; затѣмъ XXIII гл. Іереміи, XXXIV Іезекіиля, прощальная рѣчь ап. Павла къ пресвитерамъ Ефеса (Дѣян. XX) и его посланія къ Тимоѳею и Титу. Какому типу пастырства благопріятствуютъ эти цитаты: жизненному-ли, или тому, который вовсе чуждается всего мірскаго, удаляется отъ изученія свѣтской мысли, свѣтскихъ идеаловъ?

Въ отвѣтъ на это можно сказать, что едва-ли не руководственной идеей библейскаго пастыреводительства является именно идея *снисхожденія до настроенія пасомыхъ,*—та мысль, что пастырю недостаточно имѣть высокое настроеніе духа и знаніе вѣры, но необходимо еще сдѣлать нѣкое движеніе къ людямъ, нѣкое вхожденіе въ кругъ ихъ понятій, слѣдованіе за ними по распутіямъ жизни, чтобы оттуда собрать ихъ на Христову пажить. Такимъ образомъ, ученіе Библіи какъ ветхозавѣтной, такъ и новозавѣтной, ясно говоритъ о жизненности пастырства. Но эта идея не исчерпывается словами; напротивъ, она воплощается въ библейской исторіи. Самъ Спаситель воплотилъ эту идею въ Себѣ и осуществилъ её; за Нимъ слѣдовали Его апостолы и ихъ преемники, доказывавшіе жизненность пастырства и словомъ и дѣломъ. Но, выходя за предѣлы чисто духовной сферы и входя въ сферу мірскую, библейскіе пастыри дѣйствовали всегда мѣрами не гражданскими, а духовными. Если за ними послѣдуютъ и современные па-

стыри, то въ такомъ случаѣ ихъ вліяніе на мірскую область не будетъ папизмомъ (т. е. стремленіемъ дѣйствовать посредствомъ поощреній и насильственной кары), а, напротивъ, докажетъ всѣмъ, что никакихъ внѣшнихъ мѣръ для пастырскаго дѣйствованія на свѣтскую жизнь и не нужно, а нужно лишь *знаніе этой жизни и вѣра въ дѣйствіе благодатныхъ силъ пастырства*, т. е. *молитвы, примѣра и* особенно *учительства церковнаго*. Но главное изъ нихъ — учительство, т. е. церковное слово. Поэтому пастыри и называются *служителями Слова* [1]), а пастырство—*служеніемъ слова* [2]), и если кто не вѣритъ въ силу слова, тотъ прекрасно сдѣлаетъ, если будетъ бѣжать отъ пастырскаго служенія, какъ отъ пожара (стр. 45—53).

Письмо VII.—Къ какимъ же явленіямъ современной жизни должна устремляться по преимуществу пастырская дѣятельность? Нѣтъ нужды дѣлать выборъ, ибо почти всѣ мірскія теченія нашей общественно-народной жизни представляютъ вызрѣвшую ниву, которая ожидаетъ жателей, чтобы стать пшеницей Божіей. Русскій народъ издавна привыкъ къ христіанской святынѣ, къ храму, къ богослуженію и духовнымъ обычаямъ. Есть у насъ и пастыри, которые раздѣляютъ любовь народа къ церковности обрядовой и берутъ на себя труды высказывать въ потребныхъ случаяхъ ея внутреннее каноническое значеніе: тогда приверженность народа къ ней удесятеряется въ своей силѣ и дѣло прямаго христіанскаго нравоучительства облегчается во сто кратъ. Но есть и другіе, которые не дѣлаютъ этого. Этихъ *другихъ* — очень много. Но и въ первыхъ, слава Богу, нѣтъ недостатка (стр. 53—63).

Таково содержаніе „*Писемъ къ пастырямъ*“.

---

[1]) Лук. I, 2 ст., гдѣ подъ именемъ *Слова* разумѣется Господь Іисусъ Христосъ, служителемъ Котораго и называетъ себя авторъ „*Писемъ*“.

[2]) Дѣян. VI, 4 ст., гдѣ подъ *служеніемъ слову* нужно понимать *проповѣдь* въ отличіе отъ *служенія трапезамъ* (—ст. 2).

II.

Надо желать, чтобы кто-нибудь составилъ Пастырское Богословіе по нормѣ „Писемъ“ сихъ...
Е. Θеофанъ.

Ближайшимъ продолжателемъ „*Писемъ къ пастырямъ*“ явился самъ авторъ ихъ. Прикрываясь по-прежнему иниціалами „*С. С. Б.*“ (*служитель Слова Божія*), онъ скоро вслѣдъ за „*Письмами*“ подчеркнулъ свое желаніе, отмѣченное нами и въ „*Письмахъ*“, ввести въ сферу Пастырскаго Богословія *свѣтскую литературу* и напечаталъ въ одномъ изъ ученыхъ журналовъ обширное разсужденіе подъ названіемъ: „*Пастырское изученіе людей и жизни по сочиненіямъ Θ. М. Достоевскаго*“ [1]); затѣмъ въ слѣдующемъ году онъ издалъ „*Два пути пастырства — латинскій и православный*“ [2]), а нѣсколько позднѣе—„*Пастырство и служеніе пастырское*“ [3]). Но цѣлой системы Пастырскаго Богословія, составленной *по нормѣ „Писемъ“ сихъ*,—какъ этого желалъ преосв. Θеофанъ,—мы до сихъ поръ еще не имѣемъ. Вмѣсто нея въ печати существуетъ цѣлый рядъ статей самого автора „*Писемъ къ пастырямъ*“, которыя впослѣдствіи, безъ сомнѣнія, должны будутъ лечь въ основу подобной системы и сдѣлаться частями ея,—но не болѣе.

Первая изъ этихъ статей напечатана въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за 1896 г. (ч. I, стр. 203 — 223) и подпи-

---

[1]) „Богословскій Вѣстникъ“ 1893 г., IV, стр. 41—79.

[2]) Тамъ-же, 1894 г., I, стр. 258—281.

[3]) „Странникъ“ 1896 г., №№ 4 и 5; тогда-же сдѣлано и отдѣльное изданіе этой статьи.—Нужно, впрочемъ, замѣтить, что общее направленіе „*Писемъ къ пастырямъ*“ не осталось безъ подражателей въ русской печати. Такъ, въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ почти непосредственно вслѣдъ за „*Письмами*“ началось печатаніемъ довольно обширное изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „*Типы пастыря Церкви въ произведеніяхъ нашихъ свѣтскихъ беллетристовъ*“ (1892 г., № 52; 1893 г., т. т. I, II и III); затѣмъ, въ „Новгородск. Епарх. Вѣдом.“ появилась статья „*О пастырскомъ служеніи*“, авторъ которой (кажется, о. Евдокимъ Мещерскій) не только выдерживаетъ направленіе „*Писемъ*“, но и цитуетъ свѣтскихъ писателей и даже, подобно автору „*Писемъ*“, называетъ себя „*Cultor Verbi Dei*“ (1898 г., № 1, стр. 29—39); сюда же нужно отнести статьи Н. А. Колосова, которыя онъ помѣщаетъ въ „Душеполезномъ Чтеніи“ за послѣдніе годы (напр. 1896, 1897 и 1898) въ качествѣ критико-библіографическаго обозрѣнія свѣтскихъ произведеній, выводящихъ типы духовенства (недавно вышли отдѣльнымъ изданіемъ), и др.

сана уже полнымъ именемъ высокопочтеннаго о. ректора казанской духовной академіи *преосвященнаго* (тогда еще архимандрита) *Антонія* (Храповицкаго). Статья, по всей видимости, есть часть лекцій преосвященнаго автора, читанныхъ имъ студентамъ московской академіи и нынѣ читаемыхъ студентамъ академіи казанской[1]). Подъ общимъ заглавіемъ: *„Основныя положенія православнаго пастырства“* здѣсь дается раскрытіе нѣсколькихъ вводныхъ вопросовъ Пастырскаго Богословія. Такъ, предметомъ Пастырскаго Богословія, какъ науки, авторъ считаетъ *изъясненіе жизни и дѣятельности пастыря, какъ служителя совершаемаго благодатію Божіею духовнаго возрожденія людей и руководителя ихъ къ духовному совершенству*. Жизнь эта есть подвигъ всецѣлаго посвященія себя Богу и спасенію ближнихъ, на который достанетъ силъ далеко не у каждаго изъ членовъ Церкви; тѣ же, которые способны понести его тяготу, имѣютъ нужду дополнять слабыя силы свои благодатною помощью свыше и сподручными институтами со внѣ, соотвѣтственно тому или иному историческому моменту и современнымъ физическимъ условіямъ. Даръ благодати, получаемый пастыремъ свыше, внутренно его перерождаетъ и обнаруживается въ извѣстной духовной настроенности пастыря, отъ которой и зависитъ успѣхъ его дѣятельности. Такимъ образомъ, *предметомъ науки Пастырскаго Богословія*,—выводитъ отсюда авторъ,—*должно быть точнѣйшее опредѣленіе этой настроенности и описаніе законовъ ея усвоенія, охраненія, развитія и воздѣйствія на жизнь прихода* (стр. 203—220). Даръ священства, необходимый для перенесенія этой настроенности пастыря во внѣшній міръ, является какъ благодатная сострадательная любовь его къ паствѣ, обусловливающая собой его способность переживать въ себѣ скорбь борьбы и радость о нравственномъ совершенствованіи его пасомыхъ,

---

[1]) Преосвященный Антоній окончилъ курсъ с.петербургской академіи въ 1885 г. и, слѣдовательно, былъ ученикомъ проф. Соллертинскаго, а впослѣдствіи и сослуживцемъ его. Затѣмъ онъ проходилъ должность ректора с.петербургской семинаріи (въ 1890 г.), ректора московской академіи (1891—1895 г. г.) и, наконецъ, нынѣ занимаетъ должность ректора казанской академіи, состоя въ тоже время викаріемъ казанской епархіи въ званіи епископа чебоксарскаго.

способность чревоболѣть о нихъ, какъ ап. Павелъ или Іоаннъ. *Такое свойство пастырскаго духа и выражаетъ самую сущность пастырскаго служенія, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ предметомъ изученія въ наукѣ Пастырскаго Богословія* (стр. 221). Кромѣ этой внутренней жизни пастыря, Пастырское Богословіе должно изучать тѣ способы, посредствомъ которыхъ духовное богатство пастыря передается пасомымъ и способствуетъ ихъ спасенію. Отсюда вся наука должна раздѣляться на двѣ части, изъ которыхъ въ первой будетъ рѣчь о пастырѣ, а во второй— о пастырствѣ, т. е. о дѣятельности пастыря (стр. 222—223).

Вторая статья преосвященнаго Антонія носитъ названіе: *„Изъ чтеній по Пастырскому Богословію“* и помѣщена въ томъ-же „Православномъ Собесѣдникѣ“ (1896 г., ч. I, стр. 429—441). Здѣсь снова доказывается та мысль, что главный факторъ и главная сила въ пастырскомъ дѣланіи есть пастырское настроеніе, ибо пастырское вліяніе основывается не на внѣшнихъ пріемахъ дѣятельности, а на таинственномъ общеніи душъ. Правда, нынѣ трудно убѣдить въ этомъ людей образованныхъ, но это вліяніе есть фактъ, хотя и различно воспринимаемый людьми. Одни подъ вліяніемъ пастырскаго воздѣйствія совершенствуются, другіе ожесточаются. Самъ же *добрый пастырь* совершенно и всецѣло отдаетъ себя пасомымъ и отожествляетъ себя съ ними, причемъ это единство пастыря съ его паствою не есть нѣчто умопредставляемое только, но единство дѣйствительное, существенное. *„Да будутъ всѣ едино*,— молился Спаситель объ этомъ единствѣ,—*какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино“* (Іоан. VI, 21 — 23). Это не единодушіе, не единомысліе, но именно единство по существу, ибо подобіе ему—единство Отца съ Сыномъ [1]).—

Ближе всего къ изложенному вопросу мы должны поставить разсужденіе автора *о пастырскомъ призваніи* [2]). Въ самомъ дѣлѣ, такое трудное дѣло, какъ пастырство, не

---

[1]) Въ 1896 г. статья эта вышла отдѣльнымъ изданіемъ (Казань).

[2]) „Руководство для сельскихъ пастырей“ 1896 г., № 13, стр. 301—308.

всѣмъ доступно, но лишь тѣмъ, кто, — какъ принято выражаться, — имѣетъ *призваніе* къ нему. Этотъ пунктъ въ ученіи о пастырствѣ всегда выдвигали на видное мѣсто и св. отцы; любятъ говорить о немъ и современные богословы; указываютъ на него и свѣтскіе люди. Но всегда и всѣ согласно признаютъ, что признаками призванія нужно считать прежде всего *желаніе священства и любовь къ этому дѣлу*, затѣмъ—внутренній голосъ Бога. Это — субъективная сторона дѣла. Но рядомъ съ нею существуетъ другая, гдѣ указываются признаки *внѣшніе*. Сюда относится прежде всего избраніе Церкви. Первые признаки нетверды и неопредѣленны (авторъ припоминаетъ „Письма“ Стурдзы), а часто даже неразумны (какъ напр. въ повѣсти Потапенко „На дѣйствительной службѣ“, или въ „Миражахъ“ Забытаго). Вторая категорія—тверже и опредѣленнѣе. Но въ такомъ случаѣ все разсужденіе *о пастырскомъ призваніи* должно быть снято съ той почвы, на которой оно находится въ настоящее время, и замѣнено разсужденіемъ *о пастырскомъ приготовленіи*. Такъ и дѣлаетъ преосвященный авторъ въ своей слѣдующей статьѣ [1]). „Духовная природа русскаго человѣка,—говоритъ онъ,— имѣетъ, кромѣ общечеловѣческихъ, еще и нѣкоторыя частныя черты, весьма благопріятствующія приготовленію къ служенію пастырскому. Каковъ центральный типъ русскаго образованнаго юноши по указанію опыта и по изображенію литературы? Это — молодой человѣкъ, ищущій нравственнаго обновленія, съ чуткою совѣстью, тяготящійся средою и своею испорченностію, стремящійся выйти изъ нея (таковы: Онѣгинъ, Печоринъ, Чацкій, Райскій у Гончарова, Рудинъ у Тургенева, и др.). Если бы эти стремленія ихъ къ лучшей жизни подчинить правильному руководству, то можно бы развить изъ нихъ высокія христіанскія качества, особенно важныя для пастыря Церкви. Главная черта пастырскаго духа — это состраданіе грѣховной немощи людей, скорбь о грѣшныхъ людяхъ и

---

[1]) „Православный Собесѣдникъ“ 1896 г., май, стр. 3—23: „*Изъ чтеній по Пастырскому Богословію*“ (тогда же сдѣлано и отдѣльное ея изданіе).

пламенѣющее желаніе о приближеніи ихъ и себя къ Богу. Подобное свойство пастырскаго духа можетъ выработаться въ человѣкѣ изъ совокупности вышеуказанныхъ чертъ русскаго характера, изъ его недовольства собою и міровой скорби, если ихъ поставить въ тѣсную связь съ Церковію. *Задача Пастырскаго Богословія какъ науки — преподать теорію этого пастырскаго подвижничества или пастырскаго аскетизма,* т. е. средства направленія внутренней жизни къ созиданію въ себѣ пастырскихъ чувствъ къ людямъ" [1]).

Средства для приготовленія къ пастырству раздѣляются на *теоретическія* и *дѣятельныя.* Къ разряду первыхъ относятся: чтеніе слова Божія, писаній святоотеческихъ и изящной литературы, особенно соч. Достоевскаго; затѣмъ — изученіе жизни (чрезъ наблюденіе и бесѣды) и проповѣдь слова Божія. Къ числу вторыхъ принадлежатъ: а) выработка чисто индивидуальныхъ чертъ христіанскихъ добродѣтелей, какъ-то: нравственной чистоты, благочестія и т. п., и б) выработка тѣхъ чертъ духа, которыя сказываются въ отношеніяхъ пастыря къ ближнимъ, основанныхъ на любви и состраданіи къ нимъ. Какъ постоянные спутники пастырской дѣятельности, по мысли автора, являются: *молитва, борьба съ самозамкнутостью и неуклонное исповѣданіе религіозныхъ убѣжденій.*

Послѣдняя изъ извѣстныхъ намъ печатныхъ пасторологическихъ статей преосвященнаго Антонія говоритъ именно объ одномъ изъ этихъ спутниковъ пастырской дѣятельности, т. е. *о молитвѣ* [2]). Здѣсь молитва называется средствомъ, переносящимъ пастыря изъ земнаго міра въ горній. Она необходима для него, какъ пища для души и какъ опора или подкрѣпленіе въ его общественномъ служеніи, гдѣ онъ всего чаще чувствуетъ одиночество. Она должна быть его неотъемлемымъ достояніемъ, ибо

---

[1]) „Правосл. Собесѣдникъ" 1896 г., май, стр. 4—5.

[2]) „Значеніе молитвы для пастыря Церкви"; статья напечатана въ томъже журналѣ за 1897 г., затѣмъ вышла отдѣльными оттисками (1—23 стр., Казань), одинъ изъ которыхъ съ великою благодарностью получили и мы отъ автора въ даръ.

только въ такомъ случаѣ онъ можетъ и другихъ научить молиться. Кромѣ того, молитвенное настроеніе пастыря есть важнѣйшее условіе для возвышенія его авторитета среди паствы. И, слава Богу, русское духовенство въ рядахъ своихъ имѣетъ немало достойныхъ представителей этого молитвеннаго дара.

Для пріобрѣтенія дара молитвы молодой пастырь на первыхъ порахъ долженъ выдержать сильную борьбу съ самимъ собою; а если онъ будетъ подобенъ герою повѣсти Потапенко „На дѣйствительной службѣ“, то никогда не пріобрѣтетъ этого дара, но потеряетъ его, если и имѣлъ. Второе средство для этого есть *самопринужденіе*. Когда молитвенное настроеніе есть, то его можно разсматривать или какъ молитву воли, или какъ молитву ума, или, наконецъ, какъ молитву сердца. Но если послѣ усердной, повидимому, молитвы подвижникъ вмѣсто покоя и внутренняго мира чувствуетъ непонятное безпокойство, то это знакъ, что онъ — въ прелести. Или, если молитвенный подвигъ, удовлетворяя вкусу самого подвижника, причиняетъ одно только огорченіе его ближнимъ, то дара истинной молитвы тутъ нѣтъ. Таково, напр., слѣпое слѣдованіе уставу въ совершенно неподготовленномъ приходѣ, рѣзкія обличенія въ проповѣди на первыхъ-же шагахъ пастырства, и т. д. Не спасительна молитва и въ томъ случаѣ, если подвижникъ услаждается не содержаніемъ ея, а только продолжительностію. Не спасительна она и тогда, когда молящійся горделиво измышляетъ собственныя правила для келейной и даже церковной молитвы. Если избѣгать подобныхъ искушеній, то Господь Богъ наградитъ ревностнаго пастыря этимъ высшимъ даромъ,—и есть основанія вѣрить, что Церковь наша имѣетъ немало такихъ молитвенниковъ, которые составляютъ ея силу и утвержденіе.—

III.

Была бы это драгоцѣнная находка для пастырей, давая имъ надлежащее руководство для ихъ пастырской дѣятельности.

Е. Ѳеофанъ.

Не беремся судить, насколько могутъ быть полезны и удобопримѣнимы къ пастырской дѣятельности настоящаго времени изложенныя нами пасторологическія воззрѣнія высокопочитаемаго автора: вопросъ этотъ имѣетъ чисто субъективный характеръ и отвѣта можетъ ожидать отъ самихъ пастырей. Мы должны-бы высказать нашъ взглядъ *на научную сторону* этого дѣла, ибо преосвященный Антоній является литературнымъ представителемъ пастырской науки отъ лица московской и казанской академій и заканчиваетъ собою короткій рядъ представителей академической пасторологіи конца нашего вѣка. Но и отъ этого мы считаемъ для себя возможнымъ воздержаться. Наше право въ томъ, что взятые здѣсь вопросы чрезвычайно важны сами по себѣ и для своего разбора требуютъ гораздо болѣе серьезной научной обстановки, чѣмъ какою располагаемъ мы въ настоящее время; кромѣ того, нѣтъ сомнѣнія, что съ теченіемъ времени литературно-ученая работа преосвященнаго автора будетъ продолжаться и расширяться, такъ что нынѣ находящійся въ литературномъ обращеніи матеріалъ можетъ получить совершенно иное освѣщеніе, чѣмъ какое онъ имѣетъ теперь. Можетъ быть, тогда дѣйствительно мы докажемъ, что авторъ „*Писемъ*“ и прочихъ изложенныхъ нами пасторологическихъ статей идетъ путемъ своего учителя; но теперь сказать этого нельзя, ибо преосвященный Антоній ушелъ отъ „Пастырства Христа Спасителя“ гораздо дальше, чѣмъ архим. Борисъ, и въ этомъ направленіи, не теряя своей самобытности, сталъ еще одною степенью ближе, сравнительно съ „Записками по Пастырскому Богословію“, къ той группѣ жизненно-практическихъ изслѣдованій о пастырскомъ дѣланіи, которыя должны подлежать нашему вниманію непосредственно вслѣдъ за симъ.

ГЛАВА 4.

Подобно тому, какъ первую половину нашей работы мы закончили разсмотрѣніемъ пасторологическихъ трудовъ того времени, не претендующихъ на научную цѣнность, но имѣющихъ въ виду лишь практическую пригодность,—такъ точно поступаемъ и теперь, заключая вторую половину нашего изслѣдованія. Нашимъ основаніемъ и здѣсь является, во 1-хъ, временная послѣдовательность сочиненій этой группы, во 2-хъ, генетическая связь между ними и теоретическими сочиненіями предшествующихъ лѣтъ, которая если и не можетъ быть документально доказана, то тѣмъ не менѣе—достаточно ясно видна въ характерѣ самыхъ сочиненій. Въ составъ этой послѣдней группы входятъ слѣдующія сочиненія:

1) „Письма по Православно-Пастырскому Богословію" прот. Евг. Попова,

2) „Братскій совѣтъ новорукоположенному на сельскій приходъ священнику"—свящ. Аѳ. Недѣльскаго,

3) „Святое служеніе іерея Божія—добровольное мученичество"—игум. Тихона, и

4) „Моя жизнь во Христѣ"—прот. Іоанна И. Сергіева (Кронштадтскаго).

ПИСЬМА

ПО ПРАВОСЛАВНО-ПАСТЫРСКОМУ БОГОСЛОВІЮ.

Прот. Е. Попова. Пермь 1873 г.

При самомъ первомъ ознакомленіи съ *„Письмами“* о. прот. Попова, читатель невольно вспоминаетъ о другихъ *„Письмахъ“* по тому-же предмету и, естественно, ожидаетъ въ настоящемъ случаѣ встрѣтить нѣчто подобное тому, что онъ ранѣе видѣлъ въ изданіи А. С. Стурдзы. Дѣйствительно, сходство между двумя указанными сочиненіями какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи весьма значительно. По своей *формѣ* сочиненіе о. Попова раздѣляется на части и параграфы совершенно сходно съ тѣмъ, какъ изданіе Стурдзы раздѣляется на книги и письма [1]). Содержаніе же его (по 1 изд.) изложено въ 70-ти параграфахъ и въ семи нижеслѣдующихъ отдѣлахъ: 1) о проповѣди и пастырскомъ учительствѣ, 2) о богослуженіи, 3) объ исправленіи церковныхъ богослуженій, 4) о богобоязненномъ отношеніи священника къ службамъ вообще и къ литургіи въ особенности, 5) объ образѣ жизни священника, 6) о домашней жизни священника и 7) объ аскетической жизни священника.—„Эти письма,—какъ говоритъ самъ авторъ ихъ,—составились большею частію подъ живыми впечатлѣніями

---

[1]) Первоначально сочиненіе это было напечатано *въ трехъ частяхъ* и доставило автору званіе почетнаго члена с.петербургской духовной академіи, а Учебнымъ Комитетомъ при Св. Сунодѣ было рекомендовано въ качествѣ учебнаго пособія при изученіи богословскихъ наукъ въ семинаріяхъ. Но первое изданіе разошлось чрезвычайно быстро, такъ что въ 1877 г. „Письма“ были изданы вторично и уже *въ четырехъ частяхъ*.

служебно-пастырской практики. Системы для нихъ въ самомъ началѣ не предполагалось: они были писаны не въ одно время и печатались, хотя и далеко не всѣ, въ разныхъ духовныхъ журналахъ. Но когда ихъ собралось много, тогда явилась возможность дать имъ послѣдовательный порядокъ. Отсюда возникла мысль издать ихъ отдѣльной книгой на пользу тѣхъ, которые поставлены *пасти Церковь Господа и Бога*" [1]). Если теперь припомнить характеръ „духовной переписки" А. С. Стурдзы, то и тамъ мы найдемъ почти тоже самое. „Книга эта,—говорилъ о своемъ изданіи авторъ „духовной переписки",—состоитъ изъ 74 писемъ, какъ бы посылаемыхъ отъ одного къ другому и, для вящшей пользы читающихъ, распредѣленныхъ по свойству и естественной связи предметовъ, о которыхъ служители алтаря другъ съ другомъ бесѣдуютъ" [2]). Оказывается, такимъ образомъ, что, во 1-хъ, какъ все содержаніе „духовной переписки" раздѣляется на семь книгъ, такъ и содержаніе „*Писемъ*" о. Попова изложено въ семи отдѣлахъ; во 2-хъ, количество параграфовъ (70) одного сочиненія почти совпадаетъ съ числомъ писемъ въ другомъ (74); въ 3-хъ, по словамъ самихъ авторовъ, какъ тѣ, такъ и другія „*Письма*" составлялись ими постепенно и только впослѣдствіи приведены въ относительный порядокъ, и что, наконецъ, эпистолярная форма какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ *фиктивна* и придана обоимъ сочиненіямъ *искусственно*.—Само собой понятно, что всѣ эти черты сходства существеннаго значенія не имѣютъ; но нельзя было не указать ихъ уже просто потому, что онѣ сами бросаются въ глаза читателю.

По своему *содержанію* „*Письма*" о. Попова являются точно такъ-же почти повтореніемъ „*Писемъ*" Стурдзы, только лишь съ иной разстановкой матеріала и болѣе пространнымъ изложеніемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ. Въ „духовной пере-

---

[1]) „Письма по Православно-Пастырскому Богословію", изд. 1, предисловіе автора.

[2]) „Письма о должностяхъ священнаго сана", изд. 2, предисловіе автора къ первому тому; ср. также „Александръ Стурдза" соч. іером. Анѳима: „Странникъ" 1864 г., IV, стр. 48—49.

пискѣ“, какъ мы видѣли, служители алтаря бесѣдуютъ между собою „о всѣхъ почти родахъ служенія Богу, Церкви и человѣчеству, къ коимъ православный іерей призванъ быть можетъ“ [1]). Тоже самое должно сказать и о сочиненіи о. прот. Попова. Впрочемъ, какъ тамъ, такъ и здѣсь совершенно нѣтъ теоретической части Пастырскаго Богословія: общее ученіе о священствѣ вездѣ предполагается извѣстнымъ и упоминается иногда только мимоходомъ; но съ практической стороны *„Письма“* о. Попова могутъ удовлетворить каждаго читателя своею жизненностью, обиліемъ матеріала и широтою программы. Книга начинается *введеніемъ*, гдѣ о. протоіерей (какъ будто вслѣдъ за Стурдзой) съ увлеченіемъ и подробнымъ знаніемъ дѣла разбираетъ различныя соображенія *противъ* пастырскаго служенія и указываетъ средства для приготовленія къ нему (по 2 изд. стр. 1—29). Затѣмъ идетъ *часть первая*, въ началѣ которой авторъ говоритъ о приготовленіи къ дѣлу проповѣди (стр. 30 — 36), о средствахъ достигать силы убѣжденія въ проповѣдяхъ (стр. 36—43), объ обличеніи въ проповѣдяхъ (стр. 43—49), о народной проповѣди, о проповѣдяхъ догматическихъ и поученіяхъ катихизическихъ, о проповѣдяхъ нравственнаго содержанія, объ импровизаціи [2]), о проповѣданіи въ простые дни среди недѣли и о произношеніи проповѣдей (стр. 49—126).— Очевидно, это — предметы общіе между Пастырскимъ Богословіемъ и Гомилетикой. Послѣдняя ихъ имѣетъ своимъ спеціальнымъ предметомъ, а Пастырское Богословіе касается пастырскаго учительства по-стольку, по-скольку эта обязанность есть *существеннѣйшая* обязанность пастыря и по-скольку осуществленіе ея *связано* съ другими сторонами пастырской дѣятельности, напр. съ богослуженіями, требоисправленіями, съ частными случаями въ жизни пасомыхъ, посѣщеніями прихожанъ и т. д. О. протоіерей Поповъ довольно удачно сохранилъ границу между двумя сродными науками, и на указанныхъ страницахъ его сочиненія можно

---

[1]) „Письма о должн. свящ. сана“, предисловіе къ 1-му тому.

[2]) Послѣдняя статья была напечатана въ „Руков. для сельск. паст.“ 1871 г., II, 278.

читать очень цѣнныя пасторологическія мысли о проповѣдничествѣ. Но самый интересный трактатъ этого отдѣла есть трактатъ о *внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ* (стр. 126—144). Авторъ говоритъ объ этомъ дѣлѣ на основаніи собственнаго опыта и указаній близкихъ къ нему людей, говоритъ съ любовію и полнымъ знаніемъ предмета. Онъ разсказываетъ порядокъ устройства собесѣдованій, веденныхъ имъ самимъ въ его приходѣ,—одно рекомендуетъ читателю — пастырю, другое совѣтуетъ употреблять осторожно, третьяго—избѣгать и т. д.... Уже и то хорошо, что черезъ печать сдѣлался извѣстнымъ фактъ подобнаго рода: очень возможно, что иной сельскій священникъ готовъ потрудиться такимъ образомъ и ждетъ только доброй иниціативы. Между тѣмъ польза собесѣдованій очевидна сама собою и въ настоящее время признается какъ высшимъ духовнымъ начальствомъ, такъ и пастырями. Для пастыря это есть чрезвычайно сильное средство распространить свое нравственно - просвѣтительное вліяніе на народъ: насаждать въ немъ истины вѣры и начала благочестія, пріучать его къ надлежащему провожденію праздничныхъ дней, внушать любовь къ храму Божію, изучать религіозно - нравственное и бытовое состояніе прихожанъ и т. д... Вообще, что можетъ сдѣлать хорошій учитель въ школѣ съ своими учениками, то-же можетъ сдѣлать и хорошій священникъ съ прихожанами на внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ. Нашъ простой народъ—почва хорошая, воспріимчивая, благодатная; нужно только по-больше дѣлателей. Въ наше время, слава Богу, подобный родъ учительства уже не рѣдкость, но въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда писалъ о. Поповъ, даже толковая статья о немъ заслуживала уваженія.

Во второмъ отдѣлѣ первой части разбираются нѣкоторыя возраженія противъ ревностнаго проповѣдыванія и даются совѣты для устраненія возможныхъ затрудненій въ этомъ дѣлѣ (стр. 144—164). Судя по сердечному и даже нѣсколько запальчивому тону указанныхъ разсужденій, можно думать, что авторъ лично испыталъ всѣ непріятности ревностной проповѣднической дѣятельности.

Но его печальный опытъ не есть, конечно, общiй фактъ, и смущаться этимъ пастырю не слѣдуетъ. Напротивъ, наша высшая духовная власть всегда старается поощрить ревностныхъ проповѣдниковъ; общество не только не всегда остается равнодушно къ такому проповѣднику, но часто сѣтуетъ на отсутствiе или на малочисленность ихъ; а о нашемъ простомъ народѣ и говорить нечего: за цѣлые десятки верстъ онъ приходитъ или прiѣзжаетъ съ восходомъ солнца въ праздничный день къ тому храму, гдѣ есть священникъ, говорящiй по праздникамъ проповѣди. Само собою разумѣется, что всѣ указываемыя о. протоiереемъ препятствiя и затрудненiя по частямъ могутъ имѣть мѣсто въ жизни того или другаго проповѣдника, но для каждаго изъ нихъ есть и своего рода утѣшенiя и радости, есть небесная награда.

Третiй отдѣлъ говоритъ о законоучительствѣ въ школахъ. Программа его слѣдующая: изустное обученiе дѣтей закону Божiю до умѣнья ихъ читать, повѣрка дѣтскихъ религiозныхъ понятiй, первоначальное ознакомленiе ихъ съ главными предметами христiанской вѣры, прiученiе дѣтей къ молитвамъ и крестному знаменiю, планъ уроковъ по закону Божiю для перваго, втораго и третьяго школьнаго года, законоучительство въ раскольническихъ приходахъ, женскихъ училищахъ и нравственно-христiанское воспитанiе вообще въ начальныхъ народныхъ школахъ (стр. 165—218).—Мысли прекрасныя и чрезвычайно цѣнныя, особенно въ то время, когда обществомъ и правительствомъ духовенство призывалось къ самой широкой просвѣтительной дѣятельности чрезъ школу. Дѣти всегда представляютъ болѣе мягкую и воспрiимчивую аудиторiю для учителя, чѣмъ взрослые; въ нихъ нѣтъ критическаго или предвзятаго отношенiя къ преподаваемому; между тѣмъ насажденное въ молодыя души благое сѣмя опредѣлитъ всю ихъ жизнедѣятельность. Какъ въ цѣломъ народѣ и государствѣ, такъ и въ приходской общинѣ надежды и опасенiя за будущее покоятся на молодомъ поколѣнiи; слѣдовательно, обученiе и воспитанiе его въ духѣ закона Божiя есть предметъ чрезвычайной важности, и

каждому пастырю-законоучителю слѣдуетъ подумать объ этомъ.

Предметомъ *второй части* сочиненія о. Попова являются: въ первомъ отдѣлѣ—устройство и хозяйство храмовъ, церковная библіотека, церковное письмоводство и церковный староста (стр. 1—37); во второмъ отдѣлѣ—совершеніе богослуженій, таинствъ, церковныхъ и домашнихъ требъ (стр. 37—156); наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ идетъ рѣчь о благоговѣйномъ отношеніи священника къ богослуженіямъ и его принадлежностямъ. Авторъ возстаетъ противъ торопливости и небрежности въ отправленіи церковныхъ службъ [1]), противъ опущенія положеннаго по уставу для той или другой службы [2]) и даже цѣлыхъ службъ, говоритъ о невнятности и неправильности чтенія церковнаго, о недостаткахъ богослужебнаго пѣнія, о внѣшнемъ поведеніи церковнослужителей въ храмѣ и дома во дни богослужебные [3]) и т. д. (стр. 156—226).

Пастырь найдетъ здѣсь много нравственныхъ и психологическихъ побужденій для болѣе внимательнаго и серьезнаго отношенія къ своей обязанности священнослужителя, а также много практическихъ соображеній и совѣтовъ для благолѣпнаго отправленія приходскихъ требъ и правильнаго веденія церковнаго хозяйства. Программа предметовъ, затронутыхъ авторомъ, чрезвычайно обширна и выполнена въ такомъ тонѣ, который показываетъ въ немъ пастыря ревностнаго, благочестиваго, дѣятельнаго, сознающаго высоту и важность разбираемой стороны пастырскаго служенія. Любовь къ своему дѣлу заставила его говорить даже много лишняго и не весьма пригоднаго для дѣла, напр. о чтеніи молитвъ при бракѣ (стр. 104—109), при исповѣди (стр. 100—102), о выборѣ святыхъ угодниковъ для молебновъ въ различныхъ случаяхъ (стр. 123 — 131) и нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, не имѣющихъ полезнаго приложенія въ практикѣ священника.

Въ *третьей части* изображается *священникъ, какъ па-*

---

[1]) „Руков. для сельск. паст.“ 1870, III, 193.
[2]) Тамъ-же, стр. 270.
[3]) „Руков. для сельск. паст.“ 1871, I, 363.

стырь—руководитель[1]). Первымъ дѣломъ пастырскаго руководствованія о. прот. Поповъ полагаетъ обязанность духовника и потому въ первомъ отдѣлѣ означенной части говоритъ о невѣрности духовника своему долгу при исповѣди прихожанъ, даетъ совѣты къ разумному и усердному выполненію этой должности, указываетъ особенности при исповѣди различныхъ лицъ и пастырскія отношенія духовника къ прихожанамъ вслѣдъ за исповѣдью ихъ (стр. 1—47).—Трактатъ довольно подробный и не лишенъ интереса, особенно для молодыхъ священниковъ. Но кромѣ изложеннаго, намъ хотѣлось бы видѣть здѣсь практическія указанія для исповѣди лицъ, различныхъ по умственному развитію и образованію, по общественному положенію, характеру и темпераменту, какъ это сдѣлано, напр., въ сочин. преосвящ. Платона: „Напоминаніе священнику объ обязанностяхъ его при совершеніи таинства покаянія“ (М. 1861 г.). Правда, это такія состоянія пасомыхъ, которыя знать духовнику часто бываетъ невозможно и тѣмъ болѣе невозможно дать опредѣленные совѣты для исповѣди подходящихъ сюда лицъ. Но оказывается, что самъ авторъ этого не испугался и одновременно съ „*Письмами*“ составилъ брошюру подъ заглавіемъ: „Исповѣдь отроковъ и всѣхъ вообще“ (руководство священникамъ. Пермь, 1874 г.), которая почти отвѣчаетъ на подобное замѣчаніе. Вотъ эту брошюру и слѣдовало-бы ввести въ составъ третьей части его „*Писемъ*“.—

До сихъ поръ священникъ живетъ и дѣйствуетъ въ храмѣ и школѣ. Теперь (второй отдѣлъ третьей части) авторъ беретъ его отсюда и ведетъ въ домы прихожанъ, т. е. говоритъ о пастырскихъ посѣщеніяхъ прихожанъ (стр. 47—54), ставитъ его миротворцемъ среди враждующихъ, утѣшителемъ больныхъ и несчастныхъ, помощникомъ бѣдныхъ, исправителемъ нетрезвыхъ и вообще порочныхъ, миссіонеромъ среди раскольниковъ и иновѣрцевъ

---

[1]) Означенной части не было въ первомъ изданіи книги, и она явилась, можетъ быть, въ силу указаній печати на этотъ пробѣлъ въ цѣломъ сочиненіи. См. напр. „Листокъ духовной библіографіи и журналистики“ при „Воскр. Чт.“ 1875 г., № 1 (рецензія В. П.).

въ приходѣ, ангеломъ-утѣшителемъ въ тюремномъ замкѣ, попечителемъ о здравіи по приходу, общественнымъ дѣятелемъ во время неурожаевъ, пожаровъ и другихъ подобныхъ неблагополучій съ его пасомыми (стр. 54 — 207). Все это — такіе предметы, которые весьма важны какъ для пастыря, такъ и для пасомыхъ Здѣсь пастырь входитъ уже въ жизнь послѣднихъ, вникаетъ въ ихъ семью, участвуетъ въ ихъ горѣ и радости,—однимъ словомъ, дѣлается органическимъ членомъ своей приходской общины. И сколько добра можетъ сдѣлать ревностный руководитель, если воспользуется этимъ своимъ положеніемъ! Хороша церковная проповѣдь,—но, какъ урокъ общій, она требуетъ разъясненія примѣнительно къ частному положенію всякаго простаго человѣка; да не всѣ могутъ и слышать и понять ее. Хорошо истовое священнослуженіе и требоисправленіе,—но благодать Божія можетъ не коснуться сердца пріемлющаго ее, если человѣкъ приступаетъ къ таинствамъ безъ сознательнаго приготовленія и тотчасъ-же забываетъ о нихъ. Нужно *приготовлять* такого и потомъ *слѣдить* за нимъ. Хорошо привѣтомъ встрѣтить прихожанина у себя дома или случайно на улицѣ, помочь ему совѣтомъ и, можетъ быть, матеріально,—но несравненно лучше прійти къ нему въ хижину, утѣшить его въ печали, вразумить въ радости, обличить въ тайномъ грѣхѣ, предупредить самомнѣніе при добродѣтели. Отправляя эту свою обязанность, пастырь ищетъ ту заблудшую овцу, которую подъялъ на свои рамена евангельскій „Пастырь добрый“. И велика награда его! Онъ ходитъ предъ стадомъ, входитъ и исходитъ дверью во дворъ овчій, онъ приведетъ овецъ своихъ на пажити небесныя и самъ пажить обрящетъ...

Четвертая часть изслѣдуетъ самую личность священника во всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ его частной жизни. Такъ, первый отдѣлъ говоритъ вообще о примѣрной жизни пастыря, о примѣрномъ поведеніи его въ церкви, въ приходѣ и внѣ прихода (стр. 1—79). Затѣмъ (второй отдѣлъ), личность священника замыкается въ стѣны его собственнаго жилища: изслѣдуется его домъ и хозяйство.

его пріемы посѣтителей, отношенія къ женѣ и дѣтямъ (стр. 79—116). Наконецъ (третій отдѣлъ), пастырь остается совершенно одинъ; авторъ вводитъ насъ въ его кабинетъ, проникаетъ даже въ его душу и рисуетъ жизнь сокровеннаго внутренняго пастырскаго міра. Онъ обнаруживаетъ предъ нами борьбу его со страстью гордости, корыстолюбія, похотью плоти, съ худыми помыслами и т. п.; предъ нами священникъ молится въ клѣти своей, предъ нами онъ сознаетъ нужду чаще очищать свою грѣшную душу покаяніемъ и соединяться со Христомъ въ святѣйшемъ таинствѣ Его тѣла и крови (стр. 111—192)...

Впечатлѣніе при чтеніи книги о. Попова получается замѣчательно сильное. Жизнь и дѣятельность пастыря освѣщены имъ чрезвычайно обильно и со всѣхъ сторонъ, и потому мы желаемъ, чтобы каждый современный пастырь имѣлъ „Письма“ въ числѣ своихъ настольныхъ книгъ. Здѣсь нѣтъ строго научной пасторологической системы, но есть внутренняя гармонія, есть жизненность и практичность, которыми всегда можно воспользоваться съ легкостію и интересомъ. Совѣты и разсужденія ведутся въ формѣ дружескаго разговора между двумя пастырями, а это придаетъ книгѣ замѣчательную живость и увлекательность и еще разъ напоминаетъ читателю о „Письмахъ“ А. С. Стурдзы [1]).

[1]) Впослѣдствіи о. Евг. Поповъ дѣлалъ дополненія къ своей книгѣ и печаталъ въ журналахъ отвѣты на запросы пастырей; напр. см. „Руков. для сельск. паст.“ 1881 г., I, 48—52; 1887 г., I, 26, 62, 87, и др.

БРАТСКІЙ СОВѢТЪ

НОВОРУКОПОЛОЖЕННОМУ ВЪ СЕЛЬСКІЙ ПРИХОДЪ СВЯЩЕННИКУ [1]).

Свящ. Аѳ. Недѣльскаго. Кіевъ, 1883 г.

Названная книжка своимъ содержаніемъ весьма близко подходитъ къ только - что изложенному сочиненію о. прот. Попова, ибо говоритъ о всѣхъ тѣхъ обязанностяхъ сельскаго пастыря — учительствѣ, священнослуженіи и руководствованіи прихожанъ, которыя составляютъ и предметъ „Писемъ“. Способъ изложенія здѣсь такъ-же уже знакомый намъ, ибо разсужденія ведутся въ формѣ бесѣды между двумя іереями. Этотъ способъ мы видѣли въ „Письмахъ“ А. Стурдзы, въ „Напоминаніи священнику“ преосв. Платона, въ „Памятной Книжкѣ для священника“ его-же, въ книжкѣ о. Н. Богословскаго и въ „Письмахъ“ о. Попова. Но характерная особенность „Братскаго совѣта“ заключается въ его планѣ, сообразно которому авторъ не даетъ читателю не только логической, но и прагматической системы, а даетъ, если такъ можно выразиться, рядъ случайностей. Онъ встрѣтился съ молодымъ священникомъ по дорогѣ къ мѣсту службы послѣдняго и началъ съ нимъ разговоръ въ тонѣ брата—совѣтника, приготовляя его къ надлежащей встрѣчѣ съ прихожанами (стр. 1—7). Затѣмъ священникъ знакомится съ причетникомъ, крестья-

[1]) Сочиненіе первоначально печаталось въ „Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“ за 1882—1883 г. г.; отдѣльно издано въ 1883 г. и потомъ было дополняемо на страницахъ „Руководства для сельскихъ пастырей“ за 1885 г.

нами, помѣщикомъ, благочиннымъ и мѣстнымъ шинкаремъ, а братъ-совѣтникъ невидимо обитаетъ подлѣ него и внушаетъ ему тѣ или другія соображенія для лучшихъ отношеній ко всѣмъ этимъ людямъ. Священникъ служитъ первую литургію, говоритъ первую проповѣдь, получаетъ первый доходъ, совершаетъ первое погребеніе, крещеніе, исповѣдь и т. д., а братъ-совѣтникъ, какъ добрый геній, на всякій случай предлагаетъ ему свое руководство (стр. 7—202).

Таково общее содержаніе книжки. Судя по нему, можно еще помириться съ нею, какъ только съ *братскимъ совѣтомъ*. Я могу послушать совѣтъ брата, половину изъ него позабыть тотчасъ-же, половину остатка—чрезъ день, а остальнымъ воспользоваться при случаѣ и въ такой степени, какъ мнѣ лично заблагоразсудится, совершенно не думая о томъ, была ли система въ совѣтѣ брата, всегда ли правильно онъ говорилъ, удобны ли его наставленія,—пусть себѣ говоритъ! Но нашъ авторъ почему-то свой *совѣтъ* назвалъ „опытомъ практическаго руководства для пастырей",—а въ этой формѣ сочиненіе уже не соотвѣтствуетъ своему назначенію. Съ послѣднимъ именемъ въ литературѣ и жизни учебныхъ заведеній извѣстна особая наука въ курсѣ семинарскаго преподаванія, обязанная имѣть систематическую форму, вытекающую изъ самаго существа ея, и удовлетворять извѣстнымъ теоретическимъ и практическимъ требованіямъ. Между тѣмъ книжка о. Недѣльскаго, не представляя собою логической системы и не отвѣчая научной программѣ „Практическаго руководства для пастырей", часто лишена и практической пригодности. Такъ, напр., кромѣ совершенно неотносящихся къ дѣлу „разсужденій въ домѣ помѣщика" (стр. 44—67) и „о св. крестѣ" (стр. 128—158), авторъ даетъ пастырю совѣтъ обучать прихожанъ общему пѣнію предъ общимъ обѣдомъ въ домѣ прихожанина (стр. 74—76) и вводить внѣбогослужебныя чтенія и собесѣдованія съ народомъ во время этого обѣда, начиная и оканчивая ихъ, напр., въ данномъ случаѣ громкими, но непонятными для крестьянъ стихами:

„*То были великіе, чудные дни* (разумѣются дни земной жизни Іисуса Христа)...

Въ безднѣ битвъ и народныхъ печалей
Никогда со всемірныхъ скрижалей
Подъ волнами вѣковъ не исчезнутъ они“...

Въ другомъ мѣстѣ онъ совѣтуетъ встрѣчать помѣщика у себя въ домѣ въ подрясникѣ (стр. 68) и т. д.

Но вотъ отдѣлъ объ исповѣди. Здѣсь сначала рѣшается догматическій вопросъ о необходимости, важности и свойствахъ покаянія, а потомъ даются „практическія“ указанія для лучшаго веденія этого дѣла. Таинство покаянія основывается на словахъ Спасителя: *всякаго, кто исповѣдуетъ Меня предъ людьми, исповѣдую и Я предъ Отцемъ Небеснымъ; а кто отречется отъ Меня предъ людьми, того отрекусь и Я предъ Отцемъ Моимъ Небеснымъ* (Матѳ. X, 32, гдѣ, нужно замѣтить, имѣется въ виду исповѣданіе *вѣры*, а не *грѣховъ*). Свойства современнаго покаянія указываются въ покаяніи разбойника и состоятъ: а) въ выраженіи вѣры, сопровождаемой добрыми дѣлами, б) сокрушеніи о грѣхахъ, в) словесномъ исповѣданіи ихъ предъ священникомъ, г) всeдушевномъ обращеніи съ молитвою къ Господу - Примирителю и д) внимательномъ обсужденіи священникомъ состоянія кающагося для наложенія соотвѣтствующей эпитиміи или разрѣшенія (стр. 158—173). Конечно, между двумя указанными фактами, какъ покаяніе разбойника и наша исповѣдь, аналогія глубокая, но не обширная, и объяснять одинъ изъ нихъ другимъ—значитъ дѣлать весьма опасныя и незаконныя натяжки. Но догматико-богословскіе взгляды автора собственно сюда не относятся, и намъ нѣтъ надобности разбирать ихъ. Намъ нужно знать, какъ лучше и практичнѣе вести дѣло исповѣди? Для этого,—по мысли о. Недѣльскаго,—нужно кающемуся прежде всего предложить десятокъ — другой вопросовъ объ основныхъ истинахъ христіанства (стр. 190—191), потомъ выслушать отъ него (или провести по тетрадкѣ) перечисленіе грѣховъ противъ всѣхъ десяти заповѣдей (стр. 192—193) и, наконецъ, предложить нѣсколько вопросовъ о добродѣтеляхъ кающагося (стр. 193—198).

Совѣты все хорошіе и пригодны на тотъ, напр., случай, когда священнику въ цѣлый день приходится исповѣдывать 5 — 10 человѣкъ; если же исповѣдниковъ будетъ 100 — 200, какъ это всего чаще бываетъ въ сельскихъ приходахъ, тогда ему лучше не открывать книжку о. Недѣльскаго.

Или вотъ вопросъ объ антидорѣ. „Литургія кончена. А что-же будетъ съ просфорами? Раздробите ихъ немедленно сами, копіемъ, не поручая этого дѣла въ запачканныя руки старосты или сторожа, да и раздайте антидоръ. Если же вы очень утомлены, то велите положить антидорное блюдо на столикѣ и скажите народу: „разберите себѣ, братцы!“ И братцы подойдутъ чинно, по одному, приложатся къ образамъ, разберутъ св. хлѣбъ, отнесутъ своимъ семействамъ и—„убозіи насытятся и восхвалятъ Гопода“ за тебя, добрый пастырь“ (стр. 30).—Слѣдовать-ли священнику этому „братскому совѣту?“—Кажется, что лучше — нѣтъ. По чину литургіи, антидоръ раздается народу дѣйствительно самимъ священникомъ, но не тогда, когда кончена литургія, а во время чтенія псалма XXXIII („Благословлю Господа“). Въ это время „діаконъ отходитъ потребити святая; священникъ же исшедъ, даетъ людемъ антидоръ. По окончаніи же псалма и раздаяніи антидора глаголетъ: благословеніе Господне на васъ“... и т. д.[1]). Такимъ образомъ, священникъ нарушилъ-бы чинъ литургіи, если бы пожелалъ слѣдовать въ данномъ случаѣ „братскому совѣту“. Далѣе, онъ задержалъ - бы своихъ прихожанъ, о которыхъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 19) самъ авторъ говоритъ, что для нихъ и минута дорогà и что не они располагаютъ временемъ, а наоборотъ,—и что не тогда они приходятъ въ церковь, когда хотятъ, а когда могутъ, и т. д. Какое же право имѣетъ священникъ задерживать ихъ послѣ того, какъ они простояли въ церкви уже утреню и литургію? Не лучше-ли сдѣлаетъ онъ, если раздастъ антидоръ въ установленное время, т. е. при чтеніи XXXIII-го псалма? Точно такъ-же онъ

---

[1]) Служебникъ: чинъ литургіи св. Іоанна Златоуста, СПБ. 1891 г., изд. 3, стр. 171—172.

сдѣлаетъ лучше, если раздастъ антидоръ именно самъ, а не велитъ поставить его на столикѣ, въ надеждѣ, что „братцы подойдутъ чинно, по одному, приложатся къ образамъ, разберутъ св. хлѣбъ"... и т. д. Въ этомъ случаѣ онъ снова исполнитъ установленный чинъ литургіи и кромѣ того устранитъ толкотню и безпорядокъ въ церкви, которые неминуемо произошли-бы при разобраніи антидора самими „братцами". Тогда, конечно, онъ долженъ будетъ предоставить заблаговременное раздробленіе антидора старостѣ или сторожу, но предварительно позаботиться, чтобы руки ихъ были чисты.

— „Вы, я думаю,—говоритъ авторъ молодому священнику,—никогда не станете заводить у себя эту неумѣстную *кружку* для собиранія денежнаго дохода, чтобы дѣлиться имъ съ причетникомъ по истеченіи мѣсяца".—Но мы должны на это сказать, что — напротивъ, эту кружку завести *необходимо* и даже присоединить къ ней особую *тетрадь* для записи *поступающихъ въ кружку* братскихъ доходовъ, ибо такой порядокъ имѣетъ въ русской Церкви силу Высочайше утвержденнаго закона духовнаго правительства[1]). — Такимъ образомъ лучше сдѣлаетъ пастырь, если въ данномъ случаѣ опять не послѣдуетъ „братскому совѣту".

Точно такъ-же пастырь сдѣлаетъ лучше, если изъ этого „опыта практическаго руководства для пастырей" не будетъ заимствовать отдѣльныхъ *слововыраженій* автора, которыми онъ опредѣляетъ нѣкоторыя психическія состоянія пастыря и его отношенія къ прихожанамъ[2]). Эти слово-

---

[1]) „Практическое руков. для священнослужителей" П. Нечаева, изд. 6, стр. 526—532.

[2]) Такъ, по словамъ о. Недѣльскаго,—„священникъ, совершающій литургію *въ полчаса* и видящій, что дьячекъ не поспѣваетъ за нимъ, кричитъ ему чрезъ врата: *„ты поешь, будто на лирѣ играешь!"* Предстоящіе засмѣются, а онъ ихъ тутъ-же обзоветъ *скотами*. И все это потому, что—по его соображеніямъ—началъ литургію поздно, а тутъ въ головѣ *гвоздемъ сидитъ* поѣздка на ярмарку"... (стр. 22) „Начинайте литургію рано,—совѣтуетъ авторъ своему читателю,—потомучто вы должны совершать ее медленно и съ важностію,— *не съ тою конечно каррикатурною важностію, которая вздираетъ къ верху носъ, ходитъ съ подскокомъ, глядитъ на всѣхъ свысока"*... и т. д. (стр. 21). „Вы совершили проскомидію, а вамъ даютъ знать, что въ притворѣ стоитъ женщина съ ребенкомъ и проситъ совершить обрядъ воцерковленія. Что-же? *Вы зада-*

выраженія „Опыта“ настолько развязны, что даже въ разговорѣ серьезномъ они были бы странны, а въ книгѣ, для которой ожидаютъ серьезнаго читателя, часто выносящаго изъ нея вмѣстѣ съ мыслями и *фразы автора*, употребленіе ихъ совершенно неумѣстно. Между тѣмъ такими словами и фразами очень часто пользуется о. Недѣльскій.

Было бы, однако, несправедливо утверждать, что „Братскій совѣтъ“ совершенно неудобенъ для чтенія и пользованія „новорукоположенному въ сельскій приходъ священнику“. Напротивъ, въ этой книжкѣ молодой пастырь можетъ найти весьма много наставленій весьма цѣнныхъ, исходящихъ изъ глубины горячаго сердца автора. Прежде всего, конечно, подобныя мѣста свидѣтельствуютъ, что самъ авторъ глубоко понимаетъ величіе, важность, трудность и отвѣтственность служенія пастырскаго и самъ лично старается быть добрымъ пастыремъ. Но это его убѣжденіе не остается только въ его сердцѣ и сознаніи, а изливается горячею рѣчью, невольно увлекающею за собой читателя, такъ что молодой священникъ можетъ получить здѣсь много полезныхъ предупрежденій, ободреній, подкрѣпленій и духовныхъ утѣшеній въ своемъ

дите ей распеканцію?“... (стр. 19). „Иной причетникъ, говоритъ авторъ, потерявъ терпѣніе переносить обиды отъ дурнаго священника, *зальетъ себѣ за галстукъ, перебьетъ всѣ окна у настоятеля съ причитываніемъ разныхъ любезностей, да и прощай духовное званіе*“... „Другой будетъ ходить по приходу, жаловаться и плакаться на настоятеля предъ каждымъ встрѣчнымъ, разскажетъ всѣ *закулисности* его служебной и семейной жизни... и вотъ въ приходѣ начинается *говоръ волнъ*, потомъ неуваженіе и вражда къ священнику“... и т. д. (стр. 37). „Мнѣ никогда не приходило въ голову, что *иному ученому мужу вспадетъ на умъ блажная мысль*“... (стр. 65). „А это что?“ изумляется помѣщикъ при входѣ въ комнату священника.—„Ого, гаремная одалистка на пуховикѣ въ *раскиданной позѣ* покуриваетъ душистый *наргиле*.... Ну, если и отцы духовные *тово-съ*,—думаетъ гость,—такъ намъ, свѣтскимъ людямъ, выходитъ—и Богъ велѣлъ“ (стр. 70). „И что это съ иными нашими батюшками дѣлается?... Иной до-того засиживается за картами, что когда причетникъ приходитъ извѣстною молитвою будить его къ заутрени, то онъ отвѣчаетъ: *„аминь, семь пикъ, безъ одной!*“... (стр. 70). „И вотъ съ перваго же дня у него (т. е. у священника на бѣдномъ приходѣ) такъ и проглядываетъ, какъ выражаются прихожане, *волчья думка*, т. е. рѣшительно неотвязная мысль о переходѣ на лучшій приходъ... *И дуетъ онъ прошеніе за прошеніемъ*“... (стр. 33) и т. д.—Можетъ быть, прихожане и выражаются такъ, но въ „Опытѣ практическаго руководства для пастырей“, по нашему мнѣнію, такъ выражаться неудобно.

служеніи на новомъ мѣстѣ. „Собратъ, молодой собратъ, представитель новаго поколѣнія! Задумайтесь надъ этимъ ужаснѣйшимъ явленіемъ: да устрашитъ васъ этотъ явный образъ кары Божіей",—восклицаетъ авторъ послѣ разсказа о томъ, какъ нерадиваго священника сами прихожане вывели изъ церкви и заперли ее (стр. 22—23). Онъ внушаетъ пастырю сохранять чистоту сердца, святость супружескаго союза, миролюбіе къ подчиненнымъ членамъ клира, любовь къ пасомымъ, нестяжательность, самоотверженіе и т. д. Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ направленіи онъ заходитъ такъ далеко, куда открыто не заходилъ до него ни одинъ изъ нашихъ пасторалистовъ.

— „Что-же дѣлать, когда нечѣмъ жить?"—спрашиваютъ его.

— „Что̀ дѣлать?—отвѣчаетъ съ своей стороны вопросомъ о. Недѣльскій, — а что̀ долженъ дѣлать солдатъ, когда непріятель врывается въ окопы? „Умирать, но не отступать!", командуетъ военачальникъ. И штыки скрещиваются и герой падаетъ пронзенный, но не побѣжденный... И мы *воины*, и у насъ есть *брань*, и для насъ не должно быть отступленія. *Взявшись за рало, не озирайся вспять*, возглашаетъ намъ Начальновождь нашего спасенія" (стр. 34).

— „Такъ что-же, вы хотите произвести насъ *въ мученики?"*

— *„Да, въ мученики"!..* заключаетъ авторъ.—

„Святое, высокое служеніе іерея Божія— добровольное мученичество“.

Игумена Тихона. Тамбовъ, 1894 г.

Названіе книжки о. игумена Тихона само говоритъ о характерѣ сочиненія. Именно, оно свидѣтельствуетъ, что взглядъ о. Аѳ. Недѣльскаго на пастырское служеніе, какъ на *мученичество*, не остался одинокимъ въ литературѣ, а нашелъ для себя продолженіе и спеціальное развитіе. Но въ исторіи отечественной пасторологіи значеніе труда о. Тихона, излагающаго этотъ взглядъ, весьма значительно увеличивается еще въ виду того обстоятельства, что онъ составленъ по указаніямъ извѣстнаго высокоученаго подвижника Вышенской обители, въ Бозѣ почившаго святителя Ѳеофана, и подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Самъ авторъ, принося экземпляръ своей книги въ даръ московской академіи, на входномъ листѣ ея пишетъ, что *„въ рукописи она была милостиво просмотрѣна святителемъ—богословомъ, богомольцемъ и уединенникомъ Вышенскимъ, приснопамятнымъ епископомъ Ѳеофаномъ. Трудъ найденъ святителемъ „многонужнымъ и многополезнымъ“ для всѣхъ іереевъ Божіихъ, внимательныхъ къ своему святому и высокому служенію—добровольному мученичеству“* [1]). Проживая въ Вышенской обители на покоѣ, авторъ имѣлъ, хотя и изрѣдка, личныя бесѣды съ преосв. Ѳеофаномъ и въ это время выслушивалъ отъ него нуж-

---

[1]) Библіотека моск. дух. акад., № 18, 472 ($^{83}/_{395}$).

ныя для себя наставленія. Кромѣ того онъ нерѣдко обращался къ святителю-подвижнику за разрѣшеніемъ недоумѣнныхъ вопросовъ и письменно. И владыка немедленно отвѣчалъ ему. Такъ, напр., 9 апрѣля 1893 г., когда о. Тихонъ представилъ преосвященному небольшую часть своего труда для просмотра, послѣдній отвѣтилъ: „Богъ благословитъ! Продолжайте, и да поможетъ вамъ Богъ до конца довести трудъ сей, многонужный и многополезный. Господь, внушившій вамъ сію благую мысль, будетъ вамъ и руководителемъ во время труда... И мнѣ приходило на мысль написать нѣчто въ семъ родѣ... Но мое писательство погасло... Васъ воздвигаетъ Господь сдѣлать сіе дѣло“.—Въ другомъ письмѣ, когда ему была представлена въ цензуру вся книга, владыка писалъ автору: „Милость Божія буди съ вами! Поздравляю съ окончаніемъ труда вашего. *Будетъ полезенъ*. Іереямъ Божіимъ потребно напоминаніе, по причинѣ окружающихъ ихъ житейскихъ заботъ. Даруй, Господи, успѣхъ вашему писанію“.—Наконецъ, когда сочиненіе было уже начато печатаніемъ, преосвященный отозвался о немъ слѣдующими словами: „Очень радъ, что трудъ вашъ одобренъ и будетъ въ ходу. Онъ есть очень сильное напоминаніе іереямъ Божіимъ“ [1]).—Кромѣ этихъ личныхъ и непосредственныхъ сношеній съ преосв. Ѳеофаномъ, авторъ при составленіи своей книги въ широкихъ размѣрахъ пользовался богословскими сочиненіями какъ самого святителя, такъ и святоотеческими, избирая эти послѣднія частію по выдержкамъ ихъ у преосв. Ѳеофана, частію по собственному выбору. Здѣсь, поэтому, читатель весьма часто встрѣчаетъ имена бл. Ѳеодорита, бл. Ѳеофилакта, св. Іоанна Златоуста, бл. Іеронима, Исаака Сирина, св. Амвросія, св. Алексія митроп. московскаго, свят. Тихона Задонскаго, Митрофана Воронежскаго, Серафима Саровскаго, Нила Синайскаго, Икуменія и др., такъ что основной взглядъ на пастырство, какъ на мученичество, высказанный въ данномъ сочиненіи

---

[1]) Подлинники всѣхъ трехъ писемъ хранятся въ Вышенскомъ монастырѣ Выписки изъ нихъ можно читать въ „Богосл. Библіогр. Листкѣ“ при журн. „Руков. для сельск. пастырей“ 1895 г., Іюнь-Іюль, стр. 169—170.

игуменомъ Тихономъ, мы должны считать не только *личнымъ* воззрѣніемъ самого автора, но воззрѣніемъ ближе всего къ нему стоящаго святителя—затворника Ѳеофана, затѣмъ великихъ святителей русской Церкви—Митрофана Воронежскаго и Тихона Задонскаго и другихъ; далѣе—воззрѣніемъ святыхъ и блаженныхъ учителей первенствующей Церкви и, слѣдовательно, воззрѣніемъ евангельскимъ.

Дѣйствительно, изложенный взглядъ на пастырство не есть что-либо новое или неожиданное въ общей исторіи развитія новозавѣтныхъ пасторологическихъ идей. Онъ данъ въ ученіи Самого Пастыреначальника и осуществленъ въ Его собственномъ примѣрѣ. Христосъ Спаситель первый обозначилъ добраго пастыря какъ такого, который *душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. X, 11); и Онъ доказалъ эти слова на дѣлѣ Своими крестными муками и позорною смертію (ср. Іоан. XV, 19—20). Его ученіе приняли святые апостолы и почти всѣ какъ въ своей жизни, такъ и въ кончинѣ послѣдовали примѣру своего Учителя, т. е. были пастырями - мучениками; за ними тѣмъ-же путемъ шли мужи апостольскіе и святые отцы и учители церковные, всегда готовые на муки и смерть за стадо Христово. Завѣты вселенскихъ отцевъ не остались безъ подражанія и въ русской Церкви, гдѣ одни изъ первосвятителей и пастырей нашихъ нерѣдко,—особенно въ печальныя эпохи плѣна русской земли и въ другія несчастныя годины гнѣва Божія на наше отечество,—мученіями запечатлѣвали свою любовь къ пасомымъ; другіе, не имѣя необходимости доказывать такую любовь и вѣру свою очевиднымъ мученичествомъ въ формѣ истязаній, пытокъ и физической смерти, тѣмъ не менѣе явили себя мучениками духовными, ибо, во 1-хъ, изъ богатыхъ сокровищъ духа своего износили потребное „іереямъ Божіимъ напоминаніе“ о томъ, что ихъ служеніе, по примѣру Пастыреначальника, есть добровольно воспріятое на себя мученичество, во 2-хъ, по мѣрѣ силъ подражали этому примѣру въ своей „жизни во Христѣ“. Они, съ одной стороны, указывали, что для спасенія стада пастыри Церкви должны

явить пасомымъ примѣръ собственнаго спасенія, быть для вѣрующихъ „образомъ въ словѣ и въ житіи", спасать ихъ собственною любовію, духомъ, вѣрою, чистотою, смиреніемъ и кротостію, бдѣніемъ, постомъ, молитвою и всѣми добродѣтелями христіанскими. Но такъ какъ эти добродѣтели пріобрѣтаются и сохраняются не безъ тяжкихъ усилій, то, съ другой стороны, они сами, желая быть пастырями добрыми и осуществить въ жизни указанный ими идеалъ, обрекали себя на мучительную борьбу съ врагами своего спасенія и доходили въ этомъ до того, что дѣйствительно, по примѣру Пастыреначальника, распинали плоть свою со страстьми и похотьми ея (Гал. V, 24), чтобы дать „образъ" пасомымъ и тѣмъ спасти ихъ. И православный русскій народъ всегда послушно шелъ на голосъ такихъ пастырей—мучениковъ, вѣрилъ въ нихъ и повиновался имъ, ибо „зналъ гласъ ихъ",—и только Господь Богъ вѣдаетъ, сколь многіе изъ этого народа спасались по примѣру и руководственному указанію сихъ пастырей...

Общій вопросъ о трудности пастырскаго служенія, какъ мы видѣли, входитъ въ системы безъ исключенія всѣхъ пасторалистовъ, стремившихся всесторонне разсмотрѣть христіанское пастырство. Въ системахъ *нашего времени* онъ пріобрѣтаетъ уже болѣе спеціальное развитіе и выдвигается на болѣе видное мѣсто. Такъ, напр., въ „Письмахъ по Православно-Пастырскому Богословію" о. прот. Е. Попова ему посвященъ цѣлый отдѣлъ подъ названіемъ: „аскетическая жизнь священника" [1]); въ пасторологическихъ трудахъ преосвященнаго Антонія (Храповицкаго) аскетическій элементъ занимаетъ точно такъ-же весьма видное мѣсто [2]); затѣмъ, у о. Недѣльскаго для обозначенія этого предмета является и самое слово „мученичество" (стр. 34); наконецъ, о. игуменъ Тихонъ на эту сторону служенія пастырскаго обратилъ свое пре-

---

[1]) По изд. 1874 г., ч. III, стр. 85—136.

[2]) Напр. въ „Письмахъ къ пастырямъ", Москва 1891 г., главы III, IV и V; или въ статьѣ: „Изъ чтеній по Пастырскому Богословію", Казань 1896 г., стр. 17, и др.

имущественное вниманіе и имя ея сдѣлалъ именемъ цѣлой книги, въ которой, въ противоположность ошибочному взгляду на пастырство, какъ на внѣшнюю только общественную дѣятельность, онъ выясняетъ мысль, что пастырское служеніе есть непрерывное духовное подвижничество или мученичество и что его успѣхъ всецѣло зависитъ отъ благодатной жизни во Христѣ самого пастыря.

Книга о. Тихона состоитъ изъ предисловія, девяти главъ и заключенія. Въ предисловіи авторъ свидѣтельствуетъ, что его трудъ является плодомъ продолжительныхъ уединенныхъ размышленій о сущности и смыслѣ пройденнаго имъ лично пастырскаго пути жизни. Онъ вспоминаетъ о томъ, какъ при окончаніи семинарскаго курса ему случилось писать сочиненіе на тему: „священство не ремесло, а добровольное мученичество“, и какъ онъ тогда вмѣстѣ съ своими товарищами рѣшалъ этотъ вопросъ „легкомысленно и малоразумно“, потомучто юнымъ кандидатамъ священства недоставало еще духовнаго опыта. Теперь, въ концѣ жизни своей, онъ понимаетъ, что только усердное изученіе слова Божія и святоотеческихъ твореній о пастырствѣ можетъ создать въ душѣ юноши истинныя основы пастырскаго міровоззрѣнія. Но самъ онъ, съ особенною ясностію представляя себѣ высоту идеальныхъ свойствъ пастыря Церкви, въ тоже время всегда носитъ въ себѣ глубочайшее сознаніе своего недостоинства. Изъ этихъ двухъ элементовъ пастырскаго міровоззрѣнія какъ въ немъ самомъ, такъ и во всякомъ другомъ пастырѣ и слагается пастырское настроеніе мученичества или подвижничества въ общей его формѣ. Съ одной стороны—пастырь знаетъ высоту священства, какъ свой идеалъ; съ другой—сознаетъ свое недостоинство для его осуществленія, „не ожидая оправданія отъ дѣлъ своихъ благихъ“. Отсюда и возникаетъ въ его душѣ непрерывная борьба добрыхъ влеченій съ злыми наклонностями, которая и составляетъ его непрерывное духовное подвижничество. Необходимость и неизбѣжность этой борьбы для истиннаго пастыря Церкви и

намѣревается выяснить авторъ, взявъ въ руки „два зеркала—слово Божіе и творенія св. отцевъ и въ нихъ отыскивая черты іереевъ Божіихъ, вольныхъ мучениковъ ради Бога и ближнихъ“ (по изд. 1894 г. стр. 1—5).

Сказавши, такимъ образомъ, что вообще подвижничество начинается для пастыря еще на школьной скамьѣ и уже потомъ никогда не прекращается, авторъ далѣе развиваетъ свою мысль по частямъ. Такъ, первый подвигъ пастыря, характеризующій, впрочемъ, всю его жизнь, заповѣданъ ему св. апостоломъ Павломъ, который писалъ ефесскимъ христіанамъ: *„молю васъ азъ, юзникъ о Господѣ, достойно ходити званія, въ неже звани бысте, со всякимъ смиренномудріемъ и кротостію, съ долготерпѣніемъ, терпяще другъ другу любовію, тщащеся блюсти единеніе духа въ союзѣ мира“*... (Ефес. IV, 1—3). Такимъ образомъ, самое глубокое смиреніе, самая искренняя кротость, самое незлобивое долготерпѣніе, самая широкая и всепрощающая любовь къ ближнему—вотъ общія и необходимыя качества каждаго христіанина, а тѣмъ болѣе, конечно, христіанскаго пастыря, которыя требуются отъ него самымъ примѣромъ св. апостола, находящагося въ данный моментъ *въ узахъ и скорбяхъ* ради обращающихся ко Христу язычниковъ, ради его духовныхъ дѣтей, ради его пасомыхъ (Ефес. III, 1, 13; IV, 1).—Правда, св. ап. Павелъ желаетъ видѣть указанныя добродѣтели *во всѣхъ христіанахъ,* пастыряхъ и пасомыхъ, но въ пастыряхъ, конечно, *по-преимуществу,* ибо они, чтобы достойно ходить своего высокаго званія, должны подавать собою примѣръ пасомымъ. Такъ и объясняетъ данное мѣсто о. Тихонъ (стр. 5—10).

Дальнѣйшія побужденія къ подвижничеству, относящіяся уже прямо къ пастырямъ, заключаются въ тѣхъ *именахъ,* которыя прилагаются къ *іереямъ Божіимъ* въ священномъ Писаніи. „Какъ наречемъ васъ, іереи Божіи?“—спрашиваетъ авторъ. „Вы—освященные о Христѣ Іисусѣ, званные святые (1 Кор. I, 2), родъ избранный, царское священіе, люди обновленія (1 Петр. II, 9), братія святая, званія небеснаго причастницы“ (Евр. III, 1). „Вы—ангелы церквей, посланники Христовы, благовѣстники, пастыри

и учители, примирители грѣшниковъ съ Богомъ, ловцы человѣковъ грѣшныхъ во спасеніе, Божіи слуги, служители Христа, строители таинъ Божіихъ, своинники и споспѣшники епископу (Филипп. II, 25), добріи раздаятели и строителіе различныя благодати Божіей, домостроители Божіи, пресвитеры, пастыри стада Божія—Церкви Гопода Бога, юже стяжа кровію Своею". „Вы, іереи, *Божіи служители Слова, новаго завѣта, евангелія, Церкви* Божіей, дѣлатели на жатвѣ Божіей, споспѣшники Божіи, проповѣдники правды, пастыри словесныхъ овецъ, стражи дома Божія, воины Христовы, и т. д. Многа ваша имена и больша сихъ дарованія" (стр. 11).—Само собою понятно, что для достойнаго ношенія этихъ именъ нуженъ великій трудъ, тяжкія усилія, нуженъ *именно подвигъ мученическій*. Поэтому и заключаетъ авторъ, что *„по именамъ іереевъ Божіихъ—житіе ихъ должно быть святое"*, разъясняя затѣмъ свое положеніе подробнымъ разсмотрѣніемъ относящихся сюда мѣстъ Св. Писанія (стр. 12—28). Впрочемъ, мало сказать—*святое: житіе іереевъ Божіихъ должно быть равноангельное*. Они по-преимуществу суть *ангелы* земные, *умаленные малымъ чѣмъ отъ ангеловъ* небесныхъ (Евр. II, 7; псал. VIII, 6), подражатели житія *великаго совѣта ангела* (Ис. IX, 6), небесные человѣки, братья Освятителя ихъ—Богочеловѣка, нестыдящагося нарицати ихъ братіею Своею (Евр. II, 11—12). *Яко ангелъ Господа Вседержителя іерей есть* (Малах. II, 7). „Что убо есть священникъ?—Посланникъ или вѣстникъ Божій (ангелъ), истолкователь воли Божіей въ разсужденіи правленія и ученія Церкви" (Толков. на. прор. Малах. Иринея, архіеп. псковск., л. 216).—„Что васъ наречемъ, святіи? Херувимами-ли, яко на васъ почилъ есть Христосъ? Серафимами-ли, яко прославляете Его?" — поетъ св. Церковь. — На херувимахъ, какъ на престолѣхъ, почиваетъ Христосъ, Царь славы; а на іереяхъ не точію почиваетъ, но и пребываетъ въ нихъ: „ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ" (Іоан. VI, 56). Іереи преимущественно предъ всѣми вѣрующими суть *обители* Тріѵпостаснаго Бога (Іоан. XIV, 23), храмы живущаго въ нихъ Духа

Святаго (Рим. VIII, 9—11), церкви Бога жива (2 Кор. VI, 16). „Какая же чистота и святость требуется отъ іерея, касающагося Божественнаго тѣла, и какое дерзновеніе, когда онъ долженъ являться посредникомъ между Богомъ и людьми, имѣя сомолитвенниками себѣ, со Пресвятою Богоматерію, небесныя ангельскія чины и всѣхъ отъ вѣка святыхъ? Мнѣ кажется—ангельскія или архангельскія, ибо по сану слѣдуетъ быть и качествамъ“ (стр. 28—38).

„Ради таковыхъ равноангельныхъ чистоты и святыни, необходимыхъ іерею Божію, житіе его,—говоритъ далѣе авторъ,—преимущественно предъ всѣми вѣрующими должно быть *молитвенное. Истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною, ибо Отецъ таковыхъ ищетъ, покланяющихся Ему. Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Іоан. IV, 23—24). Дѣло св. ангеловъ—молитвенное непрестанное славословіе Тріvпостаснаго Бога на небѣ; и дѣло іереевъ Божіихъ, земныхъ ангеловъ, главнѣе всего должно быть: молитвенное предстояніе Богу предъ Его страшнымъ престоломъ во святыхъ храмахъ, а затѣмъ и во всякое остальное отъ священнодѣйствій время возношеніе Богу молитвъ, моленій, прошеній, славословій и воздыханій сердца неизглаголанныхъ, по мѣрѣ силъ—тѣломъ, а болѣе всего—умомъ, сердцемъ и духомъ—по заповѣди Господа Спасителя: *бдите, яко не вѣсте, въ кій часъ Господь вашъ пріидетъ* (Мѳ. XXIV, 42); *будите готови* (ст. 44 и 46), *бдите и молитеся, да не внидете въ напасть* (XXVI, 41), *блюдите, бдите и молитеся* (Марк. XIII, 33), *всѣмъ глаголю,* а особенно вамъ, іереи Мои: *бдите* (ст. 37), *блажени раби тіи, ихже пришедъ Господь обрящетъ бдящихъ* (Лук. XI, 37),—и кого-же болѣе разумѣетъ здѣсь Господь, какъ не іереевъ, Своихъ молитвенниковъ, которымъ подобаетъ преимущественно предъ всѣми *всегда молитися и не стужати си?“* (стр. 39—64).

Но истинному пастырю мало святости праведниковъ, недостаточно ангельской чистоты и архангельскаго житія,—нѣтъ, онъ долженъ подражать Самому Іисусу Христу.

„*Нищіе духомъ*,—говоритъ о. игуменъ Тихонъ,—*алчущіе и жаждущіе правды* Божіей, *милостивые, чистые сердцемъ* богозрители, сыны Божіи *миротворцы, смиренные и кроткіе* ученики небеснаго Учителя—*кроткаго и смиреннаго*, іереи Божіи, слуги Архіерея Великаго, взявшіе на себя *иго благое* заповѣдей Его и *бремя легкое* служенія во святой Его Церкви (Мѳ. V, 1—9; XI, 28—30), должны и жизнь проводить крестоносную, *христоподражательную*, самоотверженную; ибо къ нимъ, какъ прямымъ послѣдователямъ и ученикамъ Своимъ, изрекъ Господь: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Мрк. VIII, 34); *внидите узкими враты: пространная врата и широкій путь—не ваши;* вы путеводители овецъ Моихъ словесныхъ въ царство небесное; а пространная врата и широкій путь ведутъ въ пагубу. Кто изъ васъ *не пріиметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ*—не тѣснымъ путемъ—*нѣсть Мене достоинъ* (Мѳ. X, 38). *Зане и Христосъ*, Пастыреначальникъ, пострадавъ *по насъ, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его.* Пусть тебя гонятъ, іерей Божіей, ты не гони; пусть тебя распинаютъ, ты не распинай; пусть тебя обижаютъ, ты не обижай; пусть на тебя клевещутъ, ты не клевещи, будь скроменъ и не ревнуй во злѣ. Этимъ путемъ шелъ Самъ Христосъ, а за Нимъ должны слѣдовать и вѣрные ученики Его, между которыми, конечно, іереи Божіи“ (стр. 103—125).— Самъ Господь Спаситель, имѣя въ виду это земное шествіе за Нимъ учениковъ, отличительнымъ признакомъ ихъ поставилъ взаимную между ними любовь. *Заповѣдь новую даю вамъ*,—сказалъ Онъ,—*да любите другъ друга: якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе. О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. XIII, 34—35). И любимѣйшій ученикъ Господа, св. апостолъ Іоаннъ, говоритъ: *аще кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть: ибо не любяй брата, егоже видѣ, Бога, Егоже не видѣ, како можетъ любити? И сію заповѣдь имамы отъ Него, да любяй Бога, любитъ и брата своего* (1 Іоан. IV, 20—21). Тоже говоритъ и святитель Христовъ Тихонъ, и бл. Іеронимъ, и бл.

Августинъ, и св. Златоустъ, и преосв. Ѳеофанъ, и св. Исаакъ Сиринъ; въ этомъ состоитъ и весь законъ и пророки, ибо изъ взаимной любви между вѣрующими проистекаетъ все доброе, тогда какъ вражда и ненависть рождаютъ только зло, губящее міръ (стр. 125—136).

Теперь, внушивъ пастырю эту первѣйшую и всеобъемлющую заповѣдь изъ устъ Самого Христа Спасителя, авторъ излагаетъ предъ нимъ и завѣты апостольскіе о томъ-же служеніи. Поэтому далѣе въ книгѣ слѣдуетъ содержаніе пастырскихъ посланій св. ап. Павла, составленное, по обычаю о. Тихона, изъ толкованій преосвященнаго Ѳеофана (стр. 64 — 103). Наконецъ указывается главнѣйшая обязанность пастырскаго служенія—словесное учительство, основанное на тщательномъ собственномъ изученіи пастыремъ Св. Писанія и святоотеческихъ твореній (стр. 136—142).—

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книжки о. Тихона, съ его распредѣленіемъ частей, съ его увлекательнымъ изложеніемъ, съ его обиліемъ библейскихъ и святоотеческихъ мѣстъ и съ его умѣлой группировкой матеріала[1]). Содержаніе это, какъ уже мы сказали,—не новость для конца XIX-го вѣка: въ сущности, это сборникъ мѣстъ Св. Писанія Ветхаго завѣта, новозавѣтнаго еван-

---

[1]) Впрочемъ, при передачѣ его мы нѣсколько отступаемъ отъ плана автора, ибо намъ представляется совершенно нелогичнымъ помѣщать толкованіе пастырскихъ посланій (стр. 64—103) между отдѣломъ о равноангельномъ и молитвенномъ житіи пастыря—съ одной стороны (стр. 28—64) и о христоподражательномъ житіи его—съ другой (стр. 103—125), какъ это сдѣлалъ авторъ. Намъ кажется, что матеріалъ книжки о. Тихона самъ собою долженъ расположиться по слѣдующему логическому плану: 1) имена іереевъ Божіихъ, 2) свойства ихъ по пастырскимъ посланіямъ, 3) по именамъ и по заповѣди апостольской—житіе ихъ должно быть свято, равноангельно, христоподражательно, любвеобильно, учительно,—какъ это уже и указано было въ литературѣ (См „Богословск. Вѣстн.“ 1895 г., II, стр. 450—458: „Аскетическій принципъ въ Пастырскомъ Богословіи“ Л. Соколова); или такъ: 1) имена іереевъ Божіихъ, 2) по именамъ и житіе ихъ должно быть святое, 3) равноангельное, 4) молитвенное, 5) христоподражательное; 6) заповѣдь Христова о любви, чрезъ которую можно достигнуть этого, 7) заповѣдь апостольская о частнѣйшихъ качествахъ пастыря (пастырскія посланія) и 8) самая дѣятельность пастыря по этимъ заповѣдямъ,—какъ сдѣлали это мы.

гелія, пастырскихъ посланій и святоотеческихъ твореній [1]). Но достоинство сочиненія состоитъ въ томъ, что тексты Св. Писанія представлены въ немъ съ лучшими истолкованіями и въ прекрасной группировкѣ, а изъ мыслей св. отцевъ выбраны преимущественно самыя сильныя и трогательныя. Кромѣ того, здѣсь дается весьма много поучительныхъ примѣровъ, которые производятъ на читателя неотразимое впечатлѣніе и невольно погружаютъ его духъ въ благочестивыя размышленія. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ, точно такъ-же какъ и во всѣхъ приведенныхъ библейскихъ мѣстахъ и святоотеческихъ толкованіяхъ, читатель яснѣе всего созерцаетъ ту неоспоримую истину, что тотъ или иной успѣхъ внѣшняго пастырскаго дѣланія является лишь необходимымъ слѣдствіемъ духовнаго подвига и благодатной жизни самого пастыря. Онъ слышитъ св. Григорія Богослова, который говоритъ пастырю: „нужно прежде самому очиститься, потомъ уже очищать; самому умудриться, потомъ—умудрять; стать свѣтомъ, потомъ—просвѣщать; приблизиться къ Богу, потомъ—приводить къ Нему другихъ; освятиться, потомъ—освящать“ [2]). Онъ, съ одной стороны, видитъ Духа Божія, сходящаго на жертву безкровную, приносимую пастыремъ — мученикомъ [3]); онъ созерцаетъ сонмы небесныхъ силъ, сослужащихъ благоговѣйному іерею предъ алтаремъ Господнимъ [4]); онъ видитъ ангела Господня, сходящаго въ келлію къ подвижнику—іерею, чтобы научить его истинѣ [5]); но, съ другой стороны, онъ дѣлается свидѣтелемъ и того, какъ недостойный іерей, хотя славившійся благочестіемъ и почитаемый за доброчестнаго, на самомъ же дѣлѣ нечестивый и нечистый, внезапно палъ мертвымъ, когда, совершая литургію и преклонивъ голову, началъ читать молитву: „*никтоже достоинъ*“... (стр. 35).—Къ сожалѣнію, кандидаты

[1]) Со включеніемъ сюда сочиненій и о. Іоанна И. Сергіева, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ указанія на стр. 107—110, 119—122 и др.

[2]) „Твор. св. Григ. Бог.“, ч. I, стр. 60.

[3]) Игум. Тихонъ, стр. 27—28.

[4]) Тамъ-же, стр. 30—34; ср. стр. 44—45.

[5]) Тамъ-же, стр. 51.

священства и сами пастыри не всегда помнятъ значеніе сихъ примѣровъ и мало отдаютъ вниманія своей внутренней жизни, полагаясь на однѣ внѣшнія мѣры пастырскаго воздѣйствія. Они надѣются достигнуть добрыхъ результатовъ своей пастырской дѣятельности лишь путемъ внѣшнихъ мѣропріятій, ошибочно полагая, что *своею личною жизнію они могутъ располагать по произволу*. Такое воззрѣніе низводитъ пастырское дѣло въ разрядъ обычныхъ земныхъ служеній и вноситъ въ Церковь лишь одно омірщеніе. Конечно, дальнѣйшій жизненный опытъ проясняетъ духовное око такихъ пастырей. Путемъ лишеній, испытаній и неудачъ они инстинктивно обращаются наконецъ къ своему духовному опыту и находятъ совершенно вѣрное объясненіе своихъ неудачъ и ошибокъ въ недостаткахъ своей воли, своего міровоззрѣнія и своей жизни, а не во внѣшнихъ условіяхъ своей дѣятельности. Но какою дорогою цѣною покупается этотъ жизненный опытъ! Какъ трудно и нерѣдко поздно пріобрѣтается это пастырское пониманіе жизни!—Поэтому, весьма важную услугу кандидатамъ священства оказываетъ тотъ, кто заранѣе убѣждаетъ ихъ считать *личное духовное созиданіе и пастырское служеніе неразрывно - единымъ подвигомъ пастырской жизни*,—кто заблаговременно пріучаетъ ихъ смотрѣть *на священство не какъ на ремесло, а какъ на добровольное и повсежизненное мученичество*, и кто подкрѣпляетъ свои увѣщанія богатствомъ продолжительнаго личнаго духовнаго опыта, какъ это дѣлаетъ о. игуменъ Тихонъ.

Правда, онъ освѣщаетъ не весь объемъ пастырскаго подвига. Изображая идеальную личность пастыря, авторъ почти не выводитъ эту личность изъ ея внутренняго міра и такимъ образомъ освѣщаетъ пастырскій подвигъ лишь съ внутренней, субъективной его стороны, когда пастырь борется съ злыми наклонностями и страстями своей личной природы. Между тѣмъ, въ пастырскомъ подвигѣ есть другая и наиболѣе видная сторона, такъ сказать—объективная, внѣшняя, когда онъ выступаетъ на общественную дѣятельность и долженъ бываетъ бороться со зломъ внѣшняго міра. Здѣсь - то, по изображенію св. отцевъ

и учителей Церкви, пастырь является въ собственномъ смыслѣ *мученикомъ,* когда онъ, полный любви къ Богу и ближнимъ, жертвуетъ своимъ личнымъ благомъ и личными интересами во имя общаго блага—спасенія ближнихъ. „Добрый пастырь, каковъ онъ долженъ быть по заповѣди Христовой,—говоритъ по этому поводу св. Златоустъ, — подвизается не менѣе тысячи мучениковъ. Мученикъ *однажды* умеръ за Христа, а пастырь, если онъ таковъ, какимъ онъ быть долженъ, *тысячекратно* умираетъ за стадо“ [1]).—Однако и въ настоящемъ своемъ видѣ сочиненіе о. Тихона вполнѣ заслуживаетъ названія *„многонужнаго и многополезнаго“* труда, какъ отозвался о немъ преосв. Ѳеофанъ-затворникъ. Точно также авторъ имѣетъ полное право сказать, что „изъ приведенныхъ (въ его сочиненіи) свидѣтельствъ слова Божія и святоотеческихъ можно безъ сомнѣнія каждому, внимательно прочитавшему ихъ, вывести заключеніе, насколько высоко, свято и многотрудно служеніе св. Церкви іерея Божія и насколько онъ, если сердечно *со вниманіемъ себѣ и всему стаду пастырствуетъ,* есть самоотверженный *добръ воинъ Іисусъ Христовъ,* добровольный повсежизненный мученикъ“ (стр. 141—143).

Но вотъ, при сознаніи всей высоты, святости и многотрудности изложеннаго мученическаго подвига, у читателя невольно является вопросъ: *кто къ симъ доволенъ?* (2 Кор. II, 16), — кто изъ облеченныхъ грѣшною плотію людей будетъ въ силахъ понести это бремя, въ которомъ нужно терпѣть не только *свой крестъ,* но указывать путь и помогать въ крестоношеніи другимъ? Гдѣ найти такихъ *дѣлателей непостыдныхъ* предъ Богомъ, могущихъ *право править слово Его истины?*—О. игуменъ Тихонъ самъ предвидѣлъ этотъ вопросъ, которымъ естественно должно сопровождаться чтеніе его книжки,—и потому онъ отвѣчаетъ на него въ заключеніи, хотя и не весьма опредѣленно. „Божественная благодать, немощная врачующая и оскудѣвающая восполняющая,—говоритъ онъ,—совершать

---

[1]) Св. Іоанна Златоуста Толков. на посл. къ Римл., стр. 670; сравн. бесѣды на Дѣян., ч. II, стр. 257.

будетъ свою силу и въ немощи (2 Кор. XII, 9), лишь бы дѣлатель водился *Христовымъ смиренномудріемъ*, которому *Богъ дастъ благодать*" (1 Петр. V, 5). Но этимъ онъ и ограничивается въ данномъ случаѣ. Впрочемъ, въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія авторъ, хотя *между прочимъ и по другимъ побужденіямъ*, отвѣчаетъ на данный вопросъ гораздо прямѣе и обстоятельнѣе. Такъ, напр., требуя, чтобы христіане *со страхомъ и трепетомъ* содѣвали свое спасеніе, онъ приводитъ слова св. І. Златоуста, которыя относятся прямо къ поставленному нами вопросу. „Не бойся, что я сказалъ: *со страхомъ и трепетомъ*. Я сказалъ не для того, чтобы остановить, или чтобы ты почиталъ добродѣтель чѣмъ-то недоступнымъ; но чтобы ты былъ внимателенъ и не разсѣевался. Если будетъ вниманіе и усердіе, то Богъ все сдѣлаетъ" (стр. 19).—Вотъ, далѣе, юные кандидаты священства, которымъ авторъ преимущественно предназначаетъ свою книгу, приходятъ и говорятъ ему: „идеально-высоко это для насъ".—„Нисколько", отвѣчаетъ онъ,—„ибо *любящимъ* искренно *Бога вся поспѣшествуютъ во благое*" (Рим. VIII, 27). И вотъ вамъ живой примѣръ того, какъ нужно заблаговременно готовиться къ вашему подвигу,—это великіе свѣтильники Церкви: Василій Великій и Григорій Богословъ, которые уже въ школѣ, изучая науки, имѣли одно преимущественное упражненіе—добродѣтель, одни усилія—отрѣшиться отъ мірскихъ пристрастій, одно великое дѣло—быть христіанами, и знали только двѣ дороги: въ школу и въ церковь (стр. 58).—Поэтому „приготовляющимъ себя на святое, великое и богоугодное служеніе іерейское благовоспитаннымъ юношамъ особенно заранѣе необходимо потрудиться, понудить себя на умное дѣланіе. Еще въ семинаріи и затѣмъ на должностяхъ псаломщиковъ и учителей церковныхъ школъ, они, *слово Христово* вселяя въ свои души богатно, во всякой премудрости богословскихъ и пастырскихъ наукъ учаще себе самихъ, должны упражнять себя и молитвами—во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснѣхъ духовныхъ..., ибо въ противномъ случаѣ невозможно имъ изъ полусвѣтскихъ юношей вдругъ превратиться въ

богомольцевъ—іеревъ Божіихъ“ (стр. 57).—Вотъ еще ставятъ автору этотъ вопросъ іереи—міряне, какъ называетъ онъ бѣлыхъ священниковъ. И онъ, вмѣсто отвѣта, говоритъ имъ: „были прежде и теперь есть и среди міра и суетъ его жившіе и живущіе рабы Христовы—іереи святые и свѣтоносные молитвенники *именемъ Іисусовымъ*; это—*сѣмя святое*, стояніе міра (Исаіи VI, 13). Пишущій сіи строки (т. е. самъ о. Тихонъ) удостоился видѣть лицемъ къ лицу одного такого старца, молитвенника умнаго, ученика Іисуса, протоіерея арзамасскаго Авраамія Некрасова, жившаго среди большаго города и суетъ его, съ женою и домашностію. У о. Авраамія учились многіе и монахи и монахини. Въ молодыхъ годахъ и онъ былъ ученикомъ и почитателемъ блаженнаго батюшки *Серафима Саровскаго,* великаго молитвенника“ (стр. 55—59).—Но сей уже почилъ о Господѣ... А вотъ и живой еще примѣръ добраго пастыря, живущаго такъ-же среди міра и суетъ его. Это—о. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ. „Въ примѣръ добраго подражанія,—говоритъ о. Тихонъ,—іереямъ — воинамъ Христовымъ можно взять себѣ современнаго подвижника, добраго воина Христова—молитвенника, труженика во благовѣстіи неустаннаго, о. протоіерея Кронштадтскаго Іоанна Сергіева“ (стр. 108).

Но о немъ мы скажемъ нѣсколько подробнѣе и этимъ именемъ заключимъ нашу работу.—

Прот. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ

(Кронштадтскій),

какъ пастырь и учитель о пастырствѣ.

Когда о. Тихонъ указывалъ своимъ читателямъ на примѣръ кронштадтскаго пастыря, то онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ практическую пастырскую дѣятельность о. Іоанна, которая, по его мнѣнію, является достоподражательнымъ идеаломъ для современнаго пастыря и можетъ безусловно убѣждать всякаго, потомучто представляетъ воплощеніе идеала въ живомъ лицѣ. Praecepta docent, exempla trahunt. Онъ указывалъ, что о. Іоаннъ есть, во 1-хъ, достоподражательный пастырь—подвижникъ, пастырь—мученикъ въ сферѣ общественной дѣятельности; во 2-хъ, что онъ есть добрый молитвенникъ, молитва котораго, по просьбамъ чужихъ людей, имѣетъ своимъ объектомъ большею частію внѣшній по отношенію къ пастырю міръ, и въ 3-хъ, что онъ есть неустанный труженикъ во благовѣстіи, т. е. церковномъ учительствѣ [1]). Этимъ обстоятельствомъ о. Тихонъ какъ-будто самъ сознаетъ неполноту и односторонность изображеннаго имъ пастырскаго подвига,—именно, что онъ изобразилъ только внутренній, субъективный моментъ своего предмета и что поэтому нужно было указать общественный подвигъ кронштадтскаго или подобнаго ему пастыря, чтобы составить второй и вмѣстѣ съ тѣмъ заключительный моментъ его. И нужно сказать, что выбранный имъ примѣръ есть наилучшій для нашего времени, потомучто кронштадтскій пастырь живетъ и дѣйствуетъ у насъ предъ глазами, пользуется необычайною популярностью и извѣстенъ не только въ Россіи, но и за границей и даже за океаномъ [2]). „Чудотворна та

---

1) Игум. Тихонъ, стр. 108.

2) Намъ лично не разъ случалось удовлетворять любознательность американскихъ янки относительно *Father John'*а, его семейной обстановки, обще-

икона, которая сильна возбудить вѣру въ свою чудотворность",—выразился однажды глубоко-мудрый первосвятитель россійской Церкви, почившій 93-хъ-лѣтній старецъ митрополитъ Исидоръ. А другой, не менѣе извѣстный іерархъ—высокопреосв. Никаноръ, архіеп. херсонскій, указывая на эти слова старца — митрополита, прибавилъ: „силу этого глубокомысленнаго изреченія можно примѣнить и къ о. Іоанну Кронштадтскому" [1]).

Но мы сдѣлали бы весьма грубую и непростительную ошибку, если бы пастырскій подвигъ о. Іоанна Сергіева ограничивали только этой видимой его стороной, только вторымъ его моментомъ, т. е. подвигомъ общественнымъ. Напротивъ, уже то простое соображеніе, что дымъ не можетъ быть безъ огня, хотя бы и скрытаго, — или что свѣтовые лучи не бываютъ безъ источника свѣта,— должно необходимо привести насъ къ признанію внутренняго подвига, — и тѣмъ болѣе мучительнаго, чѣмъ выше и шире подвигъ общественный. Затѣмъ, когда св. отцы говорятъ, что для очищенія другихъ нужно предварительно самому очиститься, для наученія другихъ — научиться, для просвѣщенія—стать свѣтомъ, для освященія—освятиться и т. д. [2]), то этимъ въ душѣ общественнаго пастыря—подвижника они ясно признаютъ великую нравственную силу, пріобрѣтенную заранѣе продолжительнымъ и тяжелымъ внутреннимъ опытомъ и упражненіемъ. Наконецъ, мы съ необходимостію вынуждаемся признать этотъ внутренній пастырскій подвигъ въ этомъ пастырѣ въ виду многочисленныхъ и весьма обширныхъ его литературныхъ и проповѣдническихъ трудовъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстные прямо свидѣтельствуютъ именно объ этомъ внутреннемъ подвигѣ. Когда мы читаемъ многотомное сочиненіе подъ заглавіемъ: *Моя жизнь во Христѣ*, то не представляемъ, конечно, себѣ эту *жизнь* въ смыслѣ физіологическихъ процессовъ его тѣла, или въ видѣ из-

ственнаго положенія, внѣшности, богатства (для янки обыкновенно это—самый важный вопросъ) и т. д.

[1]) См. брош. „Наставленіе о. Іоанна Сергіева при совершеніи таинства покаянія" С. Охотскаго. СПБ. 1893 г., стр. 5.

[2]) „Св. Григорія Бог. твор.", ч. I, стр. 60.

мѣненій его внѣшней обстановки, но непремѣнно видимъ его *внутреннюю жизнь*, видимъ *исторію его сердца*, видимъ именно *внутренній его пастырскій подвигъ*, борьбу благочестивой души съ злыми наклонностями природы и, наконецъ, побѣду добра надъ зломъ. И самъ авторъ не оставляетъ въ насъ сомнѣнія относительно именно такого пониманія его *Жизни во Христѣ*, ибо это общее заглавіе онъ всегда поясняетъ слѣдующимъ образомъ: „*Моя жизнь во Христѣ, или минуты духовнаго трезвенія и созерцанія, благоговѣйнаго чувства, душевнаго исправленія и покоя въ Богѣ*“.

Итакъ, фактъ внутренняго пастырскаго подвига,—тотъ фактъ, который о. игуменъ Тихонъ изобразилъ въ своей книгѣ какъ добровольное мученичество и который для кронштадтскаго пастыря предшествовалъ всегда подвигу общественному, указанному тѣмъ-же о. Тихономъ (стр. 108),—намъ кажется, установленъ вполнѣ твердо. Поэтому теперь остается изъяснить, въ чемъ-же именно состоялъ этотъ внутренній подвигъ о. Іоанна и въ какомъ отношеніи онъ находится къ его подвигу внѣшнему, т. е. къ его общественной дѣятельности?—Можетъ быть, прежде для отвѣта на этотъ двойной вопросъ предстоялъ трудъ прочтенія и изученія всѣхъ сочиненій о. Іоанна[1]), ибо относящіяся сюда мѣста не были собраны воедино. Теперь этого не требуется, такъ какъ всѣ такія мѣста „для вящшей пользы читающихъ,“—какъ говорилъ А. С. Стурдза,—выдѣлены изъ массы прочаго литературнаго матеріала и изданы особо подъ заглавіемъ: *Мысли и сужденія о высотѣ священническаго сана* (СПБ. 1894 г.). Такимъ образомъ, изучивши внимательно лишь эту книгу и сопоставивъ ея содержаніе съ извѣстною общественною дѣятельностію о. Іоанна, мы безъ труда получимъ слѣдующій отвѣтъ на нашъ вопросъ: *кронштадтскій пастырь подвизается тѣмъ общественнымъ подвигомъ, о которомъ онъ говоритъ, или пишетъ; а говоритъ онъ о томъ подвигѣ*, который предварительно переживаетъ въ своей душѣ и *въ который твердо вѣруетъ; а вѣруетъ онъ такъ, какъ учитъ Св. Писаніе и Св. Преда-*

[1]) Шесть томовъ подъ заглавіемъ „Моя жизнь во Христѣ“, три большихъ тома проповѣдей и много мелкихъ изданій.

ніе церковное. Или обратно: онъ твердо вѣруетъ, что добрый пастырь, по примѣру Пастыреначальника и по ученію св. отцевъ Церкви, долженъ, если потребуется, душу свою положить за стадо[1]), и потому совершаетъ это самопожертвованіе прежде всего въ своей душѣ (внутренній подвигъ); затѣмъ, отдавши душу ближнимъ своимъ, онъ, конечно, не жалѣетъ своего тѣла и такъ-же отдаетъ его общественному служенію (подвигъ общественной дѣятельности): *слово его всегда неразрывно связано съ его дѣломъ.* Пояснимъ это примѣрами.

Прежде всего въ пастырскомъ служеніи о. Іоаннъ видитъ *необычайную его высоту*, а потому и собраніе сужденій своихъ о пастырствѣ онъ называетъ: „Мысли и сужденія *о высотѣ* священническаго сана“. Этимъ онъ отличается отъ игумена Тихона, который въ пастырскомъ служеніи видѣлъ яснѣе всего *трудность* его, совпадающую съ понятіемъ мученичества.—„Чудно хороши молитвы святой Церкви во время богослуженія,—говоритъ о. Іоаннъ,—мудро онѣ составлены; высокою любовію къ Богу и человѣчеству, ко всему человѣчеству, проникнуты онѣ; духъ единенія и взаимнаго общенія дышетъ въ нихъ. Эти молитвы—прекрасный памятникъ единодушія и любви древней Церкви Христовой, единой и нераздѣльной. Самъ Духъ Святый священно научилъ апостоловъ и пастырей Церкви учредить такой прекрасный порядокъ богослуженія, вдохнуть въ оное такой духъ, духъ общей братской любви, духъ мира и духъ святыни. *Но кто этотъ ангелъ, предстоящій престолу Господню?* Ибо ангеламъ свойственно служить непрестанно Господу и предстоять престолу Его. *Это ходатай о людяхъ*, носящій образъ Ходатая Богочеловѣка Іисуса Христа, это одинъ изъ человѣковъ, поставленный на службу Богу, какъ говоритъ ап. Павелъ (Евр. V, 1); *но его служеніе ангельское.*

---

[1]) Іоан. X, 11.—Св. Іоаннъ Златоустъ: „добрый пастырь, каковъ онъ долженъ быть по заповѣди Христовой, подвизается не менѣе тысячи мучениковъ. Мученикъ однажды умеръ за Христа, а пастырь, если онъ таковъ, какимъ онъ долженъ быть, тысячекратно умираетъ за стадо“... См. Толков. на посл. къ Римл., стр. 670; также бесѣды на Дѣян., ч. II, стр. 257.—Ср. Твор. Григ. Бог., ч. I, стр. 60 и др.

Онъ посредникъ между Богомъ и людьми, *близкій другъ Его*—по слову Господа: *вы друзи Мои есте, аще творите, елика Азъ заповѣдаю вамъ* (Іоан. XV, 14); *это какъ-бы богъ для людей* со властію вязать и рѣшить грѣхи человѣковъ, священнодѣйствовать для нихъ животворящія и страшныя тайны, обожаться ими и другихъ обожать чрезъ нихъ; *это второй новозавѣтный Моѵсей,* руководствующій сонмъ Божій по пустынѣ міра сего въ землю обѣтованную; *это Илія новозавѣтный*, питающій братію свою хлѣбомъ небеснымъ во время духовнаго глада грѣховнаго. *Это—священникъ*" [1])!—Вотъ общій взглядъ на пастырей, повторяемый и разъясняемый вездѣ въ сочиненіяхъ о. Іоанна. „Священники, молящіеся на землѣ о людяхъ,—продолжаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—суть знаменіе (образъ) Самого Ходатая Христа Бога".—„Вѣрь, что молитва и одного друга Божія, особенно свято живущаго священника, можетъ творить чудеса въ значительной части природы, какъ молитва пророковъ Моѵсея, Иліи и др." [2]).—„Ты представитель вѣры и Церкви, о іерей, ты — представитель Христа Господа... и дѣло свое долженъ считать выше всѣхъ дѣлъ человѣческихъ. О, какъ досточтимъ санъ священства!" (стр. 12—13).—„Что за высокое лице—священникъ? Онъ—едино со Христомъ Спасителемъ Богомъ (стр. 10). Постоянно у него рѣчь съ Господомъ и постоянно отвѣчаетъ на его рѣчь Господь... Священникъ — ангелъ, не человѣкъ (стр. 17). Онъ славословитъ Бога съ добрыми ангелами, составляя съ ними одинъ соборъ, одну семью Божію (стр. 20). Но, съ другой стороны, какъ представитель добра, онъ принужденъ бороться съ злыми, свирѣпыми ангелами, противовоюющими людямъ Божіимъ и возстающими на нихъ (стр. 6—7, 10—12, 16—17, 20—21, 27—29). Ангельское одѣяніе священника во время службы (риза, фелонь) и внѣ службы (ряса съ широкими рукавами, длинная) должно внушать ему, что онъ..., какъ ангелъ, долженъ всегда возвѣщать волю Божію людямъ, да не

---

[1]) „Полное собраніе сочиненій прот. Іоанна И. Сергіева", т. VI. СПБ. 1894 г., стр. 116—117; сравн. стр. 70, 136—137, 150, 158, 161, 173—177, 184—185.

[2]) „Мысли и сужденія о высотѣ священническаго сана", СПБ. 1894 г., стр. 5.

заблуждаются до конца люди. Предшествіе діакона въ священнослуженіи означаетъ важность священническаго сана, какъ сана Христова и апостольскаго. Христу служили ангелы: священнику служитъ діаконъ [1]). Онъ есть ангелъ, ибо его фелонь изображаетъ нетлѣнное одѣяніе и крылья ангела Божія" [2]).

Но гдѣ найти такого достойнаго іерея, который бы подобно серафиму горѣлъ духомъ, любовію, славословіемъ, благодареніемъ предъ Господомъ [3])? Доступно-ли служеніе сіе человѣку, облеченному плотію, страстному, поврежденному, грѣшному?—Да, по неизреченной милости Божіей, доступно, ибо если Господь благоволилъ избрать на дѣло сіе „буіихъ міра" (1 Кор. I, 27), то никто не долженъ считать себя недостойнымъ, если законно получилъ свое полномочіе.

„Каковъ же долженъ быть ты, священникъ, ты—образъ Пастыря-Христа, образъ Бога-Слова, непрестающій носить во устахъ твоихъ хлѣбъ жизни чрезъ частое причащеніе, преизобильно осѣненный Духомъ Святымъ, поставившимъ тебя *пасти Церковь, юже стяжа кровію Своею Сынъ Божій?"* (стр. 9). А вотъ каковъ: „священникъ, *какъ врачъ душъ,* самъ долженъ быть свободенъ отъ душевныхъ недуговъ, т. е. отъ страстей, чтобы врачевать другихъ; *какъ пастырь,* долженъ самъ быть упасенъ на пажитяхъ злачныхъ, евангельскихъ и святоотеческихъ, чтобы знать, гдѣ пасти словесныхъ овецъ; самъ долженъ быть искусенъ въ борьбѣ съ мысленными волками, чтобы умѣть прогонять ихъ отъ стада Христова; долженъ быть искусенъ и силенъ въ молитвѣ, воздержаніи; не долженъ быть связанъ житейскими похотями и сластями, особенно любостяжаніемъ, славолюбіемъ, гордостію; словомъ — долженъ быть самъ свѣтомъ, чтобы просвѣщать другихъ, солью духовною, чтобы предохранять другихъ отъ растлѣнія страстей (стр. 12). Какъ съ солнцемъ неразлучны свѣтъ и теплота,

---

[1]) „Моя жизнь во Христѣ", т. VI, СПБ. 1894 г., стр. 140.

[2]) Тамъ-же, стр. 136. Но, впрочемъ, то-же одѣяніе священника въ другомъ мѣстѣ называется „бронею праведности" (стр. 150).

[3]) „Мысли и сужденія"..., стр. 29.

такъ съ лицемъ іерея должны быть неразлучны святость, учительность, любовь, милосердіе ко всѣмъ; ибо чей санъ носитъ онъ? — Христовъ! Кого онъ столь часто пріобщается?—Самого Христа Бога, Его тѣла и крови! Потому священникъ долженъ быть тоже въ мірѣ духовномъ, въ кругу своей паствы, что солнце въ природѣ: онъ долженъ быть свѣтомъ для всѣхъ, живительною теплотою, душею всѣхъ. Въ противномъ случаѣ ему всякій больной духовно можетъ сказать: *врачу, исцѣлися самъ* напередъ, а потомъ я дамъ тебѣ лѣчить себя. Или скажетъ: *лицемѣре, изми первѣе бервно изъ очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучецъ изъ очесе моего*" (стр. 12). „Ты, іерей, долженъ быть образцомъ кротости, чистоты, мужества, твердости, терпѣнія, возвышеннаго духа (стр. 13). Все житейское ты долженъ оставить далеко за собой (стр. 17) и жить по-ангельски (стр. 20), быть святымъ, кроткимъ, чистымъ, смиреннымъ, милосердымъ, воздержнымъ, трудолюбивымъ, терпѣливымъ (стр. 5). Со священника, если онъ не научился кротости, смиренію и незлобію и не научился побѣждать благимъ злое, взыщется строже, чѣмъ съ мірянина: ибо священникъ вознесенъ до небесъ Божіими тайнами и получилъ великія силы къ благочестію. Если же неблагочестно поступаетъ, то онъ самъ себя обрекаетъ на вѣчный огонь своею нераскаянностію, неосмотрительностію и неисправимостью (стр. 7). Ибо, съ другой стороны, ужели ты думаешь, что твое чревоугодіе, твое любостяжаніе не отзывается на паствѣ твоей? Или какое радѣніе о душахъ у того, кто радѣетъ о рубляхъ?—Никакого! Да, если свѣтъ въ пастырѣ помрачается, то онъ необходимо помрачается и въ паствѣ: по тѣсной духовной связи его съ нею, какъ главы съ членами. Крѣпко ты стоишь въ душевныхъ доблестяхъ — и они тверды; стоишь на молитвѣ и усердно молишься за нихъ—и они это чувствуютъ; укрѣпляешься духовно ты—укрѣпляются и они; разслабѣваешь ты—разслабѣваютъ и они" (стр. 42).

Такимъ образомъ, сознаніе высоты служенія пастырскаго не остается въ душѣ автора одинокимъ, а тотчасъже переходитъ въ сознаніе *трудности* ходить достойно

этого званія, величайшей отвѣтственности за нерадѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *необходимости* сего подвига [1]). Обратимся теперь къ слышавшимъ и видѣвшимъ, чтобы убѣдиться, какъ это сознаніе осуществлялось и осуществляется кронштадтскимъ пастыремъ въ дѣйствительности [2]). Начало подвига внутренняго было положено болѣе 40 лѣтъ тому назадъ, когда о. Іоаннъ еще въ самое первое время своей супружеской жизни отказался отъ этой жизни и съ тѣхъ поръ живетъ съ женою, какъ съ сестрой. Съ тѣхъ поръ молодая жена превратилась въ сестру милосердія, помогавшую своему „глаголемому супругу“ въ его подвигѣ. Дѣтей у нихъ нѣтъ и никогда не было. Какъ бы въ объясненіе этого перваго великаго подвига, о. Іоаннъ пишетъ: „о, какъ долженъ священникъ удаляться отъ плотскихъ наслажденій, да не сдѣлается плотію, въ которой не пребываетъ Духъ Божій! До плотскихъ ли наслажденій священнику, когда ему надобно неотмѣнно наслаждаться единымъ Господомъ, да дастъ Онъ ему прошенія сердца его! До плотскихъ ли наслажденій, когда у него такъ много духовныхъ чадъ, предъявляющихъ ему свои многоразличныя духовныя или тѣлесныя немощи, когда ему каждый день предстоитъ подвигъ отъ всего сердца и со слезами молиться объ нихъ предъ Владыкою, да не набѣжитъ на нихъ и

[1]) Особенно ясно выражено ученіе о трудности пастырскаго служенія въ проповѣдяхъ о. Іоанна на день св. ап. Андрея Первозваннаго (см. напр. „Полное собраніе соч.“, изд. СПБ. 1892, т. 3, стр. 43—54).

[2]) Считаемъ долгомъ предупредить читателя, что нижеслѣдующія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности о. Іоанна Сергіева берутся нами какъ изъ собственныхъ его сочиненій,—преимущественно изъ „Моя жизнь во Христѣ“,—такъ и изъ другихъ источниковъ: журналовъ, Епарх. Вѣдомостей, отдѣльныхъ изданій въ родѣ: „Наставленіе о. Іоанна Сергіева при совершеніи таинства покаянія“ С. Охотскаго (СПБ. 1893), популярныхъ біографическихъ брошюръ: *Дѣтство о. Іоанна Ильича Сергіева Кронштадтскаго, Пастырство о. Іоанна, Проповѣдничество о. Іоанна, День о. Іоанна....* (изд. Москва 1892 г.) Н. Н. Животова, „Очеркъ жизни и дѣятельности прот. Іоанна И. Сергіева“ соч. А. А. Зыбина, изъ журналовъ: „Кормчій“, „Русскій Паломникъ“, „Странникъ“ (О. Іоаннъ Кронштадтскій и старецъ Зосима: 1890 г., № 10, стр. 347 — 350; „Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій: тридцатилѣтіе его служенія и характерныя черты изъ его пастырской жизни и дѣятельности“: 1890 г., т. 3, стр. 701—714) и др.—Выбирая изъ этихъ источниковъ часто по нѣсколько словъ, по одной мысли или факту, мы не всегда приводимъ точныя цитаты, чтобы не испестрить ими наши страницы и не затруднить читателя. Наше право въ томъ, что мы пишемъ не біографію.

не расхититъ ихъ мысленный волкъ! До наслажденій ли плотскихъ священнику, когда ему надо часто совершать службы въ храмѣ и предстоять престолу Господню, когда ему такъ часто надо совершать божественную, пречудную литургію и быть совершителемъ и причастникомъ небесныхъ, безсмертныхъ и животворящихъ Таинъ, когда ему вообще такъ часто приходится совершать другія таинства и молитвословія! Сердце, любящее плотскія удовольствія, невѣрно Господу. Не можете Богу работати и мамонѣ“ (стр. 22—23).—Рѣшившись на такой подвигъ, который, по понятію мірскаго человѣка, долженъ былъ быть особенно тяжелъ для молодаго священника и его молодой жены,— о. Іоаннъ, конечно, уже не задумался отказаться отъ всего прочаго изъ благъ мірскихъ, что̀ нѣжитъ нашу плоть и доставляетъ намъ удовольствіе, какъ напр. комфортъ квартирной обстановки, изысканный столъ, шелкъ и бархатъ въ одеждѣ, продолжительный и спокойный сонъ, выѣзды и пріемы и т. д. „Что тебя отвращаетъ отъ исполненія заповѣдей Христовыхъ?“ — спрашиваетъ онъ христіанина.—„Плоть и міръ, пріятная пища и питье, которыя человѣкъ любитъ, коими услаждается мысленно и на дѣлѣ, пристрастіе къ изысканной одеждѣ и украшеніямъ, или отличіямъ наградъ. Если одежда или украшеніе сдѣланы изъ очень хорошей, цвѣтной, нѣжной матеріи, то является забота и жалость, какъ-бы не замарать, не запятнать, не задымить, не запылить, не замочить; а забота о томъ, какъ бы угодить Богу мыслями, словами, дѣлами — исчезаетъ, и сердце, такъ сказать, живетъ одеждой и украшеніемъ и бываетъ все приковано къ ней, о Богѣ же нерадитъ и къ Нему не прилѣпляется; если онъ—священникъ, то нерадитъ о молитвѣ за народъ и дѣлается не душелюбцемъ, а сребролюбцемъ и честолюбцемъ, ища не людей, а людскаго, т. е. ихъ денегъ, пищи, питья, ихъ ласки, добраго мнѣнія и отзывовъ, и льстя имъ. Итакъ, воюй противъ всякой прелести мірской, противъ прелести вещества, отвращающей тебя отъ исполненія заповѣдей Христовыхъ (стр. 24—25)! Презирай все земное, будь безпристрастенъ ко всѣмъ благамъ и наслаж-

деніямъ міра сего прелестнаго, тлѣннаго и скоропреходящаго: къ пищѣ, питью, разнымъ сладостямъ, къ деньгамъ, къ одеждамъ и разнымъ украшеніямъ или отличіямъ, къ удобству временнаго жилища“ (стр. 26). „Священникъ отнюдь не долженъ жить въ нѣгѣ и особенно лелѣять себя сномъ и пріятными кушаньями и питіями. Распять, непремѣнно распять (онъ долженъ) чрево свое“ (стр. 37)! — И дѣйствительно, жилищемъ для чтимаго цѣлой Россіей пастыря служитъ небольшой сѣрый домикъ, скрытый отъ глазъ прохожихъ довольно высокимъ заборомъ и густою растительностію, на приморской окраинѣ Кронштадта. Домикъ раздѣленъ на двѣ половины и въ меньшей части, состоящей всего изъ трехъ низенькихъ комнатъ, живетъ о. Іоаннъ. Обстановка его квартиры чиста, уютна, но скромна, даже почти бѣдна: кровать съ жесткимъ матрацомъ, простой столъ, нѣсколько стульевъ, два-три шкафа—вотъ вся ея меблировка, тогда какъ ея обитатель ежегодно раздаетъ сотни тысячъ рублей въ пособіе бѣднякамъ, на благотворительныя предпріятія, на церкви, на школы и т. д. Такова-же его пища и одежда.

Но, не заботясь созидать и украшать жилище для своего собственнаго тѣлеснаго обитанія, о. Іоаннъ тѣмъ болѣе имѣетъ возможность созидать и благоукрашать свою внутреннюю храмину, свое сердце, чтобы уготовать въ немъ обитель для Самого Господа. Зная, что для этого необходимо тщательное самообразованіе, о. Іоаннъ, въ дополненіе къ полученному уже имъ образованію академическому, съ первыхъ же дней своего служенія Церкви началъ самостоятельно изучать Св. Писаніе, святоотеческія творенія, науку о богослуженіи, нравоученіе христіанское и т. д. Послѣ этого онъ могъ уже износить изъ сокровищницы своего ума и сердца богатую духовную пищу и своимъ пасомымъ, и слушателямъ, и читателямъ. Пасомые всегда получаютъ его пастырскія наставленія въ частныхъ бесѣдахъ съ своимъ „батюшкой“; слушатели почти ежедневно то тутъ, то тамъ назидаются проповѣдями о. Іоанна; читатели давно уже получили возможность имѣть въ печати и его пропо-

вѣди, и изложеніе сокровенной исторіи его души, и частныя поученія, и истолкованія православнаго богослуженія, и т. д. Но, что̀ всего важнѣе въ данномъ случаѣ, пастырскіе уроки о. Іоанна не остаются только словеснымъ ученіемъ, основаннымъ на діалектическихъ аргументахъ и логическихъ выкладкахъ; они не останавливаются, затѣмъ, на доказательствахъ изъ Св. Писанія; наконецъ, они не ограничиваются примѣрами историческими или библейскими, но удостовѣряются живымъ воплощеніемъ ихъ въ собственномъ примѣрѣ учителя, въ его міровоззрѣніи, въ его жизни, въ его дѣятельности. Учитъ-ли, напр., о. Іоаннъ вѣрѣ въ Бога, — онъ самъ тверже всѣхъ, живѣе всѣхъ, яснѣе всѣхъ вѣруетъ и въ Бога и въ святыхъ Его и въ загробную жизнь и т. д. Но пастырь, далѣе, учитъ, что *вѣра безъ дѣлъ мертва есть* (Іак. II, 14—17, 26) и что если приэтомъ нѣтъ любви христіанской, то вѣра эта — ничто: „аще вѣру кто мнится имѣти, яко и горы преставляти, любве-же не имать, ничтоже есть“ (ср. 1 Іоан. III, 14—17; IV, 20—21). И потому его вѣра оживаетъ въ дѣлахъ, воплощается въ дѣятельности, обнаруживается въ любви къ ближнимъ. Руководясь этою любовію, онъ не даетъ себѣ ни отдыха, ни покоя, принимая на исповѣдь безчисленное множество своихъ духовныхъ дѣтей, бесѣдуя съ многочисленными посѣтителями, преподавая благословеніе на улицѣ и въ церкви цѣлымъ толпамъ богомольцевъ, устрояя „Домъ Трудолюбія“, посѣщая больныхъ у себя и въ другихъ городахъ, и т. д.

Научая своихъ пасомыхъ молиться, онъ самъ всегда подаетъ примѣръ какъ глубокой, такъ и частой и продолжительной молитвы. Ежедневно рано утромъ онъ молится у себя дома не менѣе получаса,—и его молитва бываетъ такъ глубока, что если бы въ это время раздался крикъ: „пожаръ!“, то, по всей вѣроятности, онъ не обратилъ бы на него вниманія, потомучто онъ весь ушелъ въ молитву, перенесся въ другой міръ, забылъ о всемъ земномъ. Ежедневно же онъ пріобщается св. Таинъ, самъ совершая литургію или присутствуя въ алтарѣ, когда совершаетъ ее другой. Послѣ литургіи у него всегда нѣсколько

молебновъ въ церкви, въ странопріимныхъ домахъ, въ частныхъ квартирахъ и т. д. Вездѣ и всегда на устахъ его молитва, о которой просятъ его со всѣхъ концевъ Россіи больные, умирающіе, бѣдные, обиженные, грѣшники и т. д. За всѣхъ онъ молится, какъ за родныхъ дѣтей, и высоко цѣнитъ молитву пастырскую. „Вѣрь,—говоритъ самъ онъ, — что молитва и одного друга Божія, особенно свято живущаго священника, можетъ творить чудеса... Живи-же особенно богоугодно ты, іерей Божій... и твоя молитва всегда проникнетъ въ небеса и будетъ услышана и исполнена“ [1]). И дѣйствительно, молитва о. Іоанна, кажется, всегда бываетъ услышана и исполнена на небесахъ, *ибо она творитъ чудеса* [2])...

Особенно горячо проповѣдуя милосердіе къ ближнимъ, научая подавать милостыню бѣднякамъ, благотворить нуждающимся, помогать каждому доброму дѣлу, кронштадтскій пастырь самъ первый отказывается отъ всякихъ стяжаній. Онъ раздаетъ бѣднымъ все свое жалованье, даже свои вещи; на присылаемыя ему за его молитвы изъ разныхъ мѣстъ деньги онъ строитъ въ Кронштадтѣ „Домъ Трудолюбія“, въ бѣдномъ приходѣ у себя на родинѣ (с. Суры Арх. губ.) созидаетъ великолѣпный храмъ, или разсылаетъ эти деньги снова во всѣ концы Россіи, лишь только услышитъ гдѣ нужду, узнаетъ о добромъ предпріятіи, о благотворительномъ братствѣ, о филантропическомъ обществѣ, о бѣдной школѣ, убогой церкви, народной библіотекѣ и т. д. Само собой разумѣется, что онъ никогда ничего не спрашиваетъ за труды свои, хотя и не отказывается отъ вознагражденія. „Туне пріялъ, туне будь готовъ и давать“, говоритъ онъ. „Вознагражденіе же за труды предоставь произволенію принимающихъ таинство“... (стр. 15).

Такимъ образомъ, мы видимъ въ кронштадтскомъ пастырѣ не только служителя алтаря, но и учителя, проповѣдника, благотворителя, молитвенника, утѣшителя скорбящихъ, помощника слабыхъ и т. д. Онъ ни на чемъ не останавливается, никогда не скажетъ: „это не мое дѣло“, или:

---

[1]) „Мысли и сужденія о высотѣ священническаго сана“, стр. 5.

[2]) Напр. „Моя жизнь во Христѣ“, Москва 1892 г., т. II, стр. 63—64, 66.

„Богъ подастъ!“ Имѣя десятки тысячъ годоваго дохода, онъ не имѣетъ лишняго рубля на-завтра; все, полученное одной рукой, онъ сейчасъ же раздаетъ другой. Всѣ заботы, все время, труды и силы онъ отдаетъ своимъ дѣтямъ духовнымъ. „Я живу не для себя, а для другихъ“,— говоритъ онъ обыкновенно. Но, удивительно,—чѣмъ больше онъ работаетъ и изнуряетъ себя, тѣмъ болѣе является у него силъ и крѣпости; чѣмъ больше онъ раздаетъ, тѣмъ больше получаетъ.—„Доселѣ я не оскудѣвалъ ни въ чемъ, милуя другихъ,—говоритъ онъ самъ о себѣ,—не оскудѣю и до конца, ибо *Господь тойже вчера и днесь* (Евр. XIII, 8). Не напрасно сказано: *рука дающаго не оскудѣетъ*. Доселѣ Господь приращалъ мнѣ блага временныя, а не отнималъ ихъ“ [1]). Съ другой стороны, нисколько не удивительно, а вполнѣ понятно, что чѣмъ болѣе онъ любитъ ближнихъ своихъ, тѣмъ болѣе и они любятъ его; чѣмъ больше онъ забываетъ себя для нихъ, тѣмъ больше они узнаютъ и помнятъ его. Поэтому, когда онъ учитъ словесныхъ овецъ своихъ, то онѣ слушаются его, ибо *знаютъ гласъ его;* когда онъ *глашаетъ ихъ*, то онѣ откликаются на зовъ его; когда онъ *предъ ними ходитъ* по пути добродѣтели, и овцы *за нимъ идутъ* по пути покаянія, молитвы, жертвы, исправленія,—идутъ тысячами, милліонами...

— *„Васъ любитъ народъ“*,—сказалъ умирающій Государь Императоръ Александръ III доброму пастырю, который молитвенно осѣнялъ своими руками Его главу,—*„Васъ любитъ народъ!“*.

— И пастырь, сознавая всю важность своего сана и святость служенія, безъ смущенія и убѣжденно отвѣтилъ: *„да, Ваше Величество, Вашъ народъ любитъ меня!“*

— *„Да*,—заключилъ Государь,—*потомучто онъ знаетъ, кто̀ Вы и что̀ Вы“* [2]).

---

[1]) „Полное собраніе сочиненій прот. І. И. Сергіева“, СПБ. 1892 г., т. V, стр. 14.

[2]) „Руков. для сельск. пастырей“ 1895 г., I, стр. 135.

BV
4010
.I6

INNOKENTII BP. OF
TUKESTAN

1/13/93

INU
1687734

11 588 295

INNOKENTII, BP. OF TURKESTAN

BV
4010
.I6

Pastirskoe Bogoslovie v Rossii
za XIX vyek.